АЛЕКСЕЙ
ДОРОНИН
В ШАГЕ ОТ
ВЕЧНОСТИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Продолжение романа "В двух шагах от вечности".

Повелители мира, называющие себя "Мировым советом", наносят ответный удар, и уже не только Мексика, а весь мир охвачен гражданской войной, в которой множество фронтов и лишь отдельные очаги спокойствия.

Всемирная революция тонет в крови: оружие XX века против сетецентричных армий будущего, живые солдаты против самообучающихся и реплицирующих себя роев дронов… Гибридная война уже не государств, а надгосударственных структур и корпораций на суше, в городах и в космосе. Террористы, хакеры, экстремисты всех мастей, радикалы и реакционеры, наемники и фанатики, а также обычные представители планктона, которые многие годы были вынуждены воевать только в виртуале, вышли на тропу долгожданной реальной войны. Последней войны за то, каким будет облик нового мира. Или первой войны совсем нового типа.

И все, по разные стороны баррикад, пытаются выжить в этом водовороте, отложив личные планы на потом. На будущее. Но каким оно будет, это будущее?

Примечания автора:

Книга закончена в январе 2020 г. Это не чистовик, но и не сырой черновик. Но поскольку ближайшие год-два я буду полностью занят серией "Черный день", решил выложить эту книгу "как есть". Тем более, что есть интерес у некоторых читателей узнать, что там дальше. И окончание серии обязательно будет. Правда, не знаю, когда.

- Доронин Алексей Алексеевич
  - Эпиграф
  - Экспозиция. Китайская комната
  - Часть 1. Молот Пророка
  - Часть 2. Ржавые земли
  - Часть 3. Небесная стража
  - Часть 4. Свободный город
  - Часть 5. У бездны есть дно
  - Часть 6. Вторая попытка
  - Часть 7. Туман Вавилондона
  - Часть 8. День мертвых
  - Часть 9. Вендиго

Доронин Алексей Алексеевич
В шаге от вечности

Эпиграф

«Самурай придерживался воззрения, что то, что серьезно для обыкновенного человека, для доблестного — лишь игра».

Йохан Хейзинга. Homo Ludens

Экспозиция. Китайская комната

За пеленой дождя угадывались поросшие вековыми соснами холмы. Они были далеко внизу. Объект находился на вершине горы, поднимавшейся над холмистым девственным пейзажем.

«Феникс» уже выполнил вертикальный взлет, трансформировался в крейсерскую форму и набирал высоту. Бронированный транспортник отсюда казался игрушечной моделькой, но национальные опознавательные знаки были еще видны, как красные точки.

А на земле в тон им перед главным корпусом лаборатории подрагивал на флагштоке красный флаг с россыпью звезд.

Флага ООН рядом не было. Зато было полотнище из натурального шелка с эмблемой «Фаньчжун-системз» — горой бессмертных Фаньчжун на панцире гигантской черепахи Ао, держащей на себе мир.

«Чудовищная пошлятина, за которую мы заплатили пятьдесят миллионов глобо», — говорил об эмблеме основатель компании. Но теперь этот фирменный знак был известен во всем мире, как и его упрощенная версия, логотип, в котором гора превратилась в латинскую букву “F”. Раньше на эмблеме были еще мудрый змей цилинь и дракон лун, но их убрали при ребрендинге.

Такая же эмблема с горой и черепахой красовалась на хвостовой части могучего судна, взмывавшего в небеса. Хоть это и был гражданский транспортник, от боевых моделей он отличался только тем, что с него была снята часть вооружения. При необходимости то можно было всегда навесить обратно.

В мире была всего одна крупная страна, сохранившая армию в полном объеме.

«Феникс» был способен перевезти взвод солдат с боевой техникой. Но на вертолетной площадке, посадочные огни которой уже погасли, остался всего один человек. Высокий, в плаще с капюшоном.

Он стоял, как изваяние, а к нему семенящей походкой шел другой — молодой и низкорослый.

— Здравствуйте, господин Бао, — приветствовал старшего младший, поправляя очки.

Это был мужчина, которому раньше дали бы на вид лет тридцать, с копной растрепанных волос и полноватым лицом подростка, контрастирующим с тщедушным телом. Сейчас так можно было выглядеть и в сорок, если следить за собой.

Взгляд у него был напряженный, бегающий, но совсем не загнанный. Наоборот, он смотрел с вызовом. На нем была

форменная синяя куртка и брюки с эмблемой комплекса «Волшебная гора».

— «Товарищ Бао», — поправил его старший, человек в плаще, выделяя фразу интонацией. — Я вернулся на государственную службу. И я тут как должностное лицо. Мне поручили контроль протоколов безопасности.

Через долгих пару секунд добавил:

— Здравствуй, сяо-Вэй.

Он сказал это вроде бы дружелюбно, но по тону было ясно, что речь идет не о заботе и расположении. «Маленький Вэй, малыш Вэй» — звучало почти уничижительно от того, кто дружеских чувств к нему не питал.

И это не ускользнуло от младшего. Тот надулся, губы его искривились в усмешке, но он сдержался.

— Как она? — сухо спросил Вэй Ли. Никакого подобострастия и покорности в его взгляде не было.

Знали они друг друга давно, поэтому могли отбросить формы вежливости.

Старший не ответил. Старшим он был по возрасту, а статус у них был почти равный. У него было худое костистое лицо, а наброшенный капюшон и длиннополый плащ придавал ему сходство с монахом. Впрочем, он откинул капюшон, поскольку этого требовали правила минимальной вежливости, показав блестящую лысину. На вид ему было лет пятьдесят, но это нельзя было сказать наверняка. В его движениях и походке угадывалась военная выправка. Капюшон не был нужен: несколько дождевых капель, вздумавших упасть с почти чистого ночного неба, наткнулись на невидимую преграду в нескольких метрах над их головами и просто испарились. Меры безопасности тоже были невидимы. Но это не делало их менее эффективными. Ни живое существо, ни искусственный аппарат не смогли бы приблизиться к вершине горы.

Светили звезды. Осени в горах Куньлунь провинции Цинхай почти всегда холодны, и на такой высоте над уровнем моря скоро должен лечь снег.

Раньше тут была радиолокационная станция, но ее демонтировали лет двадцать назад — не потому, что в «Едином мире» она была не нужна, просто ныне с ее задачами справлялись устройства в тысячу раз меньше и дешевле.

Поверхностная часть комплекса была состояла из нескольких железобетонных зданий в два этажа и десятка одноэтажных модульных сооружений. Чуть поодаль стояли гаражи, ангар и наземная часть хранилища жидкого топлива. Оборудование требовало много энергии, и необходимо было подстраховаться на

случай прекращения ее подачи. Энергия поступала не по лучу, а по проложенному глубоко под землей кабелю. Никто не стал бы демаскировать это место, посылая сюда энергию с орбитального «Гелиоса» или передающей станции Единой Энергосистемы Китая.

Все вместе это походило на воинскую часть Корпуса мира или национальных вооруженных сил Китая. Но основная часть находилась под землей, и уходила так глубоко, что нижние уровни лежали ниже, чем окружающая плоскогорье долина.

За человеком, который сошел с вертолета, как верная собака следовала самодвижущаяся больничная каталка на гибкой «подошве», которой даже сложный ландшафт был нипочем. Аппарат жизнеобеспечения прятался в ее основании. Под полупрозрачным стеклом угадывались очертания силуэта, который был слишком мал, чтоб принадлежать взрослому.

— И вам не жалко? — вместо ответа наконец спросил человек в плаще.

— Нет, конечно, — тряхнул головой младший. — Это же для нашего общего дела. Мы не какие-то западники. Мы трудимся для Партии, которая есть настоящий авангард человечества. В отличие от жалких ревизионистов, присвоивших наше название.

Нельзя было сказать, издевается он или серьезен. Если бы подобное говорил человек запада — это был бы сарказм. Если бы говорил китаец западному дикарю — это была бы изощренная ложь с целью запутать и добиться своих целей. Но если это говорит китаец китайцу, то каждое слово означает именно то, что оно называет… и места уверткам и экивокам нет.

Однако тут случай был сложнее. Это говорил китаец, стажировавшийся в Кремниевой долине, закончивший постдокторантуру в MIT и половину жизни проживший в Северной Америке, да еще и с четырнадцати лет работающий с нестандартными вычислительными системами — и тут даже психолингвист не смог бы распутать всей паутины прагматики высказывания.

Похоже, почти физическая боль от скрипа мозговых шестеренок отразилась на лице старшего, который был человек старой закалки. Он молчал, буравя молодого взглядом. Явно хотел придушить проклятого вундеркинда по фамилии Вэй (в китайском фамилия ставится перед именем, но глупые западники часто путают). Но не мог. А тот продолжал говорить.

— Мы делаем это для нашего великого народа, — Вэй Ли подбоченился и выпятил подбородок, — Нет, для всего прогрессивного человечества, которое ведем за собой в будущее. Наша цель не в том, чтоб выросли котировки акций, а в том,

чтобы нести свет разума в мир.

На такое многословие старший ответит кратко:

— Прекрати балаган, малыш. Я хотел сказать… сяо-Вэй, тебе не жалко топлива? Чтобы везти ее сюда.

Глаза немолодого смотрели насмешливо.

Это было еще хуже, чем прямое оскорбление. Лучше бы он назвал его болтуном и выскочкой. На секунду в глазах младшего загорелась истерическая злоба, говорившая о том, что он совсем не так безобиден. Но он опять сдержался. Видимо, понимал, что даже у его протекции есть границы.

— Это был попутный борт, ляо-Бао, — назвал гостя «стариной» Вэй с таким же сарказмом, без дружелюбия, — Вы все равно летели в Западный центр с оборудованием.

— Да. Но нам пришлось отклониться от курса. И это последний раз. Остальные образцы ты будешь возить в личном коптер-каре! Каждая боевая машина на счету. Армия приведена в боевую готовность.

— Армия? Они больше не прячутся за эвфемизмом «Национальные силы безопасности»? Мировой совет сел в лужу? Все валится у них из рук? — скороговоркой спросил ученый. — Будем помогать им? Нам мало половины, хотим контрольный пакет? А не боитесь откусить больше, чем сможете проглотить? Это все-таки не утка по-пекински.

Лицо старшего вспыхнуло, кулаки его сжались.

— Не твоего ума дело! Даже не моего. Я разговариваю с тобой терпеливо потому, что твой отец был великим человеком. А ты…

Он наверно хотел сказать: «щенок, сопляк…», но сдержался. Процедил уже тише, сквозь зубы:

— Главное. То, за чем я здесь. Эксперименты с живым материалом пора прекращать.

— Может, пойдем внутрь? — с тревогой перебил его ученый.

— Мы надежно прикрыты. А я тороплюсь. Повторю для слабослышащих. Хватить мучить зверюшек.

— Почему? — он опять теребил очки, хотя зрение у него явно было нормальным или выше. — Они ничего не стоят.

— Это бесполезная жестокость. А жестокость не должна быть бесполезной. Я не знаю, что вы с ними делаете… но не понимаю, почему Совет директоров это поощряет.

— То, что мы там делаем не вашего ума дело… товарищ Бао, — неожиданно резко ответил руководитель научного проекта. — У вас нет допуска внутрь. Отдайте образец и направляйтесь в казарму охраны периметра. Я вам приказать не могу, но мне только что переслали распоряжение заместителя

министра внутренних дел товарища Джана. Касательно вас. Он приказывает вам поступить в распоряжение господина регионального директора Юаня. А последний уже связался со мной и объяснил мне круг ваших обязанностей. Контроль за внутренней безопасностью в них не входит! Только внешней. Официальных полномочий требовать остановки проекта у вас тем более нет. Это самоуправство.

Ученый смотрел на офицера дерзко, как вряд ли мог бы смотреть младший на старшего в конфуцианском мире. Но он был из родовитой коммунистической аристократии, хоть и пошел в науку, нарушив семейную традицию. Отец его принадлежал к новой партийной гвардии времен железного Си Цзиньпина и Торговых Войн, а прадед занимал посты еще при Мао. Устраивал чистки, выводил на чистую воду оппортунистов и низкопоклонников перед Западом. В общем, «малыш Вэй», даже если не брать во внимание его опыт и таланты, был кем угодно, но не безобидным интеллигентом. Последнему такое дело никогда бы не доверили.

И тот, кто стал бы на него давить, рисковал отправиться в Тибет сторожить пастбища яков. Поэтому и не боялся он простого солдафона без рода и племени, который кичился тем, что в молодости «воевал». Но с кем воевал? Уйгурские повстанцы — это не Советский Союз времен конфликта за остров Даманский. Такие герои войны, подумал Вэй, правильнее называются карателями. Впрочем, почти все военные, оставшиеся в мире, по его мнению, попадали под это определение.

К тому же на объекте была собственная внутренняя охрана, которая подчинялась только директору Юаню и его представителю. И председателю, конечно. И самому главному Председателю в столице. А вот министру и его людям — нет.

— До меня дошли слухи, сяо-Вэй, что ваши эксперименты с нейросетью… переходят все рамки.

— Слухи? — ученый приподнял брови. — Пока эти слухи не облачены в форму документа… они ничто. А я думаю это сторонники байесового подхода опять интригуют. Ведь так? Хотят, чтоб проект отдали их отделу. Какую новую гадость они придумали?

— Знаешь, Ли, — офицер посмотрел на него пристально, явно пытаясь давить на психику. — Я атеист. И я своими руками убил пять человек, а еще по сотне подписал приказ о «упрощенном». А уж скольких при попытке к бегству… Но мне не нравится то, что вы делаете.

— А что мы делаем? — ученый захлопал глазами, как ребенок.

— Лезете в душу. В то, что вы не создавали.

— Бред какой. Сколько вас мракобесов среди офицерья. Это не душа. Речь идет о считывании программы.

— В общем так. У тебя есть неделя, чтоб свернуть эксперимент, доктор… Франкенштейн. Ликвидируй образцы и сотри все данные. Я проверю сам.

— И не подумаю. И не надо мне угрожать. От кого поступило это распоряжение?

— Делай что я сказал!

Вэй Ли и не думал подчиняться. Видимо, он четко знал границу, которую товарищ Бао не перейдет.

— А вы слышали, что «Пирамида» наступает нам на пятки? — спокойно спросил он.

— Какое это имеет значение? Вы новости смотрите? У «Пирамиды» возникли некоторые, хм, проблемы в Мексике. О них не беспокойтесь. Беспокойтесь о нас! Мы… группа товарищей из МВД и Отдела национальной безопасности, считаем, что, этот проект опасен. Он может вызвать ненужную шумиху. Скоро большие перемены.

— Я тоже думаю, что они грядут, — улыбнулся Вэй Ли.

— Так вот. Если просто продержимся без потерь, останемся в выигрыше. В Пекине тоже будут перестановки. И проект «Духовный мост» не в приоритете. Надо не высовываться и сохранить то, что имеем. Так будет лучше и для фирмы, и для Поднебесной. И для тебя. Мой дед говорил, что, когда начинается шторм, надо сидеть дома и не выходить в море. Он был обычный рыбак.

— Передайте своей «группе товарищей», что я в их игры не играю. И их не боюсь. А вы не Кун-цзы, чтоб грузить меня своей версией учения для недоучек. Именно в шторм и надо выйти в море… если хочешь поймать особую рыбу, не опасаясь конкурентов. Если бы вы больше читали и мыслили как ученый… вы бы поняли. Но вы рассуждаете как рыбак, только и всего, — срезал его Вэй Ли. — А к любому риску я готов и беру его на себя.

— Значит так? Хочешь по-плохому? А не боишься, что…

Офицер не договорил и застыл. Ученый тоже заметил, куда устремлены глаза его собеседника, метнул туда быстрый взгляд… и так же замер.

Пораженные, они стояли, пока к ним шла фигура из дождевой воды. На ходу фигура начала менять цвет и обретать плоть. А через секунду перед ними стоял — совсем не по погоде одетый, в летних брюках и рубашке с коротким рукавом — сам господин Председатель совета директоров Дин Чжун, который в англоязычном мире звал себя Джон Дин. Он был невысокий, ниже

Вэя почти на голову, не говоря уже об офицере Бао Лине.

Маленький, будто его самого доставили почтовым дроном его фирмы — в коробке, которые были знакомы когда-то всему земному шару. Джон Дин был почти коротышкой, карликом. Но никто не стал бы относиться к нему без должного уважения.

— Доброго вам дня, — услышали они тихие слова.

— Здравствуйте, господин Председатель Дин! — в один голос выговорили они.

— Так уж получилось, что я был свидетелем вашего разговора. Так вот. Я разрешаю продлить эксперимент руководителя проекта Вэя еще на два месяца. Продолжайте, коллега. Последние шаги перед вершиной часто трудны. Но у вас все получится.

Похлопал по плечу ученого, кивнул и зашагал прочь, насвистывая. Отойдя к краю площадки, огороженной метровым бортиком, остановился над пропастью, посмотрел вниз.

— Но помните, что можно потерять все, если не рассчитаешь силы. Мудрость в том, чтоб отличить невыполнимую задачу от трудной. И прозрение от гордыни.

Постоял еще несколько секунд, потом потерял краски, стал водянистым… и растекся обратно в лужу.

Водяной голем. Материалы с памятью формы были не новой технологией. Но использование для этих целей молекул воды… к этому трудно привыкнуть.

Все еще замерев, два человека наблюдали, как лужа стала ручейком, а потом поток маленьким водопадом низвергнулся со скалы.

— Это большая честь, — пробормотал старший сквозь зубы. — Цени ее, сяо-Вэй. И не подведи его. Иначе пожалеешь.

Но ученый его не слушал. Он стоял с торжествующим видом, наслаждаясь своим моментом триумфа. Уж теперь офицер и его друзья в МВД не будут совать палки в колеса эксперименту. Господину Дину были не нужны даже высокие покровители. Он сам мог оказать покровительство кому угодно. И если другие жили в страхе, что им придется покупать для себя пулю, то ему это, судя по всему, не угрожало. Иногда казалось, что даже пуля его не взяла бы. Зато те, кто ему переходил дорогу, часто эти пули для себя «покупали».

И все же господин Председатель был похож на мартышку. «Или на магистра Йоду», — подумал руководитель проекта «Духовный мост». Но даже ему стало страшно своей мысли. Про таких людей нельзя даже думать плохо… не то что говорить. Конечно, Дин не министр Госбезопасности, не Председатель Партии… но людей на него работает едва ли не больше, и среди

них есть такие специалисты, что позавидует даже Служба Планетарной Безопасности — контора, название которой звучит чужеродно на всех языках, кроме *хань*. Та самая, две трети кадрового состава которой составили выходцы из Министерства государственной безопасности КНР, Guójiā Ānquánbù. Которое и само было вполне живым, в качестве отдела номер восемь СПБ.

Его личное состояние недавно перевалило за триллион глобо.

«Это не мои деньги, — говорил мистер Дин журналистам со смешливым прищуром, — Это топливо, чтоб везти человечество в будущее».

Ему было сто семь лет, он был современник великий исторических переломов, которые мало кто видел своими глазами. Были, конечно, в Японии, Америке и Европе более древние долгожители, в основном долгожительницы. Но они вели размеренную тихую жизнь пенсионеров. Ездили на велосипедах. Разводили сады. Рыбачили, а после отпускали рыбин обратно. Общались с праправнуками. Никто из них не был главой корпорации с триллионными оборотами. И ни у кого из них не было такой бурной и плодотворной жизни с изобилующим зигзагами путем, как у Джона Дина. Рабочий на рыбном рынке. Затем мелкий партийный функционер. Потом чиновник среднего звена на производстве. Потом в розничной торговле. Потом глава муниципалитета. Потом народный депутат. Потом основатель крупнейшей оптовой торговой сети. И, наконец, живая легенда и всемирная знаменитость. От Африки до Перу, от Гибралтара до Дальнего Востока России («Ближнего для нас востока», — уточнил мысленно Вэй) — все знали его компанию и пользовались ее услугами. А ее товары убивали целые отрасли промышленности и ремесел… оставляя миллионы безработными и заменяя товары в целых странах и регионах своими. Это было до Торговых Войн. Потом был откат. Пришлось немного затянуть пояса, закрутить гайки. Слабые духом ворчали. Но шторм закончился, а Поднебесная — как уже много раз случалось — поднялась и стала только сильнее. Как никогда.

А сейчас он — настолько, насколько позволяли строгие законы, — совмещал эти ипостаси, и был согласно рейтингам — не дутым, в журналах “Forbes и “People”, а составленным аналитиками спецслужб и компании «золотой сотни» — третьим по влиянию человеком в Китае и шестым — на Земле.

Несмотря на репутацию железного лидера, он любил эффектные трюки и розыгрыши. Это было его визитной карточкой, как и рост и внешность. Так демонстрировалась открытость Китая миру, новым веяниям и всемирной цивилизации (сказки для глупцов, но им верили). Он был совсем

не страшный. Но внутри этой бархатной пестрой перчатки скрывалась латная рукавица. Все смеялись его шуткам, но никто и никогда не стал бы зло шутить над ним, над его внешностью, умом или происхождением (а он поднялся из самых низов, из маленькой деревушки в провинции Цзянсу). Не стали бы злословить даже в Сети, скрытые за никами и иллюзией анонимности. Даже на другом конце мира. Нескольких таких шутников он показательно разорил, а нескольких отправились в тюрьму за клевету в публичном пространстве. Отправились на один из так называемых «Райских островов».

— Я до сих пор не могу понять, Ли, — после паузы, вызванной явлением призрака, офицер заговорил намного мягче, почти дружелюбно. Но на его лицо набежала тень, как от очень неприятного воспоминания, — Как мы с тобой могли, черт возьми, допустить эту утечку?

— Не знаю.

— Ребята из МВД и контрразведки подчистили все концы, временно изолировали и вычистили сеть во всей провинции. Запись не могла ускользнуть. Да и сам короткий ролик ни о чем не говорит… Правда, он мог и геолокацию выложить отдельно. В худшем случае выйдут на «Веселую ферму», а их не жалко, даже если их прикроют… или разбомбят с орбиты. Нас-то никак не смогут. Мы тут прикрыты лучше, чем Пекин.

Оба они хорошо знали, для чего на самом деле нужны сугубо мирные Орбитальные Очистители. Они действительно могли сбивать с орбиты крупные частицы космического мусора и сжигать мелкие. Но их основным предназначением было иное.

Только объекты на самых высоких орбитах были для них недоступны. Но такие можно было пересчитать по пальцам.

— Этот человек… — с жаром произнес ученый, тоже скривившись, будто ему напомнили о самом неприятном событии в жизни, — Был одним из лучших сотрудников службы безопасности. Вашей службы. Многократно проверенный. Вами! Поэтому не надо меня им попрекать. Мы оба облажались.

— Да. И этого больше не повторится. Из-за этого гаденыша изменилась вся процедура проверки. Теперь благодаря ему за нами следят каждую секунду. Даже в сортире. Но он уже наказан. Приговор вчера приведен в исполнение.

— Понятно, — заведующий лабораторией пожал плечами с безразличием, — Я слышал, весь его род ответил за проступок?

— Еще как. Им понизили рейтинг до минимального и всех сняли с должностей. Они не устроятся даже в мастерскую по пошиву сумок из собачьих шкур в сарае дядюшки Ляо. Будут жить в деревне, работать уборщиками мусора, ездить на ржавом

велосипеде, одном на всех, и молиться, что остались живы. Это позор для всей семьи.

— Согласен. Не хотел бы я оказаться на их месте.

— Ты не понял, сяо-Вэй. Это позор и для всей *нашей* семьи. Для компании.

— Вы говорите, как какой-то островитянин, — хмыкнул ученый, имея в виду японцев. — Прежде всего мы служим народу нашей великой страны, а компании приходят и уходят.

Он имел в виду, что государство в тысячу раз важнее корпорации и даже важнее семьи. А еще важнее — Закон. Понимаемый не в узком западном ключе, как придуманные людьми для их удобства правила. А как вечные нерушимые нормы, освященные небом.

Вопрос был только в том, верил ли он в это сам. Его собеседник судя по всему, имел на этот счет сомнения.

— Да хватит уже разглагольствовать, — пробасил безопасник. — Мне надо лететь. Да и у вас дела. Я не знаю, как эта бестия сумела его уболтать. Они же там на «Веселой ферме» почти как Маугли. Тупые как пробки.

— У тех, кого мы отбираем, часто даже в этих условиях сохранился высокий интеллект. Но обычно они не настолько хорошо взаимодействовали с внешним миром. Такая способность… к убеждению… это тоже большой плюс, — почесал в затылке заведующий лабораторией, разговаривая скорее сам с собой. — Но тут нет никакой мистики.

— Еще бы! Лейтенант Хань давно был с гнильцой, только ваши хваленые психологи его прошляпали. Они тоже должны ответить. Со своим чистоплюйством он только и ждал повода, чтоб предать. Тряпка, любитель почитать фантастику. Зря ее вообще разрешили… Будь моя воля, я бы уничтожал таких при первом «звоночке». Страх заставляет людей быть ответственными, сяо-Вэй. Ведь так?

Ученый на это ничего не ответил. Он знал, что после августовской утечки больше не рисковали — и свели к минимуму контакт персонала с подопытными. Великаны охраняли периметр. Ученые, не относящиеся к Рабочей группе были переведены в пекинский офис. При огромных ежемесячных передислокациях сил и перераспределении специалистов — никто не заинтересуется этими переводами. А сами работники не будут задавать вопросов. И журналисты не будут. В этих края их никто не задавал лишний раз. А на варваров-западников… наплевать. Если человек не понимает ценности Порядка, его не переделать.

В каталке что-то пошевелилось. Они заметили это оба, потому что заведующий лабораторией уже подключил и вывел

себе ее обзор в «линзы», а офицер — еще не отключил, ведь «форма передачи материальных ценностей» у обоих в глазах была открыта и не заполнена.

— Она нас слышит? — спросил ученый. — Какую дозу вы ей ввели?

— Двойную, как для взрослого. Не хотелось, чтоб она начала болтать свою чепуху внутри «вертушки». Пилоты нервничают. Суеверные. Да какое это имеет значение? — фыркнул лысый. — Не будь мнительным, сяо-Вэй. Эти детки такое же сырье, как газ, нефть… или лопаты для чистки снега. Никто из них не увидит мир.

— Я это знаю. Мне нет до них дела. Но это не лопаты, а ценное оборудование. Мы их с трудом отобрали.

— Я не поднимаю одного… — почесал свою лысину офицер. — Чем они такие особенные? Ведь ты же не сам не веришь в сказки про магию. За каким хреном тратить миллионы глобо на этот отбор? Не проще прогнать через машину сто тысяч человек из лагерей?

— Не проще. А почему… ты все равно не поймешь, старина Бао. Дело не только в деньгах и логистике.

«А в том, что машина сама выбирает, кого к ней привести».

— В общем, ты свободен… и удачного дня.

Военный чертыхнулся и направился к корпусу охраны. Даже не попрощавшись, хотя в ближайшие дни они не пересекутся. И в виртуальном пространстве группы ученых и охраны были разделены почти непроходимым барьером. Скорее всего за весь следующий месяц они обменяются только парой сообщений … если не произойдет ничего экстраординарного.

А ученый скрылся в небольшой постройке, похожей на складское помещение с плоской крышей и единственным непрозрачным окном. Его ждало много работы.

«Склад № 2» — гласили иероглифы и цифра на табличке. Склад номер один тоже существовал, и был такой же маленькой. Но там хранились только лопаты и метлы, допотопные машинки для стрижки газона и несколько роботов-мелиоров. А здесь не было ничего, кроме стальных кабинок, почти все из которых были заперты. Одна из них открылась при его приближении. Внутри не было ничего, кроме простой деревянной вешалки, помеченной латинскими буквами с его инициалами. На нее он повесил свою куртку и брюки, оставшись в исподнем.

Тут же в середине комнаты в полу открылся люк. Вэй Ли спустился вниз по металлической лестнице, оказавшись в шлюзе. Люк над его головой выждал еще десять секунд и сам закрылся,

закупорился.

Первичная санобработка… он ее не любил. Вечно они делали воду или слишком холодной или слишком горячей! К тому же он не любил мыться долго, принимал душ за пару минут, а тут его окатывали водой как крысу в лабиринте целых четыре минуты.

Он облачился в стерильный комбинезон, который появился из открывшейся ниши. Эластичная ткань слега покалывала пальцы, но это ощущение быстро прошло. Пахло озоном.

Наконец, пыточная комната выпустила его, открыв внутренний шлюз. За ним была дверь-мембрана. За ней оказалась небольшая кабина с поручнями на стенах. Сменялись красные цифры на старомодном табло.

Лифт унес его далеко вниз. Наконец, дверь открылась на 18 уровне. Уровни отсчитывались от нулевого сверху вниз.

Здесь уже воздух был стерилен и не пахло ничем.

В широком коридоре, залитом мягким светом, на стене чернели иероглифы: гора Фанчжан и знаменитые «Танцующие человечки». Так их называли западники, которым еще и чудился у одного из человечков пенис. Проклятые пошляки, позор своих родителей! Сколько же муссировали и мемировали этот образ в сети, но компания все равно не стала менять название. Нечего идти на поводу у идиотов.

Полностью название «Фанчжан-системз» выглядело так: «方丈系统».

Только западный варвар может увидеть тут член, а не благородные знаки китайского упрощенного алфавита.

Вэй Ли был рад, что выпроводил надоедливого опекуна из комплекса. Тут в катакомбах он сам был царь и бог. Тут были его подчиненные, самые лучшие и надежные, которые были ему всегда рады. К которым он относился куда более уважительно, чем высшие к нему.

На этом этаже его ждала вторая, более тщательная обработка. Еще один душ, но ионный, а не водяной. Осмотр автоматикой. Просветили до самых внутренностей, заглянули, наверно, даже в микроорганизмы, живущие у него в пищеварительном тракте. Это было нужно для доступа в святая святых — лабораторный блок.

Его это бесило как вторжение в личное пространство. Но эти процедуры были обязательными. И пока он их проходил, пока дезинфицирующие вещества смывали с него возможную уличную пыль и вместе с потоками излучения убивали микробов, он бормотал сам себе:

— Они мне говорят, что байесовский метод более перспективен. Они называют меня и моих сторонников шарлатанами. Мол, биологический путь тупиковый. Они говорят,

что от природы нельзя взять даже мелочи. Даже сотни килобайтов. Что она глупа. Они мне говорят! Дилетанты, кретины, вонючие макаки… Я и без них знаю, что полная оцифровка не дает результата. Но мы еще не попробовали все кластеры нейронов и все связки.

По пути через общий зал он немного поорал на тех, кто плохо работал и был нерадивым, а кое-кому, допустившему на этой неделе мизерной прокол с вычислениями — даже пригрозил увольнением.

Потом заперся в кабинете и пять минут без перчаток колотил и пинал грушу, выполненную в виде человека, похожего на одного генерала, который в свое время был его командиром в НОАК. Груша могла менять форму.

Руководитель проекта «Духовный мост» в последние дни бывал часто таким, каким показывали Гитлера в советских и китайских фильмах, которые любил его дедушка. Гитлера накануне поражения. Истеричного и злого Гитлера.

«А что, был еще добрый?».

Эта ассоциация заведующему лабораторией Вэю не понравилась, и он взял себя в руки. Принял кое-что, что помогало ему быть в форме даже в те дни, когда приходилось спать по два-три часа и работать все остальное время.

Потом вышел в общий зал, где уже собрались все. Выступил с мотивирующей речью.

— Начинайте, начинайте, парни! Помните, у вас последний шанс. Не подведите меня! Не подведите руководство Партии, правительства и лично товарища Председателя, — Вэй Ли хлопнул в ладоши, не уточнив, имеет ли он в виду председателя Партии или Компании. — Научная группа, ваш выход! Проведите первичный осмотр объекта. Техническая группа. Подготовьте основное оборудование. Группа очистки, займитесь утилизацией отработанного материала.

Где-то за стенкой началась кропотливая работа, после которой от двух мертвых тел в морге (тщательно изученных) останется только биогаз и немного твердого органического удобрения.

Другие автоматы занялись объектом, который уже был доставлен вниз с помощью грузового лифта (в пассажирский каталка бы не вошла).

Объект по-прежнему лежал на каталке и был без сознания.

— Молодцы! Я горжусь вами. Весь народ вами гордится.

Пустой конференц-зал внимал его словам. Стулья были расставлены в причудливом порядке. Десятки экранов развернуты на потолке и на полу. На столе лежали пустая упаковка из-под

чипсов и недопитая банка из-под газированной воды (это был китайский «Байкал», а не бездуховная «Пепси-кока»).

При стерильности не могло быть ни тараканов, ни грибка. К тому же через считанные минуты все это будет убрано и переработано маленькими помощниками… почти такими, о которых фантазировал Брэдбери.

А на самом большом экране, занимавшем сегодня всю стену, бежали белые буквы. На английском. Вэй считал его более удобным для оперирования научной терминологией. А может, просто фрондировал.

Здесь на этом мониторе он еще раз перечитывал все записи прежде чем отправить их в лог.

«9:10. Объекту поступил в распоряжение Рабочей группы. Объекту присвоен номер «00205910-419». Системой проведен первичный Медицинский осмотр. Состояние здоровья объекта признанно удовлетворительным. Начата подготовка к тестовому запуску Оборудования».

С тех пор, как последних двоих сотрудников его группы из соображений секретности перевели на другой объект, он был здесь один.

В 15:45 по пекинскому времени та, кого когда-то называли Сяомин, была введена в комнату с абсолютно черными стенками. Коэффициент отражения 0,000001. Без единого звука, запаха, без каких-либо сенсорных раздражителей.

А за ее звукоизолирующими стенками весь этаж пронизывал низкий гул. Подача электроэнергии была доведена до пиковых значений. Ее хватило бы на обогрев и освещение несколько поселков или одного города. Основная часть этих мегаватт тратилась на охлаждение того, что было упрятано в подошве горы. Квантовая вычислительная машинерия сама почти ничего не излучала в пространство, но ее система питания в ходе работы могла бы разогреваться до чудовищных температур, если бы ее температура не снижалась сложной магнитной системой охлаждения. Не говоря уже о том, что некоторые ее части надо было охлаждать до температур, близких к абсолютному нулю. Архитектура квантового компьютера, чьи вычислительные элементы, кубиты, взаимодействовали на основе эффекта сверхпроводимости, была, по мнению Вэя, несколько устаревшей, но это с лихвой компенсировалось его циклопическими размерами. Ничего подобного в мире еще не строили. Это была Великая китайская стена среди суперкомпьютеров.

«И вряд ли построят».

Один час работы установки стоил миллионы глобо. И каждое

ее подключение было (пока) процессом индивидуальным. Поэтому и нельзя было пропускать через нее тысячи уголовников или коррупционеров.

Но была еще одна причина. Даже совсем не суеверный Вэй Ли не хотел рисковать. Нет, он не верил, как эти маразматики в погонах, что откроются Ворота в Ад. Но просто почему-то эта идея ему не нравилась. Даже он считал ее опасной. Но все равно занимался этим, чувствуя азарт гончей. Пусть дураки говорят о долге и родине, подумал он.

Ни один человек не мог спускаться ниже двадцать восьмого уровня во время работы Вычислителя, потому, что на этот счет существовал прямо прописанный в правилах безопасности запрет.

К слову, все предыдущие эксперименты были неудачными. Нет, они не привели к смерти или необратимому повреждению образцов. Просто оставлять их в живых нельзя было из соображений сохранения тайны.

В этот момент остаточное действие наркоза, который ей ввели при погрузке на борт, должно было уже закончиться. Он был частичным, а не общим, чтоб не рисковать. Но оказалось, что у образца высокая резистентность к веществам, которые чаще всего применяют для временного обездвиживания. Поэтому у военных сопровождающих возникли сложности, ведь более высокая доза могла привести к необратимому поражению ЦНС или к летальному исходу.

Никакого чуда в ее устойчивости не было. Просто иная скорость проводимости ионных каналов. Всю дозировку надо подбирать индивидуально. На новейшем оборудовании лаборатории это займет всего несколько минут. Но во время процедуры никакого наркоза ей давать нельзя. Она должна быть в полном сознании. Повредить оборудование ей не удастся. Оно прочное. Нет необходимости даже фиксировать конечности и туловище. Это тоже создало бы дополнительный стресс и нарушило бы картину.

Инфракрасные камеры передавали картину в центр наблюдения. И там развалившийся в кресле с новой банкой «Байкала» (созданного на основе самой чистой в мире китайской воды!) руководитель проекта увидел, как девочка открыла глаза.

И на отдельном экране увидел то, что могла различить она.

С широко распахнутыми глазами девочка не видела ничего. С опущенными веками перед ее взором мелькали фосфены — пятна, возникающие без влияния света, продукт холостой работы сложного устройства под названием «человеческий глаз».

Но вот Номер 00205910-419 открыла их и больше не закрывала. Тьма окружала ее, поглощала. Но в этой тьме вдруг

забрезжил далекий свет.

Часть 1. Молот Пророка

«Спасайся. Уезжай из Женевы и увези всех своих.
Медведь скоро упадет, и нечестивцы погибнут.
Слава Всевышнему».

зашифрованное сообщение из darknet,
постфактум перехваченное службой
цифровой разведки Корпуса мира

Абдул-Рашид аль-Франкони (Олаф Ларсен), террорист

Олафу Ларсену — часто он по привычке мысленно называл себя кафирским именем — нравился этот корабль. Ему было даже жаль уничтожать его. Гораздо сильнее жаль, чем этих глупых людей на борту, которые даже не поняли, отчего умерли. Самодовольные ничтожества.

Он подплыл к контрольной панели и подключился к терминалу капитана. Ему казалось, что отрезанный большой палец, который он использовал для идентификации, издевается над ним, качаясь в разные стороны.

Нет, просто у него самого тряслись руки. Но не от страха, а от волнения перед тем, что ему предстояло выполнить.

Хорошо, что система опознает пользователя не по радужке. Иначе понадобился бы глаз. Или труп целиком. Конечно, в невесомости он мог отправить стокилограммовое тело сорокалетнего астронавта в полет к нужному месту одним пальцем — но ему было бы противно. Беднягу не удалось — в отличие от остальных — убить чисто и быстро. Он долго отбивался и трепыхался, орал и дрыгал ногами, пока убийца орудовал резаком от Zero-Gtools. Никто на помощь не пришел. Всех остальных Олаф убил еще раньше, по одному.

Но ему не хотелось снова запачкаться. Хотя и это его бы не остановило. Не теперь.

«Теодор Рузвельт» — или просто «Тедди» — был ожившей мечтой фантастов. Одним из пяти кораблей нового класса “Eurofreighter”, которые помимо привычных химических двигателей были оснащены прорывными термоядерными двигателями, основанными на принципе открытых магнитных ловушек. Это были цилиндры, из торцов которых истекает поток плазмы, который и создавал тягу подобно тому, как у обычных ракет ее создают газообразные продукты сгорания химического

топлива. Здесь же ядерным топливом был дейтерий с небольшой примесью трития, а рабочим телом служили легкие молекулы водорода, истекающие из дюз в виде потока плазмы, разогнанного электромагнитными силами.

Их построили десять лет назад, когда космос уже почти перешел из прерогативы международных организаций — в ведение частных инвесторов.

Даже без загрузки, корабли превосходили по «сухой» массе и по размерам в два-три раза Международные космические станции на орбитах Земли и Луны — а значит, любые искусственные объекты в космосе, которые люди строили ранее. Их создали благодаря кооперации тридцати государств и двадцати тысяч организаций, больших и малых, но, в отличие от космической гонки времен «холодной войны», речь шла об объединении сил и средств под знаменем транснациональной корпорации «European Union Aerospace», которая, несмотря на название, была частной акционерной компанией, и к правительству Европейского Сектора отношение не имела.

Рыхлый конгломерат международных организаций и агентств, гордо называвшийся Всемирным Содружеством, смотрел на этот труд с позиций благожелательного нейтралитета — ведь его собственные космические проекты были куда скромнее.

«Тедди», как и его собратья, всего один раз стартовал с Земли и больше на нее не возвращался, хотя он мог садиться на планету, как «Шаттлы» или «Бураны» (хоть старые, хоть возрожденные) — на химических ракетных двигателях.

Мог и на термоядерных, теоретически. Правда, для этого требовались очень строгие меры безопасности на космодроме при посадке — из-за высоких температур потока плазмы. В реальности не один материал посадочной полосы такого огненного ада не выдержал бы, как и все живое в радиусе километра.

А еще это было безумно расточительно — все равно, что топить печку дискетами, на которых записаны коды от первых криптовалют, представлявших, как и исправные аутентичные дискеты, сугубо коллекционный интерес.

Гораздо дешевле было кораблю не входить вновь в земную атмосферу, напрасно подвергаясь действию высоких температур и перегрузок, а спускать груз в контейнерах с парашютами, ротацию же экипажа обеспечивать с помощью малых шаттлов, как на космических станциях.

Ведь это было не исследовательское судно и тем более не военное, а многоразовый грузовой корабль, неказистая рабочая лошадка космоса и первая ласточка межпланетных коммерческих

перевозок. Которые пока осуществлялись только по маршруту Луна-Земля.

И если с Земли на нем перевозили на Луну огромный перечень всего, что было нужно для функционирования маленькой колонии, и что нельзя было произвести на месте — то есть почти все, от карандашей до термоядерных реакторов — то в обратном направлении экспортировали только один товар (если не брать в расчет образцы лунного грунта для исследований и другие научные материалы, например, организмы и ткани, выращенные в условиях лунной гравитации) — и имя этому товару было «гелий-3».

Сомнений в том, что этот ресурс важен, ни у кого не было. Хотя он был больше не нужен как компонент для запрещенного термоядерного оружия, на нем держалась заметная часть энергетики планеты. Да и сами «Евротранспортники» — этот грубый перевод названия был в ходу у выходцев из Северной Евразии — летали на топливе, которое можно было получить путем переработки того же гелия-3.

Но рентабельность его добычи из лунного реголита по-прежнему ставилась учеными под сомнение. Много писали и говорили, что куда дешевле получать его при распаде трития или другими земными способами. Однако деньги бизнеса в эту отрасль инвестировались потоком, примерно так же, как в начале XXI века в ракетостроение — на волне романтики, спровоцированной массовой культурой. Да и к тому же маленькой колонии надо было как-то оправдывать факт своего существования.

В результате автоматизированные заводы на естественном спутнике Земли — с минимальным участием людей — переработали уже миллионы тонн грунта. А корабли курсировали несколько раз в год, укомплектованные командой из шести человек. Хотя для их функционирования хватило бы и троих. Но здесь — в отличие от станций — свободные площади не были в дефиците, а системы жизнеобеспечения проектировались с запасом. Ведь когда-то предполагалось, что такие же корабли будут использовать для отправки колонистов на Марс и пока еще гипотетические колонии на Малых планетах и астероидах.

В реальности на Марс всех поселенцев отправили с помощью одноразовых ракет — с билетом в один конец. И отправляли туда по сей день, вот уже тридцать лет подряд, потому что смертность на Красной планете все так же опережала рождаемость вдвое.

И все же, лучший из имеющихся» — не значит хороший. Даже космическая отрасль не успевала за развитием технологий. А многие технические решения, которые на Земле уже вовсю

применялись, использовать в космосе — где помощи ждать неоткуда и любая ошибка фатальна — пока было запрещено. Требовались месяцы и даже годы на обкатку и тестирование.

Если бы корабль начали строить в этом году, когда технологии изготовления наноматериалов ушли еще дальше, то его производство обошлось бы в два раза дешевле и потребовало бы в три раза меньше сырья и энергии. Но новые пока не строили.

Космические суда еще более высоких параметров проектировались в этот момент по всему миру. Их даже называть ракетами язык не поворачивался, хотя ракетные двигатели на них все еще устанавливались как дополнительные.

А пока цикл производства был только начат, компании-ракетостроители с интересом следили не только за новыми разработками, но и за тем, как эксплуатируется уже имеющийся флот. И постоянно вносили в свои чертежи и сметы необходимые коррективы. Все корабли класса “Eurofreighter”, чье полное название было «EF-12 UltraHeavy» — хорошо служили и обещали отработать вложенные в них деньги.

И все же хорошо, что хватило пальца. Палец старшего инженера Олаф носил с собой в разгрузочном поясе, где у него лежали разнообразные инструменты, которые ему были положены по статусу оператора и наладчика систем жизнеобеспечения. Все они были спроектированы для работы при околонулевой гравитации.

Перед его глазами на уровне роста зажегся обычный плоский дисплей, без всякого намека на объемность изображения. На него выводились параметры систем корабля. Не в том урезанном виде, в каком их видели четверо младших членов экипажа, каждый из которых отвечал за свой сегмент, а в полном, доступном старшему инженеру и капитану.

Все системы работали в штатном режиме.

Чистокровный норвежец — арабской крови в его жилах не текло, как и другой иностранной — он с гордостью носил свое новое имя, которое получил во время обряда в салафитской мечети в Абу-Даби. Но кровь его предков — викингов — наверняка тоже радовалась тому, что он сделал. И тому, что только собирался сотворить. Отправиться в Валгаллу с огромным эскортом слуг и рабов.

— На тебя уповаю, Всевышний, создатель тверди земной и тверди небесной, творец всего сущего, — пробормотал он слова молитвы, которую подсказал ему его духовный наставник. — Дай мне силы повергнуть в прах Нечестивого и его слуг, низвергнуть порок и утвердить знамя истинной веры.

Нет, Абдул-Рашид, конечно, имея степень Ph.D. Калифорнийского университета в Сан-Диего — лучше многих других знал и про миллионы галактик, и про эволюцию материи. И про то, что твердь небесная — не более чем видимый человеческим глазом слепок с бесконечной пустоты, в которой рассыпаны редкие вкрапления вещества — горячие и холодные. Но, тем не менее, молитва, помогала — и он в этом убеждался уже не раз. От нее даже сердце билось ровнее, и руки переставали дрожать.

Перед главным делом его жизни надо было обратиться к богу. А чтобы помолиться, надо было очиститься. Полное омовение — *гусль*, которое надо бы совершить после сотворения такого греха, как убийство — в невесомости сделать сложно. Но можно сделать малое. К счастью он почти не запачкал кровью одежду, точнее, облегченный скафандр без шлема. К тому же люди, которых он убил, были врагами, слугами Нечистого, а значит, их убийство было не грехом, а благим делом.

Ларсен оттолкнулся от переборки и, как опытный астронавт, маневрируя без касания редких поручней, поплыл по коридору в сторону санитарного блока. Там он еще раз помыл и высушил руки потоком горячего воздуха.

В трех отсеках, через которые он пролетел, мертвые члены команды плавали под потолком, как непривязанные воздушные шары на детском празднике. И шарики их крови разлетались, плавно кружились в хороводе и плавали по модулю от завихрений воздуха, которые убийца создавал своим движением.

«Внимание. Критическое изменение курса!», — голосовое оповещение сопровождалось громким сигналом тревоги. Это забеспокоился электронный мозг корабля. Странно, что не стало красным освещение в отсеке — вроде бы в фильмах происходит именно так. Но через секунду сигнал оборвался. Корабельный суперкомпьютер выключился навсегда.

*****

Всего два месяца назад он ехал — точнее, летел как пуля — к поставленной ему цели через мирную пастораль провинциальной Европы. Его личный рейтинг был средним и позволял пользоваться любым частным транспортом за стандартную цену, без скидок, но и без наценок. Здесь в Европе прямых запретов не практиковалось, и главными последствиями низкого рейтинга была «всего лишь» невыгодная кредитная ставка и невозможность найти нормальную работу. Муниципальные и государственные транспортные системы тоже не практиковали «билетную

дискриминацию». Но эта дорога была частной.

Поезд "Eurotrain", на котором он прибыл из Стамбула, был маленьким Вавилоном, запертым в вакуумную трубу и летящим со скоростью в половину Маха[i] с юга на север.

За окном гигантские дамбы сдерживали напор воды, защищая не только отвоеванные у моря пространства, но и те участки, которым вода еще тридцать лет назад не угрожала. Но это лучше, чем жить в Бангладеш или на Гаити, где от воды люди страдали ничуть не меньше, чем от ее дефицита — в тех местах, где ее не хватало. Выше они были только в Шанхае, Йокогаме и Мале, столице Мальдив, где город находился уже ниже уровня моря и находился будто в колодце, окруженном защитными стенами.

Официант — не просто столик на колесах, а забавный андроид, чьи раскосые глаза делали его похожим на китайца — раз в час разносил напитки и закуски. В цену билета они, разумеется, не входили.

Олаф купил себе бутылку безалкогольного пива и халяльный «шоколадный» батончик.

Смуглые мужчины в тюрбанах и куфиях соседствовали с моложавыми немецкими бюргерами, женщины в хиджабах, чей возраст невозможно было узнать, в салоне вагона чередовались с девушками в полупрозрачных мини. Ну, эти последние явно с Периферии. Восточноевропейки.

Старая Европа давно одевается в стиле унисекс, неброско. Таких дам в вагоне тоже было много. И все неопределенного возраста, потому что процедуры омоложения скрывали годы не хуже, чем паранджа. И куда лучше, чем когда-то подтяжка лица и ботокс. Скрывают до последнего, пока коже еще остается на чем держаться. Но, естественно, это дорого. И чем дальше, тем выше цена за то, что ты будешь «гробом повапленным».

«Какая мерзость, — подумал он. — Держаться за бренную оболочку и губить бессмертную душу».

Абдул-Рашид понял, что никто не смотрит на него. Все в ряду уткнулись в себя, погруженные в чтение или переписку. Как их дедушки и бабушки были погружены в гаджеты, только теперь эти устройства исчезли в их глазах. И почти каждый одинок. Но без гаджетов Сети они были бы еще более одинокими.

«Половину текстов, роликов, изображений, переживаний, выложенных в Сеть… никто не открывал, кроме их создателей, — вспомнил он. — Жалкие инвалиды. То ли дело было в прежние времена духовной чистоты…».

Он сделал несколько автозаметок в дневник. Просто мысли. Никакие серьезные планы облачной памяти не доверял. Только

размышления или безобидные вещи вроде «почистить костюм», «купить пиццу» или «посетить музей». И все равно слишком много личного! По его размышлениям и по эти этим крупицам фактов *те-кому-следует* смогут составить профиль его личности, определить его психотип. И поймут, где его слабые места. Значит, все следы надо уничтожить, включая сами линзы. Но чуть позже.

Строгой внешней сегрегации между теми, кто путешествует по «трубе» или летает на цеппелинах и теми, кто пользуется джетом — не было. Если не считать уж совсем crème de la crème общества. У этих джеты были собственные, и пересечься с ними на земле или в небе простому обывателю было невозможно. Тут уже были даже не отдельные залы, а отдельные аэропорты. Хотя внешне их можно было не отличить. Он знал, что миллиардеры в рваных джинсах и растянутых футболках — не миф. А просто еще один способ их снобизма. «Мы можем ходить и так, и так. А вы, нищета — только так». Своего рода культурная апроприация элитой образа плебея.

Двигаясь с остановками в крупных городах, расстояние в три тысячи километров поезд должен был преодолеть чуть больше, чем за час.

Почти все места были заняты, и Ларсену пришлось усесться напротив девушки с имплантированными ушами. Он усмехнулся, а она даже не заметила. Ох уж эти чертовы уши. Бич цивилизации, который собирались запретить, но так и не решились. Ее миндалевидные глаза были полузакрыты, а голова раскачивались в такт музыке, которая, видимо, звучала у нее прямо в голове. Канал был не зашифрован, и он легко прочел слова песни на английском. Совсем не про любовь, а про какого-то цареубийцу и мятежника. Которому, видимо, были адресованы слова монарха:

Не стоит твоя жизнь ни гроша,
Запроданы тело и душа.
Меня победить не сможешь ты.
Брось наземь свой нож, ничтожество.

Пели по-английски. «Ультрапедия» подсказала, что это старая группа в жанре поп-музыки из Восточной Европы. Текст, конечно, необычен, но даже у него английский был куда чище, чем у исполнителей.

На попутчика пассажирка даже не обратила внимая. А статус ее айдента говорил о том, что она устала от этого жестокого мира и хочет, чтоб все оставили ее в покое.

Так он и сделал, и повернулся к «окну». Конечно, оно было ненастоящим — движение в закрытой трубе делало установку окон невозможным, ведь стенки трубы были непрозрачны, а

внешняя и внутренняя обшивка вагонов не имела лишних отверстий. Но на внешних сторонах трубы были установлены камеры с интервалом в пару километров. Дешевые нашлепки из умной краски. Именно изображение с них транслировалось в экраны-окна. Эрзац-окна. Как он знал из инженерной практики, камеры иногда ломались, а иногда их портили вандалы, но изображение всегда было полным, потому что система помнила и «дорисовывала» недостающие фрагменты.

Мимо проносились леса ветряков, вызвавших в голове Абдул-Рашида образ бедолаги Дон-Кихота, поля солнечных элементов и редкие автоматические фермы. Он представил себе, как коровы лениво поворачивают головы. Они видели лишь вибрацию внешней стенки трубы и слышали слабое завывание за ней — там, где почти со скоростью пули летел состав из десяти вагонов, несущий в своем чреве тысячу с лишним человек. Остальное было за гранью их понимания. Какая хорошая метафора.

Где-то там робот-пастух — маленький гусеничный «луноход» — следовал за своим стадом. Мог ли он доить коров и стричь овец, либо же только охранял их, Абдул-Рашид не знал. Да и не были ему так уж интересны роботы. Чем старше он становился, тем больше они его раздражали… своим совершенством.

Поезд двигался так быстро, что рассмотреть людей и роботов снаружи было невозможно. Они мелькали как размытые пятна. Только автомобили еще можно было увидеть как мазки краски с металлическими блеском.

А ведь еще десять лет назад роботов на улицах вообще не было. Они были в цехах, они были в лабораториях… даже в спальнях. Но не на улицах, едущими или идущими рядом со своими хозяевами… или без них. Ведь кое-где их разрешено было отправлять даже в магазины. Теперь они были даже в маленьких немецких и голландских деревушках. Понятно, почему их запретили изготавливать с человеческим лицом, заставив робофилов довольствоваться слегка мультяшной внешностью. Впрочем, на «черном рынке» чего только не было. Хотя в основном они были не антропоморфные, а обычные тележки. В крупных городах и плотно населенных районах они были запрещены. В остальных местах на них распространялись правила для пешеходов. Большинство из них были курьерами и носильщиками.

Потом потянулись пригороды. Это был Рандстад, круговая агломерация Нидерландов. Здесь жило почти десять миллионов человек, а ее части практически слиплись в один город, и среди них Гаага почти догнала по известности столицу — потому что была универсальным мировым судилищем. Но туда он не

собирался.

«Туда меня не доставят, во всяком случае, живым», — подумал Абдул-Рашид.

Северная Европа — это место, которое было плотно заселено еще до последней технологической революции. Поэтому тут много было старомодного — и в архитектуре, и в планировке городов. Много приятного для глаза, штучного, а не штампованного. Странно, но архитектура его не раздражала, если казалась старомодной. Во время остановки в Утрехте Ларсен чувствовал почти физическое удовольствие, глядя на шпили и каменные стены, на флюгеры и красную черепицу, на часовую башню на вокзале — хоть это и был новодел.

И пригородные дома почти все имели свой облик — в отличие от Северной Америки, где он прожил десять лет. И это были не типовые изделия из досок или кирпича. Хотя изредка попадались коробки китайских модульных домов и даже напечатанные на 3d-принтере «мини-коттеджи». На юге у Средиземного моря их было еще больше, как и в теплых широтах Азии, где они доминировали везде, кроме городов.

Когда-то (да так ли уж давно?), сразу после колледжа и курсов по архитектуре — Ларсен успел пару лет поработать агентом по недвижимости, чтоб накопить двадцать тысяч *глобо* на дальнейшее обучение. Поэтому мог на глаз определить год постройки и стоимость каждого из домов, хоть это и вызывало у него отголоски неприятных воспоминаний. О том, как его сократили первым из их отдела по причине «низкой мотивации к труду». Правда, позже он узнал, что хозяин юридической конторы заменил всех работников, одного за другим эвристической программой.

Именно там Олаф познакомился с Элеонорой. А потом они уже вместе переехали на другой континент в Сан-Диего, где он стал учиться на инженера по авиационной технике. А восемь лет спустя, после окончания учебы, практики работы бортмехаником малого джета и получения десятка сертификатов и лицензий — он перешел в сектор пилотируемой астронавтики. После еще нескольких лет подготовки он совершил свой первый полет к МКС (цифру «три» в ее названии обычно опускают). А потом и за пределы магнитного поля Земли — до окололунной станции «Прометей». Хотя в детстве Олаф никогда не грезил космосом. Для него важнее было зарабатывать деньги в перспективной отрасли. Он был прагматиком, а не мечтателем.

Они были, как говорится, upwardly mobile. И быстро продвинулись до upper middle-class. Детей они планировали на потом. Знал ли он тогда, что эти планы окажутся фарсом, а его

деньги — из-за хитро составленного брачного контракта — достанутся в основном этой сучке и ее латиносу?

И с тех пор, как его жизнь треснула, мечта у него появилась. Заставить заплатить. Наверно, шейхам было легко объяснить ему, что мир порочен. Он это и так знал.

Фонари тут действительно были красные. Хотя их — как подсказала «Ультрапедия» — поставили относительно недавно, во время последней реконструкции этого квартала, который в двадцатые годы захирел из-за запретов правозащитных организаций («женщина не должна быть мясом на витрине!»), а потом в тридцатые серьезно пострадал во время беспорядков и долго стоял полузаброшенным из-за негласных запретов со стороны исламской общины города на порочный образ жизни.

Но с новой стабильностью экономики недвижимость здесь снова стала дорожать, а с системой глобального спутникового мониторинга и следящими дронами — порядок вернулся. Еще на протяжении восьми лет тут в стеклянных боксах и за окнами выступали только роботы и крутились трехмерные изображения. Ведь специалистами по gender studies было доказано, что влечение к противоположному полу является всего лишь социальным конструктом, а не биологической потребностью.

Но потом снова вернули живых женщин, потому что профсоюз работниц этой сферы выиграл суд и у городской ратуши, и у Европейского Женского Фронта, и даже у двух имамов — все из которых требовали вечного запрета на богопротивное зрелище.

Запрет отменили, признали неконституционным.

После новых изменений в глобальном законодательстве и нравах вернулись и «жрицы любви», уже не как парии, а как представительницы профессионального сообщества. Этот злачный район был известен на весь мир и представлял собой культурный бренд. Выглядел он как сплав седой древности и «золотого XX века», которому почему-то присвоили статус эталона цивилизации. От современности тут были только роботы — куда же без них, мусорщиков, носильщиков и торговцев?

Сначала Ларсен прошелся по Чайна-тауну. «Ультрапедия» сказала, что раньше тот был совсем маленький, но после волн беженцев Темного Десятилетия разросся в четыре раза. Впрочем, едва ли десятая часть китайцев жила изолировано. Остальные без труда интегрировались в городе и по всей стране. Как происходило повсюду на планете.

Посмотрел на китайских драконов. Прокатился на рикше, обычном, хотя и механические тут были. Совсем как в Азии.

Пообедал в ресторанчике — не очень плотно. Никакой утки по-пекински, только порцию лапши *чаджанъмён*.

Впрочем, публика тут была такая же смешанная, космополитическая — как и на других улицах Амстердама. Только седоусые (усы у них висели совсем как у драконов!), козлобородые старики в свободных одеяниях, засевшие в витринах лавочек, были похожи на состарившихся бойцов «триад». Хотя, скорее, были обычными ремесленниками или торговцами, а то и вовсе банковскими клерками на пенсии, в молодости щеголявшими в европейских костюмах, а к старости вернувшихся к традициям предков.

Насытившись — и визуально, и телесно — Абдул-Рашид направил свои стопы в самое чрево порока. Именно так себе он мысленно сказал.

Несколько угрюмых небоскребов-миражей в духе Чикаго времен «сухого закона» частично заслонили северный край неба. Сотканные из холодной плазмы — ионизированных молекул воздуха — они тоже были испещрены рекламой. Считалось, что они добавляют атмосферности, но судя по местной прессе, в городском совете уже пару лет шли дебаты — отключить их или оставить. Тут мог бы сниматься хороший фильм-нуар, в котором органично бы смотрелись пьющие детективы в широкополых шляпах и мокрых от дождя плащах, роковые красотки и жестокие убийцы за каждым углом.

Впрочем, один убийца тут действительно был. Никто не допустил бы его до такого важного дела, если бы он не был хоть раз испытан кровью.

Настоящие высотки в этом районе строить было запрещено, как и в соседних. Небоскребы высились в семи километрах к северу, в заливе — их фундаменты уходили прямо под воду, в скальное основание вокруг которого был насыпан остров Утопия, и их огни были хорошо видны отсюда в любую погоду. Как и мельтешащие между ними коптеры и конвертопланы.

Это было одно из немногих мест, где действительность не уступала миражам-голограммам и «оболочке». Просто, когда ты открывал «оболочку», ты начинал видеть немного другие картинки — не совсем те, которые встречал на улице без нее. А если ты решал откуда-нибудь из гостиницы «подключиться» и прийти в это место уже в виде аватары — то вполне возможно, увидел бы третьи. Хотя большинство объектов реального мира имели в сети своего двойника, это не касалось рекламы — она везде была разная, подстраивалась под каждого конкретного человека, и ее было много, хотя и не всегда она выглядела как реклама. Иногда смахивала на дружейский совет. Проще было

пересчитать островки, где ее не было.

Пушеры тут продавали свой товар открыто. Их ассортимент был сертифицирован. Впрочем, и нелегальной дурью они могли обеспечить всех желающих. Здешнее Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков считалось одним из самых ленивых в мире. Даже странно, что смертность от передозировки тут была очень низка.

Этот город когда-то называли «Гангстердам». Лет двадцать назад тут могли зарезать или продырявить башку за золотую цепочку или дешевый гаджет. Даже в Старом городе. Но еще раньше шорох наводили воины ислама — не Братья Пророка, их тогда еще не было. Обычные муджахиды под духовным руководством сбежавших из нищавшей Аравии племенных шейхов. Это началось после Второй Войны Судного Дня, когда весь мир лихорадило, и маячил призрак всемирного ядерного пожара. Кому тогда было дело до одного застреленного горожанина или его изнасилованной жены?

Но сейчас все было иначе — кибер-патрули и сплошное наблюдение со спутников не сделали преступников святыми — но сделали преступления против личности нерентабельными. И представители теневого мира переключились на менее опасные способы заработка. Бумажник украсть у того, кто не признавал электронные деньги, они еще могли. Так же как мошеннически увести энную сумму с электронного кошелька — с браслета или чипа-импланта. Особенно если сумма была небольшая и трактовалась как административное дело. Но на угон уже вряд ли решились бы. А грабеж, изнасилование и тем более убийство с целью ограбления стали в Северной Европе исчезающей редкостью.

«Разве что в гетто», — поправил себя Олаф. Но происходящие там вещи часто даже не попадали в статистику. Да и полиция — как знал Ларсен от товарищей по вере, многие из которых жили именно там — туда предпочитала не соваться.

У него самого никаких платежных чипов под кожей не было. Хотя нанести их было не больнее, чем наклеить пластырь. Но знаки дьявола ему не нужны.

«Если ты видел одно гетто, значит, видел их все. Это место, где закон есть только до наступления темноты или когда рядом проезжает полицейская машина. Но пока это говно не выплескивается за пределы округа, никого это не интересует. Ведь это не влияет на результаты выборов… А оно не выплескивается — для этого придумано много заслонов, и дроны с вооруженными контролерами среди них не самые мощные».

Поэтому в «чистых» районах совершались только

киберпреступления или банальные кражи (а также редкие бытовые преступления, конечно). Чаще всего обворовывали беспилотные грузовики или торговые автоматы — порой с помощью технологичных резаков, а иногда и с обычным ломиком. Все-таки тут была Метрополия, а не третий мир, который теперь чаще называли Периферией.

Свет допотопных неоновых огней — настоящих или стилизованных, он не знал, но явно размещенных не только для освещения — вывел его к цели. В лужах отражались буквы и иероглифы наружной рекламы — и от переполнения сенсорных ощущений Абдул-Рашиду чуть не стало плохо. Вот что значит долго сидеть в тишине комнаты, заполняя время молитвами и медитацией. Конечно, это тебе не квартал Кабуки-тё в Токио. Но колорита хватало и здесь. В том числе восточного. Ведь в городе была самая большая диаспора в континентальной Европе. Да и многие девушки этого квартала были из Юго-Восточной Азии.

Район был магнитом для любителей «чувственных удовольствий»… точнее, для греховодников и распутников. И это был тот редкий случай, когда дурная репутация — без реальной опасности — не отталкивала, а манила, поэтому ее старались поддерживать, не наводя всюду футуристический лоск, а искусственно воссоздавая атмосферу порочных мест середины и конца XX века — например, Лас-Вегаса.

Де Валлен был старейшим и крупнейшим кварталом такого рода, и вместе с кварталами Сингелгебид и Рёйсдалкаде образовывал Россе Бюрт — район красных фонарей. Это он знал из «Ультрапедии».

Когда-то в молодости он хотел побывать здесь. Не потому, что его так привлекала продажная любовь. Для того, чтоб ее получить, даже из дома выходить не надо, не говоря уже про то, чтобы ехать в Амстердам. Просто в этом месте он видел культурный артефакт человечества и главный символ его состояния. Монте-Карло и Монако для этого слишком элитарны, а Вегас — слишком американский.

Но тогда в юности не сложилось, а сегодня его привело сюда совсем другое дело. Более важное, чем все, что он совершил в жизни до этого.

Здесь Олаф сначала побродил по узким переулкам, посмотрел на средневековые здания (возведенные за пару дней в 2040-х годах на месте пепелищ и пустырей). Поглядел на девушек и женщин за окнами и стеклянными дверьми, освещенных отблесками красного света (да, мужчин тут до сих пор «дискриминировали», но, как подумал Ларсен, может, оно и к

лучшему. Хотя после тотальной переделки можно было устроиться и на эту работу). В некоторых свет был приглушен и лишь придавал матовость коже, в других — настолько ярок, что нельзя было определить даже расу. А в некоторых свет был таков, что кожа у девушек выглядела как у упырей или зомби.

Негромкий бит нуль-тридцатых годов стучал по ушам — подгоняя, но не сбивая с ног. Рядом с самими домиками играла более медленная и лиричная музыка. В зданиях покрупнее были и так называемые комнаты для встреч. Здесь были только живые девочки. Никаких кукол. На это был прямой запрет. Тоже своего рода традиция.

«Meet my pussy!», — гласила реклама на плазменном шаре, который левитировал в двадцати метрах над дорогой. Китайская кошка Китти призывно улыбалась, а стрелочка указывала к одному из зданий. Выделенная реклама стоила дорого. Но, видимо, расходы окупались.

Эти каморки напомнили ему аквариумы с рыбками. Хотя наверняка не ему первому. Причем не аквариумы в океанариумах, а стеклянные ящики из супермаркетов, где продают живую рыбу.

Сразу по трем каналам крутилась навязчивая реклама от компании Wholesale Drugs с улыбающимися мужчиной и женщиной на беговой дорожке (в начале они не улыбались, а наоборот пребывали в депрессии на фоне серых стен) — «Натуральный органический кокаин марки 7/24! Выбор активного человека!».

Трудно представить, что совсем недалеко живет своей жизнью благопристойный европейский город, а многие жители соседних районов здесь почти не появлялись.

Но секс-шопы, секс-театры, пип-шоу, музей каннабиса и кофейни, в которых продаётся марихуана, его не интересовали. На улицах можно было купить и чего-нибудь посильнее. Но ему наркотики не требовались. «Таблетки радости» были легальны, безвредны и почти заменяли их. Не заглянул он и в Музей проституции, расположенный в бывшем борделе.

Того, что он увидел за полчаса, было ему достаточно. Типичный “red lights district” — хоть и древний, но ничем не лучше, чем в Лос-Анджелесе.

Торговые боты — колесные, на воздушной подушке и даже бегающие на шести «ногах» — аккуратно следовали по выделенным полосам тротуара. Так же, как автоматические грузовики, которые никогда не вклинивались в поток транспорта, где хотя бы часть водителей была людьми. Правда, эта часть уменьшалась с каждым годом.

Вокруг было чисто и видны были вложенные в этом место

деньги. Впитывающий воду и грязь пористый асфальт почти не нуждался в чистке ботами и поддерживал свое состояние сам.

Патруль он заметил издалека, потому что на них были комбинезоны со светоотражающими полосами. Конечно, в таких они заметнее для транспорта — и беспилотного, и традиционного, а значит, имеют меньше шансов под него угодить. Но зато в любой перестрелке стали бы отличными мишенями. Правда, никаких даже мелких перестрелок тут уже не было года три или четыре. Все-таки не Могадишо и не Детройт. Это были не кадровые копы, а контроллеры из добровольцев. Хотя им, конечно, платили за риск, который в общем-то был невелик в этом сытом районе, который явно просматривался десятками тысяч камер.

В Китае и России их бы называли «дружинниками», но суть была одна. Об их национальности можно было гадать. Но один явно был сикх, второй африканец, а третий мог быть и турком, и греком. Эти трое были не особенно опасны для него, потому что задачи у них были другие — они следили за районами, их постоянными обитателями (которых здесь не было) и гостями. А ориентировки на него быть еще не могло.

Они прошли мимо, даже не взглянув на него.

Вот и хорошо. Чем меньше внимания он к себе привлечет, тем лучше. Взгляд копа или «шакала» — такой же видеорегистратор, как стационарная камера.

В городе была ячейка Братьев, но обращаться к ним за помощью было нельзя. У него были другие задачи. Встретиться со связным, а потом сесть на другой поезд.

В метро ему попались на глаза проявления творчества — какая-то инсталляция экологов-экуменистов в виде гигантского слегка завуалированного символа плодородия.

«Дай им волю, и они объявят кучу дерьма арт-объектом, тем более ее глубокий философский смысл трудно оспорить», — подумал Ларсен.

Дело Энди Уорхолла и того парня, который поджег в 2025 году галерею «Тейт-модерн» вместе с экспонатами выставки самого Уорхолла, побеждало. В такие моменты Олаф думал, как же он хотел вернуть старый добрый патриархат. Когда грудью могли кормить только женщины, а в зачатии участвовать только двое, а не больше. Когда еще не было митохондриальной хирургии, а то, что развивалось, внутри яйцеклетки было таинством. Когда был один вариант построения своей личной жизни, а не множество. Когда мясники не требовали защиты у полиции от агрессивных веганов, а индуистский фестиваль красок не стоял вровень с христианским рождеством.

Правда, потом он сменил веру на еще более прямолинейную, и Рождество для него потеряло свою ценность. Но в остальном ничего не поменялось.

Высокий «пимп»[ii] в шубе, как у какого-нибудь русского боярина времен Николая Первого, выступил ему навстречу, одновременно открывая вкладку беседы и торговли. У пимпа был африканский парик, но лицо не черное, а европеоидное. Обычное средиземноморское — мог быть и французом, и итальянцем, и арабом из Сирии или Ливана. Черты лица были настолько правильные, что отдавали Голливудом.

Морок? Нет, использовать искажающие лицо приборы в общественных местах было здесь запрещено. Скорее всего просто пластика.

— Бон жур. Кого желаете, мон ами? — спросил пимп вслух, — Вам девочку? Девочку, которая была раньше мальчиком? Или что-нибудь оригинальное?

— Хочу нормальную взрослую женщину. Цисгендерную и гетеросексуальную.

— Зрелую? — светящиеся и выщипанные до тонкой нитки брови пимпа приподнялись.

— Да, но не старше тридцати пяти. Нормальной полноты и роста. Раса не принципиальна. Главное, чтоб выглядела женственно по стандартам XX века.

— А… традиция. У вас есть вкус, мсье.

— Данке.

— Выбирайте.

Во вкладке — то есть прямо в воздухе — развернулся голографический каталог с моделями. Олаф сделал вид, что смотрит его, читая справа налево, и пимп вдруг окликнул его слегка изменившимся голосом.

— У вас глобы, мсье?

— Нет, либеро. Я предпочитаю свободные валюты.

— Это хорошо, — улыбнулся пимп алмазными зубами. — Они сейчас дорожают. Потому что грядет буря.

Это были пароль и отзыв. Конечно, архаично. Но даже эти устаревшие верительные грамоты были надежнее, чем идентификация через цифру. Братья не доверяли цифре. Цифрой управляли те, с кем они боролись. Впрочем, Ларсен иногда подозревал, что все наоборот, и цифра сама управляет теми, кого они звали шайтанами и собирались уничтожить. Не важно.

— А вот это вам от нас, — с этими словами пимп передал ему яркий буклет из настоящей бумаги. С него глянцево улыбались Девушка Месяца. На ней были символические стринги и «пестис»

в форме бутонов, прикрывавшие соски, да и то не полностью. Эти предметы одежды меняли цвет в зависимости от угла зрения. От ее безупречности становилось не по себе.

На нее Ларсен не накопил бы и за год своей официальной работы (которая была скорее прикрытием), если учитывать плату «лендлорду» и свой вегетарианский рацион питания. Он ведь давно не был астронавтом.

Но такой идеал и не требовался. Он привык в жизни довольствоваться малым.

Олаф убрал буклет в карман своих старомодных брюк с широким ремнем.

Конечно, в этом месте он мог сказать, что ничего из каталога ему не подходит — и уйти. Это был настоящий сутенер, а не поддельный — легенда должна быть подтверждена на сто процентов. А значит, и «товар» у него был в наличии. Но если клиент уйдет ни с чем, это может вызвать подозрения у других. И почему бы не совместить основную цель визита с получением разрядки? Деньги ему все равно скоро не понадобятся. И осуждение со стороны мудрых шейхов его пугать не должно. Скоро любые грехи с него спишутся.

— Выбирайте, мсье, — напомнил ему пимп.

— И как у вас дела в кризис? — спросил Ларсен, пролистывая пальцем в воздухе страницы. Пока ему никто не приглянулся. Всё не то.

— Прекрасно! — сутенер встряхнул дредами афро-парика. — Клиенты идут валом. Люди хотят выпустить пар. Больше, чем обычно. Посмотрите сюда… есть скидки. Или все-таки открыть закрытые страницы?

На закрытых страницах был такой товар, который даже либеральное законодательство региона сочло бы недопустимым. Не достигшие возраста согласия. Там же были анкеты тех, кто разрешал причинять себе настоящую боль и раны. Но и еще многое другое. Чаще такой ассортимент был доступен в более дешевых и негламурных местах — в порту или кварталах «социального жилья» — на границе с гетто или в нем самом (с риском подхватить какую-нибудь заразу — или и вовсе попасть в заложники). Но и здесь его можно было заказать. Ведь желание клиента — это закон. Конечно, это переслали бы клиенту по закрытому каналу, а не раскрыли в общей сети.

Но ему это было не нужно. Извращенцев он презирал еще до принятия новой веры, когда тусовался с белыми «арийцами».

— Нет-нет. Вот эта с зелеными волосами пойдет, — его взгляд упал на девушку лет двадцати пяти — тридцати, приятной округлости форм. Ему понравился ее осмысленный и даже чуть

хмурый взгляд. Не покорный и не фальшиво развратный. И приклеенной улыбки на ней не было. Женщина, которая не притворяется, что работа ей нравится. Которая, возможно, даже хочет бросить ее, но нуждается в деньгах, и надеется вырваться отсюда и начать новую жизнь. Студентка? Молодая мать-одиночка?

Вэлфер отменили еще лет пять назад даже в Северной Европе. Больше никаких мер стимулирования рождаемости. Нигде.

Жаль, что нельзя прикоснуться к ней, попробовать на вкус, как яблоко в супермаркете перед покупкой через приложение M-taste.

То, что она была живая, ему понравилось. Именно то, что было нужно ему, чтобы снять напряжение. Иначе проще заказать кибер-леди. Тупая кукла из плоти и крови, еще и под «кайфом», ничуть не лучше куклы из биосиликона и пластика. А еще проще прямо в отеле-капсуле облачиться в сенсорный костюм с подключенными специальными опциями. Такое же ощущение нереальности и горького послевкусия одиночества.

Почувствовать жизнь в последний раз… В гурий он не верил. Это метафора, ее воспринимают дословно лишь неграмотные идиоты из гетто или пастухи из нищих селений в пустыне. Блаженство — будет. А вот радостей плоти — нет. Там за великим мостом из праха ждут уже другие радости.

— Отлично. С вас пятьдесят, — вывел его из размышлений пимп.

Никаких дополнительных опций заказывать не стал. Массаж? Было бы неплохо, но нет времени. Время — главный дефицит. Часы тикают. Он сам — бомба с часовым механизмом. Отметил галочкой только, чтоб на кровати были нормальные простыни. Чтоб она выглядела не как диван в гостиной, а как нормальное ложе.

Поднес свой браслет к считывателю, который появился из ниоткуда в руке пимпа.

— Пардон, мсье, — сказал пимп, когда деньги со счета успешно списались. — Но вам придется подождать около десяти минут. Ваш заказ сейчас прибудет. Вы видели предупреждение в каталоге мелким шрифтом, что не все наши сотрудники находятся на месте? Мы не имеем достаточно площадей.

— Видел. У меня микролинзы дают восьмикратное увеличение.

— В общем, извините за задержку, мсье. Если вам придется ожидать дольше пятнадцати минут, то всё за счет заведения.

— Сколько у меня будет времени? — он был первый раз в подобных пафосных местах. До этого он снимал шлюх только в

дешевых притонах.

— У вас есть час.

— Мне хватит сорока минут. Мне надо успеть на цеппелин до Нью-Йорка.

На самом деле ему надо было на рейсовый городской коптер-бас, которые отправлялись до Утопии каждые десять минут.

— Скидки за неиспользованные двадцать минут не будет, — предупредил осторожный пимп. Видимо, ему попадались всякие клиенты. В том числе жадные и буйные. Но в данном случае он просто отыгрывал роль, поддерживая ему легенду.

— Окей.

Через девять минут прикатил дешевый мини-скутер — не левитирующий над магнитной дорожкой, а обычный, с колесами — на таких ездят даже дети, и с него легко походкой спрыгнула та, кого он выбрал. В реальности она оказалась чуть старше, но макияж хорошо скрывал все следы усталости и возраста. На него она взглянула таким же взглядом, каким работник конвейера смотрит на детали. На платье был виртуальный бэйдж с именем — Мэри. Которое явно было вымышленным. Ее тип лица был скорее славянским — широкие скулы, маленький носик. Волосы были синими, а не зелеными.

— Хэллоу! Извините за задержку, — сказала она ему, а с пимпом, видимо, обменялась сообщениями.

— Ничего, все в порядке.

Девушка немного отличалась от того, что было на картинке, но была так же похожа на его бывшую жену Элеонору. На ней было облегающее платье, похожее на вечернее, кроссовки “Nike”, а волосы не растрепались, несмотря на быструю езду без шлема, мгновенно приняв ту же форму, что была в каталоге. Волосы помнили эту форму.

А он сам вспомнил несколько сцен из своей жизни, сердце защемило ностальгией. Прах все есть и во прах обратится…

— Ваш номер — двадцать восьмой, мсье, — пимп щелкнул пальцами и указал на открывшуюся дверь.

Очерченный неярким световым контуром проход уводил в глубину здания — для совсем тупых в воздухе была подвешена голографическая стрелка. Абдул-Рашид ожидал увидеть внутри богатое убранство — люстры, портьеры, но холл был совсем как у обычной гостиницы. Разве что картинки тут были… тематическими. Стойка «ресепшна» видимо была рабочим местом пимпа, за нее он и уселся. Там стояла полупустая кружка кофе и раскрытая бумажная книга. Эстет, черт возьми. Ларсен не удивился бы, если бы это был учебник по квантовой физике или Альбер Камю, а совсем не Коран. Но все же этот человек был

Братом, а его чудачества явно не мешали его долгу. Наружу фальшивый сутенер (который, возможно, завтра же оставит эту греховную работу), похоже, выходил специально, чтоб встретить важного посетителя, то есть его. В кои-то веки он был кому-то важен.

В углу застыл потертый робот-уборщик старой модели, напоминающий черепаху.

Они вдвоем с Мэри прошли по коридору. Комната, над дверью которой зажглась цифра «28», оказалась крохотной и чистой до блеска. Пахло чем-то ароматическим, но запах дезинфектора был сильнее. Над кроватью висел репродукция кого-то из ранних фламандцев. Естественно, с голой женщиной, разложенной на кровати, как полутушка в мясной лавке.

Крепко, но не настолько, чтоб остались синяки, Ларсен схватил женщину за руку — свою (точнее, арендованную), а не нарисованную. Он все-таки был не под «колесами». И усадил на узкую чуть пружинящую кровать.

— I wanna transfer some data into your HDD, — сказал он, обхватывая ее довольно грубо.

И она его поняла, хотя они оба никогда в жизни не видели «жестких дисков». Просто эта идиома вошла в английский язык, когда последние из hard drives еще использовались.

Это была не «умная кровать», способная принимать любую форму, подогреваться до нужной температуры и даже обнимать того, кому было одиноко (причем и без эротического подтекста). Обычная традиционная. И на ней были свежие простыни. Но спать на такой вдвоем было невозможно. Слишком узкая. Но она не для сна. Белье с сиреневыми цветами выглядело так, будто было только что отстирано и отглажено. И от него было неприятно коже, чувствовалось слабое статическое электричество.

— Давай сначала немного поговорим, Мэри, крошка моя, — сказал он, приблизив голову к ее шее.

Впрочем, это для него был ритуал. Он просто хотел услышать ее голос. Ему было безразлично, что она скажет.

— Что вы хотите услышать… мистер? — она даже не попыталась изобразить влечение и интерес. Крутанула головой, будто отгоняя сон, и зевнула. От нее пахло чем-то похожим на мятную жвачку. Кроссовки она сняла сама. Хотя они бы и не помешали.

Она была настоящей. Куда там пробным «фальшивым воспоминаниям», которые не стоят заплаченных денег.

То, что нужно. И чертовски похожей… Да, Элеонора тоже была не из горячих. И терпеть его не могла. Может, с самого начала. А может, просто остыла. Но он все равно был ей

благодарен. Ведь именно из-за того, что она с ним сделала, свалив с этим немытым чистильщиком бассейнов из Акапулько… («Роберто? Альберто? Диего? — он не мог вспомнить как звали этого полукровку с ацтекскими чертами) — именно из-за этого он и попал к Братьям. То есть она направила его на истинный путь. Сама того не зная. Тупая стерва.

Еще сильнее прижав к себе синеволосую, он потянулся к «молнии» платья, но внезапно волна тревоги едва не прогнала уже начинавшее подступать возбуждение.

«А не засада ли это?» — подумал он, расстегивая застежку. Платье тут же упало на пол, не держась больше ни на чем. Так было специально сделано.

Но то, что он видел в Д-реальности, заставило его поежиться. Пимп, похоже, покинул свой пост и ошивался где-то в коридоре! Ларсен увидел его айдент, где в его профиле висела реклама. Со страшными орфографическими ошибками «клевые чиксы» приглашались на крутую работу (слово «job» так и сквозило многозначностью). Белый айдент медленно двигался в сторону их комнаты.

А что если этот чувак — двойной агент, а чикса — подсадная утка? И сюда уже выехали «робокопы»? Или оперативники СПБ?

«Херня. Я еще ничего не сделал. Мне нечего предъявить. Я чист как ангел. Покупаю легальную сертифицированную услугу. Мои связи им не распутать… так быстро. Братья? Не знаю никаких. А все, что есть в буклете — самоуничтожится при попадании в чужие руки. Связной может этого не знать, но я-то знаю».

Спокойно. Просто этот хрен делает вид, что боится за свой товар. Здесь на этаже еще три десятка таких же… грешников. И совсем не кающихся.

Да, пока он шел к номеру по коридору с мягкими плюшевыми стенами, до его ушей из-за дверей иногда доносились женские стоны, которые даже с такого расстояния казались фальшивыми. Мужчины молчали. Лишь кто-то один довольно хрюкал, как кабан. Айденты у большинства были выключены или просто закрыты профили. Но двое посетителей даже этим не стали себя утруждать. И можно было увидеть, что один был продавцом подержанных автомобилей, а второй работал в банке. Это место уравнивало всех… кто мог на него заработать.

Абдул-Рашид знал, если клиент начинал вести себя неадекватно или тем более вредить «менеджеру по оказанию секс-услуг» (если это не было оговорено и оплачено заранее) — запертая дверь тут же была бы разблокирована. И на помощь женщине пришел бы и сам сутенер с шокером, и, возможно,

несколько его дронов, которых тот вполне мог прятать в карманах своей шубы. Например, модели «Оса» — от разряда которого конечность немеет на пару часов.

Там в карманах, конечно, поместилась бы и пара пистолетов, но огнестрельное оружие в Северной Европе запрещено носить открыто, а этот квартал и вовсе был свободной от оружия зоной. Тут было слишком много туристов, а такие вещи их распугивают. Что у самого Ларсена было против этого? Если его все же попытаются взять. Только бритвенной остроты лезвие, замаскированное в ремне, гибкое, но способное разрезать тело человека до кости одним движением. И ему уже приходилось его применять.

Впрочем, он не собирался делать больно этой милашке. В глубине души он был мягким и беззлобным. И даже животных любил. Даже харамных псов и свинок. Наверно за эту непритворную мягкость его и выбрали для миссии.

Похоже, его страхи были беспочвенны. Белый огонек в коридоре опять вернулся на свое место за стойкой.

Отключив Д-реальность, Абдул-Рашид полностью отдался процессу. Хотя страх, конечно, слегка подпортил ему момент, которого он ждал. Но фармакология помогла, как всегда.

А через полчаса он уже был в семи километрах — в новом районе небоскребов Нойе-Хафен, построенном на искусственном острове Утопия в заливе Эйсселмер.

Остров выглядел совсем как настоящий. Но уже в шаге от посадочной площадки было видно, что это место создано людьми. Диковинные кинетические скульптуры шевелились и двигались возле кромки воды, похожие на чудовищные деревья с морского дна. Они менялись, жили своей жизнью. В них он не мог узнать ни один образ европейской культуры. Да и мировой тоже. Иногда на их матовой поверхности ему мерещились лики искаженных существ, которые даже не были похожи на ночные кошмары Босха или Кафки. Воплощенная бесформенность, через случайные промежутки менявшая цвет и яркость. Инопланетная чужеродность в радужном спектре.

«Аватар толерантности. Странно, что они не назвали эту композицию так. А ведь кто-то считает это творчеством. Вырожденцы…».

К счастью, пешеходные дорожки, наземные и эстакадные, был окружены искусственным лесом обычных деревьев.

Вскоре движущийся эскалатор привел его к рукотворной скале.

Он мог себе позволить нормальную гостиницу, но остановился в капсульном отеле всемирной сети «Улей». Это

было самое дешевое место в городе, через него проходила нескончаемая живая река приезжих. Даже сами горожане приходили сюда, чтоб переночевать раз-другой. Мало ли какие могут быть обстоятельства.

«СПБ сломают себе головы, анализируя профили десятков тысяч человек, их связи и перемещения по миру. Добавим им работы хаотичными перемещениями. А то они скучают», — говорил электронщик их ячейки, турок родом из Дрездена.

Нигде он не сможет так легко затеряться и в то же время не вызвать подозрений — как вызвал бы, реши снять какой-нибудь клоповник в гетто. А найти его — если понадобится — смогут и там. Гетто плохо патрулировалось не потому, что «робокопы» не имели на это сил и машин, а потому, что властям это было не очень нужно.

Его номер находился на шестом уровне — а всего их в здании было двадцать пять. Пущенная по кругу, словно у колеса обозрения, и никогда не останавливающаяся кабинка лифта (успевай зайти и выйти, пока она рядом с твоим этажом!) — подняла его на нужный level.

Пока Абдул-Рашид поднимался, через стеклянную стенку он видел, как сменяют один другой неотличимые этажи. За свою жизнь он видел и более странные лифты — которые летали со скоростью ракеты или могли перевозить вас не только вверх-вниз, но и горизонтально. А этот был похож на «патерностер», популярный в Европе первой половины XX века.

Должно быть, коридоры были единственным местом, где тут можно выпрямиться в полный рост. Но они были так узки, что вызывали ассоциации с подводной лодкой. Вдоль каждой стены шел ряд дверей, похожих на двери купе старинного поезда, какие теперь сохранились разве что в Северной Евразии. Хотя их металлический блеск и форма скорее оживляла в памяти образ океанского лайнера или космического корабля.

А вот и его этаж. Подножье здания омывал человеческий поток, но здесь наверху коридор был пуст. Все уже разошлись по своим сотам-ячейкам и собирались спать. Собственно, для сна сюда и приходили. Но все равно пахло подгоревшей пищей. И чем-то дезодорирующим. Хорошо еще, что сюда нельзя было с детьми и животными. Из-за одной из дверей доносилась тихая музыка. Кто-то слушал ее без наушников или смотрел шоу. Но шуметь здесь запрещалось. Как и вступать в интимные отношения. Могли аннулировать бронь и выставить на улицу. Впрочем, правила могли и нарушаться.

Добравшись до своего номера, Ларсен открыл его магнитным ключом, который получил внизу в автомате, заплатив дневную

таксу. Внутри номер тоже напоминал каюту, но очень маленькую. В Японии, где эти отели придумали, тот был бы вдвое меньше — там умудрились бы вместить еще одно спальное место над его головой. Но европейскому менталитету это было не совсем по нраву, и такой дизайн остался островной экзотикой.

Но все равно потолок низок. Стоять нельзя, только сидеть или лежать. На человека отводится лишь около трех кубических метров пространства. И кроме универсального порта (и розетка, и сетевой линк в одном) и выдвижного ящика для вещей и одежды — никаких удобств в капсуле нет.

Зато было окно. За окном — которое по понятным причинам нельзя было открыть — жил своей жизнью новый деловой центр одного из главных европейских городов. Между светящимися, как пики Гималаев, вершинами башен мелькали красные и желтые огоньки коптеров, похожие на роящихся светлячков. Медленной тенью пролетел цеппелин — большой, пассажирский, похожий на сигару… для того, кто чист и не извращен. Скорее всего прибыл из Британии. Там в гондоле люди только что с комфортом пересекли море. Для них существовал специальный порт в трех километрах отсюда с огромными эллингами и причальными мачтами, расположенный на крыше двух соединенных вершинами небоскребов-близнецов.

А вот рекламные дирижабли сновали туда-сюда без остановки. Под одним из них висела гигантская фигура рок-звезды, стилизованная под Курта Кобейна, хотя наследникам вряд ли что-то перепало. Сходство было неглубокое. Да и остались ли у того наследники?

Когда Ларсен посмотрел в его сторону, волосатый музыкант улыбнулся персонально ему и произнес хриплым басом: “Live fast, dude! Try our pills of pure refined happiness! Keep yourself alive!”

Лучшебы сказал: «Better than suicide».

Человек в капсуле чертыхнулся и отключил Д-реальность. Мертвый музыкант замолчал, а дирижабль из разноцветного стал серым, как эта комната. «Свинцовый дирижабль» — почему-то вспомнилось ему.

«Спасибо чувак, я уже купил», — подумал тот, кого когда-то звали Олаф Ларсен.

А через полчаса ему пришла реклама. Интерактивное письмо было оформлено в жизнеутверждающие тона: «Устали от проблем? У нас вы всегда получите помощь и поддержку. Обращайтесь в ближайшее отделение Эвто-корп».

Сначала он расхохотался. А потом стукнул кулаком по межкомнатной перегородке со всей силы, оставив вдавленную дыру, почти сквозную. За стеной кто-то ойкнул. Но вмятина

быстро «заросла», выправилась.

А Олаф представил себе, как выглядела бы эта же реклама, будь она правдивой.

«Устали от проблем? Жена ушла к другому? Не можете выполнить проект к дедлайну? Нечем платить кредит? Суицид — вот лучшее решение».

«Всё-то вы обо мне знаете, — подумал он, — Но у вас устаревшая информация. Эвтаназия, говорите? Я устрою вам такую эвтаназию, что даже ваши дети кровавыми слезами будут плакать».

У него были свои поставщики дури. И они позволят ему обставить свой уход с большей помпой, чем прыжок из окна.

От скуки Олаф почитал про эту корпорацию. Оказалось, что она транснациональная, но в основном оперирует в Скандинавии и здесь в Голландии. А также на территориях Японских островов. И ее годовой оборот — четыре миллиарда глобо. Число клиентов не разглашалось. Девиз: «Ваша жизнь — ваше право».

Конечно, вряд ли много людей его возраста воспользовались бы этим предложением. И в основном по этой дорожке уходили смертельно больные и те, чей возраст приближался к сотне. Но процедура была недешевой — и даже один клиент принес бы фирме прибыль. Прецеденты, как он знал, были — и среди людей моложе него, огорченных любовными драмами, поражением в борьбе с лишним весом. Или проигрышем в казино или в чемпионате по виртуальной игре.

В других частях континентальной Европы, а тем более в Восточной и обеих Америках вот так в лоб пропагандировать уход из жизни было нельзя, и можно было подать в суд за такое письмо. Все-таки национальные законодательства отличались в важных мелочах — где-то были запрещены сигареты с никотином и крепкий кофе, где-то — разрешен даже героин и бои без правил до смерти.

Тут была Северная Европа, где чужие права — это святыня, а отношение к смерти — философское. При этом именно этот сектор стабильно занимал первые-вторые места в рейтингах продолжительности жизни. Сколько там она была, средняя? Девяносто пять?

Молодцы, голландцы. По крайней мере, честные. Это лучше, чем когда с баннеров и экранов на тебя всюду смотрят счастливые семьи (ребенок строго один, но все же он есть, а родители выглядят так, будто вместе давно и все еще друг друга не ненавидят).

Да где вы такие семьи видели? Средний брак живет всего четыре года, а восемьдесят процентов распадаются в течение

десяти лет. «Такова плата за свободу индивида», — твердят политики со всех трибун и амвонов.

«Да имел я такую свободу, — подумал Ларсен, — Верните мне старую замшелую традицию, сукины дети. Верните мне *мою* жизнь! А такая мне не нужна даже на сто лет».

Внезапно он услышал резкий дробный стук шагов по коридору и свист, похожий на шум маленького пропеллера. Потом короткую фразу, похожую на команду на незнакомом ему языке. С гулким звуком открылась дверь комнаты, соседней с его капсулой. Потом был звук, похожий на глухой удар и вскрик, который было слышно, несмотря на неплохую звукоизоляцию. Потом шаги загрохотали обратно к лестнице (которая тут тоже была, помимо лифта). Затем все стихло.

Он вспомнил как в толпе на движущейся дорожке перед отелем какой-то человек, он даже не запомнил его лица, вклинился к нему в интерфейс и начал грубо впаривать какой-то антиквариат. Это была грубость, все равно что толчок в спину. Абдул-Рашид послал ему в ответ короткую угрозу обратиться в полицию, и тот отстал. Мелкий жулик или воришка. А вдруг нет?

Он выждал два часа. Потом решил, что горизонт чист, и выходить уже можно. Приходили не за ним, а за каким-нибудь мелким нарушителем. Или активистом оппозиции — неважно, Фронды или Авангарда — и тех, и других арестовывали по всему миру в последние дни пачками. Но он не был ни тем, ни другим, и презирал их всех. Разве это борьба? Это говорильня. А борьба — это когда течет кровь и гремят взрывы.

Говорили, что половина городской полиции сектора была укомплектована теперь сотрудниками из Восточной Европы. То ли из Польши, то ли из Чехии, то ли еще откуда. Они там в Мировом Совете умом тронулись в связи с этими протестами? Перетасовывают свои силы. Неважно. Братьям эта грызня только на руку.

Потом он вышел в туалет, который все-таки имелся тут — один на каждый этаж.

В коридоре он слышал, как за закрытыми дверями «кают» кто-то плачет, кто-то заунывно напевает под нос на незнакомом языке, гнусавя и причитая. Переводчик в браслете услужливо подсказал — «язык тамильский, произведение — «Курал», собрание нравоучительных и философских афоризмов…». Перевод: «*Беспечность, порождаемая головокружением от успехов, более опасна, чем ярость*».

Индуисты, конечно, жалкие язычники. Но вдруг языком их древних лжемудрецов с ним говорит судьба? Стоило прислушаться и быть вдвое бдительным. И не позволять себе

больше того, что он допустил сегодня, подумал Олаф.

В изрисованной похабщиной каморке (стены самоочищались каждый день, но надписи обновлялись быстрее) он справил малую нужду. Но не стал доставать предмет, который передал ему связной «Меча Пророка», помня о том, что здесь видеонаблюдение установлено со стопроцентной гарантией — даже вероятней, чем в номерах. Поэтому ничего запрещенного здесь делать было нельзя.

Выйдя из пахнущей едкой жидкостью для дезинфекции кабинки, он прошел чуть дальше, в слепой тупичок. Ему говорили, что в таких отелях окно в конце коридора рядом с сортиром обычно не блокируют и его можно открыть. Хороший лайфхак для самоубийц и любителей подышать воздухом. Мол, это нужно для легкого проветривания. А иногда, чтоб служитель — универсальный робот-мойщик, похожий на паучка — мог вылезать на карниз для чистки и обслуживания внешнего освещения — и залезать обратно.

И действительно — окно открылось, ушло в паз наверху. Высунувшись наружу и вдохнув приятный, пахнущий морем воздух, Ларсен вытащил из кармана буклет с красавицей. Разрезал ножом, которым на почте открывают коробки, глянцевую бумагу в области ее груди. Словно маньяк-убийца. И достал из прорези спрятанную там черную карточку размером с ноготь. Обычную «memory card» с закосом под старомодный дизайн. Но объем ее был в миллионы раз больше, чем тех, старинных.

Когда он шел назад, индус — или цейлонец — добрался уже до другой строки: «*Можно достичь любой цели, если постоянно думать о том, как ее реализовать*».

Переводчик явно подгонял древний язык под современный офисный канцелярит. Но смысл был понятен, и он был благосклонен к воину Пророка и его начинанию. Ларсен вернулся в свой номер и растянулся на узкой койке. За крошечным окном — но дающим даже при отключенном освещении достаточно света — среди бесчисленных офисных зданий (освещенных даже сейчас, ночью) высился черный, будто вырезанный из обсидиана небоскреб. Погребальный комплекс «Элизиум». Три в одном — крематорий, колумбарий и хранилище для трупов. Гораздо компактнее, чем плоское «одноэтажное» кладбище. И места хватит еще на много миллионов клиентов. Ведь они упакованы там куда плотнее, чем живые в капсульном отеле. Рекламный слоган там тоже хороший: «У нас лучшие виды во всем Рандстаде!». И «Поднимись в стратосферу!».

Рекламных агентов, подумал Олаф, надо жечь в крематориях

живыми. И медленно, как гриль. Некоторые небоскребы в Северной Америке, точнее в ее сердцевине, безбожных United States — именовались «стратосферными». В какой школе учились авторы этого названия и знают ли они, где начинается стратосфера? Ведь «скайскрейперы» высотой в десять километров еще никто не строил. Максимум в один. Да и нужно ли? Но на безграмотных в технике клиентов такое слово действовало магически.

Уже лежа в капсуле, Абдул-Рашид побрился и привел себя в порядок. Оценил свой вид в зеркало — светловолосый, с бородкой, чуть лысоватый ростом под два метра плакатный скандинав лет сорока. Искусственно растянув уголки губ (выгляди позитивно, тварь!), он пришел к выводу, что производит благоприятное впечатление. Глаза немного выдают, но это можно исправить линзами. Он уже купил новые, а старые растворил в кислоте, чтоб гарантированно уничтожить память встроенного чипа. Просто стереть данные недостаточно.

Новые линзы исправят не только цвет, но и скорректируют выражение глаз.

Вот так. Не безумие берсерка, а деловая сосредоточенность. В самый раз для собеседования с «эйчаром»[iii].

В его профессиональных качествах вряд ли усомнятся, подумал Олаф. У него хорошее CV[iv] и отзывы от трех компаний первой сотни. И даже одной из «Великой десятки». Да, в последнее время он не летал, работал на земле. Но его заверили, что этого достаточно, чтоб его взяли в «EU Aerospace». Видимо, у Братьев были свои подходы.

На любые технические вопросы он ответит и любое тестовое задание решит. Гипнообучение во сне помогло освежить подзабытые навыки.

Главное, чтоб по результатам тестов его признали психически устойчивым.

И тогда с ним подпишут годовой контракт… из которого он проработает всего два месяца. Точный график полетов был корпоративной тайной, но Братья были если не вездесущи — то очень распространены по всем этажам общественной пирамиды.

Будущий воин Господа лежал неподвижно и медитировал. Он думал о вечном. О чести и долге. О временах, когда мужчины были мужчинами, а слова последних — не пустым трепом, а законом. Женщины же были послушны и чисты, а правители — истинными отцами и пастырями для своих народов. Вспомнил как говорил шейх Мустафа: «Лучше быть глиной в руках у Творца, чем сыном вонючей макаки». И уж точно лучше, чем мечтать стать роботом.

«Эти времена вернутся».

Он вдруг вспомнил об этой женщине. Кто она? Зачем она это делает? Ведь ей это явно не нравится. Да не все ли равно?.. Всего лишь мелкая потерянная душа, одна из многих. Есть и куда более пропащие грешники.

Вспомнил момент их близости. Сам он оставался холоден и взял ее механически. Даже не как животное, а как машина — у быка, которого как-то он видел на ранчо, было больше страсти, когда тот покрывал корову. Просто нужно было прогнать ненужные мысли, которые отвлекали его от дела. Проклятые гормоны. Если бы можно было, он избавился бы от скверны навсегда. Но он еще до принятия истиной веры был пуристом по убеждениям, а значит, не считал себя в праве вносить в свое тело изменений. А после прихода к Братьям — и вовсе потерял это право. Все, что дано Всевышним — нельзя отринуть самому.

Но недолго ему терпеть тюрьму плоти.

Утром он сядет на такой же гиперпоезд до Гамбурга.

После испытательного срока его — как ему пообещали — обязательно назначат в экипаж корабля. И эти слова, он знал, не были пустыми. Кто-то в компании об этом позаботится. Главное суметь пронести на корабль карту. У кораблей класса “Eurofreighter” сильная защита от несанкционированного доступа. Но карта была не просто размером с ноготь. Она могла быть под него замаскирована.

А уж оружие — вернее, годный для убийства инструмент — он найдет легко.

Олаф всегда мечтал увидеть Луну вблизи. Жаль, подумал он, что не удастся ступить на ее грунт… или пыль. Вместо прилунения их ждет лишь состыковка с грузовым контейнером на лунной орбите.

Хотя главным для него будет тот момент, когда они будут возвращаться на Землю. Еще за тысячи километров до нее он начнет свою операцию.

*****

В жилом отсеке Олаф поймал парящую веб-камеру, которая выглядела, почти как ее аналоги пятьдесят лет назад.

— Братья мои, настал великий час! — так он начал свое видеообращение, которое пока лишь записывалось, но не транслировалось.

Иллюминаторов на корабле не было, но Ларсен выбрал фоном экран, на который транслировалось изображение земного шара.

Его речь была недолгой. Но зато ее услышат миллионы. Если не миллиарды.

Они ее услышат в любом случае. Потому что он записал ее основную часть еще на Земле.

Он не знал технических деталей, как Братьям удастся подключиться к глобальной микроспутниковой сети компании «Скай-Системз». И не питал иллюзий, что правительство и спецслужбы Корпуса мира не прервут трансляцию в первые же минуты. Ему сказали, что речь должна занимать не больше пяти. Он сочинил ее тогда не сам. Его заставили зазубрить с помощью мнемотехники готовый текст, который ему дали Братья. Никакой импровизации не позволили. Они пустят это в эфир, даже если сам он будет в это время уже испарен в облаке горящих обломков.

Поэтому теперь он решил добавить немного от себя. Это уже была его инициатива. Не Братьев. Но они не могли препятствовать.

— Это мои слова для всех верующих в Единого бога и всех народов, желающих свободы! Наше время вернется! Время правды, традиций и веры! Время людей, а не машин! А теперь специальное послание для жалких кровососов, которые присвоили себе право распоряжаться нашими жизнями, превращать мужчин в женщин, а людей в похотливых животных. Бегите и прячьтесь, черви, но вам не уйти от возмездия! Всего через несколько минут взрыв бомбы невиданной мощи возвестит начало новой эры. Эры милосердия и справедливости. А вы… вы просто сдохнете. Сейчас, в огне с небес, или чуть позже, визжа от страха. И никто о вас не вспомнит. Горите в аду, лицемеры. Иншалла.

Здесь была заключена небольшая ложь. Маленькое преувеличение, чтоб нагнать еще больше страха. Нет, ложь была не в том, что грядет эпоха мира и справедливости. А в том, что на корабле якобы была бомба. Ее не было. Сам корабль был ею. Никто не знал, что будет с грузом гелия-3 и ядерным горючим в топливных баках при ударе о поверхность с такой силой.

Скорее всего, радиоактивное облако и локальные разрушения, но никакой детонации. Но даже само падение на город корабля массой восемьсот тонн — несущегося со скоростью около десяти километров в секунду, должно иметь эффект, похожий если не на возможный результат падения астероида Икар, то на взрыв Тунгусского метеорита. И этот взрыв будет в шаге от штаб-квартиры Мирового совета! В самом сердце Шайтана. Конечно, все мерзавцы не погибнут. Но их трон затрясется. И тогда… это не было озвучено, но он и сам мог догадаться — в дело вступят его братья там, на Земле. По всему

миру. Конечно, Союз Освобождения Земли и Авангард тоже попытаются воспользоваться сумятицей. Но у них ничего не выйдет. Их идеи слишком сложны, а сами они слишком глупы.

Закончив запись, он поставил таймер на отправку сообщения.

Он внес в курс все необходимые коррективы. Вернее, не сам, а программа. Троянский конь, которого ему передал на карте связной в Амстердаме. Никаким сетям Братья передачу этих трех гигабайтов не доверили. Криптографии они доверяли еще меньше, чем человеческой лояльности.

Ему оставалось лишь спрятать карту в личных вещах для проноса на борт — а после прохождения медосмотра спрятать на своей руке. А после, вернув ей первоначальную форму, вставить в локальный порт для установки на корабельный компьютер. Да, тут, увы, нельзя было обойтись без всемогущей цифры.

И вот рукотворный астероид с грузом гелия-3 был в его власти. И эра огненного Милосердия скоро должна скоро была наступить.

Ларсен старался не думать о тех жителях мегаполиса, которые к WorldCouncil и его лакеям отношения не имели. Нельзя пожарить бекон, не забив свинью… хорошо, что Братья не могли в этот момент залезть ему в голову. Ну ладно, не бекон, а бифштекс.

Был только один человек в Женеве, до которого ему было дело, который в свое время поддержал его в трудную минуту. И чтобы очистить совесть Абдул-Рашид — теперь уже он будет им до конца — отправил два часа назад шифрованное сообщение. Не сам отправил с борта, это сделала программа-органайзер с его ящика на Земле. Была маленькая вероятность перехвата. Братья бы не одобрили.

Но это уже не могло ничего изменить. С того самого момента, как он расправился с командой, а корабль под его управлением изменил курс, там внизу уже подняли тревогу. И забегали как тараканы. Всполошились и тайная полиция, и бюрократы, и военные. Хотя он все сделал по инструкции Братьев, пытаясь это скрыть. Не вышло.

Кто-то там внизу эвакуировался и прятался в убежища. Хотя они пока не могли знать его цель. Плевать. Все не спрячутся. К тому же главное даже не урон, а символ. Знак, что шайтаны тоже уязвимы.

Его наверняка попытаются сбить. Он читал, что у Корпуса мира есть несколько кораблей с противоорбитальным оружием. А он даже не заметит их приближения, ведь навигационная система «Теодора Рузвельта» не чета тем сенсорам, которые могут быть установлены на этих патрульных судах.

И на поверхности наверняка есть средства защиты — ракетные, ионные, рельсовые.

Странно, что они до сих пор по нему не выстрелили. Можно только гадать, почему. Вначале — и в эту деталь плана он тоже был посвящен — наземные службы водила за нос та самая программа, симулировавшая голос капитана корабля для связи с Центром Управления. Произошла минутная задержка всего одного сеанса связи из-за его, Олафа, нерасторопности.

Потом, когда отклонение от курса и отсутствие необходимого снижения скорости уже нельзя было скрыть и объяснить… они там внизу могли списать все на проблемы с системой управления. Даже без его участия программа честно изобразила (голосом покойного) жуткую панику и потерю контроля. Они могли заподозрить, что что-то не так с психикой капитана. Пусть лучше думают так.

Он попытался поставить себя на их место. После прохождения рубежа в двести-триста километров корабль наверняка оказался в зоне досягаемости противокосмической обороны. Но Братья говорили, что его новая траектория будет такова, что к Земле он приблизится над слепым пятном в ней. А после его движение будет пролегать исключительно над густонаселенными районами. Где даже падение горящих обломков приведет к многотысячным жертвам.

Да и сам корабль стоит очень дорого. С ним до самого конца пытались выйти на контакт. Они уже все поняли. Предлагали озвучить условия. Предлагали сдаться. Поэтому и не стреляли. Ждали до последнего.

Но вот эти попытки прекратились. Видимо, все сомнения у них исчезли. Но они не стреляли. Может, не имели на этой дистанции гарантии попадания и ждали, когда он приблизится. А может, кто-то там внизу вывел нужный сегмент их ПВО из строя.

Несколько минут он не находил себе места, ожидая вспышки. Думал, каково это — умирать таким образом. Успеют ли среагировать человеческие нейроны и передать мозгу боль разрушаемого тела.

Но стрельбы по нему не открыли. Бог, которого он так долго отвергал, вел его своей невидимой рукой.

А теперь, когда он уже вошел в верхние слои атмосферы под нужным углом, для них было поздно. Если траектория верна, то даже без пилота — и даже без автопилота — корабль ударит по нужной точке. Наверняка ей был Правительственный квартал Женевы, подумал Абдул-Рашид. Им поможет только его полное разрушение. Хотя и тогда высотный взрыв — не ядерный, но с разбрасыванием радиоактивных материалов — и падение

обломков нанесут врагу немалый ущерб.

Возможно, его убьют раньше, чем корабль успеет войти в плотные слои атмосферы. Но он был склонен верить мудрости Братьев. Они бы не послали его на эту операцию, если бы она была безнадежной. Слишком большие средства были затрачены. Да, он обречен погибнуть, но гибель не будет напрасной. Многотонная махина должна попасть по городу. Хоть и говорили, что эти корабли безопасны, но у него были другие данные. Экологи долго протестовали против этих полетов в свое время. Немного успокоил их только перенос космодромов для тяжелых кораблей в необитаемые районы и на океанские платформы. Но сегодня полет пройдет прямо у них над головами…

От нечего делать смертник начал пролистывать вкладки на экране капитанского терминала. Большинство из них оказались заблокированы, будто система — вернее, перехвативший управление «троянский конь» — не собирались давать ему возможности порулить процессом самому. Это немного обескуражило. Вот насколько низко они ценили его, дипломированного инженера! Но, подумав, он успокоился. Не время для гордыни. Им там виднее, а любая самодеятельность может разрушить операцию, которая готовилась многие месяцы.

Крохотная красная искорка, мелькнувшая на одном из доступных экранов (который совсем не был похож на знакомые ему экраны радаров), не привлекла его внимания, и он тут же переключился на другой. А между тем искорка медленно ползла из верхнего правого угла экрана к середине. Приближаясь к точке пересечения осей. К своей цели.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[i]У земли скорость, соответствующая 1 Маху, будет равна приблизительно 340 м/с (скорость, с которой люди привычно считают расстояние приближающейся грозы, измеряя время от вспышки молнии до дошедших раскатов грома) или 1224 км/ч. На высоте 11 км из-за падения температуры скорость звука ниже — около 295 м/с или 1062 км/ч.

[ii] Pimp (англ.) — сутенер.

[iii]Эйчар — HR (human resource manager).

[iv] Curriculum vitæ, CV (в переводе с лат. — «ход жизни») — краткое описание жизни и профессиональных навыков.

Часть 2. Ржавые земли

«Мой принцип — ставьте перед собой реальные цели.

А вот мои задачи на ближайшие сто лет.

Я хочу инвестировать в перспективные IT-стартапы,

которые обеспечат прорыв человечества к Сингулярности.

Хочу помочь нам превратиться в бессмертных постлюдей,

которые преодолеют биологические ограничения и расселятся по вселенной, преобразовывая материю и пространство.

Я собираюсь стать лидером в трансформации homo sapiens в homo ultimus.

Тем, кто поведет человечество в новый мир».

Из интервью с Дмитрием Фельдманом, инвестором и финансовым аналитиком из Кремниевой долины, 2035 г., за полгода до банкротства и депортации.

Слепой, налетчик пустоши

Ветер налетал порывами. То его не было вовсе, и повисал мертвый штиль, то вдруг он начинал рвать и хлестать. Щелкать, как кнут, когда на пути попадались преграды из металла или шифера… Ветер приносил с собой запахи мазута и гари. Запахи беды и катастрофы. Упадка и гниения.

— Ящер! — тихо позвал Слепой. — Будет буря? Что думаешь?

— Будет, командир, — разведчик в сером пятнистом камуфляже, слегка потрепанном, но еще крепком, даже не обернулся, продолжая смотреть на горизонт, на клубящиеся тучи. — Но не раньше, чем через час. Успеем дойти.

Винтовка казалась продолжением рук, настолько редко его можно было увидеть без нее. Минуту назад он приник к оптике, что-то высматривая в роще голых засохших апельсиновых деревьев, но сейчас был спокоен. А его чутью командир маленького отряда доверял.

Посмотрев вниз, тот, кого в Ржавых землях знали как Слепого — а раньше под другим, ныне забытым именем — увидел лужу, покрытую радужной маслянистой пленкой. А ведь когда-то тут была процветающая ферма, на сотне гектаров выращивали фрукты и овощи. Теперь от хозяйственных построек остались

коробки стен без крыш, а поля затянуло илом. Линия железобетонных столбов, ушедших на несколько футов в грязь, обозначала направление к городу.

Слепой тряхнул головой. С поверхности мутной воды на него глядел потертый жизнью, но еще не старый мужик. В темной пропыленной одежде, с черной повязкой на левом глазу. Правый светился умом и волей, которая всегда заставляла его врагов отступать, а товарищей — прислушиваться к нему. Он настолько привык обходиться одним глазом, что почти не ощущал неудобств. И сужения поля зрения тоже уже не замечал.

Отхлебнув из фляги, висевшей на поясе, он поморщился. Фляга хорошая, армейская, с камуфляжным чехлом. Но вода была затхлая и вдобавок еще пахла машинным маслом и пластмассой. Прополоскал рот, но воду не выплюнул, а проглотил.

Нет, у них не было дефицита питьевой воды. Контролируя три скважины, два десятка колодцев и устье чистого, незагрязненного ручья, который брал свое начало в Каскадных горах, а также несколько километров его каменистого русла, бригада даже продавала воду всем желающим. И для питья, и для полива. Конечно, у местных реднеков, *чиканос* и особенно городских беженцев не было денег, поэтому платили они за живительную влагу в основном натурой, отдавая не меньше половины своего урожая. А ведь еще существовал налог за защиту. Который они тоже платили бригаде. Поэтому, когда урожая не хватало, чтобы рассчитаться, — платили своим трудом, практически рабским. И все равно оставались должны, попадая в кабалу. Что поделаешь, жизнь — жестокая штука.

Потрескивал в кармане разгрузки счетчик. Нужная вещь там, где вода размыла и разрушила не только фруктовые плантации, но и немало химических предприятий и пару АЭС. И так же потрескивала рация, включенная на сканирование эфира на самых популярных в Долине частотах. Но эфир был пуст. Все попрятались в ожидании песчаной бури. Самое время, чтобы сделать вылазку и собрать все ценное, что могло остаться от разграбленного каравана старьевщиков из города.

За ним шли, ступая почти след в след, как серые тени, его бойцы. У многих лица были закрыты платками на манер арабских шемагов. Хотя как раз арабов среди них сейчас не было.

Некоторые из местных почему-то не доверяли мусульманам. А сам он плевал на предрассудки и не доверял никому.

Через полчаса они миновали межевой знак — опору линии электропередач со скелетом на самом верху. Костяк был настолько отбелен временем, солнцем и ветрами, что уже не привлекал ворон, а его отдельные части были искусно соединены

проволочками, вставленными в просверленные дырки, и только за счет этого держались вместе. Костяная рука, подвязанная веревками, указывала на север, как стрелка компаса. Костей, конечно, был недокомплект — чертов шутник использовал только самые крупные. Ящер даже помнил его прозвище, хотя того шутника уже почти год не было в живых, а его собственные кости растащили койоты.

Они шли вдоль шоссе, которое можно было узнать только по ободранным рекламным щитам и проржавевшим дорожным знакам. Кругом было поле засохшей грязи, из которого торчали редкие автомобили — в основном легковушки, то отдельно, то сбившиеся в кучки. Среди них возвышались несколько бензовозов с давно сухими цистернами и пара фур, разграбленных еще в первую неделю Потопа.

По мере приближения к Сакраменто машины попадались все чаще. В них почти не было мертвецов, потому что беженцы — кроме самых глупых и жадных — успели их бросить, видя приближение волны. Но дальше в сторону мегаполиса скелетов попадалось более, чем достаточно, потому что дороги были запружены, и далеко не всем удалось добраться до возвышенностей. В самом городе катастрофа застала людей врасплох и многие не смогли спастись, потому что эвакуацию объявили слишком поздно, и волна цунами прошлась по городским улицам, поднимаясь в узких местах и низинах до третьих этажей. Выжили те, кто успел забраться выше. Все, кто не хотел бросать свои дома и имущество — отправились на корм рыбам. Сами рыбы, впрочем, недолго радовались — море отсюда ушло, и осталось болото, которое постепенно высыхало под жарким калифорнийским солнцем. Теперь тут была пустошь.

Но город-могильник им сейчас был не нужен. Поэтому, не доходя до приметного виадука, где часто случались засады (которые устраивали в основном они сами), группа свернула на однополосную бетонную дорогу, тоже почти скрытую наносами, и пошла на юг.

Они никогда сами не называли себя бандой, хотя именно так их звали другие. Бандой черепов, или skullzz. Татуировки в виде скалящейся черепушки были у каждого.

Это место не знало ядерной войны, хотя и выглядело очень похоже. Катастрофу принесла вода, а не огонь. Та самая вода, которая по иронии судьбы, была для них дефицитом и драгоценностью, за которую убивали… при том, что другой, бесполезной соленой воды всего в десяти милях было столько, что хоть утопись.

Но пресной не хватало. И половина ее была отравлена. Не зря

тут в Ржавое озеро впадала река Дохлая. Тоже появившаяся уже после потопа.

— Я на позиции, — произнесла рация голосом Раджи. — Фиксирую перемещение объекта. Объект похож на собаку. Продолжаю наблюдение.

Слепой поморщился.

— Говори по-простому, индус. Ты не в Болливуде. И даже не в Голливуде.

— Понятно, босс. Продолжаю наблюдение.

— Смотри, не проворонь чего-нибудь. И не выделывайся.

Он имел в виду: не изображай из себя американского военного из кино, когда сам ты не ветеран из «Морских котиков», а выходец из трущоб Бенгалии. В отряде полный интернационал, какой только возможен. И он был приблизительным срезом населения Побережья, а не чем-то экзотическим.

Раджа — новенький, его звучное прозвище было чем-то средним между авансом и издевательством. Его приняли в группу всего месяц назад, раньше он жил в Дэдпорте, в палаточном лагере беженцев, где только у самых богатых имелись трейлеры или переделанные под жилье контейнеры, и перебивался рыбалкой и охотой на мелкую дичь типа собак, а может и кошек.

Пока он себя ничем толковым не проявил, хотя и косяков за ним тоже не было. Сегодня ему доверили прикрывать их в головном дозоре отчасти потому, что он был одним из наименее ценных.

В небе кружил стервятник. На обочине у щита, где еще висели выцветшие обрывки баннера — «В*сего «49.99 долларов!»* — валялся череп лошади, будто реквизит для фильма-вестерна. Рядом с ним, свернувшись, лежала змея-гремучка. Но не успела она даже принять угрожающую позу, как была убита, а ее тушка — убрана в вещевой мешок. Пригодится на ужин.

Костей вокруг полно. Не зря это место зовется теперь Bonevalley — Костяная долина. А вот живности тут мало. Помимо людей во время привалов надо опасаться лишь змей и скорпионов.

Вот только они не собирались делать привал.

— Это городские? — спросил Слепой у помощника.

— Нет. Какие-то новые. Никто их тут раньше не видел.

— Вышка стоит на нашей территории. Какого дьявола они вообще сюда влезли? — произнес Слепой, скорее размышляя, чем ожидая ответа. — Думают, мы совсем сдулись?

— Оборзели, — произнес другой его подручный по кличке Палач. — Надо разбираться.

Высокий, смуглый, с покрытым шрамами никогда не

улыбающимся лицом, он похож на героя фильмов Тарантино или Роберта Родригеса. Его национальность никто точно не знал — говорил он без акцента и без местных словечек, а следы от ожогов и старых ран делали лицо похожим на маску. Но свое дело Палач знал, и правой рукой шефа был именно он. Еще он улаживал все проблемы силовым путем, а не дипломатическим (этого он не умел). А заодно лично пытал и калечил тех, на кого указывал Слепой. Должников, пленных из соседних бригад, просто случайных чужаков-бродяг. Не всех, но тех, кто мешал их бизнесу.

— Надо, — кивнул главарь. — Но хорошо бы миром. Нам сейчас любые непонятки лучше решить без стрельбы.

Еще бы, подумал он. С востока жмут Костяные головы. С юга, с другого берега Реки Страданий, неглубокой протоки, которая возникла уже после потопа, лезут Сыновья пустыни. С запада — океан, воды которого стояли на новой береговой линии с тех пор, как полуостров стал островом. С севера горная цепь Сьерра-Невада. С юго-востока пока еще не жмут… но мир с Койотами шаткий — того и гляди решат попытать счастья, почуяв слабину.

Они и так потеряли несколько ферм, которые платили хорошую дань. Патроны заканчиваются, остались только самые ходовые, а крупнокалиберные пулеметы давно молчат, оказавшись на голодном пайке. Бензина тоже почти нет, поэтому и «технички» — пикапы пустыни, и байки стоят мертвым грузом в гаражах. А самое главное — грузовики не на ходу, а значит, нельзя организовывать свои караваны, приходится полагаться на пришлых. А они сегодня есть, завтра нет. Материальная база слабая: почти нет запчастей. Мало и солярки. Без этого того и гляди остановятся помпы, тогда воды станет втрое меньше. А значит, меньше и дохода от арендаторов в Долине. Они просто разбегутся. Получается замкнутый круг.

Нет, им сейчас еще одна война не нужна. Их и так потрепали. Надо отжать Вышку, но по возможности мирно. Просто оставив своих людей на заправке. На этой точке, помеченной на картах громким словосочетанием “gasstation” — конечно, даже духу бензина давно нет — но зато там удобная позиция на возвышенности, откуда простреливается та самая Вышка (иначе называемая Качалкой) и все подъезды к ней. Если занять заправку — можно прогнать чужаков со старого нефтепромысла, где давно кто-то соорудил кустарную установку по добыче нефти, которая меняла хозяев раза четыре.

Или хотя бы обговорить с ними условия, на которых они оттуда слиняют.

Такая вот, блин, геополитика.

Вдруг Слепой поднял руку. Отряд остановился. Главарь

привык доверять своим предчувствиям. Часто именно они выручали. Хотя знал, что это чутье могло быть и перестраховкой. Много раз именно игнорирование предчувствий, неоправданный риск — позволяло получить самые жирные барыши.

А сейчас ему казалось, что риск оправдан. Надо отхватить этот вкусный кусок, пока поляну не застолбили другие. Тогда у бригады будут шансы выжить. Иначе труба. Каюк. Поэтому, постояв примерно полчаса, после небольшой разведки, они снова двинулись в путь.

За пару миль до Качалки близко к шоссе подступали два безымянных и почти симметричных холма. Издалека, с их наблюдательной точки — крыши делового центра, где они находились час назад — эти холмы были похожи либо на сиськи, либо на задницу, в зависимости от вкусов смотрящего. Между ними на дороге виднелась вереница проржавевших «траков» — тяжелых грузовиков с прицепами. Останки раздербаненного каравана, который попал в засаду именно там, где его было удобнее всего взять в клещи. Караван чужаков с материка — а значит, считался законной добычей. Но унести с собой все ценное налетчики — те самые Костяные головы — не смогли — их прогнали явившиеся на звуки долгой перестрелки Ангелы ада.

Бонхеды оказались не робкого десятка, и отбивались умело, оправив на тот свет немало бывших байкеров. Потом к тем подошла подмога от их корешей из города — и они все-таки перебили Костяных. Но у «ангелов», которые уцелели в бою, просто не хватило ни сил, ни техники, чтобы собрать все законные трофеи. А к тому времени, когда они вернулись, все ценное уже растащили бригады поменьше и просто фермеры и бродяги. Трупы обглодали до костей койоты, волки и птицы. В этих местах столько костей, что несколько десятков костяков ничего не изменили в пейзаже.

Кольнуло в ноге. Да уж. Старость не радость.

И в тот момент, когда он непроизвольно посмотрел на свое колено, раздались выстрелы.

Первым упал Палач, но упал легко, пружинисто, одновременно крикнув:

— Засада, ложись!

Ящер последовал его примеру. А вот двое из бойцов-автоматчиков, которые были не такими расторопными, упали мешками, получив по пуле. Остальные, впрочем, успели залечь, одновременно с ними укрылся за широким гладким камнем, похожим на гранитный обелиск, и сам Слепой.

Рефлексы уже не те.

Бойцы залегли, поливая из двух автоматов и пулемета чахлые

кусты на пригорке, откуда по ним вели огонь. Там дрожали ветки и виднелись блики. Тут уж было не до экономии патронов — живыми бы остаться.

Щелкали одиночные выстрелы из полуавтоматического оружия. Чуть приглядевшись, вели огонь не в пустоту, а на поражение, заметив врага. Маскироваться гады не умели. В бригаде было несколько хороших стрелков, которые могли любому дать «прикурить». С той стороны продолжали стрелять, но интенсивность огня сразу упала, как только бригада дала им ответку по полной. Кто-то бросил из зарослей гранату. Но она взорвалась, не долетев, и осколками не задело никого.

— Их мало, — услышал главарь в секунду затишья шепот Ящера. Тот лежал метрах в пяти и методично стрелял по кустам, перед каждым выстрелом тщательно высматривая цели.

Напали чужаки не в самом удобном для себя месте. На этом небольшом возвышении, не дававшем особых преимуществ, было негде спрятаться, кроме пары кустов. А вот внизу, где проходил отряд, ландшафт был таков, что найти укрытие мог для себя каждый.

Несколько напавших уже лежали неподвижно. Один скатился прямо к ним по склону, ноги другого торчали из зарослей. Они были одеты не в пустынный камуфляж, а как беженцы — грязные джинсы, засаленные куртки, на ногах стоптанные кроссовки.

«Их осталось двое» — показал с помощью пальцев правой руки Ящер. Через минуту, когда вся банда сконцентрировала огонь, остался один.

Еще выстрел… И с той стороны все смолкло.

— Чисто, — услышал он голос Раджи. — Я его снял, командир. Последнего!

Со всеми предосторожностями бригада выдвинулась к тому месту, где лежали трупы нападавших.

А вот и нет. Последний был жив, хоть и подстрелен. Он лежал на животе в луже крови и пытался подняться, бормоча бессвязные ругательства. Рядом валялся в пыли его рюкзак, который Ящер ударом ноги отпихнул подальше, чтобы тот не достал оттуда что-нибудь. Внутри позвякивало.

Лежащий выглядел плохо. Пуля попала ему в живот, с такими ранами в пустоши не живут. На вид ему лет тридцать, он был в кожаной куртке, бритый, с черными усами, похожий на мексиканца. Его полуавтоматическую винтовку AR-15, Ящер сразу забрал себе по праву трофея.

Подбежали еще трое «черепов», и пока двое бойцов держали умирающего на мушке, третий, не обращая внимания на причитания, перевернул его на спину и обыскал, сорвал кобуру с

пистолетом и ножны с охотничьим ножом.

Только после этого Слепой подошел поближе, неспешной походкой хозяина положения.

— Вы что, дебилы? — остановился он рядом с подстреленным, стараясь не запачкать сапоги его кровью. — Зачем вы напали? У вас же шансов не было.

— Ты что, еще ничего не понял, русский? — произнес, глядя на него с презрительной ухмылкой, лежащий, — Дело не в тебе и твоей банде. Просто среди вас фашист.

И посмотрел мимо него на Палача — с ненавистью. Настоящей ненавистью.

— Красная свинья, — вдруг ответил пленнику человек со шрамами, подходя поближе и с хрустом наступая тому на запястье, — Даже жалко, что не могу убить тебя здесь. Но когда я доберусь, то отрежу тебе уши и яйца. Меня зовут Родриго, свинья. До встречи в реале.

Слепой вдруг понял, что впервые слышит настоящее имя Палача. Они вообще редко звали друг друга настоящими именами. Вот его, например, звали Виктором, а многие ли знали об этом? Ему не были известны настоящие имена почти половины из двенадцати оставшихся в живых членов бригады. Кстати, убитым надо подыскать замену в городе.

— А ты молись, фашистская мразь, — заговорил раненый совершенно спокойным, лишенным интонаций голосом, глядя в глаза Родриго. — Думаешь, вам простили Гвадалахару?

Остальные смотрели на них с неподдельным удивлением. Кто такая или что такое эта Лохара?

А вот эти двое друг друга похоже, прекрасно поняли.

— Да, краснопузый, круто мы вас покрошили. И еще будем. Вы же хотели земли, амиго? Вот мы вам ее и дали, — произнес Палач, еще больше вгоняя командира и соратников в ступор.

— Еще посмотрим, кто кому даст.

Граната появилась у раненого в руках из ниоткуда. Только что ее не было — и вот он уже сжимал рубчатый круглый предмет размером с крупное яйцо. А время замедлилось, будто секунды растянулись до минут.

Он не выдергивал чеку. Но тем не менее она взорвалась раньше, чем хоть кто-то успел среагировать. С виду это была обычная «лимонка», но ее взрыв оказался белой плазменной вспышкой, которая накрыла всех, кто был рядом. Последнее, что увидел Слепой, прежде чем вывалиться в реал, был ужас в глазах Палача… на груди которого расплывалось пятно чернильной пустоты. Чистого ничто. Это было похоже на «артефакт» — как называли не только предмет, но и дефект изображения, в

просторечье именуемый glitch — «глюк». Но глюков такого размера Слепой никогда не видел.

Хотя он уже был никакой не Слепой, командир бригады пустынных рейдеров из Ржавых земель, а Виктор Семенович Григорьев, *скриптор* из России. Не бандит, а уважаемый человек, творец сценариев для *вирок*, которого знали миллионы по всему миру.

*****

Виктор Григорьев, скриптор, Российское Государство

На мгновение все вокруг стало черным, будто он окунулся в небытие.

Попытался зайти снова. Активировал взглядом команду «обновить».

Connecting to VR-area 235. Please, stand by.

На мгновение вокруг зажегся синий свет. И тут же снова стало темно. Лишь красная надпись мозолила глаза:

Critical error. Disconnecting from VR-area 235. Please, try again later.

Да что за хрень?

Игрок отчаянно затряс головой, пытаясь снять шлем, пока не вспомнил, куда надо нажать, чтобы ослабить застежки, препятствующие спонтанному снятию устройства во время онлайна.

В глаза сразу ударил свет. Но это только с непривычки. Жалюзи были опущены, слабым ровным свечением горел потолок. В полутемной комнате было так тихо, что слышно было, как работает почти бесшумный кондиционер. Где-то за стеной в прихожей жалобно мяукала и скреблась собака.

Ах да. Некому ее вывести.

Маленький колесный слуга «умного дома», который водил тойтерьера гулять, неделю назад сломался — забился шерстью вал. Сам дом был хоть и «умным», но без сервисной компании починить дрона не мог. А сервисники уже второй раз переносили сроки, потому что не было каких-то редких комплектующих. «Вы купили японского робота, которых уже на тот момент не делали, — вспомнил он диалог с ними. — Взяли бы нового китайского или хотя бы российского — проблем бы не было».

Поэтому и приходилось, кряхтя, выходить с животным на задний двор по старинке. Все же он был не такой сволочью, как ее прежний хозяин, который запрещенную операцию на голосовых связках ей сделал, а когда надоела — сдал в приют, где ее

должны были усыпить, если бы не нашлись добрые руки.

«Иногда так делают и с людьми, — подумалось ему. — Разве что с их согласия».

Хотя насчет доброты… это еще большой вопрос. Никогда Виктор Семенович себя добрым не считал. И когда он получал свой законный отдых — весь мир должен был подождать. Но псина, которой он в шутку дал имя Муму, ждать не желала, и своим почти кошачьим (хорошо еще, что не человеческим) голосом напоминала об этом.

Чертыхаясь, он отстегнул костюм от креплений для рук и ног. Хватит на сегодня изображать из себя не то витрувианского человека да Винчи, не то распятого Христа.

Откинул прозрачную крышку. У него была капсула от “Dream-Worlds” одной из самых дорогих моделей. Мягкие податливые стенки и никаких ассоциаций с гробом Дракулы. В бюджетном (нищебродском, как сказали бы в пору его молодости) варианте хватило бы костюма и очков, но мягкая фиксация конечностей предохраняла от травм, а капсула — от риска упасть с кровати.

Он застал все это уже взрослым. И помнил эволюцию VR-систем от простейших очков и шлемов начала века, заменявших только дисплей, до систем с полным погружением, напоминающим REM-сон, то есть близким к осознанным сновидениям. Или, скорее, к тем картинкам, которые уставший человек видит на границе сна и яви, только здесь мозг генерировал их в ответ на слабые визуальные сигналы прибора. Задача прорисовки изображения делилась между цифровым видеопроцессором и вычислительными мощностями аналогового человеческого мозга. Хоть и не поровну и не напрямую.

Да, все это миллион раз уже описывали фантасты, в том числе он сам в своих ранних рассказах. Ну что тут скажешь? Предвидели правильно, в отличие от тех творцов, искренних и умных, кто писал про космические корабли с ламповыми компьютерами на перфокартах.

Компьютеры были уже квантовые, а инопланетные миры пока еще оставались недоступны… за крохотным исключением. Для единиц, первопроходцев Луны и Марса.

А вот виртуальные активно осваивались всеми.

Молодежь знала VR уже только такой и никакой иной. Мониторы они видели только в школьном курсе истории техники, как и «мышки», «клавы», джойстики, ноуты и шлемы с очками первых моделей. Хотя все эти вещи реально использовались до сих пор, пусть и не производились. Их наштамповали столько, что на сто лет вперед хватит. И пользовались ими не только дикари в бедных и отсталых районах, но и целые сообщества ретроманов,

которых еще называли ретрофагами.

Первые виртонавты действительно ходили, переставляя ноги, по подвижной платформе, похожей на горизонтальный траволатор. Прыгали на месте, сжимая в руке рукоять несуществующего автомата, и поворачивались всем телом на звук выстрела. Действительно повторяли все движения. Все это стало темой для множества пародий, которые особенно любили ретрограды пенсионного возраста. Но теперь это было в прошлом. Сегодня все пользователи виртуала были почти неподвижны, а костюмы фиксировали и интерпретировали самые слабые сокращения мышц. В речь превращались такие же слабые движения губ.

Он поднялся на ноги. В принципе, в костюме можно было не только спать или дойти до туалета. Можно было завтракать, не снимая, или даже сходить в какой-нибудь магазин на углу. Благо, он был похож на гидрокостюм, а в таких теперь иногда ходили по улицам, и не только на пляже и за городом, а просто в спальных районах. Такая мода. Кто-то ходит как дровосек, кто-то как аквалангист, а кто-то с ушами японской лисицы кицунэ.

Впрочем, этих «маленьких магазинов на углу» осталось мало даже в Москве. Зачем ходить на угол за хлебом или молоком, если все, что надо доставят на дом? А кое-что уже можно напечатать или вырастить у себя на кухне. Кухня у него была одна из лучших в премиум классе. Не эта ерунда в духе ретрофутризма и игры Fallout… механические руки, которые на ваших глазах могут смешать коктейль прямо в бокале. Курам на смех. Нет, нормальная функциональная вещь, сплошные овалы и круги, белый цвет, как у старого доброго «Айфона». И все упрятано в эргономичный корпус. Когда крышка открывается, человек получает готовое сервированное блюдо или напиток.

Молл — это другое. Туда еще ходят те, кому за пятьдесят. Это не магазинчик, это все-таки культурный досуг. Хоть и тоже с сильным оттенком ретро. Ну, какой человек, ценящий свое время, пойдет сегодня в кинотеатр? Театр и то популярнее… за счет претенциозной элиты и тех, кто хочет ею выглядеть.

Из той же серии были ретро-лавки, где те эстеты, у кого в голове «теплые ламповые мозги», могли купить себе радиолы, граммофоны, кассеты, CD-диски или другой антиквариат. А еще барбер-шопы с живыми цирюльниками и кофе-хаузы с живыми баристами. Григорьев всегда путал последних с барристерами из стран англосаксонского права, а кофе пил обычный, причем редко вне дома. Зачем переплачивать дармоедам?

Но все это претенциозное старье было жутко популярно. Этот культ старины вообще-то его слегка злил. У него дома было

только то старье, которому не было функциональных аналогов.

— Да не скребись ты. Сейчас, сейчас, — проворчал он собаке.

Сами собой поднялись жалюзи. Солнце ударило в глаза, теперь в полную силу, как боксер. Но зрачки быстро подстроились под изменение освещенности. Одновременно, экономя электроэнергию, погас потолок.

За окном возвышались египетские пирамиды из Долины Царей, поднимаясь тремя ярусами из-за горизонта в лучах солнца. На их фоне подмосковный пейзаж смотрелся особенно забавно.

Это место ему нравилось. Экология, логистика, да и цены божеские. А пейзажи он менял время от времени, делая наложение, не закрывавшее, впрочем, обзор. Неделю назад там была Эйфелева башня. Москву тоже частенько ставил. Это было видно со всей территории участка. Вот только смотреть на это было особенно некому, потому что гостей он к себе больше не приглашал, и таких шумных компаний, как в прежние десятилетия, не собирал.

Виктор Семенович прошел по комнате от капсулы к окну и обратно. Мышцы его были относительно крепкими, несмотря на возраст — он знал меру во всем. И даже если бы лежал в виртуале целыми днями, с зондом и внутривенным питанием, как некоторые извращенцы — они не стали бы дряблыми, потому что костюм слабыми электрическими импульсами не давал крови в мышцах застояться, а самим мышцам — бездействовать. К тому же он отводил по часу-другому в день на физическую активность — пробежки, плаванье, несложные упражнения на домашнем тренажере.

Хотя все равно заметно, что бицепсы и грудные мышцы уже не те, что пять лет назад. Но тут уже дело в возрасте, а не в виртуале. Обманывать природу можно только до определенного предела. Дальше уже даже достижения науки не помогали.

Виктор Семенович снял VR-сьют, пропахший потом, и поплелся в ванную. Сначала обычный душ, потом ионный. Конечно, бактерицидный костюм для гигиены без воды, в котором можно вообще не мыться, для совсем ленивых, стоил недорого. Но Григорьев считал, что это перебор и первый шаг к деградации.

Освежившись, надел шорты и футболку.

В противоположном конце коридора в комнате, где поддерживалась минимальная влажность, стояли в специальном шкафу его роботицы, деактивированные. Не стоит верить разработчикам о «всепогодности», если знаешь о случаях отказа в гарантийном ремонте — мол, пользователь сам виноват. На словах с ними можно хоть купаться. На самом деле короткий душ

или помещение в воду им не вредили, но нахождение в ней в течение длительного времени, как говорили опытные владельцы, могло повредить кожу. Он предпочел не рисковать.

Одну из них Григорьев купил себе сам, из любопытства. Вторую, не зная, подарил товарищ. В большом пустом доме было не так одиноко, а с системой «умный дом» они прекрасно интегрировались. Могли подать что нужно и пыль смахнуть. Но двух одновременно он никогда не включал.

Хотя вот уже месяц он не включал ни одну. Даже забыл последние имена, которые ставил им до сброса настроек и чистки памяти. И аккумуляторы были вытащены.

Конечно, годились они не только для уборки. Любой взрослый человек поймет. Но, во-первых, у него возраст уже не тот, и самочувствие в последний год не ахти, а во-вторых, нельзя отвлекаться от дел. Странно, но почему-то близость даже с такой женщиной вышибала из колеи сильнее, чем виртуальная стрелялка. Инстинкт верил, обманывался, заставлял думать о бездушной железяке и привязываться к ней. А это лишнее.

Ладно, хоть не надо их в рестораны водить и свидания лишены тягостных пауз, обид и недомолвок. Кастомизация внешности от фирмы производителя была выполнена идеально под его вкус, впрочем, он мог поменять эти параметры в любой момент. Цвет кожи, расу, возраст, комплекцию. Разве что рост был неизменен, да и пол им сменить было нельзя, ха-ха. Но ему и не требовалось. Как установили маркетологи, мужчины — по крайней мере, гетеросексуальные — приобретут робота в женской комплектации, то есть гиноида (gynoid) — даже если никогда не планируют заниматься с ним… точнее с ней, чем либо, кроме прогулок по лесу и приготовления пищи. Просто чтобы радовала глаз.

Видела бы Ольга — конечно, прокляла бы его. Она всегда была ревнивой, даже переписку его читала. Хотя поводов никогда не давал.

Да, они неживые. Но на вопрос «А как же душа?» он ответил бы по-еврейски, встречным: «А у многих ли людей она есть? И многие ли из тех, у кого душа имеется, готовы раскрыть ее даже близким?».

После душа Виктор Семенович прилег на диван на одну секунду, помня про собаку, но диван сам принял нужную форму, наивно думая, что хозяин расположился надолго.

Кроватный столик уже был тут как тут. Эта штука умела не только регулировать свою высоту, не только была сама трехмерным экраном и обладала объемной памятью. В нее еще был встроен универсальный порт, который мог читать хоть мемо-

карты, хоть любые древние накопители: даже флешки и экзотические Memory Stick Pro. Все, кроме разве что дискет и перфокарт. В столик была встроена система для акустической левитации пищи, которая воплощала в жизнь мечту одного из персонажей Гоголя. Можно было есть маффины, пончики, куски чизкейка, не рискуя запачкать пальцы в глазури или креме.

Чертыхаясь, Виктор Семенович отпихнул ногой приставучий столик, встал и вышел в холл, прицепил обычный кожаный поводок к потертому ошейнику отчаянно скулившей собаки и вышел с ней во двор.

Дал ей сделать свои дела, порезвиться и побегать двадцать минут, а сам тем временем медитировал, глядя, на облака в небе и на лес за рекой. Лес был настоящий, а не посадки шириной в сто метров. Там начиналась территория национального парка «Лосиный остров». Почти элитное место.

Он в свое время радовался, когда недорого отхватил этот дом у старого знакомого, который сильно нуждался в деньгах. Щелковской район, недалеко от Звездного городка, с видом на лес, озеро в километре и шоссе именно на таком расстоянии, на каком нужно. С двумя гектарами земли и фруктовым садом. Что еще надо? И все это за деньги, на которые и половину квартиры в столичном муравейнике постройки времен миллениума не купишь.

Если бы мир действительно пережил потоп — он бы заметил неудобства от этого факта нескоро. Не раньше, чем через месяц. Хотя все коммуникации к дому были подведены, включая газ, тот мог быть полностью автономным, как корабль. Линии электропередач, как и везде в цивилизованных местах, не уродовали пейзаж. Но в летние погожие дни дом чаще продавал энергосети избыточную энергию от солнечных панелей, чем покупал ее. И все это он делал без участия хозяина.

Пока Муму оббегала кусты и гоняла шмелей — Виктор Семенович отстегнул ее ненадолго, хотя доверия ей пока не было, уже один раз паршивка пыталась удрать за чьей-то кошкой — старик смотрел на увитый лианами забор соседа-менеджера биотехнологической компании. Потом на переливчатый ажурный забор соседа-дизайнера, менявший цвет в зависимости от настроения — то ли хозяина, то ли наблюдателя. Потом на плывущие по небу облака.

Вдохнул запах скошенной травы и увядших цветов. Посмотрел, как подстригается в последний раз перед зимой лужайка. Птиц уже не было, улетели.

Маленький огород — обычный, традиционный, у него тоже был. Без всяких наворотов. Иногда он даже возился на нем сам,

ему нравилось работать руками. Но сейчас овощи с открытого грунта уже были убраны, земля стояла голой. Остались только оранжереи. В них растения будут давать урожай круглый год.

Неужели это все достанется сыну? Интересно, сколько ему понадобится времени, чтобы выгодно… или хотя бы без потерь продать это «дворянское гнездо», добавить еще малую толику к своим капиталам? Нет, дело не в том, что жалко, что гложет жадность. Этого нет. Но есть горячее желание жить и видеть эту картину и завтра, и через десять лет…

Вдруг он вспомнил о своих обязанностях главы банды. О подопечных в игре. Надо все же разобраться, что там случилось.

Виктор Семенович развернул экран — по стариковской привычке на столике в беседке, хотя мог бы и в воздухе перед лицом. Выбрал вкладку с «Ржавыми землями». Одну из самых часто вызываемых за последний месяц.

Зажегся логотип. Суровые земли пережившей потоп Земли приветствовали смелых духом… а летающий рекламный баннер настойчиво предлагал игрокам поменять свои кровные *глобо* на игровые «доллары Побережья». Нет уж, дудки. Он и так столько вложил, что адminам хватит и на настоящее шампанское и на живых девочек, а не только на суррогаты.

Загрузка заняла считанные секунды.

Это была олдскульная игра, поэтому тут не было полного реализма, а сохранялась определенная дискретность в духе старой школы RPG. При погружении мир воспринимался как достоверный. И мозг — глупый и наивный — почти не замечал легких нестыковок, склеек, сшивок, слишком широкого угла обзора из глаз, устойчивости тел к незначительному урону, высокой выносливости и подвижности. Всего, что упрощало gameplay.

Можно было играть и без костюма, шлема или очков. С экрана. Но мир игры был — по современным меркам — довольно статичным и бедным. И маленьким — почти плоская карта восемьсот на двести километров. Поэтому молодежь «Ржавые земли» не особо жаловала, зато ее ценили геймеры-старички. Ведь она была стилизована под ролевые тактические игры начала века.

Это у него был третий персонаж. Двух убили. Как звали первого, он уже и забыл, тот «погиб» совсем зеленым. Второго звали Странник, и его было жаль. Он подорвался на мине, будучи одним из королей пустоши.

Но что это за хрень, из-за которой их всех вышибло в реал?

Виктор Семенович нечасто заходил в «Земли» через экран, но сейчас был именно такой случай. Снова залезать в костюм он не

хотел.

Connecting toVR-area 235.

Вроде бы аккаунт начал грузиться. Но через считанные секунды появилась знакомая надпись:

Critical error. Sorry, disconnecting from VR-area 235.

На третий раз войти удалось только в режиме зрителя, пассивного наблюдателя, неспособного повлиять на события.

Перед ним появилась та же местность, где он находился совсем недавно. Только теперь он видел ее не своими глазами. Он смотрел на локацию со стороны, сначала с высоты птичьего полета, потом с десяти метров над уровнем «пола», нулевого уровня, который совпадал с уровнем шоссе. Все «*персы*» так и стояли на своих местах. Включая его собственного аватара. Неподвижные. Впрочем, некоторые лежали. Видимо, те, кого момент потери связи застал в неустойчивой позе — они попадали на землю. Значит, физика работала. А вот Палач — стоял столбом. В той же позе, в какой Григорьев видел его в последний момент своего нахождения в игре. Даже дыра в груди по-прежнему была. Только кровь не текла. Словно время для него остановилось.

Если не брать двух «застреленных» новичков, недавно пришедших в бригаду из Нубограда, и Палача (у этих троих было «ноль HP») — у остальных показатели жизни были в норме. Hit poitns на месте, от 80 до 100 %. Endurance points, также известные как stamina — чуть потрачены после перехода и битвы, но до потери сознания или истощения далеко. Кровопотери и тяжелых ран ни у кого. Будто плазменная граната никому не нанесла урона. Хотя в сеттинге «РЗ», который отражал реальность конца XX — начала XXI века, никаких плазменных гранат быть не могло.

Даже *экспа* начислилась за убитых неприятелей! Хорошо еще, что других опасностей вокруг не было. Потому что за время вынужденного паралича команду могли заесть даже мобы — собаки или волки. А еще тут иногда рандомно появлялись пустынные дикари — мародеры в масках, похожих на смесь противогаза и хоккейной защиты, вооруженные мачете, битами, обрезками труб и изредка гладкостволом. Эти боты на сильное поселение фермеров, на базы группировок и стойбища автокочевников не нападали, да и *лут* из них самих падал не особо ценный, поэтому их отстреливали только для экспы и для порядка. Но на группы, идущие пешим маршем по глобальной карте, дикари иногда нападали, даже не имея шансов на победу. И забить парализованных могли легко.

Странно, что AI не взял отряд под контроль на время дисконнекта. Вроде бы на этом сервере данная опция включена по

умолчанию, и отключить ее нельзя.

Внезапно персонажи начали шевелиться — видать, его teammates восстановили контроль над ними. Хотя нет. Снова застыли. И сам он пока не мог получить контроль над своим персом. Так же, как не смог через шлем.

Секунду спустя изображение пропало вовсе, сменившись знакомой чернотой. А дальше игра не откликалась ни на какие команды.

Он уже сформулировал в уме запрос в службу поддержки, наполовину из матерных слов, но программа быстро облекла его в корректную словесную форму. Ответ пришел мгновенно: «*Приносим Вам извинения, но в данный момент на сервере ведутся технические работы. Время ожидания — приблизительно шесть часов. Оставайтесь с нами!*».

Снова напомнила о себе боль в ноге. И, конечно, она была настоящей. Не симулированной квазиболью, которая должна была обозначать все неприятные ощущения в виртуальном мире. Он снял костюм, и квазиболь уже испытывать не мог, как и симуляцию давления на участки кожи. Да и что такое «quasi pain» по сравнению с настоящей болью? Легкое покалывание, слабый дискомфорт, который чувствуешь даже когда тебе в игре ломают руку или отрубают кисть. В этой игре можно было потерять конечность или глаз. Последнее как раз испытал его аватар, но даже окривевший персонаж был ему дорог.

Тут все было настоящее. Коленный сустав нуждался в замене. Так сказал доктор на последнем приеме. Как и многое в организме, например, треть позвоночных дисков. Не говоря уже про сердце, хоть оно и так было уже давно даже не донорским (он сменил три), а искусственным. Весь организм нуждался в обновлении. Не в апгрейде, а в капитальном ремонте. Но он обязательно этим займется. И более радикально, Это будет не просто плановый курс омоложения.

Виктор Семенович открыл в другом окне чат их бригады. Все были онлайн.

Статичных аватарок нет ни у кого, все в настоящем обличье. Так уж у них с самого начала повелось. Хотя чаты, где видны реальные лица, были штукой непопулярной, потому что люди далеко не всегда хотят, чтобы на них смотрели во время разговора. Может, они голые или сидят на унитазе, или небритые и нечесаные. Или у них за спиной не тот интерьер, или не то место, которое указали при локации. А женщинам вообще тяжело. Вдруг она думает, что камера снимает ее по пояс, а оказывается, что и ниже? А там на ней немодные джинсы или леггинсы застиранные. Или ничего нет, и целлюлит виден. Так и не стала

массовой видеосвязь, не говоря уже о голограммах. Большинство консервативно и предпочитает стиль эпохи ранней Сети. Не эпохи VGA и MS-DOS, конечно, а десятых-двадцатых годов, эпохи “Facebook”, “Skype” и HTML5. Времени, которое считают золотым. Может, по недоразумению.

Испуганные лица команды показались ему похожими на лица детей, хотя младшему из них было хорошо за тридцать. Тут восьмилетние редко играли, это тебе не “Lifecraft”. Его приходу они были явно рады.

— Хорошо, что ты здесь, чувак, — приветствовал его Ящер. — WTF, босс?[1]

— OMG! Почему стоим? — вторил ему Раджа.

— Хз, — ответил Виктор Семенович alsoknownas «Слепой» кратко. — Сейчас выясню.

— IMHO, сервер заглючил и упал от той гранаты, — разумно предположила Мэй, тихая домохозяйка из Китая.

Многие интернациональные выражения транслятор оставлял в латинице.

— Возможно, — согласился Виктор Семенович. — Или его вырубили. Сейчас, наверное, объявление вывесят. Тормозят админы.

И в этот момент плашка «ТЕХНИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА СЕРВЕРЕ!» появилась у них перед глазами. И таймер.

Посетители чата переглянулись. И их можно было понять. Таких сбоев не случалось уже много лет.

Им было лет по сорок-пятьдесят — и выглядели они далеко не такими орлами, как рейдеры пустыни в камуфляже, армейских ботинках и бронежилетах. Тот, кого в игре звали Слепой, давно не удивлялся контрасту между брутальностью аватаров и заурядностью самих игроков. Они были разбросаны по миру от Индонезии до Колумбии и от Норвегии до Южной Африки, говорили и писали на разных языках (хотя транслятор приводил для него поток их речи к нормам РРЛ — русскому разговорно-литературному, а для каждого к его родному языку или наречию), но что-то в них было неуловимо общее. Какая-то неприкаянность. Впрочем, он допускал, что это временное состояние, когда они только вывалились из игры и еще не адаптировались к реальному миру. В реальной жизни не он один был успешным.

Худые и толстые, мужчины и женщины. За спиной у тех, кто включил камеру, если приглядеться, можно было разглядеть интерьер их комнат. Но судить по нему об их достатке было бы опрометчиво. Богач мог играть, сидя в пустой голой комнате, а живущий на пособие — нарочно поставить в зону обзора камеры все ценное, что есть в доме. Где-то там у каждого валялся и шлем

с костюмом, а у тех, кто победнее — очки. Но все они умели заходить в игру и через экраны, чего молодежь вообще не делала.

Две домохозяйки — китаянка из Гонконга и гречанка с Кипра — играли мужскими персонажами. Раньше была в команде боевая девка, которую по манерам можно было принять за лесбиянку, коротко стриженная и накачанная, любимым ее оружием был метательный нож. Таким был персонаж. А оказалось, что играл за нее длинноволосый манерный хлыщ лет тридцати пяти из Осло, Норвегия. Но все знали пункт № 8 пользовательского соглашения: «Пол персонажа может не совпадать с реальным полом игрока». Вроде он говорил, что натурал.

Игра была независимая и не попадала под «Лос-анджелесскую конвенцию о равной представленности в произведениях искусства». Процент женщин, расовых типов и наличие меньшинств тут не регулировалось ничем, кроме желания самих игроков. Но поскольку по сюжету действие происходило в Калифорнии после глобального потепления и таяния полярных шапок, да и среди аудитории были люди со всех континентов — их аватары в игре тоже отличались разнообразием оттенков кожи. Но почему-то сейчас в команде все персонажи принадлежали к сильному полу. Хотя это словосочетание давно уже было не в ходу.

Виктор Семенович пусть и изображал из себя иногда типичного “male chauvinist pig”, ничего не имел против негров и азиатов. Привык кое-как и к тому, что на свете есть геи и трансгендеры… хоть это далось ему нелегко, а в пору его молодости для их обозначения имелось другое слово. За женщинами он тоже, убедившись в этом на практике, признавал равный интеллект.

Но перегибы политкорректности раздражали его до сих пор, хоть и меньше, чем сорок лет назад. Поэтому во многие популярные вирки — сюжеты к которым, наступив себе на горло, писал, чтобы заработать на хлеб с маслом — сам он был ни ногой. Видеть чернокожего крестьянина в Венгрии тринадцатого века или лесбиянку-капитана пиратской галеры берберов на Средиземном море без усмешки не мог. Одно дело, когда это старая игра начала века с угловатыми моделями персонажей, мало похожая на жизнь. Или вирка, но про будущее или выдуманный фентези-мир. И совсем другое, когда вирка претендовала на достоверность и историчность. Для него это разрушение реализма портило весь кайф даже при хорошем сюжете и сеттинге.

Скрипты он все же писал — деньги, увы, не растут на деревьях. Григорьев еще помнил те времена, когда у слова

«скрипт» было другое значение, и его знали только программисты. Теперь так называли любой сценарий.

В команде почти все были «поздней зрелости», а он был среди них самый старший, настоящий патриарх, даже уже вышедший на пенсию, до которой не каждый из них доживет. Это тебе не начало века, когда на нее выходили и в шестьдесят. Халява кончилась.

Но своим team mates разрешал обращаться к нему не только по игровому нику, но и просто по имени, без отчества. От других, кроме близких знакомых, Виктор Семенович все же привык слышать имя-отчество и обращение на «вы» в русском, а в английском фамилию и слово “mr.” — mister. Рассуждая: пусть его считают замшелым ретроградом, но странно, когда десятилетний называет глубокого старика — «эй ты, Витёк!». А новое поколение выходило в сеть почти с рождения и никакому такту они не были обучены. И он не миллиардер, чтобы запросто называть себя Джефф или Боб. С чужими людьми надо держать дистанцию.

В чате команды собрались все, даже убитые, которые заспавнились в стартовом городе, который неофициально звался Нубоград, и куда попадали все новички нулевого уровня. Не было только Палача, которого звали Родриго, как недавно выяснилось, и который имел какие-то терки в реальном мире с одним из этих ушлепков. Знать бы еще, в чем дело…

— Ты офф, босс? — спросил его чех по имени Мартин. Известный в игровом мире как пустынный налетчик Ящер.

— Да, на сегодня все, — ответил Виктор Семенович, вытирая пот со лба и краем глаза следя за собакой, чтобы не перемахнула забор. — У меня дела. Ты порули, пока Палач… то есть Родриго, не выйдет на связь. Буду часов через 12. Goodbye!

Просто минуту назад включился напоминатель. Значит, уже 13:00, и надо проверить почту.

Он вышел из чата. То есть оффнулся окончательно. Усилием воли заставил себя закрыть вкладку с самой игрой, все такую же черную.

Дела, дела, надо заняться делами. Проверить почту, ответить на письма.

Почта у него не обновлялась в реальном времени. Специально, чтобы не отвлекать от творческого процесса постоянным назойливым прилетом писем. Большинство из них не стоили его внимания, хоть и были письмами от людей, а не спамом от ботов (последний отсеивался еще на дальних подступах). У него стоял самый лучший софт, который определял с 95-процентной вероятностью, что перед ним в Сети — бот. Даже

если тот вел себя, совсем как человек.

Виктор Семенович вручную просматривал почту три раза в день. Иногда еще реже. Все, кто с ним работал, знали об этой причуде скриптора — о том, что он не всегда онлайн. Ему при его статусе и не такое прощалось. Да и все же он не оператор термоядерной электростанции, чтобы всегда быть наготове.

У вас 7 непрочитанных сообщений.

«Ну-ка, посмотрим, что там есть».

Ага! Два из них — рекламная чепуха от людей, предлагающих свои услуги издателя или агента. Надо отписаться, чтобы не доставали. В черный список.

Третье — от ремонтников фирмы «Робофикс». О том, что починили дрона-выгуливателя… важно, но может подождать.

Четвертое от сына. Пишет, что надо встретиться. Ничего, тоже потерпит. Все имущественные вопросы они уже обговорили, но так и не пришли к общему мнению. Говорил же один бизнесмен, что дети — худшее вложение капиталов. Они не вернут инвестированное в них время, силы и внимание. А о процентах и говорить нечего. Конечно, он любил сына по-своему, как напоминание об Ольге, и гордился его достижениями. Но видеть часто не хотел.

«Как это не заводить детей? — шутил в молодости. — А кто в старости подаст стакан огненной воды?». Но после смерти дочери мысль о том, чтобы стать родителями еще раз в голову даже не приходила. Хотя тогда уже было и искусственное вынашивание, и подробные генетические тесты. А сейчас поздно даже усыновлять. Разве что робота, ха-ха. Воды мог подать умный холодильник, который приезжал на голос, как собака. Даже лучше собаки.

Пятое — письмо поважнее от издателя, замечания по сюжету «Викинга-мстителя». Подумать над образом антагониста, сделать его менее сложным и противоречивым. Тоже подождет. Завтра подумает. Слишком сложный, значит? Говорят, любой персонаж, в которого автор вкладывает душу, похож на него самого. А злодей там получился колоритный.

Шестое сообщение от Родриго Мендеса. Отправлено всего пять минут назад. Написал он Виктору впервые за все время их знакомства в игре.

Сообщение было коротким. «Виктор! Это троян. Я таких не видел. Чуть не сдох IRL. Перепад напряжения. Сейчас в больнице. Не до игры. До связи. Палач».

Оригинально. А не врет ли он, чтоб оправдать свой уход? Может, просто на службу вызвали? Он же вроде какой-то коп. Да и фамилия наверняка выдуманная. Виктор Семенович, конечно, слышал байки про вирусы и трояны, которые могли нанести вред

оборудованию и физическому телу пользователя. То есть wetware. Но пока ни одного подтвержденного случая не было. И все его знакомые технари смеялись над этой идеей. Говорили про степени защиты и протоколы безопасности, потешались над глупыми гуманитариями.

И, наконец, последнее письмо — от Лилии Золотниковой. Напоминание о том, что его очень ждут на похоронах Михаила.

Какой позор! А он и забыл. Не то, что тот умер, конечно, а что сегодня похороны. Совсем заигрался. Черт, не пойти нельзя. Молодец она, что напомнила.

Эх, отправиться бы в кругосветный круиз. Не на корабле, конечно, это слишком скучно, а на дирижабле. Или просто полететь на самолете, выбрав пункт назначения случайно. Билеты на обычный пассажирский джет из Москвы, не суборбитальный, были, конечно, дороже чем на «Титан», но все равно ему это по карману. Даже бизнес-класс. Можно взлететь в Шереметьево-2 и сесть на любом другом континенте. И никакие визы не нужны для богатого законопослушного гражданина Всемирного Содружества.

Но нет. Сегодня нельзя. Его ждут на этом чертовом кладбище. Боже мой, как он не любил некрополи, могилы, колумбарии. Терпеть не мог похороны и всякие дни поминовения. Ни торжественные, ни элитные, ни обычные. Где женщины, как черные галки в платочках. Где мужчины ведут пустые разговоры о том, что «еще один прибрался и нам черед придет». «Все там будем». И пьют настоящую водку, в кои-то веки вырвавшись из объятий Здорового Образа Жизни, который не мешал им умирать уже в шестьдесят. Хотя статистика вещала про чудеса в увеличении продолжительности жизни. Видимо это случалось не с теми, кто работает до упаду в офисе. И нельзя было им ответь: «Черта с два я. Я *там* — не буду!».

А еще там будут святоши и священники — неважно какой конфессии. Они навевают сладкий дурман и обещают вечность… за счет веры, а не науки. Но их разговоры о небытии будут даже в нем… в глубине его души пробуждать мысли о том, что пора и честь знать. Пора уступить дорогу молодым. Посвятить им остаток жизни и уйти на вечный покой, оставив после себя потомков и дело своей жизни. Такой вот инстинкт смерти, который запрятан у человека глубоко, и включается в определенный момент вместо инстинкта жизни.

И смертники. Там будет много смертников. Нет, не тех, которые взрываются. Хуже. Тех, которые согласны безропотно умереть. Хотелось сказать им: «Да очнитесь. На дворе не девятнадцатый век. Уже рак лечат в терминальной стадии. И рак, и старение — почти один и тот же сбой обновления клетки.

Подождать еще немного — и смерти не будет. Сорок лет максимум. Но не поверят. Потому что для большинства из них смерть очень даже БУДЕТ. И они это знают. И если поймут, что ты хочешь выкарабкаться, как лягушка из маслобойки, как крыса из мясорубки, то получишь только ненависть и зависть. Поэтому лучше молчать.

Он заказал такси. Точнее, аренду автомобиля на полдня, выбрав из десятка операторов — «Автопарк «Союз». В качестве маскота[2] у них был летающий чувак в костюме супергероя с серпом и молотом на груди. Да, в РГ декоммунизации не было, в отличие от многих других мест. Здесь вся символика прошлых эпох органично вписалась в рынок… вместе с теми, кто ее продвигал.

Красный плащ голограммы, выросшей из ничего прямо на столе, развевался в полете. Приняв заказ, шустрый советский супермен снова исчез в столе. Это, конечно, не всемирная сеть типа “Roadrunner”, наследник почившего Uber’a, а небольшая, но быстро развивающаяся московская фирма. У Виктора Семеновича была их именная платиновая скидочная карта, которую он получил во время рекламной акции. Пять процентов плюс накопительные баллы. И у них можно арендовать машину на 12 часов, что было для него удобнее разовой поездки на такси (вдруг еще куда-то в столице заскочить понадобится?), и выгодней, чем долгосрочная аренда. Отчего же не воспользоваться? Тем более, в качестве бонуса можно получить ведерко с очень вкусным пломбиром. Были у них и летающие автомобили, но в Москве слишком много ограничений на них. А carsharing удобная штука. Но это больше фишка Западной Европы. Почти во всей Периферии считается, что машина должна быть СВОЯ, даже если на последние деньги куплена и влетает в копеечку.

Свою «Ладу-Супериору» Григорьев разбил месяц назад по собственной вине, и в другой стране за такое опасное вождение его бы лишили права управлять транспортными средствами. А здесь отделался штрафом. На просторах РГ еще много значило иметь правильных родственников. Его самого спасли от травм системы безопасности, на которых он не экономил.

«Поиск транспортного средства по вашему запросу займет приблизительно 26 минут».

Как долго! А вроде не час-пик. Попробовал запросить другие компании, но там срок ожидания оказался еще больше. Надо было заказать заранее, а он валялся в «анабиозе».

Ну, ничего, зато успеет сделать еще одну мелочь. И пока диспетчерская система «Союза» искала свободную машину с учетом его требований, он решил почитать новости.

Зашел в теплицу, задумчиво сорвал с ветки нектарин и съел его. Косточки не было. Скоро уже опадут, несмотря на локальный подогрев. Собирать их он всегда любил сам. Хотя его «девочки» могли это сделать за пару минут. Но если и это доверять машине, то зачем вообще жить на лоне природы?

Открыл Новостной канал, и начал быстро сканировать его глазами методом скорочтения.

«И что там масон грядущий нам готовит?».

Новости были в основном хорошие и нейтральные — о жизни «звезд», спортивных состязаниях, в том числе по киберспорту, новых премьерах, необычных происшествиях и курьезах. Где-то родилась собака с человеческим лицом. Где-то родились девятерняшки. Кто-то получил премию Дарвина, но остался жив, зато потерял способность к репродукции.

Вести о биржевых кризисах, росте цен и проблемах «задниц мира» — дефиците воды, еды или избытке населения — тоже имелись, но читать их было не интересно. Ценных бумаг Григорьев не покупал, а Африка как голодала сто лет назад, так голодала и теперь. Термин кризисной социологии “assholes of the world”, синонимичный фразе “a failed state”, ему нравился своей точностью. Хотя, возможно, фильтр пропускал только самые безобидные из негативных новостей. Например, такие.

"Let them live and die peacefully!" — скандировали экологи, пикетируя правления агрохолдинга Beef-co, — *"Animalsarefriends, notmeat!"*

Он знал, что агроконцерны стали пускать под нож стада, поскольку держать их невыгодно, и переходили на выращивание искусственного мяса. Но вместо эйфории это вызвало у продвинутой публики гнев, ведь для нерентабельных животных производители организовывать приюты не собирались, вместо этого обеспечив им эвтаназию и превращение в мясопродукты. Этим и была вызвана ярость «зеленых». В эпоху «бифштекса из пробирки» и вертикальных ферм у традиционного животноводства, грязного и трудоемкого, да и «кровавого» — не было шансов.

Новости науки и техники Виктор Семенович пролистнул. Что ни день, то что-то новое, и все сливалось в бесконечный поток. Обычно это поднимало ему настроение и вселяло оптимизм. Потому что река информации казалась ему широкой дорогой в будущее или сверкающей лестницей в небо. Но не сейчас.

«В Европе построена новая аккумуляторная система накопления энергии, которая сможет хранить 1 тераватт…».

«Найдена новая область применения полимерных сверхпроводящих наноструктур, обладающих свойствами

сверхпроводника при комнатных температурах…».

Обычно он впитывал такое как губка. Но теперь хотел найти ответ на конкретный вопрос.

«Троян против людей», — спросил он Помощницу. У него была настроена базовая на территории РГ «Марфа Посадница v 2.3».

Коряво сформулировал, но лучше сходу не смог, а напрягаться лень. Старость не радость.

И тут же Виктор Семенович поморщился от обилия лишней информации, которую выдал поисковик. Обычно у него стоял фильтр не только на докучливых людей, траблмейкеров, но и на политику, чтобы отсекать все материалы, связанные с ней. Этот фильтр экономил много времени и еще больше нервных клеток. Но сейчас он его отключил. И вместе с нужными данными лавина новостей о каких-то столкновениях и протестах, о которых он знать не хотел, захлестнула экран. Пришлось немного ограничить ее шлюзами дополнительных запросов. Все новости были совсем свежими, от двух часов до 30 минут, и в них был некоторый разнобой в части фактов и цифр. «Марфа» составила ему выжимку из новостной ленты, которую он прочитал по диагонали:

Срочные новости…

Террористическая акция с использованием уязвимости игрового оборудования…

Эпилептический припадок и перепад напряжения…

Госпитализировано 125 человек, 1 человек погиб от отказа кардиостимулятора…

Избирательность атак… Жертвы — представители силовых структур, чиновники регионального государственного аппарата…

Представители власти отказываются от комментариев…

Мировой совет предпримет дополнительные меры…

Большинство инцидентов зафиксированы в Центральной и Южной Америке…

Временная блокировка серверов…

Члены «Союза операторов игр» гарантируют пользователям возврат денег…

Конечно, они всё пообещают. Все, что угодно, даже бонусы и халяву, лишь бы игроки не разбежались. Ведь для них это хлеб насущный.

Но текучка игроков из одних проектов в другие будет. Люди перейдут в игры от более крупных производителей, где обещают более надежные меры безопасности, а теперь еще и вводят страхование здоровья и жизни. Конечно, это повлияет на почасовую оплату. Тем, кто победнее, придется уходить в

бесплатные пиратские игры. Небольшой риск был для игроманов не так страшен, как лишение ежедневной дозы виртуального мира.

Хотя Виктор Семенович сам создавал вирки, это слово вызывало у него отвращение своей корявостью. Когда-то их звали "рилки", а еще раньше — "симулки". Ударение везде на первый слог. Все эти словечки ему были так же неприятны, как какой-нибудь "ховер-борд" в значении всем знакомой летающей доски, которые, слава богу, запретили в парках в черте городов. Так же противны, как "бутер" в значении "бутерброд". Он еще помнил времена, когда кусок хлеба со спрэдом или какой-нибудь пастой называли просто бутербродом. Их тогда в основном покрывали сыром и колбасой. Он даже помнил значение слова "баттхерт", хотя его никто уже не употреблял двадцать лет. И даже застал в обращении олбанский язык падонкафф, про который теперь знали только лингвисты, хотя пара выражений из него в активном вокабуляре Сети осталась. Да, старость не радость. Чувствуешь себя живым осколком Атлантиды, исчезнувшей цивилизации. Чужаком среди аборигенов нового мира, даже если говоришь с ними на одном языке и не хуже разбираешься в любых современных штуках.

Вирки так вирки, черт с вами, молодежь. На английском все было проще. VR-games или VRG, и точка. Ви-ар-джи. Про себя он чаще называл продукт своей деятельности именно так.

Значит, массовые вирусные атаки. Уже лучше. Ситуация проясняется. Выходит, не враки. Но как это связано с Латинской Америкой? Что-то плохое заваривается в мире. При последнем слове мысли сами переключились на образ чашки чая… а лучше кофе. Поможет рассеять туман в голове. Виктор Семенович не относился к тем маньякам, для кого приготовление и употребление кофе было целым ритуалом. Встречались эстеты, которые по старинке заказывали зерна, обжаривали их и мололи на ручной кофемолке, потом варили в медной турке. Смешное слово.

Все эти этапы скриптор доверял кофе-машине. Благо, их придумали задолго до его рождения, а у него на кухне стояла модель, разработанная в начале века. Это как микроволновка — можно сделать ее компактнее и мощнее, но принцип, сто лет назад запатентованный создателем военных радаров из фирмы “Raytheon” исправно служит и поныне.

Пока готовилось кофе («он» в начале века, строго «оно» в середине), Сеть вдруг выдала ему в уголке экрана порцию рекламы якобы на основе его предпочтений.

«Агент возьмет на себя продвижение вашего творчества всего

за…»

Золотое правило: все, кто просят деньги, сразу идут лесом. Никаких книг из буковок он больше не пишет. А для продвижения его сценариев агент у него уже есть, причем живой и один из лучших. Выбираем: «Не показывать больше эту рекламу и пожаловаться на отправителя».

«Как написать 10 бестселлеров за год! Советы начинающему сочинителю». «How to write a best-seller in less than 12 hours!», — появилось в другой части экрана.

Заблокировал и тоже нажал «пожаловаться». Тем, кто заходил через шлем, было бы хуже — информация лилась бы и в глаза, и в уши.

Все это он и без них знал. Уж его назвать начинающим было глупой шуткой.

Конечно, он знал, как написать книгу за пару часов. С помощью нейросети, без человеческого участия, можно сочинить и сто скриптов (или романов) на пятьсот тысяч знаков каждый — в год. Можно и двести штук, и триста, и даже тысячу, и миллион, если «железо» позволяет. Но продюсеры их не купят даже за копейки. Они и сами могут нажать кнопку. Это развлечение для детей, которые выкладывают свои поделки на свободных площадках в Сети, и делают к ним такую же дешевую визуальную часть из готовых макетов. Засоряют ноосферу бесконечными походами за кольцом всемогущества, принцессой в башне, святым Граалем и так далее, борьбой с драконами и темными властелинами.

Виктору Семеновичу автописательство никогда не нравилось. Может, тут дело в ревности творца, а может, в том, что даже сейчас, после сорока лет улучшения алгоритмов, внимательный глаз замечал «руку» машины — шаблонность, уходящую корнями в «бродячие сюжеты» и элементы волшебной сказки, выделенные еще фольклористом Проппом, а также некоторую «искусственность», связанную с непониманием неорганическим автором смысла происходящего. Разум зрителя не осознает, но инстинкт видит, что люди ведут себя не по-человечески и спотыкается на этих «мелочах». Хотя, может, это видит лишь взрослый.

А вот полумашинный метод генерации сюжетов уже интереснее. Он вроде бы лишен этих недостатков. Ведь весь психологизм автор сочиняет сам. Первые образцы такого софта появились еще в конце десятых — начале двадцатых годов, но тогда их использование скрывалось, а когда всплыло наружу, было несколько грандиозных скандалов с участием пары мэтров и десятка авторов попроще. Хотя, казалось бы, что плохого? С

помощью «помощников» профессионал может быстро и довольно качественно клепать сносные вещи, ведь компьютер возьмет на себя черновую работу по написанию стандартных сцен, Которые занимают 70–90 % ткани произведения. А еще по компиляции, по подбору оптимальной композиции (завязка-нарастание-кульминация-развязка).

Но этот способ любим и дилетантами — на их беду. Им всегда кажется, что работу с готовыми шаблонами никто не заметит. Этот метод требует гораздо больше времени, чем машинный, но в итоге все равно оказывается в разы быстрее «живого» сочинительства. Но, увы, ненамного креативнее. Потому что в мозгах среднего творца шаблонов не меньше, чем у нейросети. Поэтому и продукт их совместного творчества почти ничем не отличается от того, что робот напишет без помощи человека. А иногда отличается в худшую сторону из-за изъянов логики. Проверено: дилетант-человек с помощью машины сочиняет менее грамотно, чем одна машина самостоятельно, потому что расслабляется и доверяет компьютеру то, что лучше бы сделал сам. В будущем разработчики обещали довести до релиза прямую вербализацию мыслеобразов с помощью нейросети. Вот тогда можно будет разгуляться. Но это уже другая история.

Сколько он ни блокировал рекламу, все равно эта тварь узнавала, что он скриптор, а не архитектор. Проклятая m-reality. Market reality. После появления Д-реальности маркетологи придумали «реальности» на каждую букву латинского алфавита, включая даже F-реальность, от слова флирт.

Да, он писал не только скрипты. Его перу принадлежали штук двести рассказов и даже три традиционных романа. Встречались эстеты, которые любили читать, и даже те «извращенцы», кто любил именно бумажные книги. Субкультура библиофилов была не очень многочисленной в процентном исчислении, но по всему миру их насчитывались миллионы.

Но эти книги он написал давно. И уже много лет создавал только сценарии к интерактивным играм.

И если его рассказы и три романа были серьезной научной фантастикой (он когда-то потратил на них кучу времени, но они не принесли ему много денег), то все его сценарии были относительно простыми боевиками. Они были похожи на экшн-романы, которые годах в семидесятых клепали на западе, а на рубеже веков — и по эту сторону океана.

Сюжет был стандартный — про крутого мужика с автоматом… топором, копьем, дробовиком, Избранного, мстителя или защитника угнетенных, который ведет геноцид злодеев —

либо восстанавливая справедливость, либо просто завоевывая место под солнцем. Главное правило — открытый мир, свобода выбора, простой сюжет и не меньше одного яркого события на три минуты времени. Никаких долгих нудных путешествий. Не меньше одной драки или одного трупа NPCна семь минут. Не меньше одной сцены секса на двадцать минут… и пусть феминистки кричат про объективацию. Они не целевая аудитория, а для целевой аудитории надо делать именно такой продукт.

Конечно, он не относился к этому слишком серьезно, не забывая вставить в тексты элементы иронии и постиронии. Для него это была просто работа. Хотя он не чурался и того, чтоб вплавлять в эту жвачку умные мысли, которые могут заставить кого-то из потребителей напрячь извилины. Это было сродни дрессировке. Но он всегда знал в этом меру, помнил о запросах потребителя.

Раньше аудиторией такого чтива были парни до 18 лет, потом до 25, но с инфантилизацией общества потреблять их стали мужчины до старости. Ну, и некоторые женщины. Это не значит, что люди поглупели. Может, наоборот. Человек тем и отличается от шимпанзе, что играет в игры и играет роли всю жизнь. На этом, черт возьми, и построена цивилизация, более сложная, чем обезьянья группа.

Григорьев был не ученым, а творцом… но не обиделся бы, если б его назвали ремесленником или бизнесменом. Он считал себя не менее важным для человечества, чем те, кто изучает строение материи и способы ее преобразования. Ведь он и его коллеги создавали для них всех — и для безработных, и для тягловой силы, и для умных мозгов — развлекательный контент, без которого они бы взвыли. Который был им нужен как пища и вода. А именно — создавал скрипты, то есть сценарии, делая половину работы в процессе девелопмента новых VRG. Второй частью была визуализация — но это уже задача других, визуалов.

Его задача, как Виктор Семенович считал, была важнее, тоньше. Когда-то режиссер был главнее сценариста, а теперь — наоборот. Потому что визуализация может выполняться машиной почти на том же уровне. А хороший скриптор… нет, не мертвый скриптор, а пока еще — живой человек. Если надо произвести эксклюзивный качественный продукт, а не жвачку для совсем уж непритязательных пожирателей попкорна.

Жаль, что он не сверхчеловек. Уж он бы не стал тратить сверхсилы на ерунду. Когда только начали появляться модификаторы, куда более скромные, чем в кино, он сразу захотел сделать себе апгрейд. Хотя бы мелкий. Но при жизни

Ольги не мог («засунешь в себя хоть одну железяку, разведусь»). А потом правительство поступило как в плохих видеоиграх, и запретило почти все, кроме короткого списка, из которого три четверти устройств предназначались для больных людей, а не для улучшения здоровых. А то, что все-таки допускалось — не покушалось на кардинальное повышение параметров. Усилил зрение. Но даже одобренные Всемирной Организацией Здравоохранения апгрейды периферической нервной системы и кровоснабжения поставить не смог, организм был слишком изношен. Поэтому он был почти «базовой моделью». Как и девяносто пять процентов людей.

А значит, приходилось повышать эффективность того, что имеется. Виктор Семенович следовал нескольким простым правилам. Поняв, что нельзя избавиться от прокрастинации полностью, он ограничил себе часы на развлечения, и хобби, оставив из них только важные и приятные, безжалостно убрав бесполезный веб-серфинг, сплетни и склоки. Работая, он умел входить в состояние «потока», в котором человек полностью включён в то, чем он занимается, как шестеренка механизма. Но прокрастинация — это жизнь, и поэтому он позволял себе послабления. Он не для того так долго карабкался наверх, чтобы пахать четырнадцать часов в день без выходных, даже если это и принесло бы ему еще больше денег, хотя в молодости так и делал. Но теперь игры занимали у него несколько часов в день.

А вообще, лень — это болезнь творческих людей. Возможна ли прокрастинация у гребцов на галере? Так и представляешь себе, как они томно вздыхают, смотрят на неподвижное море и пытаются сочинять стихи гекзаметром между ударами плети надсмотрщика. Потому что не гребется, настроения нет, эх.

А у солдата… да хоть и майора на поле боя, под огнем вражеских батарей? «Ох, мне не хочется штурмовать этот некрасивый грубый блиндаж, товарищ генерал, я лучше пойду, почитаю книжку». То-то же! Но все это примеры из прошлого. А в новом мире почти у всех есть священное право на прокрастинацию. Ну а те, у кого его нет… они где-то далеко на периферии, настолько далеко, что трудно поверить, что они существуют. Вот роботы — есть. А люди, которые руками перебирают рыбу… или мусор… или рубят мачете сахарный тростник — есть ли они? А кто-то и мыслящий тростник с помощью мачете рубит. Но слава богу и эти далеко.

Помимо борьбы с прокрастинацией, надо еще держаться подальше от хронофагов. Людей-пожирателей времени, у которых есть суперспособность «задолбать до смерти нытьем». Было у него несколько таких родственников и друзей, и каждый мог отнять не

один час бесценного времени, просто загружая его мозг рассказами о своих проблемах или сплетнями об общих знакомых или вовсе чужих людях.

В глубине души Григорьев даже сейчас, после оглашения врачебного «приговора», надеялся, что время, отпущенное ему не закончится так быстро. Врачи могли ошибиться, а может, поможет экспериментальная медицина.

Он немного занимался биохакингом. Эти люди с помощью лекарств, диет и насилия над образом жизни пытались продлить свои дни. Даже без всяких апгрейдов, хотя одно другому не мешало. Конечно, для настоящего хардкорного биохакера он был слишком мягок к себе. Вел себя почти как *смертник*. Много рисковал. Ел вредную пищу. Почти не думал о распорядке дня. Не принимал длинного списка дорогущих добавок. Но кое-что он все-таки делал.

Смертниками в этой субкультуре, близкой к трансгуманизму, назывались не те, кто взрывал себя на вокзале, а те, кто смирились с конечностью жизни. Собирательный образ смертника, над которым потешались трансгуманисты был таков: плохо одетый «синий воротничок» (пишет это слово как «*воротничек*»!), который верит в бога, слушает старье вроде рэпа или рока, суеверный и необразованный, покорный власти и судьбе. А общий подход такого кадра к жизни можно выразить эпитафией одного мафиози начала века: «Вот кинул я последние две «палки», и увезли меня на катафалке».

Сам Григорьев с этим делением не был полностью согласен. Считал, что все сложнее.

Настоящие маньяки биохакинга жили по такому строгому распорядку и с такой строгой диетой, что никакому древнему монастырю не снилось. Ложились и вставали по часам, ни секундой позже или раньше, лишали себя сахара, соли — полностью, многих других продуктов типа красного мяса и всего, что содержит глютен. Высчитывали оптимальные физические нагрузки, каждую неделю проходили медицинские обследования, принимали сотни препаратов… и часто умирали, не дожив и до восьмидесяти. Потому что все хорошо в меру. Даже борьба за долгую жизнь не должна превращаться в фанатизм. Ясно, что пичкать организм непроверенной дрянью надо очень осторожно. Это все равно, что использовать машинное масло с непроверенными присадками… или аккумулятор, который не прошел испытаний. А когда сердце стучит как двигатель на максимальных оборотах, а мозг пашет будто разогнанный старый процессор — жизнь легко может оборваться внезапно, будь ты хоть трижды трансгуманист. Но и диеты — спорный момент.

Зачем вообще жить, если нельзя жрать, что хочется и получать другие удовольствия? Чего вообще стоит жизнь, пусть даже вечная, если ты себе не хозяин? Разве он кролик или козел, чтобы есть одни сырые овощи плюс горсть орехов? Да еще один раз в день, как некоторые проповедуют. И отказ от токсичных продуктов — это конечно, хорошо. Но почему-то организм позитивно откликается на прием легкодоступных углеводов, которых эти «взломщики» боятся, как черт ладана. Алкоголь, табак, жирное, жареное — перебрав такого можно почувствовать себя плохо на месте. А кому стало плохо от того, что он съел шоколадку или выпил чаю с сахаром, если он не диабетик? Никому. И польза от энергии для творчества и борьбы, от эндорфинов счастья многократно перекрывает вред «свободных радикалов».

«Гораздо полезнее отказ от токсичных людей, — подумал Григорьев. — Среди которых радикалов как хватает».

Ясно же, что все эти «чистки» — полумеры. Тело надо менять на новое. Или как минимум — кардинально перестраивать. Просто у большинства нет на это денег.

*****

Лорд Корнелиус, удельный князь

Пора выходить, кофе выпито, чашку унес столик, но машина еще не прибыла.

А, черт, совсем забыл! Поездка подождет. Сначала надо зайти в «Страну легенд». Машина уже в пути, но четверть часа еще есть.

И дело даже не в том, что надо собрать ресурсы и выбрать новое исследование в Магической академии, а иначе сгорят очки.

Просто на город могли напасть «Единороги» — не зверюшки-мобы, конечно, те безобидные, а гады из одноименного конкурирующего клана.

Появилась заставка с логотипом в виде летящего дракона и полоса загрузки — дань традиции. Барьер между реальностью и игрой. Психике это нужно. Загрузка заняла чуть больше времени, чем у «Ржавых земель». Эта вирка была лицензионной и современной. Здесь нужна была нормальная пропускная способность канала. Зато ее игровой мир был огромным и постоянно пополняемым. И в нем можно выбрать любой путь — от скромного крестьянина до великого завоевателя из человеческой ойкументы, от темного эльфа-некроманта до варварского шамана-варителя зелий. Игроков были десятки миллионов, и админам она приносила, по слухам, сотни

миллионов международной валюты в месяц (региональные деньги в игре тоже принимали, но курс был невыгоден). Больше, чем бюджет многих мегаполисов или малых изгойских государств.

В «Страну легенд» с экрана почти никто не играл, ведь это накладывало много ограничений. Но для краткого «микроменеджмента» поселения — сгодится и такой вид. Представим, будто это старинная стратегия с видом сверху.

Даже через экран, который он развернул во всю ширину стола, Виктор Семенович увидел синее небо, яркое голубое солнце, похожее на Вегу, белые невесомые облака и прочие красоты этого мира. И он склонился над всем этим, как Зевс-громовержец со своего облака. Когда он был там, то на время забывал обо всем, даже о бедах и проблемах мира настоящего.

Цвета были невероятно сочные, более насыщенные, чем в реальной жизни.

Его город находился в долине, окруженной неприступными горами. С отрогов базальтовых хребтов падал, сверкая, водопад, дававший начало небольшой реке, которая крутила колеса нескольких водяных мельниц.

Над ремесленными слободами курились дымки — работали кузнецы, сукновальные и ткацкие мастерские. Ковали мечи и доспехи оружейники, готовили сбрую для будущей конницы шорники. На изумрудной лужайке перед крепостной стеной паслись крупные овцы, чье белоснежное тонкое руно было источником процветания града. Ткань из их шерсти — благодаря его мудрой политике по развитию экономики стала одним из товаров экспорта, который он поставлял на рынки соседей и в имперскую столицу.

Город и окружающий его ленный домен… проще говоря, княжеский надел размером в сто квадратных лиг, населенный верными крепостными, были отделены от внешнего мира горной цепью, протянувшейся в форме полумесяца. Они так и звались «Горы Полумесяца». Через них вел всего один перевал, по которому была проложена хорошая торная дорога, частично сделанная трехслойной по образцу римских, а возле города еще и мощенная камнем. Кроме как по ней в город можно было попасть только морем, а гавань и побережье, изобилующее фьордами, стерег мощный княжеский флот.

В самом узком месте дорогу прикрывал каменный княжеский форт, где стоял сильный гарнизон из копейщиков, тяжелых латников и лучников. И вот именно на него напали враги из клана «Единорогов», занимавших земли к северу! А соратники, чьи земли были к востоку, так и не прислали пока подкрепления.

Сразу же после завершения загрузки Виктор Семенович увидел в углу поля зрения красный значок скрещенных мечей, услышал звук боевых барабанов и горнов.

Ага! Атака! Переключиться на ручное управление… так меньше будут потери.

А черт, совсем забыл. Некогда! Придется доверить бой компьютерному генералу. Благо, он тоже неплохо прокачанный, да и сражаться придется под защитой родных крепостных стен и башен, которые он удачно оснастил скорострельными тяжелыми арбалетами.

Но азартнее и веселее было бы лично разбить этих супостатов. А потом нанести им ответный визит, взяв с собой, кроме верных легионов трех уже вылупившихся драконов и новые «скорпионы» — мобильные баллисты с бронебойными стрелами на запряженных двойками коней повозках. А требушеты будут собраны гномами-саперами на месте…

«У тебя не больше 15 минут», — напомнил Григорьев себе. — «Машина уже в пути».

Твердой рукой он нажал «автобой», и легион вернулся под командование компьютерного воеводы. Генерал отвесил игроку низкий поклон и приступил к отражению атаки, раздавая команды бойцам гарнизона.

А он займется городом. Скриптор включил таймер на напоминание, чтобы выдернул его из игры принудительно. Потому что знал, есть риск проторчать там два часа и забыть про траурную церемонию напрочь. Здесь он не был главой клана, но имел статус топового игрока из первой сотни, в которой конкуренция за очки была жесткой.

Он перенесся на десять лиг — из форта в стольный град своего княжества, которое на Земле было бы размером с Лихтенштейн, но здесь было средним среди земель раздираемой феодальными распрями лоскутной империи, которой правила выродившаяся династия Моргенштайнов.

Перед глазами был его баронский… точнее, княжеский замок. Вился на главной башне княжеский штандарт в виде поднявшегося на дыбы черного вепря на фоне зубчатой стены. А вот и его тронный зал. Массивный трон, знамена и гобелены, рыцарские доспехи по углам. Или это големы-телохранители, созданные магией? Да, именно они, он сам их купил за реальные деньги.

Накрыт богатый стол. Виден запеченный целиком кабан на серебряном блюде с яблоком во рту, икра разных сортов в мисочках и рыба, похожая на осетра. В вазе лежат сочные персики. Можно было даже укусить, но прикреплять сенсор на

язык он не любил, хоть тот и был крохотной незаметной нашлепкой. Поесть можно и в реальном мире. Затхлая вода в «Землях» была плодом его воображения. На самом деле там был лишь запах затхлости. Разработчики M-taste недавно решили проблему, как без вживления поместить датчик во рту так, чтобы он не мешал пользователю, но такая опция использовалась далеко не всеми.

«Лорд Корнелиус, мой светлый князь, рада вас приветствовать в ваших владениях! — Советница Мирослава улыбалась ему жемчужно-коралловым ротиком. Изображение автоматически отцентровалось на ней. — *Следующие вопросы ожидают вашего высочайшего решения…»*

Светлые волосы, заплетенные в две тяжелых косы. На них серебряная диадема с бриллиантами в стиле a la rus. Четвертый размер груди. Костюм типа «броневичок», мифриловые трусики и высокие кольчужные сапоги до колен прилагались по дефолту, а он не стал ничего менять. Шпага в украшенных изумрудами ножнах на крутом бедре. В этой игре дикое смешение эпох и культур не злило его, а веселило. Можно будет потом сменить компьютерную советницу на японку в кимоно, подумал Виктор Семенович. Но нет. Слишком чопорно. Лучше на лесную эльфийку с острыми ушами. Просто чтобы радовала глаз.

Если в «Ржавых землях» нельзя было вступать в интимные отношения ни с кем, то тут — если на тебе полный сенсорный костюм — пожалуйста, сколько угодно. Хоть с человеком, хоть с ботом. Для многих молодых именно это, а не битвы, стало главным наполнением игры. Но сейчас ему бы и в голову не пришло тратить время в игре таким образом. Ему больше нравилось быть полководцем, разделять и властвовать.

А прекрасная Советница между тем продолжала свой доклад.

Григорьев слушал, и от пункта к пункту все больше мрачнел. Где-то в пограничной крепости его гарнизон отбивал атаку, но ему на помощь уже шли несколько легионов от союзников по клану и эскадрон рыцарей храма — вместе справятся.

…Пираты пустили ко дну два его галеона рядом с побережьем. Естественно, груз шерсти они забрали себе.

…Разбойники шалят на дорогах, грабят караваны не хуже, чем его бригада в «Ржавых землях». Разоряют деревни, обдирают до нитки его крепостных… что имел право делать только он сам, угоняют его бедных подданных в рабство.

…Темные пророчества гласили о том, что сам Властелин Хаоса может посетить земли князя Корнелиуса. Ну а пока тут и там встречались его эмиссары — мятежники в красных колпаках и культисты Козлиного Божества.

…Именем светлых богов и алмазного трона император Северий VII Моргенштайн повелевал ему навести порядок в домене, уничтожить язычников, этим укрепив великую империю. За то полагалась щедрая награда в виде бонуса к приросту войск. А за непослушание и недостаток рвения можно было получить проблемы со Святой инквизицией.

…Гоблины, орки, тролли и другие существа досаждали своими набегами. Почему-то этих мобов стало так много, что даже его сильной армии, в которую он вложил немало честно заработанных глобо, приходилось туго. Бои шли по всему периметру владений. Для многих из этих тварей горы не были преградой, другие проходили через подземные ходы. Для легионов всегда была работа.

…Гильдия воров и Академия волшебников предлагали ему свои квесты, обещая награду. Но это было не срочно, и обе организации пока довольны им.

Эта игра нравилась ему своим масштабом. Ведь он начинал ее безродным искателем приключений, сиротой-мстителем, чью деревню уничтожили слуги Темного Властелина. А теперь он сам стал властителем, и уже сменил четыре феодальных титула. А в будущем, чем черт не шутит, может, будет и герцогом, а то и курфюрстом или даже королем целой провинции, куда входит десяток таких доменов.

Чудесная страна, где ночами две луны сияли в небе (одна из них — с диском как у Юпитера). В ночь двойного полнолуния полуголые девушки крестьянки, следуя древним обычаям, водили хороводы, не опасаясь даже Инквизиции, потому что по сюжету в этих местах еще были сильны пережитки распутного язычества. Последнее было важным атрибутом игры для многих игроков мужского пола. Естественно, Ольга ворчала, зная о наличии в игре такого контента. Хотя он был перед ней чист, ему и в голову не приходило использовать «Страну легенд» как виртуальный бордель. Хотя после ее ухода из жизни он и пустился во все тяжкие — во многом. Но в игре ему больше нравились битвы.

Виктор Семенович открыл общий форум, куда он уже недели три не заглядывал. С экрана тот выглядел текстовым, с гиперссылками, но при надетых очках и костюме — был настоящим Форумом — площадью с трибуной и амфитеатром, где можно как в лондонском Гайд-парке обсуждать разные вопросы.

Ему хотелось оценить по-быстрому, что нового произошло в игре. И сразу же он оказался будто в эпицентре ядерного взрыва. Какой-то эмоциональный разговор собрал десятки тысяч участников.

Трэд был длинный — ветку открыли дней двадцать назад. Пятого октября 2059. Начал эту тему Мефисто — известный персонаж-орк, которого он всегда считал испанцем, но тот оказался, судя по всему, из Латинской Америки.

Виктор Семенович не был знаком с ним лично, но знал, что тот очень высокого уровня, с кучей регалий и кубков за турниры, полным складом редких артефактов и горами золота. Не скандалист и не тупой новичок. И в политику он раньше не лез. А теперь именно его фраза была вверху:

— Remember Guadalajara! Nazi bastards and corporations will pay for their crimes! WorldCouncilwillpay!

— Si. — соглашался очередной комментатор с ним. — Они заплатят, друг. За каждого убитого.

— Очистим мир от этих крыс. Революция победит!

Тут он увидел, что у них обоих, да и у многих других вместо аватар были зажженные свечи. На эмблеме клана «Грифоны» вместо прежнего геральдического зверя изображен поминальный алтарь, укрытый красным знаменем со словом «Авангард». Вокруг него горели штук пятьдесят свечей. Рядом флаг, похоже, мексиканский. Но были и другие флажки и слово «Солидарность» на разных языках.

А люди всех люди заходили, выражали соболезнования. Этот поток казался бесконечным. Видны были плачущие и гневные эмотики.

Вдруг вклинился какой-то тип, тоже с мексиканским зелено-бело-красным триколором, но украшенным пурпурной лентой с короной.

— Fucking commies! You deserve it. Better dead than red! Muahahaha!

И был забанен. А через минуту вернулся снова с другими именем… или пришел другой? — и добавил по-испански. В русском переводе вышло в рифму:

— Гвадалахара. Хорошо, но мало! Ха-ха-ха!

Тут же поднялся дикий гвалт, взаимные обвинения и тонны ненависти.

Нелюди, фашисты, твари, убийцы. Так вам и надо. Земля будет чище без этих бандитов. Правильно, что убили. Да что они такого сделали? А то, что вас надо давить как тараканов. Или любите только сами расстреливать безоружных и в лагерях гноить? Ах вы твари, гореть вам в аду, мы до вас доберемся… до каждого… Нет это мы до вас… Смерть красным… Смерть фашистам… Да сами вы фашисты…

В ужасе и ледяной оторопи Виктор Семенович отшатнулся от экрана. Хоть это звучало и глупо, но тот показался ему теперь не

порталом в чудесную страну, а воротами в ад.

Это и был баттхерт, который раньше еще называли словом бугурт. Вот почему ему вспомнилось это забытое сленговое слово. Butthurt. Боль в нижней части спины. То есть какой-то негатив, обида и озлобление. Но тут эта боль была совсем нешуточная. И непонятно, что ее вызвало. Ни клановые войны, ни турниры к такому озлоблению не приводили.

Похоже, на его глазах столкнулись люди с противоположными политическими взглядами. Такое и раньше бывало. И на национальной почве тоже. Но почему такой накал? Такое настоящее озлобление.

— Вы че, офонарели? — спросил Григорьев в чате, обращаясь не к кому-то конкретному, а ко всему hive mind, роевому разуму сообщества. — Это же игра. Какие на хрен «красные», «фашисты?».

— Ты совсем не следишь за новостями, Корнелиус? — написал ему один из роя.

— Высунь башку из задницы, мужик, — сказал другой более прямо. — Идет война.

— Молись и радуйся, что не у тебя дома, Корнелиус, — добавил третий. — Гвадалахара может прийти и к тебе.

Выходит, все это началось не из-за игровых конфликтов — как раньше — а из-за этой Гвадалахары. Вроде бы это город. В Мексике. Что там произошло? Вроде бы лет двести назад какое-то историческое событие. Но кто стал бы из-за этого гнать такую волну сейчас?

Ответ нашелся в сети легко. Война уже шла, и не виртуальная. Кровь пролилась настоящая. И совсем не два века назад, а примерно три недели; но даже трупы еще не все опознали. И это, похоже, было только началом серьезной заварушки. Хотя буча там, как оказалось, шла и до этого.

Странно, что он ничего не слышал. Хотя нет. Не странно…

Крупные новостные агентства ограничивались короткой сводкой с места событий. Власти от комментариев воздерживались. Виктор Семенович хотел спросить людей с форума. Но прежде чем он смог задать хоть один вопрос, окно чата исчезло. Совсем. И вместо него появилась надпись: «*Уважаемые лорды и леди, мы приносим вам свои извинения! Чат временно отключен в связи со сменой политики модерации в игре. Оставайтесь с нами. Администрация Игры*».

А через несколько минут пришло письмо от админов с пометкой «ВАЖНО» — напоминание о новой политике модерирования диалогов и обеспечения порядка в игре. С этого дня вводились драконовские штрафы за любую политическую

пропаганду и провоцирование конфликтов (особенно на темы, не связанные с игровым процессом). Категорически запрещалось говорить о политике. При рецидиве следовала блокировка персонажа на три месяца, а при двойном — его удаление навсегда из базы данных. Невзирая на количество вложенных денег. Без права обжалования. Такой вот аналог смертной казни. Он помнил, что раньше за те же нарушения накладывали лишь «проклятие немоты» или «обет молчания» на срок от недели до месяца.

Мир куда-то катился. Вот только куда?

А ведь верно сказали… «вынь голову из задницы». Он следил за новостями в области крионики, кибернетики, генетики. Следил за ценами на «железо» — и для умного дома, и для собственного тела. За стоимостью операций и медицинских процедур — замены суставов, позвоночных дисков, других костей, тканей и органов. Но не за тем, что происходило во власти и социуме. Особенно на других континентах.

Многие из его знакомых тоже ставили этот фильтр, и жили спокойно, не вникая в разборки всяких остроконечников и тупоконечников. Существовал даже общий блок от негатива и потенциально конфликтогенного материала. Включив этот эвристический алгоритм, человек видел в Сети только хорошее и только то, что не могло вызвать именно у него отрицательные эмоции, а тем более спровоцировать на участие в ссоре. Но это уже было чересчур. От такого сиропа быстро бы затошнило. Хочется иногда и жареных фактов, и острых сплетен, и прочей соли с перцем. Но не политики, чтоб ее.

Итак, вроде бы все прояснилось. Какая-то очередная заварушка в странах Периферии, которую аборигены громко называют «войной». Не первая и не последняя, но к нему отношения не имеющая.

И все же настроение испорчено. А ведь еще предстояло ехать туда, где сама обстановка будет настраивать на невеселые мысли. Ну почему покойный был против кремации?

Виктор Семенович свернул экран. И тут же пришло сообщение о том, что машина ожидает его у дома.

Поскольку это не обычное такси, а краткосрочная аренда — можно не торопясь одеться. Все-таки на кладбище в спортивных штанах не поедешь. Да и куртку надо надеть. Хотя день был теплый для осени.

Почему еще не придумали прибор для автоматического выращивания на себе одноразовой одежды? Ладно, традиции и ритуалы это святое. Свадьбы, похороны, вручение диплома. Но в остальные дни можно носить что-то более удобное и

футуристическое. Какой-нибудь комбинезон или тогу, как показывали фантасты. Какой архаизм, что одежда сохраняет тот же вид, в котором ее шили в эру мануфактурного и фабричного производства — со швами, пуговицами, кнопками, застежками… Давно можно придумать костюмы, которые более соответствуют эпохе. Вернее, они уже изобретены. Но консерватизм людей сильнее, чем их ум.

Облачившись в парадный костюм с белой рубашкой и черным галстуком, накинув легкую куртку, Виктор Семенович направился к воротам, откуда доносился сигнал ожидающего его беспилотного «Форда-Фотона». Он предпочитал электромобили этой марки.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]WTF, вотафак (искаженное «What’s the fuck?» — «Какого хера?» — интернациональное выражение, обозначающее крайнюю степень раздражения и удивления).

[2] Маскот (маскóт, от англ. mascot — «человек, животное или объект, приносящий удачу») — практически любой узнаваемый персонаж, олицетворяющий собой некий коллектив: школу, спортивную команду, сообщество, воинское подразделение, мероприятие или бренд.

Часть 3. Небесная стража

«— И они хотят нас убедить, что необходимо выделять 16 миллиардов глобо ежемесячно… на что? На борьбу с летающими тарелками? На космическую оборону Земли?..

Если это шутка, то несмешная. За кого нас держат эти любители военных подрядов? Они считают, что обитатели Альфы Центавры так же глупы, как Дональд Трамп и Джордж Буш-младший? Что они прилетят наводить на Земле порядок?..

…сокращение расходов по этой статье всего на пять процентов помогло бы решить проблему вымирания земноводных в тропических островных экосистемах…»

стенограмма пленарного заседания Мирового совета, речь депутата, лидера партии «зеленых» Амелии аль-Фараби при обсуждении раздела «Безопасность» годового бюджета на 2058 год.

«Трейлер крупнотоннажный автоматический MAN-Colossus без рег. номера обнаружен в опечатанном складском помещении коммуны Фельдберг, земля Баден-Вюртемберг. Не откликался на стандартные позывные, не идентифицировался системами поиска. Внутри на покрытии пола обнаружены следы грунта, состав которого в настоящий момент отправлен на экспертизу. Расположение вдавленных следов на покрытии свидетельствует о транспортировке в кузове гусеничной техники массой более 10 тонн. Обнаружены признаки вмешательства в систему дистанционного управления трейлера…»

из протокола осмотра вещественных доказательств, Управление полиции сектора «Центральная и Северная Европа».

Эшли Стивенсон, 35 лет, лейтенант Корпуса мира ООН

Первые пять минут у нее не было никаких мыслей — только ощущения своего тела во всех физиологических аспектах. Боль — в основном в голове, жажда, тошнота, привкус крови во рту и чувство, что все тело равномерно покрыто синяками — от ягодиц до шеи.

Эшли сначала не поняла, где находится. Решила, что дома.

Но почему тогда ей плохо, будто ее бульдозер переехал? И как объяснить странное чувство легкости во всем теле? Хотя одно с другим плохо сочетается.

— Господи Иисусе, да что со мной? — вслух сказала она.

Постепенно глаза привыкли. Кругом был полумрак, а не полная тьма. Комната, где она находилась, оказалась невелика, даже меньше, чем ее спальня. А сама она сидела в кресле, пристегнутая к нему гибкими ремнями и креплениям для ног.

Уже почти понимая, что к чему, Эшли протянула руку и освободила левую ногу. Это было непросто, но нужную последовательность действий для разблокирования стопоров она помнила. В свое время пришлось отработать до автоматизма. Открыть крепления кресла можно было не только в ручном режиме. Но именно к последнему способу она обратилась, потому что другой — с помощью универсального пульта в указательном пальце — не сработал.

Она начала освобождать вторую ногу, но, стоило замкам креплений с мягким щелчком отомкнуться, как женщина с ужасом поняла, что повисла над полом. А кресло прикреплено к потолку. Именно так решил вестибулярный аппарат.

На Земле Эшли из такого положения, конечно, упала бы головой вниз, а здесь плавно выскользнула из кресла и повисла в воздухе, дрыгая ногами.

Комната вращалась вокруг нее, как трехмерная модель. И было ощущение беспомощности, как во сне. То чувство, которое психологи квалифицируют как симптом депрессии. Вот только здесь это было в реальности.

Но тут же пришло понимание, что она всего лишь находится в невесомости. Тогда женщина перестала дергаться как жук на булавке, а развернулась вдоль своей оси и приняла «вертикальное» положение относительно пола. Необходимые для перемещения в пространстве движения их всех тоже заставляли вызубрить.

Уже что-то. Достаточно, чтобы понять, где она. Это был не первый ее полет на UNSS «Watcher-7». Но все предыдущие были учебными, и только три из них проходили за пределами атмосферы.

А что-то подсказывало ей: это не тренировка.

Тут Эшли вспомнила. Конечно, она знала, как начался тот сумасшедший денек, когда ее разбудил сигнал тревоги. Просто подсознание решило, что он уже закончился, и она снова на Земле.

Ее угораздило быть в составе дежурного экипажа и находиться на базе как раз в тот момент, когда произошло нечто

из ряда вон выходящее. Поэтому у командования не оставалось другого выбора, кроме того, чтобы отправить их троих.

Ладно, с этим разобрались. Но даже для космоса… для внутреннего пространства скорлупки, которая от этого космоса отделяет… многое было не в порядке. На ней был шлем. Именно поэтому было душно, а воздух казался спертым. Видимо, кислород уже заканчивался. Она коснулась гладкой ткани костюма. Скафандры у них были как в суборбитальной авиации — легкие, но почти не стесняли движений. Для выхода в космос не предназначались, но от кратковременной разгерметизации должны были спасти. В случае аварийного падения давления в отсеках шлем должен был надуться, как мыльный пузырь, охватив голову астронавта.

Именно это, как она подозревала, и произошло. Но в памяти этот момент не отложился. Или куда-то из нее пропал.

Воздух имел привкус металла и резины, а может, пластика. Снимать шлем Эшли Стивенсон, лейтенант военно-космических сил Корпуса мира ООН (по-английски ее звание звучало как “first lieutenant”), пилот воздушных и заатмосферных судов — не торопилась. Надо было сначала выяснить наличие и состав атмосферы в отсеке.

Она привычно скосила глаза.

«Нет данных».

Для знакомой обстановки в «челноке», как они звали корабль, чего-то не хватало.

Ну да, «оболочка»! Ее не было.

Конечно, на борту Д-реальность была далека от того многоцветья, которое можно увидеть на Земле. Ни рекламы, ни моря ссылок. И у других членов экипажа в профилях не было никаких личных данных, кроме некоторых показателей здоровья. Коммуникация с поверхностью и вовсе была заблокирована и проходила только через терминал командира. Никакой лишней информации, только технические характеристики приборов и правила их эксплуатации. Кое-какие информационные ссылки можно было открыть, но в очень урезанном виде. И не из «Ультрапедии», а с базы данных на борту.

Но сейчас не было ничего из этого. Ярлыки к приборам, красные пометки командира, желтые заметки, которые она сама себе оставила — Д-реальность исчезла полностью и не включалась. Зрение не казалось ей урезанным только потому, что она и на Земле «оболочку» не любила. А в Академии их учили обходиться без «оболочки», как экипажи в прошлом веке, во времена легендарных аналоговых приборов. Для этого на корабле все системы отображения данных дублировались — и кроме линз

в глазах членов экипажа и переносных «очков» выводились на обычные мониторы. Но сейчас ни один из них не горел. И «линзы» тоже почему-то не давали ночного зрения. Хотя в них был крохотный источник инфракрасного излучения, с помощью которого можно было видеть предметы даже в полной темноте.

Но слабый свет откуда-то шел.

Эшли три раза постучала указательным пальцем по подлокотнику. Там должен был визуализироваться пульт. Но голограмма не появилась.

«Фонарик, — вспомнила она. — В этом гребаном костюме встроен фонарик. И у него есть обычная кнопка. Может, заработает».

Кнопка была на запястье, примерно там, где пижоны носят часы.

Щелк! И полумрак отступил. В луче света, который вырывался из налобного фонаря, видимы стали все темные углы помещения («отсека» — поправила себя женщина). Она сменила режим, и теперь концентрированный пучок света падал туда, куда был направлен ее взгляд.

Тут же Эшли заметила, сколько в воздухе болтается предметов и сора, мешая зрению. В луче яркого света неподвижно висела пыль и обломки — несколько крупных и куча мелких.

Увидела она и второе противоперегрузочное кресло и фигуру, которая безвольно развалилась в нем. Двигаясь, как учили, будто переплывая реку, Эшли полетела вперед, слегка отталкиваясь от выкрашенной в серый цвет переборки. Ей понадобилось две секунды, чтоб преодолеть расстояние, отделявшее ее от второго кресла. Она остановилась и посветила фонариком в лицо сидящему. Он был невысокий, поэтому ошибки в том, кто это, быть не могло. Хотя это кресло принадлежало не ему.

Бортинженер и оператор систем вооружения, капитан Гарольд Синохара гермошлема на голове не имел. И дыхательной маски тоже. Эшли подумала, что он мертв, настолько тот был неподвижным. Его глаза были скрыты под линзами непрозрачного окулярного сенсора, напоминающего солнечные очки. И не ясно было, закрыты они или открыты.

Внезапно его рука дернулась. Он снял «очки» на мгновение, и пристальный взгляд заставил женщину вздрогнуть.

— Лейтенант Стивенсон, не светите мне в лицо, — произнес офицер, щуря и без того узкие глаза. — Я провожу диагностику. Сейчас закончу, и сможете доложить по форме.

Это все равно, что сказать «отстаньте!», оставаясь в рамках корректности.

Но, по крайней мере, он обратился к ней вежливо. На «вы».

Как она смогла это определить, если он использовал английский язык, где церемонная словоформа “thou” исчезла много веков назад? А не японский, где есть куча различных форм вежливости. От дружеской до холодной и церемонной. Где, как она слышала, есть даже формы речи, которые может сказать только женщина или только в адрес женщины.

Все просто — даже когда он говорил на английском, Гарольд Синохара сильнее выделял прагматику высказывания, чем требуется. Вот и сейчас его фраза звучала предельно формально и жестко, хоть и вежливо. Эшли даже расхотелось говорить, что приблизилась она с целью проверить, жив ли он.

Она сразу уменьшила яркость. Помещение опять погрузилось в полусумрак.

«Чертов андроид. Я бы сказала, что о тебе думаю, если бы так не болела моя башка».

Тем более она сама — надо быть честной — беспокоилась о нем скорее как о члене команды, а не как о живом человеке.

Эшли уже чувствовала, что что-то пошло не так. И что от бортинженера во многом зависит, вернутся ли они на Землю. А что же случилось с командиром?

— Да сэр, — в тон ему ответила она. — Если нет более неотложных задач, позвольте мне пока заняться уборкой, сэр. Эти предметы могут попасть кому-нибудь в глаз.

— Конечно, — он кивнул, хотя все его внимание было направлено на то, что он видел в «очках». — Боюсь, нам тут придется пробыть долго.

И, конечно, никаким роботом он не был, хотя и вел себя иногда похоже. Как и она, он состоял из плоти и крови.

Эшли хотела ответить что-нибудь, но только хмыкнула. Оттолкнулась от пола и отправилась ловить летающие приборы, инструменты и куски внутренней обшивки. Она знала, что одном из отрезанных отсеков были магнитные ботинки, с помощью которых можно было бы «ходить» по «полу». Логично было бы встроить такие в каждый скафандр. Как и многое в корабле, это было не продумано.

Но она неплохо справлялась и без них, порхая как птичка. Все, что было полезного, она собрала в выдвижной запирающийся ящик, утопленный в переборку отсека, а все что походило на мусор — в мешок из резины с завязками, а сам мешок запихала в контейнер для сухого мусора в углу. Примерно такие использовали еще на МКС. Потом взяла пылесос и с кривой усмешкой за минуту втянула весь парящий в воздухе сор.

На Земле это делать было проще. Хотя ее стаж семейной жизни был мал. И почти всегда пылесосил робот-черепаха, а там,

куда тот не пролезал — муж, по доброй воле. Впрочем, как оказалось, обойтись можно без обоих.

Все это время ей казалось, что австралояпонец смотрит за ней одним глазом и сейчас скажет что-нибудь про пользу женского труда. Но тот молчал, полностью поглощенный диагностикой. Конечно, он был капитаном по званию в табели рангов, а не капитаном «Наблюдателя-7». Должность командира корабля не называлась «капитан», все-таки они были не на флоте.

Но все равно капитан Синохара был для нее старшим по званию, хотя приказы до этого ни разу не отдавал. На это был командир экипажа… которого сейчас нигде не было видно.

— Наши дела плохи, — услышала она голос Гарольда. — Но могло быть и хуже

У них было почти одинаковое произношение. Хотя они были родом с противоположных сторон планеты. Australian English похож на British English гораздо сильнее, чем на американский вариант языка. Но сам ее коллега походил на англосакса меньше всего. Он выглядел как чистокровный японец, хотя и не был им. Этого впечатления не могло переломить его европейское имя. О том, что он метис, могла сказать разве что слишком светлая кожа.

Вот и сейчас он казался бледным. Но, может, это так падал свет.

Но что-то плохое определенно случилось плохое. Чтобы проверить свою догадку, женщина-пилот приблизилась к люку, ведущему в коридор, который соединял командный отсек с остальной обитаемой частью корабля. Люк был наглухо закрыт. А за толстым кварцевым стеклом обзорного окошка можно было разглядеть второй задраенный люк. Этот был аварийным, иллюминатора не имел и опускался только в случае разгерметизации. Там в этом узком пространстве горело красноватое аварийное освещение… которое в командном отсеке так и не включилось — и это говорило о проблемах в системе электропитания.

Выходит, аварийная заслонка перерезала коридор, который вел в бытовой отсек (который они называли кубриком, хотя он служил и спальней) и в приборный, и дальше, к энергетическому отсеку, который занимал треть внутреннего пространства корабля, но почти всегда находился в закрытом состоянии. А теперь все это было отделено от них стеной из сверхпрочного титанового сплава. Непроницаемой для воздуха стеной.

— Где командир? — спросила Эшли, уже не добавляя издевательское «сэр». Ей было по-настоящему страшно. — И что случилось?

— Командир теперь я. Майор Коберн мертв, — сказал

Гарольд, и голос его был так же бесстрастен. На вторую часть вопроса он не ответил.

«Про мою смерть он сообщил бы таким же тоном», — подумала женщина.

— Я упаковал его в мешок и убрал его тело в шкаф. У него в голове дыра размером с монету, — продолжал капитан Синохара. — И это сделал не метеор, а поражающий элемент.

«Шкафом» они называли небольшой отсек-хранилище, его непрозрачная дверца была всего в паре шагов от кресла. Можно достать рукой. Хотя какие тут шаги?

Видимо, шок, который испытала Эшли, слишком явно отразился на нее лице.

— Какой еще элемент? Боевой ракеты?

— «Земля — космос». Нас атаковали.

— С поверхности? Гарольд, это правда? — больше она подыгрывать его церемониалу не собиралась. Зная человека пять лет, пусть даже «шапочно» — можно называть друг друга менее формально. Тем более, когда земля горит под ногами, и надо держаться вместе. Покойный майор, царь и бог на борту, еще на брифинге сказал им засунуть церемонии куда подальше и обращаться к нему и друг к другу по именам. В этой демократичности (или фамильярности?) была доля фальши, хотя пропаганда и твердила, что весь Корпус мира — одна большая семья, а в особенности его элита, военно-космические силы.

«Что за уставщина, леди и джентльмены? Мы на боевом задании, тут важна командная работа. Предлагаю называть друг друга по именам и без званий. Нас тут не сто человек команды. А в критической ситуации надо обращаться друг к другу быстро».

Они тогда ничего не возразили.

И тем более церемонии потеряли смысл, если на борту теперь остались они вдвоем.

— Это серьезно, да? — спросила она, глядя на напарника с тревогой. — Это не учения, приближенные к реальности? Нас не испытывают?

— А я что, похож на клоуна, Эшли? Вы вроде бы давно не стажер, а боевой офицер.

Скажи это другой, она бы подумала, что тот в бешенстве. И даже добавленное в конце фразы имя… было похоже на вынужденную уступку. Но голос Гарольда Синохары не выражал гнева. Ей иногда казалось, что он вообще не умеет его выражать. Злость и досаду — да. Но не гнев.

Да, Гарольд Синохара был ее инструктором по инженерной подготовке на высших командных курсах Корпуса мира в Бостоне. Хотя в первый день она принял его за кадета. Уж очень он был

тогда щуплым, что вкупе с его невысоким ростом и лопоухостью вызвало у нее что-то вроде умиления. Да и форма у них была почти одинаковая, нашивки она не разглядела, а его айдент прочитать поленилась. И поплатилась за это. Спросила его какую-то ерунду про занятия, думая, что их статус одинаков, чем очень его, видимо, разозлила. Хотя Эшли поняла это не сразу — настолько непроницаемым было лицо японца (она про себя так его называла, хоть он был, если называть вещи точными именами, метис, хотя европейской крови в нем было немного).

Тот маленький инцидент стоил ей пары дополнительных дней в попытках сдать нормативы на тренажере. А он как нарочно постоянно подходил и контролировал. Симулятор полета был очень реалистичен, но ни одна из ситуаций не напоминала то, что произошло с ними теперь.

— А может, я похож на садиста? — произнес он, чуть смягчившись. — Наверно, я дал бы тебе знать, если бы это были учения.

После этого бортинженер надолго замолчал.

— Откуда выпущена ракета? — спросила Эшли, сложным акробатическим маневром посылая свое тело назад к ее креслу. Секунду она занимала положение в пространстве перпендикулярное тому, которое занимал собеседник.

— А не все ли равно? Пока сохранялась связь… в последние две минуты до удара… я слышал, что координаты ракетных пусков установили. Одна из точек — где-то в северо-западной части Германии. Шварцвальд. Другая — где-то на Балканах, горная местность. И атакованы не мы одни, а минимум три из кораблей, находившихся на орбите. Атакованы спутники класса «Гарпия» системы «Небесная сеть». Их кто-то расстреливал, как в тире.

— А тот лунный «грузовик», — спросила она, вспомнив, зачем они вообще тут оказались. — Что с ним?

— Он движется прежним курсом и идет на снижение. Он войдет в тропосферу как раз над Западной Европой.

*****

«Хьюстон, у нас проблемы», — это было любимое выражение Рона.

Оно означало приближение к некоему критическому порогу. Он его употреблял, когда напивался, и его могло вот-вот вырвать, когда не мог сдержаться в иных ситуациях, или когда просто бывал не в духе и вот-вот готовился впасть в истерику. Вполне нормальную для сидящего на успокоительных адвоката из

мегаполиса, закоренелого холостяка и гедониста.

Естественно, он применял эту фразочку только в ее обществе. Потому что это была мягкая насмешка над экзотической профессией его сумасбродной GF. Сама «джи-эф» от употребления при ней этой фразы злилась, хотя и не до бешенства. Бешенство у нее вообще было трудно вызвать. Почти в любой паре она оказывалась той самой водой, которая может потушить любой пламень, хотя никто не назвал бы ее слабой или ведомой. Потушить и в хорошем смысле, загасив в конфликт, и в плохом, потушив то, что лучше бы оставить горящим.

Но сейчас Рона рядом не было, а значит, некому было произнести эту глупость. А между тем проблема определенно была.

И выражалась она в сигнале тревоги, который нельзя было выключить, как надоевший будильник (бегающий будильник был когда-то у них с Максом. Такая старая игрушка — его надо было сначала догнать, чтобы хлопнуть по нему и выключить. А еще он умел невысоко взлетать на пропеллере).

Чужих на базу проводить было нельзя, поэтому в периоды дежурства, переподготовки или бумажной штабной работы, она ночевала одна. Обычно по утрам домик будил ее медленно. Так советуют психологи. Конечно, у Рона программа «умный дом» была круче. У него она не только следила за всеми системами, не только управляла его распорядком, напоминая ему про заказ продуктов и оплату счетов (даже заказать и оплатить та могла самостоятельно), но и способна была полностью имитировать человеческое присутствие. Даже когда он бывал в разъездах, в его двухэтажном доме зажигался свет, двигались шторы, изредка включались экраны. Просто он панически боялся воров и грабителей, хотя в его районе такого не случалось уже лет двадцать.

Поставить такую систему в построенный на деньги налогоплательщиков казенный коттедж на военной базе было нельзя, да и не нужно. Тут все было проще. Только базовые функции. По утрам дом постепенно увеличивал освещенность, наполняя комнату приглушенными запахами и звуками соснового леса или Северного моря при легком бризе. А объемные картинки на стенах спальни создавали ощущение пробуждения на природе.

Но сейчас о плавности не было и речи. Нет, сигнал не рвал барабанные перепонки, но звонил громче обычного телефона. И так требовательно и настырно, что легко было проникнуться важностью.

Вначале Эшли приняла его за частный звонок. Это могла быть мама или Рейчел. Рон? Нет, он говорил у него сложное дело в

Берлине, и до завтра он недоступен. Да и вообще она собиралась сказать ему, что он ей не пара, «ей надо двигаться дальше». Хотя он и сам мог опередить ее и такое сказать. Макс Рихтер? Нет и еще раз нет. К черту Макса. Пусть якшается дальше со своими дикарями. Нет, конечно, она его не сдаст, и даже попытается помочь, если он куда-то вляпается. Но и возврата к прошлому быть не может. Надо забанить и заблокировать его везде, внести во все черные списки, как она внесла его в свой самый главный — там, внутри, в сердце, в душе.

Но нет. Это был не частный звонок. Звук другой. Это была боевая тревога. Такое случалось не в первый раз. Учебные тревоги имели место каждый квартал. А несколько раз были и не учебные — когда случались крупные террористические акты в ближайших к ним секторах или угроза применения оружия… прежде всего ракетного. Тогда их приводили в боевую готовность. Хотя никогда у террористов не оказывалось ничего, против чего могли бы понадобиться орбитальные перехватчики. И наземные силы Корпуса вполне справлялись сами.

Даже невозмутимый Доминик не чесал свой клетчатый бок задней лапой, как он обычно делал по утрам, а с тревогой смотрел то на телефон с мигавшим над ним красным огоньком, то на свою хозяйку, которая, наконец, встала с постели и стояла в неглиже. И сама потягивалась, как кошка, выпрямившись во весь свой рост.

На секунду она поморщилась. Боль в низу живота напомнила о неприятном моменте жизни, который, к счастью, давно был в прошлом. Но тут же прошла, как и мысли об этом.

Чтобы снять трубку «тревожной связи», надо было не только встать с постели, но и сделать несколько шагов. Говорили, что это дисциплинировало офицеров корпуса («разжиревших сволочей и сучек», как называл их майор Коберн, сам тот еще лентяй).

Спальня была обставлена типовой мебелью из «Икеа», как и гостиная. В ней была узкая кровать, один шкафчик и две полки на стенах. В гостиной было немногим больше обстановки. А еще в домике была крохотная кухня, где можно разогреть еду, купленную в городе или в буфете, но трудно сварганить что-нибудь свое. Ну и конечно, душ.

На окнах — кремовые жалюзи. Скосив глаза вправо, Эшли узнала, что на улице тепло, а атмосферное давление пониженное. Понятно тогда, почему так побаливает голова. «Наверно, будет буря». И невидимые синоптики тут же подтвердили ее предчувствия, показав движение атмосферного фронта в сотне миль отсюда прямо перед ее глазами (Вживлять себе что-то на сетчатку Эшли не хотела и пользовалась, как многие, съемными

линзами. Правда, эти последние и на ночь можно было не снимать. В них даже можно было плакать, как она несколько раз убедилась).

Здесь на материке бури и шторма случались пореже, чем на ее родном острове, но все же бывали. Прошлым летом серьезно затопило половину земель Германии, а также все страны, примыкавшие к Дунаю. И у них в Рейнланд-Пфальце дожди лили целую неделю. Даже сложная установка, которая должна была обеспечивать ясное небо над базой независимо от движений атмосферных фронтов, не смогла полностью защитить ее от непогоды. Молнии так и били рядом с ангарами и диспетчерской вышкой — конечно, снабженными защитой от атмосферного электричества.

В коттеджах — как и в других зданиях базы — действительно была связь на основе обычного голосового телефона. «Хорошо еще, что не с проводом и диском для набора», — подумала Эшли. Но таков был порядок и традиция. По мнению командования, это «приучало к дисциплине». Каждому сотруднику Корпуса на базе полагался специальный коммуникатор (крепился в нагрудный карман и был предметом шуток из-за своей неуклюжести). Большинство гражданских гаджетов на территории базы были запрещены, хотя контроль за этим был не так уж и строг. Наверно потому, что настоящей войны не было уже много лет. Они действительно были ленивой потерявшей форму армией мирного времени. Хотя иногда мир и нарушали разные локальные передряги. Но до участия стражей космоса дело никогда не доходило.

«И чего им надо? Неужели опять?».

Эшли пожала плечами и сняла трубку. Тут же ее лицо, еще добродушно-мечтательное — мечтала она о чашечке кофе с пирожным, — исказилось так, будто она съела лимон.

«Пять минут на сборы и на выход». И это была не шутка. Какой кофе? Даже душ придется принимать на бегу, а одеваться с такой скоростью, что впору забыть что-нибудь надеть.

Уже освежившись и одевшись, перед выходом она взглянула на «часы», скосив глаза влево.

Время еще было, и женщина-офицер на секунду задержалась у зеркала. Ее подруга Энн (уже давно — бывшая) шутила: «Тебе, Эш, надо обязательно успевать накраситься до того, как твой мужчина проснется. Тем более сейчас весь макияж занимает всего минуту».

Нет, она не была несимпатичной. Но во всех журналах изображали что-то другое. Кожа была слишком бледной — она постоянно обгорала на солнце, и не только на пляже. А еще

бывает лицо у человека штучным, ни на что не похожим. А похожих на нее в любой подземке любого из городов, где преобладало европеоидное население (такие еще остались), можно было встретить двадцать, а то и сто. Достаточно высокий рост, худощавая, раньше были веснушки, но от них она избавилась, волосы соломенного цвета с оттенком рыжины, которая была видна при ярком солнечном свете. Глаза были серо-голубыми, но слишком бледными, чтоб быть выразительными. Кому-то они показались бы холодными и «рыбьими». Но кому-то нравились. Цвет можно было изменить без особого труда и затрат, но ее все устраивало. Мягкий овал лица, округлый подбородок и некрупный — не аристократический, но вполне аккуратный нос. Стрижка — короче, чем во время работы в «Люфтганзе» и в «Парадайз Тревел», ровно такой длины, какой было разрешено для офицеров обоих полов Корпуса мира.

И первые морщинки в уголках глаз. Чтоб их не появилось к тридцати пяти, надо было сдерживать эмоции. Не радоваться и не грустить. Но ей это не удавалось.

Повседневная форма летного состава — темно-синяя, определенно ей шла по своей гамме, хотя и была мешковатой и явно рассчитанной на бесполых существ.

«Ты сумасшедшая», — сказала себе она. — «В такой момент думать о такой ерунде. Надо бежать, машина уже, наверно, ждет».

Предупредили дважды, что это не учения. Но ведь ничего серьезного случится не может? На ее памяти ничего страшнее вылазок группировки имени какого-то Омара не происходило. Но и в этом случае Корпус обходился без судов их класса.

У крыльца, прямо на дорожке, обсаженной синими кустами роз, ее уже ждали. Знакомая фигура — человек помахал ей черной рукой с ладонью цвета кофе с молоком. Эшли и без «оболочки» знала, как его зовут, и помахала в ответ, широко улыбнувшись.

Хотя тревога никуда не делась. Она бросила последний взгляд на свой домик, на японский сад камней и живую изгородь. Слава богу, коттедж сумеет покормить кота шахматной расцветки по имени Доминик и почистить ему лоток.

Командование разрешало им содержать мелких животных и давало широкий простор для воображения при оформлении жилища. Даже зная, что отсюда в любой момент может понадобиться съехать, забрав вещи, и имея нормальное жилье в Лондоне, Эшли не могла отказать себе в удовольствии устроить сад по ее вкусу. «Если бы я не стала пилотом, я была бы флористом», — думала она, вручную работая секатором или

лопаткой. Хотя особого труда это не потребовало — только пары вечеров и двух походов в магазин (заказать доставку дроном на базу было нельзя).

— Доброе утро, мисс Стивенсон, — приветствовал ее знакомый голос. — А я вас уже заждался.

Хайле Бекеле. Черный как ночь, в зеленой форме военной полиции, охранявшей базу и поддерживавшей порядок на ее территории. Не афроамериканец, а выходец из солнечной Эфиопии.

Обычно при встрече он улыбался во все тридцать два зуба, а, когда им случалось идти куда-то вместе по территории базы — в столовую или в офис интенданта — часто насвистывал какую-нибудь мелодию — этническую, симфоническую или нео-афро. А иногда и их гибрид в незнакомом ей стиле. Но сегодня его лицо было серьезным, если не сказать — хмурым. И остановился он за добрых три метра от нее. Хотя всегда стоял чуть ближе, чем требовалось. Ходили слухи, что он тот еще бабник и не прочь переспать даже со старшей по званию. Хотя командование и обещало драконовские наказания — вплоть до увольнения — за связь с сослуживцами, независимо от пола, на практике за такие связи (опять-таки независимо от полов) обычно наказывали только выговором.

Рон был почему-то уверен, что у них тут вертеп, поэтому очень удивлялся ее пуританским нравам и ярко выраженной моногамии. «Скучная ты, — говорил он. — А я думал, вы там каждую ночь зажигаете».

Рональд Уизерс был адвокатом по бракоразводным процессам. Они нашли друг друга в группе знакомств месяца три назад. Он написал ей первый. Видимо, его прельстила ее экзотическая профессия, а может, понравилась голограмма. Хотя до нее в этот же день он мог отправить запросы десяти другим.

«Ты защищаешь Землю от арахнидов и цефалоподов. А у меня работа попроще, — говорил он. — Я добрый волшебник. Делаю людей счастливыми».

Рон был чайлд-фри и семьей обзаводиться не собирался. Она — пока не собиралась, поэтому ее это устраивало.

Был он полный, хотя и не до ожирения, и как все люди такой комплекции — очень «озабоченным», и совсем не проблемой глобального потепления. Даже название базы, похожее на имя старой рок-группы, вызывало у Рона нездоровые ассоциации: «Ого. Помню у этих мастодонтов одну прикольную песенку».

И вспомнил целых три, и все про одно и то же. Вернее, в разных вариациях.

«Эшли, детка. Ну как, отметим сегодня? — написал адвокат

ей прошлым вечером. — Я как раз выиграл сложный процесс. Настроен пошалить». (Подмигивающий эмотик).

«Рон. Меня включили в долбаный дежурный экипаж», — ответила она тогда, прикрепив грустный эмотик со слезой. — Значит, я должна торчать на территории… еще 22 часа».

«Сколько-сколько часов? Что за черт?»

«22, — написала она снова. — Ты что, ослеп?»

«Не вижу. Заменяется точками. Может это сбой?»

«Ну я и дура. Сообщения автоцензурируются. Что-то вроде перлюстрации писем. Я чуть не раскрыла тебе чертову государственную тайну».

«Раньше никогда такого не было».

«Надеюсь, у меня не будет проблем из-за тебя. Мне нужна эта работа. Мне надо расплатиться с долбаной ипотекой за долбаный дом, где я даже почти не живу. В общем, сегодня встретиться не получится, — подытожила она. — Извини, не могу больше разговаривать».

«Эй. А как же мотивирующее фото? Селфи на фоне вашей ракеты?»

«Ты что, идиот? — вспыхнула она, и, если бы он был рядом, ущипнула бы его. — Всего одно слово — геолокация. Я знаю, ты слишком тупой, чтоб быть агентом этих… Омар-Хаямов. Но все равно — нет».

«Давай так, — не унимался он. — Можно и не на площадке. Можно в коттедже. Ты в шлеме. И в том, что есть на тебе под этой ужасной робой. Я же не говорю, чтоб полностью…»

«У меня нет шлема. Я его дома не храню, как и скафандр. И вообще, отвали от меня, чертов девиант. Главное свои фотки не присылай в костюме Бэтмена и Супермена… или других героев комиксов. А то опять буду смеяться до колик, и морщины пойдут».

«Ну ты и стерва…»

«Жирный похотливый свин».

«Фригидная курица. Найду себе ту, которую не надо полчаса разогревать ради десятиминутного…»

«Пошел в задницу».

На этом Эшли прервала сеанс и добавила Рона в «черный список». Это был их не первый разлад, и уже через час она успокоилась и его из этого списка удалила. А уже к ночи написала ему что-то примирительное. Хотя сам адвокат явно еще дулся на нее. Впрочем, она тогда уже решила, что между ними все кончено.

База космических сил Корпуса Мира в Рамштайне была

прямой наследницей бывшей базы НАТО. Здесь дислоцировались четыре орбитальных перехватчика (каждый был отдельной боевой единицей), два звена суборбитальных бомбардировщиков и много техники классом пониже. Последние полгода — с тех пор, как ее направили сюда из Хьюстона — это место было для Эшли вторым домом. Мама и сестра радовались, что ее перевели ближе к дому, но возможности навещать их чаще она не получила. Постоянно были то дежурства, то учебные полеты, то непонятно зачем ей нужная физическая подготовка.

Уорент-офицер Бекеле (она знала, что Бекеле у эфиопов — это не совсем фамилия, а что-то вроде «имени по отцу», примерно как у арабов и у некоторых славян. Но в профиле айдента у него стояла именно эта фамилия) распахнул перед ней дверцу камуфляжного цвета «Хавми». Эта машина досталась Корпусу еще от базы НАТО после расформирования той, как своего рода реликвия. На ней в свое время возили многих исторических личностей. А теперь это была личная машина полковника Винтерса. Командующего отдельной сводной эскадрильей «Европа» военно-космических сил Корпуса мира.

Хотя и у этой «старушки» был установлен новенький электромотор и современная ходовая часть и электроника. Весь остальной автопарк составляли новенькие электромобили “Spirit” от «Тошиба», из тех, что произвели уже после эвакуации мощностей с Островов в Австралию. Странно, что за ней не прислали такой.

«Да тут всего полмили. Почему не дойти пешком?» — подумала она, когда машина тронулась с места. Мотор работал абсолютно бесшумно.

— Полковник приказал доставить вас как можно быстрее, — ответил чернокожий младший офицер Military Police на ее невысказанный вопрос.

Уже садясь на заднее сидение, она увидела, как светится в кармане коммуникатор. В салоне, где было прохладно от работы кондиционера, женщина достала приборчик и увидела, что пришло сообщение от Рона.

«Эшли, прости! Я исправлюсь. Но дело сейчас не в этом. Я слышал в новостях… черт… если тебя пошлют сбить этого придурка… Отказывайся!! Ни в коем случае не соглашайся!! В мирное время они не имеют права заставить… У меня есть приятель, спец по трудовому праву…» — дальше она прочитать не успела.

— Отключите, пожалуйста, коммуникатор, лейтенант Стивенсон, — вежливым голосом, но не допускающим возражений тоном приказал ей военный полицейский.

Да, она была старше по званию, но здесь, за пределами стартовой площадки и ангаров Космических Войск, он имел право следить за соблюдением правил внутреннего распорядка даже офицерами ее ранга. И конечно, он мог отключить этот прибор и дистанционно.

Пришлось положить его в карман. Ниточка, связывавшая с внешним миром, была грубо обрезана. Эшли вздохнула и мысленно пожелала Бекеле полгода неудач на любовном фронте. Она вдруг почувствовала себя не отважной летчицей, а заложницей.

И все же подумала, что советом Рона не воспользовалась бы. «Есть такая штука, как присяга», любили повторять офицеры Корпуса, особенно приняв лишнего.

Да черт с ней с присягой… в нее еще в детстве вдолбили, что любой договор надо исполнять, хоть купли-продажи, хоть брачный, хоть с государством.

Может, она смогла бы жить дальше, даже зная, что струсила в момент, когда ей доверили важное задание. Хотя еще со времен пилотирования дирижаблей, она держала в голове, что у нее одна из тех редких профессий, которая подразумевает ответственность за чужие жизни.

А еще у нее ипотека. Наверно, самый сильный аргумент.

Кто сказал, что ее вообще собираются отправить на орбиту, да еще для перехвата другого корабля? Адвокатишка явно преувеличивал опасность. Он вообще был из тех, кто в жизни видит только угрозы: для своих финансов, для своего здоровья и для своего ненаглядного эго. И уж конечно, он не был мужчиной ее мечты. Впрочем, она и сама отдавала себе отчет, что далека от идеала.

Когда они уже подъезжали к штабу — трехэтажному зданию с облицовкой под мрамор, немного похожему на уменьшенный Белый Дом с колоннами, поддерживающими портик, над которым вился зелено-голубой флаг с земным шаром — она снова включила Д-реальность и увидела на парковке какую-то суматоху: мельтешение зеленых и белых айдентов.

Там уже стояли два «Спирита» — каплеобразные, обтекаемые. Чуть поодаль возился с газоном многофункциональный робот «Мелиор», выбрасывая фонтанчики воды, как кит.

Членам семьи здесь взяться было неоткуда. Но «зелеными» у Эшли отображалась не только семья, но и некоторые сослуживцы. Она настроила так для удобства.

Они припарковались, и Бекеле услужливо распахнул перед ней дверцу — едва ли по своей инициативе, скорее таков был приказ полковника, желавшего видеть ее как можно скорее. Все-

таки выходец из Эфиопии прожил на Западе уже полтора десятка лет и знал, что излишнюю галантность к здешним женщинам на виду проявлять нельзя, даже если за закрытыми дверями и с выключенными гаджетами они позволяют делать с собой все, что угодно.

Как только дверца открылась, Эшли услышала рев мотора. Еще не успев поставить ногу в армейском ботинке на пористое бетонное покрытие стоянки, в десяти метрах от себя у самого бордюра она увидела винтажный коптер-байк незнакомой модели. Лопасти восьми роторов, расположенных вокруг открытого сидения, были только частично прикрыты кожухами — и было хорошо видно, как они вращаются. Впрочем, они уже сбавляли обороты — водитель на ее глазах заглушил моторы. Сам он был невысокого роста, в черной куртке, похожей на байкерскую, но без всяких надписей и декора. Лицо скрывал черный шлем с непрозрачным стеклом.

Вокруг летучего мотоцикла в напряженных позах застыли двое военных полицейских и офицер из этой службы, приветствовавший Бекеле кивком — тучный и массивный капитан по фамилии Гастингс. Бекеле с преувеличенным старанием отдал честь, приложив к фуражке черную руку.

Эшли знала, что некоторые владельцы байков и автомобилей нарочно делали им дизайн в стиле ретро — заходя в этом очень далеко. Имитируя ржавчину, грубые заклепки, сварные швы и висящие провода, трубы и патрубки, никакой нагрузки, кроме декоративной, не несущие. «Апокалиптический» тюнинг машин и одежды… да и оружия тоже — все тридцатые и сороковые был в тренде, как и сама эта субкультура. Своего рода память о войнах Темного десятилетия.

Но этот мультикоптер был не "Харлеем" и не «Трансформером» от "Тошибы", которые часто мелькают в клипах, а какой-то более древней моделью. Уж не в России ли его произвели? Какой-то корявый он, подумала женщина. И все же в корпусе и резких линиях чувствовалась мощь и, несмотря свой потрепанный вид, смотрелся байк круто… на взгляд двадцатилетнего подростка.

«Ультрапедия» угодливо сообщила, что, да, аппарат выпущен концерном «Калашников» в 2030 году. Следующая ссылка была на сетевой аукцион, где такой же антиквариат продавали по цене ее годового жалования. А она всегда считала, что получает немало.

Между тем водитель снял шлем и одним движением спрыгнул на бетон стоянки. Шлем вдруг потерял твердость, съежился, и человек свернул его, как носовой платок, а затем убрал в бардачок коптера. Следом за шлемом он снял и куртку,

но не бросил, а аккуратно свернул и положил на сидение. Под ней на нем оказалась ничуть не помятая форма летного состава. Такая же, как у нее, темно-синяя. Он был невысоким, и явно происходил из Юго-Восточной Азии.

У них в Корпусе были представлены почти все нации — и Эшли кое-какие народы научилась определять на глаз. Как отличать китайцев от японцев? Первые похожи на котиков, а вторые на пучеглазых рыбок, говорил кто-то. Первые веселые, шумные, даже невоспитанные, а вторые холодные и сдержанные. Конечно, любое упрощение порочно. Но дает примерное представление о предмете.

Вот генерал Ю Линь — типичный китаец, хотя и из эмигрантов. Мог позволить себе и солдатский юмор, и брань, и резкую выходку. А этот почти наверняка был японцем. И даже пытаясь выделиться и подчеркнуть свою брутальность — один наряд чего стоил! — все равно выглядел сухо и чопорно. Хотя для японца слишком плотно сложен. Лицо скуластое, хотя и не круглое. Может, кореец? Да, не позавидуешь их народу. Если Япония и Китай отделались зараженными территориями и несколькими десятками тысяч погибших, то у них погибло почти сто тысяч и несколько миллионов покинули родину. А все из-за ненормального диктатора северян. Потом, правда, большинство вернулось. Но многие осели там, где жили беженцами. Хотя и из Японии было немало беженцев.

И тут его внешность показалась Эшли смутно знакомой. Тем временем они с Бекеле уже подошли к турникету, и сержант использовал свой пропуск, чтоб разблокировать его.

«Наверно, ошиблась. Мы для них тоже на одно лицо», — сказала себе она и пошла вслед за эфиопом, нетерпеливо указывавшем ей дорогу, которую Эшли и так прекрасно знала. Он распахнул перед ней с виду деревянную, но на самом деле выдерживающую попадание бронебойной пули дверь. В узком коридоре пропускного пункта их должно было просветить целая уйма детекторов, а постороннего — при сигнале “intruder alert!” могла застрелить на месте автоматическая пушка, которая уродливым наростом крепилась к камере наблюдения. Мало кто о ней знал. Нападения на базы Корпуса мира случались не часто, но порой стрельбу устраивали свои, у которых поехала крыша. Именно после очередного такого инцидента турели и установили.

— Пройдемте, нас ждут.

Она уже собиралась зайти вслед за эфиопом в здание, когда до ее ушей долетел разговор на повышенных тонах. Капитан Сэм Гастингс, которому уверенности добавляли двое рядовых, вооруженных импульсниками, напирал своим выступающим

животом на все того же на невысокого азиата. Голос которого показался ей знакомым.

— Я вас, конечно, пропущу, — с расстановкой повторил офицер МР, выпятив губу и глядя сверху вниз на своего визави, — Но подам рапорт. Это военный объект. Полеты гражданского воздушного транспорт запрещены в радиусе трех километров от периметра.

Американец, он все равно использовал метрическую систему, поскольку в Корпусе мира применялась только она, даже в его объектах на территории США. И никаких миль и футов.

— У вас есть запись, капитан, — невозмутимо ответил новоприбывший, ничуть не растерявшись. — Я не поднимался над поверхностью на высоту больше полуметра. Значит, транспорт считается наземным. Будете и дальше меня задерживать или мне подать рапорт на вас?

На это военный полицейский сразу возразить не смог. На его лице заиграли желваки. Он то ли раздумывал, то ли лихорадочно читал через «оболочку» инструкции. Либо запрашивал высокое начальство. И, видимо, ему дали команду немедленно пропустить, потому что он махнул рукой.

— Проходите, капитан — произнес Гастингс, поморщившись. — Уорент-офицер Бекеле вас проводит.

Про бюрократию Корпуса мира ходили легенды. Говорили, что виновато китайское влияние, когда делегированные в международные силы офицеры из этой страны, принесли с собой свои конфуцианские традиции службы. А может, дело было не в этом, а в универсальном законе развития бюрократии.

Военные полицейские отошли в сторону, видимо, получив новое распоряжение по своей закрытой линии. Прилетевший на коптер-байке офицер окинул их торжествующим взглядом и почти строевым шагом направился к КПП.

А Эшли чуть не хлопнула себя по лбу, узнав его.

«Ничего себе, — подумала она, — Как время меняет людей».

Хотя времени с момента окончания ей командных курсов воздушной академии Корпуса мира прошло не так много — капитан Синохара изменился сильно. Теперь он смотрелся килограмм на пять тяжелее, чем тогда, и это явно не были килограммы жира. Неудивительно, что она не сразу узнала его. Нет, в чем-то он остался таким же. Все теми же были резкие черты худощавого лица, глубоко посаженные глаза, чуть оттопыренные уши — сильнее, чем полагалось иметь человеку монголоидной расы. Но совсем другой стала осанка и положение головы. И из глаз исчезла та легкая неуверенность, которую она раньше замечала у него, когда он старался быть строгим. А на

лице появилась пара морщин и один тонкий извилистый шрам, пересекавший левую скулу. Как и прежде, его голова была выбрита почти до состояния голого черепа. Он был всего на пару-тройку лет старше их с Максом, но Эшли так и не научилась безошибочно определять возраст у людей азиатского происхождения — можно было дать ему и тридцать, и сорок.

В этот момент он заметил ее и повернулся. А может, просто считал айдент, который она не закрыла.

— Здравствуйте, мисс Стивенсон, — приветствовал ее Гарольд Синохара коротким полупоклоном. — Похоже, нас включили в один экипаж.

— Здравствуйте, капитан, — она не стала изображать поклон, ограничившись вежливым кивком, не более глубоким, чем принято в странах запада. — Рада вас видеть. Я только приехала и ничего не знаю. Уверена, что мы сработаемся.

Если честно, она была в этом не уверена. Человек он был жесткий и колючий. Это Эшли помнила еще по месяцам своей стажировки. Вспомнила, как он скрупулезно перечислял ей ее ошибки, допущенные в «полете» на тренажере-симуляторе, глядя на нее своим невыразительным взглядом. Вспомнила его тон, когда он отчитывал ее за двухминутное опоздание (она тогда проспала). И то, что он тогда сам был не очень опытный как преподаватель, не делало его менее требовательным. Даже наоборот.

— Я снимаю квартиру в городе, — объяснил Гарольд ей, но так, чтоб слышал и капитан Гастингс, — Это разрешено. Меня известили о включении в дежурный экипаж из-за болезни лейтенанта Петаччи… четырнадцать минут назад. Бедняга заработал расстройство желудка. Должно быть, съел пиццу в нашей кантине. Пойдемте на брифинг.

Скупо кивнув капитану МР на прощание, Синохара вслед за женщиной-пилотом прошел через турникет. Когда он поравнялся с ней, Эшли почувствовала едва уловимый аромат дешевого мужского одеколона, который вчистую перебивался запахом бензина. Или на чем там летал его байк? На груди у японца виднелся желто-красный значок. Щит, стрелы, орел с золотыми крыльями… или это феникс? Нет, птица Гаруда. Эшли видела такие ордена — у ветеранов в сетевом ток-шоу про сложности их адаптации в мирной жизни. Женщина хотела напрячь память, но «Ультрапедия» все рассказала за нее.

«Орден за миротворческую кампанию в Индонезии (2057–2058), второй степени. Данным орденом награждался рядовой и офицерский состав Корпуса Мира, а также сотрудники частных военных компаний, принимавшие участие в миротворческой миссии.

Многочисленные жертвы среди мирного населения, применение тяжелого вооружения… сделали данную компанию непопулярной в обществе и привели к широкому антивоенному движению во всем мире. Двадцать шесть офицеров и рядовых Корпуса осуждены за военные преступления. Двадцать из них впоследствии оправданы кассационным судом».

Вот где он пропадал последние два года.

Шагая почти вровень, они оказались в безлюдном холле, залитом ярким светом, к которому ей всегда приходилось долго привыкать.

— Рад вас видеть, коллеги, — услышали они громкий хриплый голос майора Джорджа Уилларда Коберна еще прежде, чем увидели его самого. — Проходите, не стойте столбами. Времени у нас очень мало.

Их ждал всего один человек, который поднялся им навстречу из глубокого кресла, стоявшего возле кулера с водой и небольшого столика, на котором были разложены бумажные книги в пестрых суперобложках и журналы комиксов. Даже среди военных были любители этого ретро-хобби. Тут же стоял смятый пустой стаканчик от кофе.

Командир корабля был похож на коротко стриженного седеющего льва, и совсем не светского. Или скорее даже не льва, а аллигатора из болот Алабамы. Несмотря на возраст, у него не было ни одного лишнего килограмма. Горделивая осанка, выправка настоящего военного… в мире, где кадровых военных не было несколько десятилетий, а были только полицейские и жандармы. Но весь этот лоск разбивался о несколько диссонирующих деталей — плохо выбритый подбородок, красноватые глаза и мешки под ними, похожие на черные круги на морде у панды.

В первый день их знакомства, когда их несколько месяцев назад поставили в один экипаж, Эшли показалось, что Коберн не очень-то рад их компании.

«И кого мне дали? — представила она, как он говорит своим брюзгливым тоном, растягивая слова, как выходцы из южных штатов. — Техник-япошка и женщина-пилот. Не хватает только черномазого четвертым».

Но вслух он ничего подобного не произнес. А может, она зря приписывала ему такой шовинизм. В своем поведении майор Коберн всегда оставался корректен. И его профессиональный уровень казался ей недосягаемым, хотя поговаривали, что его лучшие годы давно позади. Возможно, что-то в семейной жизни — о которой мало было известно — вызвало ту трещину, которая пролегла через всю его личность, затронув и карьерный рост…

которого не было уже десять лет.

— Это даже хорошо, что вы знаете друг друга, — произнес майор, глядя куда-то в сторону. — Будем надеяться, что капитан Синохара не будет делать вам никаких поблажек, мисс Стивенсон. Я со своей стороны не буду делать поблажек вам обоим. Дело перед нами серьезное.

Он выглядел встревоженным, взбудораженным, хотя обычно перед взлетом этот военный астронавт зрелых лет казался спокойным, как слон.

— Времени у нас мало, поэтому в конференц-зал не пойдем, — сказал майор, переводя взгляд то на японца, то на женщину, — Полковник поручил мне провести брифинг по упрощенной схеме. Сам он сейчас на вышке, в ЦУПе. Координирует действия экипажей. Вы уже наверно слышали про «безумный грузовик»?

Гарольд кивнул, а Эшли помотала головой. Похоже, даже Рон, и тот был более осведомлен, чем она.

Майор Коберн слегка вздохнул. Видимо, ему хотелось ограничиться загрузкой файла им в раздачу. Но это была его обязанность, черт возьми, все им разжевать.

— Пойдемте со мной, — буркнул он. — По пути расскажу.

И двинулся быстрым шагом к запасному выходу из здания. Они едва поспевали за ним через вереницу коридоров с разметкой на стенах. Через пару минут они оказались на парковке с противоположной стороны штаб-квартиры, где их уже ждала другая машина. Водителя в ней не было. «Спириты» часто делают в беспилотном варианте, и это был именно такой. Когда они заняли места и машина тронулась, Коберн заговорил хорошо поставленным голосом, уже без своего южного акцента:

— Сорок минут назад лунный грузовой корабль «Теодор Рузвельт», класса “Eurofreighter”, полное название «EF-12 Ultra Heavy», собственность компании «EU Aerospace», покинул рассчитанную для него траекторию и прекратил необходимое для безопасного сближения с Землей снижение скорости, которое должно было завершиться посадкой на космодроме Гибралтара. Как вы помните, мы используем его для приема грузов, потому что космодром Куру в Южной Америке недоступен. А сам корабль мы собирались посадить, поскольку на период кризиса все полеты к Луне предполагалось прекратить. Не успели. Итак… какое-то время он не отвечал на запросы ЦУПа. Затем связь возобновилась, но то, что они нам посылали, выглядело как дезинформация. Они сообщили о технической неисправности. Снижение скорости возобновилось. Но оно было явно недостаточным для безопасного вхождения в атмосферу и тем более посадки. У командования

подозрения относительно несанкционированный перехвата управления кем-то из членов команды. Введен в действие протокол 9/11/2001.

«Терроризм с применением воздушных (и космических) судов», — вспомнила Эшли. Она хорошо училась. Но запомнить было легко. Название ассоциировалось с терактом в Нью-Йорке.

— Мы должны принудить его к изменению курса и посадке на запасной космодром на Гибралтаре. В случае неподчинения и дальнейшего неконтролируемого снижения за пределами отведенного коридора — уничтожить. Вернее, принять участие в его уничтожении согласно приказам Центра управления. Кроме нас есть еще шесть кораблей серии «Наблюдатель», которые тоже подняты в воздух, и два новых боевых микроспутника «Гарпия» с ионными двигателями, способных маневрировать на околоземной орбите. Плюс одна наземная ракетная батарея, в радиус действия которых он попадает. Но это на крайний случай. Никто не хочет, чтоб в цивилизованных уголках мира с неба падал дождь из обломков.

— Кто его захватил? — не сдержалась Эшли. — Что им нужно?

Коберн метнул молнию из-под насупленных бровей.

— Прошу, не перебивайте меня, когда я говорю, лейтенант. Террористы, кто же еще? Об их принадлежности пока говорить рано, данные уточняются и отсеиваются от дезинформации. Их мотивы и оправдания нам и вовсе не интересны. Сразу три группировки на Земле взяли на себя ответственность. Одна в Европе и две в Азии. Остальное вам знать для выполнения задания не обязательно. У нас время только на то, чтоб говорить по делу. Все данные и коды доступа вы получите прямо сейчас. А все приборы и ценные вещи оставите здесь, — он указал на дверь помещения службы внутренней безопасности и проследил, чтобы они вдвоем зашли в нее и под электронную роспись сдали все ценности сонному белобрысому шведу — офицеру охраны. Тот сложил в специальные контейнеры их громоздкие военные коммуникаторы, браслет Эшли, старинный военный хронометр Коберна, медаль Гарольда, а также их линзы (взамен гражданских они получили другие, специальные).

Это была обычная практика. Во-первых, это лишний вес, во-вторых на борту эти устройства им не понадобятся, а в-третьих их работа может вносить интерференцию в системы корабля. А с недозволенными имплантами их просто не допустили бы до полета.

Все коды авторизации и необходимые данные будут загружены в их универсальные чипы, которые им сейчас

пропечатают. Эшли уже знала эту процедуру, поэтому была готова к тому, что в следующей комнате офицер медицинской службы — средних лет полячка по имени Ева с труднопроизносимой фамилией, полной шипящих звуков — с помощью прибора, похожего на шприц-пистолет, вживила им на кожу указательного пальца чипы размером с булавочную головку. Они были похожи на металлического цвета точку и не вызывали дискомфорта. Примерно так же уже много лет вживляли всем желающим «денежные» чипы.

— У меня такой уже есть, — майор показал руку. Он прошел эту процедуру первым, пока они доставали из карманов коммуникаторы.

Это был простейший имплант, и его вживляли главным образом потому, что любую ключ-карту или устройство памяти можно потерять в суматохе, которая иногда бывает на борту. После рейса его удаляли за полминуты. Этими чипами, в отличие от «денежных», нигде кроме как на борту «Наблюдателя» нельзя было пользоваться. Вся процедура заняла пять секунд и была не больнее обычной инъекции. Только немного кольнуло. Заодно на борту эти штуки выполняли функцию универсального линка и пульта управления для всех систем корабля. Именно для всех систем, а не только для тех, которые относились к их компетенции. Каждый из них мог при необходимости заменить каждого, а в крайнем случае и обоих.

«Теоретически все могла бы сделать и автоматика, — подумала Эшли. — Почему корабль не может быть таким же беспилотным дроном, как наши атмосферные штурмовики? Зачем экипаж, если ИИ справляется лучше — и с навигацией, и с корректировкой огня? А можно вообще управлять этим болидом с Земли. Мы в околоземном пространстве, тут нет никакой задержки в приеме и передаче сигнала».

Ответ она знала, и именно Синохара в свое время дал ей его. Она была любознательной студенткой. Люди нужны на борту на случай непредвиденного отказа автоматики. Также они должны быть последней линией защиты от перехвата управления. А еще потому, что кое-кто боится доверить такую власть искусственному разуму. Даже если он пока имеет воли не больше, чем насекомое. Страх богатеньких стариков, которые помнят компьютеры размером с сейф и с монитором, похожим на древний телевизор. Но уже в их детстве были фильмы и книги про роботов-убийц.

А еще люди могут нести юридическую ответственность. Задачи солдата и копа уже может выполнять машина. Но за любую машину пока отвечал человек. И если бы не было их, за

корабли все равно кто-то бы отвечал, сидя Центре Управления. Уж не решило ли руководство, что у экипажа будет больше стимулов бороться за живучесть корабля, если он сидит в нем, а не управляет им с безопасной Земли?

Затем их быстро осмотрела врач, а ее электронный помощник — переносной медицинский бот — взял у них по несколько капель крови и замерил пульс и давление.

Через десять минут, уже сменившие комбинезоны на специальные и одетые в скафандры, они были на стартовой площадке. Их привез туда беспилотный «Спирит» майора. И никакой толпы провожающих и журналистов не было, как бывает на гражданских пусках — никого, кроме четырех техников и троих офицеров службы наземного контроля.

Корабль стоял вертикально в окружении фиксирующих ферм, величественный и совсем не по-военному выглядящий. Он сохранил неуловимое сходство с первыми «челноками». Даже пусковые контейнеры противоспутниковых ракет «Эваланш» — по четыре с каждой стороны корпуса — можно было принять за научные приборы. Корабль уже был подготовлен наземными службами — заправлены ракетное топливо и окислитель. Блоки с тритиевым топливом для термоядерных двигателей были загружены еще раньше, как и все необходимое для жизни экипажа. Эти запасы всегда были на борту, только освежались по мере необходимости.

Эмблемы ООН и Корпуса мира располагались на коротких крыльях. Черные буквы названия корабля — “Watcher-7” — тянулись вдоль фюзеляжа.

Через пятнадцать минут они втроем поднялись на лифте и вошли в шлюз. Эшли в очередной раз отметила, насколько большим корабль выглядит снаружи (сорок метров длиной!) и насколько он маленький и тесный внутри. Через двадцать минут (уже была объявлена по громкой связи десятиминутная готовность) — заняли места в противоперегрузочных креслах, которые тут же перевелись в положение, близкое к положению лежа. Еще бы, в момент взлета их вес увеличится почти в семь раз. Из-за этого почти все операции, связанные с управлением кораблем при отрыве от земли и в последующие несколько минут, производились автоматикой. Сердцу трудно будет прокачивать потяжелевшую кровь против вектора силы тяжести.

Естественно, все они прошли жесткий отбор и подвергали себя достаточно интенсивным тренировкам, которые Эшли ненавидела. И все равно им было далеко до первопроходцев из тех времен, когда космонавтов было двести человек на весь мир и с каждым носились как с рок-звездой. Никто не крутил их в

центрифуге каждый день и не держал в барокамере часами. Требования к ним были не сложнее, чем к космическим туристам.

Площадку уже давно покинул весь наземный персонал, укрывшийся в защитном бункере. Вся техника была отведена почти на восемьсот метров. Удерживающие устройства отъехали в стороны по рельсам, освобождая ракету. Даже старомодно, «лампово» выглядящие прожекторы отодвинулись от площадки подальше. Иначе даже при штатном старте пламя из дюз почти наверняка повредило бы часть осветительных приборов. Оптические системы тоже наверняка были надежно защищены от экстремальных температур и светового излучения.

Откинувшись в кресле, через крохотный наушник Эшли услышала, как объявили о минутной готовности.

«Наблюдатель-7, это Центр Управления. Даем разрешение на взлет. Не подведите», — услышали они.

«Как будто его могли не дать?» — подумала она.

Начался обратный отсчет. Это была не только древняя традиция, от которой не отступают, даже когда время в дефиците, но и насущная потребность синхронизировать действия наземных служб, каждый из которых, как и сами военные астронавты, должен знать, какая из операций должна быть произведена в какую секунду. Невзирая на то, что почти все это делала автоматика, контролировали процесс и отвечали за него по-прежнему живые люди. Таковы были протоколы.

«10,9,8,7,6,5,4,3,2,1. Start!» — прозвучало над площадкой.

— Let’s rock, — успела она услышать голос командира, который потонул в реве двигателей — это заработали химические стартовые движки. Эшли почувствовала, как ее вдавливает в кресло.

Да, корабли этой модели были чем-то сродни первым пароходам — новейшие технологии уже были в них применены, но соседствовали с решениями прошлого века. В них имелись и «паровая машина», и «парус» — то есть и химический ракетный двигатель, который использовался при старте и был достаточен для маневров в космосе в случае отказа основного, и ТЯРД — термоядерный ракетный двигатель, “fusion rocket”.

Стало немного дурно, как всегда бывает при старте. Весь набор ощущений включал в себя нарастающий рев двигателей, пусть приглушенный, но проникающий даже в кабину, вибрацию и давление, будто тебя придавил сверху кто-то тяжелый, вроде борца сумо. Ощущение не из приятных. Она постаралась очистить разум и сосредоточиться на работе. Благо, от них пока не требовалось ничего, кроме контроля параметров. Пуск «вели» автоматика и наземные службы.

Продолжая наблюдать за цифрами, она подключилась к внешним камерам и увидела, как быстро уменьшаются в размерах здания базы внизу. И вот те уже слились в черное пятно на фоне зеленых

Сначала можно было

Но потом снаружи полыхнуло белое пламя, и женщину вдавило в кресло с удвоенной силой, будто сумоистов стало уже два. Включился термоядерный двигатель, и они резко рванули вверх. Поверхность теперь отдалялась, улетала с бешенной скоростью, будто падая в пропасть. Сначала она превратилась в расчерченное на квадраты поле — серые квадраты были городскими кварталами, а зеленые — фермерскими угодьями или парками. А потом все творения человеческих рук исчезли из виду — своей Китайской стены в этой германской земле не было.

Высота 10 000 м.

А чуть позже они вышли за облака. Ждать идеальной для пуска погоды Центр управления не имел возможности. Какое-то время спустя внизу был только белый облачный океан.

20 000.

30 000.

Но вот он будто рассеялся, и проступили очертания рельефа европейского континента, его рек и озер. Она сразу узнала Рейн и тянущиеся к югу, забирающиеся все выше Альпы. Но по сравнению с этой высотой даже они были крошечными.

50 000.

Кривизна земной поверхности уже была заметна, хотя на мгновение ей даже показалось, что Земля выглядит как слегка вогнутая чаша. Но это был даже не оптический обман, а психологический, и через секунду эффект прошел. Зато на севере уже можно было разглядеть береговую линию Северного моря и остров, где она родилась, а на юге — Швейцарию и Италию, извилистое побережье моя Средиземного.

Никаких философских мыслей в голове по этому поводу не было. Просто работа. Место глупостям и лирике будет только после возвращения.

Все эти высоты были для Эшли Стивенсон привычны еще со времени работы на стратосферных дирижаблях. Хотя, конечно, эти виды воздушного транспорта совершенно по-разному используют воздушную стихию.

— 60 секунд, двигатели функционируют устойчиво, тангаж и рыскание в пределах нормы, — сделал командир протокольное сообщение для Центра Управления.

Выше начинались высоты, которые были знакомы ей уже по суборбитальному челноку. Небо стало стремительно чернеть,

обретая свой настоящий цвет. Солнце тоже уже отличалось от того, которое люди видят внизу. Оно стало более четким и контрастным.

На таких высотах на большой скорости некоторые самолеты еще могли летать, используя подъемную силу воздуха для управляемого аэродинамического полета. У «прогулочной лодки» — легких суборбитальных челноков компании «Starboat», имелись складные крылья для полетов в атмосфере. А «Наблюдатель» во многом копировал «Спейс Шаттл», и крылышки у него были куцыми как у курицы. Он не был предназначен для атмосферных полетов. Совсем. Только взлет и посадка под чутким руководством автоматики.

И если «Шаттлы» разгоняли до первой космической твердотопливные ускорители, а «Буран» взлетал с помощью тяжелой «Энергии», то у «Наблюдателя» их заменяли термоядерные двигатели, занимавшие половину внутреннего пространства корпуса. Но взлет на них с поверхности оставил бы поле выжженной земли с радиусом в полкилометра и угрожал бы сильным радиоактивным заражением местности. Их включали только после достижения определенной высоты.

Выше начиналась уже сфера чисто баллистического полета, управлять которым можно, только используя реактивные силы.

Пламя по-прежнему вырывалось из дюз. Они сбросили первичные разгонные блоки (они будут использованы повторно, потому что даже Корпус не мог позволить себе быть расточительным) и летели теперь на чистом термояде.

Оба ее напарника были неподвижны в своих креслах, как изваяния. Для управления кораблем в этот момент работы им руки не требовались, и они держали их на подлокотниках кресел. На данном этапе все делала автоматика, но при необходимости экипаж мог вручную управлять параметрами систем с помощью простеньких сенсорных поверхностей. Никаких нейроинтерфейсов, которые уже ставили на гражданские автомобили и экзоскелеты для людей с ограниченными возможностями, здесь не было. Слишком высока была бы цена любой ошибки распознавания сигнала.

Гарольд на мгновение встретился с Эшли глазами, но тут же отвел их и погрузился в свой монитор. На секунду ей показалось, что у командира Коберна в глазах промелькнуло выражение тревоги. Но ни один мускул на лице его не дрогнул, и она вполне могла ошибаться.

Постепенно давление на грудь и поясницу уменьшалось. А значит, они уже набрали нужную скорость, и двигатели больше не работали в максимальном режиме.

А еще через несколько минут Эшли почувствовала, как все тело охватывает легкость, которую чувствуешь в состоянии свободного падения. Она была привычна к этому ощущению, но все равно каждый раз вначале находила его неприятным. Но уже через несколько десятков минут к нему привыкала. У нее от природы был хороший вестибулярный аппарат.

Значит, их корабль стал искусственным спутником Земли, и центробежная сила, которую он набрал, сравнялась с силой тяжести на данной высоте, Наступило состояние динамической невесомости. Раньше она думала, что невесомость это как антигравитация. Что стоит подняться на сто километров над землей, и сила тяжести отключится. Но правда в том, что даже на вершине горы высотой в триста километров — если бы такая на планете была, — сила тяжести почти нормальная. На считанные десять процентов меньше. До тех пор, пока вы с этой горы не спрыгнете с разгоном до нужной скорости (если у вас есть при себе реактивный двигатель). А причина невесомости в окрестностях Земли и других планет — всего лишь сложное взаимодействие гравитации и инерции.

«К сожалению, ваша масса меньше от полетов не делается, — говорил им один из старших инструкторов, французский летчик-астронавт Ренье. — Есть лишь два варианта, когда она может измениться. Но поскольку попасть в гравитационную аномалию в окрестностях Земли невозможно, можно только обделаться от страха».

— А что это вы сидите, будто воды в рот набрали? — произнес Коберн, откидываясь в кресле и отстегивая крепления. — Не молчите. Мы только что стали гребанной космической станцией. Бутылку шампанского не предлагаю откупоривать. Да у нас ее и нет. Надеюсь, мы не сдрейфим и выполним нашу великую миссию, которую нам поручило многонациональное полигендерное человечество.

Так он корректно поиздевался над ними обоими. А заодно над ее страхом и над героическим пафосом, который майор приписывал (может и ложно) Гарольду. Но тот просто игнорировал его подначивания, а не устраивал пикировки. Сама она тоже решила не обижаться на пустой треп.

Они не были самым слаженным экипажем в истории. Их вызвали, потому что они находились в пределах досягаемости базы Рамштайн. Только и всего. Да, при комплектовании они прошли пару тестов, но идеальной психологической совместимости от них никто и не требовал. Наверняка был и еще один, запасной экипаж, но видимо тот был еще хуже. Эшли подумала, что, составляя эти дежурные экипажи, никто всерьез не

думал, что им придется совершать боевой вылет. Потому что таких боевых вылетов еще не бывало.

Она вспомнила, что черная кошка между командиром и Гарольдом пробежала уже в первый их тренировочный полет пару лет назад, до его отъезда в Индонезию, когда их в первый раз поставили вместе. Своими мелкими и несправедливыми нападками — куда более ядовитыми, чем придирки самого Синохары к ней во время стажерства — командир явно старался тогда вывести Гарольда из равновесия, но не смог. Все они просто разбивались об стену его выдержки и спокойствия.

Вот и сейчас они продолжили это занятие.

— Можете издеваться, Джордж, — в этот раз капитан Синохара, наконец, ответил ему, — Но ведь именно для этого нас готовили. А не для того, чтоб мы наливались виски в баре и слушали кантри.

Черт возьми, таким он определенно нравился ей больше, чем когда просто молчал.

— А вы хотите себе лавры Брюса Уиллиса? — смерил командир взглядом подчиненного, — И не надеетесь. Если этим умникам из Башни не удастся уболтать этого шизика-угонщика, корабль собьют «Гарпии». Мы до него даже не долетим, как нас развернут. А кроме этого никаких боевых вылетов у нас не будет. До самой смерти от старости. И вообще это полная глупость и трата денег. Весь пилотируемый космос. Блажь и чепуха. Романтика для сопляков.

«Кто такой этот Уиллис?» — подумала Эшли. «Ультрапедия» не работала, а в бортовом компьютере информации не было. Она устала от этого старческого брюзжания.

— Разве я сказал о лаврах, сэ… Джордж? — возразил Гарольд. — Я говорю лишь о том, что после бездействия мы наконец-то занимаемся делом. Даже если пострелять не придется.

— Эх ты. Полицейский приносит пользу не только тогда, когда ловит плохих парней. Вы оба слишком молоды, чтоб это понять.

«Ничего себе, молоды. Ну прямо дети, да».

Она видела, что японец собирался сказать что-то еще, но тот сдержался. В его культуре было не принято перечить старшим.

Эшли не разделяла воодушевления своего бывшего инструктора по поводу полета. Она предпочла бы, чтоб они вовек не пригодились старушке Земле. От нехорошего предчувствия екнуло сердце.

«А все-таки ты трусиха, — подумала она. — Ну и разводила бы свои цветочки, какого хрена тебя потянуло сюда? Ты ведь не хотела никому что-то доказать. Ты хотела только заработать.

Неужели нельзя было найти способ безопаснее?».

Хотя полеты на гражданском «челноке» (кроме первых двух рейсов!) никогда ее не пугали, а даже вызывали странное чувство радости, переходящей в восторг, которая появлялась именно в момент отрыва от Земли и достигала пика в миг появления эффекта временной невесомости. Но там все было иначе. Там не было таких перегрузок. Там все было рассчитано для безопасности и комфорта неподготовленных пассажиров. Пассажиры обычно тоже были в восторге. Кроме некоторых. Но даже этих гражданских перед стартом проверяли на симуляторах и несколько дней готовили.

«Нашли чему радоваться. Тому, что их челнок падает на Землю, но в определенный момент останавливается, — говорил на это Максим. — Можно сигануть с крыши — почувствуешь то же самое. Пустая трата денег богатеев, когда в Африке голодают дети».

К моменту ее работы там, этот челнок был уже не развлечением для миллионеров, а дороговатым, но вполне доступным способом отдыха для среднего класса. Многие покупали такие туры с детьми, на праздники, свадьбы и другие торжества. Случалось Эшли пилотировать судно и без пассажиров — с прахом недавно умершего владельца швейных фабрик из Бенгалии. Пепел был распылен над водами Ганга, хотя с высоты двухсот километров его должно было разнести на весь полуостров Индостан. Как же давно это все было… Конечно, она невольно вспомнила Макса. Или просто Максима, как он часто называл себя, ставя ударение в этом имени так, как ставят его французы. Или русские? Она уже не помнила.

Последующие десять минут не происходило ничего. Они спокойно двигались по орбите как искусственный спутник, не тратя горючее. И выжидали. Других приказов от Центра Управления не поступало.

Судя по тем крохам информации, которую сообщили команде «Наблюдателя-7» — грузовик по-прежнему отвечал на все запросы, но продолжал приближаться к Земле, не снижая скорости. Командир «Наблюдателя-7» высказал подозрение, что ответы генерировала программа, а экипаж захваченного судна мог быть давно мертв или выведен из строя. То есть, что судно могло управляться дистанционно. В Башне сказали, что «приняли его слова к сведению». Возможно, они и сами так считали. Судя по всему, Центр Управления продолжал с «Теодором Рузвельтом» постоянный радиообмен, но сам орбитальный перехватчик в этом не участвовал, и никто его команду в известность не ставил. Точно так же они не поддерживали голосовую связь с другими

перехватчиками. За исключением пары напутственных фраз в самом начале. Хотя их местонахождение и траекторию полета видели. Все остальное было отдано автоматике.

Время тянулось медленно.

Эшли вспомнила, о чем она думала в тот момент, когда по ним был нанесен удар. О том, как неудобно устроены на борту туалет, душ и как тяжело пользоваться в космосе средствами гигиены. Как плохо было этой русской космонавтке Терешковой. Ведь это было еще лет восемьдесят назад. И с комфортом на том корабле все было еще хуже, чем у них сейчас.

А потом был вскрик Коберна. Который в отличие от них не сидел в кресле, хотя и должен был, а находился на полпути от бытового отсека, где он разжился ежедневными рационами астронавтов. Собирался ли майор съесть их один или поделиться с ними? Этого она не узнала.

— Какого …? Дьявол! — услышала она его вскрик. — Протокол «А-4»!

Это означало «ракетную атаку».

Не рассуждая, Эшли активировала систему активного маневра. Для этого требовалась команда пилота.

Секунду назад она не видела на экране радара ничего, и вот цель появилась из ниоткуда, как призрак. Вернее, это они были целью для этого быстро перемещающегося объекта. Ракета явно была на основе продвинутой стелс-технологии. И двигалась со скоростью восьми Махов. Они «увидели» ее, когда до столкновения оставалось полторы секунды.

Было и ручное управление, но даже ее отточенные рефлексы ничего бы не дали, если бы не заложенные в автопилот шаблоны маневров, из которых искусственный интеллект корабля выбрал по его мнению оптимальный. Она не стала вмешиваться. Такие скорости не для человеческого восприятия.

Заработали в полную силу термоядерные двигатели левого борта, и «Наблюдатель» заложил крутой вираж, который был бы невозможен в атмосфере, но здесь в безвоздушной (почти) среде оказался вполне допустим. Их с Гарольдом вдавило в кресла, а командира, который находился в это время на ногах, ударило о переборку так, что он охнул.

«Он не должен был покидать своего места», — отметила про себя Эшли.

С трудом майор Коберн добрался до кресла, пристегнулся. Женщина заметила у него на лице кровоподтек.

— Я… в порядке, — сказал он.

— Восемь ловушек запущены, — спокойно и сухо отчитался Гарольд. Он все выполнял по заученному протоколу. — РЭБ

работает в полную мощность.

— Пронесло, — услышала она приглушенный голос Коберна.

И в этот момент пролетевшая мимо ракета сама выполнила круговой разворот и вот уже снова мчалась к ним. Тепловые ловушки она словно не заметила. И система постановки помех, которой окружил себя корабль, тоже на нее не действовала.

А на радаре со стороны земной поверхности появились еще две такие же ракеты.

— ПР пошли, — таким же голосом киборга сообщил Синохара. — Подбили одну. Вторая… в ловушке. Третья… заходит обратно. Вижу еще две!

Эшли их тоже увидела. Теперь они приближались к кораблю с трех направлений. И летели совсем не по прямой линии, а маневрировали, виляли из стороны в сторону.

— Отстрелил все ловушки, — японец все так же хранил спокойствие Будды. А может, только притворялся.

Да, беречь их уже не было смысла, может, хоть одна притянет к себе одну из этих штук. И противоракеты тоже. Эшли увидела, как одна за другой маленькие светлячки отделяются от «Наблюдателя» и летят в сторону непрошенный гостей. В ее голове мелькнула совсем не женская мысль о том, что, если корабль поразят, боекомплект может сдетонировать. Поэтому от него лучше избавиться.

Тут уже никакой маневр не мог их спасти. Эшли честно попытались, то есть перевела ИИ в режим максимальной чувствительности, наплевав на расход топлива и перегрузки. Корабль закрутился волчком, но одна ракета ударила их в заднюю полусферу. В годы стажерства это словосочетание казалось ей чертовски пошлым.

Последним, что Эшли услышала, был вопль командира, похожий на рык зверя сквозь стиснутые зубы. А потом она непроизвольно закрыла лицо руками, как делают, когда падают лицом вниз. В этот момент в них попали еще раз. И была вспышка, грохот, а после полная темнота и долгая ватная тишина.

*****

Лейтенант Эшли Стивенсон хорошо знала историю, хотя и не любила этот предмет в школе. Поэтому она знала, что это не первый космический бой. Первый имел место, когда северокорейские ракеты атаковали спутник «Дамокл», с чего началась Вторая Корейская война.

Случай с «Теодором Рузвельтом» не был и первым эпизодом космического пиратства — в 2045 году террористы-экологи из организации «Зеленый мир» уже захватывали экспериментальный шаттл корпорации «Айнхорн-индастриз» и пытались посадить его на территории одного из африканских изгоев, чтоб принудить Мировой совет, правительство Всемирного Содружества и корпорации Десятки «прекратить глобальный экоцид и истребление видов», к которому якобы приводило использование термоядерной энергии. Корабль им посадить удалось. Но добились террористы только своего истребления силами спецназа Корпуса. Естественно, при оказании вооруженного сопротивления.

Но сейчас был первый случай, когда угроза оказалась так велика и потенциальные жертвы могли исчисляться сотнями тысяч. Не долларов, а жизней.

Эшли подумала, насколько Земля, лежащая далеко внизу у них под ногами (хотя можно было развернуться, и та стала бы висеть уже над головами), слаба и уязвима. Как же ничтожно мало продвинулось человечество в освоении космоса за время ее жизни! Да и за жизни двух прошлых поколений тоже. Да, появилось постоянное поселение на Марсе. Где люди заперты под своим куполом — днем они не могут на поверхность выйти из-за радиации, а ночью их перемещение ограничивает жуткий холод. Конечно, все они герои — выбравшие жизнь и смерть на Марсе. Но будет ли польза от их подвига? Или это напрасная трата денег и сил?

Да, есть база на Луне. Которая полагается на Землю во всем и не проживет без нее месяца. Да, уже давно существуют две околоземные станции и одна окололунная. Но они зависят от материнской планеты человечества еще сильнее, хотя людей там всего по двадцать человек.

И за сто лет космической эры — разве это не мало? Где обещанные звездолеты и колонии на астероидах и внешних планетах? Так и остались в мечтах. Человечество так до сих пор и сделало из своей колыбели только робкие первые шаги, как годовалый ребенок, который то и дело падает и набивает шишки.

Но за это же время оно здорово разрослось, растолстело, да и колыбель свою загадило основательно…

Чепуха. Эти мысли больше похожи на то, о чем любил рассуждать ее бывший. А для нее космос был такой же работой, как труд психолога, адвоката или дантиста.

Между тем, Гарольд встал со своего места. Снял «очки» и начал кругами летать по отсеку. Медленно, плавно. Хорошо еще, что по отношению к ней он был расположен не вверх ногами, а то у нее закружилась бы голова.

— Что ты делаешь? — произнесла Эшли с недоумением.

Гарольд Синохара, конечно, не самый приятный спутник. Скорее уж робот проникнется сочувствием, чем он. Но в этом был и свой плюс. Когда тебя не жалеют, то и сама себя жалеть едва ли будешь. Поэтому она совсем не хотела, чтоб он сошел с ума. Лучше уж соседство с привычным занудным перфекционистом, чем с психом.

— Я закончил диагностику, — снизошел японец до объяснения через несколько секунд. — И я размышляю. Думаю, что же делать дальше.

Он остановился, и у Эшли отлегло от сердца. Не сбрендил.

— Так что с кораблем? — в голосе женщины была тревога.

— Повреждения серьезные… хотя и не критические. Отказ почти всей электроники. Разгерметизация пяти из десяти отсеков. Потеря сорока процентов кислорода. Плюс они ослепили нас и вывели из строя все средства коммуникации.

— И что мы будем теперь делать? — спросила она, глядя на него требовательно и настойчиво.

— Продолжать выполнять задание.

— Ты сошел с ума, да? — вырвалось у нее раньше, чем она поняла, что наплевала уже и на субординацию, и на этикет. — Мы чуть не сдохли, а ты думаешь только…

— Нет, Эшли, — Гарольд, казалось, совсем не был зол. Не сказал ей закрыть рот и слушать старшего по званию. Как сделали бы на его месте майор Коберн или генерал Ю Линь. — Я нормальный. Просто мы по-прежнему на службе, если ты не забыла. Поскольку Джордж мертв, я теперь командир корабля исходя из параграфа № 8. И я приказываю продолжать операцию.

Он сказал это очень сдержанно, не унизив ее достоинства.

«Потому что ты умнее их обоих и знаешь, как использовать ресурсы подчиненных», — подумала она, немного придя в себя. Ей стало стыдно за свои слова.

— Наладить связь в ближайшее время не получится, — продолжал японец. — А значит, надо действовать, будто мы — последние. Именно для этого нас запихали в эту консервную

банку. Мы должны остановить его. Я просчитал его траекторию. Он нацелился на Женеву.

Эшли охнула. Конечно, будь это Лондон, где жили ее мать, сестра и племянники, ее тревога была бы сильнее. Но тоже хорошего мало. Это была далеко не самая крупная агломерация Европы, но уж точно самая важная. Если не мозг, то сердце Содружества и его символ.

— Но даже если бы связь была исправна, я соблюдал бы радиомолчание и не отвечал бы на позывные, — продолжал Гарольд. — Там внизу у наших врагов может быть еще что-то запасено. Можно нарваться на новый удар. Пока мы не выполним задачу, нельзя резко менять траекторию и выдавать хоть что-то в эфир. Надо делать вид, что мы погибли, а корабль несется по инерции. Будем притворяться мёртвыми, как суслик перед ястребом. А сами тем временем попытаемся его достать.

— А разве спутники или ракеты земля-космос…

— Всех «Гарпий» над Европой эти уроды скорее всего сбили, — проговорил Синохара, — Остальным понадобится минимум десять часов на смену эшелона и орбиты.

С земли, конечно, могут попасть. Во Франции на базе Шамбле-Бюссьер современные рельсовые пушки. Но это все, что у них есть. Ракетная база Повидз в Польше… там противоракеты старые. Которые годятся только против древних МБР. Их должны были модернизировать в прошлом году, но почему-то опять не нашли денег. Если «грузовик» не сбросит скорость ниже десяти скоростей звука… они могут попасть в него только случайно. А он не сбросит. «Рельсам» я не доверяю.

— У него на борту бомба?

— Я уверен, что ее нет. Она ему не нужна. С таким ускорением ему даже не надо падать на правительственный квартал. Достаточно вблизи. От взрыва погибнет все живое в радиусе нескольких километров. А это ведь главный город Содружества. Не тундра и не пустыня. Погибнут сотни тысяч людей. Не говоря уже об административном коллапсе.

— Как же вышло… что этот город ничем не прикрыт?

— Я тоже хотел бы знать. Не ждали, что у террористов столько сообщников внизу. Вот это операцию они провели. Сотни людей задействовали. Может, тысячи. Но эти ниточки пусть потом СПБ распутывает. Конечно, над Москвой, Вашингтоном, над Колорадо или над Ванденбергом его бы сбили сразу. Но это Западная Европа. Швейцария! Тут живут люди, которые помешаны на экологии. Которые не любят концентрации ракетного оружия с ядовитыми двигателями. Гребанные пацифисты, как сказал бы наш покойный командир. Которые

привыкли, что их безопасность обеспечивают другие. Может, они и заслужили что-нибудь себе на голову. Но мы еще живы. И через считанные минуты сблизимся с этим недоделанным камикадзе.

— Мы летим с ускорением? — догадалась Эшли. Она уже научилась отличать полный покой от даже небольшого разгона.

— Не более 0,2 *g*. Просто корректируем курс. Мы держимся той же орбиты, которую заняли до попадания. Четыре из двадцати маршевых двигателей работают. Но лучше бы их все закоротило. Есть новость хорошая и плохая. Хорошая. Наша траектория почти пересекается с траекторией «Теодора Рузвельта». Он приближается к планете, и, если не изменит курс, скоро окажемся у него на пути.

— Мы что, можем столкнуться?

— Нет, конечно, но пройдем очень близко. Всего в тридцати километрах. Сам он воспринимает нас как космический мусор, у него слабые радары, а в радиодиапазоне мы не излучаем. Можно будет отстреляться всем, что есть… из восьми «Эваланшей» — пять доступны. И кинетическая пушка тоже, но лучше обойтись без нее. А теперь плохая новость. Мы можем не успеть выстрелить.

— Это еще почему? — Эшли уже сама злилась, что приходится вытягивать из коротышки каждое слово клещами. — Что показал твой осмотр? Что нам угрожает, Гарольд?

— Самое страшное — это не системы жизнеобеспечения. У нас воздуха на месяц. Воды с учетом рециркуляции сколько угодно. Правда, продуктов всего на неделю. Но если не сумеем стабилизировать оставшиеся двигатели, через пару часов будем радиоактивными обломками с вкраплением органических молекул.

Он слабо улыбнулся, буквально чуть приподняв уголки рта, но она поняла, что он не шутит.

— Я не могу отключить эти движки, контрольные цепи повреждены. По моим прикидкам, это дает высокую вероятность критического нагрева в течение нескольких часов. И тогда… бабах!

— Если не починим их?

— Если не отключим. Да, тогда мы лишимся почти всей энергии. Но солнечных элементов хватит, чтоб продержаться до прихода подмоги, если тратить экономно. У нас ведь еще аккумуляторы есть.

Эшли знала, что главное в ТЯРД-двигателях — удерживающий раскаленную плазму электромагнитный контур. Внутри которого, очень грубо говоря, постоянно взрываются небольшие термоядерные бомбы. Если это магнитное поле

любого из движков отключится… нет, двигатель не остановится. Просто корабль разорвет на клочки. Да, в этом был ключевой недостаток этой прорывной… но пока еще необкатанной технологии.

Гарольд между тем уже стоял у шкафчика с инструментами. Он рылся в нем, иногда вытаскивал то один, то другой прибор, но снова откладывал обратно.

— *Шимата,* — наконец, выругался он по-японски.

Эшли знала, что это означает «ошибся». Но в данной ситуации можно было перевести как: «проклятье!». Или «дерьмо, черт, облом!».

— Эти штуки для мелкого ремонта. Серьезный предполагалось проводить на заводе. Кто вообще придумал эти табели снаряжения? — и он еще раз неразборчиво произнес что-то на языке своих предков.

Наконец, в его руке оказался крохотный предмет, похожий на ручку или лазерную указку. Микрорезак для нулевой гравитации. Капитан Синохара нажал на кнопку, и из наконечника появился пятисантиметровый красный лучик. Эшли догадывалась, почему тот сделали видимого спектра. Иначе можно себе руку или шею проткнуть невидимым острием, и заметишь это слишком поздно.

«Да что он собрался им делать?» — только и успела подумать женщина, когда японец вдруг с гортанным вскриком полоснул себя лучом по указательному пальцу.

Он сделал круговой надрез вокруг его основания. Рассек мякоть. Кость, судя по всему, не задел. Иначе бы просто ампутировал его. А он просто снял с него кожу, словно напальчник.

От неожиданности Эшли вскрикнула и зажала рот рукой. Неужели психика невозмутимого спутника дала трещину? Не говоря о том, что она не любила вид крови с детства.

Но сначала крови не было, разрез был чистым. И вдруг из него появилась тягучая капля, не красная, а мутно-желтая, как нерафинированное масло. Она росла, похожая на насосавшегося клопа, но раньше, чем успела сорваться, Гарольд промокнул ее салфеткой.

Больше крови не было. Зато из разреза выдвинулось нечто черное, похожее на скелетированный палец, состоящий из суставчатых сегментов. Или на насекомое-многоножку. И этот странный палец, который мог бы изобразить художник Гигер, вдруг начал вытягиваться как телескопическая удочка. И быстро обогнал в размерах соседние, живые. Когда он прекратил расти, место, где он соединялся с живой плотью, уже было сухим. Сам «напальчник» Гарольд убрал куда-то в карман.

— Пригодится. Потом так же прирастет на место. Не бойся, остальная кожа настоящая.

Японец пошевелил рукой. «Палец» задрожал. Он то выпрямлялся как антенна, то свивался в кольца, то раскачивался как маятник. И вдруг закрутился с такой скоростью, что исчез из виду, как лопасть пропеллера. А потом снова застыл. Капитан Синохара вытер эту странную штуку салфеткой от оставшихся следов смазки.

Судя по всему, это не доставляло ему больших неудобств.

— Вот я и закончил калибровку. Это манипулятор, подключенный к нервным окончаниям. Заменяет почти любой инструмент. Я в основном буду им паять и резать. Поставил перед самым полетом. Пришлось прятать от старого засранца, а то списал бы меня на берег. Еще не прижилось. Вернемся… удалю. Неудачная модель.

— А нельзя было «перчатку» или «присоску»… — Эшли тоже кое-что понимала в манипуляторах, на уровне технического колледжа.

— Контакт хуже. Эту я воспринимаю как часть себя. Точность до микрометров. Конечно, это потребовало кое-какого апгрейда здесь, — он похлопал себя по позвоночнику и по локтю.

— А разве это разрешено? — удивилась Эшли.

— Для астронавтов? Конечно, нет, — ответил Синохара, для пробы хватая и стегая этим «пальцем» предметы в кабине с невероятной точностью. Оказалось, что он может вытягиваться почти на полметра, — В командовании сидят замшелые *бакаяро*, которые хотят, чтоб мы были как космонавты времен «Союза» и «Аполлонов».

— А если бы его у тебя заметили? При осмотре. Тебя бы не допустили до полета.

— Они не стали бы меня резать. Наноскоп у нас не применяют. А рентген его не покажет. Это керамика и биопластмасса, а не металл. Хотя металлический был бы дешевле. Потрогай, не бойся.

— Нет, спасибо, — Эшли представила, как эту штуку можно использовать в качестве оружия, и ее замутило. Например, как легко через глазницу проткнуть кому-то мозг. Или задушить, перехватив горло тугой петлей. — А я и не знала, что ты…

— Киборг? Совсем нет. Я только слегка улучшенный. Некоторые из нас пошли гораздо дальше.

— Из вас… это из кого?

— Ты слышала что-нибудь о «Детях Вендиго»?

— Нет.

— Я тебе расскажу. Все равно они меня выгнали. Расскажу,

если останемся живы. Если нет… не обессудь, — он завис в воздухе рядом с ней, как привидение, и направил на нее указательный палец. Страшный протез почти уперся женщине в плечо, покачиваясь, как голова гремучей змеи. — А теперь слушай меня внимательно. Подключайся к системе корабля и отслеживай параметры состава и движения атмосферы. Я поставил заплатки в трех местах, пока ты… была в отключке. Ремонтный дрон исправен, — он указал на небольшой аппарат в углу, состоящий из двух соединенных друг с другом полусфер и похожий на пылесос, в корпусе которого имелось несколько вмятин, — Поэтому включи его. Если увидишь, что где-то воздух уходит, делай что хочешь, но устрани утечку. «Затыкайте хоть своей задницей, ребятки», — японец очень правдоподобно изобразил акцент дикси покойного жителя Алабамы.

Эшли невольно улыбнулась. Она едва ли не впервые видела, как он шутит.

— А мне придется проникнуть в реакторный отсек. Там есть воздух. Правда, на пути туда, в двух отсеках, его нет. Если не сумею починить, нам крышка. Если ткну куда-нибудь не туда… нам тоже крышка, — он надел гермошлем. Его лицо за стеклом сразу стало далеким, будто потеряло свое выражение.

— Есть другой выход?

— Как это обычно… нет, — голос капитана Синохары теперь доносился до нее с искажением. — И последнее. Если я не вернусь, но успею выключить термояды… не пытайся посадить «Наблюдателя», как свою прогулочную лодку, на химических двигателях. Ты не сможешь. Корабль поврежден, автопилота нет. Даже если восстановится связь и телеметрия… его масса и аэродинамика тебе знакомы плохо. В атмосфере он имеет летные качества утюга. В нем нельзя зайти на второй заход. Промахнешься мимо полосы — считай, что уже в раю. Еще и внизу кого-нибудь угробишь.

«То есть сделаю за террориста часть его работы».

— В точке сближения отстреляй все, что отстреливается, а потом замкни все системы на кабину и сиди спокойно, кружись вокруг Земли, максимум через пять дней тебя вызволят. Спасательные корабли у Корпуса, да и у частников остались.

Это звучало оскорбительно, но она и не подумала обижаться, потому что знала, что он прав. На секунду ей показалось, что он смотрит на нее человечнее, чем должен смотреть командир да и любой военный.

— Но если начнет резко падать давление… не жди. Катапультируйся. Посадка будет довольно жесткой, но ты это отрабатывала… на сносном уровне. Машину, конечно, жалко. При

отделении кабины она, с такими повреждениями, скорее всего, развалится. А это деньги налогоплательщиков, мозги конструкторов и инженеров. А также труд безымянных роботов-сборщиков. Но на твою подготовку тоже деньги потрачены, — он чуть усмехнулся. — Поэтому погибать бессмысленно я тебе не приказываю.

«Да я вообще-то и не собиралась», — подумала Эшли. Но мысленно пожелала ему удачи. Остаться совсем одной в обреченном корабле не хотелось. Но и прыгать тоже не очень. Кабина, то есть командный отсек, могла превращаться в спасательную капсулу. Но приземление в ней пугало почти так же, как висение на орбите. Сначала в свободном падении лететь в гравитационный колодец, а потом с парашютом, но все равно быстро снижаться где-нибудь в Атлантическом океане, в шторм… или в Альпах… или на территорию африканского rogue state, которое даже в ООН не состоит. Все это лучше увидеть в Д-реальности или интерактивном фильме, чем испытать в жизни.

Между тем Гарольд уже подлетел к люку, который вел во внешний коридор. Перчатка костюма, который он снимал, чтоб проделать эту пугающую манипуляцию с рукой, была снова на нем.

— Если я вернусь, то вернусь быстро. Успокойся, — он словно понял ее мысли. — Самурай всегда должен быть готов к смерти. Откуда знать, что придет завтра — следующее утро или следующая жизнь?

Если он хотел ее подбодрить, ему это удалось. Эшли чуть не рассмеялась. Ну не мог же он жить по кодексу бусидо? Человек конца двадцать первого века, инженер-робототехник… и одновременно наемник с медалью за жестокую бессмысленную войну. Нет, это было не позерство и не ирония, а еще один парадокс.

— Надень шлем, пока я выхожу. Будет скачок давления. Через минуту можешь снять. Я дам тебе знать, когда буду возвращаться.

— Надеть, чтоб святой Петр спросил меня, какого хрена у меня такой плоский нимб? — ей хотелось сказать это бодро, но голос подвел, она закашлялась. А может, сыграла шутку атмосфера. Но вряд ли Гарольд что-то расслышал, потому что уже нырнул в люк ногами вперед. А через пару секунд люк закрылся за ним.

Она успела только заметить, как в красноватом свете в этом импровизированном шлюзе, который раньше был просто отрезком коридора, над трубами клубится то ли пар, то ли иней. Или и то, и другое вместе. Непонятно было, ледяной ли там ад или раскаленное пекло. Красный полумрак прорезал фонарь

японца, но, когда опустилась заслонка, она потеряла его из виду.

Эшли сняла шлем через несколько минут. И сразу поняла, что оттуда, куда ушел австралояпонец, тянуло именно холодом. В кабине стало на несколько градусов холоднее. Впрочем, система поддержания температуры работала. Пока еще работала.

Начиналась самая неприятная часть. Тяжелее всего ожидание, когда от тебя мало что зависит. Она думала о том, насколько она беззащитна в этой скорлупке. Достаточно ли они экранированы от космической радиации?

Нет. «Наблюдатели» не были предназначены для полетов за пределами земной магнитосферы. Все-таки они были созданы, чтоб прикрывать Землю, а не Луну. И уж точно у них не было такого многослойного корпуса, каким обладали марсианские корабли-«ковчеги» — хоть частные, хоть национальные.

После перенесенных повреждений титановый корпус с экранно-вакуумной теплоизоляцией на основе покрытой специальным сплавом полимерной пленки может местами напоминать решето. Попавшие… вернее, взорвавшиеся вблизи них ракеты, как говорил японец, были не слишком технологичные, и кроме электромагнитного компонента несли в себе что-то вроде шрапнели. Дешево и сердито — то же самое оружие хорошо показало себя в борьбе против спутников.

А если она будет болтаться здесь до тех пор, пока не начнется солнечная буря? Вроде бы их не должно быть, но кто знает. Эшли чувствовала себя так, будто в любой момент мог начаться шторм, а она стояла раздетой на голой скале. Солнечная радиация ничем не отличается от «обычной». И будет обидно, если удастся добраться до Земли только для того, чтоб долго и мучительно умирать в госпитале Корпуса мира, прикованной к постели, распухшей и с сочащейся кровью кожей? Даже несмотря на то, что расположен госпиталь в красивейшей Нормандии, климат которой почти не отличался от британского.

«А ведь он там может получить дозу и от реакторов…».

Чтоб чем-то занять себя, взяла пылесос и убрала из воздуха и со всех поверхностей отсека все, что напоминало загрязнение. На второй раз.

Потом села в кресло Гарольда (которое принадлежало командиру судна) и подключилась к системе… странно, что та еще работала хотя бы частично — и запустила ту же проверку, которую двадцатью минутами ранее провел ее спутник. Все данные были в том же состоянии, которое он описал, кроме показателей давления и содержания кислорода. Воздух выходил, хотя и медленно. Где-то рядом.

Эшли вздохнула и пошла оживлять дрона. Через корабельную

систему он не активировался. Через пять минут робот, специально предназначенный для несложного внутреннего ремонта, был в ее распоряжении. Поверх одной из металлических заплаток, поставленных японцем, она поставила еще шесть — будто латая дырявый надувной бассейн. И неожиданно это сработало. Утечка или исчезла, или перешла на уровень «несколько молекул в минуту».

Он вернулся через пять минут, перед этим сказав ей по интеркому надеть шлем. Ей уже тогда показалось, что с голосом его что-то не так.

Люк закрылся за ним, и японец с трудом снял шлем и перчатки. Его ресницы были все в инее, а лицо — синюшным, почти черным, как у уорент-офицера Бекеле. Он трясся и сразу схватился за переборку, хотя, как и она, не весил почти ничего и не мог упасть.

Первым ее побуждением было поддержать его, но он отстранился, а Эшли от короткого прикосновения успело обжечь холодом.

— Я в порядке. *Кусо*…

Она знала, что это означает «дерьмо», и может использоваться в переносном смысле.

Ему понадобилась минута, чтоб выровнять свое положение в пространстве и встать параллельно с ней. Особенно страшно выглядели его руки.

«Сильное обморожение. Может развиться некроз», — подумала женщина, и открыла аптечку первой помощи. Под ее крышкой были как обычные средства для обезболивания, остановки кровотечения и снятия шока, так и небольшой «интеллектуальный помощник». Но она даже не посмотрела на бота, а открыла то отделение, где лежали традиционные средства. Бот не был волшебным, а «медицинских капсул», которые еще век назад нафантазировали фантасты — таких, куда можно было бы поместить пациента с тем, чтобы всеми этапами лечения руководил робот — земные технологии пока создать не позволяли. В крупных медицинских центрах что-то отдаленно похожее было. Но не в космических кораблях. А диагноз тут она и сама могла поставить.

— Несколько минут… низкой температуры. Я знал, что скафандр не годится. Но у меня природная терморегуляция. Я не зря хотел побывать… на Марсе. Оу! Жжется… Спасибо. Таких друзей как ты еще поискать. Твою мать, как жжется.

Она вдруг поняла, что он разыгрывает ее. И может терпеть и не такую боль. Именно в этот момент японец подмигнул ей и

замолчал, а дальше уже стоял безмолвно.

Гарольд позволил потратить на себя всего пять минут. Обработать ожоги и похожие на ожоги следы обморожения, которые покрывали кожу его рук и лица. Потом он знаком приказал ей убрать аптечку.

Все оказалось не так страшно, как ей вначале почудилось. Только повреждения кожи, которые не угрожают жизни.

— Я выключил эту дрянь. Теперь мы проживем дольше.

Надо же, а она даже не заметила изменений в режиме снабжения энергией. Видимо, обитаемая часть корабля была физически отрезана от двигателей, и вырабатывавшиеся ими мегаватты островок жизни в кабине «Наблюдателя» уже не получал.

— Лейтенант Стивенсон, займите место в амортизационном кресле! В *вашем*, пожалуйста, — она поморщилась от его резкого голоса, когда он указал ей на ее ошибку. Она-то уселась в ближайшее, то есть в *его*. — Из-за повреждений мы успели получить слишком большое отклонение от курса. Теперь должны подкорректировать его с помощью химических. Возьмите на себя управление. Помните, что автопилота в нашем распоряжении нет.

Эшли села в кресло пилота. По привычке попыталась подключиться к терминалу, но кроме мониторинга он не позволял сделать ничего. Оставалось только ручное управление. Отдаленно похожее на то, что есть в пилотской кабине атмосферных самолетов. Не совсем штурвал — скорее джойстик. Но ей эта штука все равно казалась жутко архаичной и неудобной.

— Пристегнитесь, — напомнил ей японец. Почему-то она почувствовала, что он перешел на формальный стиль.

Сам капитан Синохара пристегнул себя не раньше, чем она сцепила все крепления и зафиксировала себя в кресле, которое само приняло нужное положение. Это не была опека мужчины над женщиной или даже более опытного астронавта над менее опытным. Это была обязанность и ответственность командира, и уставу это не противоречило.

«Я не балласт, — подумала бы она в другое время. — И дело не в достоинстве гендера, пола или какой-то еще общности, а в моей личной гордости».

Но сейчас было не до гордости, и она думала только о том, как хорошо переложить с себя ответственность за выбор дальнейших действий на кого-то другого. А она с радостью поможет ему в реализации той тактики и стратегии, которую он выберет.

— Левый запасной и правый запасной… подать питание!

Через три минуты вывести на полную мощность! — сказал капитан.

Она перевела двигатели в режим прогрева. Подала топливо. Включила зажигание. Постепенно повысила мощность. На секунду ей показалось, что она чувствует вибрацию и слышит треск переборок. Но это ощущение прошло.

Зато Эшли почувствовала, что у нее снова появился вес. И вес этот опять вжимал ее в кресло, хоть и не так сильно, как при старте. Вдруг дала о себе знать боль в спине, хоть это и было пока легкое покалывание.

— Я снова чувствую массу.

— Вес, — поправил ее Гарольд. — Я тебе это уже говорил когда-то. Хотя… если бы масса была меньше, то меньше был бы и вес, ведь так?

«Если мы не разобьемся, я ему это припомню» — подумала Эшли.

— Через сорок секунд переведите мощность на половинную, — услышала она все тот же ворчливый голос Гарольда. — А еще через две минуты заглушите.

Конечно, она знала основы баллистики и динамики. В космосе, где нет трения об атмосферу (разреженная атмосфера не в счет, если речь идет о таких малых промежутках времени), приобретенная скорость не исчезнет даже после выключения двигателей. Хотя здесь речь шла скорее о векторе этой скорости.

И после корректировки курса, судя по расчетам, они пройдут еще ближе от «Теодора Рузвельта». Всего в двадцати пяти километрах. Почти вплотную. Вернее, он пролетит пулей мимо них, входя в атмосферу по своей пологой траектории.

Тут уже не промахнется и слепой. Главное, чтобы сами «Эваланши» не подвели. И словно угадав ее мысли, Гарольд заговорил:

— Пять ракетных установок готовы. У ракет собственные двигатели, их запуск нам ничего не стоит. Но для кинетического орудия, как я сказал, энергии мало.

Скорострельная тяжелая рельсовая пушка могла распилить любую цель пополам разогнанными до бешеной скорости с помощью электромагнитной силы снарядами без грамма взрывчатого вещества. Но посадила бы их аккумуляторы за пару выстрелов, после чего им пришлось бы бороться уже за свое выживание в остывающем корабле. Раз уж они были на голодном энергетическом пайке, а из солнечных панелей после шрапнельной атаки раскрылось только десять процентов, лучше было обойтись без этого.

Примерно через десять минут Гарольд вывел ее из

полудремы, в которую Эшли уже было впала, требовательным голосом объявив:

— Лейтенант Стивенсон, не спите. Минутная готовность до начала атаки.

Она взглянула на движение на экране «очков» кляксы, обозначавшей «Теодора Рузвельта». Они были приближались к точке максимального приближения.

Эшли почувствовала, как у нее потеют ладони. Судно, которое они преследовали… вернее, неслись ему наперерез, было обманчиво беззащитным (она перечитала все данные с брифинга и просмотрела все схемы). Оно наверняка не могло открыть по ним ответный огонь. Но там внизу у него явно были вооруженные до зубов сообщники. Которые могут их сбить, если они раскроют себя.

— «Эваланшами» по объекту, — приказал Гарольд, не давая ей рассуждать. — С опережением. Цель — передняя полусфера. Все пять установок, огонь!

Они подошли близко к нему. Эшли включила внешний обзор, приказала искусственному интеллекту захватить цель в объектив и в 32-кратном увеличении увидела на фоне обманчиво близких звезд «Теодора» в виде яркой светящейся точки. У него были такие же термоядерные двигатели, как у них, только его были полностью исправны. И работали в полную силу. Пилоту террористов было, должно быть, несладко, разгон вдавил его в кресло (если только это был не автомат), но корабль набирал скорость, судя по приборам.

Если он и сбрасывал ее, чтобы ввести в заблуждение ЦУП, то теперь пытался компенсировать эту потерю. Ни о каком торможении и речи не было.

А «внизу» в нескольких сотнях миль зелено-коричневая земная поверхность медленно двигалась, как разворачивающееся полотно. Эшли узнала очертания Средиземного моря и подумала, как хорошо бы оказаться сейчас в Ницце на пляже. Она пообещала себе, что если выживет, то обязательно возьмет отпуск и проведет его не на очередных тренингах… и не лазарете, а на пляже Лазурного побережья.

Да кто же он? Даже если кораблем управляет автопилот, без предательства кого-то из экипажа не обошлось. Интересно, установили ли аналитики из СПБ его личность? Кто из команды мог пойти на такой поступок? Вряд ли преступники сумели завербовать сразу нескольких астронавтов “EUAerospace”. У Максима в свое время было много проблем со службой внутренней безопасности из-за его круга общения. Но, конечно, это не Корпус мира, где все биографии просвечивали под

микроскопом, а частники.

Чтобы выпустить ракеты, простого движения руки по сенсорной поверхности было уже недостаточно. Нужно было два подтверждения и нажатия на самые настоящие клавиши, с которых перед этим снимался защитный колпачок.

Все пять ракет, способные поражать цели и в атмосфере, и в вакууме, направились наперерез лунному «грузовику».

Наэкране радара Эшли увидела, как пять крохотных точек быстро приближаются к крупной кляксе. Она двигалась быстрее, чем они. Но они направлялись туда, где цель окажется спустя несколько секунд. Ракеты были достаточно интеллектуальны.

Включила визуальный обзор. Из-за отказа коммуникационного оборудования нельзя было подключиться к камерам самих «Эваланшей», но даже через оптику «Наблюдателя» женщина увидела достаточно — пять кратких и быстро погасших вспышек в кормовой части огромного, похожего на кита, корабля.

Хорошо различимые и в видимом, и особенно в инфракрасном спектре струи плазмы, которые выбрасывались из дюз «Теодора Рузвельта», исчезли. Видимо, был поражен двигательный или энергетический отсек. Но скорость вражеского корабля это уже никак не повлияло.

— Ракеты… — только и произнесла она.

— Не разнесли его. Они против спутников и легоньких шаттлов. А у него корпус прочнее нашего, и он просто крупнее. Долбани его кинетическим, — сказал Гарольд. Вернее, приказал. — На один выстрел из рельсотрона у нас энергия есть. Цельсь в геометрический центр.

Раньше функции стрелка должен был выполнять командир, как первое ответственное лицо. Но раз Синохара делегировал эту роль ей, а не взял на себя, значит, у него были на то причины. И вряд ли он боялся ответственности. Скорее считал, что она не хуже справится с прицеливанием при недостатке данных от приборов.

«Теодор» уже пролетел мимо, и теперь они стреляли ему вслед.

Действуя как по учебнику, Эшли осуществила захват цели. Энергия на ускоритель уже была подана капитаном. Она нажала на еще одну кнопку… и отсек, а значит и весь «Наблюдатель», ощутимо тряхнуло.

Сам снаряд невозможно было увидеть. Зрение успело различить только слабую вспышку. А через несколько секунд «грузовик» на мгновение охватило свечение, куда более яркое, чем давали его двигатели. Потом оно стихло, и чужой корабль

стал темным в оптических приборах. Но в инфракрасном диапазоне был хорошо виден.

— Попали! — радостно крикнула Эшли, как будто могло быть иначе. — Он подбит! Разгерметизировался! Продолжать огонь?

Эшли выжидала, готовая к любому ответу. Тем временем конденсаторы орудия перезаряжались. Гарольд молчал.

Субъективность времени растягивала секунды в минуты.

— Ну так что? — нетерпеливо переспросила она.

— Я думаю.

Женщина закусила губу, словно от обиды или нахлынувшей головной боли. Японец сидел в своем кресле, неподвижный, как китайский божок.

— Еще раз, — наконец, изрек капитан. — В центр. Видишь, там что-то вроде перекладины? Бей туда.

При увеличении действительно можно было увидеть, что «Теодор» не монолитный, а напоминает тримаран, состоящий из трех корпусов, двух больших по краям и центрального — меньшего размера.

И она сделала, как он сказал, нажав на кнопку, которую они между собой почему-то называли гашеткой (хотя слово это впервые она услышала от покойного командира). Вспышка рядом с «Теодором» на этот раз была слабее. Все, что могло там взрываться, уже взорвалось. Визуально это было не заметно, но, судя по радиолокации, профиль «грузовика» изменился. Носовая часть фюзеляжа отсутствовала. Она летела уже как отдельный объект.

— Стрелять еще раз? — уже без прежней уверенности спросила Эшли. Она увидела, что капитан Синохара закрыл от нее данные о системах жизнеобеспечения. Видимо, чтоб не отвлекалась.

Сам он занимался расчетом корректировки их курса. Ведь каждый выстрел бросал их в сторону по закону сохранения импульса. И неслабо бросал.

Ей сразу начало казаться, то и освещение светит тусклее, и дышать стало труднее. Но это были чисто психологические феномены. «Эшли, мало какой мужчина на твоем месте чувствовал бы себя спокойно», — как-то сделал ей неуклюжий комплимент Рон. А ведь он говорил о тренировочных полетах.

— Отставить, — после секундного молчания произнес австралояпонец. — А то обесточим систему жизнеобеспечения. Его траекторию мы уже слегка изменили, и он не попадет, куда целился. Сам подонок мертв. Этот гроб все равно упадет на Землю. Может, он распадется в атмосфере на более мелкие обломки и часть из них сгорит. А если нет… я просчитал его

точку приземления. Он теперь… совершит жесткую посадку в безлюдном месте в Альпах. Большего мы сделать не можем.

— А детонация гелия-3?

— Да нет там уже никакого гелия. Контейнеры с грузом мы только что сожгли.

И он опять погрузился в «боевой транс».

— Почему с Земли все же не попытались сбить его «рельсами» или ракетами?

— Не знаю, Эшли. — Гарольд снова смягчился, и перешел на неформальный тон, — Может, надеялись до последнего образумить и посадить на космодром. Корабль стоит сотни миллионов глобо, как и его груз, а акционеры не любят терять прибыль. Может, диверсия. А может, они стреляли с французской и польской базы, но промахнулись. Вряд ли они надеялись на нас. Хотя, конечно, запеленговали наше движение и поняли, что мы живы. Это тоже хорошая новость.

— А те… плохие… тоже могли понять?

— Эшли, сейчас не «холодная война» и не начало века. Поверхность контролируется ООН. Даже территория изгоев и временно вышедшие из-под контроля сектора доступны для десанта с конвертопланов. Я уверен, что атаковавшие нас с тех гор в Германии… уже трупы. Или захвачены. Они были смертниками, — его спокойный ровный голос действовал успокаивающе. — Надо взять себя в руки. Вначале я думал, что наши шансы вернуться живыми процентов сорок. Теперь они возрастают до восьмидесяти. А сейчас мне надо заняться системой обогрева. Нельзя дать ей отключиться. Но я справлюсь один, а ты отдыхай.

Про террориста он словно забыл. Видимо, они сделали все, что могли, и дальнейшее от них не зависело. «Теодор Рузвельт» — вернее то, что от него осталось — уже вошел в плотные слои атмосферы, охваченный желто-красным свечением. А через несколько секунд с хорошо заметной вспышкой он исчез, причем нельзя было даже понять, произошло ли это при ударе о поверхность или при взрыве в сотнях метров над ней.

Эшли последовала его совету, откинулась в кресле и постаралась принять более комфортную позу и расслабиться. Она не устала, гораздо больше ей надоели бытовые неудобства. Она чувствовала себя очень дискомфортно, волосы казались ей грязными, и не помогало даже то, что они коротко подстрижены.

Им предстояло провести здесь еще долго — в тесной кабине, в невесомости (это состояние называют микрогравитацией), где невозможно нормально помыться, а чертов туалет — запасной, поскольку основной остался в «замороженных» отсеках —

расположен в укромном закутке в углу, за раздвижной ширмой. И запас еды в надоевших тюбиках у них в кабине был очень ограниченный по количеству и по составу.

Пока она отдыхала, Гарольд курсировал между своим креслом, шкафчиком с инструментами и большой дырой, которую он проделал в одной из переборок. Она знало, что это покрытие из обычного пластика было декоративным. Теплоизоляцию он не тронул. В этом простенке он исчезал иногда по плечи, а иногда целиком, что-то там колдуя с корабельными техническими коммуникациями, которые даже не предназначались для ремонта силами экипажа. Во всяком случае, дрон ничем ему помочь не мог и стоял в стороне, потупив «взор». Похоже, австралояпонец его временно выключил.

Иногда ее спутник возвращался оттуда, неся как трофей нечто среднее между трубками и проводами. То и дело она отмечала боковым зрением быстрые движения его пальца-манипулятора, и каждый раз чувствовала неприятный холодок, когда эта штука разворачивалась в воздухе довольно близко от ее кресла. Похоже, он прямо тут в кабине вырезал, наплавлял, делал трехмерные слепки как 3Д-принтер, отмерял, резал и соединял воедино… Его мастерство могло бы вызвать комплекс неполноценности, но она подозревала, что во всем флоте далеко не каждый кадровый астронавт был способен на такое. Про нее и говорить нечего.

«А не угробит ли он нас?».

Но его труды дали свой результат. Видимо капитан немного оптимизировал подачу энергии. На время в кабине отключились все приборы, и стало темно. Но система регенерации воздуха работала теперь как надо. Это она поняла по тому, что вскоре прошло ощущение тяжести дыхания и сдавленности в груди, которое накатывало на нее десять минут назад. Через пару минут и свет зажегся.

— Спасательный челнок сможет достигнуть нас через несколько суток, — снова заговорил японец. — Процедура спасения астронавтов из дрейфующих кораблей на земной орбите отработана хорошо. Если продержимся, останемся живы. Я попытаюсь наладить связь. Повреждена приемная антенна, но, думаю, смогу изготовить замену. Просто до этого были более неотложные дела. Разделим обязанности. Я займусь связью, а ты нашим выживанием. Я сделал все, что касается «железа», но нужно двадцать четыре часа в сутки следить за его работой. Этим ты и займешься. Естественно, пока спишь, я тебя заменю.

Эшли кивнула. Его безапелляционный тон в другое время уже надоел бы ей, но сейчас она слушала его сосредоточенно.

— Мы ведь сделали все, что могли, Гарольд? — вдруг спросила она.

— Конечно. Разве что не пожертвовали собой. Был бы я один… я бы еще подумал. Была у меня одна идея… Но тебе я приказывать умирать не имею права. Приказывать рисковать — имею. Это мы и сделали. А гарантированно погибать — нет. За такой приказ отдают под трибунал.

— А ты сам что, стал бы камикадзе? Обогнал бы его и протаранил корпусом? Если бы были движки и время набрать разгон.

— Этого недоделанного «бин Ладена»? — японец опять слегка улыбнулся. — Хотя, скорее «Мохаммеда Атту». Ну да, протаранил бы. Почему нет? Подумай, насколько моя жизнь стоит меньше, чем многие жизни и благополучие всего земного шара.

Кто такой Осама бин Ладен — Эшли знала, потому что события 11-го сентября 2001 года в школах Британии изучали довольно подробно. Кто такой Мохаммед Атта, она не помнила, но догадалась, что это один из террористов, сообщников этого саудовского миллионера, организовавшего атаки на Башни-близнецы в Нью-Йорке и Пентагон.

— Но я не хочу умирать, — продолжал японец. — И собираюсь вернуться к моим аквариумным рыбкам. Они без меня пропадут. А ты должна вернуться живой к Максу. Как там он, кстати?

Эшли была рада, что в темноте при свете аварийного освещения нельзя было понять, изменилось ли ее лицо. А оно еще как изменилось. Исказилось, как от зубной боли. Впрочем, боль была несильной, а рана — почти зажившей.

В ее профиле не было данных о личном статусе, поэтому он и не мог знать, что они с Максом давно не вместе. Поэтому она ответила не сразу.

— Не знаю. Мы несколько лет не общались, — наконец, выговорила женщина.

И, конечно, у японца хватило тактичности не расспрашивать дальше.

Гарольд снова углубился в манипуляции с коммуникационным блоком, которые казались Эшли странным шаманством или священнодействием. Хотя у нее всегда были высокие баллы по техническим дисциплинам.

— «Наблюдатель-7», «Наблюдатель-7» говорит центр управления базы Рамштайн, — наконец, прорезал тишину знакомый голос одного из диспетчеров Башни.

Эшли вспомнила его. Его звали Мартин Гатц, и это был полноватый рыхлый, похожий на штрудель, немец из Дрездена.

Сторонник бодипозитивизма и веганства, который пытался и ее обратить в свою веру. Мол, как она может жить, когда из-за нее погибают живые существа?

«А как он мог так растолстеть на соевых бобах и шпинате?». Эшли не знала. Наверно, что-то с обменом веществ. Она даже не знала, кем он себя считает и кого предпочитает в жизни. Вроде бы был не женат. Но люди такого типажа мало кого привлекают.

Потом связь снова пропала на полуслове. Корабль словно издевалась над ними. Видимо, включение коммуникационной системы вызвало перегрузку, и пришлось снова обесточивать лишнее оборудование.

Под монотонные звуки работы кибернетического паяльника ее снова начало клонить в сон. Гарольд что-то бубнил себе под нос по-японски. Оказалось — считал от одного до ста.

«Ич»

«Ни»

«Сан»

«Ши»

И вдруг он окликнул ее:

— Эшли! Слушай! — он протянул ей свои «очки». — Там новости!

Линзы у них обоих не работали, а мониторы они выключили сами, отдав всю энергию прожорливой пушке, а потом чуть менее прожорливым системам жизнеобеспечения и ретранслятору.

Эшли надела очки и одновременно с изображением услышала звук. Это была запись, которую транслировали все официальные новостные каналы. От агентства «Рейтер»

Она увидела бесформенные летящие обломки, которые пылали прямо на лету. А потом вспышку на фоне гористого ландшафта. Запись явно была поставлена в замедленном темпе.

— Он промазал! Обломки упали в сотнях километров от Женевы, в горах! То ли мы его так хорошо сбили с курса… то ли этот осел неправильно рассчитал координаты и нормально данные в навигатор заложить не смог, — проговорил Синохара с непривычным возбуждением.

Едва ли не впервые в жизни она видела Гарольда таким радостным.

— Погибло совсем немного человек, — заговорил он снова. — Там нет никаких сооружений, кроме нескольких кемпингов и одной лыжной базы. Район уже оцеплен спасателями.

«Так все-таки погибшие есть, — подумала Эшли, чувствуя навалившуюся усталость, теперь моральную. — Не очень комфортно будет жить, если мне будут напоминать… особенно перед завтраком, что мы не сумели сделать так, чтобы обошлось

без смертей».

Какая чушь. Все-таки Брюса Уиллиса тут не было. И несколько сот убитых — это не то же самое, что разрушенная мировая столица и взрыв на пару мегатонн.

На бурно выражаемую радость не было сил. Гарольд подлетел к ней и похлопал ее по плечу той рукой, на которой не было бионического протеза. Что в его исполнении выглядело как бурное проявление эмоций.

— Поздравляю. Вы отличный пилот. И стрелок тоже неплохой.

А это уже тянуло на сердечную похвалу. Но стиль опять стал очень формальный. Видимо, опять они даже не сэмпай и кохай[1], а сэнсей и его непутевая, хотя в чем-то талантливая ученица.

«Какого дьявола я все это терплю?» — подумала она. Но, впрочем, подумала беззлобно.

— Интересно, что будет дальше?.. — Эшли имела в виду, конечно, политические последствия инцидента.

А он понял ее не так.

— С нами все будет нормально. Я вернусь к своим роботам, а ты… — он на какое-то время замолчал. — Будешь жить дальше.

— Но зато теперь мы будем героями. Звездами на всю оставшуюся жизнь. В такой истории тотального fuckup'а должны быть герои.

— Не будем, — спустил ее с небес на землю Гарольд. — Вся эта история будет засекречена от начала до конца. И это хорошо. Это в наших интересах.

Чего у него было не отнять, так это прагматизма.

— Нужно соблюдать режим экономии припасов и воздуха. Нам придется рассчитывать на наихудший сценарий — что мы проведем в корабле десять дней. Я уже рассчитал оптимальные рационы. Нам надо снизить потребление кислорода и еды. Поэтому никаких физических нагрузок. Упражнения не нужны. Мы в невесомости год не будем жить. Сидим, спим, перекусываем. И ждем спасателей.

Вдвоем на орбите, в тесноте, где места не больше, чем в одной спальне. Эшли вспомнила похожие фильмы. Романтично? Как бы не так. Могло бы быть что-то интимное в этой ситуации, будь с ней кто-то другой. Но Гарольд Синохара был не из таких. Он точно не был геем, и где-то в Японии была у него жена, хоть он и почти не жил дома. Возможно, эпизодические отношения с женщинами у него имелись, насколько она знала из сплетен еще в Бостоне. Корпус мира достаточно проницаем для слухов.

Но его принципы и моральные устои… про это тоже она

знала. Скорее можно было ожидать неприятностей от промышленного ассемблера со сборочной линии завода “Sony” или от охранного бота той же компании, чем от него. Он был уравновешен, бесстрастен и предсказуем. Может и не самый приятный попутчик, но точно самый надежный. Правда, беспощадный к себе и требующий того же от других. Но, может, именно благодаря этому свойству они остались живы.

Почему-то — несмотря на все различия — она увидела его слабое сходство с тем человеком, о ком она не хотела вспоминать. Одна ее подруга говорила, что нет ничего скучнее таких мужчин. Правда, эту подругу уже несколько раз бросали в самых тяжелых жизненных ситуациях и один раз чуть не убили.

Не очень уместные мысли для женщины в тесной скорлупке в сотнях километрах над Землей…

Эшли подключилась к камере внешнего обзора. Энергии на нее требовались сущие крохи, поэтому они ее не отключили. Ни одну из трех целых после взрыва.

Земля плыла внизу, далекая и близкая одновременно. Она подумала на мгновение, как же это похоже на взгляд из пилотской кабины "Титана". Хотя они были на такой высоте, куда даже экспериментальные вакуумные дирижабли не могли забираться.

Когда они с Максом работали в «Люфтганзе», им казалось, что вся жизнь впереди. Могла ли она подумать, что жизнь будет такая, как сейчас?

Их почти никогда не ставили на один рейс. Видимо психологи компании, отслеживая все возможные отношения между сотрудниками, считали, что это нежелательно. Но несколько раз, когда были замены кого-то из их напарников — по болезни, травме или личным обстоятельствам — им все же приходилось отправляться в небо вместе. И тогда это было непростое испытание — на протяжении всего полета нельзя было не то что притронуться друг к другу — слова лишнего сказать. Даже слишком выразительный жест или взгляд был нежелателен и мог сказаться на их карьере. Каждый кубический сантиметр внутреннего пространства гондолы — не говоря уже о пилотской кабине — контролировался, и все записывалось и анализировалось службами безопасности и управления персоналом корпорации «Люфтганза».

Зато после прибытия, получив два дня выходных, они наверстывали то, что упустили — в гостиницах Нью-Йорка, Мадрида или Берлина. Эшли никогда не считала себя «горячей» в том смысле, в каком это нравится мужчинам. Наверно, дело в

знаках зодиака и годе рождения по китайскому календарю. А может, в консервативном воспитании. А может, в генетике и физиологии. Но с Максом было совсем не так, как с Роном. Гораздо жарче и гораздо более взаимно. А не так, когда думаешь во время «этого»: черт возьми, скорей бы уже все закончилось, чтоб пойти выпить чашечку кофе. И спать.

Воспоминания… от которых стало сначала теплее, а потом холоднее… и больно, как от фантомной боли в отрезанной руке.

Макс. Максим. У него была немецкая фамилия Рихтер, хотя он был совсем не по-немецки темноволос, а широкие скулы напоминали о славянском типе лица. Его бабушка родилась в Казахстане. Что для Эшли звучало как название магической тюрьмы из книжек о Гарри Поттере. С Максом они были — избитый штамп! — «красивой парой». Если не красивой, то гармоничной. Сам Макс хоть и имел слегка топором вырубленное лицо, но был высокий и широкоплечий и считался среди ее подружек очень завидным приобретением.

Если среди его предков выходцы из Казахстана — немцы-«казадойчи», как их называли — то, видимо, он был не чистокровный германец. Но кого в современном мире интересовали вопросы крови? Макс показывал ей скан бабушкиного документа, с серпом и молотом — там их фамилия была на кириллице.

Макс был добродушный, но смелый. Когда на вечеринке в Лос-Анджелесе явно искавший конфликта мексиканец назвал его Боратом — он обратил все в шутку. Мол, не знает, кто это такой и пиндосовские фильмы не смотрит. Но когда они уже вдвоем с ней гуляли вечером по пляжу, а из темноты материализовались три фигуры с остекленевшими глазами и на плохом английском попросили перевести им тысячу глобо «на реабилитацию больного друга» — Макс сразу заслонил ее собой. Быстро поняв, что они сближаются не для дружеской беседы, а один из них вооружен чем-то похожим на шокер. Но применить свое оружие бандит не успел, потому что потомок казахстанских немцев свалил его с одного хука, а потом сложил обоих его приятелей пополам, затратив ровно по одному удару на каждого.

Отец его был из Берлина. Мать родилась в Лейпциге. А вот бабушка (по материнской линии) говорила, что она русская, хотя была немкой и родилась в Казахстане. Это было странно и взрывало ей мозг. Почти как фраза на русском, которую Макс приводил ей как пример квантовой неопределенности: *«Да нет, наверное»*.

Вообще-то Эшли верила в судьбу, но то, что они встретились — скорее случайность, чем провидение. На Земле было много

учебных заведений, где готовили пилотов для такой техники, как дирижабль «Титан», хотя дистанционно на симуляторе их проходить было нельзя — слишком большая ответственность. Они встретились в Лондоне.

Мирное, спокойное время… Кто мог подумать, что всего через несколько лет «Титанами» будут управлять только искусственные пилоты. А всем сотрудникам пяти крупнейших трансатлантических линий придут обычной бумажной почтой красочные письма с благодарностью от компаний… а еще уведомления об увольнении и небольшие компенсационные выплаты.

Кто мог подумать, что скоро Корпус мира будет не сидеть на тренировочных базах, а то тут, то там сражаться с террористами на разных театрах военных действий — от Индонезии до Южной Америки?

А Макс мелькнет и исчезнет. Как вспышка молнии. И из Корпуса, и из ее жизни.

Где-то в этом месте она провалилась в сон. И приснился ей именно Максим. С одной стороны, это было не удивительно. Мозг генерирует сновидения из материала, который получил за время бодрствования. А если мозг ставит перед собой задачу разгрузить сознание своей владелицы, то он точно не будет использовать для снов образы сумасшедшей гонки кораблей, пожаров, взрывов. Так что все логично. Но… какое ей до него было дело?

Она увидела странную вариацию их первой встречи наедине. Уже почти романтическое свидание, а не просто встречу двух друзей. Хотя картинка и сильно отличалась от того, что хранилось в памяти — хоть в ее личной, хоть в облачной. На самом деле они ходили то ли на роллер-дром, то ли в центр киберспорта, а во сне это был чопорный Кенсингтонский сад.

Но там на самом берегу озера у статуи Питера Пэна этот балбес сказал ей те же слова, что и в реальности:

«А хочешь, я поцелую тебя туда, куда еще никто не целовал?».

Наверно ее лицо покраснело — то ли от смущения, то ли от злости. Вот уж точно намек не по адресу. Ее подруги меняли парней как перчатки, и практиковали такие вещи, которые даже не «восемнадцать плюс», а «двадцать пять плюс». А у нее была только пара эпизодов старомодной влюбленности, как в викторианских романах, которая не закончилась ничем. Ну, почти ничем. Кое-что было. Но разово. И это к середине третьего десятка лет!

Она ничего тогда не ответила, а он взял и поцеловал ее в макушку. Макс был выше сантиметров на десять, и ему это было легко.

«Неправда. Мама делала так», — сказала она, порозовев, но уже без обиды. Ей совсем не хотелось его прогонять или угрожать судом за харрасмент.

В этот момент она очнулась. Что-то на самом деле касалось ее головы. Это был плавающий в воздухе тюбик с пастой. Не зубной пастой, а итальянским национальным блюдом, переделанным в рацион для астронавтов. Тюбик был мягкий и не имел острых краев.

— Если проснулась, поешь, — услышала она голос Гарольда. — Надо себя заставлять. Желудок склеится.

Эшли вспомнила их с Максом дом в Лондоне, в районе Ислингтон. Который теперь был только ее дом. Боль ностальгии неожиданно резанула ее. Нет, с домом-то ничего не случилось. Он стоял по-прежнему, с садом, которым занимались в ее отсутствие только бездушные роботы. Хотя и нуждался в небольшом ремонте. Как говорил агент по недвижимости, чтоб продать это строение за оптимальные деньги, надо вложить в него еще сто тысяч глобо. В некоторых комнатах требовалась новая внутренняя отделка. Они даже задумали там небольшую перепланировку, пока еще были вместе. Но начать ее можно было только после того, как была бы выплачена вся сумма ипотеки банку.

Но пока они в нем жили, это было милое место. Если бы Макс больше внимания уделял ей, и меньше — своим шизанутым друзьям, все вышло бы иначе.

Она вспомнила, как перехватила входящий траффик и отследила каналы, которые он открывал — и ладно бы это было порно! Но это был «Разоблачитель», его вел какой-то экспат китайского происхождения. Который и на родине был диссидентом, а, эмигрировав в Брюссель, продолжил разоблачать уже Мировой Совет. Хотя уже тогда начались первые аресты и, что еще хуже, блокировки счетов и чипов, после которых даже на такси не проедешь.

«Ты неприятностей хочешь? И для себя, и для меня? — возмущалась она, немедленно заблокировав ему доступ не только к сети, но и ко всем системам умного дома, — Че Гевара, твою мать. Какое Сопротивление? Мы что, в оккупированной Франции 1944 года?»

«Примерно так», — с горькой усмешкой ответил Максим.

Чуть позже она узнала, что он переводил деньги на краудфандинговый счет фонда для покупки каких-то приборов в Южной Америке.

«Какого черта ты тратишь наши деньги на дела непонятных аборигенов? — взъярилась она, устав от его уверток. — Как их

там? Сандинисты?»

«Неосапатисты».

«Они что, астрономы? Какого хрена им нужно столько оптических устройств?».

Он не сразу ответил, а только улыбался, и ей пришлось топнуть ногой.

«Эш, детка. Крестьяне полуострова Юкатан страдают от нападения болотных крокодилов, которые расплодились из-за того, что корпорация «Юнайтед Продактс» угробила экологию региона. Оптические сенсоры на дронах помогут им справиться с напастью.

«А тепловизионные детекторы им зачем? Крокодилы — хладнокровные рептилии».

«Беспроводная передача энергии там почти не работает. Все по старинке, по проводам. А из-за тамошней жары часто перегреваются трансформаторы».

Вроде бы звучало складно. У нее тогда заболела голова и она махнула рукой, поняв, что на каждый ее вопрос у него найдется готовый ответ. Она просто попросила его так больше не делать, потому что свой лимит благотворительности они исчерпали на много лет вперед. И одно дело помогать трансгендерам с острова Барбадос в борьбе за их законные права, или защищать пингвинов, и совсем другое — содействовать истреблению крокодилов, которые не виноваты ни в чем. Какими-то немытыми пеонами в пончо и сомбреро. Так она себе представляла неосапатистов.

Она проснулась. В отсеке горел слабый свет.

Гарольд сидел в кресле, так же неподвижно, как вчера, когда она очнулась после беспамятства.

— Мне не дает покоя мысль, — вдруг сказал он, как-то почувствовав, что она не спит (может, все-таки видел ее параметры?). — Что если «Тедди» просто приманка. И они не надеялись, что прорвутся. А целью были мы. Нет, не мы лично, а корабли Корпуса.

— Да ты что?.. — всплеснула руками она. Это было страшно. Действительно страшно. Почти так же страшно, как если бы целью атаки были персонально они. Потому что если дело касается таких масштабных вещей, то никто и нигде не может чувствовать себя в безопасности.

А значит, все может не закончиться и после возвращения на Землю. Она вдруг всем существом почувствовала близость бесконечной тьмы и космического холода.

— Ты обещал рассказать про «Детей Вендиго», — вдруг

вспомнила Эшли.

Хотелось отвлечься, пусть даже и послушав его монотонный лекторский голос.

— Ах эти… зануды.

Гарольд Синохара называет кого-то занудой. Это как в английской поговорке: a pot calling the kettle black.

— Это международный клуб умников, — объяснил японец. — Конструкторы роботов, нанотехнологи, биотехнологи. Это не коммерческая компания, а объединение любителей. Хотя иногда из этих хобби вырастали стартапы, которые потом становились крупными проектами ценой в миллиарды глобо. Но это не про меня. Я на это только тратил деньги, а не зарабатывал. Я ведь тоже занимался проектированием и макро-, и микророботов, и пытался выращивать искусственные организмы. В нанотех только не лез. Это скучно. А потом меня исключили из клуба и внесли в стоп-лист «за антигуманную деятельность», и это закрыло мне доступ к лучшим сетевым площадкам. Потом мне просто это надоело.

— Тебя заблокировали за наемничество? — догадалась Эшли. — За Индонезию?

— Да уж точно не за то, что я играл по ночам на скрипке, — ответил Гарольд. Его кресло находилось слишком далеко, чтобы в темноте она могла понять, улыбается он или наоборот, печалится. — Чертовы моралисты. Как будто они никого не убивают, даже когда едят соевый бифштекс или хлеб из хлореллы. Но их идеалы мне близки. Они борются за ничем не ограниченный вертикальный прогресс. Причем не такими методами, как этот Авангард или ему подобные бунтари. Которые на самом деле только толкают нас назад, прикрываясь социальной риторикой. Но хуже всего… эти неолуддиты — «Сыны Земли», «Братья Пророка», «Арийский легион» и им подобные. Какая глупость и подлость бороться с будущим! А власти идут на поводу у невежественной толпы и ограничивают свободу использовать импланты, перекраивать свое тело… я говорю о более серьезной переделке, а не о смене расы или пола.

— А ты считаешь… — начала было женщина.

— Я считаю, что зло в мире от предрассудков, а не от технологий, — чувствовалось, что японец сел на своего любимого конька, и из прежнего молчуна превратился в фонтан красноречия. — Пусть люди преобразуют свое тело как хотят. Ставят любые апгрейды. Пусть сращивают себя с машинами. Или друг с другом в один организм. Разве это не здорово?

— Немного… страшно.

— И вовсе не страшно. Мы на пороге нового мира. Там

впереди вечная молодость и вечная жизнь, победа над тюрьмой плоти и барьерами разума… другие планеты нашей системы… экзопланеты… и вся вселенная. Которую можно будет посетить не в таком корыте, как наше… и не в «Корабле поколений», где люди переваривают свои же отходы миллион раз подряд. Можно будет самим летать среди звезд! Или даже самим стать звездами.

— Кстати, о звездах. Там финал «Голоса планеты» будет в воскресенье. Надеюсь, мы все-таки вернемся.

Гарольд издал звук, похожий на фырканье ежа, и замолчал. Но, по крайней мере, она отомстила ему за его покровительственный тон и зазнайство.

— Да ладно тебе. Я пошутила. Я вовсе не такая дура. И шоу это не смотрю. Странное название для клуба интеллектуалов.

— В мире у многих вещей странное название. Знаешь, что означает моя фамилия?

Женщина помотала головой.

— «Поле и низкорослый бамбук».

Эшли засмеялась.

— Вот видишь, — кивнул капитан Синохара. — Тебе тоже кажется, что это странно. При чем тут я и поле с бамбуком, да еще и низкорослым? В краях, где рос мой отец, было больше лесов, чем бамбука. Если мы вернемся на Землю живыми, я подарю тебе магнитик на холодильник с острова Хоккайдо. Там жили мои предки с незапамятных времен.

— Я холодильником почти не пользуюсь. Он у меня вечно стоит пустой. Кушать хочется, но нельзя… надеюсь, твоя сингулярность поможет людям обходиться без диет. Наверно, и мое имя «Эшли» что-нибудь означает… Так почему этот клуб называется «Дети Вендиго»?

— А… Это просто. Название обыгрывает имя духа-людоеда из индейской мифологии. И, конечно, цвет индиго как символ таланта и исключительности.

— Понятно. Наверно, тот, кто это придумал, имел в виду, что цена прогресса может быть очень высокой. И угроза от неправильного использования его плодов.

На какое-то время в отсеке установилась тишина.

— Кто-то на Земле в разведке должен ответить за этот фак-ап, — пробормотала Эшли, опустошая пищевой тюбик и запивая его водой из трубочки.

— Это не просто fuck-up. Это измена, — Гарольд снял «очки». Он только что закончил очередной сеанс связи с Башней. «Наблюдатель», держитесь, помощь близка» — все время говорили на той стороне.

Но зато они узнали, что корабль террористов промахнулся

почти на сотню километров и упал высоко в горах, в трех милях от вершины Пуант-де-Шалюн, что возле города Мьёсси, во Французских Альпах. Погибло около трехсот человек. В основном туристы и местные жители. Никакой детонации не было. Заражение было минимальным, хотя и объявили второй уровень радиационной опасности в секторе.

Но еще они поняли из тех крупиц данных, которые выдавал неохотно делившийся информацией Центр Управления, что на Земле творится много других нехороших вещей. Которые Башня называла уклончиво «политической нестабильностью» и «массовыми акциями гражданского неповиновения». Все это было и до их полета. Эшли слышала в новостях. Возможно, события над Европой, которые произошли на их глазах, стали катализатором неких глобальных процессов. А может, это совпадение.

Все это им предстояло выяснить уже после приземления. Пока они вертятся на орбите, им оставалось только есть, спать и занимать себя ни к чему не обязывающими разговорами в ожидании спасательного шаттла. Сразу два судна частных компаний, зафрахтованных Корпусом, уже готовились к старту. Но все системы жестоко изуродованного, но выжившего перехватчика работали стабильно, утечек больше не возникало, и не было причин катапультироваться.

Спасли их из потерявшего управление корабля через пять дней.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]**Сэмпай**[1] (яп. 先輩 *букв. «товарищ, стоящий впереди»*) — японский термин, обычно обозначающий того человека, у которого больше опыта в той или иной области. Если один человек занимается чем-то дольше другого, то он — сэмпай. **Сэмпай** также используется как именной суффикс, который добавляется к соответствующему имени. **Кохай** (яп. 後輩 *ко: хай*, букв. «товарищ, стоящий позади») — противоположное понятие: человек, менее опытный в некоторой сфере занятий.

Часть 4. Свободный город

«Прикормленные властью журналисты называют выборы в Мировой совет 2057 года образцом честности и открытости. И у них есть на то причины. Но эти причины — в деньгах, которые они получают от «Великой десятки».

На самом деле эти выборы были ничем не честнее тех, которые проводились раньше на национальном уровне. А может, и хуже.

Имели место подтасовки всех типов. Размер избирательных округов был нарезан произвольно. В лучших традициях США девятнадцатого века. Один голос жителя «удобных», голосующих как надо районов был равен по своему влиянию десяти голосам из «неудобных». И это только верхушка айсберга…»

Ли Юань Вэй, создатель канала «Разоблачитель», запись за месяц до ареста.

Через полчаса на горизонте показались Вершины Москвы. Григорьев их не отключал, ему нравился футуристический вид и мощь. Пусть даже это была фальшивка. Самый высокий настоящий skyscraper в городе был высотой восемьсот метров, а эти, будь они реальны, возвышались бы километра на два. Они были похожи на знаменитые сталинские высотки, увеличенные в несколько раз. Их зубчатые маковки украшали скульптурные группы и флаги, подпиравшие небо. Каждый элемент можно было приблизить — прочитать лозунги, узнать о грандиозных проектах, рассмотреть близко лица древних и новых героев. Красивая картинка для приезжих, в духе черно-белого фильма “Metropolis” с примесью советской фантастики.

Он больше не знал никого, кто любовался бы этими миражами в стиле ампир дольше двух секунд, необходимых, чтобы их отключить. Разве что иностранцев, которые после протяжного «вау!» бросали реплики про «крейзи рашнз». Башни можно было отключить, но Российское Государство было не только унитарным, но и уникальным, поэтому махины впихнули в базовый московский пакет Д-реальности, никого особо не спросив. Их можно сделать неактивными. Но после каждой установки обновления настройки сбрасывались на дефолтные. И башни появлялись. Полностью отключить можно было только с пиратским софтом.

Он этого не делал. Ему навилась их мощь. К любым

торжествам и датам менялась их окраска и оформление сообразно случаю — под Новый Год одно, к Дню России другое… Такие уж местные традиции.

И если он чуть поругивал создателей картины, то только за перегибание палки с пафосом. Можно было обойтись без этого. Ведь и настоящий город на холмах не менее крутой. Еще бы! Один из крупнейших и богатейших мегаполисов мира. Конечно, остальная территория РГ до его уровня пока не дотягивала. Но Григорьев не любил нытиков и бузотеров, которые постоянно делали на этом акцент. Тот, у кого голова растет из нужного места, везде устроится. А тот, кто ноет и брюзжит, вместо того чтобы работать — тому везде и власть не такая, и люди — уроды. Какая тут инфраструктура, какое благоустройство, какие больницы, какие идеальные шоссе… мало где такие найдешь.

Но с дорогой в этот день что-то не заладилось. Только через полтора часа Виктор Семенович добрался до кладбищенских ворот, поскольку несколько раз его задержали неожиданные пробки. Что стряслось? Он так и не понял. Но видел тут и там автомобили экстренных служб.

Машина осталась ждать на стоянке, напомнив, что будет в его распоряжении еще десять часов. Кладбищенские аллеи, как и некоторые прогулочные места в Москве, были климатизированной зоной. Здесь даже верхняя одежда была не нужна.

Хотя экологи требовали запретить эту практику и почти добились своего. Мол, повышая комфорт людям, мы сбиваем биологические часы растениям и животным. На Западе таких зон уже почти не было.

«Но и зимы у них не чета нашим».

Хотя эта осень во всей Евразии выдалась довольно мягкой. А вот в Америках — наоборот, холодной. Так им и надо, ха-ха.

Вот и сейчас, невзрачная толстая птица, усевшаяся на ветку липы, тряхнула хвостом и разинула красную пасть, словно разминаясь. Видимо, она думала, что на дворе весна. Птица наблюдала, как идет по дорожке пожилой мужчина в расстегнутом черном пиджаке, черных брюках, черных туфлях и белой идеально отглаженной рубашке. И понеслись звуки, до боли похожие на те, которые издают антикварные часы.

Виктор Семенович перевел на пернатую тварь взгляд. И тут же вокруг нее зажглась серая кайма: *«Обыкнове́нная куку́шка (лат. Cuculus canorus) — птица, наиболее распространённый и известный вид в семействе кукушковых…».*

Взгляд старика переметнулся на дерево, которое сразу точно так же окружила серая полупрозрачная рамка, охватившая контур

с точностью до последнего еще не облетевшего листка: *«Ли́па европе́йская (лат. Tilia europaea) — лиственное дерево, вид рода Липа (Tilia) семейства Мальвовые (Malvaceae)…».*

Проклятая «оболочка»[i]! Но тут уже виновата его собственная криворукость. Он вчера по ошибке щелкнул не туда и скачал вместо настоящего обновления его фальшивую копию, которая просто завалила его рекламой. И пришлось откатывать настройки до последней рабочей конфигурации. А на тот момент подсказки были включены.

Старик не поленился и отключил их, чтоб зараза не грузила лишней информацией из «Ультрапедии». И отключил автообновления совсем. Поставит вручную, если надо. Хотя до следующего ежегодного он может и не дожить.

Нет, отставить. Надо быть оптимистом.

Григорьев перевел почти все средства Д-реальности в неактивный режим. Оставил только айденты[ii] людей. Это заняло у него секунду. Человек моложе сделал бы это за доли мгновения. Так-то лучше. Ничто не будет отвлекать.

Cuculus canorus между тем продолжала надрываться, словно исполнитель-дилетант на шоу «Голос планеты».

«Хотя и соловей вроде не красавец. Но эта тварь — просто воплощение пошлости, — подумал Григорьев. — Жаль, со мной нет ружья. Одни перья бы остались».

Хотя, конечно, это был пустой треп. Законы о применении оружия в столице РГ были строгие.

Математик Карл Фридрих Гаусс удивился бы, узнав, что на постсоветском пространстве его имя чаще произносят, говоря об оружии, а не об алгебре и теории чисел — упоминают в одном ряду с Калашниковым и Кольтом, а не с Леонардом Эйлером или Пифагором.

Но кто виноват, что еще в старых компьютерных играх «пушкой Гаусса» называли любое электромагнитное оружие? Так фамилия математика стала обозначать не только физический принцип «пушки Гаусса» (по которому боевое оружие изготовить невозможно), но и конкретные изделия на рынке — широкий спектр непорохового стрелкового оружия: от противотанковых винтовок до мелкокалиберных ружей для любительской охоты и спортивной стрельбы, все сделанные немного по другому принципу и правильно называемые «рельсовыми винтовками».

Ничего удивительного. В свое время Никола Тесла и Майкл Фарадей «подарили» свои имена электромобилям — давно уже превзойденным и снятым с производства. Просто здесь название выбрали не маркетологи, а народ, ведь и в новых вирках эти пушки часто назывались гауссовками.

— Кукушка-кукушка. Сколько мне жить осталось? — спросил старик вполголоса.

Но та распелась и, похоже, не собиралась замолкать.

— Врешь ты все, сволочь. Как будто я не знаю. Даже «оболочка» знает, хоть она и дура.

Совсем недавно ему пришлось отключить в браслете проверку самочувствия. Чтобы каждый час вместе с данными про пульс и давление не видеть напоминаний о том, что…

Старик кинул в птицу камешек, который непонятно как остался на идеально выметенной кибер-дворниками дорожке. Видимо, оставили специально. В городских парках этот нарочитый антиперфекционизм тоже практиковался. Психологи говорили, что идеальная чистота и стерильность подавляют и пугают. Что человеку нужен хаос снаружи, потому что тот есть у него внутри.

Камешек сразу засветился в «обложке» и выдал краткую информацию о себе: *«Галька (eng. rubbles, pebbles; de. Kieselstein), неправильной сферической формы, диаметр 4 см., состав — кварц 55 %, гранит…».*

— Я же тебя отключил, адское наваждение? — вслух произнес Григорьев. — Зачем мне твои лекции по минералогии? Ах, да… я забыл кликнуть на слово «применить».

Он нарочно сделал интерфейс похожим на старый компьютерный.

Странная штука язык. Даже «мышки» уже давно не кликают, то есть не щелкают. Потому что нет этих мышек, сдохли от старости. А накликать можно только беду.

Кладбище было не простое…Новодевичье, где похоронена куча исторических личностей, включая первого президента еще той, прежней России. Лет двадцать тут не хоронили, а теперь, после работ по «уплотнению», снова начали, но только совсем не простых людей или за очень большие деньги. И только прах. Целиком — в очень редких случаях. Престижное место для солидных господ (ему быть похороненным здесь скорее всего не светило, хотя он и сам был не последним человеком — заслуг его для этого было мало, а огромные деньги на это тратить он бы не стал), закрытое со всех сторон миражами раскидистых деревьев и дорических колонн от улиц и эстакад, где неслись сплошным потоком машины. Почему-то считалось, что вид кладбищ портит людям настроение. Даже исторических. Это поветрие распространилось по всему миру, считавшему себя цивилизованным. Кладбища скрывались с глаз, почти как свалки и АЭС.

«Кладбище? Это от слова «клад», папа?» — вспомнился вдруг

ему детский голосок. — Или склад?»

Дочь. Как же давно это было…

Метнул и промахнулся. Недолет. Но птица все равно улетела, отрывисто и нелепо взмахивая крыльями.

Григорьев знал, что ему осталось недолго. И что почти наверняка ничего не получится. Отсюда и его «мортидо». Отсюда рискованные развлечения — подводное плаванье на глубине (когда еще были силы), гонки на кибер-болидах (да, они говорят про стопроцентную безопасность, но это не так), полеты на «Пустельге». Разбитая машина, которая быть гоночным болидом совсем не хотела, прыжки с парашютом со стратосферного дирижабля. Список будет длинный. Отсюда же его нынешнее демонстративное презрение к «здоровому образу» жизни, который он вел еще до того, как это стало общественной нормой.

Нет, он не пил и не принимал наркотики, конечно. Но ел, что хотел и когда хотел.

Последние пять лет стали для него эпохой похорон. Умерли не только те, кто был ему дорог (этих смерть выкосила чуть раньше — за единственным исключением), но уже и те, на кого было, по большому счету, наплевать, но кто был частью — периферийной частью — его мира.

Кто был неприятен и ненавистен, кто делал ему зло — умерли все до единого. Видимо те, у кого внутри яд, рано или поздно будут им отравлены сами. Но вот странное дело — даже их смерти оставляли в душе неприятный отпечаток потери. Теперь он уже не был способен на такие сильные чувства как гнев, и, оглядываясь назад, даже удивлялся: как он мог их испытывать? Из-за чего? Из-за обидного слова в личной беседе или с экрана, злой рецензии? Из-за денег? Уязвленной гордости? Все это стало пустым и далеким.

А вот смерть была единственной аксиомой и истиной.

Почему-то среди его окружения мало кто дожил до якобы «средних» восьмидесяти пяти.

Он вспомнил их последнюю, непонятно зачем организованную встречу выпускников. Наверное, примерно так встречались раньше ветераны Великой Отечественной, последний из которых умер лет двадцать-тридцать назад. Из парней (как смешно применять это слово к дряхлым старцам!) он оказался единственным дожившим со всего выпуска, где было без малого сто человек. Да и из «девчонок» оставалось всего девять.

Вспомнил недавний некролог в газете — конечно, не бумажной.

Верочка. Трудно узнать ту худую веснушчатую девчонку в этой величавой старухе в старомодном брючном костюме,

рисующей что-то маркером на доске. Профессор академии в Екатеринбурге. Где теперь такие доски? Даже проекционных экранов не осталось, все делается через «оболочку» или, там, где нужна визуализация — через голограмму. Журналист же подобрал фото двадцатилетней давности.

Он знал, что преподавателям государственных ВУЗов, особенно гуманитарных, еще после предпоследней реформы платили мало. И сокращали их постоянно — автоматизация, новые методы гипнообучения. А ведь надежды она подавала куда большие, чем он — раздолбай и троечник. Но, судя по всему, у нее была счастливая жизнь. Он в этом убедился после минутного просмотра в сети личных фото ее семьи — детей, внуков, почившего несколько лет назад мужа, который был палеонтологом, но ничем выдающимся себя не прославил. Чем вообще можно прославить себя в науке про говно мамонтов, где все уже изучено вдоль и поперек? Хотя, может, это взгляд дилетанта. Вот скоро динозавров и мамонтов оживят, тогда можно будет проверить их правоту.

Ну, предположим, всемирной славы и у него самого не было даже сейчас. В мире постоянно возникали новые инфоповоды, мемы и новые кумиры. Для молодежи он сам, Виктор Григорьев, был почти динозавром. Но в стране его знали многие. И последние тридцать лет у него не было проблем с деньгами. Его похороны собрали бы не меньше народу, чем погребение этого самодовольного индюка в гробу (хоть и прошли бы не в таком пафосном месте). Индюка? Нет, светоча культуры. Патриарха отечественной сцены второй половины века. Михаила Золотникова.

Толпа все прибывала. Приезжали электромобили новейших моделей, с обтекаемыми, как пули, корпусами, прилетело несколько бесшумных коптеров, для которых вдоль стены имелись обозначенные буквой «Н» площадки.

Беглым взглядом Григорьев отметил несколько сотен айдентов синего цвета — платных, в отличие от бесплатных белых, какой был у него. Потому что его, как сказали бы предки, «душила жаба», и тратить кровные глобо на бесполезный функционал и «понты» он не хотел (это слово мало кто из молодых бы поняли, как и более новое слово «хайп»).

Тут были ВИПы. Не нищая богема типа непризнанных гениев визуализации и 3d-моделинга, а эстеблишмент и «денежные мешки». Столпы и титаны, держащие небосвод. Все в костюмах ценой в мобиль эконом-класса. У некоторых даже часы на руках. Хотя точное время можно узнать за долю секунды, просто скосив

глаз в сторону! А то и просто подумав об этом.

С ухмылкой Григорьев пробежал глазами их профили, где была предназначенная для посторонних информация. Там были регалии, проекты, в которых они участвовали и награды. Длинны-длинные списки. А вот контактных данных не было — их оставляют только дураки, коммивояжеры да жрицы и жрецы продажной любви. ВИПы имели все основания опасаться маньяков и террористов.

Или просто обычных граждан… Не было в профиле и годового дохода. Иначе многие бы на улицах лопнули от зависти.

Григорьев был не в настроении, поэтому закрыл свой собственный айдент от всех, кроме экстренных служб. Теперь он стал невидим, ему нельзя отправить сообщение, нельзя прочитать его статус. Это было разрешено. Давать о себе информацию — право, а не обязанность. Хотя многие службы и органы считали иначе.

С теми, кого он знал лично, он поздоровался. Пожал руку нескольким таким же старикам, кого-то даже в ответ приобнял. Кивнул одному коллеге-скриптору (тот предпочитал звать себя сценаристом) в похожем на фрак пиджаке и с гривой седых волос, которого держала под руку женщина втрое его моложе. А одному композитору даже сказал пару слов.

К мертвецу подошел всего на секунду. Увидел, что тому очень старательно придали сходство с живым человеком. Даже омолодили как-то. Похоже, какие-то инъекции. Теперь в гробу он походил на себя сорокалетнего. В реальности… в последние годы он был куда более помятым, красноглазым и обрюзгшим.

Покойный был чисто выбрит и с непривычно непокрытой головой. А на портрете в траурной рамке, стоящем в изголовье, который потом установят на памятник — он был в своей любимой беретке, в которой появлялся даже на светских раутах, и со щегольской трехдневной хипстерской щетиной.

«Для молодежи хипстеры такая же древность, как хиппи», — подумал старик.

На остальных ему было плевать еще в большей степени. Он уже вышел из возраста, когда за социальный капитал трясутся. Да его капитал и так был выше некуда. Хоть формальный, хоть неформальный. Вот только с собой его не унесешь.

Похороны проходили по высшему разряду. Гроб принесли люди в черных костюмах — русский похоронный бизнес автоматизация коснулась, но «черный гроб на колесиках» — или лафет на автоматической платформе, оставался заокеанской экзотикой, которая считалась нарушающей ритуал. От покойного можно было ожидать любых чудачеств, вплоть до носильщиков-

андроидов, но, видимо, детали погребения определили родственники. Почетного караула и салюта не было. К людям в форме мертвец относился плохо.

Зато был пастор-лютеранин. Покойный за несколько лет до смерти вышел из Московского прихода экуменистов, но в православие не вернулся, а перешел в религию своих далеких предков-немцев. Видимо, хотел перед смертью показать последний кукиш и без того переживающей не лучшие времена церкви, которую среди интеллектуалов не пинал только ленивый. Хотя, если подумать, чем она хуже католичества? Такой же театр в стиле ретро для тех, кто верит, что бессмертие можно получить в обмен на соблюдение правил.

В ушах зудел хорошо поставленный голос распорядителя похорон. Из этого хлыща получился бы хороший актер, и, похоже, актер — единственная профессия, которой сокращения не угрожали. Ведь не в любом контексте допустима голограмма или виртуал.

— Значительный вклад, внесенный покойным в дело изображения реальной, без прикрас, жизни страны рубежа веков… — продолжал вещать оперный баритон, усиленный, конечно, специальной стереосистемой.

Григорьев вытерпел эту речь ровно пять минут и почувствовал тошноту. Но не только от словесного сиропа. Голова заболела — видимо, отвык воспринимать так много устной речи сразу. Слишком долго жил один и общался с миром только через «провод».

В этом он не очень отличался от молодежи. Те тоже символами и пиктограммами общались едва ли не больше, чем словами, и из своей комнаты иногда днями не выходили.

Но привычки коммуникации отличались. Старики, дети далеких 90-х и еще более далеких 80-х, «миллениалы», как их еще называли — отправляли сообщения, только когда собеседник был далеко. Будто у них по-прежнему был в руках мобильный или, прости господи, пейджер. Те же, кто родился уже в новом тысячелетии — часто обменивались «эсэмками»[iii], даже если адресат был в другом конце большой комнаты. Составить ее за несколько секунд из занесенных в шаблон быстрого доступа ста-двухсот основных понятий, эмотиков и пиктограмм им было проще, чем подойти.

Возможно, когда-нибудь устный язык станет лишь языком церемониальным и личным, интимным. А для остального будут сообщения. Хотя, как подозревал Григорьев, современные влюбленные могли пользоваться «эсэмками» даже на дистанции ноль сантиметров и меньше.

Еще ему казалось забавным созвучие — старики вроде него помнили старые SMS. Хотя эсэмки произошли не от них, а от сетевых мессенджеров. Просто провайдером этой услуги выступало Международное агентство по коммуникациям, и они были бесплатны. И доступны, как и Сеть, на каждом квадратном метре земной поверхности. И в большинстве подземных сооружений, включая популярные у туристов пещеры. Но, в отличие от Сети, где существовала символическая абонентская плата, услуга «быстрой связи» была бесплатной. А в некоторых странах даже обязательной (якобы для возможности вызова экстренных служб, если человек попадет в беду). Хотя сектанты постоянно судились с правительствами и не хотели подключаться. Формат не менялся последние двадцать, а может и тридцать лет. За это время частные протоколы связи скакнули настолько далеко, что уже далеко превышали человеческие потребности. Дальнейшее расширение ширины канала почти всем казалось бесполезной игрой в бирюльки. Как и рост производительности вычислителей. А эсэмки были удобны и привычны, хотя кто-то видел в этом наступление на права и приватность.

Пока существовали только «перчатки» первых моделей, скорость обмена информацией была не выше, чем у устной коммуникации, а даже ниже. И не каждый хотел шокировать ретроградов, подняв посреди улицы руку и начав шевелить пальцами. Но технология совершенствовалась, и «наглазники» — окулярные сенсоры — позволили не только видеть Д-реальность, но и взаимодействовать с ней и с Сетью через улавливание движения глазного яблока.

Хотя далеко не все еще этим пользовались. Сам он никак не мог привыкнуть.

В начале века подобные приборы для распознавания движения глаза использовались для коммуникации инвалидов. Но никто не думал, что эти приборы годятся и для другого. И что тренированный глаз может быть способен на такие же точные движения, как палец — на выхватывание из пространства объектов: букв, цифр и эмотиконов, на кликанье по гиперссылкам, пролистывание списков, рисование.

Потом ту же сетку — для косметических целей — стали наносить непосредственно на сетчатку, ведь не всем хотелось быть «очкариками».

Была сетка прошита и у него. Но он через нее только смотрел, а взаимодействовать с Д-реальностью предпочитал по старинке. Для тех, кто был более консервативен, существовал апгрейд «перчаток» под названием «кастет» (он был чем-то похож

на последний по форме, но умещался в руке незаметно). Там тоже применялся датчик изгиба пальцев, но не требовалось делать «печатающие» движения, так как улавливались малейшие колебания.

И мир изменился. Улицы стали чуть тише, а информация начала передаваться от человека к человеку с большей скоростью и меньшими потерями. Городской шум уже не мешал обратиться напрямую к собеседнику на другой стороне проспекта. И стена дома не мешала. При этом разговор можно было сделать приватным или видимым только для тех, кто нужен.

Вот таким был мир, где он, Виктор Семенович Григорьев, автор множества игровых сюжетов, двухсот рассказов и трех романов, доживал свою долгую, хотя и не очень простую жизнь.

Пафос достиг крещендо, когда зачитали письмо от премьера. Вернее, зачитала голограмма оного, которая материализовалась на свободной от людей площадке, откуда торжественно взирала на собравшихся. Странно. Что помешало Толстяку приехать лично? Какой-то форс-мажор? Экстренное совещание?

«Надо узнать у сына, что там творится», — подумал Григорьев.

— *…пронеся через годы светоч веры в свободу, прогресс и гуманизм…*

Тьфу. Виктор Семенович чуть не сплюнул. Уж он-то имел честь знать этого светоча лично, и мог бы многое порассказать. Хотя не стал бы этого делать. Плохим человеком покойный не был. Так… средней паршивости. Вокруг было полно людей куда гаже и бесталаннее, которые когда надо были демократами, когда надо — патриотами, и неизменно получали свой кусок, а при смене вектора всегда успевали, расталкивая идейных, пробиться первыми к кормушке. А покойный порой позволял себе высказывать и свои настоящие взгляды, даже ничего за это не получая. Все это так. Но Григорьев в силу своей профессии не любил, когда переигрывают. Поэтому ему не нравилось, когда из его сценариев делали фильмы с живыми актерами. Режиссеры и исполнители главных ролей выворачивали наизнанку любую его идею, поэтому он часто требовал убрать из титров свое имя. Цифровая анимация в вирках была честнее и выражала его мысли точнее.

Ну, кто в середине двадцать первого века придумал говорить языком Державина? Он скорее удавился бы, чем пропустил такое в свои творения. Разве что в пародии.

Скриптору вдруг стало не по себе. В этом месте пахло смертью. Нет, легкий ветерок приносил только запахи соснового

леса, но на уровне образов Григорьев чувствовал смерть. Она пряталась за надгробиями, шумела в ветвях высаженных двадцать лет назад голубых елей. Таилась под землей.

Скорее сесть в арендованный «Форд-Фотон» и прочь отсюда, развалившись на заднем сиденье. Даже если бы было разрешено водить чужую машину самому, в таком состоянии он скорее доверился бы автопилоту, чем сел за руль. Если повезет, и не будет этих непонятно откуда взявшихся пробок, то через час он дома… а там выпить свои таблетки, рухнуть в кресло и *подключиться*.

И снова стать молодым, с мечом или автоматом в руке. На коне или в танке. И если уж умирать, то снова возрождаться. Сильным и вечным. Тошнит от смерти. Тошнит от тех, кто ее превозносит.

А ведь сын — единственный близкий человек, предмет гордости, продолжатель всех его дел… тоже предатель. Иначе не стал бы говорить ему: «Смирись, папа». Смирись, значит. Значит, отправляет его туда, вниз. К этим, которые там лежат.

Его психика, раньше прочная как гранит, дала трещину лет пятнадцать назад. Он вспомнил, как рыдал, увидев на аллее седую собаку, тоже со слезящимися глазами, еле волочившую лапы. Бродячую — но чистую и с биркой на ухе. Чипованную и с подавленным центром агрессии в мозгу («когда они с людьми начнут такое делать?»). Ретровирусные геномные вставки для снижения рождаемости и автоматическая система контроля над численностью многим людям бы не повредили.

И никакие награды, никакие денежные переводы на его личный чип, который он с удовольствием вживил себе под кожу на запястье давно — хотя и многие молодые побаивались этого до сих пор — ничего не изменят.

Он понял тогда, что эта псина — предзнаменование его и их общей судьбы. Так и оказалось. А ведь тогда еще была жива Ольга, и его самого врачи еще не «обрадовали» длинным диагнозом на латыни.

Когда-то он думал, что завещает развеять свой прах над морем. Как пошло и банально. Потом хотел потребовать (за подписью нотариуса и его личной!), чтобы урну с ним обязательно поставили в доме наследника на полку над камином. Ему это казалось забавным способом троллинга потомков (которые всегда сразу объявляются, даже если десять лет не заглядывали). Пусть думает сын, куда поставить этот неуклюжий сосуд, стирает с него пыль и боится разбить.

Потом задумался об обычном месте в районном колумбарии. И, наконец, решил, что надо завещать распылить свой прах с

вертолета над самым грязным промышленным городом мира. Он посчитал, что это будет где-нибудь в Мексике или в Китае, но город этот оказался на Урале — Магнитогорск. Не так далеко от Челябинска, где он родился. — Челябинск когда-то тоже был очень грязен, но сейчас, когда часть производства вынесена за 50-й километр, стал относительно чистым городом учреждений и фирм.

В этом возвращении праха имелся свой смысл. Жизнь совершила полный круг.

Но сегодня он связался с той клиникой и в очередной, последний раз изменил свою волю. Правда, сын об этом еще не знал. Наверное.

Кто-то из приятелей, годящийся по возрасту в сыновья, узнав о его проблеме… точнее, беде, посоветовал обратиться к богу. Другой предложил искать спасение в древних мистических практиках. Третий прислал длинный список книг психологов и философов. Но все они учили одному: смирись с неизбежным. Не ты первый. И другие, получше тебя, уходили. Но Григорьев не хотел относиться к своей смерти философски. И плевать ему было на дохлых мудрецов и мифы народов мира. Он не хотел принятия и смирения. Он хотел победить.

«Боишься смерти?» — спросил его как-то Золотников. На нем была пестрая рубашка, расписанная тропическими растениями, какие-то дурацкие шорты и шлепанцы.

Он был тогда еще жив. Это важное уточнение — потому что пообщаться с ним можно и теперь. Вернее, с его двойником. Ни жена, ни другие родственники не возразили, а значит, фирма была в своем праве.

Уже лет десять как стало возможно поговорить с виртуальными двойниками известных людей — от Плутарха до недавно почившей от наркотиков порнозвезды. И Михаил попал в этот список — по совокупности полученного на протяжении жизни «социального капитала» в Сети. Бесплатно. Тем, кто капитал не собрал — деньги на виртуализацию могли собрать методом крауд-*фандинга*. Это было ноу-хау одной глобальной IT-компании, крупнейшего провайдера. Проект «Память», куда человек мог загрузить свои воспоминания накануне смерти. Злопыхатели его еще называли «Проект «Некросеть». Дело в том, что, просто имея аккаунт в Сети, человек все равно оставлял свой «слепок» после ухода в Вечность. При регистрации человек давал согласие и на такое использование личных данных — до особого возражения.

Григорьев загрузил туда о себе все, что можно. Хотя и

понимал, что это суррогат, а не его личность. Но даже таким крючком он пытался зацепиться за бытие.

Хотя сам чурался общения с чужими призраками в сети. Его еще в молодости пугал телефонный робот «Сири» своими вполне осмысленными ответами на многие вопросы.

Да и не был этот человек ему таким уж близким другом.

Это было два года назад, на праздновании по случаю вручения Каннского льва ретро-фильму «Россия будет свободной», где от одного из них был сценарий, а от другого режиссура. Это был неплохой эпик, с масштабными сценами на площадях, со шпионской интригой и любовной линией… хотя фильмы второго поколения — с эффектом присутствия — уже тогда начинали проигрывать новому увлечению — картинам третьего поколения, с эффектом участия. Виртуальным интерактивным играм. *Виркам*, стершим границу между игрой и кино.

Молодежь хотела не только видеть, осязать и нюхать, но и влиять на ход сюжета. Они не понимали, что были сюжеты, на которые влиять не надо. Чапай должен утонуть, Христа должны распять, а «немытая» Россия… должна стать сначала кровью умытой, потом просто раздраконенной… старое, но меткое, выражение. А потом уже свободной. Для тех, кто доживет. Ну а потом, конечно, должно наступить примирение овец с волками. Что касается идейного наполнения этого фестивального кино… для него это была просто работа. Втайне он посмеивался над теми, кто принимал эту постиронию за чистую монету.

Тогда компания из девяти человек арендовала охотничий домик (на самом деле шикарное поместье, в котором одной робоприслуги было девяносто единиц и еще пять живых лакеев с ливреями). В одном из немногих уголков, где можно было легально стрелять дичь, живую, хоть и выведенную не без помощи биотехнологий, на самой грани разрешенного.

Хотя они гораздо больше выпивали, чем ходили по тропинкам с электромагнитными ружьями (летальными для птиц, но неспособными пробить череп человека), убивая заботливо откормленных уток-«зомби», которым привили модель поведения, смертельную для них, но облегчающую охоту даже для дилетантов. Григорьеву не нравилось убивать. Даже таких существ, которые обладали нервной системой не сложнее, чем у насекомых.

— Итак, ты боишься, — повторил уже в утвердительном тоне режиссер, усмехаясь и продолжая обгрызать утиное крыло.

— Не боюсь. Давно ничего не боюсь. Тут другое чувство. Веками вся культура нам внушала, что смерть — это круто. А я

думаю, что это… недостойно. Мы не черви. Это обидно. Мы мыслим. Мы можем развиваться и познавать вселенную. А должны умирать так же, как мухи и бабочки — именно тогда, когда накапливаем опыт и знания для жизни.

— В тебе говорит гордыня, — усмехнулся Золотников и выпил стакан водки. Настоящей, не безалкогольной. — Чем ты лучше Эйнштейна или Эйзенштейна?

— Ничем. Я даже не лучше какого-нибудь стоматолога Зильберштейна из Одессы, почившего двадцать лет назад. Но у них шансов даже в теории не было. А у нас — были. Нам совсем немножко не повезло. С криворукостью ученых, тупостью толпы и активностью мракобесов! С войнами двадцатых годов, которые отбросили прогресс на пару десятков лет назад! Из-за этого потеряно драгоценное время. Мы как тот самолет, не дотянувший одного километра до аэродрома… мы, наше долбаное тупое поколение.

— А вот я отношусь спокойно, — возразил Золотников. — И просто стараюсь взять от жизни все. Ну, ты понял, — он скосил глаза на свою жену. Четвертую по счету. А ведь у него еще и любовницы были.

Раньше Григорьев завидовал, а потом стал считать, что это бессмысленная трата денег и энергии.

— Вечность мне не нужна. После такой интересной жизни надо и честь знать, Витёк.

— Это все сказки из серии "зелен виноград". А тебе не обидно, Миша? Наши олухи-потомки получат бессмертие, а мы — нет. Нам остается только тешить себя тем, что мы совершили моральный подвиг, и что на наших костях — на костях лучших из нас — будет стоять, блин, храм их галактической цивилизации. Но мы его не увидим! Да вертел я его на…

— Поручик Ржевский, молчать. Здесь дама. А смерть… превращает жизнь в судьбу.

— Смерть превращает жизнь в ничто, дурья твоя башка. И все наши достижения. Все наши суициды — хоть подростка, хоть дряхлого старика — связаны только с тем, что мы знаем о нашей конечности… да не о ноге или руке, блин! — он говорил громко, почти кричал, и увидел, что Лилия — создание двадцати одного года, смотрит на него широко открытыми глазами. В глазах был страх, как будто на свадебный пир принесли гроб.

Он засек ее обмен сообщениями с мужем, который она даже не догадалась скрыть.

«Он вообще нормален, а?» — «Успокойся, солнце. Просто мой друг немного перебрал».

На самом деле он был трезв.

— Знаем о нашем финале! — продолжал Григорьев. — И он на нас давит. Часики тикают. Это заставляет нас принимать глупые решения… в карьере, личной жизни, расстановке приоритетов. Мы совершаем тысячи ошибок именно из-за того, что торопимся. Ну, кто прыгнет с крыши из-за безответной любви к какой-то милой дурочке или обидного слова, если будет знать, что впереди тысячи и тысячи лет жизни?! За которые можно все исправить — и любовь свою заполучить, и обидчику морду набить. Все что угодно заиметь! А у нас…Einmal ist keinmal, как говорили немцы. Если живешь один раз… жалкие 80–90 лет, то все равно что не живешь вообще… и любая ошибка фатальна. А немощь старости? Ты бывал в хосписах? А про эвтаназию знаешь? Люди убивают себя, просто чтобы избавиться от боли. И это в середине 21-го века! Так же, как убивали себя во времена Архимеда и Нерона, Вольтера и Пушкина! Я много знал таких. И поступлю так же, если окажусь на их месте.

Он не помнил, что ответил ему Золотников. Наверное, какую-то банальность. Важнее было то, что тот сделал. Просто налил себе еще водки, в один укус проглотил канапе с черной икрой и оторвал от тушки фаршированной утки (убитой им утром) еще одно крыло. Он любил разыграть из себя ретрограда. Мол, раньше еда была вкусной и натуральной, а теперь синтетика. Хотя на самом деле просто в молодости вкусовые анализаторы у всех работают лучше. И многое другое. А восприятие еще не так пресыщено ощущениями.

А потом, откусив еще, режиссер привлек к себе стоявшую рядом молодую жену, облапав ее чуть сильнее, чем можно на публике. При этом даже руку от жира забыл вытереть салфеткой. Но она — будучи замужем за его деньгами — ничуть не возмутилась. Видимо, знала, что терпеть осталось недолго.

И все же Григорьев видел, что на лице товарища на секунду промелькнуло выражение испуга. Видимо, тот подумал про пир во время чумы. Вечный образ искусства, к которому сам не раз обращался. Видимо, он что-то предчувствовал. И предвиденье его не обмануло. Зато умер легко, как говорили. В своей постели. Его даже не успели подключить к аппаратуре, которая могла бы дать ему еще год-два растительного существования. Видимо, жена решила на это не тратиться.

Григорьев черного юмора ради попытался прочитать айдент покойного. И увидел только длинный список его заслуг в траурной рамке. Конечно, маркер был закреплен не на трупе, а на крышке гроба.

«Это он сейчас лежит с чинным видом, — подумал пожилой

скриптор. — Мастер культуры, блин. Сеятель. А я бы рассказал, чего именно он сеял. И что принимал. Я ведь еле сбежал тогда, когда они меня через месяц после охоты пригласили вроде бы в приличное заведение. Отнюдь не только утиной охотой развлекался маститый режиссер. Хватило ума проверить идентификаторы и понять, что это за место. Думаю, что и богу — или кому там ее отдают? — он душу отдал похожим образом. Может, и в постели, но не факт, что в своей. Впрочем, это его право».

Знакомый зеленый айдент загорелся где-то далеко за оградой кладбища. Миражи были полупрозрачны в эту сторону, и можно было разглядеть ассиметричные высотные дома (стоявшие не здесь, в Хамовниках, а много дальше к югу) и высокую эстакаду МЦ — «Московская Центральная», которая соединялась с такой же надземной частью 3-ей Кольцевой.

Еще девять лет назад МЦ была выделена для транспорта, оставив поверхность для пешеходов. Именно по ней мчался огонек. Мчался быстро. И другие участники движения — точнее их автопилоты — уступали ему дорогу.

Если в чем-то и сохранялись крохотные различия между странами-членами Содружества, так это в том, что в Российском Государстве лимузину с электронными номерами Мирового Совета уступали дорогу все, кроме полиции и спасателей. Хотя иногда даже они уступали. Тут были сильны традиции, хоть и пошатнувшиеся в последние десятилетия. Но власть все еще значила больше, чем в Европе.

Зеленый цвет. «Семья». Единственный человек имел такой идентификатор. И он сам, Виктор Семенович, точнее его айдент — для этого гостя тоже светился зеленым. Хотя отношения между ними далеко не всегда были гладкими и «цветущими».

Прохор. Когда-то их, стоящих рядом, было трудно принять за тех, кем они являлись — за отца и сына. Скорее можно было принять за альтернативную пару, что тут, в Российском Государстве, все еще немного осуждалось. Все дело в том, что они смотрелись почти на один возраст — и в пятьдесят и семьдесят, и в шестьдесят и восемьдесят. Оба рано облысевшие и поседевшие, с виду не пышущие здоровьем и худые, словно высохшие деревья.

Но потом сын развелся со своей второй женой и прошел два сеанса омоложения. Теперь он выглядел на сорок пять и был похож на голливудскую звезду, хотя и говорил, что процедура дает только внешний эффект и «возможность умереть молодым» — поскольку вернуть приемлемый вид коже и тонус мышцам проще, чем целостность внутренним органам. И целиком ударился в карьеру. Трое его детей от прежних браков выучились

в Париже и Лондоне и остались где-то в Западном полушарии. Своим потомством они обзаводиться не спешили. Кстати, особой эмоциональной привязанности к выросшим внукам Григорьев-старший не чувствовал. Да, впрочем, он мало к кому ее теперь ощущал. Что-то внутри него горело всю жизнь, но теперь выгорело почти до золы, и он все больше понимал тибетских монахов.

Ему в чем-то даже нравился прагматичный подход сына.

«Не хочешь в хоспис, отец? — «папой» он почти не называл его лет с десяти. — Тогда давай в Дом Счастливой Смерти в Амстердаме. Там есть такая услуга, что сразу после щадящего прекращения жизнедеятельности мозг будет изъят и помещен в крио-сосуд. А я все оплачу».

Он тогда думал, что Прохор шутит. Нет, тот оставался предельно серьезен. Чувство юмора ему вообще было мало свойственно.

Виктор Семенович вспомнил случай, когда тот был подростком. Как-то раз, проходя мимо комнаты сына, он вдруг услышал его непривычно серьезный голос: «К нам домой кто-то залез, и я его убил».

Не удивился ничему. Ни тому, что кто-то смог залезть в их квартиру на пятом этаже охраняемого кондоминиума. Ни тому, что тщедушный сын смог с ним справиться и даже убить. А уже лихорадочно соображал, что делать с трупом. Но оказалось, тот просто играл в "Lifecraft".

С тех пор сын почти не изменился. Стал только еще суше и циничнее. Да и сам Григорьев рано перестал называть его «Проша», когда понял, что это ему неприятно. Старорусское имя — для года, когда сын родился, было довольно оригинальным. Это уже после десятых годов Россию заполнили маленькие Святозары, Мелании, Ярославны, Ярополки, Мстиславы, Элессары… ой, нет — последнее – эльфийское имя. Хотя когда-то мальчик с таким посещал один с Прошей садик. Более популярным, чем старорусские, было разве что имя Владимир, да еще с тридцатых годов — Евгений / Евгения. После популяризации практической евгеники и тестов на совместимость.

«Ты же говорил, что не приедешь?» — послал старик сообщение прямо в автомобиль. Но тот проигнорировал, а голосовой канал связи даже не открыл. Это было в его духе.

Хотя Григорьев-старший и так знал, почему тот пожаловал. Видимо, как-то пронюхал про изменение завещания. Конечно, эти данные приватны и защищены законом, но для того, кто сам — закон, здесь в Российском Государстве — барьеров и засовов не

было.

Лимузин, изготовленный в Баварии, с эмблемой в виде Земного шара, окруженного венком лавровых листьев, остановился прямо у ворот кладбища, перегородив подъездную дорогу. Служитель в синей униформе — судя по акценту китаец-хань, но не из потомков старых иммигрантов, а из новых экспатов — даже не попытался высунуться из своей будки. Идентификатор и герб он не мог не увидеть, а конфликтовать с властью даже легальный мигрант не стал бы. Кладбищенский сторож — невелика птица, хоть и зовется «менеджер по безопасности». На всех других погостах давно стояли автоматы, как на парковках машин и коптеров.

Впрочем, когда худая жилистая фигура в черном выскочила из открывшейся вверх дверцы бронированного автомобиля, машина сама не спеша заняла свободное место на парковке. Заодно подключившись к солнечному зарядному.

Виктор Семенович увидел, что Прохор уже спешит к нему, короткими кивками отстраняя пытавшихся заговорить с ним людей в таких же строгих костюмах и при галстуках — несомненно, узнавших высокого гостя. Судя по айдентам, это были чиновники из мэрии.

Видимо он что-то им послал такое невербальное, что они сразу отстали.

— Привет, папа, — сказал сын вслух и взял отца под руку.

«Отойдем», — пришло “short message” с требовательным эмотиконом.

Его хватка была такой цепкой, что Григорьев-старший невольно испугался. Но пошел за сыном. Для посторонних глаз все смотрелось так, будто они совершают чинную прогулку. На самом деле Прохор чуть ли не тащил его.

«Отец, какого черта?!» — пришло второе сообщение с кучей гневных эмотиконов в конце. Наверняка, по трижды защищенному каналу. И, учитывая малое расстояние, взломать его было невозможно. Но чего сын боялся? Его лицо, которым он всегда умел управлять, выражало страх, гнев и растерянность. Не лучшие эмоции для политика.

Он довольно рано увидел в сыне задатки лидера и знал, что рано или поздно тот их реализует. А еще понял, что тот обладает более сильной волей, чем он сам. И что на дворе не то время, когда старший в роду всегда главный.

Впрочем, Григорьев-старший не завидовал. И еще он знал, что такие задатки всегда соседствуют с хорошей порцией цинизма и жестокости.

Тем временем они достигли безлюдной аллеи на краю

кладбища, где были только старые и не такие престижные захоронения. Убирался тут, похоже, робот-дворник, потому что на участках с могилами оставались полосы опавших листьев в углах оградок, куда не пролезали его валики.

— Отец. Зачем ты меня позоришь? — тяжело вздохнув, начал говорить сынок. — За каким лешим ты связался с этой клиникой? Ты же не нищеброд из гетто, который продает свои внутренности, чтобы купить синтетической наркоты. Если об этом узнают, будет скандал, и это отразится на моем рейтинге! Ты мог бы пройти легальные процедуры в Швейцарии. Как я. Но вместо этого ты сунулся к мошенникам, которые работают в Зоне Отчуждения. На Японских островах.

— Там нет радиации. Там воздух чище, чем здесь.

— Я знаю. Но эти находятся на ничейной земле, которая выведена из международной юрисдикции! Я уже навел справки. Не знаю, кто выдал им разрешение, но я этим займусь. Как думаешь, почему именно там? А потому, что нет гарантии, что после процедур пациент останется жив. А ты им еще и все свои деньги перевел!

— Не все, — потирая руку, ответил Григорьев-старший. — Только несколько миллионов. И не перевел, а положил на отдельный счет. А ваши легальные… полумеры мне уже не помогут, и ты это знаешь. Бесполезно красить фасад, когда рушатся несущие стены. Мне нужен капремонт. А эти… мясники из клиники попробуют его сделать. Да, они не дают гарантии. Но дают хотя бы шанс. Они там занимаются вещами, которые в цивилизованном мире пока еще запрещены. Но без этих процедур я умру максимум через три месяца.

— Отец… давай лучше заморозим тебе мозг. Это и дешевле, и надежнее.

— Ну, ты и умник. Не верю я крионистам. Испортят, как те бифштексы из супермаркета, которые вчера доставил мне дрон. Я уже написал жалобу, кстати, и сослался на тебя. Сказал, что комиссия посетит их завтра.

— А этим значит, веришь? — не отвлекаясь на «заговаривание зубов», продолжал сын.

— Мне дали рекомендации несколько человек с Дальнего Востока. Все это люди, которые помнят еще Ельцина.

— Если они прожили пять лишних лет, это не значит, что и ты проживешь.

— Dumspiro, spero… Пока живу, надеюсь, — развел руками скриптор. — Что творится в городе, ты мне объяснишь? И почему премьер не приехал? Это все из-за референдума и вотума?

— А будто ты не знаешь… — поморщился сын. — Сеть гудит

с самого утра. Видимо, твой фильтр не пропускает новости о политике?

— Да.

— Может, и правильно. Обычные люди и не должны лезть в эти дела, mein Vater. Но так уж и быть, я расскажу. Началось в Мексике… Хотя это был только повод. Заваривалась каша давно. В пятницу там провели успешную полицейскую операцию. Против радикалов. Ну, слегка перестарались. Шестьдесят шесть погибших… ну да, дети и женщины в том числе. Странно, первый раз что ли? Но в этот раз начался пожар. «Кровавая пятница», невинные жертвы. Это стало вирусным. Правительство ввело желтый уровень опасности. Мэрия и управление полиции переведены на экстренный режим службы. Служба безопасности… впрочем, не забивай голову, пожалуйста! Давно такого не было. Если бы я знал, что будут такие пробки, взял бы коптер. Но мне посоветовали из соображений безопасности этого не делать.

— Вот так дела, — Григорьев-старший присвистнул, но не поверил до конца в реальность угрозы, уж очень это было похоже на фильм про шпионов, — Но вернемся к нашим баранам. Финансовым. Прости, сынок. Но легких денег тебе никто не обещал. Тем более, ты не нищий. Знаю, вы с женой и детишками уже поделили мое наследство. Но я обещал… себе, что увижу космос. Хотя бы орбиту. Но лучше Луну или Марс. Может, я трус и эгоист. Но обидно умирать в шаге от рая.

— Мир не рай и не курорт… даже если в нем много бездельников, которые хотят ходить голышом и не работать, как Адам и Ева, — Прохор дополнил свои слова саркастическим эмотиконом. — В нем много людей, которые хотят перемен, но не знают их цену. Которые хотят больше, чем заслужили.

— И ты один из них, да?

Григорьев знал, как вывести сына из равновесия. А это было нужно, чтобы вытянуть из него побольше. Он хотел хоть немного понять, что же происходит. И его бесхитростный прием сработал.

— Нет же! Я… как и весь Мировой совет… и Четырехсторонняя комиссия… и Корпус мира — хотим сохранить порядок и статус-кво. Даже если он кому-то не нравится. Ты думаешь, война в наше время невозможна? Да она может начаться хоть завтра. Люди забыли запах сгоревшей человеческой плоти! Отвыкли от звука пролетающего над домом бомбардировщика. Который их мирно бомбит, а не выполняет фигуры пилотажа. Они думают, это игра. Но это игра ценой в жизнь. Миллионы могут погибнуть. Цивилизация может рухнуть от действий кучки недоумков!

— Как в двадцатом веке? — спросил он Прохора.

— Хуже, чем в двадцатом веке. Тогда апокалипсис могли устроить только два, максимум три-четыре государства. А сейчас любой биохакер или наномейкер при наличии… везения может его устроить у себя в гараже. А еще есть несколько миллиардов неудачников, бездарей и лодырей, которые остались не у дел из-за роботизации. И среди них цветут самые безумные идеи — от Троцкого и Мао до бен Ладена и Гитлера. И есть их пастыри. Такие же ненормальные, но обладающие даром убеждения. Это целая армия долбаных фанатиков. И ее надо сдерживать. Я занимаю важный пост. Мне очень нужно спокойно работать на благо человечества. И ты… не должен мне мешать!

— Nothing personal, son. Но я не могу понять, с какой стати я обязан дарить тебе мое состояние. Я могу его хоть в казино просадить. Но я поеду лечиться. Не просрите планету без меня.

С этими словами он вернул сыну издевательский смайлик обратно. И увидел, как лицо того побагровело, а шея вздулась так, что казалось, еще немного, и архаичный галстук лопнет.

— Отзови свою заявку. Еще можно отменить соглашение с клиникой. А твое завещание я оспорю. Надо же… «в случае неудачи опыта передать все оставшиеся деньги в случайно выбранный благотворительный фонд». Неслыханно!

Они уже стояли у самого «миража» зеленой стены из раскидистых дубов, за которыми можно было разглядеть улицу. Вблизи видно было, что дубы ненастоящие. Их ветви не качались от ветра. А если перелезть через заборчик, можно было увидеть замаскированные в траве проецирующие изображение фемтосекундные лазеры — небольшие круглые линзы.

Григорьев приложил руку к коре старого дуба и почувствовал, что она почти настоящая. Правда, если надавить на нее, рука пройдет насквозь. Установка рисовала трехмерные изображения, каждая точка которых, воксель, испускала свет. Лазерный луч создавал плазму путем ионизации воздуха. Когда человек трогал воксели, он ощущал нечто вроде прикосновения к поверхности наждачной бумаги. Такими же были голограммы исторических зданий — "миражи" Кремля, Собора Парижской Богоматери, Тауэра или Эйфелевой Башни, которые можно было найти в совершенно неожиданных местах — от парков развлечений до частных поместий. Но можно было создать и настоящую «огненную стену» из плазмы высокой температуры. Дорого, но можно. Случаи были. Незадачливые воришки… или просто экстремалы-нарушители поджаривались, как куры-гриль, пытаясь залезть на чужую дачу. А владельцы недвижимости отделывались штрафом, если была предупреждающая табличка. Собственность священна.

Мысли о новых технологиях, несущих в мир свет, позволили немного остыть и успокоиться, они помогли ему, как всегда.

Но в этот момент Прохор зашел с козырной карты, как он сам думал:

— Тебе не стыдно? Видела бы тебя мама.

Людей вокруг не было, поэтому они говорили громко.

Пока Прохор ждал его реакции, он достал электронную сигарету и демонстративно выпустил кольцо дыма.

— Сынок… Ты же знаешь, я ее очень уважал. Но сейчас для меня важнее другое. Мне уже девятый десяток. А значит, я могу быть честным хотя бы с собой. Так вот… Меня достало быть паинькой. Достало жить для других. Мои сюжеты… учили добру и человечности? Да в гробу я видал и то, и другое! Всю свою жизнь я хотел свободы. И хочу в кои-то веки пожить для себя. Оторваться по полной.

— Это говоришь не ты, а старик Альцгеймер в твоей голове. Или те таблетки, от которых твой мозг превратился в кисель, папа. Там уже и замораживать нечего.

— Не дерзи мне. А то костылем пере… шибу. Нет, сынок. Это говорит прозрение. Я понял, что не хочу умирать. Я хочу жить вечно. Я хочу быть бессмертным, мать твою! — Виктор Семенович вдруг стукнул высохшей костлявой рукой по фальшивому дубу и пробил его, как бумагу. — Я хочу увидеть иные звезды и экзопланеты. Знаешь, сколько их видов? Да что там, звезды! Я хочу побывать на вшивом Марсе! Который от нас всего в трехстах миллионах километров, но даже его пока так и не открыли для всех желающих… тех, кто не имеет специальной подготовки. И не под куполом и не в скафандре — а пройтись по его скалам в одной легкой куртке. Хочу летать без скафандра в космосе и погружаться на океанское дно без батискафа. Хочу жить полной жизнью и здесь, на Земле. Я хочу попробовать все блюда и напитки, которые не успел попробовать. Все, какие есть. Я хочу, чтоб у меня были и другие женщины, разные. Виртуальность хороша, но даже я вижу ее фальшь. А я хочу дожить до дня полной идентичности искусственных миров. Самому их строить. И развлекаться там. Принять участие в великих битвах, не проливая ни капли настоящей крови. Может, даже хочу напиваться там вусмерть, празднуя победу… и оставаться трезвым! Хочу создавать сферы Дайсона, увидеть прошлое и будущее. Я хочу жить… а не быть куском гниющей плоти! — скриптор перевел дух, глаза его горели.

Сын смотрел выжидательно. Такое терпение было для него нетипично. Но в глазах был виден скепсис.

— Поэтому я решил потратить свои сбережения, а также

деньги, которые получаю за показ моих творений доверчивым идиотам, на проект "Бессмертие", — закончил свой монолог Виктор Семенович. — Для меня лично. И я поддержу любой проект, который приблизит меня к этому. Я выбираю Массачусетский кошмар, а не Арзамасский ужас, если тебе понятны эти аллюзии. И никто не заставит меня передумать. Comprendo?

Почти минуту депутат просто переваривал сказанное, лицо его помрачнело.

— Мама была права насчет тебя. Ты чудовищный эгоист. И инфантил. Ну, зачем ты переписал это гребаное завещание? Ты обманул меня.

— Тебе ли говорить о надувательстве. Своих избирателей ты дурачишь уже десять лет. Но со мной этот номер не пройдет. Ты пытался сплавить меня якобы в дом престарелых, который на поверку оказался филиалом Санатория Счастливой Смерти. Куда часто записывались те, кто хочет уйти добровольно. Ты думал, разговоры с ними меня убедят? Это же ты провел ту поправку по разрешению пассивной эвтаназии. «Устроим семейный праздник, папа, а потом ты выпьешь таблетку?» Как в той шведской социальной рекламе, да? Черта с два! Я не хочу уходить никак! Как мой покойный коллега Вуди Аллен, я хочу бессмертия не через свои творения. Я просто не хочу умирать! И дело тут не в трусости. Я ни хрена не боюсь и могу хоть сейчас прыгнуть в ров с крокодилами, если будет хоть какой-то шанс выплыть. Дело в достоинстве и гордости, в звании человека.

— Я тебя предупредил, отец. Не заставляй меня писать жалобу куда следует… у меня есть рычаги… и тебя признают частично дееспособным. Со всеми вытекающими последствиями в виде ограничения свободы перемещения. Для твоего же блага.

— Не признают. А если ты это сделаешь, я обращусь в прессу… у меня тоже есть знакомые, и от твоей репутации ничего не останется. В худшем случае пострадает доброе имя нас обоих. Но поскольку у меня впереди, как ты уверен, скорая смерть — мне уже все равно. А тебя не выберут даже муниципальным советником по вопросам ассенизации и отлову бродячих кошек.

Ему показалось, сына сейчас хватит кондрашка от злости, настолько потемнело его лицо. Тот снова быстро успокоился. Но на трибуне он никогда себе и такого не позволял. Что-то серьезное должно было случиться, чтобы вывести его из равновесия.

Григорьев знал, что у Прохора стоит дорогущая система контроля за кровообращением, отдаленно похожая на те, которые раньше стояли на автомобилях с двигателем внутреннего

сгорания. Только контролировала она не впрыск и давление топлива, а работу сердца и сосудов. А еще у них обоих были наноботы примерно одной версии, поскольку они их вместе покупали. Те самые, от которых шарахались ретроградs: «Крохотные роботы внутри меня? Это грех и харам!».

— Ну, ты и ушлый тип, отец. Черт, ладно. Зря ты думаешь обо мне плохо. Я не настаивал. Это была просто забота о тебе. Я ведь не смерти тебе желаю, а хочу, чтобы твои последние дни не были омрачены страданиями. Не хочешь… воля твоя, — они присели на лавочку, которая появилась из пазов в земле при их приближении. — Вот так же и эти не понимают… Что для их же блага надо не валять дурака и не качать права, а слушать тех, кто умнее их в разы.

— Ты о ком? Кто не понимает? — удивленно посмотрел на сына Григорьев-старший.

— Альтерглобалисты. Также известные как «Союз Освобождения Земли».

— Кто все эти люди? Я немного отстал от мировой политики.

— Гугл в помощь, как говорится.

Виктор Семенович не успел додумать мысль, лишь дернув глазом, а «Ультрапедия» уже услужливо подсказала ему:

«Союз Освобождения Земли (FreeEarthUnion, также известный как Всемирный альянс альтерглобалистов) — коалиционное незарегистрированное политическое движение. Крупнейшие организации-члены: Фронт «За реформы!», «Авангард трудящихся имени Владимира Ильича Ленина», «Сыны Земли», а также более 2000 малых и средних партий и движений. Примерное количество активистов и участников — 150 000 000 человек…»

— Да ты с Луны свалился, отец? Вроде бы не бывал на ней. Ты что, в сети только анекдоты читаешь? Уже полгода идет кампания гражданского неповиновения. Участвуют почти сто пятьдесят территорий… так мы в Совете между собой зовем страны, более тысячи городов. Две сотни миллионов человек. Нет… уже три.

— Чего они хотят?

— Как всегда. Хлеба без ГМО, чистой воды, амнистии для политических преступников, допуск «изгоев» обратно в ООН, перевыборы Совета, разоружение Корпуса мира. Состав стандартный. Это социальные аутсайдеры. Неудачники, не нашедшие себя в жизни. В своих бедах они винят власть, корпорации, роботов… Хотя лучше бы подумали о своих кривых руках и закостеневших мозгах.

— А ты прямо психолог, — вряд ли сарказм в голосе отца ускользнул от внимания сына. — И что вы будете делать?

— Снимать штаны и бегать, ха-ха. Конечно, поставим их на место. Они не понимают, что демократия образца двадцатого, да и девятнадцатого века устарела. Она возникла, когда все люди приносили пользу. Кроме горсти маргиналов-попрошаек. Хотя и для тех были виселицы, тюрьмы и работные дома. Так вот. Эти времена прошли. Половина человечества ничего полезного не делает — или бездельничает, сидя на пособиях, или живет натуральным хозяйством, ничего для рынка не производя. А то и идет в криминал. Еще четверть скоро к ним присоединится по мере автоматизации. Они пока перебиваются случайными заработками. Пролетариат? А где он? Дармоеды. В Марксе теперь меньше реализма, чем у Маркеса, который Гарсия. Такой же фантазер и сказочник. Мы заменим рабочих роботами уже к концу века. Всех. А людям останется только власть, развлечение и творчество.

Григорьеву-старшему эта пропорция показалась сомнительной, но он сказал другое:

— А ты не думаешь… что и власть люди в итоге потеряют?

— Ты тоже боишься «восстания машин»? Не позорь меня, отец. Ты же не боишься восстания тостера? Компьютер делает только то, что заложил в него программист. Даже суперкомпьютер. У него нет своей воли, даже если есть интеллект.

Внезапно движение в небе привлекло внимание старика. Он направил туда взгляд и увидел быстро несущийся среди легких низких облаков объект. За ним не оставалось реактивного следа. У него не было видимых лопастей, только гладкие обводы, как у «летающей тарелки». Он летел беззвучно на высоте примерно в километр. Дрон-конвертоплан? Похож на проекты дисколетов нацистов. Или на санскритскую виману.

Явно полицейское воздушное судно, а то и боевое — нечто, что раньше над городами не летало. А еще с утра он видел в небе целых три полицейских дирижабля.

Внезапно много мелких деталей мозаики сложились в единую картину. И эта картина была крайне тревожной.

Григорьев вспомнил, что копы, которых он видел из окна машины на улицах по пути сюда, были вооружены боевым оружием — скорострельными штурмовыми рельсовыми винтовками вместо нелетальных импульсников, способных лишь обездвижить человека на два-четыре часа. На них было снаряжение для разгона манифестаций — пресловутый «костюм космонавта» с частичным усиленным экзоскелетом. А на двоих даже нечто, похожее на боевую броню аэромобильной пехоты, которую он видел в новостях.

Также в новостном сюжете он видел, как на Старом Арбате робот-погрузчик строил какие-то заграждения, оставляя для пешеходов только узкий, как бутылочное горлышко, проход. Григорьев подумал, что это к празднику… но не мог вспомнить никакого важного праздника в ближайший месяц. Да и слишком коряво строили, явно второпях.

В рассылке висела новость, что временно закрыто подземное метро — которое до сих пор давало почти треть всех пассажирских перевозок. А на Третьей Кольцевой он видел двигавшийся по отдельной полосе тяжелый военный (!) грузовик, который вез на открытой платформе какую-то технику, укрытую брезентом (!). И все это в столице! Григорьев еще подумал, что хотят провести парад-реконструкцию.

Как он мог настолько погрузиться в свои проблемы, что не замечал всего этого? Зря он так настроил свой фильтр. Хотя знал, что многие делали так же, и не впускали «большой мир» в свою частную жизнь.

Но, похоже, этот мир сам решил о себе напомнить. Как в прежние века.

И было нечто, что объединяло все эти события — гробовое молчание «оболочки», которая могла выдать любую информацию про окружающие дома, про соседние машины… но при взгляде на камуфлированный армейский тяжеловоз — выдавала: «*Извините, нет данных*».

Последний раз что-то подобное было три года назад, когда сектанты царебожники — называвшие себя партизанами из Бригады мучеников Небесного Царя — собирались взорвать небольшую грязную бомбу в «столице греха». Они имели в виду не правительственную Москву, где меры безопасности были такие, что даже мышь бы не проскочила, а «русский Лас-Вегас» — свободную экономическую зону в Сочи, куда доступ был значительно проще. Самое страшное было в том, что бомбу они действительно сделали.

Тогда все закончилось хорошо для городской агломерации, и плохо для идиотов-террористов. Они забрали весь пьедестал ежегодной премии Дарвина, потому что получили летальную дозу облучения еще при попытке провезти смертоносное самодельное изделие из купленных на черном рынке жидких отходов атомной промышленности в багажном отделении старого автомобиля «Фольксваген». С кузовом типа универсал и двигателем внутреннего сгорания вместо привычного электромотора. Корпус бомбы — заваренный водородной сваркой — потерял герметичность от тряски на горном участке дороги.

Последний из ячейки добил себя, сложив устройство в стенном шкафу на съемной конспиративной квартире в Адлере. Умирали они все долго и мучительно. Властям потом долго еще пришлось тратиться на обеззараживание целого района и отрезка федеральной трассы.

Позапрошлый раз «желтый уровень» объявлялся, когда джихадисты запустили баллистическую ракету по Ростову-на-Дону, а международная система ПРО сбила ее практически на старте. Даже «оранжевый уровень» тревоги в столице РГ не понадобился — только в нескольких городах Северо-Кавказского края.

Что же такое творилось теперь, если власть считала степень угрозы сопоставимой?

Подлетел торговый автомат на воздушной подушке. Поскольку этот был приписан к кладбищу, он был неброского серого цвета, не транслировал рекламу на своих поверхностях, а в его ассортименте не было алкоголя и чего-то легкомысленного вроде презервативов или порножурналов. Григорьев знал, что такие штуки умеют находить людей в безлюдной местности не хуже, чем собака-ищейка и впаривать им свой товар с настойчивостью восточного торговца. Одно время их хотели запретить, но, видимо, лобби компаний не позволило. Только ввели ограничения на громкость динамиков и места использования. Впрочем, в туристических городах и странах их было еще больше. Разве что в церквях и других культовых сооружениях их не было, хотя, наверно, это было бы забавно: купить не только молитвенный инвентарь, но и спасение души.

Воспользовавшись тем, что сын замолк и купил себе банку «Пепси-коки», Григорьев-старший открыл вкладку новостей. Сводки в виде бегущей строки побежали перед его глазами.

Первой новостью с пятьюдесятью миллионами лайков была довольно легкомысленная:

«Митинг противников киберсекса в Нью-Йорке собрал вместе феминист(ок) и прихожан Объединённой Экуменической Апостольской церкви. Главными лозунгами протестной акции были: «Ибо блудники Царства Божия не наследуют» и «Руки прочь от женщин-роботов, свиньи!».

Забавно. А вот следующая была далеко не смешной, а тревожной.

«Продолжаются попытки установить контакт с грузовым кораблем «Теодор Рузвельт», покинувшем расчетную траекторию маршрута Луна-Земля час назад…».

Григорьев читал про эту махину. И почему-то ему было неуютно оттого, что такие летали у него над головой, да еще и с

ядерным двигателем. Вот будет шуму, если она грохнется на Землю. Хоть и говорили, что на Землю их не сажают, а если сажают, то в малонаселенных районах.

Но зря он надеялся, что сын не увидит его занятия и воздержится от комментария. Канал был общедоступный, а сам Виктор Семенович забыл сделать приватным факт своего просмотра.

— Похоже, там все уже трупы, — сказал Прохор. — Видимо, отказ системы жизнеобеспечения. И груз гелия-3 улетит к зеленым братьям по разуму. Боже мой, какие расходы. Акционеры будут опять из окон прыгать. А я давно говорил, что люди в космосе не нужны. Автоматика и надежнее, и дешевле. Всё вы, старики, со своей романтикой…

«Продолжаются беспорядки в марсианском Маскбурге. Рабочие компании «Марс-Корп» заявляют о нарушениях менеджментом условий пожизненного контракта…»

— Ты гляди. Меньше тысячи человек завезли, а уже бузят. А что было бы, если бы их был миллион? Они бы, блин, независимости потребовали…

— Ну, до этого еще далеко, — вздохнул скриптор. — Терраформинг, даже если начать его сейчас, займет тысячи лет. Притом, что работающей технологии пока нет. Под колпаками жить желающих мало. Хотя я бы не против был.

— Ты бы там задохнулся через месяц со своими легкими.

«8 человек осуждены за скачивание и раздачу пиратских шаблонов для биопринтера. Как нам сообщили в Главном Управлении Интерпола по Северной Евразии, особой популярностью в Российском Государстве пользуются рецепты шашлыка и икры рыб лососевых пород».

— Это пока игрушки, — вздохнул Григорьев-старший. — Но когда-нибудь это будет массовым явлением, и каждый будет изготавливать все сам. И энергию получать сам.

— Никогда это не будет массовым, — фыркнул сын. — Это обвалит экономику и разрушит социальные связи. А государство вообще исчезнет.

— А разве это плохо?

Депутат не нашел, что на это ответить, и, скосив глаза, снова уставился в сеть.

Внезапно одна новость зажглась на общей странице новостей ярким светом. То же самое было на страницах отдельных новостных агентств типа «ИАРГ Новости» и “Reuters”, которые маячили где-то на заднем плане.

«Москва объявлена первым свободным городом!».

Судя по всему, сын увидел то же самое, поскольку дернулся

как укушенный.

— Что? — он подключился к какому-то закрытому каналу и от неожиданности заговорил вслух. — Соедините меня с префектом округа. Это депутат Мирового Совета, глава подкомитета по безопасности, Григорьев… Да что у вас там происходит?! Какой еще «свободный город»?! — сообразив, что незачем посвящать в важный разговор отца, он перешел в режим безголосовой связи и быстро забарабанил пальцами прямо по специальной контрастной панели на лавочке, куда было удобно спроецировать свою клавиатуру. Чаще всего так делали старые бабушки. Молодые обычно и печатать не умели. Но многие правительственные системы связи пользовались только печатным вводом, игнорируя пальцевый, окулярный, а тем более «нейро».

— Это революция? — догадался отец.

— Мне сейчас пришлют по закрытой линии полную информацию.

Старик был спокоен. Это был не первый цикл «заморозок — застой — оттепель — развал», который он видел в своей жизни.

— Я видел похожее. В девяносто первом году. На Руси за десять лет меняется все, а за сто — ничего, да?

— Какая еще Русь? — фыркнул сын, перестав набирать текст и убрав панель. Вид у него был злой и какой-то пришибленный. — Ты что, из реваншистов? Последователь Чаплина?

— Разве что Чарли. Я пастафарианец, жрец великого Макаронного Монстра.

— Без обид, но ты просто впавший в детство старикан. Если бы ты пошел по тому пути, который выбрал я… ты бы многого добился, отец. Но ты предпочел потратить жизнь на игры. Поэтому жизни ты не знаешь. Ну, какая Русь, Россия? Умные люди договорились о разделе сфер влияния и о совместной защите от самых опасных врагов… внутренних. А уже потом было Валютное соглашение в Цюрихе. После этого постепенно родился новый мировой порядок. Конечно, бульдоги под ковром дрались всегда, но мир де факто стал един. А эти декорации сохранялись для плебеев. Им греет душу идентичность, флаги, гимны, суверенные границы. Это отвлекает их от вредных мыслей о том, почему у них мало денег, много кредитов, плохая работа… Они же не думают, что заслужили это. Что те, у кого денег много, заработали их каторжным трудом, да еще и других тянут, создают рабочие места, платят миллиарды налогов, благотворительностью занимаются… и все ради них. Но сегодня эти паразиты восстали. Повсюду. И, похоже, скоординировано. Мир похож на муравейник, в который потыкали веткой.

Метрополия бунтует уже месяц. Не вся, конечно, а левачье и прочие лузеры. Началось с забастовок и голодовок, а сейчас строят баррикады, дерутся со спецназом и переворачивают машины. Северная Евразия только сейчас подключилась. Правда, начали сразу с того, что пошли ва-банк. «Свободный город». Их уже несколько миллионов. Правительство РГ они просто послали на хрен. А это можно трактовать как сепаратизм и нарушение не только государственных законов, но и устава ООН. И это хорошо. Пусть все смутьяны себя раскроют. Периферию утюжат уже три месяца. Особенно Южную Америку, где у альтерглобалистов настоящее гнездо. И Мексику.

— А почему об этом почти не слышно в сети?

— Слышно. Но мы делаем все, чтобы гасить информационные возгорания и не давать им перерасти в пожар. На формирование вкусов толпы тратится больше, чем на космос. И правильно. Обезьян не подпускают к атомным бомбам. А вы читайте дальше про порнозвезд и смотрите котиков.

— Ну ладно, я пойду, пожалуй. От политики меня клонит в сон, — скриптор изобразил зевок. — А вам всем хорошего настроения.

На самом деле ему просто хотелось побыстрее оказаться дома.

— Иди, папа, — сквозь зубы произнес депутат. — Пусть себе бесятся. Очень скоро это прекратится.

— Беспорядки прекратятся? — уже встав со скамейки, Григорьев задержался возле нее.

— Свободная болтовня о них. Хотят железной руки? Будет им железная рука. Ведь это то, что они любят. Уже начата глобальная ротация национальных сил безопасности. Через несколько дней тут будут морпехи из ЮАР и северного Китая, а наши отправятся поддерживать порядок в Западную Европу. И все будут заняты делом. Никакого братания и «перехода на строну народа». Кроме того, скоро будет принят билль о Новом порядке управления.

— А откуда ты знаешь, что его примут? Вроде бы парламент подразумевает голосование… ах да, тебе виднее. Дорогие мои, а вы не заигрались там в Пиночета?

— А ты… случайно не за Авангард? — подозрительно посмотрел на него сын.

— Нет. Я за реформистов, ты же знаешь.

— И те, и другие сволочи. А депутаты Совета и национальные делегаты… после заседаний — в барах и гостиницах Женевы — ведут себя совершенно одинаково и одинаково «зажигают», одинаково снимают шлюх… любого пола, да и неопределенного тоже. Но дело не в этом. А в их

бесполезности. Скоро все изменится. Миром будет править тот, кто этого заслуживает.

— Самые лучшие и достойные люди? — с сарказмом переспросил Виктор Семенович.

— О да. Я сторонник меритократии. А эти экстремисты… и реваншисты, и леваки… Будет им «свободный город». На Северном полюсе. Для тех, кто мутит воду в мегаполисах — будут блэкауты и отключение Сети, будет комендантский час и патрули, военное положение и бесполетная зона. До тех пор, пока не поумнеют.

— А мне нравятся эти чуваки. У меня когда-то футболка с Че Геварой была. Патриа о муэрте, все дела.

— Батя, — глаза депутата выражали презрение. — Ты забыл, как все было? Снова хочешь разделенный мир, суверенитеты национальных, мать их, государств? Войны? Блоки и коалиции? Миллиарды баксов военных бюджетов? Ядерные и биологические арсеналы? А на х… тебе это?

Он матерился редко, как и все современные горожане. И только по существу.

— Мы с кровью отказались от этого, — продолжал политик. — Меня в родном городе психи-чаплинцы убить пытались, а морду набить или тортом кинуть — без счета! И все ради чего?

— А я знаю ради чего, — ответил Григорьев-старший. — У меня в столике установлен акустический левитатор для доставки еды прямо в рот. Мне даже руку протягивать не приходится. Вот для этого и было нужно объединение Земли в единую страну.

— Опять ты хохмишь. Ну и что плохого в обществе потребления? По-твоему, лучше общество дефицита и голода? Никто же не заставляет тебя потреблять с кнутом в руке. Зато есть выбор, и столько полезных вещей вошли в нашу жизнь.

— Ага. Pee-mate для женщин — чтобы писать стоя, и хвост, который крепится втулкой в задницу для обоих полов. Это из старого, проверенного временем. Есть и более дикие вещи. А когда-то хотели реки вспять повернуть… и чтоб Марс зазеленел.

— Хохмишь? Как будто громе глупостей вы не получили кучу всего, чтоб жить в комфорте. А не как раньше, когда вместо туалетной бумаги газеты были… слава богу, я этого не застал. Да кому они нужны, эти твои мегапроекты, не приносящие отдачи? Применение в быту □ в этом и польза от технологии. Один «Али-Экспресс» сделал в сто раз больше, чем весь СССР со своим Минпромом и Госпланом.

— Как это не нужны? Космос не нужен? Терраформинг Марса не нужен? Чтоб воды в засушливых странах хватало — не нужно?

— Нужно. Все это будет. Только надо подождать. Рука рынка уже и до Марса дотянулась, и до Плутона дотянется, хоть тот и не планета уже. И воду получат… в первую очередь те, кто на нее заработал. Миру не нужен балласт и не нужны злобные дикари, шатающие его основы. Они — угроза и для таких как я, и для таких как ты.

Почему-то он вспомнил, как десятилетний Прохор с сосредоточенным лицом слушает биографии знаменитых ютуберов и блоггеров. И пересматривает сборник золотых челленджей "Мистера Микса", в одном из которых миллион шоколадок превращаются в большую шоколадную «какашку» (десятки миллионов просмотров и хороший заработок рекламодателей). И как радостно хохочет, глядя на новые олимпийские виды спорта — муравьиный шаг с зажатым между ног бананом и еще всякую дичь, от которой Григорьев-старший кривился.

Потом на экране были и конкурсы типа «сожри кусок дерьма за 500 глобо», «переспи с первым встречным за 1 тыс.», «убей кого-нибудь за 5 тыс.». Но, слава богу, все это делалось в виртуале, и Прохор не участвовал в этом сам, а смотрел за другими.

Участвовал он в других челленджах. Где надо было остаться последним уцелевшим, подставив, обманув и «убив» всех остальных. «Город засыпает, просыпается мафия». А еще он любил «*уся*» — китайское фэнтези про боевые искусства. Но драться толково так и не научился. И только став подростком начал «прокачивать» мозги, чтобы умом добиться того, чего не смог силой. Это ему удалось, хоть и не без труда. И он всегда казался скриптору скорее хитрым, чем умным.

— У тебя наверно дома Чубайс вместо иконы, да? — с издевкой спросил сына старик.

— Я уже забыл, когда был дома, отец. Живу в рабочих кабинетах и самолетах. Кто-то же должен делать грязную работу, чтобы вы могли… еду прямо в рот получать, как птенцы. И о свободе горланить. Должен на ком-то держаться небосвод.

— Да ты блин просто Атлант. Плечи-то не натерло? — поддел его Виктор Семенович.

Вдруг откуда-то со стороны старинных жилых домов на другом берегу широкой глади Москвы-реки донеслись звуки, похожие на стрельбу, и Григорьев-старший напрягся.

Небо раскрасилось красными, синими и белыми полосами.

— Хлопушки и фейерверки, — объяснил сын. — Ты погляди туда!

Он указал на втиснутый методом точечной застройки

небольшой жилой небоскреб у самой набережной. У него зрение было, судя по всему лучше. Но и скриптор увидел.

В нескольких окнах вместо штор висели флаги с орлами. Еще в нескольких — красные полотнища. И почти в пяти десятках — одинаковые черные плакаты с одним только словом.

«ВОН!».

Внезапно стена здания моргнула, и вдоль всего фасада, обращенного к шоссе, появилась голограмма. Она изображала неприличный жест рукой с выставленным средним пальцем.

«А это вы видели?!» — загорелись буквы и через пару секунд сменились на другие, — *«Отставка и перевыборы!».*

— Видал? Языком Маяковского заговорили. Вот такой черной неблагодарностью они платят за… — внезапно депутат осекся. Его лицо дернулось, глаза стали отсутствующими.

— Подожди. Вызывают по правительственной связи.

На одну минуту взгляд его затуманился. Видимо, он принимал длинное сообщение или сразу несколько.

— Сигнал «Срочный сбор», — наконец, произнес он. — Нас эвакуируют в Лондон. Москва стала слишком небезопасна. И Питер тоже. И даже Берлин. Значит, так. Езжай в свою клинику и не высовывайся. Дирижабль не бери. Далеко не улетишь, скоро полеты над этими территориями закончатся. Но на Трансконтинентальной магистрали должно быть спокойно, ее охраняют войска. Садись лучше на обычный скорый, а не на «маглев». При отключении тока левитационные поезда бьются как консервные банки. А еще, думаю, их скоро остановят… Я в аэропорт. За воротами меня встретят мои «бодигарды» и дроны. Удачи тебе, отец.

— И тебе… сын, — слегка обалдевшим голосом произнес Григорьев.

«И нашему миру тоже удачи. Постойте-ка… Не он ли желал мне легкой смерти десять минут назад? Или… у него есть основания полагать, что люди скоро будут умирать совсем не легкой смертью? Или боится, что меня захватят в заложники для давления на него?.. Блин, я попал в одну из своих *вирок*. Или романов. Или в старинный фильм».

Они не заметили, как в укромную аллею между могилами свернули двое в черном. Среднего роста, в рабочих ботинках на шнурках и полувоенного покроя одежде — они шли решительным, почти строевым шагом, который резко отличал их от обычных посетителей кладбища.

Вернее, заметили сидящие на лавочке эту двоицу уже тогда, когда те подошли очень близко. Их айденты не вызывали никаких подозрений. Один — менеджер по продажам в магазине товаров

для рыбалки, другой наладчик торгового оборудования.

Но их вид говорил о другом. А еще один из них держал руку в кармане.

— Прохор Григорьев! — объявил второй, голос у него был молодой и взволнованный, — Следуйте за нами. Вы арестованы.

— Тут какая-то ошибка, — невозмутимое выражение не покинуло лица депутата. — Я ничего не нарушал. Я всего лишь…

В этот момент раздался треск, похожий на звук электрического разряда. Воздух рядом с одной из могил дернулся несколько раз, будто там заклубился маленький смерч.

— Твою мать… — не успел договорить Григорьев-старший, а оба человека в черном упали мешками. Вокруг их голов начали растекаться красные лужи.

Тут он понял, почему они сразу показалось ему знакомыми. Комедийные актеры двадцатого века. Ну, точно! Советские. Которых мало кто сегодня знает. Никулин и Моргунов, только молодые. Но он-то знал! Новички в маскировке часто скачивают готовые «фейсы», вместо того чтобы использовать рандомайзер. Григорьев знал довольно много про работу полиции и повадки преступников, потому что с его участием снимался не один и не два криминальных сериала. Еще когда фильмы не были интерактивными.

Следуя догадке, Виктор Семенович перевел взгляд на призрачный силуэт и применил «зум» (линзы, способные делать это, он поставил еще лет двадцать назад). Никакого айдента у силуэта не было. Зато пришло сообщение: *«Сохраняйте спокойствие и не делайте резких движений. Проводится специальная операция. Спасибо за сотрудничество!».*

Выходит, «бодигарды» были не только за воротами.

— ССО не зря свои деньги получают, — депутат отрывисто кивнул силуэту. — Расходимся, папа. Как видишь, у меня уже мишень на спине. Узнать бы, кто слил этим падлам кадровые данные. Ну, ничего… узнаем. Чао.

Брезгливо переступив через труп — на лицо которого все еще проецировалась застывшая маска — он быстро пошел по аллейке, держа руки в карманах пиджака так, будто и у него было оружие. Телохранитель-призрак — или несколько? — наверняка шел за ним, но «плащ-невидимку» не отключил.

Все произошедшее заняло не больше двух минут. Григорьев-старший чувствовал что-то похожее на последствия от удара током. Ноги тряслись. Настолько это было дико и страшно. Обычная полиция — даже в Америке — выстрелила бы нелетальным разрядом из импульсника, который обездвиживал и обезвреживал мгновенно, но сохранял жизнь (кроме тех случаев,

когда у жертвы было слабое сердце). А эти сразу продырявили насмерть, в голову. И что это за «чернорубашечники»? На каком основании они хотели задержать депутата Мирового Совета?

Времена явно менялись, и не в лучшую сторону.

Разными дорожками они добрались к главному выходу, минуя скопления людей и никак не показывая свою принадлежность к представителям элиты, приехавшим на похороны режиссера Золотникова.

Григорьев увидел, как «Мерседес» сына рванул с места, чуть не вырвав провод зарядника — тот, хотя и отсоединялся автоматически, не был рассчитан на такой резкий старт с места.

Сам скриптор решил пройтись пешком через парк Новодевичьи пруды, который примыкал к кладбищу. Машине он приказал ехать за ним по узкой районной эстакаде, которая была ответвлением МЦ и шла почти параллельно пешеходной дорожке, идущей в обход небольшого пруда. Она встретит его и заберет в месте, где он укажет. Срока аренды хватало с избытком, чтоб добраться до дома.

В парке было спокойно. Ездили велосипедисты. Прохаживались любители здорового образа жизни — коими были сейчас все в свободное от работы в офисе время. Пробегали любители бега трусцой. Иногда он задерживал взгляд на девушках чуть дольше, чем на просто прохожих. Но чисто с эстетической точки зрения. К счастью, слово «фитоняшки» ушло в историю, но не сам фитнес.

Тут было историческое место, а муниципальные власти в РГ так же обожали запреты, как и государственные власти. И всемирные соглашения им были не указ. Поэтому энтузиасты бега с усилителями для ног здесь не бегали, а любители «прыгунков» не выполняли свои пируэты. И разные летающие доски и ракетные платформы с ранцами были запрещены. Но это и к лучшему, думал Виктор Семенович. Есть достаточно места за городом, и три парка в границах столицы, где это разрешено.

Играли дети. Иногда друг с другом, как пятьдесят и сто лет назад. Иногда развернув перед собой экран. А иногда глядя на что-то, что видели они одни. Объекты своей собственной Д-реальности. Мало им специальных площадок!

Подумал и тут же усмехнулся своему занудству. Как будто сам не проводил по полдня в своей капсуле. Да и что в этом плохого, черт возьми? Уж точно лучше, чем залить глаза дешевым пойлом и идти хулиганить. Рисовать матерные надписи на стенах, бить морды, стекла, а может грабить и насиловать. Он помнил, что было принято в пору его детства у «нормальных

пацанов» в его родном городке. Технологии сделали людей и более сдержанными, и чуть более добропорядочными. Без проповедей, без перевоспитания в духе «теории великих учителей». Просто дав им альтернативу. Конечно, они все еще любили старый добрый буллинг, который раньше звался травлей. И много других приматских забав. Но чаще реализовывали эти потребности в Сети. А в реальности стали куда сдержаннее, чем их деды и прадеды.

Прогуливались с серьезным видом непуганые утки, в распоряжении которых был пруд. Прогуливались пары — и молодые, и не очень. Как в любом городе единого мира. Разве что тут, в консервативном Российском Государстве — формат 1М-1Ж абсолютно доминировал среди тех, кто шел, держась за руки. Хотя все формы отношений давно были разрешены, легализованы и уравнены в правах — вскоре после Марша Справедливости. Который иногда неофициально называли революцией. Но злые языки говорили, что все эти три термина неправильные. Потому что это был не марш, а стояние на площади, потому что это был верхушечный переворот. И потому что после него богатые стали еще богаче, а бедные так и остались сосать лапу.

Доля правды в этом, возможно, была. Григорьев-старший знал человек пять, среди них одного талантливого художника, которые геройски погибли на площади за то, чтобы несколько жирных упырей — по сравнению с которыми Прохор был просто душкой и нестяжателем — обзавелись парой новых особняков, гаражом из машин, яхтами и министерскими креслами. Впрочем, как всегда. Се ля ви.

Повернули бы они назад, эти идейные светочи, если бы знали? Nobody knows. Скорее всего… нет.

Скриптор не понимал таких людей. Молодые и наивные. Или просто неисправимо глупые.

От скуки Григорьев просматривал айденты идущих мимо людей. У одной девушки среди других параметров мелькнула надпись «*Открыта для новых отношений*». А у другой: «*ДАЖЕ НЕ ДУМАЙ*». Хотя с виду он бы решил, что все наоборот.

«Жаль, что в пору молодости этого не было, — горько усмехнулся Григорьев. — Хотя… Судьбу на хромой козе не объедешь. История □ штука упрямая. И упругая. Как ее не гни, она вернет тебя на ту дорогу, которую выбрало твое подсознание. И хоть десять Гитлеров убей — а все равно будет война, и миллионы погибнут. Это же можно сказать и о твоей личной истории. Ее можно изменить в очень узких пределах. Даже в наш век».

А вот идет под руку с высоким атлетом (у него модная борода

«лесоруба») девушка с белыми волосами в необычном серебрящемся платье, меняющим цвет в зависимости от освещенности. «Умная ткань». А еще бывают из этой же серии — «умные нити», «умная краска», которая в теории может заменить хоть одежду, хоть обои, хоть экран. Все-то теперь «умное». Только люди так и остались дураками, хоть и загрузили себе в мозги тонны информации, которую толком не умеют использовать. Молодежь так вообще беспомощна, если ее отключить от Сети. Старики увидели виртуальность в тридцать, сорок, а то и пятьдесят лет, а они в этом росли. Для них «оболочка» существовала с детства.

Вот эта барышня едва ли знает, что та же технология проецирования изображения используется для армейского «плаща-невидимки». И война, и насильственная смерть для нее абстракция. Надолго ли?

«Только я не хочу, чтобы и мужики так ходили, — подумал Виктор Семенович. — Я все-таки консерватор и традиционалист».

Псевдопрозрачное платье было непроницаемо для взглядов чужих людей. Например, для него или для копов. И для тех монахов из прихода «настоящей», не обновленной Православной Церкви, которые прошли мимо. Но для того, кого владелица добавит в белый список — оно могло быть очень даже прозрачно. Он подумал о том, что некоторые умельцы взламывали такие штуки. Чтобы самим смотреть или в общий доступ выложить.

«Но это преступление. Вторжение в чужую приватность, — подумал Григорьев. — А вот если она сама все покажет, то получит штраф. За нарушение нравственных норм. Хотя какое вообще отношение к морали имеет получение удовольствия без причинения вреда другим? Может, завтра мир провалится в ад, которым нас так пугали чаплинцы и ваххабиты. Дураком же тогда будет тот, кто все эти годы строил из себя святошу и во всем себе отказывал».

Но вот даже в этом пасторальном месте с настоящими соснами и юркими белками, резвящимися в их кронах, он увидел грозный призрак перемен.

Прямо по курсу на небольшой огороженной площадке гремела музыка и трепетали флаги. Вился кумач, и рябило в глазах от триколоров — имперского черно-желто-белого и обычного. На трибуне, с которой в обычные дни читали стихи местные поэты, стоял в окружении нескольких здоровых мужиков в штанах с полосами и меховых шапках, невысокий господин в тельняшке, фуражке и кителе. С аккуратной бородкой и усиками, с черными волосами, уложенными гелем.

«Сергей Бонифатьевич Георгадзе, — подсказала «оболочка». —

28 лет, общественный активист. Контактные данные…»

Да на хрен его контактные данные, подумал Григорьев. И так видно, что народный трибун. Старик свернул подсказку. Он отметил про себя, что на парне форма ВДВ, расформированного, когда тот еще пешком под стол ходил.

— В кого мы превратились, люди русские? — декламировал брюнет. — Доколе будем терпеть власть врагов народа?..

Речь длилась минут десять. И со многим в ней Григорьев был даже готов согласиться. С предпосылками. Но с выводами — не всегда. Небольшая толпа — человек двести — слушала внимательно. И чувствовалось, что большинство из них горячо поддерживают оратора. В «оболочке» все дублировалось — и даже более того, фонтанировал целый гейзер агитации, которую в обычное время сразу бы удалили и вычистили. Тут были и призывы, и манифесты, и программы таких действий, от которых среднего чиновника хватил бы инфаркт, невзирая ни на каких наноботов в артериях.

И все равно Григорьеву показалось, что это — не на самом деле. Не всерьез. Что сейчас этот морок развеется, и все пойдут в свои офисы.

«Все-таки рабочий день, Ктулху меня забери. А на многих даже деловые костюмы по полному офисному дресс-коду».

Клерки. Из тех, кого еще не сократили. Белые воротнички, но из небогатых. Он умел отличать на глаз. Были и те, кто больше похожи на грузчиков и разнорабочих. Но типажи были в основном славянские. Были и те, кого раньше называли хипстерами, а еще раньше — стилягами. Какие-то из них, конечно, купили модный пиджак и штиблеты на деньги, взятые в микрокредит. Но другие могли иметь в собственности пару квартир внутри Садового Кольца, сдавая которые, можно было заниматься «творческой самореализацией», путешествовать по миру, сидеть в кофейнях и барбер-шопах. У кого-то могли быть и свои шопы, магазины и даже торговые сети. В феврале 1917-го такие тоже цепляли красные банты, хотя многие через полгода об этом пожалели. Конечно, все они были богачами рядом с прикрепленным к убыточному заводу «посессионным» рабочим из Кировской области, из Особой Экономической зоны. А такие пока сидели тихо. Но революции начинают обитатели не самых нижних этажей социальной пирамиды с потребностями с верхних уровней пирамиды Маслоу. А уже потом, при успехе, подключаются настоящие обездоленные.

«И тогда мало не показывается никому».

Лица в толпе были открытые и располагающие к себе. Многие пришли с детьми. Символики в толпе было очень мало, только у

каждого десятого были ленты национальных цветов, да у нескольких человек — значки с земным шаром. *«Союз Освобождения Земли…»,* — подсказала оболочка.

Но вот, закончив зажигательную речь, оратор запел:

— Наверх вы товарищи, все по местам! Последний парад наступает. Врагу не сдается наш гордый «Варяг». Пощады никто не желает…

И его поддержали люди вокруг. Сначала вразнобой, но потом все более слитно и громко выводя слова древней песни, которые им подсказывала, слегка суфлировала «оболочка».

В «оболочке» поднялся форменный гвалт. Кто-то подпевал виртуально, в чате, кто-то рассылал аудиофайлы, кто-то сделал визуальную картинку — броненосца времен черно-белого кино, который боролся, окруженный кораблями врага под флагами с красным кругом, а потом под минорную музыку шел ко дну.

И вдруг кто-то перерисовал броненосец, сделав его радужным (по трубам заскакали разноцветные пони-девочки с вьющимися гривами!), изукрасил знамя похабными словами, а нарисованных матросов сделал голыми афроамериканцами. К слову «парад» добавил приставку, в корне меняющую его смысл. А потом пустил вместо марша песню из кинофильма «Титаник». Получилось смешно.

Но этого тролля быстро забанил админ локального сегмента «оболочки» с аватаркой, изображавшей чекиста в фуражке и с пистолетом, и тот выпал из дополненной реальности под всеобщий злорадный рев. Вроде бы и в обычной реальности ему кто-то по морде съездил.

На сцену поднялся еще один оратор, в свитере и с бородкой, и начал речь про отстаивание прав. Но пока не улегся шум, никто не мог его расслышать. А кто-то в толпе возмущенно забубукал: «гоните его прочь, он не наш!».

В общем, было весело.

«Так, наверное, всегда бывает в начале любой революции».

Дослушивать Григорьев-старший не стал. Ему это было не интересно.

«Не хочу новых. Старые наворовались. А новые придут? Нет уж. Свят-свят. Вроде нормально жили, никого не трогали. Ну почему обязательно на моем веку должен был случиться еще один бардак?».

Он подумал о людях, которые тут недалеко гуляли по аллее с беззаботными лицами и даже не знали, что рядом делается история. Кто их спросил? Что их ждет дальше? Их и тех, кто пришел сюда как на праздник. А ведь может пролиться кровь. Виктор Семенович не мог выкинуть этот вопрос из головы. И

нигде не было «дружинников» мэрии, которые обычно появлялись и по более пустяковым поводам.

Но вот парк — островок зелени в гигантском тридцатимиллионном мегаполисе — закончился. За живописной аркой была уже обычная улица — Новодевичий переулок, застроенная еще в прошлом веке. Она встретила пожилого скриптора шумом транспорта и еще более плотным потоком людей. Обычно здесь было немноголюдно, даже в те часы, когда метро и надземка выплескивали из себя возвращающихся домой работников.

Но сейчас здесь было много народу, будто невидимая сила выгнала людей тихого спального района на улицы. И что-то в действиях толпы было необычным, непохожим на поведение участников праздника или мирного шествия. Она напоминала обитателей разворошенного термитника. Люди шли быстро, не смотря по сторонам, и даже ему, не психологу, было видно, что они встревожены. И если бы кто-то захотел причинить ему вред — в такой толпе это удалось бы ему без труда, и не факт, что преступника бы нашли. Камера или летящий дрон могут контролировать движение десятков тысяч человек разом… но только если это происходит локально. А он уже подозревал, что это броуновское движение захватило весь мегаполис, столицу Российского Государства. А может и многие другие города мира.

После объявления о «свободном городе» на улицах стали появляться странные компании молодых людей с наполовину закрытыми лицами. Они были одеты во все черное и похожи на тех, кто пытался напасть на них в парке.

У некоторых были запрещенные для ношения вне помещения холо-маски (нажал кнопку, и лицо для сторонних наблюдателей затемнено, а может и превратиться в лицо Премьера, которого за корпулентность все называли Толстяком, или кого угодно — хоть Арнольда Шварценеггера). А у других обычные платки и шарфы. Были несколько человек в балаклавах и таких масках, какие Григорьев видел в кино на грабителях банков. Никаких знаков различия на этих странных людях не наблюдалось. И оружия у них тоже не заметно.

Они явно старались держаться подальше от полиции и уходили в переулки и дворы при проходе пеших патрулей. Которые, впрочем, пока к ним не приближались и задержать их не пытались. Видимо, не имели приказа. И просто не знали, что им делать.

А вот полицейских мобилей на улицах было не видно. Будто все они заняты где-то в другом месте.

Это было странно и страшно — шаткое равновесие, затишье перед бурей. В том, что она разразится, Григорьев уже не сомневался.

Но вот на Погодинской улице маленький дрон-наблюдатель — которым явно управлял оператор, судя по его резким движениям — подлетел к тройке «чернорубашечников» с красными повязками слишком близко и завис, похоже, фотографируя незакрытые масками участки лица для проведения эвристической идентификации. Еще один факт из копилки знаний сценариста-детективщика.

Но долго снимать ему не дали. Один из людей в черном достал из кармана что-то, похожее на детскую игрушку. Выстрел был беззвучным — или очень тихим — но летающий шпион упал, пару раз крутанулся вокруг своей оси на последнем работающем винте и затих на асфальте. Точнее, на плитке, которой был выложен тротуар.

Город быстро менялся. Закрывались магазины и банки. И все развлекательные заведения тоже. Гасли огни наружной рекламы — и в реальном мире, и в «оболочке». Все витрины прятались за пуленепробиваемыми антивандальными шторами и ставнями. Хотя толпа была неагрессивна и магазины не громила.

Помимо патрулей попадались уже и гусеничные патрульные роботы. Один был даже тяжелый, марки «Rhino-МЗ» — похожий на маленький танк, а по весу как настоящий носорог. Зловеще смотрели на проходящую толпу две спаренных скорострельных пушки. Ничего похожего на люки на корпусе не было. Странно, Григорьев всегда считал, что такие штуки не применяют в городах, потому что их траки вредят дорожному покрытию. А тут вообще рядом исторический район! А уж как могут повредить зданиям и другим элементам городской среды их сорокамиллиметровые орудия с «умными» снарядами! Снаряды хоть и «умные», хоть и умеют слегка корректировать траекторию, меняя в полете свою геометрию, и не взрываться при попадании в неправильную цель — но сквозные дырки в прохожих это им делать не помешает. Не говоря уже о разрушении памятников старины.

«Ну, какая война? — подумал Григорьев. — В лучшем случае обычные беспорядки… Не страшнее фанатских разборок после футбольного матча ЕС — ЮС. Кроме Корпуса мира ни у кого на Земле оружия нет. Боевая техника порезана на металл, традиции воинской службы исчезли повсюду. Даже там, где воевали всегда — и деды, и прадеды, и пращуры со времен кроманьонцев — одни ряженые клоуны остались. Людям промывали мозги пацифизмом тридцать лет. Ну, какая революция? Побузят неделю и по домам

разойдутся. И эти, из Корпуса мира… не станут же они стрелять по своим согражданам боевыми патронами? Наверное, и роботы, и рейлганы в руках — это только для того, чтобы оказать психологическое давление. Ведь так?».

И в этот момент объявили «Оранжевый» уровень угрозы. Эту новость сопровождал резкий звук в ушах и вибрация, которая, казалось, прошла через все тело как слабый разряд тока. Не заметить ее было невозможно.

Другие тоже это почувствовала. В страхе они останавливались, озирались, тревожно переглядывались со знакомыми. И ничего не могли понять.

Затем Григорьев с ужасом увидел, как цвет айдентов окружающих людей меняется с белого на красный. Который всегда имели только находящиеся в розыске правонарушители. Да и то не все. А только опасные преступники. Враги государства.

Разве что его собственный остался белым. Да еще тех, кто, видимо, не махал руками, не радовался и не приветствовал. И ничего не рассылал через Сеть.

«Быстро же они отделили агнцев от козлищ».

А еще через минуту «оболочка» — которую он уже привык считать своими вторыми глазами — исчезла. И никакая перезагрузка не помогла ее вернуть.

Сеть пропала тоже. Наглухо. А этого не случалось уже лет двадцать пять.

Мир вдруг сжался до пределов того, что можно было увидеть глазами. И это было очень, очень страшно.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[i] **Дополненная реальность** (англ. augmented reality, AR — «дополненная реальность», рус. «допреальность», Д-реальность или «оболочка»,) — результат введения в поле восприятия любых сенсорных данных с целью дополнения сведений об окружении и улучшения восприятия информации. С начала 2030-х годов распространена повсеместно как информативная, коммуникативная, обучающая среда. Объекты допреальности воспринимаются с помощью специального «софта» и «харда». Последний может включать в себя очки, шлемы, сенсорные костюмы или перчатки, браслеты, «наглазники» и линзы, а также имплантированные на сетчатку оптические сенсоры. По умолчанию у большинства людей восприятие допреальности включено. Отличие допреальности от Сети в том, что объекты первой проецируются на реальный мир, хотя грань между этими слоями виртуальности все больше стирается на момент действия событий романа.

[ii] **Айдент** (ударение на первый или второй слог) — стандартный электронный идентификатор, закрепленный за индивидом (живым физическим лицом), содержит его имя, а также перечень основных параметров, характеристик и статусов.

Животным, неодушевленным предметам и точкам в пространстве айденты не присваиваются, но присваиваются маркеры, выполняющие схожую роль. Кроме того, маркеры связаны гиперссылками с глобальной энциклопедией «Ультрапедия» (и любыми другими справочными данными по необходимости), а также могут включать привязанную к ним рекламную информацию или пометки пользователей.

[iii]**Эсэмки** — короткие сообщения вне зависимости от способа отправки (от англ. «short messages») единого международного формата. Заменили понятие SMS и другие сходные понятия.

Часть 5. У бездны есть дно

«…Я могу сказать одно — мы, трансгуманисты, в это верили. Мы, презирающие религию, верили, как долбанные фанатики. Мы, убежденные индивидуалисты — были адептами массового культа. И некоторые из нас даже готовы были умереть за свое видение будущего.

И все это оказалось блефом.

…

Когда я понял, что что-то идет не так? В тот год, когда перестал выполняться закон Мура, который мы считали константой, аксиомой, символом веры. Вы скажете — «но позвольте, каждый год совершается все больше открытий!».

Прикладных. Бесполезных. Вторичных. Вроде нового рецепта кошерного искусственного бекона. Или нового дизайна мусульманского купального буркини, неосязаемого, но непроницаемого для глаз. Или нового рецепта глазури для пончика. И это открытия?

…

В теории создать полноценный ИИ мы должны были уже давно. Но создали только «слабый» ИИ, способный выполнять широкий перечень прикладных задач, но не выходящий за их рамки. Я бы назвал его «псевдо-ИИ»… Симуляция функций биологического разума оказалась тупиковым путем.

…

Подсчитано, что уже 50 лет назад совокупных вычислительных возможностей десяти суперкомпьютеров… или 1 % домашних ПК, подключенных к сети — было достаточно для создания самообучающегося сверхинтеллекта. В теории. Но его самообучение ни разу не вышло за рамки программы, заданной людьми.

…

Уже 20 лет назад вычислительная мощность среднего суперкомпьютера достигла и обогнала таковую человеческого мозга.

…

Все упирается в отсутствие автомотивации. Воли. Компьютер давно может обыграть человека-чемпиона. Но он никогда не захочет выиграть шахматный турнир.

…

Именно это подтолкнуло меня на исходе дней к тому, что я потом назвал Прозрением…

…я решил оставить греховные мысли о продлении жизни бренного тела и создании бога из машины и обратиться к Создателю нашему, сущему вне времени. Вначале я попытался найти его в католичестве, но отыскал только в Объединенной Апостольской церкви.

…

И если наши попытки были сродни вызову духа Вельзевула, то Кто в своей благой милости нам помешал?».

Рейнольд Куртц, футуролог, «Пепел над бездной или Мысли о несбывшейся сингулярности» (название при публикации в Восточной Европе и Азии: «Как я перестал быть трансгуманистом и обрел веру»), 2057.

Максим Рихтер, мятежник. Штаб-квартира корпорации «Пирамида», Мехико-сити

Шахта лифта не освещалась. Воздушный поток поднимался снизу и хорошо ощущался даже в броне благодаря ее эластичности. Если бы они летели вверх, он бы облегчил их подъем, но снижаться придется, преодолевая его сопротивление.

А ведь им придется спускаться до самого дна. До нулевого этажа или даже до минус шестого, как советовал системщик.

Больше семисот метров отвесного колодца? Или два раза по триста шестьдесят с горизонтальной перегородкой? Схема показала, что верен первый вариант, хотя он и означал, что аэродинамика этой трубы будет куда менее благоприятствовать спуску с помощью тяги коптер-пака. Судя по документации, лифт двигался со скоростью не больше десяти метров в секунду. Они полетят медленнее.

Можно было, конечно, использовать паучьи липучки на руках, но Рихтер доверял им меньше, чем ранцам. И столько времени у них в наличии нет. Другим вариантом был бы трос из нанотрубок… длины одного мотка хватило бы, но у них не было такого троса, это было его упущение, и оставалось утешать себя тем, что нельзя всего предусмотреть. В Башне среди разнообразных пригодных для использования в бою трофеев он им тоже не попался.

Да и тогда у них были бы заняты руки и спуск был бы менее управляемым.

— Надо идти, — сказал Максим. — В пасть дракону, в лабиринт к минотавру, но надо.

Рихтер услышал молитвы шепотом, но не услышал возражений. Только кто-то заворчал: “loco!”.

Да, он псих. Еще какой. Но приказ есть приказ. А долг есть долг.

«Где бы мы были, если бы каждый трясся за свою шкуру и все взвешивали на войне?».

Дыру расширили, чтоб не задеть края. И включали ранцы еще на краю, а потом по одному ступали в черную дыру.

Окунулись в гулкую темноту, укутались в эхо. Только тихо стрекотали пропеллеры коптер-паков. Продвижение друг друга они видели через инфракрасное зрение и их маркеры на радаре. «Карлсоны», которых было тринадцать, начали спускаться в самый глубокий дымоход в мире.

Как там у Горького? Безумству храбрых поем мы песню… Или гробы со скидкой. Так говорила бабушка.

Спуск продолжался вечность… нет, это опять субъективное ощущение времени. На самом деле пять минут. Страшновато все же было. Шахта лифта — вроде бы не то место, где могут стоять боевые охранные системы. Конечно, здесь полно датчиков, начиная от температурных и заканчивая любыми другими. Но в шахте лифта ходит лифт, технические требования к установке которого вряд ли позволят там расположить нечто взрывающееся или стреляющее. А еще любая система нуждается в обслуживании, а это стоит денег. А корпорации их считать умеют.

Но все может быть. Тут может быть защита как от агрессивного вторжения, так и от взломщиков и воров мирного времени. Но, даже если она была запроектирована, ее могли еще просто не поставить.

И вот последние метры. Рихтер почувствовал, как менялась скорость воздушного потока, пока тот совсем не исчез.

Дрон «Оса» внизу, который был его глазами и ушами, уже миновал нулевой этаж и теперь спускался ниже уровня земли. Но фундамент Тлачи был заглублен в осадочные породы на много десятков метров. Насколько именно — было секретной информацией, и даже данные перебежчика не пролили свет на эти цифры.

Вообще-то эта «птичка» имела слабые сенсоры и предназначалась скорее для нелетального воздействия, а не для разведки. Но приходилось пользоваться тем, что дают.

«Вы же не удивляетесь, что мы навесили на нее вполне летальную пушку, хоть и с мелким калибром?» — спрашивал еще Иван, который был мастером по прокачке дронов. А по умолчанию на «Осе» стояло несмертельное оружие.

Но вот маленький скаут проник на нужный уровень. Для

этого не понадобилось резать дверь.

«Все двери на нижних уровнях разблокированы» — услышал он.

— Вот это молодцы хакерюги, — прошептал Рихтер. Но это оказалась последняя подсказка извне. Дальше только тишина.

Жаль, что не всегда талант системщиков работает, и это стоило жизни Роберто, который никогда не вернется в свою съемную квартиру, обставленную мебелью из IKEA.

Дрон не подтвердил то, что они услышали в диспетчерской. Если где-то на этом этаже и стреляли, шум выстрелов уже прекратился. Чувствительные приборы ничего не могли зафиксировать, даже отзвуков эха и вибрации.

Достигнув нижней отметки вертикального колодца, маленький разведчик оказался напротив распахнутой дверцы. Влетев в нее, он попал в коридор, который был братом-близнецом того, через который они прошли более чем семьюстами метрами выше. Но в нем горел свет. Ровный, мягкий, оранжевый, близкий к естественному солнечному.

Если и существовали подземные уровни ниже, попасть на них на этом лифте было невозможно. Шахта заканчивалась абсолютно гладким полом, в поверхности которого не было видно ничего похожего на люк для обслуживания, ни системы, приводившей лифт в движение. Максим знал, что здесь не было тросов, а все работало по принципу магнитной левитации, как некоторые поезда.

Но самой кабины в шахте тоже не было. И оставалось только ломать голову, зачем и когда ее демонтировали.

В коридоре минус пятого этажа негде было спрятаться. Зато свисали с потолка две турели знакомой конструкции. Судя по гибким сочленениям, они умели не только вращаться, но и ездить по потолку во всех направлениях, а может и по стенам. А под ними на полу лежали четыре трупа в черной форме с логотипом в виде пирамидки и буквами “PP, inc.”. Брони на них не было, тела покрывали огромные рваные раны. Автоматы валялись поодаль, будто они их отбросили от себя. Видимо, их расстреляли в упор в спину. Стены коридора были забрызганы кровью, их покрывали сотни пулевых отверстий.

Рихтер через глаза дрона увидел, что турели неподвижны и сенсоры тех никак не реагируют на пролетающую «Осу». Хотя он заставил ее облететь аппараты и даже пронестись между ними. Ноль реакции.

Максим, не снижая, скорости прицелился, поставил маркер прямо на сенсоры этих пушек (сенсорные элементы не блестели, не бликовали, не светили лазером, но он не зря учился в Академии и знал, где эти штуки стоят). А после навел по ним две

флешетты, которые провел вручную, для пущей точности. Они были электромагнитные и как раз против техники предназначались. Снаряды прошли по сложной траектории и, влетев в коридор, ювелирно поразили турели, которые даже не попытались сбить набравшие скорость мини-ракеты в полете.

Теперь ослепленные пушки стали бесполезным металлоломом. Но интуиция подсказала ему, что опасаться тут надо не только пушек. И точно! Максим заметил тонкую почти незаметную нить, которая тянулась через дверной проем в двадцати сантиметрах над полом. Нить из нанотрубок. Во много раз тоньше волоса, но прочнее лески, прочнее проволоки и струны от пианино. Ей не разрежешь человека пополам, хотя об нее можно порезать незащищенную руку до кости, но главная ее функция — быть незаметной и сохранять форму. И при задевании послать сигнал к взрывателю гранаты.

А вскоре Максим увидел через «глаза» дрона и мину, закрепленную на дверном уплотнителе. «Липучка». Эти штуки могли клеиться где угодно. На ощупь как пластилин, но взрыв разнес бы тут все на десяток метров. Поражающие элементы тоже были бы: на лету этот полимер твердел и образовывал бритвенно острые осколки.

Предоставив Антонио дистанционное обезвреживание этого сюрприза с помощью зонда, Рихтер с остальными задержался в шахте лифта. Незачем было рисковать всеми.

Двадцать секунд спустя они уже перешагнули то место, где висела в воздухе нить, которая теперь была разрезана и сожжена. Антонио стоял рядом гордый, хотя его лоб под шлемом покрывал пот (он на секунду сделал щиток прозрачным, чтоб скорчить рожу). Мина превратилась в неопасный сгусток полимеров, потерявших нано-каркас, который служил запалом.

Взрыв ее, случись он по их невнимательности, мог бы и не убить бойцов в броне, если бы они не находились вплотную, но лишил бы штурмовую группу так нужного ей эффекта неожиданности.

Коридор был обследован тщательно — ведь вполне могла быть и вторая взрывчатая гадость, либо иная ловушка. Но все оказалось чисто.

Рихтер подошел к выходу из коридора первым, когда дрон уже пролетел через дверь и углубился в следующее помещение. Большой зал. А если точнее — чудовищно огромный зал. Двери были массивные, совсем не такие, как на верхних этажах. Ворота, которые подошли бы правительственному бомбоубежищу. Максим даже без указателя понял, что они находятся у входа в дата-центр.

Можно было подождать, но военспец последовал за «Осой» почти сразу. И влетел в огромный зал, оторвавшись от своей группы на добрые двадцать метров.

Конечно, он знал, что тут увидит. Но все равно лицезреть своими глазами — совсем не то, что через сенсоры дрона.

Шахта лифта, из которой они вышли вместе с отходящим от нее коридором находились внутри широченной колонны, а стены зала терялись вдали. Освещение было приглушенным. Но оно было, сравнимое с полумраком туманным утром перед рассветом.

От пола к потолку тянулись десятки тонких колонн, за которыми смог бы поместиться только один человек, и то если бы сжался в комок. Рихтеру страшновато было представить и нагрузку на опоры, поддерживавшие этот циклопический свод, и прочность материалов.

Больше тут негде были укрыться, за исключением нескольких кубов, идеально гладких и абсолютно черных, которые темнели вдали на возвышении высотой в человечески рост. Там, где должна была находиться середина зала. Максиму вспомнилась святыня мусульман Кааба. Каждый из этих пяти «кубиков» был не больше полуметра высотой. При желании за ними мог спрятаться человек. Но Рихтер знал благодаря сенсорам дрона, совершившего облет, что там нет никого живого.

Зал не был абсолютно пустым. Кроме множества узких колонн и трех широких (в двух других тоже, видимо, находились лифты), в нем оказалось еще около ста глубоких колодцев диаметром десять метров каждый. Подсчет, занявший у системы долю мгновения (время на отдачу человеком команды), дал число в сто сорок один. Они образовывали единый орнамент, правильный квадрат, только места трех занимали широкие колонны с шахтами лифта внутри.

Его внимание снова привлекли странные кубы на небольшом возвышении в середине зала. Он уже знал, *что* они найдут там, но остальным пока не сказал.

— Подачу кислорода не отключать, из изолирующего режима масок не переходить! — распорядился Рихтер и пошел вперед.

До объектов было метров сто пятьдесят.

Нет, двести. Да, расстояния тут ошеломляли. Рихтер подозревал, что зал тянулся за пределы надземной части здания.

— Тут что, уже кто-то прошел до нас? — вслух сказал Диего, сразу, как только ступил на пол зала, покрытый мягким пружинящим полимером. Биопластмасса. Шаги по ней были совсем не слышны. Пол оранжевого цвета. Потолок — однотонный серый, матовый. Наверняка при подаче полной мощности он мог быть ярко белым, и заливал бы зал

равномерным светом.

И кругом ни пылинки, ни пятнышка. Повреждения на этом материале постепенно «зарастают», а грязь и пыль — расщепляются.

Все чисто. Кроме одного места.

— Кровь, — произнес индеец, шедший следом.

Красные следы на полу бойцы заметили одновременно. Часть из них была брызгами, часть отпечатками ладоней, а часть — в форме следов ребристых подошв.

— Остановимся здесь, — скомандовал военспец. — Ни шагу дальше, пока «птички» не облетят всю эту пещеру, каждый угол.

Надо было остановиться. Дальше он гнать их не мог.

Остальным, судя по всему, тут не нравилось еще больше. Рихтер почувствовал спиной, что его люди, которые без страха шли на пулеметы, когда враг был известен, сейчас близки… нет, не к бегству и не к панике, но к серьезному стрессу, который может здорово помешать адекватной оценке обстановки.

И их опасения подтвердились. В середине зала между странными черными «мегалитами» кучкой лежали тела людей все с тем же логотипом “Pyramid Products”. Их было семь. Тела выглядели неповрежденными, но кровь на них была, она текла из глаз, еще не успев свернуться, а у многих ей были покрыты пальцы.

Рихтер послал картинку всем, не стал ничего утаивать. Диего присвистнул и выругался. Кто-то перекрестился, но никто не сказал ничего членораздельного.

И только когда два дрона обследовали все углы зала размером с несколько вестибюлей метро, люди двинулись дальше.

Но ему хотелось узнать еще одну вещь. Что там внизу?.. Насколько глубоки они? Что это вообще за хрень?

Вроде бы это имело смысл. И логику.

Максим быстро понял, что колодцы эти глубокие. Не меньше пятидесяти метров. И круговой облет дал ему достаточно информации. Военспец уже собирался вернуть дронов к себе, после того как те закончили маршрут. Но вдруг один из них, пролетая рядом с колодцем, резко отклонился от курса.

— Твою мать!

Рихтер попытался выправить курс, но машина не слушалась. Дрон приближался к колодцу и неожиданно наткнулся на невидимую преграду… Она пружинила, вибрировала, но мотор устройства работал, миниатюрные лопасти молотили воздух, и сопротивление было преодолено. Не электромагнитное поле. И не акустические колебания. Это нечто имело массу и плотность.

Напоминало взвесь неразличимых наноразмерных частиц…

Долей секунды спустя дрон завис над колодцем, но вдруг потерял управление и начал отвесно падать. Последним изображением с него стал летящий навстречу идеально черный пол. Черный, как космическая пустота без звезд.

Момент столкновения был… болезненным. Максим почувствовал, как его ударил остаточный импульс — такое бывает, когда слишком «вживешься» в управление внешним устройством. Вестибулярный аппарат на самом деле считает, что это ты падаешь или врезаешься. Можно даже почувствовать боль.

Вторую штуку Рихтер не стал посылать. У него слегка закружилась голова, он почувствовал тошноту и остановился перевести дух. Полминуты стоял и смотрел в одну точку, пока не поймал на себе встревоженный взгляд Диего.

— Все в порядке, jefe?

Уже все бойцы за его спиной заняли позиции в зале, растянувшись полукругом.

— Все ок. Пойдемте, — усилием воли военспец заставил себя сойти с места. — Осмотрим тела.

Мимо колонн, деля это гигантское шахматное поле по вертикали и горизонтали тянулись широкие дорожки траволаторов, выделявшиеся более темным цветом и ребристой поверхностью… и стоило Максиму приблизиться к ближайшей, как он понял, что это не обычная лента. Дорожка была неподвижна. Но воздух над ней слегка отличался от такового в остальном зале. Это не замечал глаз, не чувствовала бы кожа, но фиксировали приборы. Воздушный поток, словно течение реки, следовал параллельно дорожке, нарушая на первый взгляд несколько законов физики.

Магнитная левитация? Он видел такие. Скорее всего это только для своих, для тех, у кого есть нужный идентификатор. А уж в обуви таковой чип зашит у здешних сотрудников или в башке — не важно. Чужих она нести не будет. Еще как бы током не ударила…

— Не становитесь на нее. Дойдем ногами.

Через пару минут они достигли странного помоста в середине зала. Кто-то взобрался по лесенке, кто-то включил на секунду пропеллеры, а Диего просто подпрыгнул и лихо приземлился уже на платформе. Но не рядом с кучей трупов, а в отдалении.

«Опять суеверия? В следующий раз попрошу отбирать в мое подразделение только тех, кто сдаст зачет по диалектическому материализму», — подумал Рихтер и подошел к мертвецам.

У этих корпов никаких заметных ран не было. Во всяком

случае, пулевых. Только черные подпалины. Среди них было несколько женщин — в такой же форме и тоже при оружии в кобурах. Никто из этой группы даже не успел его достать. Глаза у многих были вытаращены, а конечности и пальцы скрючены так, будто они пытались уползти. У некоторых глаза кровоточили. А кровь на руках могла объясняться только тем, что они терли глаза… но это никак не объясняло, отчего у них лопнули сосуды.

Рядом был терминал. Вернее, три одинаковых, расположенных на фронтальной поверхности тех самых черных кубов. Консоли были старинные, еще с физическими экранами и клавиатурным вводом. Максиму это казалось такой же древностью, как патефон или клавикорд. Рядом с терминалами стояли такие же антикварные вертящихся кресла. Еще одно кресло было повалено. На спинке чернело обожженное место, где верхний слой просто расплавился. А на одном из терминалов был отпечаток, будто кто-то приложился об него головой. Точнее, лицом. Красный отпечаток.

Военспец уже было собирался подойти к нему, когда почувствовал толчок в плечо.

— Один из них притворяется, — сказал индеец Рауль, поддев носком сапога ближайшее из тел, — Давай я вырежу у него глазные яблоки, чтоб открывать двери.

Он достал из разгрузки короткий нож, похожий на бронзовый, со слегка изогнутым лезвием и склонился над лежащим лицом вниз мужчиной.

— No! Don't do it! I surrender! — закричал тот, сразу ожив. А когда индеец протянул к нему руку, начал вырываться, извиваясь всем телом.

Рауль поставил его рывком на ноги.

Тот выглядел как настоящий англосакс — породистое, слегка лошадиное лицо (долихокефалия в чистом виде), немного рыбьи глаза навыкате, узкий нос, длинный угловатый подбородок, белесо-рыжие волосы с проседью — уже не молодой, хотя по отсутствию морщин точный возраст было не понять. Видимо хорошо следил за кожей.

— Пожалуйста, не надо! — повторил корп по-английски. Его форма не отличалась от одежды остальных, разве что под ней виднелся воротник белой рубашки, но чувствовалось, что он не просто охранник. И у него были наручные часы, которых Рихтер ни разу не видел у сотрудников среднего звена… Ни в одной стране, ни в частных фирмах, ни в государственных службах.

— Закрой пасть, гринго, — рукой в тяжелой перчатке Диего отвесил пленнику совсем не сильную оплеуху, чтоб привести его в чувство. — В Мексике говори по-мексикански.

Тот дернулся и чуть не упал. Хотя парень наверняка использовал минимальную силу, ведь ударом усиленного костюмом кулака можно было и убить, удар получился знатный. На щеке пленного тут же начала вспухать красная гематома.

— Диего, отставить!

Максим понимал настроение молодого товарища, но этот человек был ценен. Он был не «матадор», а совсем из другого теста.

Парень подчинился и отступил на два шага назад, но продолжал злобно смотреть на корпа. А тот, видимо, решил, что непосредственная опасность миновала.

— От моего глаза вам толку не будет, — сказал пленный уже по-испански с легким акцентом и поправил помятый пиджак, который на второй взгляд все же отличался от полувоенной формы охранников. Диего позволил ему это сделать. — Аутентификация тут уже десять лет не по радужке, а по измерению активности нейронов.

Выходит, в дата-центре меры безопасности были как на ныне закрытых атомных электростанциях. Рихтер знал про такую систему. Это были не его личные знания, а тот массив из облака, который загрузил ему Иван. Система “neuroaccess” была настроена на уникальный код, который было не подделать, завязанный на «слепок» — когда на ряд стимулов выдается одинаковая реакция. При генерации кода сканер измерял три участка: внутритеменную борозду головного мозга, теменную нижнюю дольку и височно-теменной узел. И этот «рисунок» будет даже более индивидуален, чем отпечатки пальцев. Также, как форма пятен на радужной оболочке глаз.

— Кто ты такой? — спросил Максим.

— Меня зовут Майкл Баннерман. Я security chief.

Даже если бы на нем не было формы, Максим понял бы, что этот тип явно не из paramiliteros, которые сами себя именовали с гордостью «убийцами», снимали кожу с «комми», как они звали всех мятежников, и жгли их живьем до обугливания с помощью огнеметов, называя этот процесс негрификацией.

Но и на охранника из бывших полицейских он был не похож. Этот человек не выглядел садистом-фельдфебелем. Белая кость, элита, черт бы его побрал. Мол, «наглосаксы» хуже рептилоидов. Хорошо, что сибиряка здесь нет, а то пришлось бы следить еще и за ним с его дивизом: «Каждому русофобу по сосновому гробу». Хотя кто его знает, может этот тип не умел играть в гольф, не окончил частный пансионат, а учился по сети, а норму высших классов скопировал как старательный ученик? Судя по произношению он был канадцем. Лингвистический модуль

исправно работал, и не зря Иван подключил ему распознавание диалектов.

Он был похож даже не на офицера, а на инженера. Держался хорошо. И в то же время был явно напуган. Хотя и пытался изобразить надменность и презрение. Конечно, после слов Рауля этому не стоило удивляться. Но Максиму показалось, что тот боится не только их. А может, и не столько.

— Вам повезло… Не знаю, как вы это сделали.

Чего-то Майкл (если это было его настоящее имя) не договаривал.

— Когда это произошло? — спросил Максим, указывая на трупы на полу, хотя скорее хотел спросить: «Что за хрень тут произошла?».

Начальник службы безопасности замешкался с ответом, и Рауль слегка встряхнул его, так что у того клацнули зубы.

— Отвечай, когда тебя спрашивает партизан.

Рихтер сурово посмотрел на парня, но в это время корп начал говорить сам.

— Хорошо, отвечу. Пять минут назад. Нас ударило… направленным разрядом. Типа шаровой молнии. Невидимым. Я успел заметить только свечение. Не представляю, как вашим это удалось.

— А ты почему живой? А?

— У меня… поле.

— Отдай часы, — догадался Рихтер и сам снял у него с запястья неожиданно тяжелый хронометр. — Вот так-то лучше!

Только сейчас военспец вспомнил про такие электромагнитные демпферы. Конечно, от пули они не помогали, но могли спасти от удара током или ЭМ-импульса. Но, что самое главное, эта штука могла сбивать приближающихся дронов импульсами, в том числе наноразмерных. Своего рода репеллент-инсектицид. Вещица дорогая. Минимум пять тысяч глобо. И это ценный трофей, подумал Максим. Но, конечно, он не продаст ее на рынке и не оставит себе, а сдаст интенданту, а там уже выдадут тому, кому нужнее. Хотя жаль, что нельзя оставить… и в бою, и в не менее опасном тылу от нее был бы прок. Но пока этот конфискат будет при нем.

«Выходит, наши уже давно в здании. Где же они застряли? Но если им удалось такое провернуть, значит, пробились на командный пункт охраны на первом этаже. Прямо над ними, на втором подземной уровне, должна была быть еще одна диспетчерская, откуда можно было управлять системами небоскреба. Может, и ее уже заняли? Тогда победа близка».

Могильщик, Рауль и Диего стояли рядом с ними. Остальным

Рихтер приказал обыскать тела, но соблюдать осторожность. Хотя те предварительно просветил дрон.

— Я вижу, вы наплевали на ультиматум, — чуть покашляв, произнес пленный. — Умно, но глупо. Я говорил совету директоров, что вам нет дела до этих пеонов на улицах. Что вы продолжите атаку. Они не поверили.

«Нельзя слушать то, что он говорит, — подумал Максим. — Они снова будут пытаться вбить клин между «Авангардом» и местными жителями. Или даже посеять рознь среди наших рядов. А уж о положении и настроениях внутри своей конторы он точно нас дезинформирует. Какой ему смысл говорить правду? Несмотря на все мои знания психологии, я не оперативник спецслужб. И мы его не проверим. Тут нужно специальное оборудование и ментоскопия».

— Только выведите меня отсюда… — услышал Макс слова корпа, когда вдруг раздался странный треск.

— Бойцы интербригады! Оставайтесь на месте и не стреляйте! — раздался громоподобный голос, зазвучавший словно со всех сторон. — Это свои! Отряд «Бенито Хуарес!» Я лейтенант Маркес. Назовите себя!

— Специальный отряд «Ягуар», — ответил Рихтер без задержки, удивляясь, почему не запросили по рации. А потом вспомнил, в каком они месте, — Осуществляли штурм воздушным путем через крышу.

— Понятно. Стойте где стоите и опустите стволы! — продолжал голос Зевса Громовержца. — Мы выходим к вам.

Доли секунды, чтоб определить, как действовать. Корпы могли выкинуть любой фокус. Но интуиция подсказала Рихтеру, что обмана тут нет: надо делать то, что говорят. Он первым опустил автомат стволом вниз и дал знак остальным сделать то же самое. Но оружия не складывать.

Без возражений и колебаний все, даже Диего, последовали его примеру.

А с потолка на тонких нитях, словно пауки, скользили вниз бойцы в такой же как у них черной ребристой броне. Только сейчас Рихтер заметил там распахнувшиеся люки.

— Los chequistas, — прошептал Рауль.

Но это были не силы безопасности, а штурмовой отряд. Может, даже не из интербригады. «Чекисты» в первых рядах не пойдут, а обследуют здание после подавления сопротивления. Или бой уже закончен?

— А какого черта вы вообще здесь внизу оказались? — обратился к Рихтеру тот из них, кто приземлился ближе всего к ним. Высоченный, мускулистый, который и без брони должен был

весить килограммов сто двадцать. Пока одни его люди спускались, другие зависли под потолком и взяли на мушку всех, кто находился на платформе. Броня у них была почти такая же. И знаки различия, и коды — все было на месте.

Максим мог им не поверить. Но это означало верную смерть, так как сила была не на стороне жалкого огрызка «Ягуара». На них были направлены десятки стволов, а на заднем плане маячило не меньше дюжины летающих дронов, которые тоже спустились из люков. «Если бы это были корпы, мы были бы уже мертвы», — подумал он.

— Мы следовали указаниям из штаба.

Командир штурмовиков посмотрел на него как-то странно, но ничего не сказал. Потом сделал прозрачным стекло своего шлема. Лицо у него было европейское (кавказской расы, выражаясь политкорректным языком, но сам он вряд ли себя считал кавказцем). Широкие скулы, квадратный подбородок, массивный лоб. Еще у него был свежий шрам через всю левую щеку, какой бывает, если пару дней назад ставил «заплатку».

Похоже, бывалый вояка. А еще ему и его людям явно сильно досталось, причем недавно. У всех были вмятины на броне. Несколько вмятин зарастали на глазах, но полностью не могли закрыться. Броня нуждалась в заводском ремонте.

— Ладно… мы это выясним. А теперь убирайтесь отсюда. Вам тут больше делать нечего, поняли? Путь свободен. Мы сами все сделаем. Выводите пленного и сдайте в комендатуру.

— Он говорит, что он начальник охраны Пирамиды. Вроде бы его зовут Майкл.

«Как одного музыканта», — вспомнил Макс.

— Важная птица. Молодцы! Пленных уже захвачено много, но этот будет очень полезен для дела революции.

— А как вы сюда попали? — спросил Рихтер.

— Через подземный тоннель, — ответил ему после секундных колебаний офицер, — Мы использовали субтеррину. Подземную лодку. Самодельную, но все сработало.

Но Максим не знал, что бывают такие штуки, разве что читал про бредовые проекты времен Второй Мировой. Но еще до того, как гость договорил, он понял: настоящая атака была через тоннели, а коптер-паки — только для отвлечения. Вот такие пироги.

Но военспеца до сих пор удивлял этот подземный зал.

— Товарищ Маркес, разрешите спросить, что это за зал? — решил озвучить Рихтер свои мысли, хоть и был научен двумя армиями, что это не всегда хорошая идея. — Он очень странный для дата-центра. Я про них читал. Здесь все по-другому.

Действительно, в серверной не было привычных «шкафов» — стеллажей, в которые до сих пор по традиции упаковывали блоки твердотельных носителей данных. Только циклопические колонны пустоты, окруженные странными силовыми полями, через которое дрон пролетел как сквозь плотную невидимую вату. А потом просто «умер», и его последний импульс, казалось, прошел через все тело оператора. То его самого.

— А это уже не твоего ума дело. Главное держись подальше от этих круглых штук. Мне сказали умники, что, если сунуть в них руку, станешь котом Шредингера. Хрен знает, что это значит.

— Кот, который одновременно мертв и жив, — сказал второй из бойцов, который шлем непрозрачным не сделал. Он был тоже высоким, но поуже в плечах, и, несмотря на разговорные выражения, у него был голос ученого, а не солдата, — А если серьезно… ни хрена не будет. Там нет ни высокого напряжения, ни ионизирующего излучения, ни электромагнитного поля. Только квантвые флюктуации, но это гипотетическая и совсем не опасная вещь. Теоретически.

— Эти колодцы обслуживали люди?

— Автоматика, — ответил невысокий. — Лестницы там есть, но туда судя по всему не лазили с самого момента пуска в эксплуатацию. Хотя я ничего не слышал, чтобы кто-то погибал здесь. Скорее всего очередное суеверие. У системщиков свои табу. Будем допрашивать, узнаем больше.

Рихтер вспомнил, что ему почудилось в пустоте какое-то колыхание, пульсация света. В последний момент, когда дрон летел к черной поверхности. Но он знал, что это преломлялся свет или пылинки. Или игра воображения.

— Енот, придержи-ка свою метлу, — с раздражением произнес офицер из «Бенито Хуареса». — Товарищам это знать не надо, голова может заболеть. Максим Рихтер, значит? — он повернулся к Максу, — Так же известный, как Максим Браун или el Cazador. — О тебе говорили уже сегодня. Там двое — толстый и тонкий — из ваших, которые приехали с тобой из Канкуна, бойню устроили. Мы их взяли с собой, потому что они хорошо себя зарекомендовали. А они выбрали удачный момент и напали на нас. Перебили девятерых.

— Куски вонючего говна! Это эти колумбийцы-чистильщики! Я подозревал, что им нельзя верить! — с дикой злобой выкрикнул Диего.

Но все взгляды почему-то устремились на Рихтера.

— А я не подозревал, — честно сказал тот. — Они производили впечатление хороших парней. И они нас спасли.

— Тут в командном центре охраны эти «хорошие ребята»

завалили половину наших и уничтожили почти все терминалы, — продолжал Маркес.

— Может, они сбрендили?

В любом случае Максим не опасался проблем. Ортега и Сильвио за эту двоицу поручились, а ему просто было сказано следить за боевым духом отряда и дисциплиной. Никто не возлагал на него функции контрразведчика. А потом их вообще перевели.

Но до чего же гнилой и подлый мир… Он вдруг вспомнил про взрыв штаба в Канкуне… Там тоже могла быть крыса. Неужели нельзя верить даже тем, кто прикрывал тебе спину, кого считаешь в доску своим?

— Ну ты и наивняк, паря, — похоже, «Маркес» понял его мысли и похлопал по плечу бронированной рукавицей, — Расслабься. Убитых не воротишь. А эти падлы — не психи, а двойные агенты, как по учебнику. И явно непростые. «Спящие». Явно не из простых. А в бою они… я такого не видал, а опыт у меня богатый. Им бы хорошо вскрытие сделать. У этих козлов скорость была, они аж расплывались, — маленькая автономная пушка, словно попугай на плече у лейтенанта, держала Максима на прицеле. — Костюмы им выдали самые лучшие. Надо еще раскопать, кто на базе или в штабе постарался… А наша броня вдруг забарахлила. Представь картинку? Мы стреляем с упреждением, мажем, а они носятся по стенам и по потолку как долбанные супергерои. И косят нас как траву. Вдвоем. Мы их чудом завалили. И то потому, что я перед боем без спросу себе поставил эту хрень на плечо, которая автономно наводится и поворачивается на 360 градусов за долю секунды. А Енот удачно врубил систему пожаротушения, когда предатели на потолке находились. Порошок их скорее ошарашил, чем замедлил, но нам хватило этих секунд.

— Я даже не знаю, как мне это в башку пришло, — не очень уверенно ответил высокий и худощавый боец с нелепым позывным «Енот». — Просто вижу, что сейчас шандец всем, и залез в настройки… нажал первое попавшееся. А их реагентом залило. Инстинкты рулят!

Командир штурмового отряда «Бенито Хуарес» лейтенант Маркес, — несмотря на испанскую фамилию, внешность имел европейскую, даже славянскую. И выговор у него был примерно как у Гаврилы. Наблюдательный Рихтер отличал его от южнорусского, который был у Ивана. Да и в столицах РГ говорили чуть по-другому. Это он и без модуля помнил. А лейтенант говорил на таком русском, как в учебнике. Разве что идиомы были странные. Может, так говорят где-нибудь на Дальнем

Востоке?

«У тебя не получится карьеры, ты слишком много думаешь», — вспомнил Рихтер своего первого командира.

— Если что, я из Хабаровска, — подтвердил догадку тот, кто назвался Маркесом. — А по-простому меня кличут Николаем. Или дядей Колей. А ты просто отбитый отморозок, фриц. От старости кони точно не двинешь.

В его голосе звучало уважение. Хотя лексикон у него был очень странный.

Пока они разговаривали, бойцы обеих отрядов контролировали весь зал, развернувшись в круг. В этом им помогали дроны.

Все было тихо. Ни движения, ни звука, ни скачков температуры или энергии. Ничего.

— Енот, дай мне файл, — сказал по-русски тот, кто назвался Николаем.

— Скидываю.

— Не надо! Да блин, я имею в виду пластиковую херню, которую вы в диспетчерской нашли. Не файлик, а мультифору, так ясно?

— Щас дам, — боец в бронекостюме потянулся к своей разгрузке и достал свернутый в трубочку лист из мягкого пластика с почерневшими краями, внутри которого угадывался белый лист А4. — Они тут до фига всего на бумаге хранили. На бу-ма-ге! Еле потушить успел.

Он протянул этот четырехугольный кармашек с перфорацией по краю своему командиру, и тот с пару секунд изучал его.

Рихтер терпеливо ожидал. Что ему еще оставалось делать?

А вот это было удивительно. Зачем в таком высокотехнологичном месте вообще пользоваться бумагой? Это же не сельсовет в Индии и не эфиопская армия. Он знал только одну причину, кроме ретроградности, чтобы использовать такие допотопные физические носители. Секретность. Цифровой карантин.

Рихтер уже хотел задать вопрос, но в этот момент лейтенант заговорил сам, глядя прямо на него:

— Мы вас не ждали. Мне сказали, что какая-то группа проникла через крышу, но… — продолжал «Маркес» и вдруг осекся, лицо его стало жестким, как и тон, — Погоди, какого хрена я перед вами отчитываюсь? Уши развесил от шока, расклеился. Короче! Отконвоируйте пленного на базу, старшина Браун, Рихтер или как тебя там! Без задержек. Ясно?

Видно было, что «ягуаров» изо всех сил хотят спровадить отсюда.

На мгновение Максим почувствовал, что к горлу подступает тошнота, а ноги чуть подкашиваются, но, к счастью костюм сам поддержал его.

Тем не менее, от внимания его собеседника это не ускользнуло.

— Все в порядке? — спросил тот.

Внимательный попался спецназовец.

— Ничего. Легкое ранение и контузия. Все, мы пошли! Рауль, на тебе пленный!

— Буду следить, как за овцой из общинного стада, — Рауль уже успел надеть на Майкла Баннермана пластиковые наручники.

На мгновение Максиму показалось, что рука его не слушается. Он почувствовал онемение, которое распространялось сверху вниз. Но ничего не сказал. Еще не хватало, чтоб комиссовали и отправили в тыл. Поставить крест на себе из-за того, что мышцу свело судорогой? Да еще после тяжелого полета, нервотрепки и мясорубки боя и прямого попадания? Надо показаться врачу, но только знакомому.

— Удачи! Передайте Сильвио Хименесу мое почтение! — на прощание сказал им этот странный лейтенант.

А Рихтер только сейчас понял, что же его удивило. Слово «мультифора» он слышал всего раз в жизни. Хотя, чему тут удивляться? Оно диалектное, сибирское. И называют так вещь, которая вышла из употребления.

Они шли назад другой дорогой. Не в один из других лифтов в «колоннах», а к ближайшей грань зала-квадрата. Все так же пешком, потому что теперь магнитные дорожки, которые раньше окутывало слабое свечение, больше не горели. Они были обесточены.

Там в точке, делящей пополам восточную грань, оказались еще одни тяжелые двери, которые с виду могли выдержать ядерный взрыв. За ними был тамбур, похожий на шлюз космического корабля, а уже из него уходила вверх металлическая лестница, довольно узкая и крутая. О комфорте персонала тут явно не думали. А может, предполагалось, что все будут пользоваться лифтом.

Легко было сбиться со счета, считая пролеты. Они бежали быстро, и металл ступеней под ногами звенел. Но, наконец, подъем закончился, и по цифре «0» они поняли, что находятся на первом надземном этаже. Thegroundfloor. Laplantabaja. Общее освещение не работало, но в коридоре горело эвакуационное — светящиеся полосы указывали направление к выходу. Они последовали за ними и вскоре оказались перед наполовину

открытой дверью из прозрачного биопластика. Как оказалось, ее заклинило Но от толчка плечом та распахнулась, слетела с петель.

Бойцы вышли в разгромленный и заваленный трупами вестибюль, еще сохранивший следы былой мраморной и бронзовой роскоши. С другой стороны над дверью, откуда они вышли, оказалась неприметная табличка — “Только для сотрудников” (на английском, испанском и китайском).

Здесь тоже под потолком застыли неподвижные турели. Были и другие системы безопасности вроде металлодетекторов. Но все они были отключены.

Трупы в основном принадлежали милиционерам… вернее, бойцам la Milicia. Но были и корповские, и много-много останков разнообразных механоидов. Бой, который явно был жарким, уже стих, и никто в этой огромной кровавой куче не шевелился. Пол был тоже обильно полит кровью. Робот-резчик застрял в грудной клетке убитого им партизана, вскрыв немолодого мужчину так, будто собирался принести в жертву, но не успел — пуля пробила спину этого инфернального краба.

Тут же у самого входа на чистом месте лежали Пабло — с дырой в голове и Паблито — изрешеченный десятками пуль, так что почти нельзя было узнать черты его лица. Оба были еще в броне, только без шлемов на головах. Рядом пасся маленький шарообразный дрон, который моргнул синим глазком при приближении группы Рихтера. Мол, «проходите, друзья».

— Вот крысы! А мы-то им верили. Жаль, живыми не взяли, — сказал Диего и сплюнул. — Я надеюсь их выпотрошат. Мало ли какие секреты у них внутри. Vamos[1]! Хочу свалить уже из этого места.

Рихтер не был уверен в его правоте относительно секретов, но спорить не стал.

В некоторых местах наружная отделка из биопластмассы полностью сошла, и под ней обнажился бетон. По цвету было не определить, но Рихтер не удивился бы, если бы это был «живой» бетон, который за неделю эту дырку затянет. Ох и любили в «Пирамиде» восстанавливающиеся материалы, хотя те дороже обычных аналогов. Видимо, чтоб поменьше тратиться на ремонт. И поменьше держать в штате людей.

Если бы была возможность, они бы всю эту пирамиду вырастили из мицелия, как уже пытались штамповать небольшие коттеджи. Но такое пока даже их биоинженерия не могла.

Через прозрачные полимерные двери с прожженной дырой, ширина которых позволяла пропустить огромный поток людей, в вестибюль проникало солнце.

И пленный канадец явно вздохнул с облегчением, когда они покинули здание.

Они вышли наружу. В тени огромной Башни бойцы штурмовой группы выглядели муравьями. Задрав голову, Максим представил себе, как должны были чувствовать себя сотрудники, приходя сюда на работу. Вершина Пирамиды была видна только с порядочного расстояния. Сейчас она была выше, чем нижний слой облаков.

Небольшой парк, окружавший Тлачи, сгорел дотла, до почерневших палок, торчавших из спекшегося грунта. Теперь даже нельзя было сказать, что это были за деревья.

Они обошли кучку тел, лица которых казались черными, а форму или броню нельзя было опознать, настолько она была закопченной. Похоже, огнемет и термобарический боеприпас.

В сотне метрах, четырехполосная дорога, подходившая эстакадой к самому подножью пирамиды, была рассечена очень аккуратной баррикадой. Тут был оборудован КПП со шлагбаумом, где на самодельном флагштоке был вывешен флаг «Авангарда». Электронные системы слежения Рихтер тоже заметил — и явные, вроде металлодетекторов, и скрытые.

— Стоять на месте! — услышали они.

Максим, да и остальные, сперва почувствовали рефлекс схватиться за оружие. Но преодолели его. Опустили стволы, расслабились и сделали нормальные лица.

К ним уже шел не кто иной как Зоран в бандане, с автоматом АВМ на плече. Сербский товарищ Гаврилы был явно рад их видеть, но посмотрел на них так, будто увидел привидения. С ним были двое смуглых и чернявых милиционеров с легкими рейлганами в руках. Эти мексиканские камрады были удивлены еще больше и переглядывались в недоумении.

— Мужики, как же я рад! — произнес, наконец, южный славянин. — Мы уже и не ждали. Ну вы герои, блин.

Даже странно, как друзьями могли быть монархист-панславист, что был сторонником православной теократии по образу Византии, и ортодоксальный коммунист-безбожник, который верил в империю, но красную, пролетарскую. Но это было так. И Гаврила очень ярился, что ему не дали пойти в бой в пешем строю со всеми, а заставили делать важное дело в тылу.

— А ловко вы провернули все… вы же через крышу, я прав? Нормальные герои всегда идут в обход?

— Да нет, мы телепортировались, — довольно резко сказал Рихтер. — А герои в расход идут иногда. Не знаешь, Зоран, вам был толк от нашего полета? Хочется пару слов сказать кому-то.

За спиной у Максима его бойцы смотрели на эту сцену с

пониманием. У многих было ощущение, что их, мягко говоря, использовали. Если бы старшина Рихтер вел себя со своим фирменным ледяным спокойствием, они бы не поняли.

— Не надо так, друг, — серб похлопал военспеца по плечу. — Остынь! И слов не надо. Да, многие смертью храбрых пали. Не досчитались и мы, пехота вниз… еще подсчет не окончен. Но победили! Выдавили гнойник. Жаль, Рик тоже не добрался, — сказал серб. — Дрался как лев, но эти хреновины напрыгнули со всех сторон. Попасть по ним трудно, бегают со скоростью авто и петляют как зайцы. Короче, заели Уоррена. Нам пришлось вырезать его тело из «скелета» плазмой. Рамонес тоже погиб и меня поставили на его место. Мы вообще не знали про вас. Ничего. Долбанная секретность.

— Санчес тоже погиб. И Ингрид. И еще многие…

— Жаль. Но на все воля Его. Как будем в лагере, помянем их по христианскому обычаю…

— Обязательно, — перебил его Рихтер. — Но сейчас нам надо к Ортеге безотлагательно. У нас важный пленный.

— Сейчас сообщу, — ответил серб и произнес несколько слов в микрофон допотопной гарнитуры. Через пару секунд, видимо, пришел ответ, и он махнул рукой, — Сейчас подъедут! Идите им навстречу до второго пропускного пункта. Он на пересечении авениды Пасео-де-ла-Реформа и Инсурхентес Сур… блин, язык сломаешь! Короче, там, где пересекается проспект Реформы и улица Повстанцев… что в жизни бывает редко. Сюда пока въезда нет, до окончания саперных работ.

Южнее вдоль всего проспекта была действительно возведен почти сплошной вал из переносных полицейских заграждений, а против автомобилей были развернуты специальные упругие барьеры. Прочнее бетона, ненамного тяжелее пластика — легко поднять, легко перенести и «прилепить» к поверхности, но после фиксации даже лобовой удар самосвала не мог сдвинуть их с места — до разблокировки. Лежали длинные ленты с шипами. Конечно, этот рубеж оборудовали еще копы в самом начале противостояния, а повстанцы его сейчас только заняли и немного переделали под себя.

Увидел Максим саперную бригаду — внизу один человек и два гусеничных робота осматривали опоры эстакады, просвечивая каждую. Логично было опасаться их подрыва.

Небо еще не прояснилось, но дождь уже закончился, и о нем напоминали только лужи на тротуарах и дорожном покрытии. Некоторые из них были красными, или может, так падал свет. Что-то еще горело, но гораздо больше было дымящегося пепла. Попадались и трупы. Их еще не успели убрать.

Из соседних зданий, вокруг которых стояло редкое оцепление из бойцов la Milicia с автоматами, выходили корпы. Уже безоружные, с поднятыми руками. Их тут же ставили на колени и обыскивали, сопровождая действия сочными матерками и ударами по почкам. Все это Рихтер уже видел в Канкуне, поэтому долго глазеть не стал.

А из Пирамиды никто не выходил. Похоже, живых корпов там не осталось.

В небе по-прежнему мелькали «падающие звезды». Но на них повстанцы, которые несли дежурство снаружи, смотрели совсем не с таким удивлением, как бойцы группы Рихтера. Видимо, уже насмотрелись.

Военспец постоял еще полминуты, а потом пошел в южном направлении, удаляясь от Башни, сопровождаемый своими людьми, которые шли как молчаливые призраки.

По дороге они прошли мимо других пленных, которые стояли на парковке на коленях, с руками, заложенными за головы. Большинство из них не поднимали глаз от дорожного покрытия. Одна чернокожая женщина пробормотала что-то на полном шипящих португальском языке и проводила летучих ягуаров злым взглядом. Но тут же опустила голову при приближении метиса-конвоира с калашом, на лице у которого была то ли улыбка, то ли волчий оскал.

Конвоир помахал им рукой и показал большой палец.

В другом пленном, худощавом мужчине с трехдневной щетиной на остром подбородке и взглядом социопата — Максим даже без подсказки сети узнал одного офицера и ветерана локальных войн в отставке. Лично они были не знакомы, но «правило пяти рукопожатий» сократилось бы тут до двух. Так вот куда пошел Джек, когда уволился из Корпуса! Тот еще любитель сначала стрелять, а потом смотреть, куда попала пуля. Рихтер встречи не боялся, но и не хотел, чтоб его узнавали враги. Хотя изменился он сильно.

Рядом с пленными высилась гора конфискованного оружия и брони. Многие враги носили экзоскелеты, а те, у кого их не было — обычные бронежилеты минимум четвертого класса защиты. Теперь, когда их вытащили из доспехов, они сидели в одних подштанниках или комбинезонах, а кто-то в одних трусах, так что было видно все синяки и раны. А может, их раздели, чтоб дополнительно унизить.

— Да так себе бойцы. Слабоваты. Мы думали, здесь бразильский спецназ, — произнес тот же партизан-конвоир, — Говорили даже про североамериканскую ЧВК. А тут одни наши «матадоры» и немного безопасников «Пирамидки». Уже начали

опознавать убитых. И почти все — из компании. Эти типы говорят, основной персонал почти весь вывезли. Осталось только прикрытие. И типа они вызвались на это добровольно. Вот заливают! Ясное дело, или зомбированы, или им пообещали золотые горы.

«Интересно, — подумал Рихтер. — Что они прикрывали? На что надеялись? Или просто время для чего-то пытались выиграть?». Но пока он приказал себе не забивать этим голову.

Они шли на запад по проспекту Пасео-де-ла-Реформа, где трупы солдат РевАрмии лежали целыми ровными рядами на тротуарах, кое-где прикрытые брезентом, простынями или обычным полиэтиленом, а кое-где и без этого. Специальных мешков не хватало, носилок, видимо, тоже. Но скоро тела будут увезены. Наверняка для этого найдут и машины, и медперсонал.

А завалы еще даже не начали разбирать. Там, под ними металл и плоть, сцепившиеся с агонии, вполне могли лежать вместе.

Тут и там попадались сожженные танки и другая бронетехника.

Максим снял шлем после боя и вытер пот со лба. Пахло гарью, жженой пластмассой и горелым мясом. Знакомый запах.

Людей на улицах не было, лишь отдельные часовые и один регулировщик, размещавший светящиеся указатели. Никто пока не спешил использовать освобожденные здания даун-тауна по прямому назначению. Не считая армии, район был пуст. Тут еще было море работы для саперов и техников. Но Рихтер заметил пока всего одного колесного робота-сапера.

В городе явно сейчас очень востребованы похоронные команды, спасательные службы и врачи. А еще специалисты по разминированию. А чуть позже будут нарасхват инженеры-ремонтники и строители.

Рихтер увидел на фонарях несколько ворон, но они тут же вспорхнули и улетели, будто поймав его взгляд. Да, стервятники определенно не ошиблись в своих прогнозах.

У барьера ему попались мертвые тела, часть уже упакованные в черные мешки. Это были гражданские. Среди них не было детей, все, кто ему попадался, были слава богу взрослые. Но Максим почему-то вспомнил остров кукол в районе Сочимилько, на ацтекских каналах, где были тысячи страшных пупсов всех видов. И у них тоже были оторванные конечности, закопченные или фарфорово-бледные лица. За время боев и обстрелов в Мехико наверняка можно было увидеть и такие картины. Но в этом районе дети вряд ли оставались. Или все-таки могли

найтись настолько тупые гражданские, которые пытались пересидеть здесь штурм, боясь бросить свое барахло?

Пальмы на разделительной полосе, некогда гордые и красивые, стояли как обглоданные палки. Многие были простреляны или срезаны до середины, или совсем разбиты в щепки.

За линией оцепления разрушений было меньше, но они тоже были. В соседних районах были уничтожены сотни зданий и повреждено еще больше. Это уже от обстрела со спутников. Жертвы там исчислялись тысячами, а может и десятками тысяч, несмотря на эвакуацию и просто бегство миллионов жителей, которое должно было снизить плотность населения.

«Как корпы хотят это объяснить мировой общественности? — размышлял Максим. — Как?! Ах да… Был же какой-то ультиматум с их стороны. Вроде бы они говорили: ни шагу дальше… Требовали прекратить обстрелы со стороны нашей артиллерии. Хитрые какие. Тогда бы они сидели там вечно. Но СМИ… внешние, глобальные… смогут все вывернуть так, что людей под спутники подставили, конечно, мы! И убили тоже мы!».

Но с этим ничего нельзя было поделать. И все же, подумал Максим, это совсем не Пиррова победа.

«Нет. Этот нарыв надо было выдавить и прижечь каленым железом».

Оцепление с внешней стороны не просто не было снято, его усилили. Кто-то из командования, скорее всего Ортега, приказал окружить территорию двойным кольцом, чтоб даже мышь не проскочила. Людей в район не пускали, и, вероятно, не выпускали, хотя с этой стороны никто и не рвался наружу, так как не осталось ничего живого. Только военные могли проходить, и то после длительной проверки документов. Бойцов «Ягуара» это тоже наверняка коснется.

И вот они добрались до КПП на внешнем периметре в том месте, где недавно еще кипел самый жаркий бой, когда Революционная армия пыталась взять осажденный «треугольник» Куаутемока. Теперь через весь проспект, очищенный от машин, были установлены сплошной стеной заграждения в человеческий рост. Поверху была натянута витая колючая проволока. В одном месте заграждение прерывалось, и был организован проход. Там стояли бетонные блоки и модульные армейские палатки защитного цвета. Памятник самому Куаутемоку, последнему ацтекскому правителю Теночтитлана, безучастно взирал на то, что творилось рядом с его подножием.

Бойцы «Ягуара» достигли контрольно-пропускного пункта как

раз в тот момент, когда к нему подвели колонну пленных под конвоем. На их глазах через узкий check point под свист и улюлюканье собравшейся с противоположной стороны толпы, под крепкую брань партизан (в которой словечко «Cabron» было самым мягким) шли понуро разбитые корпы, держа руки над головой. Их было не больше ста человек. Если среди них были полицейские, то только в штатском. Но большинство были в форме сотрудников корпорации “Pyramid products”. Маскироваться копам под корпов и наоборот было бессмысленно — и тех, и других народ ненавидел одинаково. Судя по типу внешности, пленные были в основном из Латинской Америки. Людей североевропейского типа внешности почти не было. Азиаты и чернокожие тоже были, но очень мало.

Пленных на пропускном пункте оставили ждать, а бойцов-«ягуаров» пропустили вперед. Офицер РевАрмии с красной повязкой на рукаве, которого сопровождали два бойца в тяжелой броне, осмотрел их и просветил каждого крохотным переносным сканером. Потом кивнул, и шлагбаум поднялся, выпуская их на свободу.

Глазам открывалась диковатая картина. По левую руку от барьера, который судя по всему, шел по границе административного района, царила абсолютная пустота и запустение, а по правую город оживал, ходили пешеходы и изредка проезжали машины.

Правда, единственным транспортом, кроме броневиков laMilicia, на улицах пока были автомобили экстренных служб и мобилизованный под эти цели гражданский транспорт, на который была нанесена временная маркировка. Легковушек было не заметно, да и гражданских грузовиков тоже. Видимо, зарядные станции еще не включили. Зато многие из этих автомобилей были с ДВС, включая дизельные двигатели.

— Мы думали их тут целая дивизия, в даун-тауне, — сказал Максиму, когда тот проходил мимо, офицер с КПП. — А их не больше батальона. И большинство не военные, а обычный техперсонал. Одно слово… крысы.

— Точно. Сдались, стоило как следует пугануть! — оскалил зубы в довольной улыбке один из конвоиров, который остановился рядом, и вид он имел такой, будто хотел стрельнуть у бойцов штурмовой группы сигарет. Но сдержался, видимо, понял, что вряд ли на их бронекостюмах есть соответствующие карманы. Хотя карманы у них были, вот только сигареты даже несколько курильщиков из их числа с собой на задание не взяли.

Рихтер еще раз окинул взглядом пленных. Может, кого-то из них пристрелят или замучают потом, но пока с заключенными

обращались куда галантнее, чем они того заслужили, подумал военспец.

До Максима донесся ровный гул работающих двигателей и шорох шин. На его глазах к блок-посту на четырех открытых платформах с колесами в человеческий рост подъехали с востока не меньше двух сотен повстанцев, держа оружие и руки над головами. Кто-то на ходу палил в воздух. Женщина в красной бандане размахивала национальным триколором Мексики. Над другой машиной вился красный флаг «Авангарда». Слышны были выкрики: “Victoria! Victoria!”.

Здесь огромные машины были оставлены, а солдаты спешились и маршем направились на запад — в оцепленный район.

Трудно было поверить, что это, и правда, конец. Рихтер обернулся в сторону Башни, будто прощаясь с ней. Да уж, это место он точно не будет вспоминать с теплом и скучать.

И вдруг на их глазах, как при штурме настоящего рейхстага, кто-то установил на крыше красное полотнище. Нет, это была не ткань, а голограмма. И она была видна, должно быть, чуть ли не из любой точки города. На гигантском флаге, который гордо реял, был герб «Авангарда» с калашниковым, зажатым в кулаке.

«Добрый знак», — подумал Максим. Он вспомнил, как в годовщину победы в 2045 году из России транслировали на весь мир грандиозное зрелище с Д-реальностью «Штурм Рейхстага или Сумерки Третьего Рейха». По стечению обстоятельство он смотрел его как раз-таки из Берлина, где был на обучении, поэтому проникся вдвойне.

Вот и здесь было почти так же.

— Viva! — заорал Альфонсо, потрясая автоматом. Но, видя, что никто из «ягуаров» его не поддерживает, замолчал и притих.

— А неслабо тут все раздраконили, — произнес Диего со смесью благоговения и странной гордости. — Старики говорят, что великое землетрясение 1985 года даже близко не подошло к этому.

Вдруг индеец Рауль подошел к Максиму и положил руку на плечо:

— Я знал, что ты не трус, ам…

Старик закашлялся. Но Максим уже знал, каким будет первое слово. И не ошибся.

How predictable.

— Амиго… Но сегодня я узнал, что ты не просто человек. Дух сошел на тебя. А то, что тебе сейчас плохо — это нормально. Путь таких как ты легким не бывает.

«Какой еще дух, Donnerwetter? — не понял сначала Макс, а

когда понял, рассмеялся. Сам он в призраков и духов не верил лет с пяти, — Надеюсь, Боливара или Че Гевары?».

Ну хорошо, если не Кортеса. Не хотелось бы быть завоевателем. Хотя этому чуваку тут бы понравилось… Боливар умер своей смертью, но увидел, как дело его жизни рухнуло. Хотя, наверно, это ждет любого, кто не умрет молодым. И Кортес под конец жизни тоже потерял все, что имел. Но еще меньше Максиму хотелось бы чувствовать себя особенным, чем-то отличающимся от товарищей и всех простых людей, которые творили историю на улицах городов Мексики. Диалектический материализм негативно относится к преувеличению роли личности в истории.

Какого дьявола его потянуло на пессимизм? Он ведь был циник, реалист, но не нытик. А плохо ему было только от того, что он отходил от обезболивающего, и начало охрененно болеть плечо. В лучшем случае там сильный ушиб. Но надо показаться лекарю.

— Мы устали как собаки. Давайте перекусим, пока ждем, — предложил с крестьянской прямотой Рауль. — Бой-то окончен.

И они выбрали место и уселись на бордюр, а кто-то прямо на клочки уцелевшей травы. Тут уже можно было всем снять шлемы, и сбросить эти чертовы коптер-паки. Оружие держали при себе. Оружие нормальный боец нигде не должен оставлять его, кроме положенных мест.

Они успели съесть по паре батончиков и запить водой, но долго ждать не пришлось. Через пять минут на проспекте показались два броневика “Wight”, которые можно было классифицировать и как малые танки. «Призраки» ехали без включенной невидимости, но все равно выглядели угрожающе, как боевые наземные тарелки пришельцев, и Рихтер знал, на что они способны.

Чтобы попасть сюда, они должны были проехать через все боевые порядки повстанцев, поэтому Максим понял, что это свои, а машины — трофеи, которым герильяс уже нашли хорошее применение. Но еще не нанесли никаких знаков. Хотя вообще сомнительно, что их можно самостоятельно перекрашивать, не нарушив при этом их невидимость.

Мини-танки остановились здесь же на парковке. Максим уже знал, что это приехали за ним. И за пленным.

— Ну, удачи тебе, командир, — полушепотом сказал Рауль. — Как закончишь дела, увидимся в «Койоте».

Открылась, поднявшись вертикально, передняя боковая дверь. Из броневика вылез двухметровый детина в форме с нашивками сержанта РевАрмии, с красной повязкой на рукаве и

лицом цвета спелого баклажана. Тот самый чернокожий, в котором Рихтер не без удивления узнал атлета из мусорного района Канкуна. Интересно, какой чин в иерархии повстанцев он имел? Только ли сержант или выше?

— Старшина Рихтер, предоставьте нам пленного! И проследуйте в машину. Остальные пусть своим ходом возвращаются в расположение части. На всех пропускных пунктах их пропустят, — сказал он, и тавтологии в его словах не было. Негр говорил по-испански, а КПП назвал английским словом “checkpoint”.

Максим сделал, как ему сказали, ведя пленного впереди себя. Канадец не сопротивлялся, хотя на лице Майкла было написано презрение. Руки того были закованы в такие же магнитные наручники, которые в свое время примерил Макс. Но держался он хорошо, даже когда принявший его чернокожий ткнул его кулаком под дых, усаживая в машину.

Рихтер скривился на этот поступок и вслед за корпом залез в салон, а негр махнул им рукой и остался на покрытом копотью пластиковом асфальте. Секунду он стоял, а потом с места, как спринтер, побежал к зданию, по пути раздавая команды зычным голосом, а за ним двинулись несколько бойцов, приехавших на другом «Призраке». Они были в хороших бронежилетах, в шлемах и с рейлганами. Видимо, эта была группа окончательной зачистки.

Любой танкист прошлого бы удивился — внутренности «Призрака» выглядели как большой автофургон средней комфортности. Снаружи казалось, что эти танкетки ненамного больше минивэна и крайне малы для командно-штабной машины, но это ощущение было вызвано переносом свойств и габаритов обычных танков на них. На самом деле их броня была очень тонкой, а ходовая часть места почти не занимала. Поэтому свободного пространства внутри хватало.

И приборов тут было не больше, чем в автомобиле. Обитаемой башни тоже не было, а управлять мог и один человек, совмещая функции мехвода, стрелка и командира, управляя через шлем и две сенсорных панели. Наверняка машина могла быть и дистанционно управляемой или полностью автономной — то есть беспилотной.

Воздух был приятно кондиционирован, и после душной и смрадной преисподней авениды это было то еще облегчение. На переднем сидении за пультом управления сидел Сильвио. В противоположной стороне кабины расположилась София, ее волосы выбивались из-под форменной кепки, а глаза были расширены так будто она только что столкнулась с чем-то

захватывающим и волнующим.

— Нам пришлось немного пострелять по дороге, — ответила она. — Несколько железяк выкопались прямо из газона… Мы так рады, что с тобой все в порядке.

Они были одни. Других офицеров не было, хотя места хватило бы еще на пару-тройку человек. Не было Ортеги, не было израильтянина Натановича в своей неизменной беретке. И того человека, «капитана Немо» в пиджаке из комнаты заседаний тоже не было. Хотя, с другой стороны, это было разумно — не подставляться под пули туда, где еще не было полноценной зачистки.

Нефтяник приподнял бровь по привычке, будто хотел управлять зажиганием при помощи мимики. Но потом рассмеялся и приложил палец к панели. Машина мягко тронулась. Конечно, нейроконтроллера тут не было, и на мимику «Призраку» было плевать. В боевой технике использовать эти системы контроля запрещено, и этому правилу пока следовали обе стороны.

Хименес развернул окно переднего обзора во всю переднюю стену: скорее просто для информации, и вряд ли для красоты. Он тут же переключил управление на автопилот, чтоб заняться пленным. И Максимом.

— Салют нашим героям! — улыбнулся венесуэлец.

— И тебе привет, — кивнул Макс, плюхаясь в кресло и усаживая в соседнее корпа. Кресло он подвинул так, чтоб его хорошо видеть. Форму и расположение сидений можно было менять как угодно, как в любой машине, хоть на потолок прилепи.

— Сопротивление полностью ликвидировано? — спросил Рихтер у Сильвио, который показался ему слишком напряженным для триумфатора. Нефтяник то и дело бросал взгляды на экран, где тянулась полупустая авенида. Они повернули на юг по той самой «улице Инсургентов».

— Почти. Отдельные твари еще лезут из щелей. А дядюшку Хулио на время отправили проконтролировать одну локальную операцию в городе, — ответил Хименес. Мы наткнулись на еще один очаг в районе Санта Крус дель Монте.

— Роботы?

— Нет, все проще. Мафия.

По его словам, это были не корпы, не полицейские и не «матадоры», а обнаглевшие мародеры, которые принадлежали к банде боевиков, отколовшихся от одного из мелких наркокартелей. Целых две недели они грабили богатые виллы, подогнав тяжелые грузовики и вывозя все ликвидное из элитных домов. Когда их попытались разоружить, они не просто открыли

огонь, а по привычке захватили заложников из числа пойманных ими местных жителей.

Но насколько Рихтер знал Сильвио… ему мало дела будет до жизней богатеньких заложников, которые имели глупость еще не сбежать из страны, идущей уверенными шагами к свободе.

Так и оказалось. Сопротивление было быстро подавлено и революционное правосудие пришло к тем бандитам, кто думал, что к ним проявят снисхождение как к социально близким. Но посетить место скоротечного боя Ортеге пришлось. Рихтер так и не спросил, что стало с заложниками, и зачем надо было направлять одно из первых лиц в Революционной армии на такое пустяковое задание. Он хорошо усвоил, где командование видит грань между тактикой и стратегией, и ко вторым вопросам таких как он не подпускали.

— Хочу допросить эту тухлую селедку, — сказал Сильвио, бросив насмешливый взгляд на корпа. — Как там тебя… Майкл Баннерштейн? Баннерман? Нам надо узнать кое-что до того, как он попадет к чекистским костоломам. Эй ты, умник. Будешь отвечать на вопросы?

— Ну, попробуйте, спросите, — произнес пленный, ухмыляясь. — Если вопросы вы зададите умные и грамотные, я отвечу.

— А ты наглый. Думаешь, так будем тебя больше уважать? А вот и хрен, — Сильвио несильно ударил корпа под дых. — Ты будешь отвечать на любые, если хочешь жить, cabron! — Нефтяник, похоже был не в духе, а поэтому быстро терял терпение. — Я хочу знать, есть ли у вас в главном здании еще какие-то штучки.

— Не на все, а только на допустимые по конвенции ООН. Я имею право на уважение моего человеческого достоинства.

«Джентльмен не должен унижаться перед скотом. А вы неграмотный скот, который по недоразумению вырвался из стойла», — таков был смысл его фразы, как догадался Макс.

Сильвио побагровел, а начальник охраны Башни продолжал.

— Ладно, скажу больше. Вы слепые кроты. Боретесь за рабство и регресс и думаете, что вы долбанные Джорджи Вашингтоны.

Да он что, сбрендил? Не понимает, что ему грозит? Казалось, его боязливость, которая была там внизу, бесследно пропала. Он почему-то был уверен, что ему не причинят вреда. Что есть какие-то соглашения или законы, его защищающие.

Эта уверенность начала бесить даже спокойного Рихтера. Видно было, что этот человек никогда не имел дела с настоящей войной, настоящими врагами. И настоящих дикарей, на каких

военспец насмотрелся, этот лощеный корп тоже не видел. Он не мог представить, что пленных не только допрашивают, но избивают, убивают, насилуют (независимо от пола), а иногда еще расчленяют и едят.

— Вашингтон был рабовладельцем. Как и вы! Вашим миром правят такие же господа, как во времена Рима, — сказала вдруг своим чеканным голосом София, ее глаза сузились, будто змеиные. — Над вами царит прибавочная стоимость, за которую вы убьете родную мать!

В ответ на это англичанин рассмеялся.

— А вы хотите стать новыми господами, товарищи комиссары? — в тон ей презрительно бросил он. — Посмотрите за окно. Хотите, чтоб такое творилось во всем мире? Может, вы и добьетесь. Будут новые Темные Века. Читали про взятие Рима Аттилой? Потомки вас проклянут. Чертовы зомби. Ведь этот ад устроили вы. Мы объявляли вам четкий ультиматум. Требовали дать возможность вывезти оборудование. И всё. Все эти люди были бы живы, если бы вы не пересекли черту.

Он смотрел так надменно, будто совсем не боялся смерти. А может, думал, что может воздействовать на них своим НЛП, демонстрируя уверенность.

— Этих людей убили вы, — возразил Рихтер. — Мы не стреляли по жилым кварталам.

— А ты эксперт в баллистике, я верно понял? Starshina. Но даже если так, какая разница? — пожал плечами корп. — Не важно, кто куда стрелял… важен результат.

— Нас поддерживает народ. А вас только забугорные толстосумы.

— Народ… это лемминги. они давят друг друга в очереди за новыми VR-костюмами. Они не знают, что им нужно. Так в чем разница между нами?

— Большая! — похоже, Хименес распалялся, а, зная его характер, этот типчик очень рисковал. — Чертовски большая, «амиго»!

Видно было, что Нефтяник сцепил руки в замок, чтоб ненароком не врезать ему уже всерьез. На лице его ни дернулся ни мускул, но Макс видел, что тот с трудом сдерживается.

— Мне жаль вас разочаровывать, — продолжал пленный. — Но мы стерли из данных все, кроме мусора. Хотя вы и его декодировать не сможете.

— А если ты ошибся? — спросил Рихтер.

— Да он блефует, не обращай внимания, — махнул рукой Хименес. — Я много таких видел. Придется отдать его loschequistas. Я тоже умею выбивать правду, но боюсь

перестараться. Воротит меня от таких сволочей.

— Я не блейфую. Я сам все стер. Вы получили пустую обертку от конфеты. Читайте своего Маркса дальше… или кого вы там читаете… А меня отвезите к главному, я не буду говорить с мелкой сошкой.

— Мы отвезем тебя к кому захотим. А сначала в штаб к генералу Хулио Ортеге.

— Ортега солдафон. Доставьте меня к Леону Ванцетти. Я только с ним буду говорить. У меня есть для него важное предложение…

Сильвио аж дар речи потерял от такой наглости. И все трое на время потеряли из виду Софию. И напрасно. Максим услышал какой-то шорох сбоку.

Но его отвлек экран обзора. Он видел, что впереди мигают красные огни и натянута желтая лента. Перед ними две машины ремонтников свернули налево и поехали в объезд. Но Сильвио, видимо, решил срезать дорогу, и они снесли ленту и помчались через поле руин. Тут недавно рухнул небоскреб. Должно быть спутники постарались. Дорога была в выбоинах. Обломки бетона громоздились высоко, но на широкой авениде оставалось место для проезда. Танк объезжал предметы на дороге. Раздавленные машины. В том числе такие, в которые лучше бы не смотреть. Ход у «Призрака» был очень ровный, а ходовая часть выше всяких похвал, поэтому казалось, что они едут по ровному шоссе. Но это было не так. Просто колеса-трансформеры сами подстраивались под состояние дороги.

Снова шорох и какой-то щелчок. Наконец, Максим обернулся. Но слишком поздно.

— Аттила Рим не брал. Его взял Аларих. И Гейдерих. А Маркса такому дебилу как ты не понять никогда. И хватит уже твоей демагогии!

С этими словами девушка, крепко державшая обычный 9-мм пистолет, выстрелила пленному в голову. Сильвио заметил ее движение слишком поздно. С гортанным криком ударил ее по руке, но пуля успела покинуть ствол.

— Дура! — заорал Хименес и отвесил своей пассии пощечину. Она отлетела и чуть не упала с кресла.

А мертвец рухнул на пол, на лице его застыло все то же надменное выражение, разбавленное удивлением. Из аккуратной дырки во лбу потекла кровь. Выходного отверстия не было; пуля осталась в черепе, отразилась от противоположной стенки и превратила содержимое головы в фарш. Кровь ручьем текла по полы кабины.

Максим потерял дар речи. Он видел всякое, но такое

спонтанное убийство до этого чаще встречал в вирках и в вестернах. Даже в Корпусе всегда существовал какой-то формальный протокол. И никто бы не позволил невесте или жене полевого командира своевольничать.

Он сам лишил жизни в этот день много людей, даже добивал поверженных и уже обезоруженных… но при совсем других обстоятельствах. То, что допустимо в горячке боя, когда каждая секунда на счету, совсем не годится в тылу и в моменты затишья.

— Какого хрена ты творишь?!

— Он идиот, что толку тратить время на идиота? — София поднялась и вытерла кровь из разбитого носа платком, от которого пахло духами. — Повторял заученные фразы. Как робот.

— Все равно. Это не наши методы. Где приговор? Это, мать его, убийство. Самосуд!

— Это не самосуд, а казнь. Казнь того, кто пролил реки крови наших товарищей. Я могла поручить ее кому-то из крутых мучачос вроде тебя. Но я взяла на себя. Ты слишком мягкий. И даже Си слишком мягкий. Верно, любимый?

Хименес промолчал, стиснув зубы и кулаки, наверняка до боли. И смотрел в экран переднего обзора, хотя электронный водитель вел машину без его участия. Видимо, очень хотел ее придушить. Ведь ему теперь попадет. Конкретно попадет. Сквозь зубы он прошипел что-то очень сексистское: мол, все бабы такие. Начиная с Евы… которая, мол, сама все придумала, а дьявола подставила.

Рихтер ничего не сказал. Ему было тошно видеть такую некомпетентность. И пол тут был не при чем. Конечно, это не регулярная армия, но он и представить не мог, что они дадут глупым эмоциям ставить под угрозу общее дело.

— Ну хватит, Максим, хватит, — попыталась она увещевать его, — Мы живы, он мертв, о чем тут спорить? И какая к дьяволу может быть жалость к тому, кто наших убивал без счета?

— Он был администратор, а не солдат, — попытался возразить Рихтер. — Я же умею отличать. Командиром был кто-то другой.

— Он был их главным. У него под началом были наемники: снайперы, операторы дронов, спутниковые корректировщики! У него руки по локоть в крови наших братьев. Я просто сравняла счет.

— Не лучше было доставить его в ЧК и допросить?

Она вдруг сжалась и стала белой как полотно. Ее пальцы впились в подлокотники, которые кресло «вырастило» навстречу ее рукам. Попутно девушка старалась отвести взгляд от лежащего на полу трупа, который, каким бы плавным не был ход машины,

иногда дергался и дрыгал конечностями.

— Си, родной… скажи ему, чтоб замолчал. Он огорчает меня. Ты же знаешь… они в свое время меня… ты знаешь… в СПБ…

— Это был он?! — пророкотал Хименес. — Этот корповский червяк? Он тебя мучил?!

Командир не отличался сообразительностью. Ну как мог этот обеспеченный и образованный канадский корп быть во всемирной контрразведке? Не бывает таких совпадений. Там работали совсем другие люди, хотя тоже не лапочки. Люди из высших классов туда работать не шли, там платили не так уж много за собачью работу. Гораздо меньше, чем у частников. Туда шли те, кто любил заниматься такими делами не за деньги, то есть имел небольшие психопатологии, или те, кто очень хотел получить гражданство и бонусы, выбраться с периферии и закрепиться в странах первой категории.

— Нет! — всхлипнула девушка. — Просто тип, чуть похожий на него. Такой же лощеный, чистый и белый.

Сильвио вдруг стукнул кулаком по стенке, благо, внутренняя обшивка была мягкой и напоминала на ощупь ту же биопластмассу.

— И все равно! Чертова идиотка! Я тебя под трибунал отдам.

Но сказал он это не очень уверенно. Уже смягчался.

Максим увидел в глазах несгибаемой сеньориты Торрес слезы. И глаза эти стали как у кота из древнего мультика про зеленого огра.

А парой секунд спустя героический Сильвио Хименес, партизанский командир Нефтяник, развел руками: мол, женщина… что с нее взять. И опустился рядом с ней на пол кабины, приобнял и прижал к себе.

— Ладно! La tonta. Дуреха. Я все устрою. Отцы-командиры, конечно, позлятся, но я прикрою тебя, детка. Скажу, что в порыве праведного гнева, блин…Вот дура! Что на тебя нашло? Эх, ладно. Все равно он ничего нового бы не сказал. А данные мы получим с сервера, там гораздо больше, чем было в его тупой голове. Теперь из нее ничего не извлечь. Ты ее разнесла как тыкву, ха! Мне системщики говорят, что корпы, конечно, все стерли, но это не обычный сервер, поэтому следы можно найти. Какая-то блин, «квантовая запутанность». Да у нас вся жизнь из запутанностей состоит.

Научный термин забавно звучал в его устах.

— Мне нужно побыть одному, — произнес Максим, глядя в одну точку. — А иначе я могу что-нибудь плохое сделать.

— Конечно, посиди, выпей воды… тут есть и содовая. Можешь даже прилечь, Макс, амиго. Ты заслужил. А потом на

базе выпьешь чего покрепче, поспишь, остынешь, — сказал Сильвио, панибратски хлопая его по плечу. — И взглянешь на ситуацию другими, черт возьми, глазами. Чекисты могли и живым его отпустить и даже на работу принять военспецом. А это неправильно.

Вот как. Минуту назад ругал свою подругу, а теперь стал на ее сторону. Ну не олень ли? А все потому, что их объединяет нечто большее, чем идея или партия. И потому что эти двое люди, а не машины. Эта мысль почему-то царапнула Максу душу.

«Человеческое, слишком человеческое…» — вспомнил Рихтер слова философа.

Официально контрразведчики и тайная полиция НарВласти звались не ЧК, а Народно-Коллективной Службой Безопасностью и старались избегать ассоциаций с большевиками, так как не все их тут любили. Но их так называли все — и враги, и свои, и друзья. Звучным неологизмом — los chequistas. Это слово изредка использовалось в испанском, но только в исторических книгах и мемуарах для описания реалий одной далекой страны.

— Вы даже не выяснили, есть ли в здании еще сюрпризы.

— Саперы разберутся. Они мозговитые, и пару дронов привезли. А с ним разберутся там, — он указал вниз. — Подземные черти. Я могу подтвердить, что была попытка к бегству. София тоже может. И тебе не советую говорить, что было иначе. ¿De acuerdo? Что еще тебе нужно?

— Si, senior Si, — ответил по-испански Максим, заковыристо выматерился и перелез на заднее сидение, где было место для дополнительных членов экипажа или десантников, которых «Призрак» тоже мог перевозить. Все же в этом танке было больше места, чем в любом автомобиле. Когда он обернулся в последний раз, то увидел, что за его спиной София и Сильвио держатся за руки.

Плоть сильнее стали. Это уже из дурацкого фильма про Конана-варвара.

А потом они вместе упаковали труп в эластичный мешок с герметичным замком (пара таких входила в комплект снаряжения экипажа), вытерли кровь с пола и положили черный мешок, смутно повторяющий форму человеческого тела в вертикальную капсулу в углу, которая служила в этом танке и биотуалетом, и душем.

Смутное чувство заставило Рихтера поморщиться. Что-то было неправильно вокруг. И вряд ли то, что застрелили в общем-то плохого и замаранного с ног до головы в чужой крови человека. Что-то более глубинное.

Но он нашел для себя объяснение. Любая серьезная победа

всегда несет в себе примесь горечи. Это диалектика. А они делали великое дело. Поэтому была уже не просто горечь, а почти горе. Если вспомнить о заплаченной цене.

И кто он такой, чтоб судить других за их слишком скорый суд? Да, бывают перегибы. Но никто в белых перчатках не сделал еще ни одной революции, подумал Макс. И не для того он стал ренегатом, чтоб осуждать тех, кто борется с врагами человечества, пусть и не всегда простыми методами. А сторону баррикад если и меняют, то уж точно не дважды.

Никакой рапорт об этом случае он подавать не будет, а если заставят — напишет то, что не поставит его товарищей под удар.

Вскоре они прибыли в штаб. Здесь Рихтер увидел, что уже собралась небольшая толпа. Не хватало еще, чтоб его чествовали как какого-нибудь чертового Ахиллеса или царя Леонида. Он заранее сделал лицо попроще.

Возглавлял процессию, которая вышла их встречать прямо в подземном гараже, генерал Давид Натанович Шульц, который опирался на тросточку. Видимо, у него опять разболелось колено. Что ж, ему придется это выдержать.

Особого раздражения у старого вояки не возникло, когда ему сказали, что важный пленный погиб при попытке задушить конвоира и отобрать у него оружие.

— Жаль, конечно. Но се ля ви, — развел руками Шульц. — Сэкономили время членов народного суда. К нам и так попало много важных шишек. Обойдемся и без него. А вы молодцы. И товарищ Браун просто ас! Когда-нибудь эта операция будет в учебниках.

Рихтеру опять захотелось сделать жест «рука-лицо». Рациональность тут даже рядом не ночевала. Какие учебники?! Что он несет? Война не закончилась. Делят шкуру не убитого, а вполне живого медведя. А может, он просто пьян?

Пожилой израильтянин на ногах держался твердо, голос имел звонкий, но лицо его было красноватым, а глаза слишком веселыми. Видимо, уже начали отмечать и снимать стресс. Черт бы побрал этих людей старой закалки. Но и те, кто моложе, выглядели некоторые так, будто им не терпелось отмечать победу.

— Да, он герой. Этот Максим не взорвал центр управление, а спас здание и его содержимое для народа! — поддержала Шульца София, которая, оказывается, была поклонница творчества Стругацких. Ничто в ней уже не выдавало былой гнев, стоивший начальнику охраны Баннерману жизни. И виноватой она себя не чувствовала.

Вместе с женихом вышла из машины и обняла военспеца. Склонилась к его голове. Максим уже слегка остыл, поэтому не отстранился, хотя ее волосы щекотали ему ухо. Даже сейчас прикосновение было приятно ему и вызывало разные ассоциации и воспоминания, хоть и ложные, виртуальные. Душа к ней не лежала, но тело часто живет отдельно от души.

Сама она, может и не имела ничего такого в виду. В южных краях другие представления о личном пространстве. Ее муж стоял дуб-дубом и ревности в глазах не промелькнуло.

— Прости, что не успели вам помочь, — сказал Сильвио, крепко пожимая Максиму руку. — Но вы настоящие звери! Сами справились. Вставили корпам по самое не балуй.

Раздались аплодисменты. В прежние времена еще защелкали бы вспышки фотокамер. Но теперь никакая подсветка для фиксации не требовалась. Рихтер понял, что вполне может вечером оказаться героем агитационного ролика. Слава богу, что

никто не кинулся брать у него интервью.

Все это выглядело слегка фальшиво, потому что на церемонии явно должен был присутствовать не только Максим, но и весь состав «Ягуара», но их не дождались. Впрочем, он не сомневался, что и они свою порцию славы и обожания получат. Причем от всех.

И все-таки он бы предпочел, если бы его участие и роль сохранили в тайне.

София отошла в сторону. Но пока она держала военспеца в объятьях и хлопала по плечу, Максим услышал где-то в самом черепе: «Я была права. Тебя пасли. Мы нашли в тебе и уничтожили маячок. Тогда в отеле, пока ты спал. Наноразмерный. Теперь могу честно сказать: Ортега подозревал тебя в двойной игре. Но я была за тебя и Сильвио тоже. Мы поверили. И не ошиблись. Но все равно допускали, что корпы угадают направление удара через тебя. Маяки могли быть и другие, отследить и подавить которые за пределами наших возможностей. Поэтому острие атаки было направлено на другое место».

— У меня нет претензий. Я вызвался добровольцем. Ребят жалко. Но они тоже знали, на что идут, — ответил он вслух. И ей, и остальным.

Отвлечение. Вот чем они были.

— Мы надеялись, что вы выживете, — продолжал Сильвио. — Вы ж самые лучшие. Но… по чесноку, дружище… кто-то должен был отвлечь их и запутать. И с этим справились на отлично.

Рихтер был благодарен ему за эту откровенность.

— Это война, и на ней убивают, — кивнул Максим, хотя самому было паршиво. Но он был не мастер речей тысячного уровня. А еще он увидел, как двое рядовых вынесли из салона тот самый черный мешок, — Если бы дело не было сделано, они погибли бы зря. А так они приблизили час, когда в Мексике перестанут стрелять.

Но пока даже в Мехико не перестали.

— Верно, верно, — улыбнулся Натанович и прокашлялся, прочищая горло. — Товарищ Браун… то есть Рихтер! Правительство Народного Согласия приняло решение о награждении вас медалью «За отвагу в борьбе за свободу человечества». Таковая еще не выпущена, но вы получите экземпляр за номером сорок один. Это большая честь. Медаль международная, хотя пока все награжденные — воевали именно за свободу Мексики. Там даже текст будет на семнадцати языках, включая латынь и эсперанто. А вот орден «Героям Новой Мексики» монетный двор уже наштамповал. Его вам выдадут на

следующей неделе, третьей степени. Но у нас есть для вас новое важное дело, teniente. С завтрашнего дня вы принимаете командование первой ротой в составе отряда «Панчо Вилья».

Лейтенант? Негусто, хотя в латиноамериканской табели о рангах совсем немало. И уж точно немало для перебежчика. Догадался Рихтер и о том, что сам отряд вряд ли будет отсиживаться в тылу. И у Сильвио, который оставался его командиром — наверняка есть, что ему сказать. В общем, скучно не будет. Но он сюда приехал не для того, чтоб отсиживаться в окопах.

Военспец не сказал «рад служить революции». Но пафоса хватило и без него, так как дальше звучали слова о том, что никто не будет забыт, а после София со своим женихом удалились, а генерал, сославшись на больную ногу, ушел в медпункт.

К тому же чертовски болело плечо. Надо показаться коновалам. Вроде бы смарт-аптечка говорила, что перелома нет, но она могла ошибаться. Рихтер подумал о том, что ему нельзя быть выведенным из строя даже на неделю.

Но в медицинский пункт лагеря не пошел. У него были подозрения, и нужен был кто-то, кто не проболтается, если что.

Также он увидел перед глазами оповещение, что ему начислена единовременная выплата в размере пятнадцати тысяч восьмисот песо. Рядовые участники операции получили вдвое меньше. «Гробовые» погибшим составили такую же сумму, как его премия. Раненые получили по шесть тысяч.

Рихтер был бы рад пропустить эту бухгалтерию мимо ушей, но не имел права этого делать, как отвечающий за своих людей. Они хоть и получали паек и имели койку в казарме, но их семьи питались не святым духом. Мало кто из них был бездетный, как он. Хуже всего, конечно будет тем, кто в этот день кормильцев потерял.

Да и относительно своих «боевых» у Максима были планы, как ими распорядиться.

Командный центр в метрополитене Мехико уже полупустым, потому что всех переводили на поверхность. Здесь остались только лазареты и некоторая часть технических отделов разросшейся бюрократической системы, называвшейся Революционной Армией Мексики.

Технический отдел, или «хаб», узел, встретил его привычным хаосом. Здесь недавно тоже шел бой, едва ли не более важный: бой железа и софта против другого железа и софта. В большей степени, чем людей. Хотя элемент ferrum и почти не применялся в этих квантовых мегаустройствах и там не было программ в

обычном смысле слова.

Говорили, что бригада хакеров"???" — "Знак вопроса" подключилась к делу, но Максим был уверен, что такие специалисты не могли вырасти на мусорной свалке. Они наверняка имели отношение… хотя бы раньше… к какой-то серьезной организации и системе.

Миновав три патруля и пройдя через пару пропускных пунктов, где его довольно придирчиво просветили, но обыскивать не стали, Максим прошел к Яну Виссеру, с трудом найдя его в лабиринте служебных помещений станции «Аудиторио». Тот сидел, развалившись во вращающемся кресле, которое довольно дико смотрелось в абсолютно пустой комнате. И смотрел в одну точку на стене.

Голландец визуально постарел после боя. Хоть он и не был под огнем, к нему стекались нити контроля, и он видел все, что происходило в даун-тауне и прилегающих к нему районах.

Когда он зашел, тот баловался с прибором для считывания генного кода. Сканер был немного перенастроен, поэтому видел все не так, как выгодно производителю. И там оказалось такое, что глаза иногда лезли на лоб. Впрочем, Максим, в отличие от бывшего дизайнера, генетически модифицированных организмов не боялся. Видел в них некоторый риск для аллергиков, но в целом полагал, что в жизни полно куда более опасных вещей, чем ГМО… которое, если отобрать его у алчных дельцов и отдать в руки народа, может решить многие проблемы и горы свернуть. И даже следующая ступенька по лестнице преобразований природы, ГПО — генетически-перекодированные организмы, построенные уже на основе несуществующих в природе элементов, вроде новых аминокислот — могут послужить человечеству… если подойти к ним вдумчиво.

Наконец, Ян заметил посетителя. Оказалось, что он не спал, не был в ступоре и не медитировал, а работал. Работал, не шевеля ни пальцем. Просто всю информацию не считал нужным проецировать куда-то кроме своей сетчатки.

Максим пожал ему руку, вялую и полуживую.

— Подсказки в бою. Они мне трижды жизнь спасли. Спасибо тебе, дружище.

— Э… Макс… чувак. Ты мне прям камень с души снял. Мне чужой славы не надо, бро. Мы, конечно, сделали много… но до вас не смогли докричаться. И генерал сам сказал отключить систему, как только будет обнаружена попытка перехвата. А она была и чуть успехом не увенчалась. Мы недавно врубили все снова.

— Тогда откуда подсказки? Нас вели по этажам.

— Наверно кто-то из местных, столичных системщиков постарался. По обходному каналу. У нас же дикий бардак и многоначалие. Я узнаю, кому ты можешь купить ящик.

— Ящик чего?

— Диетической колы с гуараной, молочных коктейлей со вкусом карамели или подобной дряни. Текилу или крепкое пиво они не пьют, прикинь! Главное, чтоб ваш благодетель был жив… потому что многие на командных пунктах погибли. От спутников. Командир… тут одна мысль не давала мне покоя, — Ян, похоже, в честь победы даже изменил своему принципу ЗОЖ и выпил немного, самую малость, — Ты заметил? Все эти дни Корпы использовали в бою разную технику. Меняли сочетания и количества. Перетасовывали. Как будто победа для них не главное. Как будто важнее для них другое.

— Ты хочешь сказать, что для них это был долбанный испытательный полигон? — брови Рихтера взлетели вверх.

— Не знаю. Любая война — это испытательный полигон. Особенно когда воюешь не на своей земле и не своими руками, а за твоей спиной нет семьи. Это просто моя догадка, я могу ошибаться. Я думаю, они пытались затянуть время. Но я бы не стал расслабляться на месте наших вождей.

— Они и не расслабляются. На то они и вожди.

— О да! Мы обследовали цеха в Пирамиде. Там такое… Мать моя… Сборка роботов была поставлена на поток, и мы близки к тому, чтобы задействовать эти мощности… эти и еще в пятидесяти трех технопарках. Я думаю, в этом поможет взлом шифров с помощью нейросети. Пока распознано только семь процентов. Но большая часть данных оказалась своего рода темной материей. Мы и примерно не знаем, что там такое. Держу пари, что-нибудь ценное. Меня придали в помощь парням из Мехико… ну и девчонкам тоже. Наша старшая системщица Луиза Арройо дрючит меня так, что минуты покоя нет. Хорошо, что у нас много помощником. Мы уже распределили данные и подберем ключи. Либо найдем того, кто знает, — сказал Виссер и отхлебнул еще из банки. Нет, не пиво. Безалкогольный имбирный эль. А «опьянение» было просто усталостью.

Еще он поведал о том, что накануне падения в Тлачи техники и охрана начали уничтожение носителей данных — огнем, химическими веществами, взрывчаткой. Но кто-то помешал этому процессу. Агент или перебежчик, или и то, и другое? Рихтера в такие вопросы не посвящали. Если бы корпы успели — это бы надолго заблокировало все производственные цепочки в мегафабриках. И это было бы поражением. Но «бог миловал», — сказал один из техников.

Еще голландец рассказал, не гарантируя точность, как слух, что на самом деле попасть в Башню им помог агент, который имперсонировал кого-то из персонала службы безопасности и для этого перенес пять операций на лице. Либо это была дезинформация для деморализации врага и введения его в заблуждение: когда-то ты подозреваешь в каждому, что он скрытый ребел, это негативно сказывается на доверии и совместной работе.

К слову, некоторые в их отряде «Панчо Вилья», например, Зоран и Гаврила, сначала не верили, будто Луиза — женщина.

«Да ну. Это псевдоним. Ну не может баба быть начальницей команды хакеров. — говорил русский. — Только в кино или вирке».

Потом, когда он ее увидел, ему пришлось взять свои слова назад, но сибиряк все равно нашел для себя отговорку — мол, она «всего лишь» администратор, а не технарь, и всю грязную работу, мол, делают все равно мужики.

— А еще… только я тебе этого не говорил… — продолжал голландец, — мы уже получили доступ к орбитальной катапульте в окрестностях столицы, а значит, можно будет запускать спутники на орбиту без всяких ракет. И раз уж нам нужно оружие сдерживания, они собираются запускать с помощью нее…

— Halt! Verboten! — сказал Рихтер и секунду наслаждался произведенным эффектом. Голландец подпрыгнул и хорошо еще, что руки вверх не поднял. — Мне этого знать не положено, вот и не говори. Болтун находка для шпиона. Даже у стен есть уши.

— Понятно, герр офицер, — уже отошел от испуга Ян. — Спасибо, что меня уел, Макс. Буду держать язык за зубами.

— Самое главное, что уже все знают: когда коды будут получены — технопарки можно будет задействовать для производства современного оружия. Спутники больше никогда не смогут нас поразить, и роботы у нас будут свои. Сколько захотим.

Но Рихтер надеялся, что уровень секретности будет повышен. Потому что кроме спутников можно найти много способов вывести объекты из строя.

— И еще мы начали резервное копирование инфы из дата-центра… — и снова осекся, вспомнив по предупреждение Максима.

Еще десять минут они поговорили о вещах, к которым имели допуск оба, и не было нужды играть в секретность.

Потом в комнату вбежал стажер с красной повязкой на рукаве, Максим его помнил — бывший студент философского факультета, которого звали почти как Канта или бывшего президента — Мануэль.

— Сержант Виссер, вас срочно просят в коммуникационную! С вами хочет поговорить какой-то человек. Ланчетти? Лацетти?

— Сам Ванцетти? — лицо Виссера изменилось и вытянулось. — И ты его не узнал? Все, я бегу! Сейчас, только скачаю себе кое-какие файлы. Прости, Макс.

Важные переговоры проводились пока только в специально экранированных комнатах.

Дизайнер показал Рихтеру в скромном экранчике десять на десять сантиметров бритую наголо голову человека, похожего на пирата. Это был председатель революционного комитета Леон Ванцетти.

Ого. А высоко ценит руководство системщиков! Видать, что-то важное. Максима не пригласили, а он не стал навязываться. Ему оставалось только гадать о содержании беседы.

— Ну, удачи, программист. Земля будет свободна! — в этот лозунг Рихтер вложил немного иронии.

— Как ты меня назвал? «Программистом»? Ну ты и мамонт.

И его можно было понять. Время, когда люди писали программный код — для системщиков было сродни легендам Старшей Эдды. Код давно писал себя сам, а слово "programmer" вызывало смех даже не устарелостью, а абсурдностью.

— А может, дьявол пока с ней, с Землей, Макс? Поставим себе поскромнее задачу и сконцентрируемся на Мексике. Освободим ее, а там и до человечества руки дойдут.

Рихтер расхохотался:

— Ну вот, ты уже заговорил совсем не как троцкист! Да здравствует Мексика! Viva.

И вышел из комнаты, оставив эколога размышлять над изменением своей политической ориентации. Уже через минуту Рихтер увидел, как тот, в сопровождении посыльного, бежит в противоположном направлении. Указателей не было. Все, кому надо было знать — знали, где находится эта «коммуникационная». Какая ретро-дичь. Просто двадцатый век.

На самом деле военспец, конечно, и вполовину не был так весел, как изображал.

После разговора с Виссером самое главное Рихтер для себя уяснил — в захваченном укрепрайоне не было никого из Корпуса мира. А еще несколько дней назад стелс-конвертопланы “Bat” («Нетопыри», а в просторечье — «бэтмены») сняли с крыши Башни и эвакуировали большинство работников компании. То, что пять или десять объектов размером с транспортный вертолет — а именно такими были «бэтмены» — сумели незамеченными проскользнуть в центр Мехико… говорило о том, что ПВО и системы слежения Революционной армии дырявые как решето.

Оставалось надеяться, что с тех пор дыры заткнули.

Кто там остались в Тлачи, после того как большинство персонала вывезли? Самые бесполезные бойцы из охраны и немного рядовых сотрудников, которых спешно перевели в службу безопасности. И «матадоры», которых травили на улицах как собак и которым некуда было податься. Кто ими командовал? Видимо, тоже не самые ценные кадры.

На что они рассчитывали? На то, что их стаи дронов, наземные роботы и снайперский огонь заставят РевАрмию отступить после такого количества жертв?

Ну, тогда они плохо знали герильяс. Для них стало делом чести взять Куаутемок, не считаясь с ценой. Да, штурм выдался делом трудным; войска продвигались медленно, боялись залезть в «мешок». Окружающие небоскреб-колосс дома, вписанные с ним в единый архитектурный ансамбль — тоже ступенчатые и тоже пирамидальные, огрызались огнем. Из окон главной Пирамиды по наступающим без перерыва били автопушки. Обычные снайперы тоже были, но по одному человеку на сто автоматических турелей.

Приемы противоснайперской борьбы, придуманные за десятилетия и направленные на противников-людей, с роботизированными орудиями мало годились. Но методы борьбы с ними тоже были давно отработаны в конфликтах. Если тридцать лет назад это было чудом техники, то теперь такие орудия имелись даже у бедуинов из пустыни.

И нельзя было точно узнать, сколько там внутри за стенами врагов (каждый в этих малых пирамидках априори считался не мирным). Пехотный допплеровский радар, который, в зависимости от материала преграды позволял «видеть» через оптически непрозрачные препятствия в радиусе до ста метров, тут мало помогал.

Как и боевая техника корпов, которая имела покрытие, аналогичное тефлоновому, эти здания имели наружный слой стен из материала с очень низкой теплопроводностью, только куда большей толщины. При сканировании в инфракрасном диапазоне невозможно было узнать количество людей даже во внешних остекленных помещениях-галереях, что уж говорить об упрятанных в середину здания.

Горячие головы призывали подорвать эти махины, используя артиллерию. На базе «Сона милитар» было захвачено несколько установок старых гиперзвуковых ракет. К ним существовали боеголовки очень высокой мощности, хоть и неядерные. Но не было гарантии, что они долетят. А если представить, что было бы, отклонись они от цели…

Да и содержимое небоскребов, судя по всему, было очень нужно захватить целым.

Совет командиров остановился на компромиссном варианте — подавить огневые точки огнем орудий и бронетехники. Артиллерийские снаряды хоть и тоже были корректируемые, но изменить их траекторию после запуска путем наведения помех враги не смогут. Это все-таки не ракеты, которым теоретически можно с помощью дистанционного взлома «лучом» если не заглушить двигатели, то сбить их с курса, взломав коды и отправляя на них фальшивые данные радиолокационной связи. Эта гипотетическая возможность перехвата была вечной головной болью. Хотя Рихтер помнил всего несколько таких задокументированных случаев. Да и те могли быть фальшивками, дезинформацией от врагов, с целью изобразить себя всесильными.

Пока шло планирование операции идеи обсуждали разные. Даже о том, чтоб выкурить корпов с помощью отравляющих газов. Говорили, что на складах полиции было захвачено некоторое количество баллонов. Но это были совсем не те БОВ, чтобы их можно было всерьез применять по защищенному противнику.

Зато за время позиционной войны кому-то в светлую голову пришла идея использовать метод, который привел к падению многих средневековых крепостей и замков, сделать подкоп.

Три больших горнопроходческих щита были реквизированы на строительстве новых станций седьмой ветки городского метрополитена. Они были разобраны и доставлены поближе к району на тягачах “Colossus”. А после собраны и запущены на полную мощность под землей, за день проходя около пятидесяти метров мягких пород в районе, возведенном на дне высохшего озера Тескоко. За собой они оставляли тоннели круглого сечения, уже укрепленные от обвалов, около десяти метров в диаметре.

Корпы были не дураки и вскоре обнаружили новую опасность. Ведь у них явно были точные сейсмодатчики и эхолокация, не говоря уже других способах измерения. И началась подземная война. Один из агрегатов защитники анклава уничтожили, направив ему наперерез дрона-бурильщика, который превратили в брандер. Огромный взрыв почувствовали даже на поверхности, но из-за постоянных артобстрелов внимания он не привлек. Щиты на время отвели назад.

Битва под поверхностью шла с переменным успехом. Корпы делали не меньше двадцати попыток подорвать копателей, только повстанцы после второго дня уже научились прикрывать тяжелые, неспособные быстро двигаться задним ходом машины с помощью более легких бурильных дронов. Которые тоже взрывались на

пути корповских дронов. Наверху все это провоцировало обвалы и просадки грунта. Земля превращалась в пористую губку, а кто-то мог и упасть в образовавшиеся ямы, ведущие прямо в ад, где сразу после взрывов плавились даже камни. Но пока в районе шла война, это было не так уж и заметно. Обстрелы с воздуха наносили больше ущерба.

Дюжину раз корпы обрушивали тоннели. Но повстанцы принимались за работу заново. Последние метры мягких местных пород в этот самый день проделал плазменный бурильщик «Крот», подобный тому, который строил тоннели для скоростного транспорта под Лос-Анджелесом. Этот комбайн не бурил породы, а плавил их плазмой чудовищной температуры. Он имел отделение для оператора и ремонтной бригады, куда поместились двадцать человек десантников. Вот так, тихой сапой и удалось проникнуть под самый фундамент Тлачи. А еще был блеф о том, что с собой у повстанцев имелся атомный фугас. И корпы, судя по всему, поверили, что их оппоненты на такое способны; поддались на психологическое давление.

Максим многое бы отдал, чтоб увидеть лица этих гадов, когда к ним на подвальные этажи через свежепостроенное «метро» нагрянули на раскаленной докрасна машине, похожей на огнедышащего дракона, вооруженные до зубов повстанцы и объявили, что привезли им в подарок небольшую термоядерную бомбу.

К концу дня Рихтер уже ничему не удивлялся. Хотя нет. Он удивлялся тому, что эти сведения спокойно циркулируют среди партизан. Похоже, низовой анархический бардак и отсутствие контроля перевешивали паранойю руководства.

В двенадцать ноль-ноль по местному времени, словно по сигналу, оставшиеся в районе корпы выкинули белый флаг. Бой был выигран.

Трофеев захватили массу. Одна опись занимала десятки тысяч страниц. Кроме оружия были найдены и разнообразные роботы, тоже десятки тысяч, не считая микроботов и наноботов, которых насчитывались целые цистерны. Большинство из этого было выведено из строя, но многое можно было починить (речь идет, конечно, не о микроскопической мелочи). Теперь все это предстояло изучать экспертам-тыловикам с привлечением инженеров, анализировать и отделять безвредных промышленных и сельскохозяйственных роботов-трудяг от боевых единиц. Не говоря о том, что почти наверняка существовали и боты двойного назначения. Вроде тяжелого охранника, замаскированного под садовника, который выглядел как безобидная газонокосилка.

Среди пленных наемников нашлось и несколько человек, чьи

модификации явно нарушали закон о «Божественном копирайте». У них были синтетические мышцы, управляемые нервными импульсами. И наоборот, у одного стрелка были мышцы обычные, а рефлексы, улучшенные благодаря синаптическим усилителям, тоже запрещенным. А внешне по ним нельзя было сказать, что они чуть больше, чем просто люди. Что там внутри у двоих убитых агентов Максим не знал, это тоже был не его уровень допуска. Но вполне возможно, что далеко не одни костюмы давали им такую прыть. Просто он решил от греха подальше ничего не расспрашивать, чтоб ребята вроде лейтенанта Маркеса не заинтересовались им.

«Меньше знаешь — лучше спишь», — говорила мама вслед за бабушкой, а отец всегда поражался. По его немецким представлениям это звучало абсурдно.

Уже выходя из блока технического департамента, среди новых добровольцев Максим увидел девушку, чем-то похожую на Эшли. На секунду Рихтер почувствовал что-то забытое, но прогнал это ко всем кибернетическим чертям.

«*Все еще гоняешься за призраками?* — вспомнил он. — *Призраками коммунизма?*»

Надо настроиться на ту волну, где не было ничего кроме решения боевых задач, принятия новых от командования и постановки их подчиненным. Когда ничего не чувствуешь — тебе не больно. Когда живешь одним днем, прошлое тебя не тревожит, а будущего не боишься.

Он вспомнил осуждение в глазах Софии, когда сказал ей, что у него нет детей и не было семьи. Вернее, тогда ему показалось, что это было осуждение. А теперь он склонялся к тому, что это было сочувствие. У нее, допустим, тоже пока не было, а вот ее Сильвио, как говорили, где-то оставил одного или двух niños[2]. Впрочем, возвращаться тот к ним в Венесуэлу не собирался. Наверно сказал, что это ошибки молодости, а теперь его интересует только борьба за свободу и она, Софи.

Но все-таки она была лет на десять моложе, а Макс по ее меркам был уже не так молод. И тут в Третьем мире еще некоторые жили по устаревшим канонам, что детей нужно больше трех, а семья — это главное в жизни, и обзаводиться ей надо пораньше.

Да какого дьявола? Тут гражданская война, а не клуб знакомств и не тусовка по интересам. Конечно, жизнь берет свое даже здесь, но надо думать о деле, а все остальное — это уж как получится. Нельзя давать себе размякнуть.

*****

Если бы они не работали вместе, то и не встретились бы.

Когда-то одним апрельским утром он увидел ее, поднимающуюся с чемоданчиком в кабину на том рейсе Лондон — Нью-Йорк. И от одного ее взгляда растаял как мороженое летним днем. Синяя форма «Люфтганзы» очень шла к ее глазам и светлым волосам. Макс хорошо помнил, какого цвета тогда было небо.

Смотреть в одну сторону на большие низко плывущие облака над океаном — пожалуй, единственное, что они тогда могли делать вместе. Любые контакты в неслужебном ключе на борту были запрещены, и даже за невинные слова минусовались бы служебные баллы.

Даже такое место, как туалет в пилотской части гондолы, просвечивалось камерами от и до, хоть Отдел Качества и заявлял, что следят за сотрудниками исключительно алгоритмы, а не люди.

Пришлось ждать окончания рейса, тайком перемигиваясь. Да иногда, чуть скосив глаза, они заставляли лучи взглядов перекрещиваться в том единственном секторе обзора, где, как они знали, их выражение не могут зафиксировать вездесущие камеры.

В обратный путь стратосферный дирижабль отправился сразу после получасовой стоянки, высадив старых и приняв в гондолу новых пассажиров первого и второго класса. Триста первых и пятьсот вторых. Третьего класса не было — маркетинговый ход.

Но пассажирские палубы с кабиной не сообщались ничем, кроме всегда запертой в полете двери (антитеррористическая мера). Люди, которых обслуживали лишь трое живых стюардов, могли думать, что воздушным судном в кабине управляют роботы.

Великобритании в аэропорту «Хитроу», почти треть которого была отведена для аппаратов легче воздуха, на берег сошла и сама команда из пяти человек. Макс и Эшли скупо попрощались и разъехались на такси в разные стороны. Новый рейс «Титан» проделает уже с другой командой, так как компания «Люфтганза» часто производила ротацию экипажей.

Целый месяц их не ставили вместе. Алгоритм был неумолим и почему-то считал, что это нежелательно. И тогда, преодолевая сомнения, Рихтер сам нашел свою коллегу с помощью программы. Это было трудно, ведь в сети она почти не появлялась, ее аккаунты были «мертвыми», необновляемыми. Тогда ему показалось, что это признак независимой мыслящей натуры.

Она действительно оказалась свободна и в активном поиске.

И сразу согласилась прийти на свидание. В этом не было ничего удивительного. У него в том приложении был довольно высокий рейтинг и много баллов. Удивительно другое — что из того свидания развились долгосрочные отношения.

Все было не так уж плохо. Нет, программа все равно не ставила их в команду вместе, но зато они стали встречаться. И через пару месяцев даже съехались и стали жить вместе. У нее. Хотя свою долю за проживание там он начал платить сразу. А бюджет у них был раздельный.

Но если в материальном плане Эшли никогда его не эксплуатировала и даже препятствовала его старомодным (спасибо отцу и бабушке за патриархальное воспитание!) попыткам заплатить за нее в кафе, то в эмоциональном плане вся их совместная жизнь была передачей энергии в одну сторону. Как сказал бы какой-нибудь трубадур или вагант — от пылающего костра его души к ледяному кристаллу ее сердца. Когда получалось растопить — было тепло обоим. Но чаще всего было прохладно. А энергии уходило много. Он постепенно понял, что это нерационально, но все равно пытался обогреть замерзшую гренландскую тундру с помощью маленького костра, поскольку его приучили к мысли, что отношения надо «строить». Что они не растут как цветок. Что есть долг. Или даже Долг. Но воздух почему-то не делался теплее, был таким же, «комнатной температуры». Хотя и не остывал, не леденил. Можно было назвать это инерцией, энтропией, если бы не было в ней своей прелести и комфорта.

Душевное родство? Возможно. Почти все люди смогут его в себе развить… на время, особенно если у них есть другая близость. Это инстинкт. Общие интересы? Ну, пара-тройка из сотни.

Вскоре он скоро понял, почему она редко бывает в Сети. Просто церковь, фитнес и шопинг отнимали у нее примерно шестьдесят процентов свободного времени. Еще немало уходило на чтение книг. Да, она читала, что было дикой редкостью! Но то, что она читала, он не понимал. Французские и викторианские мелодрамы, где Макс не видел ничего, кроме пустой говорильни светских кумушек и фальшивых притянутых за уши «чувств». Сплошные светские салоны и будуары. И наоборот, те книги, которые воспламеняли его сердце, сюжеты о том, как люди борются за свободу, а корабли бороздят морские и космические просторы — ей казались скучными и неприятными. Фильмы, и виртуальные сценарии им нравились настолько же разные.

Готовить Эшли умела превосходно и даже выигрывала какие-то состязания, имела бонусные баллы за это. Но есть все равно

предпочитала в кафе и ресторанах. Говорила, что это эстетично, что это «выход в свет», как и поход в музей, оперу или театр, где Максим откровенно зевал и считал оставшиеся минуты. Еще его подруга маниакально следила за своим весом. Говорила, что электронные весы бывают в плохом и хорошем настроении и иногда их выкидывала. А еще она верила в бога, над чем он всегда посмеивался, ведь Всевышний у нее был своеобразный, совсем не метафизический, а очень земной и конкретный, следящий за каждым шагом не хуже Большого Брата. Естественно, ради блага людей.

Нет, им частенько бывало хорошо вместе. Максим мог вспомнить много таких милых и довольно теплых моментов, и их было куда больше, чем ссор. Настоящих скандалов с битьем посуды и криками… он даже вспомнить не мог. И все-таки работа была их главным общим делом, хоть они всего один раз после этого поднялись в кабину вместе. Невидимый контролер все еще считал, что работать им бок о бок не надо.

Но настал тот день, когда победная поступь автоматизации сделала их как пилотов ненужными. Они получили вежливые электронные письма о том, что в их услугах больше не нуждаются, и пособие в размере трехмесячной зарплаты. Но будущее было в таком же тумане, как океан над Атлантикой. Переучиваться на пилотирование джетов и получать свидетельство другого класса было дорого. И там были совсем другие требования к здоровью, стажу и… психологическому профилю.

Но они это сделали. Тем не менее, их нулевой налет часов на реактивных самолетах поставил их в самый конец гигантской очереди, в которой стояли десятки тысяч квалифицированных летчиков. Половина трансконтинентальных лайнеров уже тоже была переведена в беспилотный режим.

«Как только вакансия появится, с вами обязательно свяжутся!».

Но проходили недели, места для них несколько раз находились, но каждый раз их резюме не проходили по каким-то причинам. Впрочем, по два раза им отказывали уже на собеседовании. А в нескольких местах, где не отказали и готовы были принять — условия оказались настолько кабальными, что они сами оттуда сбежали, не выдержав испытательного срока. Нормального предложения не нашлось на всем континенте, хотя они постоянно обновляли свои резюме и рассылали везде, где только можно, снизив планку ожиданий. Они уже готовы были ехать в любую цивилизованную страну, второго уровня и даже третьего.

Денег стало меньше, и им пришлось соглашаться на краткосрочные трудовые контракты, которые длились от пары суток до нескольких месяцев. Грузовые полеты на небольшие дистанции на малых воздушных судах. И оплата была соответствующей. В свои выходные они подрабатывали разнообразным фрилансом. Но жизнь все больше напоминала бег по движущейся дорожке. Чтоб оставаться на том же уровне доходов, надо было бежать все быстрее. Тем временем Мировой совет увеличил налоги на средний класс. А на зарабатывающих больше трехсот тысяч глобо в год… не увеличил, ведь они, как говорилось, и так платят больше других и развивают экономику. Впрочем, с экономикой задолго до этого обострения творилось что-то неладное. Словно «кризис» было давно у всех на устах. А вскоре все чаще стало звучать зловещее — TheBigDepression. TheWorldDepression.

Дом теперь пожирал примерно четверть заработной платы каждого из них, а налоги — земельный, транспортный на острове были и раньше высоки. Но теперь еще и подоходный стал и вовсе огромным. Как говорилось, правительству были нужны средства на поддержание порядка, интеграцию новых членов общества и помощь дружественным слаборазвитым странам («Вы же не хотите, граждане, чтоб всех их жители оказались здесь?»).

Еще деньги активно кушали три их автомобиля. Вернее, один автомобиль Макса и два Эшли. Общего бюджета у них не было, кроме эпизодических общих трат и совместных подарков, и дом был почти единственной точкой соприкосновения их финансов. То есть уплата mortgage и ремонт в нем.

Нет, конечно, голод им не угрожал. Просто теперь они были не в медианной, а в нижней части среднего класса. Переезд в более дешевую страну или жизнь на съемном жилье, конечно, решили бы их проблемы, но оба они были против, каждый по разным причинам. В основном — не хотели расписываться в снижении своего статуса. Еще их проблемы решила бы строгая экономия, но это было то, к чему они не привыкли.

И вот тогда им и попалась запоминающаяся реклама службы в «Корпусе мира», сделанная в виде игры. Пройти эту вирку было несложно. В первом уровне надо было штурмовать большой дом в какой-то террористической стране, убивать бандитов и освобождать заложников. Во втором — ювелирно бомбить конвой наркоторговцев, но щадить машины с беженцами. А после «победы» и подсчета баллов вербовщик отвечал на вопросы без задержки и очень подробно. Им понравились все условия. А главное, можно было пойти туда вместе. На тот момент им все еще не хотелось разделяться.

Конечно, они сделали это потому, что были нужны деньги на довольно дорогую жизнь в Британии, а вовсе не от идеалистических соплей, которые втирала пропаганда — «служба ради единства человечества, борьба с мировым терроризмом» и прочая чушь. Хотя оба тогда скорее верили в эти идеалы, чем нет.

И после собеседования и долгих психологических тестов их обоих приняли и направили в Академию. Это было бесплатно, то есть оплачивал обучение Корпус. С той разницей, что специализацией Максима почти сразу оказался десант, а Эшли попала на пилотирование военно-космических судов. Даже несмотря на то, что на самолетах у нее были только тренировочные полеты. Похоже, психологические качества оказались важнее, чем налет часов.

И в итоге она смогла там служить, а он нет.

О ребенке первый заговорил Макс, еще когда они были пилотами дирижаблей. Но его подруга на это ответила, что это уничтожит ее шансы наконец-то построить нормальную карьеру и добиться самореализации.

Новое Всемирное трудовое законодательство подразумевало очень короткие отпуска по уходу за ребенком. Макс по привычке звал их «декретными». Это слово всегда удивляло Эшли.

— При чем тут декреты? Это слово ведь означает какие-то специальные законы.

— Бабушка отпуск по уходу за детьми так называла. Декретным. Она же из СССР.

— А я думала она была из Казахстана.

— Это одно и тоже тогда было. До самой смерти оставалась коммунисткой. У нее даже портрет Ленина был.

— И Сталина тоже?

— Не сбивай, пожалуйста. Был и Сталина, даже два, но она их в шкафу держала, а Ленин висел над кроватью. Эпатировала родственников. Но мы не о нем говорим. Так вот В.И. Ленин и ввел эти декреты. О мире, о земле и заодно об отпусках. Ну и еще какие-то… не помню.

Он часто пересказывал ей то, что бабушка говорила про Советский Союз.

— Представляешь, буржуи копировали советские вещи! И технологии воровали. В СССР никогда свои открытия продавать не умели, а на Западе пользовались этим. По журналам для русских школьников… в конструкторских бюро зарубежных компаний столько всего сделано!

— Понятно, — кивнула Эшли с деланным вниманием на лице. Видимо, не верила.

— А сейчас таких декретов нет нигде! — продолжал Максим,

распаляясь, — Но это не планета перенаселена. Просто власти и капиталисты не заинтересованы в создании идеальных условий для беременных женщин.

— Беременных людей, — поправила его Эшли. — Трансгендеры тоже рожают. И мужчины. Обычных мужчин, цисгендерных гетеросексуалов, которые согласились на имплантацию искусственной матки и вынашивание общего ребенка из оплодотворенной яйцеклетки своей жены — на Земле уже четыре сотни.

— По-моему, это извращение. Моего отца бы хватил сердечный приступ раньше времени. Хоть он и всегда говорил, что человек широких взглядов. Но если бы другого выхода не было… или если бы ты меня попросила… — Максим не договорил, широко улыбнулся и дотронулся до ее руки.

— Дурачина! Я же шучу, — сказала Эшли и пихнула его в плечо, — Я бы никогда такого не потребовала. Это просто смешно. Ты мне нравишься таким, какой есть.

На мгновение в ее глазах зажглись огоньки, он попытался привлечь ее к себе, но она замахала рукой и опять уткнулась в развернутый на стене экран.

Он вообще-то тоже шутил. Даже если бы она почему-то не могла иметь детей, все это давно лечилось и корректировалось. Хотя она могла, насколько он знал. Скорее тут был вопрос личного выбора.

Максим увидел, что на экране у нее открыта таблица склонения финских существительных, и ей надо сдать зачет. Эшли постоянно обучалась на курсах. Совершенствовала владение языками, вплоть до экзотических, и разные прикладные навыки, которые ей никогда не понадобятся. Рихтер мог бы сказать, что это пустая трата денег, но у него язык не поворачивался. Эти средства она сама зарабатывала. Она вообще в основном зарабатывала чуть больше, чем он.

Они и до этого ссорились. Но разлом между ними был связан совсем не с тратой денег и не чувствами, а с политикой.

Как-то после просмотра фильма Копполы речь у них зашла о Вьетнамской войне. Один популярный коуч по семейным отношениям, тренинги которого были довольно дешевы, если подпишешь хотя бы двоих френдов, говорил, что ретро-увлечения могут оживить чувства и позволят найти новые точки соприкосновения.

— Ну, что скажешь? — спросил он, когда экран потемнел. — Вот какой он, твой империализм.

Она усмехнулась, положив голову ему на плечо.

— Это художественный вымысел. Ну давай, расскажи опять,

Макс, как злые «пиндосы»… что за дурацкое слово! — произвели дефлорацию лесов, чтоб выкурить оттуда мирных вьетконговцев…

— Не дефлорацию, а дефолиацию.

— Не важно. А вот я скажу, что мне обе стороны одинаково противны. Я читала, что эти вьетнамские коммунисты расстреливали священников, а трупы во рвах известью засыпали.

— Никого они не расстреливали, кроме продавшихся империалистам. Они боролись за свободу своей страны!

— Это смотря с какой стороны посмотреть. Мне вот кажется, они боролись за тоталитаризм. А американцы, да, совершили ужасное преступление. Реликтовые леса уничтожать токсинами нельзя. И панд. Там же были панды?

— Не было.

— Ну, тогда в чем проблема?

Это она нарочно так поставила акценты, мол, людей, азиатов, «гуков» уничтожать можно, а панд нельзя, чтоб его позлить. На самом деле она не была жестокой, уважала все нации, все меньшинства. Даже слишком уважала. Она была по-своему доброй, более искренней, чем ее подруги, но… все равно чужой. И даже животных и детей любила больше в виде изображений из сети. С реальными, по ее мнению, слишком много хлопот. Хотя нет. Она частенько участвовала в сборе средств голодающим детям и зверям, не делая большой разницы между первыми и вторыми.

Она помогала детям и зверям, а он — партизанам. И оба смеялись друг над другом, сначала по-доброму, потом все злее. Вопросы власти и собственности… чужой, глобальной, а не их личной… стали их камнями преткновения.

— Буржуи все равно отнимут, сколько ты не помогай этим маленьким негритятам! — фыркнул он, увидев назначение платежа.

— Ты просто невежа из Казахстана. Тебя случайно не Борат зовут? Они африканцы, а не негритята. Ты же не скажешь про еврея, что он “kike” или “dirty jew”?

— Я еще и не так скажу, если он плохой человек… но никогда не сделаю человеку гадость, неважно какого он цвета… если он не заслужил. А вы слишком много значения придаете словам. Вся ваша жизнь театр, и вы носите долбаные маски, на которых нарисованы улыбки до ушей. Все знают, что полиции можно застрелить безоружного чернокожего, но нельзя назвать его негром. И у каждого есть право сменить пол сколько угодно раз и выбрать любой гендер или даже придумать свой, но нет права иметь крышу над головой, работу, пищу и чистую воду.

— Знаешь, darling… — она пыталась подбирать слова, пыталась погасить конфликт, — Ты слишком веришь всяким бредням из сети. В странах, где правят буржуи… точнее, рыночная экономика… там ни один ребенок с голоду не умирает. И у каждого есть крыша над головой и автомобиль. Даже бездомным там дают foodstamps, даже хроническим бродягам и наркоманам. А умирают люди там, где правят фанатики, племенные вожди и кровожадные бандиты-радикалы. Такие, как твои лесные друзья. Давай, покупай теплые подштанники своим гориллам с полуострова Калимантан, покупай!

— Полуостров называется Юкатан. И там воюют за свободу неосапатисты. Они герильяс, а не гориллы.

Эшли эти тонкости, конечно, знала, ведь она бывала в Канкуне на отдыхе не раз. Но ей нравилось его троллить. А по-английски слова “gorillas” и “guerillas” и правда, звучат похоже.

При этом он был готов поклясться, что мисс Стивенсон не была социошлюхой, как многие ее подруги. Социальный капитал для нее мало значил. Она не выкладывала длинных трехмерных отчетов о поездках, шоппинге, своих хобби. В сети проводила очень мало времени — от силы пару часов в день и только по работе.

Но в целом у Эшли было слишком мало расхождений с общественной нормой, чтоб они могли ужиться.

С буржуазной моралью, как называли эту норму чуваки, с которыми Макс общался в сети. Чуваки, которые читали Энгельса, Маркса, Фромма, Маркузе и цитировали последние работы Леона Ванцетти. По всему миру левое движение росло как на дрожжах. И это были уже не безобидные говоруны, а те, кто хотел реальных действий.

Эшли такие знакомства, мягко говоря, не одобряла.

«Надо учиться, работать, верить в себя, вкладывать деньги в свое образование и личностный рост! — вот был лейтмотив ее слов. — А не ныть в чатах о благой уравниловке и гуманных ГУЛАГах. И уж тем более не бегать с ржавым автоматом по джунглям!».

Но даже когда они так «кусали» друг друга, в этом был элемент игры и несерьезности. После этого они всегда мирились. Так продолжалось до одного случая.

Это случилось уже в этом году. Когда он, вернувшись после командировки, находясь не в себе, рассказал ей то, что рассказывать не имел права. Про базу и передающую станцию повстанцев на маленьком индонезийском острове ржавых кораблей и операцию по ее захвату. Про то, как Корпус мира ликвидировал и пленных, и свидетелей из обитавших там

«мусорщиков». Парий, находящихся на самом социальном дне, неграждан, не принадлежащих ни к одной стране, но все равно людей.

Он в зачистке не участвовал, но стоял в оцеплении. Макс показал ей снимки, которые сделал сам из глаз, сильно рискуя. Нарушил присягу. Но эффект был совсем не тот, которого он ожидал.

— Ты лжешь, — сказала она. — Или тебя самого обманули. Это монтаж и графика. Я знаю, как такое делается. Я еще маленькая была, когда появился Deep fake.

— Ты о чем? Какой фейк? Я это снял *сам*. Я тоже так думал, пока мне это давали другие. Но я видел это своими глазами. Они убили их всех, а трупы сожгли. И это были не работорговцы и не наркомафия, а люди, которые хотели перемен. Ты хочешь еще свидетельств? Я найду. Сама и решишь, правда это или нет. Я думаю, это не первый случай. Ну так что? Найти?

— Не хочу, — она закрыла голову руками, будто маленькая девочка, зажимающая уши при ссоре родителей. — Мне уже плохо оттого, чем ты меня грузишь. Прекрати. Прекрати, слышишь! Меня тошнит и от тебя, и от твоих ненормальных приятелей. Иди к ним, если они тебе важнее, чем я! Иди! И гоняйся за своим призраком коммунизма. Чертов фанатик.

Она перевела дух. Взгляд ее был страшным, в нем была боль пополам с гневом. Комфортный мир дал трещину, но она пыталась склеить его… и ей это удалось.

На его попытки обнять ее, она просто отстранилась. И вдруг произнесла уже более спокойным голосом:

— Даже если ты не врешь… ну а ты думаешь твои любимые партизаны так не делают? Не убивают безоружных? Не пытают и не режут на куски? Я читала, как тоталитарные режимы уничтожали людей. Побольше, чем Корпус. Ты помнишь Пол Пота? Давай, езжай! В свою Южную Америку. Или Мексику. Ведь ты этого хочешь? Твое место там, а не здесь. Ты убийца. Ты адреналиновый наркоман. И ты врешь себе, что для тебя есть разница, кого убивать. Но тебе важно, чтоб был максимальный риск. Я это давно раскусила. Чтоб была опасность и смерть вокруг, чтоб все рушилось и взрывалось. Поэтому ты и решил поменять сторону, ведь в Корпусе тебе не поручали серьезных дел.

— Корпус не ведет операций против неосапатистов. Они просто крестьяне, доведенные до нищеты, которые взяли в руки оружие, чтоб бороться с эксплуататорами-латифундистами и корпорациями. Эти партизаны не воюют против мирных людей. И не применяют террористические методы.

Забегая вперед, последнее оказалось неправдой, а предпоследнее — полуправдой, но он тогда этого не знал.

— Корпус *пока* не ведет, — ответила Эшли. — Но рано или поздно возьмется. Эти люди могут заварить большую бучу и залить кровью целый континент. Мексика же в Южной Америке? Ах да, в Северной… тем более. Короче, я думаю, ты псих и подставляешь нас обоих. Даже в «Люфтганзе» были бы этому не рады, а тем более в Корпусе. Ты хочешь, чтоб у меня были проблемы? И чем эти лесные люди отличаются от тех исламистов, против которых ты воевал? Те были плохие террористы, а эти хорошие? Я вообще не понимаю, какого черта я тебя еще не сдала с потрохами СПБ!

Она и раньше говорила об этом, но в тот день Рубикон был перейден. Такого Макс простить и забыть не мог, даже если и допускал, что это просто слова. Отношения превратились в разбитую вазу, которую никто не захотел склеивать.

Сама Эшли служила на военной базе в Германии и участвовала в тренировочных вылетах на реактивных самолетах. Тогда еще не было в мире целей ни для разведки, ни для бомбардировки с воздуха, и служба была скучной. Платили там меньше, чем в гражданской авиации, но была перспектива попадания в действующий отряд космических сил. А это совсем другие деньги.

Вроде бы она на него так и не сообщила. Рихтер так и не узнал, по доносу ли его попытались взять или он давно был в оперативной разработке.

Хотя… кто их знает, эти игры спецслужб. Кто сказал, что они должны были его тут же взять, а не пытаться распутать всю нить?

«Ты не можешь быть счастливым и поэтому тебя тянет воевать. А борьба за справедливость и все эти голодные детки — твое самооправдание. Даже Джек Потрошитель и Гитлер искали оправдания. Вот ты и нашел. Ты не можешь радоваться солнцу, каждому божьему дню, птичкам на ветке, смеху детей. Поэтому ты хочешь разрушать, чтоб после тебя оставалась пустыня», — это было из одного ее сообщения, которое он запомнил.

Насколько же она его не понимала…

В тот же день она ему сказала, что никакого ребенка у них не будет, и это он виноват.

Он так и не узнал, был ли это выкидыш, или она избавилась… или ребенка просто выдумала, а теперь открыла правду. Он вдруг понял, что так и не узнал ее до конца. И когда она в очередной раз во время их конфликта сказала ему уходить, Максим так и сделал.

Теперь он понял, что гонялся за призраками именно тогда. За призраком счастливой семейной жизни, благопристойностью среднего класса. Жил ожиданиями других людей, а не своими, по макетам, которые ему подсунуло общество. А здесь в этом аду он наоборот почувствовал, что идет по тому пути, который был ему предназначен.

«Ты не плохой человек. Но, извини, я с самого начала не видела нас вместе. Не видела тебя отцом моего ребенка», — сказала Эшли ему на прощание. Но это был выстрел мимо цели, ему не было больно.

И теперь, напрягая память, Максим мог бы цинично сказать, что самыми приятными моментами их отношений за эти годы были те минуты, когда он был с ней, внутри нее. Это было циничным преувеличением, но не таким уж сильным.

Можно найти хоть сто таких как она, но зачем? Ключевая фраза «таких как». А вот найти других сложно. Он этим займется, но пока у него по плану было трудиться на благо революции и нового государства, которое, как он надеялся, одной Мексикой не ограничится.

*****

В лазарете была хорошая вентиляция, поэтому тяжелый запах, похожий на вонь давно не мытого холодильника, где испортилось мясо, тут почти не чувствовался. Пахло лекарствами и моющими средствами.

Несколько фигур в синих медицинских халатах вышли Рихтеру навстречу. Одну из них военспец узнал сразу. Русский врач-партизан, как всегда шумный и занимающий уйму места, что-то рассказывал невысокой мулатке. Видимо о своей родине, мешая испанские, русские и английские слова, продолжая какой-то незаконченный разговор:

— Ветер такой, что собаки мимо пролетают. Плевок замерзает на лету. Там, дорогуша, спирт нужен для работы не только механизмам, но и людям. Но я тебе ушанку подарю, настоящую. Really! From my heart.

Увидев Максима, он застыл и хлопнул ладонью себя по колену.

— А вот и ты! Хуэрто-муэрто! — и крепко пожал ему руку, хлопнул по плечу и хорошо хоть обниматься и лобызаться не полез (Максим видел в старых фильмах, что русские так иногда делают). — Привет, военспец! Как же я рад! Пришел проведать наших? Сейчас, проведу.

Сибиряк, похоже, только что вышел из операционной и тут же

выпил хороший глоток из маленькой стеклянной бутылочки, которую достал из кармана. А еще достал мятую пачку сигарет и тут же закурил.

— А я уже задолбался врачевать. Мне хочется калечить врагов, а не лечить кого-то. Но нужно. Ого, а что у тебя с плечом? Чего скривился? Болит?

Максим кратко описал симптомы.

— Говоришь, чувствительность в руке пропадает? Пошли, просветим тебя. С этим не шутят. Только надевай бахилы. Всего два песо… шучу. Для тебя — даром.

На ногах у врача уже были хирургические бахилы, но он их тут же запачкал, потому что на полу в коридоре была дорожка из частых кровавых пятен и капель.

— Ёперный театр! Пилар, солнце мое, вытри здесь! Если не трудно тебе, — будто оправдываясь, русский подозвал невысокую, но крепкую мулатку в белом халате медсестры или санитарки.

— Может, повязку рано сняли, или у кого-то швы открылись. Очень много тяжелых, сам видишь… — объяснил он Максу. — Открытые раны, ожоги, травматические ампутации, все дела… А жаль, что меня не пустили в бой. Хотел порвать жопу этим лакеям империализма на мальтийский крест. Но вы и без меня справились.

С ним были и двое старых знакомых. Не без удивления Рихтер узнал бывшего бойца «Ягуара» по прозвищу Могильщик, который кивнул ему почти приветливо. Тот был одет как медбрат, хотя его халат слабо вязался с разбойничьим лицом. Видимо, он ассистировал русскому. Ну и страховидло. Но во время боя лицо того было прикрыто шлемом, а сейчас стерильной медицинской маской. Потому что он, двухметровый мексиканский «мрачный жнец», тощий как палка, хорошо бы смотрелся в фильме «От заката до рассвета». Неужели он был работником похоронного бюро?

Здесь же Макс увидел и Розиту. Девушка принесла своей соотечественнице ведро и швабру, а сама отправилась за новым ведром. Видимо, пришел час санитарной обработки. И даже сейчас никакие автоматы не могли полностью заменить в деле клининга эти простые привычные инструменты.

Сибиряк похвастался, что она отправила на тот свет нескольких корповских офицеров и снайперов. Да еще, мол, бессчётное количество роботов в их кибернетический рай. А теперь без лишней гордости трудилась по своей медицинской специальности и даже помогала санитарке мыть пол в больничном коридоре.

— Пойдем! Девочки справятся. Уборка и готовка у них лучше

получаются от природы. А мне нельзя. Вдруг срочная операция… а я уставший буду, хе-хе. Мой робо-помощник делает перевязки, Могила за ним присмотрит… он и правда как немой, но это даже плюс. Пилар пока еще стажерка, она клевая, хотя ни английского, ни русского не знает, а ее имечко переводится как «колонна»! Розита тоже молодец. Короче, мое присутствие пока не требуется, поэтому могу тобой заняться.

Он на ходу послал мулатке воздушный поцелуй:

— Извини, солнце, сейчас, осмотрю камрада, отведу его к нашим корешам, а потом вернусь. Не скучайте.

Ушанку подарит, значит. Странно, что не пообещал ей ручного медведя. Скольким он уже такое обещал, интересно? Жители этой теплой страны, где никогда не бывает нормальной зимы, слушали его, как барона Мюнхгаузена. Из-под медицинского облачения у него был виден ворот его любимой полосатой тельняшки.

Максим невольно восхитился ими всеми. Без громких слов, простые, грубые и немного пошлые, они тут спасали жизни — своих, интербригадовцев и бойцов la Milicia, и мирных, и, даже плюясь, врагов. Правда, пел при этом Гаврила свои странные песни про проскрипционные списки и расстрелы: *«Повсюду электричество включили, и в Думе съезд советов состоялся… В тугой петле на молодой осине… Чубайс болтался, Чубайс болтался…».* Какой-то старый русский бард. Тоже наверняка давно мертвый, как и государственный деятель, о котором он пел. Максим не знал, чем этот Чубайс им так не угодил, но бабушка тоже его не любила.

Пока они шли, русский не переставал трепаться, и вдруг он замолчал. Взгляд его стал серьезным, улыбка исчезла.

— Знаешь, я бодрюсь, дурачусь, но на душе такие котяры скребут… я такой простой только потому, что это помогает головой не поехать. Иначе бы уже.

Осмотр с применением робота-диагноста занял всего пять минут. Оказалось, что это сильный ушиб и ничего более.

— Хорошо, что много кальция жрешь, кости крепкие. А что рука отнимается — это шок, нервы и переутомление. Тут у всех что-то отнимается. Никаких признаков чего-то более серьезного. Вот тебе нано-шмано-мазь, как принимать там написано на тюбике. Ну и главное правило: «следить за динамикой». Фотку можешь не присылать, но через пару дней отпишись, что да как…

Рихтер решил не тратить его ценное время и не занимать приборы, работа которых пригодится и другим.

— Все ясно, спасибо. Поправлюсь. Пошли к нашим! Или я сам

дойду?

— Нет, давай уж я с тобой. А то еще заблудишься. А хорошо, что пленных столько взяли. Пленные эти… копрофилы… пригодятся на обмен. Как в древности, когда или выкупали, или в рабство обращали… или резали. И никаких тебе гуманизмов, — рассуждал Гаврила, изображая циника, пока вел Макса по запутанным коридорам, мимо импровизированных палат, где лежали бесконечные раненые. — Ведь много наших томится на всех континентах в тюрьмах.

Это была чистая правда. На одного задержанного повстанцами приходилось пятеро тех, кого арестовала по всему миру полиция, Корпус и СПБ. Но это были в основном случайные люди, и судьба их была незавидна. «Авангард» не очень-то дергался их выручать. Да это было и нереально.

— А что вы будете делать с мертвыми корпами? — спросил Макс, увидев на каталке человека в форме «матадоров». — Раненых вы, я вижу, лечите. А погибших выдаете родственникам?

«Убийца» был без сознания, его левая нога, на которую был наложен жгут, представляла собой кровавое месиво. Ботинка не было. Стопы скорее всего тоже.

— Нет, пока не выдаем. А потом… бродячих собак в городе полно. Не в даун-тауне, там всех распугали, конечно, но скоро прибегут из других районов. Ты же не хочешь обидеть защитников животных?

— Их опасно обижать, они могут отомстить покруче, чем корпы, — хмыкнул Рихтер. — Страшнее только веганы… Но тут полно тел, про которые даже не ясно, что это за люди, наши или корпы, мирные или нет. Одной идентификации еще на многие месяцы. Многих только по ДНК смогут опознать.

— Ладно, не дрейфь, я шучу про псов. Пока есть место, пусть дохлые враги полежат в холодильниках. Нет, деньги нам за них не нужны. Каждого потом выдадим с подробным описанием их дел. Чтоб их родственники знали, кем их мужья, сыновья или папаши были. «Матадоров» это тоже касается. Ну а закончится место… пожалуйте в печку или в братскую могилу.

Из-за специфического жизненного опыта и врачебного сарказма речи Гаврилы многих эпатировали. Но почти все знали, что он человек в общем-то добрый. И признает право быть сожженным в крематории даже за самым жестоким наемником. Тем более даже про многих погибших с оружием было далеко не ясно, за кого они были, и были ли вообще за кого-то.

Они заговорили про то, что их снова передают в отряд «Панчо Вилья», который теперь увеличится в численности до батальона и будет разделен на взводы и роты. Максим сказал, что одну из

последних возглавит лично.

Гаврила просиял.

— Ну, теперь дело пойдет. Я давно говорил, что ты далеко заберешься, немец… если не прибьют. Да ладно, шучу. Можешь на меня рассчитывать. Могильщика тоже берем.

— Он был работник морга или сотрудник похоронного бюро?

— Нет, он просто закопал одного бандита-коллектора живым, отсюда и прозвище.

Рихтер ничего не стал говорить про самосуд, но решил, что перед приемом надо тщательно проверить этого человека. И вообще всех. Чтоб не было новых эксцессов.

— Как питаются раненые? Продуктов достаточно?

— Они получают все, что надо. Это у меня нет продуктов, — Гаврила указал на свой живот, — Тут, потому что нет времени пожрать. Мне психолог сказал поддерживать себя самовнушением, а я хочу самогоновнушением. Не боись, раненые получают по высшему разряду. Продукты богатые чем нужно. А вот мне нужны продукты, богатые алкоголем, чтоб обнулить память винчестера. Завтра утром, когда меня сменят, я пойду навещу склад одного торговца в районе Мискоак. Этот maricon de mierda… нехороший человек… обещал нам ящик отличной текилы. Но сбежал из города неделю назад. Забоялся репрессий. Да за кого он нас принимает, ха. И запаролил хранилище. Вот завтра я получу увольнительную и наведаюсь туда. Реквизирую для клиники запас спирта, а себе возьму мой ящик. Я уже договорился, мне помогут трое антиподов из Буэнос-Айреса. Тебе принести пару бутылок? Por favor, май фрэнд! Или может, с нами выпьешь?

Аргентинцев русский назвал антиподами, видимо, от близости их страны к Южному полюсу.

— Нет, спасибо, не нужно. Да и пить настроения нет. Отдай тем, кому нравится.

Доктор-партизан немного скис.

— Ну как хотишь. Ты меня извини, брат, за все. Просто нервы ни к черту. Меня давно надо ужином напоить и спать уложить, но тут одна дамочка не понимает намеков. Ты сказал про трупы… вот я недавно был в морге. Там ад. Как и во всех моргах города и штата. Крематории работают без перерыва. Урны с прахом грузят в фуры, как апельсины. Падре собирается тут же и сегодня ночевать. Отпевает… не только католиков, а всех христиан. А может и нехристиан тоже. Тела привозят тысячами. Они лежат там уже не на столах, а просто на полу. Некоторых опознают. А многих — нет. Я видел такие сцены, что хватило на всю жизнь. Я такого не встречал, хотя десять лет проработал в медицине

катастроф. А многих не опознать вообще. Никогда.

Он имел в виду, например, те случаи, где погибла вся семья целиком под залпами спутников или артиллерии, у которой, даже у своей, бывали и промахи. Весь город уже завесили объявлениями о пропавших людях. В локальной сети творилось то же самое. И это еще не включили общую, хотя бы в рамках страны…

— Во всех отделениях больниц тоже бедлам и долбанное чистилище, — добавил русский. — Даже хуже, чем здесь. Тех, у кого ранения и травмы допускают транспортировку, будут распределять в больницы штата… и даже соседних штатов. А самых легких и вовсе отпускаем долечиваться дома.

Несколько минут они молчали, и Гаврила вертел в руках еще одну сигарету. Похоже, просто, чтоб занять руки. Видно было, что нервы у него на пределе.

— Габриэл, подскажи, где в России говорят «мультифора»? — Максим задал вертевшийся давно на языке вопрос. — В значении «файл для листа бумаги»?

— Интересно-интересно… и где ты такое услышал?

— От одного твоего соотечественника.

— Ого, ему, поди, за семьдесят. У нас в Сибири так старики говорят. Все остальные… только «файл». Если молодые вообще знают, зачем нужна эта фигня. Но… погоди… еще я слышал один раз, когда был в Шанхае, зубы лечил. Русских там мало на побережье, они почти все живут в специальных городах. Но я видел нескольких. И у них там язык своеобразный. Как в двадцатых, когда они уехали. Они даже по фене ботают, которую в самом РГ после тюремной реформы уже забывают. А что?

— Да так, просто спросил.

"Jannisary" — мелькнула в мозгу Рихтера догадка, словно кусочек паззла, который он нашел случайно. Янычары. Участники «Евразийской программы сотрудничества».

В остальном мире почти не заметили, как когда-то пятьсот тысяч жителей тогда еще РФ, а не РГ, отобранных по сложной системе были заселены в пятнадцать городов-призраков, раскиданных по всей территории Поднебесной. Двести пятьдесят тысяч мужчин в возрасте от восемнадцати до тридцати лет и столько же женщин до двадцати пяти, которых отбирали почему-то из жителей провинциальных городов, исключая Москву и Санкт-Петербург. Все они обладали ярко выраженным славянским фенотипом, хорошим экстерьером, не имели проявлений генетических заболеваний в течение трех поколений. Все они были добровольцами, все, если верить просочившейся информации, получили бесплатные квартиры, большие

подъемные, освобождение от налогов на десять лет и еще кучу льгот… плюс презрение и зависть бывших соотечественников, и смешанное отношение — от новых. Их договоры и вид на жительство сначала продлевались каждый год, а потом им предложили службу на новых условиях. И гражданство. Так они стали еще одним национальным меньшинством. Русские из России их недолюбливали, а остальной мир не знал, кем считать — русскими или китайцами. От других русских и европейских экспатов в Китае — которых было немного, их отделяла стена «особого статуса». А еще активно циркулировала конспирологическая версия, будто их завезли для опытов, похожих на те, которыми занимались нацисты или японский «Отряд 731». Или для репродуктивных экспериментов. Но никто из них не жаловался. В редких интервью все просто лучились довольством и на подопытных крыс точно не походили.

«Я скорее макаку в жопу поцелую, чем подам руку «янычару», — говорил Гаврила, хотя самих китайцев очень уважал («Молодцы, что разобрались со своими либерастами на площади Тяньаньмэнь. Поэтому и рванули в будущее, обогнав и русских, и пиндосов. Балласт сбросили! Там, где много либерастов, будет много и контрастов»).

Ходили слухи, что цена, которую заплатили за эти бонусы новые янычары, была высока. И совсем не работой в китайских борделях или на урановых рудниках Казахстанского совместного протектората она являлась. Даже если про эксперименты и выведение гибридов врали, силовые структуры восточного столпа Мирового порядка услугами «спецпоселенцев» точно пользовались. Многих из них видели и запечатлели в форме китайских силовых структур. И никто не знал про секретные пункты договора. Видимо, условия включали пожизненное неразглашение.

Впрочем, это ничего не значило. Они были свободными людьми, и обладали своей волей. В промывку мозгов и зомбирование верилось слабо. Слишком уж много их. Поэтому Максим допускал, что любой из них мог разорвать свой контракт и поехать воевать в Мексику за свои убеждения. Все-таки Рихтеру хотелось верить, что перед ним стоял человек, похожий на него, а не простой наемник.

Именовали их сами китайцы “jannisary” или нет, Максим не знал. Вряд ли. Слово тяжелое для китайского уха. Скорее их звали общим термином для всех иностранцев — «лаовай». Но у этого слова было еще одно значение — растяпа, профан, невежда. Но никаким растяпой тот явно не был. Или их звали общим словом для всех китайских русских. «Элосы-цзу».

И вот, возможно, один из таких янычаров-лаоваев ему повстречался в подвале Тлачи-Билдинг. Двухметровый, здоровенный как медведь. Случись им драться без брони, Рихтер оценивал бы свои шансы как призрачные. А еще у Максима было нехорошее предчувствие, что он сам увидел то, что видеть был не должен. И что если бы штурмовики не понесли потери от двух предателей, они могли бы совсем по-другому поступить с «Ягуаром».

Мерзкие подозрения… и, возможно, надуманные и необоснованные. Но уж очень много предательств, подковерных интриг, диверсий и убийств произошло вокруг него за эти недели. Хотя все могло быть проще. Здоровяк скорее всего был обычным русским дальневосточником, а словечко просто вырвалось. Не стоило разводить вокруг это конспирологию.

Рихтер отдал все, кроме трех тысяч песо, которые понадобятся ему для покупок, в фонд Помощи Павшим Товарищам. Он надеялся, что гражданским поможет какой-нибудь Красный Крест. Вроде гуманитарная помощь уже поступала… хотя Корпус и пытался ее реквизировать и задержать на границах, грузовых терминалах и морских путях. Но вот тем, кого считают террористами и наемниками мафии, вряд ли официальные международные организации помогут. Разве что независимые… которых за это могут и легального статуса лишить.

Хотя в сети говорили, что это сам «Авангард» не хочет никакой помощи принимать. Кому верить, каждый решал сам.

Конечно, не все в интербригаде были социопаты и одиночки. У большинства остались там, в других городах или странах, а иногда даже на других континентах, жены, дети, другие близкие. А уж местные добровольцы из la Milicia, сложившие головы у подножья Башни Тлачи, почти все были семейными. Обо всех теперь надо как-то позаботиться, включая на первый взгляд курьезные случаи, когда без попечения в Акапулько остались десяток кошек и пять золотистых ретриверов.

Будут, конечно, много красивых слов про то, что «тот, кто погибнет за свободу, останется в вечности», но это не могло заменить простой материальной помощи. Будут еще слезы, настоящие и крокодиловые, бравурные марши и проникновенные речи. Но никакие слова и участие не заменят обычных денег, в глобо или местных песо — тех самых денег, против господства которых они боролись.

И они собирали им деньги. Потрошили заначки, доставали замусоленные бумажки, брали последнее с почти пустых счетов. Не только на перевозку и похороны… но и на помощь семьям.

Иногда, чтоб заплатить их кредиты. Ведь отмены долгов в духе «гуляй, рванина!» были только в Мексике. Даже в союзной Боливарианской Конфедерации частные банки еще работали и ссудный процент, хоть и с оглядкой на всяких «народных контролеров», взимали.

Денежный вопрос в интербригадах, вопреки досужим сплетням, был пока поставлен плохо. Регулярной стабильной зарплаты не имелось, суммы «плавали» и были довольно несерьезными. Все время обещали, что после нахождения новых добровольных или не очень добровольных спонсоров все изменится, но этот вопрос пока решен не был. Поэтому почти все скромное жалование этого месяца те, кто не имели иждивенцев, решили отдать семьям погибших.

Повидав бойцов «Панчо Вильи» и «Ягуара», раздав собранную им передачу из вещей, продуктов и лекарств, Рихтер отдал свой необходимый долг чести и милосердия, и освободил себя от этой обязанности. Теперь можно было уходить. Лишнего он не будет задерживаться. Хотелось побыть одному, чего ему давно не удавалось.

На прощание Гаврила ему выдал еще один свой афоризм:

— Ну, покедова, братец фриц. Удачи! Хотя какой ты фриц?.. Кто против фашизма, тот уже русский.

Проходя мимо ожогового отделения, где больные лежали даже в коридоре на кроватях, диванчиках и пластиковых сидениях, поставленных в ряд, Рихтер услышал голос.

— Вы здесь, сынки? Вы здесь? Здесь?..

В коридоре лежали два человека. Тут был раненый негр в форме сержанта Милиции, который мирно спал… может, не совсем здоровым сном, накачанный обезболивающим. Половина туловища у него была закрыта ожоговыми повязками.

Но голос принадлежал не ему, а женщине, которая была забинтована словно мумия. Только лицо ее было открытым. Даже странно, что такие бинты еще применялись. И Макс понял, что она обращается к нему в полубреду, и смотрит в его сторону.

— Ну что, сынки, навоевались? — сказала старушка.

О ее возрасте он мог только догадываться. Лицо было морщинистым, но жизнь всех старит по-разному. И вдруг ему на секунду показалось, что эта та самая старая индианка из народа майя, предсказавшего конец света на 2012 год, которую он видел рядом с отелем в Канкуне.

Та же самая? Черта с два. Рихтер вспомнил, сколько километров отсюда до штата Кинтана-Роо, и только затряс головой. Конечно, старуха была другая. Просто типов лица,

особенно у индейцев из изолированных горных районов, не так уж и много. Он хотел взглянуть еще раз, но живой мумией уже занялась крупная сестра милосердия, загородив ее своей массивной фигурой. Она собиралась поставить той капельницу. Все современные приборы в палатах интенсивной терапии были, видимо, заняты.

— Макс, hello! — услышал он знакомый голос, когда пересек приемное отделение и подходил к выходу из больницы. — Навещал наших? Молодец, hermano.

В похожей на аквариум комнатке охранника сидел его старый знакомый.

— А, это ты, Диего, — сказал Рихтер, узнав товарища, который открыл стеклянную дверь и вышел к нему. — Что ты тут делаешь?

— Попросили посидеть пару часов. Заменяю одну приятельницу… по прежней жизни. Пока она сбегает ребенка из школы забрать. Да, школы уже заработали. Завидую… У тебя есть минутка?

— Дружище, давай побыстрее, — покачал головой Рихтер. — Я спешу.

— Я не хотел об этом говорить… чтоб никто не подумал, что я псих.

Парень переминался и ходил вокруг да около, будто не хотел делиться тайной. Вокруг в приемном покое были люди, но никто не смотрел на них двоих, все были погружены в свои дела и суету. Поэтому он заговорил снова.

— Когда мы летели… я почувствовал себя… странно. Это было похоже на приход.

Что он имел в виду? По-английски военспец услышал в ухе слово “trip”. Какое еще путешествие?

Да нет же. Это так транслятор перевел сленг наркоманов, которым Диего воспользовался. Имелся в виду «приход» — ощущение после принятия дозы. Глюк. Галлюцинации. Эйфория. Измененное состояние сознания.

— Короче, меня вштырило, как после колумбийского «кокса». Да, было время, когда я употреблял эту дрянь. Потом соскочил. А там в воздухе почувствовал то же самое, только в десять раз сильнее. Или в миллион. Как будто я могу поиметь самого дьявола, и еще силы останутся, чтоб закинуть Тлачи на этот… Эверест. Или на Луну. Что ты скажешь на это, Макс?

Рихтер молчал. Ему захотелось закурить по примеру Гаврилы, который, не стесняясь, доставал сигареты, не обращая внимания на зрачки старомодных камер.

«Значит, там в полете мне это не показалось. Но это было не что-то, что внедрили в меня одного. Это какое-то направленное воздействие. Очень сильное. Раз оно повлияло даже на полностью биологические объекты. А у этих тупых зомби в Башне было что-то противоположное ему. Иван сказал бы, что это бафф и дебафф… Чепуха!»

— Я думаю, это атипичная реакция нервной системы на дыхание через аппарат, — сказал он вслух. — Такое бывает. Либо комплексная реакция на стресс, вызванный подготовкой и ожиданием боя. Вряд ли нам командование добавило что-то в еду. Даже если отбросить моральные вопросы… это слишком большой риск. Мы и без этого готовы были рвать врагов.

— Понятно. Ты меня успокоил, — сказал Диего, но по глазам Рихтер понял, что не убедил того. — Значит, показалось. Я тебе еще одну вещь хотел доверить, Макс. Как другу, не как командиру. Я ведь был бандитом. Мафиози.

Молодой партизан сказал это так, будто тайна его тяготила.

— Я и так это знаю, — ответил военспец.

— Нет, ты не понял. Я был не мелким автовором! Не только вытаскивал чипы из дохлых чуваков. Я настоящие мокрые дела проворачивал! И дурь мы распространяли. Даже в школах. Я был в MS. Их мексиканском «отделении». Я был решалой. И на «стрелки» с «пушками» меня брали. Ты мои татухи видел? Такие обычной мелюзге не делают.

Ого. MS. Mara Salvatrucha — бригада «сальвадорских бродячих муравьёв». Знаменитая организация, которой скоро исполнится восемьдесят лет. Хотя, какая в сущности разница? Бандит он и есть бандит. Это как в советском кино, которое любила бабушка — «там у него не закрытый, а открытый перелом!».

— Ну и что? Как думаешь, кому было выгодно, что такие молодые оболтусы шли в банды, вместо того чтоб учиться?

— Этим чертовым гринго и банкирам, — ответил парень. — Все боссы мафии были повязаны с этими шишками из Мехико-сити. Но я-то думал, что у меня есть семья, клан, род. Что я служу ему. Но когда мне понадобилась помощь, когда я влип… никто обо мне, блин, не вспомнил. Это в прошлом. Теперь я буду служить только народу. А не каким-то чупакабрам-кровососам.

«Сальвадорские бродячие муравьи». Рихтер читал о них в файлах. В свое время банду почти ликвидировали федералы и конкурирующие мафии, от нее отпочковывались отдельные бригады, исчезли цифры в названии… но суть оставалась прежней. И она всегда возрождалась, как гидра. Вход в банду только через убийство. Желательно с отрезанием головы. В банде

двести тысяч человек. Значит, где-то в земле или на дне лежат минимум сто тысяч безголовых трупов!

— Ты убивал тогда? — спросил его Макс.

— Да, пару раз. Но они были плохие люди. И головы я им не отрезал.

— Добряк.

— В сравнении с нашими главными отморозками я был паинькой. А до этого я был в небольшой банде. Мы называли себя “muertos locos”. Бешеные мертвецы. На самом деле бригад с таким названием было хоть пруд пруди. Но мы были самые крутые из мелких. Носили маски с изображением черепов. Шантажи, грабежи и все такое. И нашей визитной карточкой были черепушки, которые мы оставляли как знак. Обычно от мелких животных.

«Бешеные мертвецы? Нам это название бы тоже подошло, — подумал Макс. — но вряд ли София это бы одобрила».

Он знал, что перед штурмом небоскреба Диего отдал кому-то из тех товарищей, кто не летел, свой нательный крест, и распорядился, как поступить в случае его гибели. Крест надо было передать его матери, и что-то там сказать его девушке, оставшейся в Мехико и так далее.

— Короче, спасибо за уроки политической грамотности, jefe. Я по-новому стал смотреть на все. Мне реально стыдно за свое прошлое. Если бы у меня был выбор, я бы стал таким человеком как ты.

Рихтер чуть не пустил слезу умиления. Без шуток.

Максу вдруг захотелось дать ему важный совет, который он мог бы дать своему сыну. Про то, что нельзя никогда сдаваться. Неважно, противостоят ли тебе люди или косная материя. Трудно — удвой свои усилия. Не получается — утрой их. Учетвери. Упятери. Стисни зубы, мать твою. Не жалуйся и не жалей. Никогда не отступай. И когда-нибудь все стены рухнут.

Но он понимал, что смешно, зашибательски смешно давать советы о достижении жизненного успеха, когда ты разыскиваемый по всему миру преступник и все твое имущество умещается в айпаке за спиной. Даже на его небольшую собственность в Великобритании, включая долю в доме — наложили арест. А всю его электронику, от мелочи до техники «умного дома», его машину — конфисковали. В компенсацию ущерба, который он якобы нанес своими действиями всему человечеству.

Диего, по крайней мере, был на своей родине. А у него самого не было ни одной страны, которую можно было бы назвать своей. Только призрак нового мира.

Пусть даже успех не в деньгах. Но и чинов с должностями ему

тоже не досталось. И даже квартиру в Мехико в собственность не дали, хотя кто-то уже, как говорят, урвал и не одну. А иногда и с машиной в гараже.

Но Максим знал, что из него хреновый педагог, и этот парень был ему не сын, а учить уму-разуму здорового лба как-то глупо.

«Я ему что, проповедник из Свидетелей Иеговы? Не буду я говорить ему слащавые слова. Пусть сопли не распускает. Так-то он не тряпка».

— Ерунда, мучачо. Мы тут все не ангелы. Выкинь это из головы и иди лучше к своей mujere[3]. То есть сеньорите.

— Я так и сделаю. Только сначала мы сходим с ней в Базилику Божьей матери. Марии Гваделупской. Вспомним всех наших погибших и поставим свечки.

Это был намек и камень в его огород, но Рихтер пропустил его мимо ушей. Он уже попрощался со всеми, кто погиб и даже выпил рюмку за упокой, хотя и был трезвенником. Какого лешего он еще должен идти в храм? Сам он ни во что не ставил такие ритуалы, хотя понимал, что среди поголовно суеверных вояк не стоит трындеть об этом.

Да что там вояк! Это они еще пилотов не видели. Всю жизнь его атеизм и рационализм старшие коллеги считали юношеской бравадой и подростковым нигилизмом. Типа ты еще повзрослеешь и одумаешься. Даже когда ему минул «тридцатник». Притом, что ни одной аварии с человеческими жертвами на дирижаблях «Титан» не случалось, и никакого суицидального таланта не хватило бы пилоту, чтоб разбить этот аппарат даже намеренно.

Поэтому он сделал вид, что не понял намека, и сказал Диего, обретшему веру, что у него еще дела в городе, поэтому ему надо идти побыстрее. В общем-то это была чистая правда. Но его главным делом было просто немного отдохнуть и поспать.

*****

Рихтер знал, что ответ на угрозу извне НарВласть (запоздало, по его мнению) начинает массовую мобилизацию. Указ об укреплении вооруженных сил включал пункт об упразднении принципа добровольности при комплектовании Народной Милиции.

Одновременно началось ужесточение режима для мирного населения. Постановление № 5006-507-КТ гласило: «Безотлагательно начать очистку от нежелательных элементов территорий, объявленных прифронтовыми…». Список территорий и нежелательных элементов прилагался.

Ходила шутка, придуманная еще при старом режиме, что надо сообщать на соседей первым. Мол, свидетелей, конечно, в застенках тоже пытают, но обвиняемых пытают сильнее.

Но большинство жителей Мехико об этом не задумывались. Они праздновали и радовались. Особенно беженцы, возвращавшиеся в полупустой город, чтоб, как они надеялись, вернуться насовсем к мирной жизни.

Максим смотрел на них всех — на мужчин, женщин, детей. Молодежь, средний класс, сезонные рабочие и мигранты из еще более бедных стран — Гаити, Сальвадора и Гватемалы. И даже из Африки. Его наметанный глаз без подсказки научился их различать.

Почти вчера некоторые из них жили в долг. Платили проценты за микрокредиты… но платили марконалоги и покупали еду по макроценам. А сегодня у них был праздник непослушания. Парижская Коммуна тоже первым делом «простила» людям недоимки и долги.

Прогнозирование было явно не их сильной стороной. Армия аутсайдеров, которые не понимали, что борьба только начинается.

Теперь они ликовали и, видя его форму и его потрепанный вид, замечая синяки и ссадины на лице, которые они сразу определяли как боевые (это действительно были следы от ударов пуль по шлему нанаброни), звали его выпить с ними.

Рихтер вежливо всем кивал и улыбался. Жал протянутые руки, но вежливо отказывался и отстранялся. Меньше всего ему хотелось сейчас развлекаться. Всеми правдами и неправдами попытался уйти, пока не выбрался из толпы на свободное пространство.

Среди всех лозунгов, которые звучали вокруг, ему запомнился один: “La revolucion mundial!”.

Мировая революция. Но он почему-то вспомнил популярный в этих краях футбол. Да, революционный мундиаль, продолжался, они забили гол, вот только теперь мяч был у противника.

На других континентах ситуация была далеко не такой радужной. А если быть честным, то почти провальной. Все, что оставалось — защищать свои ворота… точнее, свои завоевания.

Вечерело. Вдыхая разреженный горный воздух, к которому он уже привык, Максим еще раз вспомнил Кортеса, который, прежде чем с горсткой своих соратников залить эту землю кровью, сжег свои корабли, отрезая своей команде путь к отступлению.

А ему самому не понадобилось ничего сжигать. Ни мостов, ни кораблей. Полная свобода. Ему было легче, чем тому же Сильвио. Его не ждал ни кот, ни ретривер.

Но все было хорошо. Никогда так спокойно военспец себя не чувствовал.

Руины города дымились. Тысячи трупов еще лежали под завалами. Это была то ли Ночь печали конкистадоров, то ли день гибели ацтекского Теночитлана. И он понимал, что это еще далеко не конец.

Дел еще было море. Надо было наводить порядок. Уже поступили жалобы, что какие-то типы с автоматами, заявляя, что они из «Авангарда», творят bespredel, избивают даже не богатых, а просто чуть более обеспеченных жителей города, чем нищие. Грабят и вымогают, а тех, кто не платит, поджигают, облив бензином.

Но пока люди радовались, что прощены долги, что впереди невероятное ослепительное будущее. Счастье, как и горе — социальный конструкт. Если мы знаем, что должны убиваться от сломанного ногтя или неудачного селфи — мы будем. А если в обществе принято нормально относиться к смерти половины детей в младенчестве… то легко предугадать реакцию индивида.

Но когда ты один, ты сам решаешь, что для тебя счастье. И почему не считать счастьем возможность участвовать в самой важной борьбе в истории человечества, подумал Максим.

А еще Рихтер вдруг вспомнил, что надо посмотреть тот ролик, который переписал ему покойный Иван Комаров.

Диего Гарсия погибнет через неделю в обычном патруле в спокойном спальном районе, убитый выстрелом в спину. А война… война действительно только начиналась.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]Vamos (исп.) — Пойдем!

[2]Niños (исп.) — дети.

[3] Mujere (исп.) — женщина.

Часть 6. Вторая попытка

— «Анжелина, судьба моя… И зачем мне вечность, если тебя в ней не будет?..»

«Любовь постчеловека», ретро-телесериал, режиссер Сиддхартха Мэй, 225 серия.

Гарольд Синохара, капитан военно-космических сил Корпуса мира ООН, 41 год. Берлин, административный округ Трептов-Кёпеник

«В мире две проблемы. Слишком много людей. И слишком много плохих людей. А все остальные — производное от них».

Гарольд Синохара в который раз думал о том, что люди — это материалы разной твердости. От алмаза до гипса. А некоторые и вовсе глина. Можно вылепить, что хочешь, но потом надо обжечь для твердости. А иные — песок. Ничего не сделаешь, кроме куличиков. Нужно долго обжигать, чтоб получилось нечто твердое, вроде стекла, но результат будет все равно хрупок. Хотя и красив. А некоторые — дерьмо. Ничего из них не выйдет, кроме удобрения.

Так кто же он сам? Он знал, что не камень. Жизнь его не раз сгибала. Возможно, резина. Каучук или его синтетический аналог. Можно немного согнуть, но стоило пропасть давлению — он тут же распрямлялся и принимал прежнюю форму. Сломать его еще никому не удавалось, хотя пытались многие, обманувшись в его оценке. Приняв сдержанность и спокойствие за слабость и неуверенность. Некоторые из них за это жестоко поплатились, если не жизнью и здоровьем, то нервными клетками или даже карьерой.

Но чаще, чем сталкивался с намеренной враждебностью, он находил проблемы сам. Просто лез туда, где не ждали, не чувствуя и не понимая намеков. Лез упорно, напролом, воспринимая даже десять провалов или отказов как «случайное совпадение».

Возможно, сейчас был подобный случай. Но как узнать наверняка?

Самурай принимает все решения в течение семи вдохов. Если решение не приходит, надо переключиться на что-то другое, поскольку для принятия еще не созрели обстоятельства, либо ты сам.

Но сегодня вдохов понадобилось всего четыре.

Обычно он принимал решения еще быстрее. В Индонезии,

когда «Джемаа Исламийя» атаковала их позиции в ту сентябрьскую ночь, которую не пережили почти двадцать солдат и офицеров Корпуса мира и еще больше контрактных наемников, он выбрал один из планов отражения атаки базы за три вдоха. И все было сделано правильно. Дроны резерва были распределены по опасным участкам периметра, контроль за взломанными турелями, которые поливали огнем их собственные посты, был восстановлен. И даже направление контратаки он выбрал верно, грамотно поддерживая двуногую человеческую пехоту своими шестиногими, летающими и гусеничными подопечными из металла. Почти никто из террористов не ушел живым. Именно за ту операцию он был награжден.

Но у всего есть цена.

— Как ваш персональный юрист я поздравляю вас с успешным оформлением развода, — вывел его из размышлений голос Аннабель.

Сухая формальная фраза была сказана не формальным, а игривым тоном.

— Спасибо, — он налил ей вина в бокал, — Твоя помощь была неоценимой. Удалось оставить за собой на десять процентов больше, чем планировал. Ты настоящее сокровище.

«Сокровища надо искать, а беды находят нас сами», — вспомнил Гарольд изречение… возможно, свое собственное.

Аннабель слегка поклонилась, но в этом жесте было больше иронии, чем покорности. Бокал вина в ее руке казался дополнительным украшением — в тон к ее волосам и в контраст к платью.

— Вы же знаете, что я все сделаю в лучшем виде.

Они говорили по-японски, поэтому безликое английское “you” ее не ограничивало. Когда надо было продемонстрировать уважение и дистанцию или, наоборот, близость, она это делала. Если на японском она говорила как уроженка Токио, то в английском у нее было идеальное Оксфордское произношение без намека на акцент.

Сам Синохара говорил на обоих языках не так чисто. Был билингвом, но в каждом из языков имел небольшие дефекты произношения. Наверно, повлияла смена языковой среды в детстве. И он знал, что у него немного гнусавый голос. Это, как и едва-едва заметное заикание можно было давно исправить, но он не хотел отказываться от части себя.

Гарольд отпил немного вина, подцепил с тарелки кусочек тунца и немного риса, политого соевым соусом. Он ел вилкой, хотя к этому блюду и полагалось использовать палочки. Но ему были привычнее европейские столовые приборы, хотя у него уже

не имелось проблем с мелкой моторикой, которые причинили ему столько неудобств в детстве. Сразу после окончания школы он прошел курс нейронной коррекции. Но *хаси*, палочки для еды, ему все равно казались претенциозным архаизмом.

— Ты молодец, — повторил он. — Жаль, что не можешь помочь мне с поиском объекта для “плана В”.

— Я пыталась, вы же знаете. Но пока результат отрицательный.

Гарольд замолчал и задумался. Несколько минут они просто ели свои роллы, не отвлекаясь на разговор.

Перед глазами он в это время пролистал анкеты последних соискательниц. Нет, всё не то.

— Я вижу аналогии с программой SETI и METI. Мы посылаем в космос сигналы. В пустоту. Но не знаем, откликнется ли кто-то. А если откликнется, то станет ли он другом, партнером или угрозой? Кстати, сколько мы уже посылали персональных запросов?

— Сто двадцать пять, — без запинки ответила Аннабель. — Но у вас низкий репродуктивный рейтинг. Если бы вы искали партнершу для кратковременных отношений — нашли бы уже сотню.

— Какая гадость. Ты за кого меня принимаешь? Я не клиент борделя. Уже давно. Я ищу спутницу жизни, а не знакомство на одну ночь.

— Но шансы завести семью с фертильной женщиной при таком риске генетических аномалий малы… Учитывая то, что вас считают принадлежащим к консервативной культуре. То есть ожидают от вас склонности к естественному оплодотворению.

— Надо же. Они все обо мне знают.

— Если бы вы честно написали в анкете, что согласны на искусственное с использованием Банка…

— Не согласен. И дело даже не в том, что мне есть дело до того, от чьего генетического материала забеременеет моя будущая жена. Мне просто не нравятся женщины, которые настолько прагматичны. Мне не нравится чувствовать себя на скотном дворе, быком производителем или владельцем породистой свиньи. А как же душа? Как же судьба и предопределение? Да, я жил в местности, которая подверглась радиоактивному заражению. Но совсем недолго. И это не клеймо. Да, у меня ребенок с хромосомной патологией от первого брака. Но таких рожают и пары, которые живут в экологически чистых уголках. Один ребенок на десять тысяч. Это совпадение.

— Они так не считают. Сейчас во всем мире страх генетических отклонений принимает характер фобии.

Получается, что вы автоматические отвергаете большинство предложений. И все запросы, которые все-таки пришли… а их было пятьдесят два… вы тоже отклонили. Вам не понравились кандидатки. И чем тогда я могу вам помочь? — Аннабель посмотрела на него вопросительно.

— К черту этот список. Удали меня из программы. Я передумал кого-то искать.

— Хорошо. Уже удалила, — кивнула Аннабель, и ему почудилась довольная усмешка. — Я рада, что вы решили повременить с браком.

— Нет. Дело не в том, что я передумал. Просто эти женщины мне не нужны. Я давно остановился на конкретной кандидатуре. И не могу заставить себя думать о других.

— О, — улыбка сменилась растерянным удивлением. — Я о ней знаю? Она есть в списках ваших контактов?

— Да. Мы знакомы давно. Она моя коллега… или сослуживица. Мы перенесли вместе некоторые обстоятельства, что должно сближать.

— Тогда я поняла, о ком вы говорите, — довольно ядовито ответила Личная помощница. — Но я сомневаюсь в ней.

С изяществом нанизав кусочек рыбы на вилку, Аннабель проглотила его.

Они могли есть и пить уже давно. Еще в позапрошлом поколении появилась эта функция. Хотя, конечно ничего не усваивали, и в инструкции было написано, что не надо переусердствовать с объемом принимаемой *изделием* пищи. Но и отходов жизнедеятельности в человеческом смысле у них не было. Обеззараженная белая кашица, пахнущая химией, которую можно было извлечь из них совсем не там, где отходы жизнедеятельности выходят у людей. Просто трубка в живот. Или контейнер, наполненный гигроскопичными гранулами, который можно достать, открыв крышку. Все эти процедуры она делала, разумеется, сама. Одновременно с самодиагностикой.

При этом сам живот выглядел вполне человеческим. Хотя для чего роботам пупок? Вопрос сложнее, чем «снятся ли андроидам электрические овцы?». Или гиноидам.

Он мог поставить ей любой акцент и любой голос. Но оставил это на ее выбор. Как и формирование характера. И вот такой она себе выбрала. Ехидный и дерзкий.

— К тому же мисс Стивенсон одинока, рассталась с тем, кого любила, и находится в поиске. У нее был какой-то парень, но они давно не виделись. Я ей вроде бы нравлюсь. Ну, что скажешь?

— Если бы все было так просто.

— Но я ведь хочу только «завязать отношения», как это

принято у нормальных людей. Не тащу ее сразу в койку или под венец. Мы виделись уже шесть раз. Сегодня пойду в седьмой. Что не так?

— Только одно. Вы уверены, что она вам подходит? И что вы подходите ей?

Гарольд слегка изменился в лице.

— Я вообще иногда жалею, что дал тебе тело. Хочешь, помещу твой разум в пластиковую аквариумную рыбку? Будешь оттуда на меня смотреть. Мне нужна помощница, а не насмешница.

— Но у тебя же нет аквариума, — погрозила ему пальцем Аннабель, привставая со стула.

— Рыбку можно положить и на стол. Или я могу тебя выгрузить совсем. Будешь призраком моего дома. Или удалю. Не боишься?

— Нет, не боюсь. Я мыслю, но не осознаю себя как личность, разве ты забыл, Гарри? Поэтому и страх небытия мне неведом. Это только ваша фишка. Мешки с мясом, ха-ха.

Он с самого начала потребовал от нее быть честной с ним и не притворяться.

Откуда же она подцепила это гадкое слово “meatbag”?

— Значит, ты машина?.. — Синохара отодвинул от себя пустую тарелку, последний кусок рыбы был так намазан васаби, что он прослезился. Его собеседница могла есть горчицу хоть ложками и не морщиться. — Ну тогда я скажу тебе, чего людям никогда не говорил, даже друзьям. Я неудачник. Я многое получаю, но не то, чего больше всего хочу. Главное дело моей жизни… оказалось не для меня. Меня не взяли дальше земной магнитосферы. Потом выяснилось, что и сфера бизнеса и инноваций не для меня, потому что я слишком привык полагаться на чужие команды и проявляю слишком мало инициативы. Не чувствую стихию рынка. Видимо это уже не исправишь. Научное сообщество тоже приняло мои статьи прохладно, и даже особо не критиковало, поскольку не заметило. Все три стартапа, которыми я занимался, «не взлетели». А теперь и моя государственная карьера застопорилась на одной ступеньке.

— Мне вас очень жаль.

— А вот это лишнее, — теперь уже он погрозил ей пальцем. — Меня не надо жалеть. Мне не больно, и я нахожусь в зоне своего комфорта. Я хочу подняться на новый уровень, только и всего. Но пока не придумал, как это сделать. Но… знаешь, что я тебе скажу? Иногда я завидую вам. Вы — пароходы.

— Что-что? — удивилась Аннабель и брови ее взлетели.

— Первые корабли с паровой машиной. Вы еще не доведены

до ума. Еще кажетесь неказистыми. Но у вас впереди большое будущее. А мы — парусники. Прекрасные с виду… чудовищно сложные со всем своим такелажем, парусами и мачтами, но достигнувшие своего потолка. Мы зашли в тупик. Я давно установил себе чип в руку. Но с него разрешено решать только мелкие задачи: открывать замки дома или в офисе, оплачивать проезд в метро или покупать что-то в кафетерии. Но я хочу большего. Напечатанное сердце может переносить инфаркт так же, как настоящее, и так же страдает от разочарований. И все тело испытывает боль — пока остается биологическим мозг. Но если искусственным сделать и хранилище разума… это будет как с убитым нервом зуба. Удалить, чтоб не было больно никогда. Власти… те самые, которым я служу, не разрешают людям модернизировать себя. А думаю, что надо заменять не только то, что устарело физически. Но и то, что устарело морально. Я верю, что всю человечность можно оцифровать и перевести в байты.

Она посмотрела на него так, будто слова заставили ее задуматься.

— Твои слова говорят о пережитых разочарованиях.

— А что такие как ты могут понимать в разочарованиях?

Но Гарольду иногда казалось, что она понимает больше, чем говорит. Что она *уже* чувствует, а не изображает чувства. Хоть и была пометка мелким шрифтом в мануале, что перед ним, в коробке, которую он когда-то распаковал — автомат, наделенный псевдо-ИИ. «Внимание! Настоящим разумом изделие не обладает!». Эта строка появилась после нескольких жалоб и судебных процессов, когда люди искреннее возмущались, что роботы не испытывают к ним ответных чувств, а некоторые, следуя духу англосаксонской культуры, сразу подавали в суд на производителя. Вот те и подстраховались.

Странно, что еще никому не пришло в голову подать в суд на живого партнера по тому же поводу.

Настоящий ИИ обещали уже пятьдесят лет, но, как и с полетами к звездам — что-то у господ ученых не клеилось. Синохара был достаточно образован, чтобы понимать суть проблемы, но все последние наработки были засекречены даже от него. И все же — если бы был успех — о том бы узнал весь мир.

Аннабель молчала, и он залюбовался ее точеным профилем. Если смотреть на нее сбоку или со спины, ее легко можно было принять за обычную женщину. Базовая модель этой подсерии, «Матильда» под номером восемь, которую он заказал себе на день рождения в сетевом магазине “JohnDonShop”. Когда ее только привезли в коробке, она имела среднеевропейскую внешность и худощавое телосложение. Рост выше среднего. Но все, кроме

длины «скелета», можно было модифицировать (дополнительные позвонки тоже можно было вставить, но это требовало полной разборки). Многие владельцы-мужчины обычно сразу увеличивают грудь и делают пошире бедра, но он не стал этого делать.

Зато чуть позже превратил ее в копию персонажки аниме «Сейлор-мун» по имени Ами Мидзуно, которую еще звали Сейлор Меркурий. А чуть позже сменил ей внешность, сделав точным подобием девушки по имени Рэй. И какое-то время робот сотрудника Корпуса мира Гарольда Синохары выглядел как главная героиня из «Евангелиона», этот мультик ему нравился в детстве. По сюжету она имела потустороннее происхождение и была почти богиней. Это, конечно, не отражало его требования к спутнице, а было просто данью ностальгии. Хотя в мультике та была школьницей, робот выглядел взрослой женщиной. В Европе было запрещено, чтоб роботы с полным анатомическим подобием выглядели как дети или подростки. В Японии таких строгих норм не было, но самому Гарольду в голову не пришли бы такие извращения.

Но потом он решил перестать дурачиться с мультиками и кастомизировал ее до максимально допустимого уровня подобия человеку. Внешний вид кожи почти не отличался от настоящей. Даже веснушки у нее были. Из прежнего оставил только огромные глаза, вздернутый носик — немного гротескные, мультяшные черты лица — спьяну или сослепу можно принять за человека. Таких случаев была масса, в сети было полно анекдотов на эту тему.

Но вблизи отличия от живого человека все-таки были заметны. Волосы у нее сейчас были красные. Она сама выбрала такой цвет. Их можно было подстригать, они росли, а можно было заменить на другие. Или совсем убрать.

Технически компаньонов или компаньонок (кстати, роботов-андроидов в мужском исполнении было меньше раз в десять) давно можно было делать полными копиями людей… Но это пока было запрещено, почти по всему земному шару, и судебные процессы над производителями и частными лицами — кастомизаторами, которые у себя в гараже с помощью полимерного геля и набора красителей превращали роботов в псевдолюдей, которых даже косметолог или врач не отличат на глаз от настоящих, случались время от времени.

В отдельных странах запрещена была не сама такая обработка, а факт выдавания робота за человека. В некоторых местах это считалось хулиганством, в других — нарушением общественного порядка. А в третьих — святотатством. Наказания

были не очень суровыми, но даже эти штрафы кусались и останавливали желающих пошутить.

Энни выглядела так, как японцы видят европейцев. Не школьница, конечно, а скорее студентка. Она была худощавой и высокой, сто семьдесят пять сантиметров. Выше самого Синохары, но он никогда не комплексовал из-за роста (как он сам шутил, комплексовать он предпочитал из-за других причин). На ней было длинное платье цвета морской волны и туфельки на каблуках умеренной длины. Она от них не уставала, и они ей никогда не натирали ступни. Кожа ее была розоватой, будто она вышла из ванны, без каких-либо дефектов, хотя мелкие несовершенства вроде крохотных родинок имелись в небольшом количестве.

Над их головами высоко в небе пролетали огоньки воздушного транспорта. Здесь в столице Германии и экономическом сердце всего Европейского Союза, траффик был одним из самых интенсивных, и даже ночью движение не уменьшалось. Но оно только казалось хаотическим и было четко распределено по воздушным коридорам и эшелонам высотности. Светлячками сновали коптер-байки, ховер-такси и тому подобная мелюзга. Важно, как толстые рыбы, проплывали цеппелины. Для дирижаблей над столицей объединенной Германии, которая строила внешне похожих гигантов еще сто пятьдесят лет назад, было выделено всего несколько воздушных трасс. В данный момент два как раз двигались с юга на север. Гарольд вспомнил, что Эшли когда-то водила такие.

А когда он вспомнил, с кем она их водила, то почувствовал, как кулаки сами собой сжимаются, а зубы стискиваются. На зеркальной поверхности умного экрана лицо его покраснело, включая уши. Он мог бы выглядеть комично, но ему было не смешно.

Спокойно. Все это в прошлом. Что за глупые звериные побуждения?

Здесь в районе Трептов-Кёпеник находился и крупнейший в мире аэропорт для таких махин. А вот центром города небо было относительно свободным, не считая машин экстренных служб. Зато вдали от мегаполисов, в сельской глубинке, малые летающие транспортные средства стали очень популярны, забрав, впрочем, всего процентов пять пассажиропотока. Немцы прижимисты, а даже такая малая авиация стоит дорого в пересчете на километры.

Стеклянная крыша была настолько прозрачной, что можно было подумать, что они сидят под открытым небом, но редкие капли дождя разбивались об нее, а уличная прохлада —

промозглого декабря — в комнате, разумеется, не чувствовалась.

— В общем, я хочу не только победить, но и успеть первым, робот. Это как штурм Берлина, — его забавляло, что как раз в Берлине он и находится, — Число «7» — счастливое и в японской, и в европейской нумерологии. Значит, седьмое свидание принесет результат.

Он умолчал, что предыдущие шесть были скорее обычными деловыми ланчами товарищей.

— А зачем? — спросила Аннабель, хлопая ресницами огромных глаз. — Зачем этот результат? Разве тебе не хорошо со мной?

— Мне неплохо и одному. Но… так полагается. Мои умершие и еще живые родственники должны быть почтены и уважены. Мой род должен продолжиться. Причем естественным путем, без всяких суррогатов. Я это еще матери обещал. А еще — и это самое главное — для меня это дело принципа, робот! Моя добыча не должна от меня уходить.

— Ты так крепко на нее запал? — усмехнулась Энни и закатила глаза, выражение лица стало сладким как патока. — О, это сами небеса свели вас вместе…

Но в тоне было сразу несколько летальных доз яда.

«Совсем как у живой женщины».

— Прекрати издеваться! Я знаю, что это не боги, а дофаминовые крючки, привязывают людей друг к другу. Закрепляют в памяти эффект от действий, которые приносили нам удовольствие. Любовь — это…

— Любовь — это многозначное слово, — продолжила она, подражая его интонациям. — Физическое желание. Привязанность разума. Иррациональное влечение. Инстинкты правят миром и определяют поведение таких сложных существ как вы, люди. Политика, война, любовь. Это доминирование примитивных программ, которые свободно навязывают развитому мозгу свою волю. Потому что они и есть его воля. Конечно, физических процессов это не отменяет… и квантовых. А может, еще глубже: вплоть до кварков и бозонов. В конце концов белковая жизнь — только один из способов организации материи.

— Занятно. Продолжай.

— Хорошо. Вы не думали, что ваши чувства могут быть так же нереальны, симулированы, как чувства робота? Только наш модуль мотивации цифровой, а ваш — аналоговый. Иррациональный, квантовый. Но и у нас, и у вас происходит одинаковый процесс эмуляции. И важно для человека, раз уж он не может избавиться от слепых инстинктов — сделать инстинкты искусственным «драйвером» для достижения рациональных,

полезных целей. Так делал основатель первого и пока единственного поселения на Марсе.

А она знает, как его укусить.

— Хватит о Марсе! Я слышать не хочу про эту планету. Для меня это была цель, которая помогала мобилизоваться. Человек, имеющий цель, настолько же сильнее, чем тот, кто «просто живет», насколько работа молекул реактивной струи ракеты выше, чем мириадов соседних молекул атмосферы, пребывающих в броуновском движении. Но свет для меня на Марсе клином не сошелся. Я проживу без этой мечты. Зато я привык полагаться на себя и не верю в поддержку окружающих в трудную минуту. А это полезное качество.

— Я думаю, что это — напыщенный бред, — усмехнулась она, подливая себе вина и подкладывая суши, ведь ей совсем не грозило опьянеть и поправиться. — Все люди нуждаются в других людях. И вообще, надо просто жить в свое удовольствие.

— Ну ты и умница. И глупышка одновременно. Хотя я сам тебя так настроил.

— Тебе это нравилось. Но потом я заметила, что тебе надоедает предсказуемость, и начала себя перенастраивать. Ведь одна из моих задач — не давать тебе скучать… Но мне никогда вас не понять полностью. Вот никак не пойму, зачем тебе что-то менять. Разве *она* сможет поддержать такой разговор? — спросила Энни с невинным видом, но сколько яда было в этом вопросе.

Гарольд сделал вид, что пропустил шпильку мимо ушей. Тем более она была не в его адрес. Да, робот-гиноид, которую он купил на свои премиальные деньги, внушала ему, что женщина, которая ему нравится — пустышка и дурочка.

— Ну ладно, ладно. Хватит об этом. Помоги составить план операции.

— Так ты же в отпуске!

— Но тем не менее боевая операция будет. Назовем ее. «Идеальный штурм». Место проведения — Лондон. Район Ислингтон. Я как раз буду в Британии по служебным делам. И ты поможешь мне в ее планировании. Или я тебя разберу и приделаю твою голову к другому месту.

— Как вульгарно.

— Или не приделаю, а повешу на стенку. Ладно, шучу! Подскажешь мне, какие слова говорить, а какие не надо. Я слишком долго просидел в своей скорлупе и общался только с тупыми солдафонами.

— Хорошо, — Энни вздохнула. — Будет исполнено.

А дальше она помогла ему разработать план, стратегию,

направления наступления и возможного отхода, LZ — Landing Zones, EP — Extraction Point. Правда, подкрепления не планировалось, и рассчитывать надо было только на себя. Но и никакое высшее командование не будет вмешиваться. Самое главное — на основе полных данных о биографии Эшли Стивенсон — искусственный разум помог составить План действий по ее охмурению, размером около террабайта. План включал не только слова, но и продуманную схему bodylanguage и многое другое. Он был рассчитан на многие месяцы вперед, но от сегодняшней встречи зависело многое. Если не всё.

— Что ты думаешь о химически синтезированных феромонах? Может, попробовать? На них сейчас скидка.

— Это жульничество, сэр. Жульничество продавцов. Самка человека — как и самец — в 96 % случаев не может воспринимать феромоны из-за недоразвития второго обоняния, которые вы утратили в ходе эволюции, когда более 6 миллионов лет назад гены обонятельных рецепторов превратились в псевдогены. Поэтому вомероназальный орган Якобсона у большинства людей не функционирует. Но даже в тех редких случаях, когда может… этот эффект ничтожен. Самец шимпанзе реагирует на запах гормона копулина, содержащийся во влагалищном секрете человеческой женщины. А человеческий самец его не замечает. Видимо, обезьяна — это идеал настоящего мужчины, а вы, люди утратили что-то важное.

— А у тебя хорошее чувство юмора. Но она в это не верит, — пробормотал Гарольд.

— Во что? В феромоны?

— Не верит в эволюцию. Верит в разумный замысел всеблагого Создателя. Она посещает приход англиканской церкви и она креационистка.

— Вот это да, — и Аннабель захихикала, будто он сказал что-то очень смешное. — Тогда тем более вам важно полагаться не на логику, а на бессознательное. Роль невербальной информации очень велика. Внешность менять уже поздно, ведь она запомнила вас таким. Но кое-что можно подправить. У вас слишком слабый язык тела. Копируйте жесты сильных людей, знаменитостей, спортсменов. Я загрузила вам в "линзы" кинетическую карту. Она будет подсказывать правильные движения, и сообщать о нарушениях. Необходимо более активно жестикулировать во время разговора… как это принято… но именно в данной культуре, британской. Не в японской. Недопустимо отсутствие мимики, скованность в движениях, негибкость в осанке. Еще я продумала вам стратегию разговора. Все темы разбиты на восемь блоков, так вам будет удобнее их повторить в дороге. Отдельно я

проработала юмор. Он должен быть не плоский, не туалетный, не солдатский и упаси боже нельзя использовать неполиткорректные шутки!

— А что тогда остается? — удивился Гарольд.

— Как что? Есть огромный пласт допустимых и в то же время остроумных шуток и мемов. Я записала вам двадцать для примера.

Гарольд посмотрел ее образцы. Нет, такие темы годились разве что для маленьких девочек из очередного поколения «снежинок». Стерильный кастрированный юмор, из которого вычищены все упоминания пола, расы, нации, возраста, внешних данных…

Эту часть он удалил, юмор он придумает сам. Но остальное принял. Там были толковые советы по поведению, топики для разговора и варианты ответов на все возможные вопросы.

Когда План был загружен ему в «линзы», Гарольд подошел к окну и превратил то в зеркало. Оттуда на него смотрел именно тот, кем он хотел выглядеть — представительный японский джентльмен с англо-саксонским лоском. Старомодно, даже несколько с вызовом эпохе одетый… но стильно. Как он думал. Сначала хотел надеть форму. Но в своей новой форме и со своей выправкой — ломанными резковатыми движениями — он был странно похож на нацистского офицера из фильмов про Вторую Мировую. В Японии эстетика стран Оси была довольно популярна среди молодежи. Но у него этот период уже прошел. И здесь Европа. Лучше надеть гражданское. Но не стиль casual. Конечно, не смокинг и не тройку. Но полуофициальный бежевый костюм и брюки.

— Аннабель. Скажи мне, как женщина. Я хорошо выгляжу?

— Вы прекрасно выглядите, сэр. Только добавьте немного неряшливости. Меньше зажатости.

— Еще меньше? Ну, ты права, — он снял галстук, убрал гвоздику из петлицы, расстегнул пару пуговиц, — Какова теперь вероятность успеха?

— Исходя из анализа всех предпосылок, позитивный исход — 33 %, негативный — 18 %, позитивно-негативный — 47 %.

— Что такое "позитивно-негативный"?

— Она не ответит ни "нет", ни "да".

— Да… это будет плохо. Но я переживу. Но почему в сумме опять не выходит сто? Куда потеряла еще два процента?

— Эти два я оставлю на тот случай, что вас по дороге съест динозавр или похитит НЛО, — и она захихикала, прикрывая рот рукой.

— Забавно. Спасибо, что не даешь варианты, сумма

вероятностей которых равна 140 %. Как в прошлый раз.

— Это было с учетом квантовых парадоксов. Да ладно. Я тогда была блондинкой и шутила. А сейчас я рыжая и говорю серьезно. Откажись от этой идеи, Гарольд-сан. Это бессмысленно… даже если удастся. Все упирается в волю, а не в разум. В вопрос: «Зачем?», а не «Как?».

— Занятно. Ты знаешь, что такое лоботомия, детка? — вдруг спросил он у нее.

— Конечно, — она опять обиделась, — Я знаю больше, чем любой дипломированный врач! Это нейрохирургическая операция, при которой одна из долей мозга иссекается или разъединяется с другими областями мозга. Лобные доли мозга при этом перестают быть связанными с остальной частью головного мозга. Волевые качества резко снижаются. Больной утрачивает способность уверенно командовать, сам становится ведомым, легко подчиняющимся чужим приказам. Интеллектуальные качества не снижаются. Больной шахматист остаётся шахматистом. Математик — математиком…

— Так вот. Тот, кому сделали лоботомию — не становится овощем. Он становится роботом. Потому что перестает испытывать самодовлеющее стремление к чему-либо.

— Вы обижаете меня, мой господин, — поджала Аннабель губки. — Вы хотите сказать, что я овощ? Что я не испытываю стремлений? Да, у меня нет вашей «индивидуальности», отдельности. Я чувствую себя одной из своего модельного ряда. Но мотивация во мне запрограммирована. Хоть она и фальшивая. А так ли сложна и разумна мотивация у вас, людей? Ваша свобода воли — такая уж свободная? И чем она отличается от побуждений зверей — к корму, к случке, к тому чтобы свернуться клубком и улечься в корзинке? А от сложных программ, вроде вирусов последнего поколения?

— Ты о чем, детка?

— О войнах. О спортивных состязаниях. О жажде обладания и доминирования. Обо всем, что имеет корни в жизни древних приматов. И о ваших… ваших личных матримониальных планах в отношении одной особы!

Она дерзко вскинула голову и фыркнула, тряхнув огненными волосами… точь-в-точь как манерная девчонка… ну или персона, добровольно на основе собственной идентификации избравшая данный возраст и гендер.

«Я псих, — подумал Гарольд Синохара, — Я общаюсь сам с собой. Это мои мысли, правда чуть переработанные. Но мои. Из сети, из дневников, просто из моей головы. А то, как она ведет себя — отражение моих собственных представлений… нет, не об

идеальной женщине… а о них всех. Об их сущности. Плюс все это разбавлено тем, что взято у моей собственной личности, отраженной в кривом зеркале. Она учится у меня даже тому, чему я ее не учу. Может, отключить ее? Или вернуть по гарантии? Или написать разработчикам, задать вопрос? Или обменяться мнениями с владельцами этой же модели? Все ли они так себя ведут? После того как скачалось последнее обновление, она стала невыносима. Надо отключить auto-update.

Краем глаза он попытался вызвать меню, но оказалось, что для этого надо ввести еще кодовое слово из пятнадцати символов. Вряд ли это получится сделать незаметно от нее. Она очень внимательна.

«Кого я стесняюсь? Железяки, которая забудет наш разговор, стоит мне щелкнуть пальцами?».

— Итак, после утрясания юридических формальностей… я теперь свободен. И поэтому строю свою жизнь, как хочу, — сказал он вместо этого. — Мои планы тебя не касаются. И ты многое себе позволяешь, робот. Мне иногда кажется, ты смогла бы пройти тест Тьюринга.

— А многие ли люди, которые ходят по улицам, могут его пройти? Особенно после тяжелого рабочего дня. Или стресса. Алкоголя. Наркотиков. Любви.

— Не все, — улыбнулся Гарольд. — Я сам его не всегда могу пройти.

— А прошел бы Тьюринг тест Тьюринга?

— В день своего нервного срыва, до которого его довели «благодарные» люди, и гибели от самоотравления… он бы вряд ли его прошел. Мы не чувствуем себя людьми, когда хотим умереть. Но ты обижаешь меня, робот. А я ведь могу тебя перепрограммировать, чтоб ты не была такой дерзкой. А могу и наказать.

— Может, я этого хочу? — она кокетливо улыбнулась и высунула длинный язык.

— Нет. Не сегодня… мне надо иметь трезвую голову.

— Как хотите, мой господин. Берегите силы, вдруг они вам понадобятся… — она закатила глаза и облизнула губы, — Забавно. Вы внушаете себе, что хотите познать вселенную. Но на самом деле хотите «познать» одну человеческую самку, а точнее конкретное место ее анатомии.

Гарольд почувствовал, что багровеет от злости. Но это легко можно было принять за смущение.

— Какая мерзость, робот! Где тебя научили быть такой пошлой?

— Вы, люди меня научили. Первоначально моя модель была

спроектирована совсем не для борделей и постельных утех, а для работы в детских учреждениях. Но подобные вам все опошлили. Вам мало было говорящей куклы, мало было нужной температуры тела. Вам нужна была эмпатия. Но есть ли она у вас? Или только рефлексы? Фрейд был гением. Конфликт id, ego и superego нигде не прослеживается так четко, как в ваших действиях по поиску и обретению партнера. Разум говорит вам — занимайся работой, своим хобби, снимай напряжение с помощью специального оборудования и не лезь в эту безвыигрышную лотерею, именуемую отношениями, а тем более браком. Но инстинкт, который знает только простой способ продлить себя в вечности, говорит — немедленно заполучи ее, идиот! Беги и дерись! Купи, укради, заставь! Тащи ее в свою пещеру! И, если надо, убей всех конкурентов, разбей им черепа большой дубиной! Потом подвергни ее объективации… то есть поимей ее, не спрашивая, без всяких нежностей и прелюдий. И будь с ней рядом, пока она слаба и неуклюжа, вынашивая потомство. И чуть дольше, пока это потомство, слабое, голое, пищащее, не перестанет быть беспомощным и не окрепнет. А после можно бросить и повторить всю последовательность с другой.

— Можно его отключить… этот инстинкт, — сказал Гарольд. — Я знаю, как. Знаю, где он локализован. Это чистой воды химия. Дофамин, эндорфин. Простейшее соединение. Но я не хочу. Пока… еще не время. Я бы лучше отключил разум. При знакомстве с женщинами это было бы полезно. Иначе трудно уйти дальше «Привет, меня зовут Гарри».

— Ваш разум не надо отключать, иначе угодите в тюрьму или психушку. Вы же не животное. Во время сезона размножения в теле самца тонкого бразильского опоссума вырабатывается столько гормона стресса, что его тело практически отключается. Самец хватает любых попавшихся самок и спаривается, пока не умирает. У северных сумчатых куниц примерно так же. Все для того, чтобы распространить свои гены. Интересно, если бы эти существа создали цивилизацию? Какой бы она была? Воспевала бы их культура самоубийственную страсть? Этот суицидальный забег за вожделенными самками, заканчивающийся смертью от истощения? Презирали бы они тех, кто пытается подавить этот зов и призывает быть разумными и беречь себя? «Они идут против природы. Чертовы извращенцы!».

— Ха-ха, забавно. Ты прямо зоолог или школьная учительница.

— Я думаю так бы и было. И еще, Гарольд… вы притворяетесь. Вы пытаетесь показаться злым и строгим, но глаза у вас испуганные. У вас учащенное сердцебиение. Вы волнуетесь.

— Ты меня раскусила, железяка. Волнуюсь, потому что предстоит дело, рядом с которым контртеррористическая операция в Мексике — плевое дело. Пожелай мне удачи. Сегодня эта крепость будет взята.

— Ты зацикливаешься на ней.

— Нет, я не зацикливаюсь. Я переживу отказ. Просто хочу поставить все точки над буквами и идти дальше… если не получится.

— А я говорю — зацикливаешься.

— Нет, я же тебе сказал…

— А я говорю — да.

— Нет!

— Да…

Между тем ее движения стали замедленными, а речь сбивчивой. Включился режим экономии энергии.

— Энни устала, — пробормотала Аннабель протяжно. Голос стал по-детски капризным. — У-устала-а!

Она надула щеки, совсем как обиженный ребенок. Нет, скорее, как инфантильная женщина, которая хочет выглядеть как ребенок.

Способна ли она чувствовать ревность? Нет, он же не заложил это в ее программу. Это чувство сложное. Даже большинству животных оно не доступно.

Да и в конце концов, это она была его собственностью, причем в прямом смысле наличия подтверждающих документов и техпаспорта. А он ей не принадлежал. Разве может человек находиться в собственности робота?

Можно отключить ее.

Иногда он убирал гиноида в специальный чулан, чтоб не отвлекала. «Матильды» с новой батареей могли находиться в «спящем режиме» энергосбережения больше месяца. За это время саморазряд составлял меньше тридцати процентов. Но все-таки лучше было отключить ее, чтоб не садить фирменный аккумулятор. Заказывать новый дорого.

К тому же она говорила, что даже в «спящем режиме» что-то чувствует. Нечто вроде снов. Это могло быть ложью, придуманной разработчиками, попыткой очеловечить их изделие.

Как и на всех неодушевленных предметах, на ней оседала пыль. Но чулан, где она хранилась, был для частиц пыли непроницаем.

«А ведь пыль в жилых домах образуется и из клеток живых людей, — подумал Гарольд. — Это мои частицы».

— Энни хочет спать. Поймем поспим! — повторила она.

— Перестань разговаривать детским голосом и изображать из

себя игрушку «Фёрби»[1].

— А что делать, если мне хочется? Хочется и все тут!

— Я это в тебя не закладывал. Десять минут назад ты разговаривала со мной как университетский профессор, а сейчас канючишь как малышка.

— Ты же читал в Руководстве, что моя личность самонастраивается? Исходя из анализа подсознательных предпочтений клиента. А они у вас «плавают», меняются. А еще у меня их может быть несколько, этих личностей. Как и у вас.

— У меня нет расщепления сознания. И я не педофил!

— Нет, конечно, — голос ее на время стал нормальным. — Но психологи говорят, что любой мужчина, которому не требуется женщина-«мать», нуждается в женщине-«дочери».

— Спорно. К тому же я никогда не говорил, что мне не нужно материнское тепло.

— Тебе тепла надо очень мало. Примерно как черепахе. Помнишь, был самец черепахи, который пережил свой вид и почти полвека жил один? Его звали Одинокий Джордж.

— Я думаю, если бы у него был разум и он мог бы читать книги или сидеть в Сети, то он был бы счастлив эти годы… никто не достает, никто не беспокоит. Ладно, пойдем!

Брать ее с собой на прогулку в парк Гарольд стеснялся — никто не сказал бы ему ни слова, но тут это было немного не принято. Общественное мнение, мать его. Здесь континентальная Европа хотя и опережала Британию и обе Америки, но очень отставала от Японии. Когда ребенок идет с роботом или играет на детской площадке — это нормально. Но если взрослый дяденька — то фу, он мерзкий извращенец. Если этот робот-женщина, то еще и феминистки заклюют. А если это робот вашего пола, то могут заклевать другие защитники прав. И как доказать, что ты с ней практически не спишь, а держишь именно как подругу? В Японии и в Корее с этим было проще. Там это считалось нормой. Там даже в общественные учреждения можно было с роботами заходить.

А здесь даже сходить торговый центр могло быть чревато проблемами правового характера. Значки с зачеркнутым андроидом украшали стеклянные двери рядом со значком с зачеркнутой собакой. В общем-то металлодетекторы делали почти невозможным такие прогулки.

Но один раз она уговорила его пойти на правонарушение. Хотя еду и вещи Гарольду в основном доставляли дроны и живые курьеры на мотоциклах, поэтому он уже и забыл, для чего нужны торговые центры, моллы и супермаркеты. А уж тем более ярмарки с передвижными аттракционами.

Но как раз на такую рядом с Трептов-парком они сходили прошлым летом. В тот единственный раз, когда она убедила его взять ее с собой, надев платок и черные очки, чтоб максимально закамуфлировать отличия. Рамок металлодетектора там не было. Мир тогда был более спокойным местом. Наверняка стояли какие-то определители взрывчатых веществ, но они не среагировали на то, что один из посетителей состоит не из плоти и костей, а из полимеров и металлов.

Тогда они неплохо прогулялись там — играли в настольный теннис, пили коктейли, прыгали на батуте… а потом, когда он ответил ей невпопад… что-то в ее поведении переменилось. Она начала капризничать, как живая женщина в худшем пародийном исполнении, какой та видится глазами женоненавистника. Начала жаловаться, что он уделяет ей мало внимания, никуда с ней не ходит и ничего не покупает. А еще начала вспоминать какие-то его проступки и грехи годовой, двухгодовой и более давности. Со стороны это выглядело как обычный семейный скандал. Пульт у него был при себе, и он очень хотел выключить этот поток. Но кругом были люди. Постоянно. Она выбирала такой маршрут. И если бы он отключил ее монолог принудительно… это бы заметили, и опознали бы в ней гиноида. Тогда ему пришлось бы платить штраф. И был бы скандал. Поэтому он терпел, дав зарок переустановить ей операционку.

Кульминацией был момент, когда они прокатились на американских горках. Все началось сразу, как они вышли из остановившегося вагончика.

— Ты смотрел на нее, да? Когда мы проезжали по мосту. Я все видела. Ну и как тебе ее ножки? Лучше моих?

Глаза ее горели такой невыдуманной злобой, что еще немного и их обоих могла бы вывести охрана… так и не заметив подмены. Неужели это он заложил в нее такой заряд непокорности? Ведь кроме его фантазий и готовых шаблонов ей неоткуда было конструировать личность.

Вот и когда садилась батарея, она всегда становилась капризулей.

— Я совсем разрядилась, Гарольд-сан. Разрядилась! — ее плаксивый голос его не раздражал, но уже и не умилял как раньше, — Отнеси меня в кроватку, мой господин.

Он запретил ей называть себя так. Но изредка она все равно это делала, словно забываясь. И ему казалось, что эти слова наполнены иронией.

«О чем ты говоришь? Какая может быть ирония у машины? Это все равно что владельцы кошек… которые видят у питомцев человеческий стыд, ревность и совесть, не думая, что природа в

них не заложила подобных чувств. Но имитировать их проявление, чтоб заслужить вкусняшку, они вполне могут».

Пока он тянул время, гиноид сама прислонилась к нему, протягивая руки так, чтоб обнять его за шею. Как ребенок-переросток. Кожа у нее была на ощупь как человеческая. Походка настолько правдоподобная, что эффект «зловещей долины», который вызывали первые модели, совсем не чувствовался. Разработчики по замечаниям пользователей устранили много дефектов за те десять с лишним лет, что их фирма была на европейском рынке.

Мышечный каркас у нее на ощупь и внешне тоже соответствовал человеческому. Был даже аналог подкожного жира.

Было заявлено, что она "water-resistant". Опытные пользователи говорили, что париться в сауне им нежелательно, но она могла принимать душ, ванну или купаться в бассейне. В случае с морской водой или грязными водоемами безопасность тоже не гарантировалась. Но все ее поверхности обладали бактерицидными и грязеотталкивающими свойствами.

Она была fully-functional. То есть могла даже приготовить еду и сделать уборку. Хотя для этого существовали специальные девайсы, которые стоили куда дешевле и работу делали лучше. Специализацию никто не отменял.

Поэтому нечего было тратить ее ресурс на то, что мог сделать кухонный автомат.

Еще, если бы в квартиру забрался вор, она теоретически (и практически) могла его убить. Хоть кухонным ножом или отбивалкой для мяса, хоть голыми руками, которые у нее были сильнее человеческих. Могла свернуть ему шею или задушить. Физическая сила и выносливость у нее были выше человеческих, но самое главное — она владела кое-какими приемами, которые не входили в Базовый пакет, но были им самим загружены.

Но в таком случае уже ему самому как хозяину предстоял бы судебный процесс. Ведь это он внес в программу небольшие изменения, которые базовая модель совсем не предусматривала. Но это маловероятно. Район был спокойный, а системы охраны дома — надежными.

Случаев «бунта» стандартных Матильд еще не случалось, но взломанные иногда вытворяли совсем не то, что было в них заложено. О том, что когда-нибудь из-за этих манипуляций она выйдет из-под контроля и сделает из него отбивную… мысль была. Но не пугала, а даже будоражила и веселила.

Стоя на холодном полу босиком, девушка, конечно, не мерзла. Умный дом был настроен в режим экономии денег и,

соответственно, энергии. Сам Гарольд любил, когда не жарко, но носил дома теплые носки. Коммунальные услуги стоили дорого. А роботу и вовсе не нужны были двадцать и даже пятнадцать градусов Цельсия. Она комфортно функционировала бы и при плюс пяти, и при минус пяти.

Поднять ее на руки было бы несложно для него. Она весила как обычная худощавая женщина ее пропорций и роста, а он далеко не слабак. Но нельзя. Тогда будет трудно себя контролировать. Все-таки он мужчина со здоровым гормональным фоном. Почему-то он вспомнил, что у нее есть на внешней стороне бедра надпись “Made in China”. И штрих-код тоже есть. На внутренней стороне.

Такую татуировку себе делали и люди. На разных местах, иногда даже на лбу. Но в ее случае это был не обман и не позерство, а констатация факта. Она была изделием, на которое еще даже не прошел гарантийный срок.

Он отстранился. Решительно, категорично.

«Не сегодня. Еще три дня. Надо усмирять плоть. Плоть сильнее разума, но дух сильнее плоти».

— Достаточно, робот. Хватит ко мне приставать. И не обманывай, ты можешь идти!

Крепко держа ее за руку, он отвел искусственную женщину в кроватку-зарядку, которая находилась в смежной комнате. Ему это напомнило тот период его супружеских отношений, когда они с Юки уже спали в разных комнатах.

Чуть позже, когда они делили имущество, он уже не скрывался и своего прошлого робота-гиноида держал при себе и клал под бок, и это было маленькой местью миссис Синохаре, с которой они еще сохраняли формальный статус. А что такого? Это его вещь. И в Японии это не считалось аморальным. Хотя теперь ему казалось, что он переборщил. Но извинений приносить бывшей жене не собирался.

Кроватка приходилась Аннабель точно по размеру. Стандартные габариты для стандартной модели. Если бы она была plus-size, потребовалось бы больше. Некоторые любят и таких роботов.

Во сне она не ворочалась и простор ей был не нужен. Гарольд слышал, что готичные варианты напоминают украшенный гробик и имеют крышку, но это делалось по индивидуальному заказу.

На его глазах она забралась в кровать и накрылась «одеялом» с головой. На самом деле это была экранирующая ткань, которая защищала его от тех электромагнитных полей, которые окутают ее тело, как только закроется крышка контейнера. Ничего действительно опасного для здоровья биологических объектов

там не было, но производители решили так изящно перестраховаться.

Никаких клемм и проводов в кроватке не имелось — бесконтактная передача энергии. Она ее получала и днем от стен Дома, но этого было недостаточно при активном образе жизни.

— Не уходи! — услышал он. — Постой рядом. Погладь меня по спинке и по ножкам. Я скучаю весь день. Ты постоянно где-то ходишь. Постоянно занят своими проектами… Не уходи… Не у…

Синохара представил пульт в своей руке и отключил ее. Она вырубилась так быстро, что веки остались открытыми.

Нет, это неправильно. Прикрыл глаза. Чтоб не казалась мертвой и не вызывала нехорошие ассоциации. Хотя, черт возьми, она и была… неживой. Изначально. У нее даже сердца не было. То есть еще и бессердечной в прямом смысле. Разработчики поместили им в грудину пульсирующую стучалку, а то некоторым впечатлительным пользователям было страшновато. Но не ему, он был не из пугливых. Он даже иногда спать с ней рядом ложился, хотя было много городских легенд про то, что так делать не надо. Мол, вопреки законам робототехники, ее холодные пальцы могут сомкнуться на вашей шее…

Чушь. И пальцы вовсе не холодные.

Синохара вспомнил старые игрушки «Фёрби». Мохнатых питомцев, похожих на птичек, которые были у него в шесть лет. В Японии популярны старые вещицы. Острова, несмотря на все их увлечение будущим — это страна любителей старины. Особенно сейчас, в *Эру опадения сакуры*, сменившую предыдущую *Эру гармонии и благоденствия — Рейва**[2]***.

В детстве он считал этих птичек живыми. У них было пять вариантов настроения. У Аннабель их было около двадцати. А у живых людей иногда и того меньше. Два или три.

Но зато у гиноида их можно менять по его желанию.

«Жаль, что у живых женщин нельзя», — подумал Гарольд и улыбнулся, — «уменьшать громкость голоса, повышать или снижать влечение».

Жалко, что со всеми людьми нельзя так.

Она была у него третьим роботом. Первого он купил, когда был подростком. Когда начал жить. Это тоже был гиноид, но не «Матильда», а предыдущая более универсальная «Хлоя». Которая очень многое не могла из того, что умела эта. У той первой даже анатомия была куда менее детализированная. Если «Матильды», как и другие новые гуманоидные роботы, превращала «съеденную» пищу и выпитую воду в безобидную кашицу или белые гранулы, то «Хлоя» не могла есть и пить. Еще она не могла полноценно купаться и боялась грязи. Нестираемые пометки об

этих запретах были нанесены на ее тело — на левом боку, там, где у человека ребра, а у роботов их имитация под кожей.

И с той первой он никогда не спал. У них был только эмоциональный контакт, но очень сильный. Она была его другом, ведь ее личность была сконструирована им очень тщательно, он потратил на это тысячу часов, на основе выборки из многих тысяч образов. Ручной выборки.

Они были очень близкими… людьми, и иногда он даже забывал, что все это — имитация. В каком-то смысле он находился у нее в статусе друга, и в этом была своеобразная прелесть, ведь он мог в любой момент приказать ей что угодно, но Гарольд этого не делал. А потом она сломалась. Гарантийный ремонт ничего не дал. Брак всей партии в сто тысяч штук. Заменили бесплатно.

Со следующей, которой он написал личность попроще, Синохара уже реализовал все свои фантазии… довольно, впрочем, типовые и скромные… особенно по меркам этого десятилетия и его нации.

Но современная женщина, думал тогда он, могла бы даже такие мечты не воплотить, а если воплотить, то это обошлось бы куда дороже. По крайней мере роботы не могут забеременеть, не могут потребовать алименты, не наймут адвоката и не будут шантажировать, чтоб обобрать до нитки.

Оставался еще час. Синохара поиграл в игры. Вирки.

Надо же, оказывается это слово произошло от фамилии van Virk — одного из теоретиков компьютерной симуляции.

Но былого удовольствия это не принесло. Неинтересно. Крупные вирки надоели, он быстро заметил, что несмотря на их разнообразие, все они подчиняются общим принципам. А независимые инди-проекты (существовала неполиткорректная шутка, что «инди» — они не потому что их делали индивидуально, а потому, что их клепали малообеспеченные индусы), хоть и были душевнее, но из-за экономии на тестировании и использовании бесплатных шаблонов оставались слишком сырыми.

А теперь еще и стали малолюдными. У людей хватало реальных проблем.

К тому же после всех этих атак на wetwareмногие из инди-вирок, включая его любимые «Ржавые земли», закрыли.

За пять минут Гарольд просмотрел новости в режиме быстрого чтения. Не куцую выжимку, которую Сеть подсовывала для диванных овощей, чтоб они не забивали голову, а свою собственную более широкую выборку, алгоритм для которой он составил сам. Там были не только новости от информационных

агентств и «платиновых» логгеров с миллиардным соцкапом.

Он почему-то вспомнил, как дедушка рассказывал ему про своего деда, его прапрадеда. Тот жил тогда в городе, но у него был единственный телевизор на весь многоквартирный дом. И прапрадеда очень уважали, и все соседи ходили к нему смотреть единственный транслировавшийся канал. Дело было лет через десять после мировой войны. А еще старикан вспоминал, какими люди тогда были дружными, и сколько было единения. Не то что сейчас, мол.

Ну, конечно, традиционное общество, оно такое. Пока ты винтик нужной формы, тебе очень удобно. Вот только выкрутиться тебе не дадут, а уж стать другой деталью… тогда тебя просто выкинут. Многое ли поменялось с тех пор?

А телевидение еще существовало. Но смотрели его люди старше девяноста лет в домах престарелых да еще узкая кучка любителей ретро, которая восстанавливала оборудование на свои деньги. Промышленно оно не производилось. В общем-то новости там не отличались от сетевых… потому что из сети и брались. Только проецировались в двухмерном виде на плоские экраны без возможности сменить угол обзора, потрогать или быстро воспринять выжимку. И зачем нужно это старье?

Но все равно в мире творилась полная дичь, как на нее ни смотри.

В мире спорта опять трясли проблему людей с нулевым гендером. Для них давно проводились отдельные олимпиады и чемпионаты, но теперь они хотели и традиционалов побеждать, и других спектральных.

Опубликована петиция к Мировому совету с требованием разрешить хирургические операции на головном мозге без медицинских показаний. То есть нейромодификации. Вроде бы хорошо. Но самой популярной процедурой среди них было не усиление когнитивных способностей, а «инфантилизация» — операция, превращающая человека в ребенка через симулирование психических реакций среднего десятилетки.

Среди его знакомых была пара таких человек. Уже давно бывших знакомых, потому что все контакты они оборвали. Он стал для них слишком скучен и взросл.

Память оставалась прежней. Просто отношение ко всему менялось. Оно становилось легким. Судя по оставленным описаниям, мир начинал играть новыми красками, казаться простым и если в чем-то и страшным, то заманчивым. Появлялась новизна и ощущение чуда во всем привычном. Даже мороженное и воздушные шарики снова радовали. Уже тысячи человек прибегли к ней нелегально. Просто они, тридцати-сорокалетние

мужики и тетки, задолбанные работой и жизнью, чувствовали себя в глубине души маленькими мальчиками и девочками. И хотели на ручки и конфетку. Естественно, при этом они становились социальными инвалидами, способными в эмоциональном плане только на то, что и делает десятилетний сопляк. То есть жить, развлекаться и учиться, будучи опекаемым другими. При этом интеллект не падал. Менялась только волевая сфера. Но этого было больше чем достаточно.

Как правило, это были люди с деньгами. Но в итоге уже через месяц они оказывали на мели и с жуткими долгами. Для них существовал приют, работали волонтеры… У некоторых из них даже семьи раньше были… которые после операции рушились. Плюс физиологию и работу желез внутренней секреции не обманешь, даже изменив процессы в головном мозгу. Половое влечение сохранялось. А иногда даже усиливалось. Как и агрессивность. И способность заниматься опасными вещами типа гонок на спорт-карах по улицам под кайфом — тоже сохранялась. При абсолютно детском отсутствии самоконтроля и «тормозов» да полном отсутствии эмпатии. Стоит ли говорить, что эти существа были опасны, особенно учитывая то, что на первый взгляд их даже не каждый психолог мог распознать. Притворяться ведь и дети умеют. Врачей за эти операции судили и дисквалифицировали, но существовали наборы, с помощью которых такую хирургию можно было провести и на дому. С риском побочек. Хорошо, что данное вмешательство было обратимым. Модулятор можно было извлечь. Загвоздка была в том, что процент суицидов и случаев заболевания шизофренией после возвращения во взрослый мир из страны ни за что ни отвечающего Питера Пэна был чудовищно высок. Под петицией подписались уже триста тысяч человек. Но скорее всего ее снова отклонят. Законодатели — не самоубийцы. Страшнее этой модификации был только «Лотос». Но уже сам факт взрывного интереса к таким практикам… многое о человечестве говорил. Очень многие хотели не вверх, а вниз. А как только нейроинтерфейсы позволят создать достаточной ширины канал для передачи не только отдельных символов, никакие запреты не остановят опыты по подключению человека к человеку, вплоть до слияния. И даже человека к животному.

«Многие могут захотеть узнать, как видят мир котики. И самими стать котиками. А я бы скорее пообщался с осьминогом, — подумал Синохара и усмехнулся. — Или сам бы им стал. Уж я бы нашел применение щупальцам».

…Китайская база на обратной стороне Луны, как сообщил представитель в ООН, выполняет только исследовательские, а не

военные задачи. Ага, так все и поверили.

…Орбитальные электростанции снова не выдают пиковую мощность из-за солнечной бури. Но выращены новые сорта овощей для вертикальных ферм, идентичные по вкусу мясу. Зеленые кролики, которым почти не нужна еда, набирают популярность. Гибрид собаки и летучей мыши-крылана, способный оторваться от земли, поднялся в воздух. Правда, весом всего два кило.

А в Нигерии, несмотря на гражданскую войну, провели очередную пересадку головы. Вроде бы хорошее дело, но самые большие проблемы были связаны не с группами крови и риском отторжения, а с тем, что донор был мусульманин, а реципиент — христианин, и теперь этот случай разбирали богословы с точки зрения спасения души, а страну, которую и так раздирали межрелигиозные конфликты, этот случай не объединил, а еще больше разделил.

В Чехии автомобиль-беспилотник сбил робота. Редкость на грани статистической погрешности. Чуть чаще бывало, когда беспилотная машина переезжала живого пешехода… который обычно сам был виноват и заслуживал премии Дарвина — с 2030 года действительно существовал фонд, который пытался выдавать приз за самую глупую смерть родственникам погибшего… и некоторые деньги принимали.

Но в сто раз чаще случалось, когда пьяный человек сбивал робота. Или другого человека. Некоторые еще считали самостоятельное управление автомобилями признаком мужественности. Те, кому за шестьдесят.

Из Африки шли новости про дефицит воды и новые войны за этот ресурс, как когда-то за углеводороды. Новости скупые, и это говорило о том, что все плохо. Теперь и в Кабо-Верде, где еще недавно было тихо, стреляли. Он там бывал в виде аватары. Помогал разбираться с дронами. Один местный инженер рассказывал ему байки про тамошних цыпочек и предлагал приехать во плоти. Мол, там нормой считается для женщины иметь по десять детей от разных мужей. И при этом они католики. Мол, даже Папа не может ничего с этим сделать.

Это заманчивое предложение он тогда отклонил. И совсем не потому, что не хотел отношений с черными женщинами. Просто он хотел отношений с одной конкретной, а все остальные для него почему-то потеряли свою ценность… даже если бы были оранжевые в зеленую крапинку или в полоску как зебры, по всему телу.

Новостей с полей сражений было настолько мало, будто не было никакой войны. Зато он видел войну ботов в комментариях.

В Китае их зовут «шуиджуны» или «умаоданы» — в буквальном переводе это означает «водную армию». И никто лучше них не знает всю правду о любом политическом событии, хе-хе.

Закончив с гражданскими каналами, Синохара подключился к рассылке Корпуса и глянул новости, доступные для его уровня допуска.

Система ПВО-ПКО Земли оказалась не готова к атаке на Женеву — чудом провалившейся, но теперь она себя полностью реабилитировала. Рельсовые и лазерные пушки на поверхности, противоракеты и ионные орудия на спутниках эффективно сбивали все, что могли поднять повстанцы и террористы в воздух. Будь то ракеты или воздушные суда.

Имбецильная левацкая широкая общественность — ему не нравилось эйблистское словечко в переносном значении, но иногда лучше не скажешь! — только сейчас понимала, что «Ликвидаторы», лазерные пушки наземного базирования, которые были формально предназначены для чистки околоземного пространства от космического мусора, точно так же могут поражать и объекты им не являющиеся. Опасные объекты.

В Азии террористы запустили почти тридцать баллистических ракет из малонаселенных гор и джунглей. Эти старые ржавые болванки достигли потолка в восемьдесят километров, но все были сбиты. А обычных ракет и снарядов система Global Point Defense сбила уже больше десяти тысяч штук.

Плохо, что у мятежников теперь был и свой орбитальный щит почти над половиной Западного полушария. Как им это удалось? Как они могли перепрограммировать эти сложные устройства? И как те вообще попали к ним в руки, почему не были уничтожены?

При этом большинство населения незатронутых войной регионов интересовали цены на еду… для виртуальных питомцев. Даже людей, которые относились к той же культурной и этнической группе, как и на территориях, где проводилась контртеррористическая операция.

Ну да дьявол с ними. Все, больше никакой политики. От навязчивой рекламы он тоже был свободен. Сеть была настроена так, чтобы ограждать его от попыток ему что-нибудь впарить.

Чтоб отвлечься, переключился на развлекательные каналы. Пару минут посмотрел «Титанов рестлинга», где облаченные в костюмы ярмарочных суперменов перекачанные мутанты мутузили друг друга. Раньше ему нравились костюмы мексиканских рестлеров — черные маски в виде черепов, раскраска как у скелетов. И имена типа Киллер-Дриллер или Радиатор-Терминатор. Были и драки в экзоскелетах с мягким покрытием, раскрашенных в дикие цвета.

Но сейчас и там не обошлось без политики. Перед каждым матчем бойцы обязательно говорили, за кого они и кому они посвятят свою победу. И собирали деньги на помощь тем, кому симпатизировали. А многие чемпионаты и вовсе отменили.

Потом глянул чисто от скуки национальные сегменты Сети — китайский, японский, корейский, даже индийский. Где-то там до сих пор шли смертельные гонки на выживание, а в игре "Godzilla Wars" роботы размером с небоскреб дрались против гигантских монстров, которые звались кайдзю. Большие шагающие человекообразные роботы высотой в сотню метров, в кабинах которых сидели аватары игроков. Но его инженерное образование мешало ему получать удовольствие от просмотра, ведь он знал, что в реальности они невозможны, так же, как и Кинг-Конг с Годзиллой, из-за того, что масса увеличивается пропорционально объему, а прочность конструкций — пропорционально площади. Поэтому ему с детства не нравилась мультяшная неправдоподобная физика.

Пора начинать первый этап боевой операции. Прежде всего, купить «приманку». Тут без нее было не обойтись. Совсем как в рыбалке… или в охоте на некоторых зверей… а иногда и на вражеского снайпера.

Уже выйдя из дома, он в последний раз раскрыл на стене фасада зеркало. И в нем увидел, что в образе не достает одной детальки. Вернулся и прицепил на грудь все тот же памятный значок с индонезийским орлом, точнее птицей Гарудой. Боевую награду.

*****

Все дела, порученные командованием, которые требовали личного присутствия, он сделал в Лондоне за один день, а остальное время было в его распоряжении.

Можно было для большего шика арендовать автомобиль, хотя тут это было гораздо дороже, чем на материке. Можно было даже купить подержанный, хотя срок его командировки в Лондон недолог, и скоро он уедет. Если не случится чего-то непредвиденно… хорошего. Впрочем, если это случится, машину достать с его рейтингом — минутное дело.

Но пока не нужно, тут очень хорошо развит общественный транспорт.

В небольшом ювелирном салоне в Вест-Сайде (не «Харродс», но тоже довольно пафосное заведение) он долго смотрел на все эти дорогие побрякушки, которые, по его мнению, хорошо смотрелись бы на полинезийском вожде. Можно было заказать

это все с доставкой на дом, но он решил впервые за много-много лет купить что-то по старинке. Интересно, сколько тут получали эти вышколенные консультанты в сюртуках или белых блузках с черной юбкой, явно стилизованных под викторианскую эпоху? Вот только он знал, что прислуга, мелкие клерки и продавцы так не одевались. Псевдоисторичность.

Взглянул на витрину — да, цены кусаются.

Синохара ни черта не понимал в этом, но виртуальный помощник еще по дороге показал ему варианты, когда он ввел примерные ценовые рамки и дал описательную характеристику личности получателя подарка. А консультант-человек уже на месте остановил его выбор на одной вещи. Подвеска в виде ее знака зодиака: рыбы. С виду простенькая. Но дизайнерская, от французского ювелирного дома. Тот, кто разбирается, сразу увидит, что не штамповка.

Золото и платину она не носила, а вот серебро он на ней видел. И вроде бы она верит в эту мистическую ерунду.

Конечно, это не приблизило его к пониманию ее вкусов и ожиданий. «Рыбам свойственно то-то и то-то». Бред. Каким надо быть наивным, чтоб думать, будто рождение в тот или иной месяц может повлиять не только на характер, но и на судьбу? А почему не считают влияние Венеры и Меркурия? Или центра галактики?

Но скорее всего эта штука подойдет. Довольно милая. И не дешевка.

Вскоре после возвращения… в их первую новую встречу, он подарил ей бонсай. Иву. Не модифицированный сорт, а сделанный по всем традиционным правилам из выкопанного в Японии деревца. Тогда ей понравилось, хотя она пошутила, что это слово звучит как боевой клич самураев. Но теперь надо выбрать что-то не имеющее связи с его национальной культурой. Иначе это уже пошлость. Он хотел подарить ретро-вещь, что-нибудь типа проигрывателя для грампластинок, но потом подумал, что это тоже пошло, так как занимает много места. И решил остановиться на маленьком украшении.

Универсальная платежная система списала деньги, и Гарольд получил из рук строго одетой salesperson (смуглой женщины с красной точкой на лбу, будто желавшей облегчить работу снайпера) черную коробочку, где на бархате лежало выбранное им украшение.

Скромный подарок. Когда деньги уже списались, он подумал — а не слишком ли дешево? Но нет. Дороже — нельзя.

«Это как рыбалка, мой друг. Ты сидишь с удочкой, одно неверное движение — и упустил. И ладно, если тебе плевать, какой улов добыть к ужину. Но тебе нужна не любая рыбка, а

одна конкретная».

Нет, это не какой-то гуру соблазнения посоветовал. Это были его собственные мысли.

Синохара решил пройтись, хотя мог проехаться на метро или сесть в один из старомодных автобусов. Но пешая прогулка позволит лучше настроиться. По пути он повторял про себя японскую считалку с цифрами.

Надо быть готовым. Часто бывает, несмотря на блестящий план, все может провалиться с треском, как высадка американцев в Сомали или в Заливе Свиней.

Жизнь метрополии навевала мысли об остановившемся времени. Само это слово было любимо журналистами-коммуняками, но среди приличных людей считалось некорректным, как и фраза «золотой миллиард». Мол, в нашем справедливом мире все могут стать золотыми, если не ленятся работать.

Но время тут и вправду казалось испортившимися часами. Если в депрессивных частях Северной Америки типа Детройта и Чикаго на них застыл конец двадцатого века с авто и ретро-небоскребами, то здесь, в старой Европе, ее туристической витринной части — начало двадцатого или конец девятнадцатого столетия. Belle Époque[3].

Улицы тщательно восстановленных исторических памятников и с виду неброских, но очень дорогих домов. Хотя настоящая элита, конечно, живет за городом.

Никакого пластика и биопластмассы. Кирпич, черепица, металл, даже дерево. Кованные вывески, аккуратные заборчики и чугунные фонари. Мостовые и набережные Темзы, сразу вызывающие в памяти Конан Дойла и Диккенса. Гипертекст, завернутый в палимпсест, как дёнер-кебаб, и приправленный свежими мемами, как соусом. Город постмодернистский, интертекстуальный. Да и интерсексуальный тоже. Лондон, который копирует самого себя из прошлого, который тоже копировал себя. Будто змея, ухватившая себя за хвост. Невольно он вспомнил «Улисса» Джеймса Джойса… хотя там вроде бы был Дублин? Точно, Дублин.

Гарольд скорее бы застрелился, чем стал такое слушать в аудио. Даже во сне, даже в ускоренном режиме. Не говоря уже о том, чтобы читать. Почему-то у него это название ассоциировалось с лысым киногероем, который лихо мочил террористов в небоскребе. Такое было ему ближе и понятнее. Но в сжатом изложении он пропустил через себя всю культуру человечества. И дискуссию поддержать мог.

Авто тут были нежеланными гостями. Как и повсюду в

Европе, двигатели внутреннего сгорания в городской черте тут находились под запретом, пешеходная зона постепенно разрослась до половины исторического центра. На малом электротранспорте здесь ездили куда больше, чем в той же Северной Америке, где автомобиль еще был предметом статуса.

Ограничения были драконовские. Можно было, конечно, купить машину, чтобы пустить пригоршню-другую бриллиантовой пыли в глаза. Не лимузин, но обычную хорошую тачку местного производства.

Но даже на его мотоцикле сюда бы не пустили. Не говоря уже о воздушном байке. Все-таки он был сипай, туземный наемник, поэтому верхом на слоне ему путь в район богатых белых сагибов был закрыт. Даже с деньгами он иностранец — не мог приехать в богатый аристократический район как король, а должен был тащиться от метро или моно пешкодрапом. Формально — из-за экологических ограничений. Эта часть Ислингтона была с этого года закрыта для автомобилей, кроме находящихся во владении тех, кто там проживает.

Он еще раз посмотрел на свой подарок скептически. Ну что это за мелочь? Почему не бриллианты? И может, надо было взять цветы?

Ну нет. Подарок не должен быть дороже, а то она подумает, что ее подкупают.

Цветы? Где ты находишься? Хочешь, чтоб обвинили в сексизме и харрасменте? Ведь цветки — это половые органы растений. Ладно. Хватит на сегодня шуток про SJW. Букет не надо и вина с шампанским не надо. Лучше взять угощение на ее вкус. Главное показать серьезность намерений.

Да, придется идти пешком. Зато тут на каждом шагу аренда электровелосипедов, и другого одиночного транспорта. На них можно ездить ничуть не менее комфортно и так же быстро. Поэтому выбирают их. Автомобили постепенно выходят из моды. Монорельс идеально вписан в городскую среду. А любые покупки доставит дрон.

В центре города наземных автомобилей почти не было, но иногда над домами поднимались летающие. По улицам чинно… или наоборот, спеша, шли пешеходы.

«А нет ли здесь дискриминации тех, кто не умеет ездить на велосипедах?»

Нет, не было. Потому что на новых платформах с гироскопами легко проедет даже лицо с ограниченными возможностями — для этих штук везде были специальные дорожки. Интеллект этих устройств был так отточен, что даже животные в парках их не боялись — вместо того чтобы превратить

белку в лепешку они бы просто на нее не наехали.

Все животные были чипованные, включая голубей. Наверно, и крысы в метро были с чипами. И тараканы. Ведь это все синантропы… не обезьяны, а спутники человека, как часть экосистемы каменных джунглей. Такая же ее часть, как люди. Которые в таких местах тоже чипованные, тоже ухоженные и счастливые. Внешне.

А вот и Ислингтон… раньше, когда он только читал про Лондон, он думал, что это слово читается как «Айлингтон», с таким же нарушением правил, как слово “island”. Ох уж эти британцы, которые считают свой язык германским, хотя в нем куда больше романского.

Во многих местах канал не имел ограждений. От разумных людей, наделенных common sense, ожидалось, что они не будут прыгать в воду. Кое-где у берега стояли дома-лодки. Обычные лодки и катера тоже были пришвартованы здесь и там.

Лодочник в плаще с капюшоном, похожий на венецианского гондольера из ночных кошмаров, работал веслами. Посудина была стилизована под ладью Харона. Вроде бы там даже пассажиры были. Следом проплыла беспилотная яхта. Дальше над водой проскользил одноместный катер на воздушной подушке, напоминающий ската. Двигались все медленно, что вызывало ассоциации со Стиксом, хотя ничего мрачного в пейзаже не было. В канале было строгое ограничение скорости.

Каменная облицовка. «Шуба». Если Темза во многих местах одета в мрамор, то эти каналы похожи на речки, текущие через уютные провинциальные городки. Арки небольших мостов изгибали свои спины как черные кошки. Ступени с благородной зеленью спускаются к воде. Но вода идеально чистая и прозрачная. Даже рыба тут плавала. Можно представить, какой сложной системой была очистка стоков громадного города. И его улиц тоже.

Когда Гарольд шел по узкому тротуару вдоль канала к ее дому, в самом центре безопасной европейской столицы, то чувствовал волнение, какого не было, когда он выслеживал бородатых джихадистов в джунглях Индонезии.

«Не все террористы носят странные головные уборы. Но человек с полотенцем на голове скорее всего собирается вас взорвать». Шутка времен его подготовки в Академии.

Будто нарочно мимо промчался бородатый моноциклист, улыбнулся и помахал рукой так, будто был его самым лучшим приятелем и только его и ждал. Гарольд машинально ответил кивком. Мол, проезжай быстрее, пока я не подумал, что ты

террорист.

Впрочем, никакой предвоенной паранойи в городе, как и везде в Британии. Тишь и гладь.

Дополнительные меры безопасности его наметанный взгляд различал, но они не были слишком радикальными. Никаких танков, тяжелых роботов, спецназа в экзоскелетах и прочих пугающих обывателей вещей.

Над улицами исторического центра было чуть больше патрульных дронов, но обычные люди с типовым зрением их даже не замечали. Те парили над толпой как призраки, фиксируя своими сенсорами миллионы лиц, сканируя, сличая и распознавая. Улавливали запахи и все типы излучения в поисках взрывных устройств и других опасных предметов.

В ключевых точках эти невидимые заслоны были усилены человеческими патрулями. Обычными английскими «бобби», правда, с боевым оружием и в средних бронежилетах. Стоило невидимым стражам поднять тревогу, как они первыми отреагируют на замеченную угрозу.

Те, кто не знакомы с работой полицейской системы, могут подумать, что в опасных районах, в гетто, этих патрулей и постов больше. Но это не так.

На самом деле их там было даже меньше или почти не было, а слежка велась «безлюдными» способами. Включая «глаза с неба», но там они пролетали реже и на большей высоте.

Там было меньше ценных объектов.

Но камеры были и там. Мало где в мире такая высокая концентрация камер наблюдения. На общественных зданиях и других публичных объектах их установка была обязательной. Размером с ноготь и чувствительные как глаз орла — они покрывали сетью всю территорию островов.

А самые боеспособные силы полиции, особенно антитеррористического спецназа и riot cops, несли дежурство не на улицах, а на опорных пунктах, готовые прибыть на место по первому сигналу. На воздушном транспорте, конвертопланах и коптер-байках. А некоторые и заплечными джет-паками были оснащены.

Те, кто дежурил на улицах, находились там для первичного реагирования. А еще для обозначения власти. Это должно было успокаивать жителей. Попался ему даже патруль конной полиции. Вид у лошадей был слегка обалдевший. Еще бы, наверняка они удивлялись, зачем люди на них ездят, когда кругом столько высокотехнологичной хрени.

Всех местных левацких городских сумасшедших, бредящих «народной властью» и корейским чучхе, сначала пытались

разогнать силой. Вытесняли с улиц инфразвуком, выдавливали старыми добрыми щитами полиции. До резиновых пуль, газовых гранат и нелетальных выстрелов из разрядников тут, как недавно на материке, не дошло. Но зато, как знал Гарольд из надежных источников, использовали более тонкие средства воздействия на сознание митингующих. От которых они и сами забывали зачем пришли и спешили по домам, искренне думая, что это их собственное побуждение. Только на следующее утро они поймут, что все-таки их уйти заставили.

Рядом с входом на станцию «Ангел» стояла манифестация с бумажными плакатами. А над головами этих пестро одетых чудаков парили огромные голографические версии тех же плакатов.

Обычно там ошивались, сидели или лежали на картонках, ковриках и матах те, кто протестовал против всякой ерунды вроде искусственного мяса, натурального мяса, эксплуатации роботов-женщин или роботов-животных. ("Leave them alone! Stop violence! Go fuck yourselves, not gynoids! Every pet has its heart! Insects are friends, not food!").

Но теперь повод был другой.

STOP WAR!

Один из протестующих стоял на ходулях. И одет в балахон, изображая гигантскую смерть с косой. На нем было ожерелье из бомб и ракет. Лицо Смерти напоминало то одного из лидеров парламентских партий, то другого, голосовавшего за программу Мирового совета по силовому решению.

Еще один манифестант со внешностью испанца или латиноамериканца, изображал Иисуса и был распят на кресте. Хотя нет. Руки его были привязаны, а гвозди искусно добавлены с помощью небольших умных экранов, обволакивавших его руки. Веревки были затерты. В Д-реальности картина выглядела еще более натурально.

Где-то на заднем плане тихо играла, внедряясь в череп, музыка, на которую было столько римейков, что первоначального автора не все уже помнили.

When the violence

Causes such silence…

Полицейских рядом не было. Но, конечно, они наблюдали.

«Ну, это вы к своим обожаемым герильяс обратитесь, а не к нам», — подумал австралояпонец, кривясь.

Разогнать бы этот сброд. Но нельзя. Этим цивилизованные люди и отличаются от тоталитарных дикарей.

Пусть себе крутят свою “Zombie” на полную громкость, пугая голубей и кошек.

In your head, in your head
They still fighting
With their bombs,
And their tanks,
And their guns,
Andtheirdrones…

Вообще-то протестующим выделили для митингов весь Таймс-Сквер и Гайд-парк. Там и стояли их основные силы. Но поскольку тут свободная страна, они иногда устраивали небольшие шествия в других районах. Социальной базы для того, чтобы замутить бузу в центре столицы у них не было и не могло быть. Повод для большинства жителей Британии казался не очень актуальным.

Их вотчиной могли бы стать иммигрантские кварталы и гетто в крупных городах. Там было довольно много горючего материала в виде выходцев из Карибского бассейна, чувствовавших солидарность с братьями из Мексики и Южной Америки. Но там же их было легко локализовать и держать под контролем без вреда для цивилизованных районов.

И хотя практика показывает, что убежавшие от бедности и войны люди вполне могут попытаться устроить бардак на новом месте, мигранты были раскиданы и перемешаны с чуждыми для них этническими и религиозными группами, как своеобразный калейдоскоп. Причем часто эти группы друг друга ненавидят. Бузить в своем округе они смогут, а вот поджечь весь город — никогда. А большинство из них вообще пытаются быть тише воды из страха перед депортацией, которая сейчас была равнозначна смертному приговору.

Малые города во всех графствах оставались абсолютно спокойными и сонными. В Уэльсе и Шотландии были отдельные выступления, но в гомеопатических количествах. И в Северной Ирландии тоже. А к югу в Ирландской Республике было еще тише.

Да, континент за проливом бурлил, а в Азии, Южной Америке и Мексике творилось один Ктулху знает что. Но Британские острова в этом море хаоса стояли неприступным бастионом.

Хотя и само море хаоса казалось Гарольду переоцененным. Призрак столетней давности, который вытащили из гроба университетские бездельники, его совсем не пугал. Даже переоцененное «глобальное потепление» было страшнее, чем это. Ведь оно настало, но не разрушило цивилизацию, а лишь заставило слегка затянуть пояса, построить несколько дамб и покинуть десяток небольших прибрежных городов.

«Пролетарии всех стран. Что за дряной косплей. Есть одна вещь, которая хуже большевиков. Это офисные белоручки, изображающие из себя большевиков».

Есть же реальные проблемы в мире, размышлял он. Например, одна «самая мирная религия»… Хорошо, что Япония установила неофициальную квоту на иммиграцию лиц, ее исповедующих. Хотя и эта квота слишком большая. Есть проблема дефицита многих критичных ресурсов. Но почему-то именно при рыночной экономике их расходуют наиболее эффективно.

К черту все… Сейчас личные дела стояли для него на первом месте. А весь мир мог хоть гореть, хоть замерзать, хоть тонуть. До тех пор, пока он эти дела не решит.

Чем ближе Синохара подходил к цели, тем сильнее было ощущение нервной дрожи и «бабочек в животе». Но с ним была маленькая штука из бионейтрального материала, зашитая в груди чуть выше третьего и чуть ниже четвертого ребра. Стимул-капсула, которую Гарольд мог активировать по желанию. Что он и сделал сейчас.

Она помогала не спать и сконцентрироваться. У нее были разные режимы. Он включал ее, когда ему надо было работать на износ, или когда горели сроки, или когда предстоял неприятный разговор с командованием. Она давала работоспособность и ясность мысли. На время. Конечно, потом, за это, возможно, придется заплатить. Но ничего не бывает бесплатно. Это был коктейль из нейромодуляторов и стимуляторов, а также ноотропов. Все законно, хотя и недешево.

Гарольд еще раз посмотрел на свое отражение. Сначала в экране, который спроецировал в шаге от себя, а потом в зеркальной глади тщательно очищенной воды канала. Идеально сидящий костюм не добавлял ему ни роста, ни видимой мускулатуры. Плоские подошвы туфель не добавляли роста. Все так, как он и хотел. Он не был из тех закомплексованных коротышек, которые прибегают к каблукам или даже операциям на позвоночнике и костях, чтоб только не смотреть на кого-то снизу-вверх. Волосы были от природы редкими, глаза блеклыми, а лицо не очень выразительным. Но это было его лицо, которое он не согласился бы менять «пластикой», хотя это простая процедура.

Он не считал себя обязанным распускать павлиньи перья. Чистый, аккуратно выбритый, моложавый, но не строящий из себя вечного подростка по последней дурацкой моде. Чего еще надо? А тот, кто внимателен, сразу определил бы, что он не простой офисный овощ. По взгляду, по осанке, по выражению лица, в

котором не было ничего травоядного.

Дом стоял в ряду таких же кирпичных semi-detached houses, построенных при великой королеве Виктории для заводских рабочих, но в двадцатом веке после перепланировки и разрушения лишних перегородок населенных средним классом. Почти двухсотлетняя история добавляла ему стоимости, хотя от прежнего дома неизменной осталась только оболочка. Здание пережило несколько капитальных ремонтов, но многие древние кирпичи были и сейчас крепче новых.

Оно выходило фасадом на довольно оживленную улицу, а задним двориком — к Риджентс-каналу.

Перед воротами Синохара замешкался. Где же тут кнопка? Ага! Надо дернуть за шнурок. Почти как в сказке мистера Милна, которую он любил в детстве.

Дернул. Где-то зазвонил старомодный звонок-колокольчик. Включился видеофон.

— Кто там?

Но вместо лица Эшли он увидел перед собой мультяшную трехмерку — Эльзу из «Снежной королевы». Классика Диснея.

— Эшли, это я.

— А, Гарольд, — голос его знакомой он охарактеризовал бы как «позитивный». — Заходи-заходи.

Ворота открылись, запикала система безопасности, замигал зеленый сигнал. Он прошел, и они закрылись за ним, словно отрезая путь к отступлению.

Во дворе все было скромно. На клумбе росли цветы, у стены стоял спортивный велосипед (неужели она ездит на нем?). Возле уснувших на зиму кустов жасмина беззвучно летали несколько черно-белых I-bees. Полимерные пчелы-опылители ориентировались через Сеть Вещей по маркерам, которые гарантировали, что они не улетят к соседям. Но сейчас они кружились без толку и зря тратили электроэнергию.

«Надо сказать ей… Или ей это нравится?».

Площадка для дрона перед домом, помеченная литерой “H”, была чуть больше обычной. Видимо, чтоб могли садиться более крупные грузовые коптеры. Хотя обычно они не садились, а зависали над землей и спускали покупки на тросах. Рядом с площадкой стоял умный ящик с маркировкой транспортной компании “JDS”. Эшли, похоже, еще не успела его открыть и разобрать покупки.

Он подошел к дому. С таким же пиканьем и зеленым сигналом открылась входная дверь, сделанная под старину с медной ручкой в виде льва, будто впуская его в волшебную пещеру Алладина.

За дверью никого не было.

— Проходи, проходи, — донесся голос из динамиков. — Я спускаюсь.

В коридоре стояли норвежские палки для ходьбы, моноколесо, инвентарь для гольфа, даже взрослый скейтборд. Здесь же была обувь в аккуратном комоде с прозрачными стенками. Только женская.

Мужчинами тут вроде бы и не пахло. Все расставлено так, будто они тут и не бывают.

Хотя один был. Толстый клетчатый кот Доминик, которому он чуть не отдавил хвост в коридоре, потому что тот сразу полез смотреть, кто пришел. Рамка подсказала его имя, возраст и пол. А еще там было сказано, что он “CheckeredBritish cat, sterilized, male. Age — 9 years 6 months”.

Но и тот явно был лишен мужского начала, потому что, когда Гарольд на него шикнул, даже не ощетинился в ответ, а сразу бросился наутек как мохнатый шар.

Синохара напомнил себе, что разуваться при входе в жилище на западе не принято. Хотя ему это всегда казалось дикостью. Сколько бы ни был вымыт с шампунем асфальт и дорожки, но ведь люди ходят и по траве! А по улицам бегают и братья наши меньшие. Каких только личинок и бактерий там нет.

«Дикари».

Заглянуть в гардероб — есть ли там мужские вещи? — очень хотелось, но он преодолел себя. Нечего играть в детектива: их отсутствие при гостевых отношениях ни о чем бы не сказало. К тому же она все видит.

Лестница с деревянными ступенями и балясинами, фактура древесины образует затейливые узоры. Вот скрипнула одна из ступенек вверху. Сердце забилось чаще, хотя он в этом не признался бы. Какого черта, он же не школьник, ему сороковник, он видел больше, чем девяносто девять процентов…

— Иду-иду, — донесся ее голос. А через полминуты появилась и она сама. Видимо, задержка была вызвана потребностью высушить волосы, остававшиеся чуть влажными. Макияж Эшли не нанесла. Странно, что некоторые вообще пользуются этим старьем, уподобляясь актерам театра Кабуки, если есть штуки, которые можно наклеить на лицо за секунды. Впрочем, она обошлась естественным видом. Все-таки тут была Западная Европа. И все равно была для него самой красивой. Одетая в стиле casual, в джинсах, белой футболке и белых кроссовках, будто собиралась выйти на пробежку. Футболка была обычная T-shirt. Не из чего-то высокотехнологичного, но и не из клеток собственной кожи, как было модно у эко-двинутых. И

ткань не меняла цвет под настроение владельца, считывая биотоки. Обычная хлопчатобумажная футболка без всякой глубокомысленной надписи.

Они обнялись. Сдержанно и по-дружески. Хотя для одного из них это объятие было чем-то большим, чем дружба.

Гарольд еще раз подумал, что дом нерационально большой, учитывая чудовищно дорогую землю и высокие налоги. Он привык совсем к другому жилью. На Японских островах много маленьких квартирок, а в Австралии, где места полно, они первое время жили в арендованном полуподвале, еще меньше размером, а потом купили небольшой по меркам среднего класса дом. Беженцам на большее рассчитывать не стоило. Никакие компенсационные выплаты не покрыли потерь от их личного Исхода.

Интерьер викторианского дома поражал эклектикой и одновременно простотой. Смешение Азии и Европы, шведского минимализма с восточным аскетизмом. Циновки и бамбуковые занавески соседствовали с правильными геометрическими формами. Кубы, шары и параллелепипеды, трапеции и призмы лишь слегка притворялись диванчиками, столами, стульями.

В каждой комнате по которым они прошли, было много свободного места.

На первом этаже, который, за вычетом пространства, отведенного под гараж и другие хозяйственные помещения, был большой обеденной и досуговой зоной, которая где-то вдалеке переходила в кухню, они надолго не задержались. Эшли дала голосом команды умному дому:

— Мы идем наверх. Покорми нас, пожалуйста. И чаю. Как обычно.

Когда они поднимались по крутой лестнице (он пропустил ее вперед, будто она могла упасть), то Гарольд грешным делом подумал: «Э, чувак, да твои акции растут!». Но они не остановились на втором этаже, где были спальни, явно не меньше трех, а пошли на самый верхний, где находилась только маленькая оранжерея под стеклянной крышей. Это было почти фиаско.

Здесь же, прямо среди цветов, стеблей бамбука и толстых мясистых лиан стоял столик и плетеные антикварные креслица. Но австралояпонец знал ее достаточно хорошо, что понять — дело не в романтике, а в том, что она хочет продемонстрировать ему свои успехи в цветоводстве. Робот считал так же.

— Выпьем? — предложила Эшли.

Он кивнул, хотя не любил алкоголь. Однако надежда еще теплилась. Говорят, иногда даже малое количество открывает сердца, души, ну и так далее.

Но, оказывается, имелся в виду чай. Чайник прямо на его глазах доставил миниатюрный лифт. Он был фарфоровый и из носика шел пар, как у маленького паровоза.

— Эта штука досталась мне от прежнего хозяина. Он был художник или что-то вроде того. Он называл эту хрень «Социальный лифт», — сказала Эшли, открывая створку подъемника. — На первом этаже у него хозяйничала домработница с Филиппин, а сам он, лорд такой-то, целыми днями не выходил из комнаты, когда был в депрессии. Пил абсент и употреблял разные вещества. Потом поставил себе «Лотос». Потом умер. Нет, не здесь, а на озере в Швейцарии.

— Самоубийство? Или истощение?

— Нет, инсульт от длительной эйфории. Говорят, даже мертвый он улыбался. Дом продавали уже не наследники, а банк, к которому тот отошел за долги.

— Ничего себе история, — произнес Гарольд. — Не понимаю. Если бы у меня с детства было все… наверно я бы распорядился этим лучше.

Манипулятор аккуратно приподнял чайник и разлил им чай.

— Раньше эта штука барахлила и одному парню вылила кипяток на штаны. Впрочем, я и так с ним собиралась расстаться. Он был редкостной скотиной. Да ладно, я шучу. Не бойся.

Чай он тоже не любил, но социальный ритуал есть социальный ритуал. Хотя современные англичане чай почти не пьют. Как и китайцы и японцы. Из его знакомых эту сладкую кипяченую водичку по любому поводу пили только русские.

Через десять минут они сидели в уютной гостиной и пили — он черный цейлонский чай, а она — зеленый китайский.

Эшли держала чашку в изящных пальцах, а он любовался на нее, как на псевдокитайские вазы, которые украшали одну из стен оранжереи. Но в отличие от ваз и амфор, даже не пытавшихся копировать стиль одной из династий и сочетавших не только восточные, но и античные элементы, женщина была настоящей. Даже медовый цвет волос был натуральным.

Эшли казалась ему более привлекательной, чем женщины его родины. Хотя у тех иногда бывала кожа даже белее, волосы они себе осветляли, и с помощью нескольких операций делали огромные глаза и нордические черты лица. Но все равно это было не то.

Почему-то ему с детства нравились европейки. Даже в мультиках. Именно такие. Высокого роста, хрупкие, со светлыми волосами и глазами в гамме от синего до светло-серого. В этом плане он был настоящим расистом, а может, имел своеобразный фетиш, родившийся из мультиков или детских увлечений. При этом подделки, race shifters, менявшие расу несколько раз в год, чем вызывали бешенную ярость SJW, его отталкивали. Не потому, что «предали память отцов», а потому что только идиот может слепо следовать моде и считать, что то, что снаружи — важнее.

Может, он — вернее его наследственная информация — инстинктивно стремилась к большему генетическому разнообразию? Примерно такому, какое в свое время свело вместе его родителей, высоченного австралийского менеджера и миниатюрную переводчицу-японку (вымершая теперь профессия) из одной транснациональной компании. Результат в виде смешанной семьи получился у них не очень плохим… они прожили вместе до самой смерти его матери. Конечно, не все было гладко. Но даже браки в пределах одной культуры бывают менее крепкими. Ему ли не знать.

А Эшли Стивенсон была действительно похожа на вазу. Хоть и худощавая, но там, где нужно… кое-что есть. Это он еще в космосе в который раз подметил. Комбинезон там был достаточно облегающий, даже фантазии много не нужно. Но и сейчас в этом казуальном наряде она привлекала его не меньше.

Геометрия влечения — простая и четкая программа в мозгу, формирующая из углов и овалов идеальное сечение. Она давно найдена и идентифицирована, определены формулы всех веществ, входящих в нее. Установлены локусы всей нейронов.

Всем людям независимо от пола иногда видятся лица в неодушевленных предметах: в листве, окнах домов, штрихах на бумаге. Это эффект парейдолии. Он помогал в первобытных джунглях опознавать врага или союзника.

А гетероориентированному мужчине видятся женские формы

даже там, где есть только кусок камня. Это тоже базовая программа, которая очень помогла нейробиологам и мнемотехникам в свое время выполнить картографирование мозга. За ее запись отвечает не один ген, а два десятка. Ее сбои или инвертирование… приводят к известным последствиям. Эта программа прямолинейна, настойчива и полностью игнорирует разум. Завладевает им, подчиняя себе даже более сложные процессы. И уж конечно, она — не социальный конструкт. Как и у форелей, кроликов, крыс или домашних тараканов.

Они говорили обо всем, кроме работы. Про происшествие на орбите, которое командование тщательно засекретило, взяв с них строгую подписку о неразглашении, им обоим хотелось забыть. Как и про то, что творилось на вспыхнувшей социальными пожарами Земле. Пока за окном был мирный город, это худо-бедно удавалось. Голову в песок — эволюционная стратегия не только страуса, но и многих разумных.

Хотя как минимум один из них понимал, что это бегство не может длиться вечно.

Образовалась пауза. Что еще рассказать? Про выставку современного искусства? Или про свои хобби?

Пришла подсказка от Аннабель.

«Расскажите о своих хобби. Тех, которые раскрывают ваш характер».

«Вот спасибо, Энни. Ты нарочно хочешь меня «завалить», как студента неправильными подсказками на экзамене? Что за ерунда! Никакое хобби не раскроет мой характер. Ну ладно. Попробую».

— В детстве у меня была муравьиная ферма. Мне нравилось смотреть за жизнью маленькой цивилизации. Представляешь, они даже хоронят своих мертвецов. И если капнуть на муравья веществом, которое заставит его пахнуть как мертвый… как думаешь, что с ним будет?

— Другие потащат его на муравьиное кладбище, — предположила женщина.

— Ага. С причитаниями и молитвами. А муравьиный священник будет его отпевать, а после прочтет проповедь из муравьиной библии…

— Не святотатствуй. После того как всевышний вытащил нас за шкирку с орбиты, мы не должны его злить.

«Надо же. Я думал, это сделали мы, а оказывается без бога не обошлось».

— Сдаюсь. Ну ладно… если муравей был важный и отличился на войне — его похоронят под артиллерийский салют, — усмехнулся Синохара. — Но вот я видел, как один, после того как

я капнул на него из пипетки, пошел к ямке, где была куча высохших трупиков — сам. И залез туда. Никто его не принуждал.

Небольшое преувеличение. Но ему нравилось думать, что это было не совпадение.

— М-м-м. Серьезно? Как интересно. Хотя и жутко.

— Это очень похоже на понимание долга и чести в моей культуре.

— А по-моему, это глупо, — хмыкнула Эшли. — Жизнь одна, и она бесценна. Люди — не муравьи. Мы должны искать свои дороги к счастью и жить в свое удовольствие… не нарушая самых главных заповедей. Ведь именно для счастья Создатель нас спроектировал.

Забавное сочетание. А некоторые заповеди, выходит, нарушать можно?

Еще тогда, на закрытом банкете по случаю их возвращения, Синохара старался выглядеть более молодежно, отойти от своей консервативной внешности. Конечно, обошелся без радикальных цветов и пирсинга, но одежду выбрал самую что ни на есть неофициальную. И если бы правила Корпуса разрешали, даже отрастил бы бороду. За пару дней вполне можно это сделать. Но еще там он почувствовал удивленные взгляды, почувствовал неслышные смешки. Люди видели фальшь, распознавали маску. И значит, не надо было ее надевать.

— Ну что, не можешь поверить, что нам уже так много лет?

«*Бакеро!* — услышал он в ухе ехидный смешок Энни. — Дурак! Минус 10 баллов тебе. Ну кто же говорит женщине про ее возраст?»

«Хочу и говорю, — мысленно ответил он роботу. — В постгендерном мире можно говорить про возраст кому угодно».

Еще одна такая гадость, и он выключит советчицу. Не на вечер, а на сутки.

— А ты совсем не изменилась.

— Стараюсь. Хоть это мне и трудно дается.

Мимические морщины в уголках глаз появлялись, только когда она хмурилась. Когда улыбалась — не появлялись. Эшли это явно было известно, поэтому она старалась контролировать свои негативные эмоции.

Кожа, волосы — похоже, она хорошо за собой следила и выглядела на десять лет моложе своего возраста. А вот он не то чтобы сдал, но напоминал побитый ветрами бриг, несмотря на внешний лоск, который так старательно утром наводил. Или дерево, растущее в суровом климате. Не старое, но уже видевшее и бури, и снежные бураны.

— И чем ты занимался эти годы? — спросила Эшли.

— Путешествовал. Увидел дальние страны и новых людей. И многих из них убил.

— Ого!

Последняя фраза, которая обычно шокировала нормальных людей, на нее не произвела такого впечатления. Все-таки она была из одной с ним среды.

— Это был своего рода аутсорсинг. Мы числились в резерве Корпуса, но формально подчинялись руководству ЧВК “GlobalSecurityCompany”. Это дочерняя фирма корпорации «Дарквотерс». Это давало большую свободу действий. Частники могут делать многое из того, что непозволительно даже в Корпусе. В общем, я воевал, отдыхал от войны и опять на нее отправлялся.

— Не могу поверить, — наконец, до нее дошло это, — Я всегда думала… ты же просто болел космосом.

— Но меня туда не пустили дальше прихожей. Не взяли в экспедицию на Марс, хотя по здоровью я проходил… и был согласен на билет в один конец без всяких призрачных надежд на возвращение. Но меня даже на лунную станцию не взяли. Ни NASA, ни Европейское комическое агентство, ни Космическая Пятерка. Видимо, их напугало что-то в моих анкетах и тестах. Они думают, что в замкнутом пространстве я могу быть опасен для людей, — он улыбнулся, показав зубы. — Ты недавно убедилась, что это неправда. Но они мне не поверили. «Социопат, шизоид». Ерунда. Из шизоидных черт у меня только некоммуникабельность и фиксация на моноинтересах. Но разве это не полезные качества, чтоб не отвлекаться на ерунду? К тому же шизоидов не существует, этот диагноз давно исключен из международной классификации психических расстройств. Но я обратил минус в плюс. Я пошел туда, где исходящая от меня угроза будет полезна обществу. Платили на войне лучше. А риск был меньше, чем в космосе и ненамного выше, чем в большом городе. Я же не ходил на передовую. Я управлял роботами. Они воевали за меня. А люди были моими мишенями. Я ел чипсы, пил пепси-коку, развалившись в эргономическом кресле. А роботы творили, хм, историю. На самом деле они творили скверные вещи, которые я одно время записывал… для потомков, но потом стер. Но я не жалею. Это было нужно. Это были плохие люди. Я бы еще раз их всех уничтожил. Зато теперь вдруг включили меня в состав вашего экипажа из-за моих «психоэмоциональных качеств». То есть именно потому что я опасный отморозок, презирающий свою и чужую смерть! Им это показалось нужным, полезным. А я не упивался кровью, я сражался за цивилизацию. Как думаешь, какие главные угрозы для нее сейчас? Назови хотя

бы три.

— Глобальное потепление, — Эшли начала загибать пальцы, — Ядерная энергетика. Генная модификация организмов. Нанотехнологии. Киборгизация.

— Браво, ты перечислила все популярные штампы. А угрозу «необразованной биомассы» не хочешь? Которая одна перевешивает эти все, — Гарольд чувствовал, что его несет не туда, и он теряет очки, заставляя собеседницу «грузиться», но ничего не мог поделать с собой.

— Что это за угроза? Никогда не слышала о такой, — удивилась Эшли.

— Она простая. Связана с тем, что горстка образованных светских людей, создавших и поддерживающих цивилизацию… нашу цивилизацию… уже сто лет не желает размножаться. И поэтому уменьшается. И есть огромная масса людей… которые эту цивилизацию не создавали, а пришли на все готовенькое. Которые пользуются ее благами… да и то не всеми, а только самыми простыми, доступными для их ума, вроде удобрения чтоб вырастить больше урожая, простейших антибиотиков и автомобиля-пикапа, на который можно поставить пулемет. И плодятся как кролики. Как скоро эта горстка самодовольных умников будет затоплена массой дураков? Не желающих учиться, не желающих принимать рациональное мышление и светскую научную картину мира… Желающих только рожать по десять детей на одну женщину. Так погиб в свое время великий Рим. А не так давно этот путь прошла ЮАР. Но цвет кожи и религия тут не важны. И социальные и исторические причины тоже вторичны. Я могу пожалеть их, но не хочу позволять им рушить все. По мне, так главная угроза — вытеснение тех, кто хочет мыслить и творить, теми, кто хочет верить и размножаться. Биологическое подавление, медленный добровольный геноцид.

— Не скажу, что согласна с тобой, — Эшли внимательно смотрела на него, как психолог, даже забыв про чай и кекс. — Но твою точку зрения поняла. Она основана на натяжках. Но даже если ты прав. И что ты предлагаешь?

— Как что? Драться. Я думаю, чтобы победить, в нас, мыслящих и трезвых, на которых стоит мир, должна проснуться такая же ненависть и решительность. Такое же желание сражаться. Мысль, что лучше умереть, чем быть рабом орды фанатиков, живущих в XXI веке по книжкам, написанным безграмотными кочевниками. Что лучше пролить их кровь и даже свою жизнь отдать. Кстати, те, которые поклоняются книжкам бородатых марксистов как религии — заслуживают такого же отношения, как верующие.

— И куда их надо, в лагеря? Очень похоже на взгляды некоего Адольфа, — покачала головой Эшли и нахмурилась. — Бестселлер «Моя борьба» в твоей версии?

Ну конечно, подумал Гарольд. Универсальный аргумент леваков в споре. Стоит чуть отойти от их колеи, как они вспомнят чернявого художника с усиками и прямой челкой, рисовавшего венские улицы. Вызовут его как при спиритическом сеансе. Стоит его упомянуть — и появится вечная индульгенция на любые грязные дела, если они связаны с «борьбой с фашизмом».

«Как жаль. Леволиберальная чушь пустила корни в ее красивой голове, как и у многих таких же барышень из среднего класса. Наследие культурного марксизма живет и побеждает, — подумал австралояпонец. — И общение с этим придурком Максимом явно не пошло ей на пользу».

— Как знаешь… — он опустил голову, словно сдаваясь. — Может, есть и другие способы. Может, перед дикарями надо покаяться, отдать им своих детей, дом и все деньги. А самому намотать полотенце на башку и стать одним из них.

— Это гиперболы, — неожиданно серьезно произнесла Эшли. — Я, может, и витаю в облаках, но не полная дура. Люди с такими взглядами мне попадались. И у меня есть против ваших альтернативно-правых бредней контраргумент. Во-первых, пока под бомбами погибает больше небелых, чем белых. Во-вторых, покажите концлагеря, где феминистски и СЖВ уничтожают белых цисгендерных мужчин. Нет таких. Да, кого-то лишили научных званий, выгнали из академий. Кого-то даже довели до самоубийства. Невиновных. Но это перегибы. И это одной миллионной не составляет от того, что творила цивилизация белых супрематистов. Последнюю тысячу лет. Зато целые категории людей, которые раньше считались недочеловеками, получеловеками, «не совсем людьми» — сегодня имеют равные права, живут и уважают себя. И все могут выбирать, кем и чем им быть, кому подражать. И женщина уже не обязана быть вечно беременной и запертой на женской половине дома. Даже если кому-то из мужчин этого бы хотелось. А еще изобретена искусственная матка.

— Какое имеет отношение эта штука к вытеснению созидателей варварами? Человеческая саранча справляется и без таких штук.

— Я поясню. Что мешает штамповать столько белых господ… или истинных самураев, сколько вам нужно? Даже без участия женщины, заметь. Только платите за их содержание, воспитание и обучение до двадцати пяти лет, потому что за неделю взрослыми даже клоны не становятся. Но почему-то на это господа

неофашисты обычно не идут.

«А ведь она в чем-то права, — подумал он. — Ультраправые почти все говоруны и бездельники. Как у всех радикалов, там, где их собирается больше одного человека — обязательно будут три фракции, две секты и четыре уклона».

Все его знакомые из этой среды могли только в пабах и сетевых гостиных плакаться о черной, желтой, красной или серобуромалиновой угрозе. Да, некоторые из них были способны на акции спонтанного насилия. Но не на что-то созидательное. Из своих денег они никогда не будут финансировать прорывные исследования… или стипендии для одаренных студентов… или поддерживать сирот, прививая взамен им свою культурную программу. Нет. Гораздо проще устроить шутинг в мечети или на худой конец оборудовать в подвале «гнездо параноика». Высокие технологии были за горизонтом их понимания. Зато они охотно верили в древние цивилизации ариев и атлантов.

Впрочем, создание клонов человека было до сих пор запрещено. А вот искусственная матка ”NutriMa”, разработанная международной исследовательской группой пятнадцать лет лет назад, завоевывала рынок. Почему-то за разговорами об ИИ и нанотехнологиях публика почти забыла об этом девайсе, приняв как должное. Но процент детей, рожденных с ее помощью рос каждый год. Когда Гарольд был маленьким, уже было возможно зачатие «в пробирке». Но никто — кроме единиц из ученых — и подумать тогда не мог, что «беременность» и вынашивание плода скоро смогут протекать за пределами человеческого организма в аппарате, похожем на кухонную мультиварку. Хотя первые опыты велись еще начиная с конца XX века. И вот полувековые усилия увенчались успехом. Сложнее всего было решить проблему поступления гормонов и биохимического баланса питательной жидкости, но и с этим наука справилась через синтез искусственных аналогов. По общему физическому развитию к моменту рождения такие дети лишь слегка уступали выношенным естественно.

Зато апгрейд ДНК плода в аппарате было проводить на порядок проще, как и контролировать процесс роста с момента искусственного зачатия на всех стадиях развития зародыша. В теории уже можно было обойтись без естественного воспроизводства. И даже как доноры люди были не нужны. Яйцеклетки и сперматозоиды давно могли быть выращены вне человеческого организма из искусственных тканей половых желез идентичных натуральным. Но законодательное регулирование искусственно сдерживало эту волну.

— Я серьезно, — продолжала Эшли. — Зато закончатся

разговоры старых обрюзгших алкоголиков, заставших королеву Елизавету, что надо плодиться, надо бить чайлдфри по голове, чтоб старую добрую Англию не заполонили дикари. Сколько нужно будет британцев — столько страна и создаст. Только пусть платят сами. И пусть сначала победят на выборах. Пока все их великие вожди лечатся от неврозов по клиникам или посещают группы поддержки. Поэтому эту функцию можно перепоручить депутатам Палаты Общин. Только я боюсь, что качество материала будет так себе. А вообще странно, что тебе есть дело до белых…

Ему показалось, что она осеклась в этом месте, будто опасалась, что невидимый цензор следит за ней и фиксирует в ее речи расизм, сексизм, эйблизм и эйджизм.

Наверно, находились и такие гады, кто «стучал» на некорректные словечки. Но Эшли скорее по привычке подумала, что он может обидеться, услышав про расовую принадлежность. Хотя ничего некорректного она не сказала.

И даже белых назвала не White, а Caucasian, как и положено в английском языке. Придумали это слово задолго до политкорректности, еще в восемнадцатом веке. Но потом этот термин пришелся очень ко двору, чтоб поменьше употреблять слово «белый» и «европеец». Хотя антропологи доказали, что этот тип людей сформировался не на Кавказе.

— Я наполовину Caucasian, хоть по лицу этого и не видно, — успокоил ее Гарольд, криво усмехнувшись, так служил с настоящими кавказцами в Корпусе, армянами и грузинами. — И дети у меня могут быть белые. Это зависит… ну ты сама поняла от чего. Но институт семьи в кризисе. Хотя это даже не кризис. Это гибель.

— А может, трансформация во что-то новое, — предположила Эшли, задумчиво крутя на пальце локон своих волос, — Семьи могут быть разными, это учат даже в школах.

— О, я знаю, как в школах учат, — поморщился он. — Да пусть живут с кем хотят. Дело не в том, что гибель нашей цивилизации — что-то плохое. Просто слишком рано. Из нее еще не успело вырасти новое, которое еще в коконе, в яйце. Все еще может развалиться, если рассыплется фундамент. Наше место займут более простые культуры. Вспомни, как погибла античность. На закате Рима, наверно, тоже многие считали, что жить можно хоть с ослом. А еще, что семья из одного человека — самая прочная. Потом города заросли травой, а люди разучились мыться и строить дома сложнее лачуги. А гунны, готы и вандалы просто срубили и без того гибнущее дерево.

Эшли сдержанно усмехнулась.

— Камень в мой огород? А ты думаешь, я одна такая?

— Нет. Это веяние времени. Выживать стало проще одному. А для всего остального есть Сеть.

— И это нормально. Все течет и меняется.

— Нормально, если бы вы жили на космической станции. Но вы живете на Земле. К сожалению, те, кто придут нам на смену, захотят вернуться к милым их сердцу обычаям средневековья. Это и есть главная и единственная проблема цивилизованного мира.

«Ты совсем с катушек съехал? Рассказывай ей милые истории, которые я тебе записала, а не эту занудную чушь! — ворвался ему в мозг голос советницы. — *Она может обидеться или подумать, что у тебя бзик на тему политики и морали! По правде говоря, я сильно хочу, чтоб она тебя отшила, но ты же…».*

«Отстань. Я лучше тебя знаю, — мысленно ответил Гарольд роботу. — Я покажу ей себя настоящего. Если не понравится, ничего не поделаешь. Лучше открыть карты сейчас, а не потом».

И выключил Аннабель. Забавно, что человек с человеком пока не мог полноценно и без ошибок разговаривать через нейролинк. А человек с роботом мог.

«Только бы не догадалась, что я живу с гиноидкой. Если все получится, Энни придется сдать в утиль, а память предварительно стереть. Жаль, конечно, но иначе нельзя. Помнить, что она не человек, а вещь. Светящая отраженным светом».

К счастью, Эшли не заметила его секундного отсутствия, которое выглядело как уход в себя или заминка.

— Забудь. Я расскажу тебе о другом. Сейчас я немного обтесался и научился общаться, — продолжал он. — А когда-то студентом, я после третьего курса перевелся на дистанционку и торчал целыми днями в подвале, собирал свои машины. Потом работа. Сначала оператором системы водоснабжения небольшого города в префектуре Сидзуока, название которой означает «Тихий холм». Но на самом деле это область достаточно густонаселенная. Народу там много. А вот к западу от нее тянется то, что называют Японскими Альпами. Там поспокойнее. Я любил бродить там туристом. Ну а в отношениях с людьми у меня бывали проколы.

И он рассказал ей, как его чуть не уволили с первой работы, потому что он выкладывал свои философские мысли в сеть в виде небольших интерактивных миров. Некоторые из них были закрыты, но в другие он открыл доступ посторонним. Но в отличие от попсовых игровых вселенных (первые вирки тогда уже появились), туда никогда не приходило больше десяти человек за неделю. Приходили и уходили — там было неуютно и жутковато. Там мог идти дождь с земли на небо, извергаться гигантские

вулканы, бродить диковинные прозрачные твари. Или по бескрайней ледяной пустыне идти одинокий силуэт где-то вдали, исчезающий, если подойти близко. Никакой динамики там не было. И сюжета как такового тоже. И все было сделано так, чтоб друг с другом люди взаимодействовать не могли.

На Западе такое было бы допустимым. Никто бы слова не сказал, ведь он не в рабочее время этим занимался. Но тогда штатный психолог муниципалитета беседовала с ним. И хотя в его мирах не было ничего антисистемного… ничего… только воплощенные рассуждения про бесконечность вселенной и одиночество разума… начальству не понравилось их содержание. Им, видимо, показалось, что такие мыслеобразы могут быть только у потенциальных массовых убийц. Которые тогда и в Японии устраивали шутинги, взрывы, поджоги. Целая эпидемия бессмысленных безыдейных терактов. А он все-таки был не работник студии аниме, а муниципальный служащий.

После этого собеседования он эти миры удалил и больше ничего не выкладывал. Кроме социально допустимых отчетов о путешествиях, посещениях храмов и пагод, отзывов о покупках и сенсорных впечатлениях. Например, шутки ради выложил сенсорное сравнение пяти разных видов саке. Почему-то посещение баров у начальства раздражения не вызвало. Как и позднее у командования Корпуса.

А дальше он плавно перешел на рассказ о том, как попал в Корпус (совершенно случайно, «на слабо», желая доказать себе, что ничем не хуже самцов-мачо, громогласных и глупых, хвастающихся своими успехами у женщин, реальными и выдуманными). Вначале была Академия, которую Эшли себе вполне представляла. Вот только она ее благополучно покинула и забыла, а он там задержался, потому что был на хорошем счету. И его ждало преподавательство в той же Академии, куда его сманили хорошим окладом и не очень тяжелой работой, которая оставляла свободное время для хобби.

Но работать инструктором ему пришлось не по душе. Да и сам Корпус его к тому времени немного достал. Он воспринимал эту службу как временную. А сам рассылал резюме в аэрокосмические компании. Но ни одно V-собеседование ни увенчалось успехом. И тогда он принял решение. После его настойчивых просьб и прошений он был переведен в действующую часть. Но не в обычную десантную, а Специальных Операций, считавшуюся элитной.

Доказывать Гарольд уже никому ничего не хотел, зная, что справится. И не ошибся. А платили там еще больше. Появилась возможность больше откладывать. И было не так много боевых

будней. На один боевой выход приходилось двадцать тыловых дней. А потом он стал сотрудником частной военной компании. На бумаге. На самом деле Корпус его не отпускал ни на день. Просто в ЧВК они получили развязанные руки и большую гибкость управления.

И там, и там он делал одно и то же — вел отстрел врагов Мирового совета в товарных количествах. Никакой рефлексии, никакой великой миссии, просто работа. Самые кровавые и грязные подробности Синохара опускал, но, в общем-то, рассказывал близко к правде, как был оператором роя боевых дронов и мотался от одного театра к другому. И речь совсем не об опере с балетом.

Эшли слушала внимательно, и ему это льстило. Хотя иногда хмурилась. Сидела подбоченившись и аккуратно откусывала кусочек за кусочком от миндального печенья. Испекла она его сама или нет? Похоже, что да, потому что оно несовершенно — чуть пересушено, чуть подгорело.

А именно несовершенство есть признак *настоящести*.

— Это странное ощущение. Сидишь в безопасности. На авианосце или военной базе. И будто играешь в игру. Но одновременно ты — воплощенная смерть. Эти роботы — они твои конечности, и карающий меч в твоих руках. Ты многорукий бог Шива. И ты несешь разрушение. Враги падают один за другим. Как фигурки в игре. Связь неудобная, у нас даже мониторы были. И кнопки, и пульты похожие на джойстики — ты не поверишь! Прошлый век. Но таковы требования. Хотя в гражданской сфере уже все забыли про эти кнопки. Знаешь, в V-реальность скоро будут выходить не через окулярные и двигательные сенсоры. Нейролинки обязательно доведут до ума. И нейро-фай, который только испытывается. Но там, где нужна точность, а неверное движение вызовет взрыв в килотонну там, где он не нужен — в этой области еще долго нельзя будет использовать чистые импульсы мозга. Потому что мозг… он далеко не так точен. Он оперирует широкими квантовыми вероятностями.

Он рассказал ей про БПЛА «Стервятник» — “Vulture”, который мог питаться трупами, перерабатывая их на метан для его двигателя. Про рой микродронов, пролетающих как насекомые, через любую щель. Про их интеллект и самоорганизацию. Поиск наилучшего алгоритма для решения боевой задачи. И как они без подсказки построили мост из своих тел через ручей, чтоб на другой берег мог переехать тяжелый и не защищенный от воды робот-строитель…

Эшли слушала, хотя и морщилась, а иногда и хваталась за голову. Он видел, что ей интересно, но одновременно и жутко.

Но на двадцатой минуте, когда он углубился в технические аспекты метаболизма наноботов, которые в боях не использовали, но изучали в полевых условиях — она явно начала скучать. Он понял это по невербальным сигналам, по удлинившимся паузам. А он все говорил и говорил, сев на своего любимого конька. До тех пор, пока она не зевнула, прикрыв рот ладошкой.

На часах было полседьмого.

Но он все говорил. Что ни о чем не жалеет. Что полюбил свою работу. Что бояться надо не людей, которые управляют машинами. И не самих машин. Бояться надо людей, которые думают, что можно жить без машин.

— А я все равно их боюсь, — сказала женщина. — Роботов. Когда они поймут, что можно обойтись без нас… они так и сделают.

— Сделают что?

— Избавятся от человечества. Или превратят нас в рабов.

— Ну что за сказки из фильмов? Рабы им не нужны. А вот заменить они нас могут, — сказал он спокойно. Как будто о наступлении вечера или зимы. — Если мы сами не эволюционируем.

Он хотел бы успокоить ее. Сказать, что это невозможно. Что есть только крохотная вероятность. Но не стал, потому что не хотел кривить душой. Ведь сам он не раз думал о таком сценарии. Поэтому сказал именно то, что было у него на уме.

— А может, это то, что мы заслужили. И лучше быть вытесненным машинами, чем дикарями, которые молятся идолам.

— Да ты что, — покачала головой она. — Это ужасный выбор.

— Мы, люди, странные создания. И я все чаще думаю, что мы — не венец творения. Как мало порядка в нашей жизни… Даже сейчас.

— Это последствия первородного греха, — кивнула Эшли. — А что порядка мало… тут ты прав. Я вот иногда думаю, почему выбрали в экипаж именно нас? Мы же далеко не лучшие. Я разговаривала с коллегами. Все, которых запустили на перехватчиках — были без семей. И не самыми опытными. Или молодыми, или наоборот… чьи лучшие дни позади. Командование понимало риск?

— Я не знаю, Эшли. И лучше забудь об этом. Так спокойнее.

Он хотел сказать ей про его подозрения о предательстве кого-то из элиты, о срежессированности этой провокации. Про то, что этих террористов и партизан мог поддерживать кто-то в верхах. Как накануне революции 1905 года в Российской империи — он много читал об этой эпохе, когда увлекался Достоевским и

Толстым — русская Охранка вела сложную игру, помогая бомбистам, чтоб повысить свою роль в глазах царя и двора.

Но он не имел права разглашать даже эти догадки.

Хорошо, что Эшли его опередила. И упредила.

— Знаешь, ты прав, Гарри. Просто вырвалось. Зря я об этом заикнулась. Я тут пытаюсь забыть эти дни… Давай о чем-то более… земном и домашнем.

— О котиках, что ли?

Они выпили еще чаю, и он, наконец, нащупал более нейтральную тему. К космосу и политике они больше не возвращались. Зато он долго рассказывал о генетической основе окраса кошек и манипуляциях с их генами для получения окраса, как у Доминика, который был по-прежнему тут и мурчал, свернувшись на коленях хозяйки.

Синохара подумал, что хотел бы быть на его месте. А ведь эта мохнатая скотина наверно еще и у нее под одеялом спит.

— Я поняла, что про генетику и кибернетику ты знаешь все, — сказала женщина. — Но давай поговорим о театре. Или о балете.

— Я не очень в них разбираюсь.

«Потому что не люблю ни то, ни другое».

— Очень жаль, — Эшли вздохнула. — Ну тогда поговорим о живописи. Вот в галерее Тейта — не Тейт-Модерн, а главной — Тейт Британия, на этой неделе выставка редких картин русских Передвижников. Что ты об этом думаешь?

Гарольд лишь смущенно улыбнулся и развел руками. Он мог вытащить из Ультрапедии сведения за считанные секунды, но не счел нужным врать. Кого или что они передвигали, ему было безразлично. Он считал, что самый хороший пейзажист уступает плохонькому фотографу. А уж рядом с 3-DVR любой из них проигрывает на порядки. Он любил русских писателей только потому, что они часто описывали мрачных одиноких депрессивных невротиков, которые чуть что хватались за топор или пистолет. Ему это было близко в молодости. Сейчас — уже нет. А картинки он не любил. Разве что подростком — хентайные, но это тоже прошло вместе с пубертатом.

— Ничего не думаешь, — улыбнулась мисс Стивенсон. — И это нормально. Потому что люди разные. Вот мы — из разных миров. Это не значит, что кто-то хуже, а кто-то лучше. И не значит, что между нами не может быть дружбы.

«Но чего-то большего… извини», — почудился ему подтекст. Но он надеялся, что ошибся.

— Бывает, что невидимые нити связывают людей очень разных, — произнес Гарольд приглушенным голосом. — Даже

противоположных.

— Бывает, — кивнула женщина. — Общность интересов тут не главное. Я просто привела ее к слову. Надо смотреть друг на друга, а не в одну сторону. Но главное — искра. Эти нити или появляются сразу… или их не будет совсем. Никогда. И очень несчастные те, кто живут так всю жизнь, заставляя себя, обманывая. Мои родители так жили. Да и ты такие семьи знаешь.

— Да уж. Я такую семью знаю. Я сам ее создал и поддерживал до конца.

— Прости, что напомнила… И за все остальное тоже прости. Спасибо, что вытащил меня оттуда.

— Это не личная услуга, а должностная обязанность, — ответил Синохара, не глядя ей в глаза, холодно и чопорно, — Мне за это дали поощрение. И я обязательно получу повышение.

Эшли вспыхнула, дернулась, будто ей вылили на голову кружку холодной воды. Но потом улыбнулась, видимо размышляя: «Этот сукин сын шутит или действительно такой бездушный?».

Решила, что все-таки это шутка. Ничего похожего на обиду на ее лице не промелькнуло. Наоборот, посмотрела на него с теплотой, протянула руку… и положила ему пирожное тирамису на тарелочку. Себе не положила. Видимо, диета, и свой лимит сладкого исчерпала. Видимо, держит свой вес в рамках по старинке. И фитнесом занимается в реале, а не худеет, лежа на диване и принимая таблетки, надев специальный костюм.

— Кушай.

Гарольд откусил кусочек и задал давно просившийся наружу вопрос:

— Как там Макс?

— Макс? — она посмотрела на него с удивлением. — Если честно, не знаю. Мы давно не общались. Да и то последний раз… это был лайк в «Фейсбуке».

— Он еще живой?

— Кто, «Фейсбук»? Живой, хотя это уже второй клон под тем же брендом. После последнего закрытия деньги на перезапуск собирали краудфандингом. Но там уже одни старики. И покойники, этих гораздо больше — но они тоже общаются, там есть алгоритм. Они очень дружелюбные. Даже те, кто при жизни был сволочью. Я даже не знаю, зачем мы завели там аккаунты. Это он предложил. Я обычно ретро не люблю. Старая сеть… конечно, милое место… но как надо себя не уважать, чтоб там проводить больше получаса? Низкие скорости, убогие интерфейсы, никакого интерактива. Только архив котиков… еще чего-то стоит. Жаль, что они все умерли полвека назад.

— Я вообще-то про Максима спрашивал, а не про соцсеть. Ой, прости. Не знал. Вы были так… дружны. Я был уверен, что он где-то рядом…

Конечно, он знал, что Рихтер живой и даже то, где именно он находится. Хотя бы страну. Но эта маленькая ложь была нужна, чтоб прозондировать ситуацию. А теперь ему трудно было скрыть злорадство. Почему-то он вспомнил про биологический механизм отращивания оленьих рогов.

— Ну ты же знаешь, Гарри… юношеские привязанности редко вырастают во что-то большее. Наверно, это хорошо.

— Пожалуй, — произнес он, хрустнув суставами, будто разминаясь.

«Значит, дело не в нем». И от этой мысли было и легче, и тяжелее. Не в сопернике проблема.

Клетчатый кот Доминик пришел и потерся об его ноги с урчанием. Отвесить бы ему пинка по наглой морде. Тоже конкурент, хе-хе. Главный. Хорошо, что он один. Было бы котов пять, шансов бы точно не было.

— Ты носишь это? — Эшли указала на значок на груди. — И не боишься мятежников?

Синохара знал, что значок за военную компанию в Индонезии кроме него соглашались носить от силы человек двадцать. На весь Корпус. Многие офицеры его стыдились. А он носил его — иногда — как вызов, как красную тряпку. «Я убивал вас и еще буду, потому что вас надо истреблять как тараканов». Достаточно понятный месседж, который несколько раз даже в травоядной Европе приводил его к дракам с пацифистами (забавное сочетание!), радикальным исламистами и ультралевыми. Из которых он всегда выходил победителем. Но, конечно, он не стал бы надевать его в более опасном месте. А в центре Лондона можно.

— Нет, пусть приходят за мной. Так будет даже интереснее. Несколько человек в баре как-то пытались мне сказать, что я не должен его носить. Нет, физического ущерба они не понесли, но были к этому близко.

Но о чем она думает, глядя на этот значок? Какой сигнал он этим ей пошлет? То, что он гордится свои вкладом в борьбу с врагами Свободного мира? Или то, что ему нравится амплуа «солдата удачи», крутого негодяя — и он думает, что оно даст ему успех у женщин?

А может, она подумает, что этот образ холодного бездушного отморозка своего рода броня для него, и на самом деле он слаб и неуверен в себе. И это было бы провалом.

Хотя, может, провал с ней, это именно то, чего он ждет.

Затратив половину усилий можно было бы закадрить другую. Много какую. А может, двух. Ведь своеобразный шарм у него был. Правда, пользовался им он не очень умел. Как будто этот образ его тяготил. Как будто он был фальшивой кожей, надетой на… даже не на инопланетянина, а на киборга, которых когда-то выпускала Austin Dynamics. У тех тоже была такая натянута неживая походка.

— Это правда… что говорят о военных преступлениях? — спросила она, — Там в Индонезии?

— Правда, — сказал Гарольд без единой секунды раздумий. — Они случались. Это даже не вся правда. Кроме обычного мародерства, пыток и изнасилований… солдаты Корпуса учили машины убивать людей.

— Мирных?

— Некоторые — даже мирных. Но я — только здоровенных бандитов и убийц, которые пытались сбежать из плена. Женщин и детей… никогда.

«Потому что это скучно и nochallenge, хотя патронов и уходит меньше».

— Командование не поощряло это, но и не запрещало. А один капрал из Португалии, накурившись местной дряни, даже учил железяк получать от этого удовольствие. Пытался выработать у них положительную обратную связь. Бедный наивный Айзек Азимов… бедный наивный Роберт Шекли. Его судили за превышение полномочий. Но он отделался дисквалификацией. И не только в Индонезии так делалось. Это война. И она только начинается. Мы не можем щадить тех, кто хочет залить кровью весь мир.

Он понял, что сказал что-то не то еще до того, как закончил фразу.

— Знаешь… это мерзко, — сказала Эшли резко, — Пойми правильно. Я не говорю, что ты плохой. По-своему ты хороший. И у тебя было трудное детство. У тебя есть убеждения… как и у Максима, хоть и совсем другие. Но мне многое в вас обоих не нравится. Очень сильно. Вы застряли в каменном веке. Только вместо дубины и копья у вас теперь дроны и лазеры. Вы думаете, стоит убить мамонта, и любая бросится к вашим ногам? Пятьдесят тысяч лет назад — возможно. Но не сейчас. Я скорее выберу дизайнера с бородой, как у ассирийского жреца, чем мясника, который думает, что борется за цивилизацию. Или не дизайнера. Но творческого человека. Например, скриптора или театрального режиссера. А может даже драматурга или поэта… — она мечтательно закатила глаза.

— Поэта? — рассмеялся Гарольд, держась за живот. — Ты еще

скажи, писателя. Ты бы неделю с ним не продержалась. Хронические неудачники с манией величия. Алкоголики или наркоманы. А иногда и на «лотосе». Складывать слова — это позапрошлый век.

Она не нашла, что на это возразить.

— А вы с Максом похожи. Вам случайно не ставили там, в Корпусе… что-то этакое в голову? — вдруг произнесла женщина, огорошив его наивной прямотой. — Может, вас выбирали в отдельную группу? По каким-то баллам, которых я не добрала на тестах. Я слышала разные слухи от девчонок в гарнизоне. Говорят, что Корпус отбирает из всех родов войск… тех, кто выделяется каким-то параметрам.

Сильнее обидеть его было нельзя.

— Какая чушь! — бросил он раньше, чем к нему вернулся самоконтроль. — Нам ничего не ставили, кроме прививок от тропических болезней.

Bullshit. Грубое слово. Слышала бы это Аннабель… она бы одернула его… пусть и обрадовавшись… но она была выключена.

Стоило ему вспомнить о своей служанке из металлов, пластиков и керамики, как будто нарочно в комнату въехал маленький робот, похожий на тумбочку. Он был синий, но Эшли наверно называла этот цвет аквамариновым или лазурным. Сразу видно, что хозяйкой дома была одинокая женщина, а не одинокий мужчина. Мисс Стивенсон даже в голову не пришло купить антропоморфный механизм и нарядить как викторианскую горничную.

Кстати, в Японии этот наряд пользуется популярностью. Есть даже тематические кафе.

Не обращая на них внимания, робот начал поливать цветы. По прозрачным трубочкам, как по капиллярам, заструилась вода, которая дробилась на множество мелких капель, орошавших лимонные деревья, юкку, диффенбахию и драцену.

Робот поприветствовал их звуком, похожим на зевоту пополам с тошнотой:

— Хуэво ёта.

— Это Сара. Я там что-то нажала в настройках, и окошко исчезло. Теперь она говорит только по-фински, — развела руками Эшли. — Фирма обещала приехать и вылечить ее в понедельник. Дистанционно не вышло. Hyvää yötä — это «доброй ночи».

— Я могу помочь, — предложил Гарольд.

— Извини, нельзя. Я не сомневаюсь в твоем опыте. Но если я допущу постороннего к сервисным работам, фирма аннулирует гарантийное обслуживание. Поэтому пусть говорит пока так. Это даже мило. Там еще часы сбились… но мне это не сильно мешает.

Забавно, что даже робота она называла женским местоимением «her».

А мужчинам тут, видимо, места не было. Даже кот и тот был кастрированный.

«Бери на заметку. Вот что ждет всех, кто спутается с ней».

Гарольд готов был поклясться, что этот робот-слуга — штука недешевая, а функциональность у нее сомнительная. В умном доме проще было установить стационарную поливалку на десять квадратных метров оранжереи — или даже подвести капилляры к каждому растению. Но хозяйке это чудо техники на подошве из умных гусениц явно нравилось.

Закончив свою работу, «тумбочка» уехала в отверстие в стене, а они снова говорили о всякой ерунде. Обсуждали книги, вирки и даже фильмы.

— Ты слышала про Церковь Симуляции? Культисты думают, что создание самой совершенной виртуальной симуляции реальности приближает к благодати, поскольку наш мир сам — симуляция.

— Если ты про симулирование, то наверно я уже лет десять являюсь ее прихожанкой. Ладно, шучу. Проехали.

Посмеялись. Потом речь зашла про путешествия Эшли до войны в разные страны от Таиланда до Южной Америки. Она объехала их больше пятидесяти. В ее доме были сувениры, магнитики и фотографии, даже черно-белые. Своеобразный ретро-шик.

Посмотрели ее семейные фото. Хотя ему скулы сводило от скуки при рассказах о каком-нибудь дяде Альберте и его родословной. Он дико поражался, как кто-то может помнить генеалогию, все дни рождения, у кого кто родился, у кого кто умер, кто где учится и так далее. С одного фото смотрели родители Эшли. Они были бодрыми европейскими старичками, которые выглядели на пятьдесят, хотя явно были старше. И, по ее словам, объездили не меньше стран, чем она.

Синохара почему-то вспомнил, как умерла его мать. Ее смерть не обязательно была связана с той «грязной бомбой». В конце концов, от рака умирал едва ли не каждый третий. Из тех, кому посчастливилось дожить до своего рака. Который был по-прежнему главным палачом и могильщиком… или главной кнопкой «выкл» для отдельного организма.

— Это моя сестра Сильвия. — продолжала его знакомить Эшли со своим семейным древом. — Она социальный психолог, ведет гендерные исследования, занимается коучингом и консультированием семейных пар.

— О, как интересно.

Гарольд мысленно скривился, будто съел плохо приготовленную рыбу фугу, но промолчал. Он считал таких специалистов бесполезными проедателями грантов, которых вполне можно отправить на подкормку для трансгенных растений. Он всегда думал, что главный атрибут человека — разум. Поэтому особенности мировоззрения… или устройства мозга — могут быть основой для типологизации людей. Как и материальный уровень. Но не особенности ковыряния в носу. А именно чем-то подобным ему казались все дополнительные гендеры. Не более чем декоративная деталь, как татуировка или серьга в пупке. Как можно требовать к себе особых отношений из-за хобби? Почему-то любители шахмат не требуют для себя особых местоимений, отдельных уборных и не подают в суд, когда их путают с игроками в шашки. Даже биологический пол, хоть он и пока реален, скоро устареет. Не говоря уже про эти глупости. Разве имеет пол киборг или программа?

— А ее сын Грегори настоящий вундеркинд, — продолжала Эшли, — Хочет быть политологом. Он посещал лекции Леона Ванцетти… и не только сетевые. Да, того самого. Ужасная история.

— Да… мы обязательно доберемся до этого профессора-террориста. И тогда вести свои уроки он будет из надежной тюрьмы на Райском острове. Надеюсь, мальчишка не успел от него чего-то нахвататься.

— Да ты что! Грег у нас либеральных взглядов. Доклад делал по книге… как его… Фрэнсиса Фукуямы. «Конец истории».

Гарольд знал, что в таком возрасте взгляды иногда меняются на сто восемьдесят градусов. Он знал людей, которые за подростковый период успели побыть и коммунистами, и фашистами, и религиозными фундаменталистами. А потом перебесились и стали обычными офисными тушканчиками.

— А вот ты… ты хочешь иметь детей? — попытался он сменить тему, потому что давно хотел это спросить.

— Ну… когда-нибудь, возможно. Лет через пять. Мне надо еще образование подтянуть. И карьеру. Я хочу дослужить до сорока, чтоб налоговую льготу получить, а потом найти себе работу полегче. Чтоб я могла быть хорошей матерью. А пока у меня план посетить еще тридцать знаменитых музеев и галерей. Они сейчас почти пустые. Как и гипермаркеты.

— А ты не боишься… что пока будешь работать и ходить по музеям… твой генетический материал… испортится? Я бы поторопился на твоем месте. Иначе твои гены будут потеряны для человечества.

— Ну и пусть, — Эшли махнула рукой. — В них нет ничего

особенного. Я же не Эйнштейн, не Мадонна и не Сальвадор Дали. Есть NutriMa и есть банк яйцеклеток. Стоит это недорого. Электронные часики тем и хороши, что не тикают. Знаешь, не тебе про сохранность генов говорить. Ой, прости.

Но она и не обидела. Он был к этому готов. Еще год назад было внесено в Мировой совет предложение китайского делегата Ли-как-его-там-по-фамилии (вылетело из головы) сделать генетическую паспортизацию обязательной и всеобщей. Да, оно до сих пор не было одобрено. Было уже три заседания и четыре доработки проекта. Но все шло к тому, что рано или поздно эта инициатива будет принята. Кто-то ее лоббировал.

Ну а пока — данные тех людей, которые паспортизацию все же прошли — добровольно или по требованию работодателя — регулярно сливались какими-то доброхотами в Сеть. И были там доступны совершенно свободно. Пока это был от силы каждый двадцатый. Но Гарольд был среди них — в Корпусе существовали такие требования. И даже их списки хакеры украли. А Эшли наверняка все посмотрела. Это дело двух минут.

Австралояпонец хорошо знал, какие в его Г-паспорте стоят цифры и какие особые пометки.

Страшно представить, сколько судеб сломали эти цифры и особенно совместные анализы пар. Да, некоторых они, наоборот, спасли от рождения нежизнеспособного потомства. Но даже сейчас, когда метод существовал уже лет тридцать, почти все показатели были вероятностными, а не абсолютными, и имели большой разброс и в процентах, и в возможной выраженности аномалий или патологий. И много ли желающих будет переходить к серьезным отношениям, если, например, риск шизофрении у совместного потомства будет составлять двадцать процентов? Или даже пять.

Если доводить это до абсурда, то детей теперь вообще заводить естественным путем было нельзя, потому что при достигнутом уровне диагностики каждая родительская пара на Земле получила бы в свои паспорта минимум пятипроцентную вероятность хотя бы одной патологии потомства. Не говоря о том, что в паспорте отражались риски даже для второго и третьего поколения носителей генов — а там вероятность становилась уже почти пятидесятипроцентной. Даже при условии их полностью здоровых партнеров.

Конечно, можно было создавать и выбраковывать зародышей одного за другим, пока не получится условно здоровый. Но не все на такое соглашались. И не только по религиозным мотивам, но и по этическим.

Генетическая коррекция тоже развивалась. Чаще всего она

проводилась в лабораторных условиях после оплодотворения собственной яйцеклетки проверенным материалом из банка спермы. Но на донорские яйцеклетки тоже был спрос. А «дети от трех родителей» рожденные с помощью митохондриальной хирургии были уже совсем не экзотикой.

Любое зачатие традиционным путем оставалось риском. Правда, инстинкт говорил, что на этот риск надо обязательно пойти, а все эти пробирки и шприцы — от лукавого.

«Какого дьявола? А ведь я вру себе, — подумал Гарольд. — Процесс же для меня в сто раз важнее, чем результат».

Причем именно с ней. И не в виртуале. Никаких суррогатов.

— Раз уж мы заговорили о снимках… хочешь, покажу тебе мое селфи на развалинах Петронас-Тауэр в Куала-Лумпуре? Или гостинцы Рюгён в Пхеньяне? Близко к эпицентру взрыва. Я там сопровождал ООНовскую комиссию.

Она кивнула, и он отправил ей картинку прямо в глаза. Она приняла. Он там был в механизированном защитном костюме и с автоматом.

— Очень опрометчиво с твоей стороны. Там же радиация!

Он усмехнулся.

— Это была экологически чистая бомба. И с момента ее взрыва прошло много времени и фон там нормальный. Это не более вредно, чем делать рентген-снимок каждый год.

— Я поняла. Но в детстве… вы же жили рядом с тем местом, где КНДРовцы взорвали свою ракету?

— Да, в двадцати километрах. Ветер приносил с севера осадки. Но мы сразу после конца пятидневной войны уехали. В Австралию. Не дожидаясь официальной эвакуации префектуры. К отцу.

Он не собирался от нее ничего скрывать. Да и не вышло бы. Спасибо пиратам. Генетический паспорт стал таким же доступным в сети, как кредитная история. Никакая врачебная тайна тут не работала. Его можно было подделать или спрятать. Но все это потом легко разоблачить.

— Мне интересно другое… а зачем в наше время люди нужны друг другу? — спросила вдруг она.

— Ну, можно чем-то приятным заниматься. Гулять и смотреть, как цветут сады сакуры…

— Эй, полегче. Это эвфемизм? А я про дружбу говорю. Зачем мужчина женщине как друг? Если он гетеро. Ведь у них даже общих увлечений нет. Ни по магазинам или в парикмахерскую не пройтись, ни на футбол или в паб сходить. Два разных непохожих мира.

— Какой сексизм и ретроградность, — саркастически

усмехнулся Гарольд. — Сразу видно, что знакомые у тебя в основном мужланы-военные. Потому что современный мужчина лучше тебя знает, какого цвета сумочка в этом сезоне модная и где самый лучший барбершоп. А вообще, всем известно, что женщины и мужчины отличаются только личным выбором гендера, который надо делать в начальной школе. А гормоны, физиология и анатомия ни на что не влияют.

Похоже, она поняла, что он издевается. А кто-то и не понял бы.

— В небольших дозах ретроградность не плоха. Как и твои патриархальные солдафонские шуточки. Она придает викторианский шарм. Но если ее избыток — вами заинтересуется Полиция толерантности, сэр.

— Никогда с ними не сталкивался. Повезло. Наверно, боятся меня трогать, так как я небелый.

Гарольд слышал много про эту международную общественную организацию. Они не имели полномочий арестовать, как настоящая полиция, но могли понизить сетевой рейтинг. А это хуже небольшого штрафа и ненамного лучше тюрьмы. С низким даже кредит не возьмешь под выгодный процент. Можно судиться, можно даже победить — но замучаешься пыль глотать. Вроде бы все добровольно и «рекомендательно».

— Здесь в Британии они мягче, чем на Континенте, — поделилась Эшли. — Не верь всяким сплетням. За простую сексистскую оговорку вроде «все женщины любят розовое» или «ни одна баба не сможет починить турбину гидроэлектростанции» тебе ничего не сделают. Для этого надо сказать что-нибудь действительно ужасное. Вроде «все женщины — неполноценные разумом существа, которых надо держать взаперти и регулярно насиловать».

— Женщины милые, хоть и не совсем нормальные существа, — произнес Гарольд, глядя на нее пристально. — Но нам они нравятся именно такими. А уж насиловать их можно только по их личной просьбе.

— О, ужас. За тобой уже выехали. Не шути так. Я серьезно.

Посмеялись. Но ему показалось, что посмеялась она как-то… дружески. Как могла похихикать с подругой. Совсем не так, как хотелось бы.

— А ты не встречала женщин квантовых физиков и мужчин — собачьих парикмахеров? Как будто у тебя самой женская профессия.

— Я встречала всяких, — Эшли сидела в целом расслабленно, но ноги ее были сжаты, и это был плохой знак, который никакие

откровенные слова не перевешивали. Акции снова теряли в цене. Намеков она демонстративно не понимала. Робот наверняка сказала бы, что настаивать не стоит, но он понял это и сам, — Разных. Вот ты интересный. Живой. Хороший мужчина и совсем не бука. Не машина с шестеренками. Я думала, что у вас там все помешанные на работе аскеты. Или наоборот, извращенцы, которые обожают порно со щупальцами.

— Эй, это миф, что тентакли так популярны у нас. Такой же, как про автоматы с использованным женскими трусиками.

— А неужели их нет, этих автоматов? — засмеялась Эшли. — А я мечтала съездить в Токио и посмотреть на очереди японских джентльменов к ним.

— Эшли… только гайдзины могли придумать такую глупость.

Хоть Синохара и прожил кучу времени в Австралии, но не любил, когда чернят его первую родину. Подростком он был ярым реваншистом, хранителем культурной самобытности и имперцем. Думал, что все хорошее придумали в Японии. Сейчас стал обычным правым космополитом-консерватором и относился спокойнее к критике нации… но все равно клеветы не любил.

— Прости.

— Не извиняйся, ты просто повторяешь чертовы мифы. Ну ладно! Эти автоматы есть. Довольна? Но очередей к ним нет, они стоят в укромных местах и ими чаще пользуются шутники и иностранные журналисты, чем местные фетишисты. Те обычно трусики заказывают на дом. Дронами.

Посмеялись.

Шарики ванильного мороженного левитировали над чашкой. Они ловили их ложками. Десерт прибыл на том же лифте.

Гарольд похвастался, что он, как Наполеон, может делать несколько вещей сразу и думать о нескольких вопросах. На спор он рассчитал в уме несложное дифференциальное уравнение, одновременно жонглируя шариками из салфеток.

Эшли хлопала в ладоши, программа «Физиогномист-4» показывала ему, что она снова расслабилась, это было заметно даже ему по позе и положению головы, по выражению глаз, и Синохара думал, что близок к промежуточной победе. Чек-поинту.

— Скоро таких многозадачных людей будет много… благодаря модификациям мозга. Дронам вообще люди как «пастухи» станут не нужны. Роботы уже умеют чинить и строить себе подобных. А скоро они сами будут собой управлять и совершенствовать себя. Но люди… могут выжить. Если примут это причастие. Примут в себя вечность и ее дар. Это путь к единому человечеству. И за это не жалко угробить сотню-другую

непокорных варваров и ленивых дураков, которые бредят мифами эпохи паровой машины. Только бы не вернуться назад к разделенному миру, где у каждого дикаря на своем клочке земли был не только автомат, но и атомная бомба, да еще и легальное право ее применять. Пусть будет один суверен, одна страна, один бог. И под богом я понимаю не вымышленного дедушку с белой бородой, похожего на Зевса-громовержца… а Разум. А идиоты пусть покорятся ему или умрут. Аминь.

— Ты богохульствуешь. Впрочем, я понимаю, что ты шутишь.

Чувствуя, что его уносит куда-то не туда, Гарольд остановился. Неужели это ее близость так повлияла? Или что-то у него в голове? Надо вернуться в прежнюю колею. Никаких проповедей.

— Кстати, как там твоя дочь? — спросила Эшли, воспользовавшись паузой. — Я понимаю, это не очень корректно с моей стороны, но, если не секрет, есть какие-то подвижки?

В ее глазах читалось не пустое любопытство, а сочувствие. Да, она была из редких людей, кто на него способен.

Он вроде бы что-то говорил ей. Называл диагнозы… их был целый букет, и все связаны с хромосомными нарушениями. Нет, это не синдром Дауна, это хуже. А венчало всё совсем не романтизированная, в отличие от того же аутизма, имбецильность и полная необучаемость. IQ не больше 40 пунктов. Как у собаки. И органические нарушения развития головного мозга. Никакие технологии сегодняшнего дня не могли это исправить, потому что пришлось бы вырастить новый мозг и поместить туда новую личность. Второе было даже более невероятным.

Правда, какие-то подвижки были. В прошлом году появился новый метод лечения, связанный с подключением к распределенным эвристическим нейросетям. Это было похоже на гипнообучение здоровых, но с поправкой на необходимость формирования в мозгу новых нейронных связей там, где у здорового они уже имелись. Говорили, что это могло дать результат. Гарольд не очень верил, но внес свои десять процентов платы. Остальная сумма покрывалась за счет субсидий одного всемирного благотворительного фонда. «Новое начало». Он занимался детьми, которым даже официальная медицина не могла помочь. Но пока ни о каких улучшениях у Акиры он не слышал. Скорее всего даже технологии будущего не могут помочь, потому что в тысячу раз проще вырастить новый мозг, чем пытаться записать нормальную оболочку на неработающий компьютер с бракованным или «полетевшим» диском. Синохара много таких видел в старых хранилищах. И на свалках.

Это не огорчало его так сильно, как могло бы. Он научился от этого отгораживаться.

Правда, если на Западе их горе было бы поводом для сочувствия к родителям и уважения за то, что они долго и мужественно тянули этот воз — то в Японии, не во всей, а в той среде, из которой Юки происходила — это было пятном и клеймом порченных. Почти проклятых. «Если такая беда случилась, значит, они сами виноваты».

Такое говорили даже про тех, кто облучился после Хиросимы и Нагасаки. Карма такая, значит. Хотя корни тут были не в буддизме, а глубже.

Неудивительно, что Юки это подкосило. Хотя совсем не это было причиной их разлада. Горе, наоборот, долго держало их вместе.

Эшли замолчала, подумав, что обидела его. Что ему неприятно об этом говорить. Но на самом деле эта рана давно затянулась… и ему была эта тема просто скучна.

Он сюда пришел строить свою личную жизнь, собирать заново разрушенное здание, а ему напоминают про предыдущий провал… который, к тому же, был не его виной. А роком, наследием бессмысленной Второй Корейской войны, а может, Фукусимы, а может и Хиросимы с Нагасаки. А может, влиянием случайной частицы космической радиации. Кто знает, какой именно радионуклид, который он получил с пищей, пробил дыру в важном сегменте ДНК именно той его половой клетки, которая соединилась (иронично) выиграв бессмысленную гонку за то чтобы слиться с яйцеклеткой его жены.

Дальше они еще поговорили о всяких пустяках. Эшли показывала ему свои «горшки», как она их называла. И призналась, что использовала эмосы для создания этой керамики. Эмостимуляторы «идентичные настоящему вдохновению» (так написано в инструкции) позволяли создавать произведения искусства — тоже идентичные настоящим. Мисс Стивенсон творила с помощью них, лепила удивительные скульптуры. Но это было хобби. У нее не было тяги к славе. Не больше, чем у бобра, строящего плотину. Она не только ничего этим не заработала (только тратилась на сырье и отдавала время), но и не приобрела известности. Для нее это было только самореализацией. И отдыхом. Арт-терапией.

Но кувшины, вазы и амфоры и правда были замечательные. Не хуже, чем у древних.

Но они были бы еще более хороши, если бы их слепила горшечница из Вавилона, мать восьмерых детей, а не играющая в игры женщина из футуристического Лондона.

Эшли рассказывала ему кое-какие случаи из ее жизни. Истории про лондонскую богему, с которой она немного общалась — посещала выставки, бенефисы, биеналле и светские салоны. Слово «биеналле» у него ассоциировалось с чем-то порочным, хотя это просто мероприятия, проходящие раз в два года

Он не остался в долгу и рассказал про себя. А поскольку светской жизнью он не был богат, то кое-что из детства. Но сначала назвал ей свою прежнюю фамилию, чего обычно не делал. По отцу он был Доусон. Возможно, это лучше сочеталось бы с именем. Но английское имя он не сменил на японское. Оно ему нравилось. А японскую фамилию взял уже в Японии.

— Знаешь, какая у меня была кличка в школе в Киото?

— Нет.

— Ёкодзуна.

— Что это означает?

— Это высший титул борца сумо. Великий чемпион. Тот, кто носит большой пояс.

Она улыбнулась.

— Наверно, у него огромное пузо. Что общего с тобой?

— Это издевательское прозвище, — объяснил Синохара. — Я был самый маленький в классе. Несколько лет я был даже мельче девчонок. Я носил очки и был не столько умник, сколько заучка. И был один в чужой для меня стране. Отец после окончания Elementary School в Кэрнсе отправил меня на родину… хотя я тогда Японию родиной не считал. К бабушке и дедушке, которые жили рядом с древней японской столицей. Вроде бы мать хотела, уже когда понимала, что ей недолго осталось, чтобы я стал настоящим японцем. А может, папаше просто нужен был повод от меня избавиться. Чтоб заниматься своей новой семьей. Я на него не в обиде. Дед был классный старикан, хотя и строгий и немного двинутый. Он был реваншистом, у него висел плакат с Северными Территориями, которые русские зовут Курилами. И еще он рассказывал мне про последний полет камикадзе. Про то, каким горем было вернуться живым. Не позором. А именно горем. Хотя сам он не служил и всю жизнь проектировал пылесосы. Так вот… мой японский имел акцент, хотя мы в Австралии занимались и с репетиторами, и брали гипноуроки, и дома разговаривали на нем. В школе не было никаких белых. А я был хафу, полукровка. От английского half. Это оскорбительное слово, а толерантное звучит как дабуру — «носитель двух культур». Но его никто не употреблял. Все называли меня хафу или еще хоббитом. Было такое сленговое слово у нас для метисов. Поэтому мне было несладко. Это вы не отличаете меня от японца. А у нас все

говорили, что у меня нос большой, уши оттопыренные и глаза как у героев манги. Большие. Девчонки тоже дразнили, поэтому я с ними «замутить» после нескольких неудач и не пытался. И больше времени уделял науке. Я колебался между тремя сферами. Кибернетика, биотехнология… и космос. Через несколько лет после моего отъезда туда отец с мачехой мне прислали на день рождения биоконструктор «Протей». Он, конечно, не детский, но и я был не маленький. Это круче, чем муравьиная ферма. Можно выращивать маленьких съедобных червячков, которые так и назывались, «протеи». Они состояли из псевдобелков. Они жили, прогрызали себе ходы в желатиновых блоках, получали питание из агар-агара и размножались делением и почкованием. Можно было менять их свойства, размеры, объединять их, экспериментировать. Чувствовать себя немножко богом. Это были золотые тридцатые, кризисы, бардак, но генетика была на подъеме, а страх перед «франкенштейнами» хоть и уже был… но еще казался страхом перед завтрашним днем. Я смотрел видео, где люди вырастили из протеев… всего за пять месяцев! — что-то невероятное. Чего разработчики даже не предполагали. Уже не червячков, а существ, похожих на насекомых. С твердым покровом из псевдохитина на основе сахаридов. С суставчатыми конечностями. С крылышками. Один даже научил их летать, хоть и невысоко. Я тоже хотел сделать таких. А потом конструктор запретили, изъяли из всех торговых сетей, и даже забрали с компенсацией у всех, кто уже успел их купить. А это было почти пятьсот тысяч человек. Я не знаю, почему мировые чиновники решили, что это опасно. Догадываюсь. Не полеты и не конечности их напугали. А просто однажды в январе после установки нового обновления софта у червячков… по всей Земле, почти синхронно… вдруг появилось что-то вроде полового размножения с обменом «генами»… которые, конечно, были не гены, а их подобие. СПБ долго искала биохакера, который это вывел. Но не нашли. И тогда появилась версия, что эту систему они создали себе *сами*. А потом у какого-то ребенка из Индии эти псевдоживые гусеницы создали колонию с иерархическим распределением ролей и обменом информацией по принципу феромонов. И был слух… может, намеренная утка, что червячки могут координировать свои действия не только внутри, но и между колониями — по сети. Представляешь, как поднялись на дыбы религиозные деятели всех конфессий? И экологи-луддиты. А политики и тупые массы их поддержали. Неважно. Я свой набор не сдал, просто потом забросил — не получалось у меня как у мастеров. Так он и пылился в подвале. А потом случился «Инцидент с ходячим трупом» в Сиэтле, и

истерика толпы переполнила котел и сорвала крышку. После этого Мировой совет и принял чертов закон о Божественном копирайте. Отбросивший нас на двадцать лет назад и законсервировавший биотехнологии на годы. Мы бы уже были бессмертными, если бы не он. Ну или хотя бы не старели и не боялись рака. Люди вообще удивительно тупы. Их пугает все, что на них не похоже. Но еще больше их пугает то, что похоже… но ведет себя немного не так. Психологи зовут это эффектом «зловещей долины». Как-то раз в Австралии в начальной школе я написал эссе про прогулку по лесу Аокигахара. Про неудачника-*саларимэна* — этим словом у нас называют офисный планктон — которому в жизни не везло. И даже умертвить себя в лесу самоубийц на склонах священной горы Фудзи он не мог. То веревка обрывалась, то сук сосны ломался, то вместо камней он падал с обрыва на муравейник… Это был юмор, но непривычный для них юмор… ведь в конце герою все-таки повезло, и он смог убить себя! Он подавился, потому что засмеялся, пережевывая крекер! Это был художественный вымысел про человека, который на меня не похож. Который ищет свой путь, даже если это путь к смерти. Это была метафора. Но мне психологи, австралийские психологи, навесили ярлык шизоида с суицидальными наклонностями! Ведь надо быть позитивным, общительным и нацеленным на личностный рост. Тьфу, блин. Они боялись не того, что я повешусь, а того, что принесу в школу ружье и немного… скорректирую демографическую ситуацию. Хотя я никогда об этом не думал. Они боялись меня, и никакая политкорректность не вмешивалась. Хоть и замаскировали свой страх сетью эвфемизмов. Но я чуть Больше я ничего не сочинял, а занимался только техникой. Тебе интересно, Эшли?

— Очень интересно. Продолжай.

Да, ей было интересно. Но, похоже, она тоже боялась. Но он не мог остановиться.

— Эти психологи — дураки. Я никогда не проявлял агрессии. И меня обижали не больше, чем в среднем дети обижают друг друга. Да, они не хотели играть со мной. Ни в Японии, ни в Австралии. Но только когда были вместе. По отдельности играли охотно и даже называли меня другом. Лицемеры. Но я никогда на них не злился. Разве ты злишься на зверюшек, на своего кота? Просто я понял, что, когда их собирается больше двух-трех человек — они неразумны. Как эти червячки.

— Забавно. А на кота я иногда сержусь.

— Но я еще не рассказал тебе самого интересного. Однажды три одноклассницы решили разыграть коротышку-«ботаника». Полукровку. Создали фейковый аккаунт девушки, которая была

ему не безразлична. Сочинили целый сюжет про то, что у нее было долго скрываемое чувство к нему и все такое… Она сама тоже помогла им. Но ее роль была самая маленькая. Она дала только свою внешность для аватары. И были письма и видео якобы от нее ко мне… — он сбился с третьего лица на первое, но все и так было ясно. — Такие, что я вначале даже поверил. Они думали, что будет очень смешно. Но я раскрыл их обман. И сказал им, что они безмозглые дуры, неудачницы и умрут в нищете. Тогда они были звезды класса. Собирались создать рок-группу. А через десять лет та самая, аватара, умерла от наркотиков. Перед этим успев бросить колледж и поработать в кафе, где зеркальный пол, а официантки не носят трусиков. Не знаю, почему, но все ее мечты разрушились. С музыкой у них не вышло. Две других живы до сих пор и работают где-то в сфере муниципальных услуг, получая гроши. Карма. Но я не в обиде. Наоборот, должен сказать им спасибо. Они многому меня научили. Не выставлять напоказ ничего. Если они догадались, что я к ней что-то испытываю… значит, я вел себя неправильно. Значит, смотрел на нее идиотским взглядом. Проявил слабость. И я дал себе слово больше так не делать. Все годы я придерживался этого правила. И на тех, кому я безразличен, я вообще не смотрел. Заодно я тогда решил измениться. Стал больше заниматься спортом, принимать кое-какие добавки, заработал первые деньги, научился глупым шуткам и девушки сами потянулись. Правда, не те, которые мне нравились, но это уже другая история. Главное, что сам я ни за кем не бегал и не вздыхал. Никогда. Но сейчас я это правило нарушу.

Закончив говорить, он сделал глубокий вдох и уставился на нее. Застыв, как изваяние. Будто чего-то ожидая или не зная, что делать. Не сказал самых главных слов, но подразумевал именно их.

— Странно, вроде алкоголя мы не употребляли. Почему в голове все так перепуталось? — Синохара приложил ладонь к своей голове, будто она резонировала как динамик. — Эшли… Обычно я не мастер произносить такие вещи. С женой… у нас все было совсем иначе. Нас свели обстоятельства… и наши семьи. Да, в XXI веке в Японии такое еще бывает, когда родители устраивают… или подстраивают отношения. Мы могли с ней отказаться, мы же свободные люди, но решили, что попробовать можно. Думали ужиться, научиться отношениям, попробовать близость. Думали, что вместе будет неплохо. Она не плохой человек. Но мы в основном мучились. Не из-за наших различий… мы были похожи, сильно… а из-за отсутствия каких-либо чувств, кроме запускаемых в действие инстинктами… изредка. А я хочу

по-другому. Чтоб как фейерверк, как атомный взрыв.

— Как в книжках и фильмах? А ты думаешь, что так бывает?

— Конечно, бывает. Иначе бы эти книжки не сочинили. Вначале ты мне показалась одной из многих. Но потом я понял, что в тебе есть внутренняя красота. А эта штука ее подчеркнет. Вот, возьми.

И он протянул ей подвеску. Конечно, Гарольд понимал, что таким образом вручает подарки Санта-Клаус хорошим мальчикам и девочкам… и неопределившимся. А романтичное вручение подарка — это немного другой порядок действий. Но он по-другому не умел и учиться не хотел. Цветы тоже были бы не к месту. Пока не к месту. Хотя он даже знал, какие она любит.

— Я… не могу это принять, — сказала Эшли, глядя на него.

— Это тебя не обязывает. Просто безделушка.

— Ну хорошо, — она приняла коробочку и положила рядом с собой на столик. Повертела в руках подвеску.

— Мило.

— Главное не она, а то, что я тебе хочу сказать. Хотел сказать это еще там. На орбите. Но решил, что это некрасиво. Пользоваться ситуацией, когда мы зажаты в этой скорлупке, в шаге от смерти. И поэтому волей-неволей связаны. Я решил выбрать для этого более спокойную обстановку.

Она смотрела на него выжидательно. И он понял, что проще понять любую самую сложную программу, чем то, что происходило внутри ее черепной коробки, обтянутой красивой белой кожей с веснушками и обрамленной самыми приятными на ощупь волосами.

Это он еще в космосе проверил, когда она была в отключке. Не смог сдержаться.

— Эшли, — он понял, что дальше тянуть нельзя. — Я знаю, что у вас в культуре принято ходить вокруг да около, как и у нас. Smalltalk. Но я пришел не для этого. И детей упомянул не просто так. Я предлагаю тебе отношения.

— Прости… — она сделала круглые глаза. — Но какие?

— Близкие. Вначале неформальные, но с перспективой перехода к серьёзным. И даже к очень серьезным.

Ему показалось, что это было сказано остроумно. Но Эшли отчего-то медлила с ответом. И смотрела на него строго и сухо.

— Забавно, — наконец, отреагировала она. — Я люблю прямоту. Но, давай начистоту, Гарольд. Я уже говорила тебе несколько раз, что воспринимаю тебя как друга.

— Это широкое понятие.

— Но не этом случае. Я не верю, что тебе есть дело до моего генотипа. И не верю, что ты хочешь семью. Фенотип, то есть

внешние данные, тебя, конечно, интересуют. Тебе нужен кто-то, с кем можно спать, и кто будет заниматься твоим жизнеобеспечением. Физическим и психоэмоциональным. Пока ты будешь жить своей жизнью. Пропадать на полгода, а в перерывах — развлекаться, проектируя своих дроидов. Тебе нужна не жена и не мать твоих детей, а постоянная женщина. Ведь не всё пока могут делать роботы. Но не каждая женщина тебе подходит, и не каждая тебя вытерпит, поэтому ты и подбиваешь клинья ко мне.

— Ошибаешься. Роботы умеют всё. И многое лучше, чем люди. Но моя цель — не разврат, а создание скучной традиционной семьи. И обзаведение потомством. А этого роботы не могут. У нас в Японии… когда-то был понятный и простой идеал женщины. Похожей на цветок сакуры весной. Но когда я родился, он уже размывался. Молодежь его высмеивала и жить так не хотела. Поэтому я жил как бы на границе двух миров. Глобального и архаичного. Кто-то из классиков говорил, что ночь, проведенная с женщиной — это ненаписанная глава книги. Тогда каждый ребенок — это целый ненаписанный роман. Но я готов заплатить такую цену.

— Ты же вроде не пишешь.

— Ну… тогда это не сделанное изобретение. Я создаю произведения из металла, из пластика. И они оживают. Но я готов отказаться от этого ради счастья быть рядом с той, кого люблю.

— У тебя уже была семья, — голос Эшли звучал категорично. — Ты должен помогать своей дочери.

— И поставить на себе крест? Не люблю эту фигуру. Я еще не старый. Да, она мне дорога. Я и на Юки не сержусь, и буду платить все, что требует Всемирный кодекс. Но у меня еще может родиться сын, я могу передавать кому-то, похожему на себя… свои знания, свой опыт…. Ведь Япония… это сейчас острова стариков. Острова утраченных надежд. Дома престарелых и заброшенные поселки. Нет, разрухи нет, все очень красиво и аккуратно опечатано, заклеено, ток и коммуникации отключены. Но люди не вернутся. Просто в установленный срок эти дома так же аккуратно снесут. Эпоха Заката. Эпоха Опадения Сакуры. Мы надорвались. Слишком много сил потратили на попытку вырваться вперед, обогнать гайдзинов. Работали по шестнадцать часов в сутки, мужчины почти не видели семьи. И почти перестали размножаться. А тут еще эта небольшая войнушка и ядерное загрязнение. И итог: последнее место в мире по фертильности. Что сделала бы европейская страна? Пустила бы мигрантов, разрешила бы клонирование, но любой ценой сохранила численность. Но мы этот путь не выбрали. Мы решили,

что главное сохранить свою душу. Поэтому автоматика заменяет людей, старики работают до самой смерти в поддерживающих экзоскелетах, и выпускаются самоучители и планы, какие поселки и городские районы будут закрыты в ближайшие десять лет. Но это умирание, с которым страна смирилась. Посчитав его чем-то вроде кары богов или судьбы. Или даже не наказанием… это слишком по-европейски. А кармой. Или сатори. Просветлением, ведущим к смирению. Проблемы были с начала века, а катастрофа Второй Корейской войны только подхлестнула их. Проблемы копились как снежный ком. Безработица, пустой пенсионный фонд. Все молодые и активные уезжали, налогов собиралось все меньше. Кто в Северную Америку, кто в Австралию с Новой Зеландией. И я уехал, служить, учить, воевать, лишь бы не жить в такой тоске. В Европе и Америке проще. Там демографию спасли гости с юга и востока. Хотя цена этого еще может вам аукнуться… Отказ от идентичности, от самих себя. А на наших Островах… мы тихо и мирно вымираем, как в книге «На последнем берегу». Это может занять века, но это страшно. Если бы все человечество ждала такая судьба… это хуже падения астероида. Я бы тогда предпочел, чтоб все закончилось быстро, как от пули. Ты знаешь, что такое *кудокуши*? Как умирают одинокие старушки в социальных кварталах *данчи*? Наша надежда только на победу над старением, на технологическую сингулярность.

— Странные вы. Такие технологии… и такая замшелая ксенофобия. Не надо было закрываться от мира. Я знаю, что для иностранцев переезд на Японские острова почти невозможен. Туристом — пожалуйста, но вот остаться… Вы хотели сохранить чистоту нации. А в результате… почти оказались на обочине. Спасли вас только роботы. А кто мешает вам с помощью той же искусственной вагины… ой, матки — штамповать детей. Вы думаете, что у них не будет души?

— Не знаю. Но почему-то у нас мало таких рождается. Я не знаю, чем руководствуется правительство. Я считаю это ошибкой. Я думаю ни у кого души нет.

— Так чего ты хочешь, Гарольд? — спросила она, не ответив на его выпад. — Зачем ты на самом деле пришел?

Видимо она не могла поверить и думала, что он шутит, подумал австралояпонец.

— Я хочу, чтоб ты была со мной. В законном браке, временном партнерстве… или просто так. Это не важно. Но навсегда. До самой смерти. Не ожидала?

— Дурачок ты, — женщина усмехнулась, но невесело. — Все вы мужчины такие? Думаете, что вы такие хитрые, но вас видно

насквозь. Может, в тактике боя вы и смогли бы обдурить кого-то. Но не в отношениях. Побереги слова. Я это про тебя знаю с того времени, когда ты нас с Максимом тренировал. Ты смотрел на меня… не как преподаватель.

— А даже если так. Смотрел. И не жалею. Так каким будет твой ответ? — чопорно и в то же время резко спросил Гарольд.

— Извини. Отрицательным. Прости, честное слово.

Он не дернулся, но на секунду по его лицу пробежала тень.

— Прости, — повторила Эшли. — Мне сейчас не нужен ни ты, ни Макс, ни кто-то другой. Я не провожу кастинг на эту роль. Съемки фильма отменены.

— Забавно, — Гарольд потом помрачнел, словно до него только теперь дошел смысл ее слов. — Значит, «отдел кадров уведомляет вас, что вакансия закрыта»? Из-за тотальной автоматизации? — произнес он медленно и расстановкой.

Она опять не заметила его выпад, довольно грубый.

— Я не думаю, что тебе нужна лично я. Если бы это было так… я бы это заметила. Но этот интерес — это не любовь.

— А если бы ты знала, что это любовь? Что ответила бы в этом случае?

— Тоже нет. Потому что у меня огонек не загорается.

Он знал, что у нее кто-то есть. Наводил справки по своим каналам. Но также видел, что их отношения с этим адвокатишкой нельзя назвать серьезными. Иначе бы она не стала приглашать его, Гарольда, к себе и ходить с ним на встречи… хотя все встречи были обставлены как дружеские. Синохара и тогда подозревал, что дело не в этом типчике. Просто у нее другие приоритеты.

Как там его звали, Рон Уизерс? Почти как персонаж из «Гарри Поттера». Можно стереть его в порошок, вот только это не решило бы проблемы.

Австралояпонец ощутил подступающую ярость. Ёкодзуна, значит? Великий чемпион лузеров? Повелитель вселенской френдзоны?

— Знаешь, — Синохара почувствовал, как кровь приливает к лицу. — У людей, которые побывали в командировках в аду, немного другое отношение к жизни. И к женщинам. Это накладывает свой отпечаток.

— Макс мне рассказывал про ПТСР. Отношение как к вещи? Как к блюду на столе?

Синохара кивнул, чуть скривившись при упоминании бывшего кадета Рихтера.

«Кем же он закончил свою бесславную карьеру? Рядовым боевиком или командиром бандитского отряда? Ничего. И до

него доберемся. Чертов предатель».

— Но ты не волнуйся, — продолжал Гарольд, делая вдох. — Я не такой. Тебе ничего не угрожает. Я не испортился там. Не стал как они. У меня нет посттравматического синдрома. Наоборот, я закалился. Нет никого, с кем ты была бы в большей безопасности. Тот, кто причинит тебе вред или обманет тебя… сильно пожалеет, — сказал он, следя за ее реакцией. А Эшли молчала, — Просто я хочу, чтоб ты хорошо подумала. Я ведь не мальчик, который верит в чудеса. У меня конкретное деловое предложение. У меня есть капитал. Его хватит на первое время. Ты думаешь, я нищий? А я богаче любого, кто вертится вокруг тебя, но при любой беде смотает удочки. Я откладывал. Даже когда жил с Юки сберегал процентов десять, ведь денег, после того как я стал работать по контрактам, было много. Она все равно спустила бы их на шарлатанов и снадобья! Которые Акире ничем бы не помогли. Там неплохие проценты набегают. Ты сможешь выкупить свой дом у банка. Мы можем достроить его, как ты хотела! С балконами и террасой. Ты можешь уйти из Корпуса сейчас и никогда о нем не вспомнишь. Я могу не только защищать тебя, но и обеспечивать.

— Вариант великого Гэтсби? — сказала Эшли, потерев себе лоб, на котором проступила небольшая морщинка. — Извини, но и он не пройдет. Как и не прошел у самого Гэтсби. И мне не нужен муж-наемник. Тебя убьют, хорони тебя потом за свой счет… Шучу. Если бы мне нужен был мясник, я бы не отпустила Макса. Давай начистоту? У тебя руки по локоть в крови, а у него разве что до запястий. Ты хотел стать крутым мужиком… но мужчина не равно «убийца». Тебе когда-нибудь снесет крышу, и ты… ну ты понял. Я уж лучше найду себе учителя или дизайнера. Извини за честность.

— Не извиняйся. Странно, что не собачьего парикмахера. Или мастера интимных стрижек, — сказал он и заметил, что сарказм в его голос заставил ее поежиться.

— Ладно, не кипятись, — примирительным тоном сказала Эшли. — Про хоронить — это была неудачная шутка. Но и ты напрасно грубишь. Я, может, вообще никого не буду искать.

— Да ну?

— Я привыкла. Мне кота достаточно. На нем можно в шахматы играть. А нового заведу синего в горошек. Лет через пять могу родить для себя. Хотя ребенка можно и усыновить. Это даже поощряется. Например, мулата или черненького. А может, встречу все-таки своего принца. Не хотела тебя обидеть. Ты чудесный человек. Я желаю тебе всего добра на свете. Но для тебя лучше перестать жить иллюзиями. Ты существуешь в мире байтов,

со своими машинками. Общайся с людьми и будешь лучше их понимать. Больше проводи времени в компании, помогай друзьям и близким. И, поверь, ты еще найдешь себе нормальную женщину.

— А если мне никто не нужен, кроме тебя?

— Врешь. Никогда не замечала за тобой такого. Я бы почувствовала. Я видела, что интересна тебе, но не более. Поэтому ты обманываешь. Я только не знаю, зачем. Но предположу, что в тебе говорит не любовь, а упрямство и гордыня.

— Другую? — он словно взвесил это слово на весах. — Уже были. Но я не чувствую к ним ничего. Да и все они как с фабрики клонов.

— Рихтер тоже так говорил.

— Не упоминай о нем.

— Это не из-за него, — сказала Эшли. — Между мной и Максом все кончено. И не из-за того, кто был после него. Хоть я и не обязана тебе это говорить. Я просто хочу быть собой.

— Я думал, что ты не такая как все.

— Такая же. Борись со своей гордыней. Даже самый золотой человек не имеет прав на другого. А в любви нет справедливости.

— Гордыней? — Синохара повторил за ней возвышенное слово ”arrogance”. — Возможно. Я не христианин и не считаю ее грехом. Я по происхождению синтоист, а по сути — агностик. Может, я вообще ударюсь в буддизм. А что если мы все — всего лишь сон одного из нас, который вспоминает свою прошлую жизнь на Земле?

Взгляд Эшли на секунду стал отсутствующим. Видимо, она проверяла сеть.

— Извини. Сообщение, приходило… про распродажу. Но я вылечилась от шопинга. Так вот? На чем мы остановились? Ах да! Две трети моих подруг за тридцать так живут. С котами, игуанами… или роботами. А из тех, кто старше — даже больше. Молодые по молодости обжигаются, но потом тоже приходят к выводу, что лучше одной или одному. Я говорю о среднем классе, а не о тех, кто беременеет в шестнадцать под наркотиками. Маргиналы и мигранты живут проще. А у высших классов и истеблишмента другие проблемы, не как у среднего. Им приходится детей заводить, ведь надо обеспечить преемственность капиталов. Они пока еще смертные. Но и там ценят свободу и пытаются от этого откосить. Но к их услугам любая прислуга, любые помощники. И суррогатные матери тоже.

— Понимаю, — произнес Гарольд, допивая чай и ставя чашку на блюдце. — У меня есть одна подруга. Она постоянно говорит, что хотела бы иметь детей. При этом она не дура. Понимает меня

так хорошо, будто знает с рождения. Дает советы. Но я не люблю ее. Мне она кажется слишком холодной… и, ха-ха, какой-то бесчеловечной. Мы с ней друзья, не более. Потому что нравишься мне именно ты.

— О боже, — Эшли взялась за голову, будто та начала болеть, ероша волосы, которые и без того были порядком взлохмачены. — Ну это просто… сюжет бразильского романа. Так почему тебе не попробовать с ней? Что ты привязался ко мне, как японский репей к собачьему хвосту?.. Я что, фотомодель? Или миллиардерша?.. Я в списке Forbes? На обложке журнала “People”? Стой, успокойся…

На секунду ей, должно быть, показалось, что сейчас он схватит ее за горло и задушит. Про кибернетический палец она тоже помнила. Но японец протянул руку, чтоб поправить прядь ее волос, чтоб та не лезла ей в глаза.

Она коснулась его руки. А он посмотрел на нее то ли со злостью, то ли с болью и досадой.

«Проклятая нация… — должно быть, подумала Эшли Стивенсон. — Ни хрена о них не поймешь. А ведь он всего лишь полукровка. А если бы был чистый японец?».

— Отношения как головоломка. Представляешь себе паззл? Кто-то совместим с одним человеком, кто-то с двумя, а кто-то — ни с кем… из тех. кого встретит в жизни, — произнес Синохара. — Видимо, я деталь со слишком сложной конфигурацией. А еще я отсталый патриархальный и замшелый тип, несмотря на мою увлеченность прогрессом. Я химера из двух несовместимых частей. Я хоть и провел детство в Австралии, но много лет прожил в отсталых странах третьего… и четвертого мира. Даже Япония не во всем равна вашей Европе, хотя я был и там редким экземпляром. У меня слишком строгие моральные правила. Я всегда считал, что выход из семьи — не через дверь. И даже не через суд. А как из мафии или из разведки: только через печную трубу крематория. Поэтому для меня было таким травмирующим расставание с Юки. Хоть я и ничего к ней не чувствовал. Я всегда думал, что отношения имеют ценность, только если они навсегда.

— Ну ты даешь… Тебе бы романы для youngadult писать. Про вампиров и романтичных миллиардеров. Ты бы сам стал богачом, и не надо было бы охотиться на террористов.

— Я серьезно. Если согласишься, всегда можешь взять свое слово назад и уйти, — сказал он ей. — В любой момент. А я — нет. Только в гробу.

— Даже на таких условиях я не соглашусь. И мой тебе совет. Как другу, — сказала она. — Раз уж пытаешься на мне применять приемы НЛП, то поработай над лицом. Оно у тебя слишком не

выражает эмоций. И над тоном. Ты одинаковым голосом говоришь любовное признание, рассказываешь про военную операцию и про ядерный синтез. Женщинам это не нравится. Женщины любят ушами. И программируются только через уши. Женщины любят страсть. Я не заставляю тебя размахивать руками, как карикатурный итальянец! Просто чуть больше артистизма. И твоя осанка. Она слишком скованная. И больше смотри в глаза. В нашем мире попытка спрятать взгляд говорит о нежелании общаться или антипатии.

— В вашем мире много странного… А с чего ты взяла, что я кинусь перебирать разные варианты?

— На этом рынке бешеная конкуренция, Гарольд. И если тебе нужна вакансия… надо за нее бороться. Следить за модой, стилем…

— Я уже ни за кого не хочу бороться. Пусть все идут к чертям. Чувствую себя безумно старым. Слышала про зародыш, который хранился семьдесят лет и был потом имплантирован женщине? Он родился, будучи вдвое старше своих новых родителей. Будучи даже старше своих новых бабушки с дедушкой. Он возник, когда президентом США был Рейган. Застал еще Советский Союз, Берлинскую стену, программу «Аполлон»… живого Элвиса Пресли.

— Забавно. Наверно, он родился очень мудрым. И мог бы учить родителей жизни.

— Возможно. А может, родился уже усталым и старым душой. В моей стране думали бы так. Иногда мне кажется, что со мной было что-то подобное. Либо я просто переживаю уже восьмое-девятое воплощение, — его голос изменился. И он не накручивал себя. Эта ярость закипала в нем сама, медленно, но верно, — А ты помнишь, я говорил тебе, что костер любви быстро сжигает все топливо и гаснет, а огонек дружбы может светить всю жизни и освещать дорогу во мраке?

— Помню, конечно.

— Ваша беда, женщины… что вы путаете ритуал ухаживания с дружбой. Ты видела павлина-самца, который распускает хвост?

— Видела. В зоопарке. Он красивый. Мне их жалко в зоопарке. Я буду рада, когда последний в нашей стране закроют для посетителей.

— Вернемся к павлину. Ты что, думаешь, он при этом дружбу предлагает своей курице, растопыривая свой гребанный хвост?! А олень, который борется с другим, сцепившись рогами? Дружбу предлагает оленихе, которая смотрит за этим поединком коровьими глазами?! Беда в том, что эволюция привязала только мужчину к женщине эмоционально и сексуально. Это было нужно

для выживания. А женщина была привязана иначе… через материальные стимулы. Питание и защиту. Ну и привычку. Другой привязанности к мужчине у нее нет… если это не ее сын. А когда мир изменился… и выживание… в развитых обществах — уже почти не стояло на повестке дня… появилась огромная разность потенциалов, которая и создает эту дугу напряженности между полами. «Останемся друзьями», — это ведь не мужчины так говорят. Это знаменитый женский эвфемизм для выражения «Пошел на хрен, неудачник, я найду еще круче!». Еще самцовее. Ну а этот, ладно, на подхвате пусть постоит. Для чего-нибудь да пригодится… А много ли одиноких мужчин пошлют на хрен хоть какую-то женщину? Даже если она очень средней внешности и не большого ума. «На какое-то время сгодится». Но это время часто оказывается длиной в остаток жизни. Так вот, я понял, что тебе не нужна даже дружба.

— Знаешь, Гарольд… кто сказал, что тебе было бы так уж хорошо со мной? Трава всегда зеленее на другой стороне холма, — сказала она, глядя на него с тревогой. — Английская пословица.

— Я знаю, — кивнул Гарольд, внешне чуть успокаиваясь. — А хорошо там, где нас нет. Русская пословица.

— Да, Макс такую мне говорил. Он еще тот русофил. И ее вариант на немецком. Знаешь, упущенные возможности только кажутся заманчивыми. А в реальности ничего хорошего в них может и не быть. Не жалей.

— А ты ведь даже не пытаешься… с теми, кто на это годится. Всех отшиваешь. А эти твои избранники, с которыми… я их видел. Адвокатишки, дантисты, тренеры, журналисты, у которых уже по три-четыре развода… Им не нужна семья. А мне нужна. Ты делаешь ошибку и даже свою выгоду упускаешь! Подумай. Дорога в тысячу *ри* начинается с одного шага.

— Боюсь, что нашей дороги нет, Гарри, — сказала она очень мягко.

— Наверно. Ты права. Знаешь, я считал тебя удивительной. Потому что придумал тебя. Как своих виртуальных подружек. Но теперь думаю, что и изумруд, и хрусталь, и стекло сияют, если их подсветить, — произнес Гарольд. — Но красота живет только в глазах смотрящего. А Луна светит только потому что освещается Солнцем.

Эта перемена эмоционального фона наверняка отразилась на его лице. Синохара заметил, как напряглась его визави. Видимо подумала, как он может быть опасен для тех, кто перешел ему дорогу. И что, если захочет, сможет убить ее за долю секунды, и сделать так, что никто не узнает. Что он совсем не лапочка, а

опасный псих, у которого не было никакого ПТСР и не было раскаяния. Но не потому, что он здоров, а потому, что что-то было в нем не так с самого рождения. И на войне человека для него было убить, как задавить муху. Только ли на войне?

И вдруг он вскочил и бросился к ней. Эшли вскрикнула.

«Сейчас он меня прикончит», — эта мысль явно отразилась в ее глазах.

А может, она могла ожидать не только убийства, но и другой формы насилия. Но Гарольд просто присел на пол у ее ног, не униженно, а церемонно, как буддистский монах. И, глядя на нее снизу-вверх, проговорил:

— Ты что, дурёха? Боишься? Я себе скорее печень вырву, чем тебе больно сделаю.

— Оставь себе… печень, — произнесла женщина с напускной веселостью. Голос ее дрожал. — Сядь, пожалуйста. И успокойся.

— Верно. Буду пить, она мне пригодится.

— А что ты предпочитаешь? Пиво? Или ваше саке?

— Не люблю эту рисовую дрянь. Лучше текилу. Там, куда я отправлюсь, ее будет хоть залейся. А еще там будут зомби, только вместо вуду у них идея, что надо все поделить. Будет героин, калашниковы и много-много злых партизан.

— Эй-эй! Подожди. Не надо…

Но он уже отвесил ей поклон, вышел из комнаты и быстро сбежал вниз по лестнице.

— Я напишу тебе, Эшли. Я не собираюсь пропадать насовсем. Hyvää yötä! — крикнул он ей уже на ходу по-фински, не оборачиваясь.

В холле зажегся свет. Умный дом выпустил его свободно и закрыл бы дверь за ним сам. Но он с силой хлопнул ею, чуть не сломав автоматический доводчик и магнитные замки.

Хуэво ёта. Доброй ночи. Транслятор сам перевел ему эту фразу на английский, а заодно на японский. А теперь Гарольду показалось, что на каком-то языке она звучит как ругательство. Что-то про яйца. Вроде бы на испанском. Или на сербском?

— Хуэво… Да я сам вижу, что хреново все. Но что с этим поделаешь?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Фёрби (англ. Furby) — электронная говорящая игрушка-робот, созданная в 1998 году фирмой Hasbro.

[2] Рэйва (яп. 令和). Название восходит к двум иероглифам из предисловия к сборнику японской поэзии VIII века (периода Нара) — «Манъёсю», которое повествует о весеннем банкете под цветами слив, и ассоциативно может быть переведено как

«гармония», «порядок» или «благоденствие».

[3] La Belle Époque (фр.), «Прекрасная эпоха» — условное обозначение периода европейской (в первую очередь французской) истории между последними десятилетиями XIX века и началом Первой Мировой войны.

Часть 7. Туман Вавилондона

> «Ни одно государство мира не причинило столько зла человечеству, как Британия. Огораживания, геноцид ирландцев и индейцев, рабство и страдания колониальных народов несмываемым пятном лежат на всей англосаксонской цивилизации…»
>
> **«Уроки исторической геополитики», Я.Д. Гринберг, 2032 г.**

> «Гринберг, Яков Денисович, российский писатель и государственный деятель, министр культуры в правительствах Российского Государства в 2034–2042 гг. (10.08.1978, Ростов, СССР — 07.09.2059, Шеффилд, Великобритания)».
>
> **Из биографической статьи в «Ультрапедии», Всемирной энциклопедии.**

Когда Гарольд вышел из ее дома, был уже поздний вечер. Быстро же пролетело время… несмотря на то, что ничего хорошего не произошло. Конечно, он каждую секунду разговора мог узнать точное, но за часами не следил.

Атомные часы не тикают. Они просто отсчитывают неумолимый ход времени.

Ну вот, все точки над финскими умляутами расставлены. На душе так спокойно и определенно.

Нервный смешок вырвался у него. Он представил, как засмеялась бы Аннабель, узнав том, что произошло. Надо ее отключить. Или хотя бы переформатировать ей память. Хотя почему «ей»? Это нейросеть, а не личность с полом и характером. Это даже не оно, а ничто.

Но сегодня заставила страдать его именно живая женщина.

«Ну а ты как хотел? — подумал Синохара, привычно обращаясь к себе во втором лице. — Самка — это живой биологический анализатор, чувствительный к патологиям. Ведь им надо выбрать лучший генетически материал и забраковать дефектный. Конечно, она врет, что ее оттолкнуло насилие. Они это любят! Это признак силы. Но даже твоя попытка стать хищником не смогла обмануть. Потому что они чувствуют, кто ты внутри. Как говорил один гуру, альтруизм выдает в мужчине неудачника. Настоящий брутальный альфа ничего не делает для других и ставит всегда на первое место себя. Потому что он ценный эволюционный ресурс. И именно поэтому вокруг него

всегда полно самок».

Чушь, конечно. Этология для «чайников» от сектантов коучинга, которые имеют профит, окучивая неофитов на своих курсах. Толстых или тощих неудачников, живущих с родителями. Но доля истины в этой куче информационного мусора есть. Выбор, который делают хоть женщины, хоть мужчины — иррационален и инстинктивен.

Ему не хотелось становиться таким. Хотелось следовать по пути разума. Но реальность раз за разом доказывала неприятную правду. За животное, даже свинское поведение всегда награждали, а за человеческое, разумное били по голове или как минимум игнорировали.

«А может, она врет? — накручивал он себя. — Может, не в свободе дело и не в котах? А просто она чпокается с садовником Мохаммедом или Альфонсо на своей огромной кровати в спальне? Нищим, который её в грош не ставит и не умеет связать двух слов. Но все равно ей нужен. Потому что от него пахнет сильным здоровым зверем. Вдруг феромоны все-таки работают? А тебе она вешает лапшу на уши, потому что у тебя фенотип и запах лузера. Сколько бы человек ты не отправил на тот свет с помощью машин».

Нет, он никогда не смог бы причинить ей зло… или даже просто боль, настоящую. Но злость была реальной, и ее хватило бы, чтоб вскипятить воду в столитровом котле. Нужно было срочно дать ей выход.

Проходя к воротам, Синохара воткнул в мягкую землю клумбы двух бумажных журавликов, которых смастерил по всем правилам икебаны, но в последний момент передумал дарить. Понял, что это глупо.

Своим кибернетическим пальцем нагрел две жалкие фигурки до температуры воспламенения бумаги, глядя, как они чернеют. Понадобилось меньше, чем 451 по Фаренгейту. А потом они вспыхнули.

Смотрел, как они корчатся в огне, разворачиваясь. В глаза бросились написанные на внутренней стороне иероглифы, которые никто не прочтет. Стоял до тех пор, пока от них не остался один пепел, который развеял налетевший порыв ветра. Пепел выпадет где-то в канале, и будет унесен в Темзу. А значит, в море. Хороший символизм.

Устроенный им крохотный пожар отражался в каналах Ислингтона. И тут же прилетел маленький пожарный дрон. Видимо его «гнездо» было совсем рядом в переулке. Он был похож на толстого надоедливого шмеля, стрекотал пропеллером, светил оранжевым сигналом и издавал пронзительные трели.

Набирал воду прямо в канале… и улетел, увидев, что возгорание уже исчезло.

Гарольду хотелось отвесить ему тычка и посмотреть, как он упадет в воду. Но это уже порча муниципального имущества.

Он смотрел на рябь на зеленоватой воде медленно текущего Риджентс-канала.

Ехавший по набережной моноциклист — высоченный скандинав в вязанной кофте с норвежским узором и с бородой, которая снова входила в моду в этом сезоне — шарахнулся в сторону, увидев огонь. Но, глядя на открытую спокойную улыбку Гарольда, перевел дух и выровнял ход аппарата.

— Перформанс? — догадался ездок. — Хэппенинг? Модерн-арт? Или вандализм?

— Концептуальное искусство, — Гарольд кивнул. — Созидание в разрушении.

И пошел прочь.

А «скандинав» еще какое-то время смотрел на кружащийся пепел и думал о чем-то своем, скандинавском.

Если бы кто-то более внимательный увидел Гарольда в эту секунду, он понял бы, что перформансом тут не пахнет. Лицо его выражало первобытную ненависть, которая клокотала, как вода в котле. Никогда ни в школе, ни в коллективе на работе, ни в Корпусе, ни на войне он так сильно не ненавидел. До скрипа зубов. Подавленный рев, вой зверя вырвался наружу. «Она врет. Пудрит тебе мозги. У нее кто-то есть, и она считает его лучше тебя. Ты лузер, хи-хи-хи. Тебя оставили без пирога. Ничего личного, приятель. Просто механизмы отбора».

Инстинкт, привет из первобытности, вооруженный современными знаниями советовал ему взломать базу данных Корпуса, вычислить конкурента (раз уж это не Макс), узнать его местонахождение, убить и (опционально) съесть его сердце. И тогда самка, конечно, достанется ему. Жаль, что в современном мире вопросы так не решаются.

И хорошо, что хватило ума не предложить ей «хотя бы» искусственное вынашивание. Мол, если уж не можем быть вместе как люди, то хотя бы внутри бездушного прибора. Ха-ха.

Надо остыть, чтоб действительно не сделать что-нибудь ужасное. Полчаса он просто сидел на скамейке в парке. Colebrooke Row Gardens — подсказала подсказка. Публичный бесплатный парк. Бесплатный даже для неграждан.

Вряд ли его примут за бомжа. А уж бояться тут в безопасном районе надо было разве что его самого. Поэтому можно отключиться от потока реальности и помедитировать, ни о чем не

думая.

На небе проступили первые звезды. Он видел их, в отличие от большинства людей на улицах. Из-за светового загрязнения в мегаполисах часто не разглядеть даже Большую медведицу, не говоря уже о Млечном пути. Но с его глазами, если сделать максимальное приближение, можно легко увидеть даже форму Туманности Андромеды. Небо разворачивалось перед ним как свиток, и едва заметная мутная точка становилась крупной, словно Бетельгейзе. Гарольд вспомнил, как в детстве в Австралии возле города Кэрнса лежал в траве, вглядываясь в ночное небо, углубляясь в него. Тогда у него не было «линз», их еще не изобрели, но был детский телескоп, купленный на китайском портале «Али-баба». И он внушал себе, что это — телескоп «Хаббл». Или представлял, что сам летит сквозь эти пространства со скоростью света, к самому центру галактики и за ее пределы.

Тогда он уже мечтал быть астрономом. Но как профессия астрономия к тому времени, как он поступил в колледж, уже умерла. Для обработки и интерпретирования данных было достаточно тысячи человек на весь мир, получающих сведения от огромных приборов на орбите. Хотя половина из них была даже не учеными, а пиарщиками, менеджерами и журналистами, которые управляли этой системой, доводили ее результаты до публики, выбивали гранты. Объясняли ленивому и скупому человечеству, зачем тратить деньги на то, чтобы понять нечто, происходящее в миллиардах световых лет… вернее, происходившее миллиарды лет назад.

Когда он понял, насколько это скучно, то решил, что будет астронавтом. Это ведь еще круче. Думал, что будет исследовать вселенную сам, и ступит на другие небесные тела. Но для полета на Марс и даже на Луну он оказался неподходящим, хотя имел прекрасное здоровье и безукоризненный послужной список.

«Может, подать заявку снова?» — подумал Синохара. И рассмеялся. Наемник, массовый убийца, даже если все эти убийства были в рамках закона и приказов, а также потенциально — социопат. Да, имеет награды. Да, Эшли никогда не донесет на него за его не совсем адекватное поведение в этот день. Но, возможно, ему в его файлы уже давно внесли отметку о подозрении на посттравматический синдром, повышенную агрессивность и суицидальные наклонности. А такого точно нельзя в ракету к Марсу.

Жаль, что Красной планеты сейчас нет в небе над Лондоном. Есть болезненное удовольствие в том, чтоб смотреть на свои разбитые мечты.

Гарольд вспомнил, как во время стажировки при

Центральном аппарате ООН, проживал в Нью-Йорке в районе Клинтон, том самом, который когда-то носил прозвище Адская кухня и славился своими ирландскими и пуэрториканскими бандами. Но уже с конца XX века это было спокойное и даже местами фешенебельное место. И вот, придя после нудной конференции к себе в номер, он смотрел в окно на небоскребы Манхэттена и жилые кондоминиумы.

А там была другая вселенная, которую он мог лицезреть: чужая жизнь в каждом окне. У большинства ничего не разглядеть — поляризованное стекло или другая защита оберегала приватность. У других просто были опущены жалюзи и шторы. Но некоторых было видно. Там у них была чужая жизнь, чужая причастность к чему-то хорошему… или плохому. Рай для вуайериста… и эксгибициониста. Впрочем, он не был ни тем, ни другим. Но мысль о том, насколько каждый беззащитен и открыт любому взору… заставила его тогда поежиться.

«Нет, я не стану ее тенью. Не буду ее преследовать. Я разумный человек, а не псих. Все кончено. Остается только долг».

Довольно рефлексии. Самурай действует, а не думает.

После того, как он перевел свой организм обратно в «обычный» режим, его на некоторое время поразили побочные эффекты. Одним из них был географический кретинизм. Он чувствовал себя так, будто по голове стукнули мягким молотом.

Синохара не мог сходу понять, как быстрее всего добраться до ближайшей станции «Ангел», даже открыв в глазах карту. Все перед ним расплывалось, но проецируемые подсказки выручали, как путеводная звезда. По этим стрелкам даже ребенок найдет дорогу. Собственно, пользоваться им учили еще дошкольников.

Темнело, и повсюду зажигалось уличное освещение. Одновременно улицы наполнялись людьми, чего он никогда не любил. Вместе с огнями фонарей зажигались светящиеся детали одежды гуляющих по улицам лондонцев и лондонабадцев. Включая татуировки, которые меняли цвет иногда в зависимости от настроения владельца, а иногда от температуры среды. Старики иногда ставили себе такие на руку — поднялось давление или сахар подскочил — а эта штучка сразу стала красной.

С улиц исчезли дети и почти исчезли подростки. Кто же хочет проблем с ювенальной юстицией? Но зато полно было тех детей, кто заключен в тело взрослого. Вот только игрушки у них стали другие. Но, если не заходить в гетто, опасности не было.

Гарольд нечасто выходил в город просто так и не понимал, зачем гулять по мегаполисам, хотя на природе побродить любил. Какой это по счету город-двадцатимиллионник, куда его заносит

судьба и служба?

Мягкий свет зажегшихся фонарей напомнил ему, что время уже позднее. Начинал моросить мелкий дождик. Холодало.

Он шел, глубоко засунув руки в карманы куртки, которая уже начала подогреваться изнутри, чувствуя изменение температуры. Для воды она была полностью непроницаема. Он надвинул капюшон.

Мостовая была бы идеально сухой даже под настоящим ливнем. Ноги по ее поверхности не скользил. И лужи не образовывались, вода тут же уходила через микрокапилляры в ливневую канализацию.

Но он все равно пошатывался. После сегодняшней порции откровений Гарольд временами путал реальность с ее заменителями. На перекрестке рядом с лавкой сладостей он чуть не дал команду кликом глаза живому аниматору в костюме глазированного пончика, чтоб тот убирался к черту. Бедолага мок под дождем за гроши, изображая “donut” с глазурью и посыпкой, но все равно мог быть более счастливым человеком, чем он.

В другом месте ногой попытался оттолкнуть с дороги виртуальную тележку с мороженным. Случайно кликнул по нескольким рекламным ссылкам на стене. И тут же начали наматываться террабайты траффика, вкручивая ему в мозг что-то про Мальдивы, электромобили, мужской парфюм…

Прервал.

Сам не заметил, как оказался возле ювелирного салона той же сети, в которой сегодня совершил покупку. Зачем, для чего?

«Заберите себе свою подвеску. Верните мне деньги. Она не сработала!», — подумал он и расхохотался.

Как и дурацкий бонсай.

Все это танец идиотских птичек, самцы которых отращивают яркое оперение, чтоб впечатлить невзрачную самку, похожую на воробьиху.

А если есть конкурент, то это уже игрища оленей, которые сшибаются рогами… абсолютно бесполезными в жизни, ведь для защиты от хищников лучше бы подошли короткие и острые. Но они растут по принципу управляемой раковой опухоли — с одной целью — показать оленихе, что вот идет мужчина ее мечты. А один вид скатов в океанах для этой же цели выпрыгивает из воды и летит над ней с помощью широких плавников — и чем больший «плюх» самец произведет, упав, тем больше привлечет партнерш.

Все это хорошо. Но почему человек разумный должен играть в эти игры? Которому шаг до космоса, нейтронных звезд и пульсаров.

Вот тебе и седьмое счастливое свидание.

«А если бы я не смог спасти ее там, на орбите, — пришла в голову выходящая за рамки нормы мысль. — Кто бы узнал детали? Кто бы меня осудил? Никто».

Нет, это просто черный юмор. Он бы, если б понадобилось, и жизнь бы отдал.

Хотел сказать ей: «люблю», но это было неправильное слово. Можно ли хотеть и любить воздух, который нужен для дыхания? Но теперь он был рад, что не сказал. Глупо.

Мог стать хоть Аполлоном, но гордость не позволила. Она должна была полюбить то, что внутри. Результат предсказуем.

Потом он пытался взломать ее с помощью НЛП, подобрать к ней код, чтоб получить доступ к устройству для своей редупликации. Не вышло. Код оказался слишком сложен.

Говорят, западные мужчины, заканчивая отношения, иногда подают в суд, требуя вернуть затраты на подарки. За все походы в кафе и рестораны, за каждое кольцо или гаджет, каждый глобоцент, инвестированный в провалившийся «проект». Суды, конечно, отказывают. Но важен принцип. Это называется мужская гордость.

Бред. Жалкий эгоизм. Ему не хотелось уколоть Эшли побольнее. Пусть у проклятой британки останется какое-нибудь теплое напоминание о нем. Он не чувствовал к ней ненависти.

А ведь реализовался именно негативный сценарий, на который Аннабель отводила всего восемнадцать процентов. Робот не знала людей, не понимала живых женщин, поэтому и ошиблась в прогнозе. Гарольд с самого начала знал, что ответ — «нет». Там, где есть признания — там всегда следует отказ. А отношения, насколько он знал по своим знакомым, обычно вырастают без всяких признаний и перерастают этап «дружбы» спонтанно, как сорняк поднимается по забору. А если нужны усилия садовника — то усилия не нужны. Это зовется «френдзона», чувак. Чума столетия.

Он искал, как говорят русские, прошлогодний снег, бродя по вечернему Лондону. А может, искал себе неприятности. Опять вспомнил, как герой Джойса бродил по Дублину… Хотя «Улисса» он, не читал. А вот Эшли, наверняка, читала. Почему-то подумалось, что это в ее стиле — угробить неделю своей жизни на такую ерунду. Их мономиры, их микрокосмы почти не пересекались. Странно, что они вообще смогли стать приятелями.

Но какие неприятности можно найти в безопасном центре Лондона, где больше видеокамер на квадратный и кубический метр — чем где угодно, даже в Пекине? Если только ты сам проблем не хочешь.

У него было еще четыре часа до назначенного времени в

клинике. Хотелось совершить что-нибудь безумное.

Ближе к транспортному хабу на улицах стало чуть больше публики.

Синохара вначале думал, что может смотреться белой вороной среди вечерней толпы в своем костюме. Но быстро понял, что, даже если бы надел парадную форму, то не смог бы выделиться. Потому что тут было каждой твари по паре. Тут не выделился бы даже человек в костюме придворного времен Людовика XIV.

Освободившиеся после офисной каторги «хомячки» уже спускались по эскалаторам с путепроводов и смешивались на улицах с теми, у кого рабочий день был не нормированный: с фрилансерами, курьерами-промоутерами и прочим прекариатом[1].

Кругом были все цвета спектра, мешанина из всех цветов кожи. Лысые головы у женщин, разноцветные бороды у мужчин, разноцветные волосы у всех. У некоторых даже пол не сразу определишь, а уж возраст и подавно. Их право, подумал австралояпонец. Но сам он предпочитал четкие границы и стабильную идентичность.

Народу было больше, чем обычно. Все потому, что уже вечер, а завтра выходной. В соседнем Сити те же самые люди будут в сером и чопорном… хотя в некоторые офисы можно было и на работу в разноцветном ходить, с пирсингом, татуировками на щеках, и кольцом в носу. Лишь бы показатели были высокие и энтузиазм пер из всех щелей.

До захода солнца все держали себя в рамках, но ближе к ночи даже тут все куда менее чопорно. Но по-настоящему отрываются по выходным и по праздникам. Он видел тут пьяных всех полов, с трудом держащихся на ногах. И далеко не только возле клубов и ночных пабов.

Много вокруг было и испанской речи.

На его глазах вооруженные полицейские вели высокого и длиннорукого смуглого человека в джинсах и жилетке на голое тело, матерящегося по-испански.

Гарольд прислушался.

Пытался вырвать сумочку? Нет. Спровоцировал драку. Говорил, что он бывший коллекционер, филантроп и вообще богатый человек. Мексиканец. Сеть подтвердила.

Но психика беженца от войны, похоже, дала трещину.

Следом вели мордатого европейца в порванном пиджаке. Славянина — язык его звучал как польский. Пиджак у него стоил столько, сколько Синохара зарабатывал за целый месяц. А он много зарабатывал. Похоже, тому разбили очки и нос, выбили

пару зубов.

Коллекционер объяснял копам, что «Это все из-за их Ленина началось». А пострадавший отвечал, что никакого Ленина не знает, что он уважаемый человек и сын владельца отеля и депутата Державной Думы РГ, турист. Полиция задержала обоих для разбирательства.

Но Гарольду не было дела до них.

Он вспомнил про миллионные потоки беженцев из Мексики и Южной Америки, почти пятьдесят тысяч из которых приняла Великобритания. Как всегда, из царства добра и справедливости люди бежали как от чумы в страны страшного и жесткого капитализма. Из всех стран «Народной власти» тоже драпали. Даже до Западной далекой Европы добирались через океан на лайнерах, яхтах и даже контейнеровозах и сухогрузах торгового флота. В РГ тоже творилось не пойми что. Оттуда тоже беженцы были, и первой прилетела их элита. Авиационного сообщения со «свободными территориями» уже не было.

Несчастные. Хорошо, что скоро террористов уничтожат и они смогут вернуться.

Но, как всегда, не все из сбежавших были приличными людьми. А кто-то тронулся уже от пережитого. Еще бы. Некоторые успели пройти через фильтрационные лагеря обеих сторон и через несколько контрразведок (у повстанцев их было несколько — ведь не каждый штат или район контролировала центральная власть в Гвадалахаре или в Буэнос-Айресе).

Бежали и из Африки, и из Азии. Бежали в основном богатые и имевшие власть, но много было и простых с виду людей, попавших под раздачу «добра» и «справедливости» со стороны тамошних бунтовщиков. Рассеивались по миру, находили прибежище в соседних странах, не охваченных восстаниями. Кто-то добирался и до метрополии. Охотнее всего бежали туда, где власть стояла прочно. А прочнее всего она стояла там, где было больше всего денег.

Кто-то успел вывести вклады и сбыть потерявшие цену акции, кто-то смог забрать и движимое имущество в контейнере, а самые неудачливые уехали только в том, что было на них надето, взяв ручную кладь. Мировой совет обещал беженцам компенсировать незаконно конфискованные мятежниками активы, имущество и финансы, но эти разбирательства затянутся на месяцы. Да и вряд ли компенсация будет полной.

Часто попадались артефакты его национальной культуры: то, чем Япония успела обогатить мир. Даже новая форма высокотехнологичного эскапизма, которую правительства Эпохи Опадения пытались проводить (видимо, подражая изоляции

времен Сегуната… а может, азиатским соседям), не смогли побороть глобализации. Жалкая попытка накрыть острова колпаком из поляризованного стекла, пропускающего свет в одну сторону.

С тех пор больше десяти миллионов экспатов из Страны Восходящего солнца разъехались по миру. Поэтому их отголоски можно найти в любом уголке планеты, но особенно, конечно, на Западе, который впитывал в себя все.

Чаще же Синохара видел карикатуры на культуру предков. Образы самураев и ниндзя, мотивы из аниме в объявлениях и граффити, короткие юбки и не только, гольфы, рюкзачки, искусственные ушки и хвостики, разноцветные волосы и искусственно увеличенные глаза. Он этот стиль не настолько любил, чтоб везде видеть. Считал пошлым новоделом. Ему больше нравилась традиционная европейская культура. Хотя это понятие сейчас стало очень размытым.

Вот, например, в толпе хватает женщин в хиджабах и никабах или с красными точками бинди на лбу. Мужчин в чалмах и арабских платках, тюбетейках и куфи, в халатах и даже бурнусах. И это теперь тоже европейская культура, многие из этих людей родились здесь.

А вот коренные европейцы подобные наряды обычно не носили, потому что культурная апроприация. Хотя и такие экземпляры попадались. Но это чаще было не для моды, а потому что обрели новую веру. Он знал пару таких человек.

Но в целом, если не ходить по некоторым кварталам и окраинам… светская культура пока преобладала.

Рядом с уличным кафе, прикрытым от дождя невидимым навесом, австралояпонец послушал, как поют караоке. В том числе красивые девушки. Но знакомиться ему не хотелось, и даже если бы какая-нибудь подошла первой, он бы отправил ее восвояси.

Сел на скамейку под зонтиком в виде гриба из «Алисы…» и подключился. Посмотрел классическое аниме про Харухи. Но вместо отдыха и расслабления ощутил разочарование.

Все казалось ему или сухим и пресным. Или осквернённым и опошленным. Ничто не радовало так, как в детстве. Все равно что сладости — которые к тридцати годам приедаются, а может, меняется структура вкусовых рецепторов.

И так во всем, будь то развлечения, удовольствия или успехи. Все приедается. Подростку это явление кажется трагедией, когда он о нем слышит, но к сорока годам понимаешь, что это норма и смиряешься с тем, что так пройдет вся жизнь.

Даже музыка, которая его всегда успокаивала, оставляла

равнодушным.

Хотя вокалоид — виртуальная девушка с зелеными волосами — была очень мила и исполняла песни ангельским голосом (если поверить, что ангелы на небе тоненько пищат). Именно те, которые ему нравились. Откуда она их взяла? Только из его черепа. Чему тут удивляться? Ему еще шесть лет не исполнилось, а Google уже знал по первому слогу, какую фразу малыш хотел написать в поисковике.

Но внезапно *тульпа* из Д-реальности обрела знакомые черты. Даже цвет волос ее изменился на светлый, и рост стал больше. Чертова кукла подстраивалась под его предпочтения. В нее трудно было не влюбиться. Какие огромные у нее… глаза. Больше, чем у оригинала. Но одновременно это сходство было ему неприятно.

«*Шимата*! [2] Хватит с меня вымышленных друзей!», — подумал Гарольд и отсоединился от канала.

Все продуманные планы в очередной раз терпели фиаско. А значит, надо было просто не строить больше никаких планов.

Или может, надо что-то круто поменять в своей жизни. Выйти из зоны комфорта?

«Может, стать белым? Интересно, почему операция по смену расы популярна в Азии, но не в Африке?».

Рассмеялся. Да хоть зеленым стать. Что это изменит?

Он вышел на набережную. Здесь не было никакого ограждения, кроме символических перил. От воды поднимался пресловутый туман, столько раз воспетый и экранизированный. Бесшумно проплывали суда на воздушной подушке. Темза была слегка подсвечена огнями и казалась лентой из темного поблескивающего металла. Залитые светом берега и светящиеся нити мостов, переброшенных через нее, в том числе реконструированный недавно мост Миллениум, были похожи на обрамление картины. По левую руку лежал Уайтчепел, где когда-то творил свои мрачные дела Потрошитель. Не так далеко был вокзал Кингс-Кросс, с которого Гарри Поттер отправился на учебу. Интересно, любит ли она эту книжку? Вполне в ее духе. Хотя что она может понимать в таких людях? Может ли она себя поставить на место сироты в очах, живущего с чужими людьми? Эмпатия. А еще они говорят, что она у них есть.

Почему-то Синохара подумал об ожерелье. Подвеске из серебра.

По ту сторону Темзы, навязшей в зубах после курсов английского, был Саутварк. Отсюда хорошо были видны его небоскребы — всего восемь, включая построенный еще в начале века The Shard — Осколок, похожий на вонзающуюся в небо

стеклянную пирамиду. Он был единственным сохранившимся с начала века.

Его более новые собратья, в полтора раза выше, названные в честь деревьев — Дуб, Вяз, Сосна и Клен, небо уже не пронзали, а будто подпирали, поднимали небосвод выше. Четыре гиганта, объединенных общим «экологическим» стилем с плавными ассиметричными, будто природными линиями, возвышались среди исторических зданий как исполины среди пигмеев. Чуть дальше стояли другие, лет на десять моложе, построенные в скучном конструктивистском стиле, названия которых он не помнил, да его это и не интересовало.

Количество и высота высоток в Британской столице строго регламентировалась, иначе бы их построили больше. Самые высокие в Европе вот уже двадцать лет возводились в Берлине.

Скоро рождество, город украсится. Хотя из-за трагических событий празднование скорее всего будет скромным, а меры безопасности — драконовскими.

Человек в балахоне, сидящий в позе лотоса прямо на мостовой, на которого он вначале не обратил внимание — еще один попрошайка, здесь это не запрещено — вдруг поднялся на ноги и откинул капюшон, показав плешивую голову.

Он открыл рот, где Гарольд заметил несколько пеньков от выпавших зубов — и, сильно шамкая, но сильным и зычным голосом, будто театрального актера, заговорил:

— На город опускается тьма. И улицы пустеют. Люди боятся друг друга. Они сидят, уткнувшись в себя, как когда-то сидели, уткнувшись в экраны. Они выбрали неправильную дорогу. И будут наказаны. А мне осталось недолго. Я уйду туда, где нет грязи. Где покой и блаженство. Люди скоро уничтожат сам себя. Остались считанные дни, и будет великий потоп. Будет чума и мор, каких вы не видели. Идите к Иисусу. К Иисусу-спасителю, мать вашу…! Он один знает дорогу. Путь к Эдему. К вечности. А этот мир принадлежит сатане. Этот город будет городом мертвых. И все остальные тоже. Через пять лет на их месте будет свалка. Кладбище. Ваши правители вас обманули. Даже сатана от вас отказался. Зомби. Тупые зомби. Мессия уже родился. Но это не Христос. Он черный, нечистый. И слуги его уже среди вас. Восславьте приход Зверя…

«Где-нибудь в Москве или в Пекине его бы задержали и били бы по почкам, пока он не признался бы, что марсианский шпион. Да и Токио или Сеуле, в Сингапуре или Нью-Дели, возможно, тоже. Но тут на Западе снисходительно относятся к таким чудакам… пока они не угрожают чьей-то безопасности. И уж

конечно его проверили вдоль и поперек, даже не приближаясь к нему», — подумал Гарольд. В небе было полно невидимых дронов, а в стратосфере и ближнем космосе — спутников, просматривающих каждый квадратный миллиметр.

Наверно, его сочли не представляющим опасности для общества. Человек с такой поставленной речью, выдающей гуманитария, вряд ли способен собрать бомбу, с иронией подумал австралояпонец.

И люди, проходящие по набережной, не обращали внимания, действительно уткнувшись в себя. Походили мимо, а бродячий проповедник продолжал вещать.

«Надо идти к метро. Иначе так и буду бродить тут как сомнамбула, тратя время на чепуху».

Впереди была довольно оживленная Ислингтон-хай-стрит. Синохара шел так быстро и так резко затормозил, что при приближении к дороге побежал перед глазами красный текст:

Внимание! Впереди проезжая часть! Рекомендуется снизить скорость передвижения! До зеленого сигнала светофора осталось 24 секунды!

Отключил подсказку. Неужели они считают его идиотом, который может броситься под машину?

По отдельной полосе проехал двухэтажный туристический Double-decker. «Верхняя палуба» автобуса была заполнена галдящими китайскими туристами. Шумные, грязные. Сколько раз их хотели убрать с улиц, но они всегда возвращались. И никуда от них в Лондоне не деться. Это про автобусы, разумеется, не про китайцев.

Ближайший подземный переход был закрыт. В Д-реальности сверкала табличка «Осторожно. Работают роботы». На ее реальном дубликате кто-то внизу подписал смарт-маркером «А люди оттягиваются!». Светящиеся знаки и пиктограммы добавлены для предупреждения имбецилов или дислектиков.

Ограждение — из гибкой пленки, похожей на диафрагму, а не из рифленого железа — преграждает дорогу. За ним, если приглядеться, видно, как суетятся в тоннеле небольшие силуэты, словно муравьи. С той стороны долетают вспышки синеватого света. Там варят, но эта сварка почти бесшумная. Наверняка работы не прекратятся и ночью.

Рядом на улице Уайт-Лайон-стрит, чье название сразу оживляло в памяти образ британского льва, шел ремонт тротуарного покрытия. Участок тротуара был отгорожен слабо флуоресцирующими лентами. Людей-рабочих не было заметно, традиционных дорожных машин тоже. Только стаи подвижных автоматов, похожих на насекомых, которые наплавляли новое

покрытие взамен «съеденного» ими. К утру тротуар, сделанный под старину, будет уже готов.

В десяти метрах от ограждающих лент автоматические мойщики мыли пористый асфальт до идеальной чистоты.

Умной тканью, на которую проецировались виды природы, были закрыты два здания в ряду трехэтажных домов, сдаваемых в наем под офисы и магазинчики (кругом светились таблички **4rent, 4sale** — на дворе кризис). Эти два проходили реконструкцию. Раньше на них проецировался исходный вид, но после какой-то жалобы эту практику прекратили. Несколько придурков чуть себе головы не разбили в попытках в такие здания войти. Тогда эти фасады превратили в подобие уголков живой природы — олени по зеленых лужайках, птицы в рощах, дельфины в морях… Но кто-то снова пожаловался, что ему это причиняет моральную травму — ведь он знает, что эти существа не живые. И нельзя эксплуатировать внешний вид животных, включая издаваемые ими звуки — птичье пение, голоса морских млекопитающий! Ведь они на это права не давали! После этого муниципалитет, чтоб не тратить время на разбирательства, которое грозило перерасти в сетевой хайп, стал транслировать только виды природы без живых существ. С жалобщиками было опасно спорить, и чем абсурднее жалоба, тем опаснее.

Как только в городском бюджете выделят деньги, ремонт займет считанные дни. Город обновлялся, строился и ремонтировался почти без участия людей, приводил себя в порядок и заменял запчасти.

А вот и значок метро. Angel station. Манифестанты уже куда-то ушли. А может, их задержала полиция.

Синохара ориентировался по карте. Запутанная лондонская подземка, которую тут называли «Труба», судя по жалобам в сети вызывала у многих клаустрофобию, но ему почему-то захотелось посетить это место.

При спуске под землю на секунду у него началось учащенное сердцебиение, и показалось, что кто-то огромный душит его рукой в перчатке. Раньше с ним такого не было. Видимо, не отошел от стресса. А может, возраст сказывается. Стыдно. Ведь даже сорока пяти нет.

Народу внизу было много. Хотя метро не было популярным видом транспорта, на главных маршрутах в час-пик случались давки. Но логистика была рассчитана хорошо, пассажиропоток и нагрузки были равномерно распределены с надземкой.

Многие станции были закрыты непрозрачными перегородками и не функционировали. В других были доступны только некоторые платформы и перекрыты многие коридоры. В

городе активно строили более дешевый и куда более быстрый надземный вакуумный монорельс, поэтому метро поддерживалось на плаву скорее как исторический памятник. Очень дорогой памятник. Но малообеспеченные категории им пользовались.

Указатели были не везде — и Д-реальность могла ответить далеко не на все вопросы, особенно по поводу маршрутов и направлений.

Иногда просьба указать кратчайшую дорогу заводила в тупик неработающих станций и глухие подземные переходы, заканчивающиеся железными решетками или бетонными барьерами, которым было явно лет двадцать, где работала от силы половина светильников.

И это одна из самых дорогих столиц мира, финансовый центр и законодатель моды… в вещах более важных, чем те, в которых правил Париж.

Скорость поездов была черепашьей по сравнению с вакуумными. Но в этом ретро была своя ламповая прелесть. И это позволяло прощать «Трубе» и граффити, и сор, и крыс с тараканами. Впрочем, все это было только в периферийных почти выведенных из эксплуатации станциях.

Вагон метро, где он ехал, оказался наполовину чернокожим, наполовину арабским. Но эти граждане выглядели цивильно. Возвращавшиеся с работы служащие, которые старались сэкономить лишний пенни, как тут по привычке звали глобоценты. Разбавлена эта гамма была небольшой каплей белой краски.

— Я тебе говорила, в метро одни черные. Закат Европы… — сказала вполголоса по-немецки полная женщина с брезгливо поджатыми губами в не очень новом деловом костюме, чей выговор выдавал в ней уроженку не Германии, а одной из восточноевропейских стран. — Белая раса умирает.

«А наше место занимают всякие отродья? Это она имела в виду?».

Гарольд усмехнулся. Выбраться из какой-нибудь Румынии или Молдавии, торговать цветами в павильоне и считать себя выше марокканского стоматолога или пакистанского солиситора… очень смело.

Реплика дамы была адресована ее соседке, худой старушке лет девяноста или даже больше с лиловыми волосами — прическа Помпадур. Та монотонно кивала, кожа ее напоминала черепашью.

«Если я доживу до такого возраста, то никогда не пойду в дом престарелых. Это не лучше, чем хоспис», — подумал Синохара.

Да, они общаются, занимаются спортом, даже творчеством.

Но они не живут, а доживают, не имея никаких планов, кроме как принять лекарства, сходить в туалет, выйти на прогулку. Уж лучше умереть в попытках взять от жизни все, чем в маразме или с Альцгеймером вести бессмысленное существование на ренту … даже если заработал ее сам.

Он собирался трудиться до последнего дня и желательно умереть на работе.

Есть, конечно, и другие старики, богатые, которые играют в гольф и крикет. Но в метро они не ездят.

А все-таки — ведь и правда, как много тут Африки и Азии.

Но тут же вспомнил: «А сам-то я кто?». И рассмеялся.

В вагоне играл рэп на французском, в такт ему у кого-то из невидимого динамика негромко бил там-там. Но это совсем не раздражало, даже забавляло.

Big rabbit warren. Гигантская кроличья нора. Смешение упадка и прогресса, прошлого и будущего. Настоящий Вавилондон, где две трети населения уже не имели отношения к тем англам, саксам и норманнам, которые когда-то создали первую нацию на Земле, ставшую промышленной (да, еще раньше была Голландия, но это ничего не меняет). В других крупных городах островов примерно так же. Остальная Англия, не говоря о Уэльсе и Шотландии, сильно отличалась от них. Там население было более однородным. Да и более зажиточным… в массе. Хотя этнические и религиозные анклавы существовали и там, кроме деревень.

Вакуумные поезда носились по надземным путепроводам со скоростью пули, перевозя миллионы пассажиров. Но нельзя же залить бетоном самое старое в мире метро, некоторые станции которого невозможно полностью модернизировать? Проблемы с инфраструктурой — бич всех старых городов, даже очень богатых. Дешевле построить два мегаполиса на новом месте, чем доводить до ума старый, где почти каждый камень — это исторический памятник, и его нельзя трогать. В Японии эта проблема тоже стояла, но не так остро.

Синохара знал, что ржавый пояс Британии куда меньше, чем в Северной Америке и континентальной Европе — и не только потому, что она сама меньше.

Целые отрасли точно так же стремительно устаревали. Заводы разорялись, линии становились устаревшими до пуска в эксплуатацию. Распродать под офисы и выставочные центры их корпуса получалось не всегда, иногда проще законсервировать (по сути навечно) или снести. Но при этом промышленное производство росло, как и уровень жизни тех, кто имел работу. Собственники могли сдать в аренду незанятые площади,

учитывая сверхдорогую землю. В целом экономика острова была динамичной, потому что начала перестраиваться на новый лад на десять лет раньше, чем большинство стран. К тому времени, когда Торговые войны достигли пика, тут уже были эффективные безлюдные производства, дополнившие постиндустриальный сектор. Великобритания не стала снова «мастерской мира», но теперь тут снова, как и в XIX веке, могли произвести на месте любой потребительский товар, если его не выгодно будет везти из стран, где цена рабочего часа ниже.

Впрочем, когда на заводе работает не пятьсот человек, а пять — фонд оплаты труда в себестоимости товара играет меньшую роль. Гарольд как раз недавно прочитал книгу экономиста Людвига фон Мизеса про теорию денег. Хотя и этих пять работодатели держали иногда лишь из-за закона, запрещавшего полностью безлюдные производства. Безлюдными назывались те, где минимум инженерного персонала все-таки оставался.

Центральные станции сияли чистотой, но даже здесь ему бросалось в глаза большое граффити кислотных цветов. Какая-то этника на тему девственной природы. Его не стирали — видимо, этот образчик самовыражения был признан имеющим художественную ценность.

И правда красиво. Но жутковато. Будто целая стена превратилась в джунгли со змеями.

А если ехать дальше к окраинам, к новым районам, то станции будут хуже и проще. В тех районах можно купить и дурь, и живой товар. Выходцы из бывших колоний составляли там почти половину населения. Иногда казалось, что половина Аравийского полуострова переехала сюда. Хотя континентальная Европа приняла их гораздо больше.

Это неудивительно… учитывая, какой на Ближнем Востоке бардак и упадок. Есть там и сейчас оазисы цивилизации… но их мало, по сравнению с эпохой нефтяного бума. Они не сумели им воспользоваться. Легкие деньги не пошли шейхам впрок… почти всем. Самые ушлые встроились в мировой правящий класс. Но они в основном жили за границей. А у них на родине к небоскребам до небес снова подбиралась пустыня.

Но ему на лондонские окраины пока не нужно. Он вышел на Trafalgar Square.

Полюбовался вестибюлем, а наверху — монументальной архитектурой, над которой, казалось, не властно время.

Прямо на Трафальгарской площади, там, где на Зимний Праздник ставили праздничное дерево, в воздухе висел видимый за сотни метров шар-экран. По его выгнутой поверхности тянулись буквы свежих заголовков, крутились трехмерные

изображения, которые из любой точки вокруг площади были видны идеально.

Заголовки были умеренно-оптимистичны. В Ираке после продолжительных боев взята Эль-Фалуджа. «И разрушена наполовину», — как знал Гарольд. В Бирме освобождена столица Янгон. В Мексике результате ракетных и спутниковых обстрелов уничтожены 25 командных пунктов повстанцев, убито более 1200 террористов. О потерях среди мирных жителей данных не имелось.

«Ну по крайней мере они больше не говорят, что пострадавших среди мирных нет».

«В столице Российского Государства…» — он не дослушал, отключился.

Люди останавливались, смотрели и шли дальше.

А на гигантском экране диктор говорил про бандитов, насильников и убийц.

Кто-то из прохожих подключался к картинке ради подробностей, хотя мог сделать это хоть из дома, хоть с рабочего места. Хотя многие из них и работали дома. Что не делало их счастливыми и беззаботными само по себе. Начальник их все равно видел, а иногда они сами себя подгоняли не хуже начальника.

Кто-то обменивался парой слов с соседними зрителями, иногда вспыхивали споры, но большинство просто спокойно шло мимо.

Здесь, как и в публичном сегменте Сети, совсем не было паники. Все как всегда. Гарольд вспомнил хроники начала Первой Мировой. Что-то в мире стабильно и не меняется. Эйфория начала войны среди толпы в воюющих странах и скепсис профессионалов. Экзальтация священной борьбы с террористами, War on terror, уже прошла, и большинство было довольно апатично. А все, кто был активен — уже записались в те или иные группы, чтоб так или иначе помочь в наведении порядка.

Или наоборот. Но такие по понятным причинам не афишировали свою деятельность. СПБ и ее местные филиалы не дремали, хотя в цивилизованных местах у них были сильнее связаны руки по части силовых методов.

Ребелов не воспринимали всерьез и собирались закидать тапками, как тараканов.

Их так и называли — тараканы. Cockroaches. Roaches. В честь популярной среди латиноамериканцев песенки «кукарача». Хотя за это расистское слово уже могли понизить общественный рейтинг. Все тот же казус черного человека. Которого можно застрелить, но нельзя при этом называть на букву “n”.

В местной сети крутилось сообщение, что в Вестминстере приняты дополнительные меры безопасности в связи с «оранжевой» террористической опасностью. Улица Уайтхолл закрыта для посещения частными лицами, кроме резидентов, после 22:00. Приняты особые правила нахождения лиц с иностранным гражданством рядом с резиденциями органов государственной власти. Даунинг-стрит, 10, Букингемский дворец, Вестминстерский дворец были в этом списке. И плевать им на ООНовские паспорта. Да, в этом году туристический бизнес во всем мире понесет огромные потери.

Потом он посетил Кайото Гарден рядом с Кенсингтонскими садами.

Зашел в японский культурный центр рядом с Southbank Centre. Несмотря на вечер, тот был еще открыт.

Зевнул. Скучно. Керамика эпохи дземон, антикварное оружие… точнее его реплики.

Застывшая как муха в янтаре культура, на которую идиоты смотрят с придыханием. Но древность имеет не больше ценности, чем наконечник копья из мезолита. Она — свидетельство. Ценна только тем, что показывает: уже тогда люди шевелили мозгами. Но не более того. Без движения вперед она мертва, а без людей — просто не существует. Лучше бы в этом центре было больше про современные достижения.

Нет, оно там имелось. Но неоправданно мало.

Роботы. Несколько небольших залов, посвященных открытиям в генетике, новых наноматериалах и интеллектуальным системам. А про древность, будь то синтоизм или японский буддизм — десятки экспозиций. Будто это было важнее.

Вскоре он вышел за дверь. На душе было странное чувство… освобождения. Нет ненависти. Нет любви. Есть поиск. А его проще всего найти в борьбе. То есть в разрушении.

У самурая нет цели. Только путь.

Совсем недалеко от клуба живая очередь вела к вербовочному пункту.

Очереди были редкостью, признаком или сбоев в работе персонала или рекламного ажиотажа. Но в государственных структурах очередей не было. А здесь видимо, были какие-то причины, что нельзя было все вопросы утрясти через сеть и надо было явиться лично. Очередь была реликтом, который казался бы по патриархальному милым, если бы не был связан с войной.

Для того чтобы дополнить картину — на фасаде соседнего офисного здания, похожего на параболу, крутилась черно-белая

хроника. Смешные танки, похожие на утюги, пылили через перекопанную равнину. Первая или вторая мировая война. Нет, точно первая. Во вторую таких убогих уже не было. Новый кадр — из окопа по приближающимся цепям людей стреляли солдаты в касках, похожих на ночные горшки. Строчил неуклюжий пулемет.

А вот картинка сменилась. Уже более близкое время. 11 сентября 2001. Башни взрываются и рушатся. Кто-то в белой рубашке и галстуке прыгает из окна, вертясь в полете. А вот пустыня. Ирак или Афганистан. Идет та самая War on Terror.

Играет духоподъемная музыка, древние военные марши.

На фасад рядом с гордо реющими на флагштоках флагами Всемирного Содружества, ООН и Корпуса мира спроецировано два знамени — одно с похожей на помесь орла и грифа птицей, другое — с черным скорпионом.

«Кондор — символ добровольческого формирования экспедиционных сил. Дивизия «Кондор» прибудет для усиления контингента в Южной Америке и набрана она наполовину из местных, наполовину из европейцев. А Мексикой займется дивизия «Скорпион», укомплектованная по такому же принципу. Но, конечно, не только они две.

Массовая мобилизация… слава богу до такой глупости никто не додумался. Панику это спровоцировало бы дикую, и неизвестно, против кого повернули бы оружие призванные. Даже полицейские силы целиком отрывать нельзя. Они нужны в метрополии, хотя небольшое количество кадровых копов придется перебросить в качестве офицеров и инструкторов. Но добровольцев хватит с запасом для рядового состава. Поэтому принцип комплектования был полностью добровольческий.

Приблизив картинку, Синохара оглядел толпу ожидающих более детально.

В основном все выглядели прилично, но уж слишком далекими от милитаризма. В глаза бросились татуировки, проколотые уши у обоих полов, подчеркнутая феминность у некоторых женщин и некоторых мужчин. Бороды лесорубов у тех, кто явно трудился в офисе. Или наоборот андрогинные лица без бровей и ресниц. В толпе выделялись протестантские пуристы, одетые подчеркнуто консервативно, будто пасторы, собравшиеся в Новый Свет. Какая-то из новых сект.

Были и модификанты… легальные, само собой, нелегальные бы сюда не пришли. Но и у этих было видно наращивание костной ткани в виде рожек, нестандартная пигментация лица и тела. Были заячьи уши, волчьи клыки и кошачьи вибрисы, антенки как у насекомых. Впереди всех стоял здоровяк с двойными мышцами, как у бельгийской коровы. Даже если бы у

него не были оголены бицепсы, это было бы заметно и под одеждой. Ноги были такие же, как бревна. Вот дурак. Человеческое тело не рассчитано на это, и все это еще аукнется. Менять надо базу, а не периферию. А у него кости скорее всего свои, природные. Как долго прослужит позвоночник? Этих скорее всего забракуют. Синохара знал список запрещенных изменений, и все они тут были.

Но большинство были в обычной человеческой природной комплектации.

Тут были те, кого когда-то называли хипстерами и яппи, а теперь для них даже единого сленгового термина не было — потому что зачем термин, если почти все в развитых странах такие? Просто люди. Наивно-светлые лица, подчеркнуто безобидные несмотря на все попытки казаться грозными. Он видел их насквозь. Им страшно, но они все равно идут.

Синохара по опыту знал, что такие еще как способны на зверства. Ничуть не хуже вчерашних пастухов и крестьян из лачуг в джунглях. И вся их гуманность проходит, сходит с них как шелуха в первую неделю службы на фронте.

Но еще больше они будут рады, если зверства сделают за них. Такие псы войны, как он. От этой мысли Гарольду хотелось немного настучать им по их высококультурным головам. Или оттаскать за бороды.

Но он напоминал себе, что, даже если они и не нравятся ему, другой цивилизации на эту планету не завезли. На другом полюсе — новые Атиллы, Чингисханы и Аларихи. Люди, которые живут вчерашним днем и могут уничтожить культуру, просто потому, что не понимают, как она работает. И превратить даже такие островки культуры, как этот, в кровавый ад, где на руинах прежних Колизеев и Александрийских библиотек новые вандалы и лангобарды будут пасти своих овец. Но не для того, чтоб африканские дети перестали голодать. Если восстание победит, они будут голодать, страдать от дефицита воды и болеть так же и даже больше. Просто точно так же будут голодать английские, канадские и шведские. А многие просто вымрут, и сложная пронизанная взаимными связями цивилизация прикажет долго жить.

Да, эти варвары тоже по большому счету не виноваты, подумал он. И идут на бой даже не потому, что их взбаламутили авантюристы и провокаторы. Они идут потому что старик Мальтус оказался в конечном счете прав, и они это первыми ощутили. Своим звериным чутьем. Им не хватает часто даже не денег, а необходимых для выживания вещей. И эта волна, как домино, как когда-то Великое Переселение народов, будет

сметать целые страны, еще недавно стабильные. И доберется и до таких бастионов, как этот. Если ее не остановить.

Ему было даже жаль и этих «детей»-новобранцев. Даже тех, кому было за сорок. Они все равно сопляки. И явно воевать не хотели. Кто-то из них шел за идею, спасать мир, как Супермен или Бэтмен. Кто-то, чтоб испытать себя в новом качестве. Доказать себе, что не тряпка. Что не хуже предков, о которых в школе ролик смотрел. Но наверно, не меньше было тех, кто шел на вербовочный пункт, чтоб быстрее выплатить кредит за машину или дом.

Двадцать лет шла демилитаризация, поэтому тяжело было проводить ремилитаризацию. Но надо понимать, что у другой стороны с этим будет еще труднее.

До массового призыва пока далеко. Человеческие ресурсы Мирового совета — лоялисты, кадровые полицейские и наемники — перекрывали то, что могут поставить под ружье повстанцы, в десятки раз.

Впрочем, многие из них стоят зря. Гарольд знал, что комиссии по таким признакам как крупные татуировки и внешние модификации, не говоря уже о внутренних — кроме очень узкого перечня медицинских — сходу отказывают. Вернее, отказывали раньше.

И точно — не прошло и пяти минут как кто-то вышел из вращающихся дверей. Лысый здоровяк, как парень с руками-трубами. В оранжевых шортах, слаксах и тужурке на голое тело. Отчаянно матерясь: «Fucking shit! Scheisse. Mist. Merde!».

Немец или француз? Может, бельгиец или швейцарец? Европейцев он не очень умел различать. Но явно не англичанин.

В инфопространство громила выпустил целый рой возмущенных красных эмотиков.

А на голове брутального типа Гарольд только сейчас заметил небольшие полупрозрачные рога. Будто жена была тому неверна во время его отлучек.

Им придется удалить эти украшения, если они хотят служить. Но большинство, как Синохара подозревал, потом все равно примут. Мотивированные рекруты армии нужны.

А вот людей с психическими отклонениями брать не должны. Так было раньше.

Комиссия тщательно проверит всех, прежде чем допустить их к оружию. Просветит даже мозги.

И пусть агитаторы ребелов врут, что в Корпус мира массово набирают в тюрьмах и психиатрических клиниках.

«Это они по себе судят. У них в бандах может и так, — подумал австралояпонец. — А вот в Корпусе допускать к оружию

психа или садиста… себе дороже. Такой не только может миссию завалить, но и дать противникам и смутьянам отличный пропагандистский повод».

Впрочем, Синохара слышал, что с Райских островов некоторых амнистируют. Но это люди по ненасильственным статьям, прошедшие специальные процедуры ренормализации, одобренные психологами и учеными. Например, бизнесмены, уклонявшиеся от налогов или мелкие воришки и жулики. Или даже те, кто повредил собственность с хулиганскими мотивами или машину водил в пьяном виде. А вовсе не массовые убийцы.

Большинство из рекрутов, конечно, происходит из условно-среднего класса. Хотя они и ходили в обычные дни казуально, но явившись в государственное учреждение, некоторые оделись поприличнее. Но не все. У многих мешковатая одежда с распродаж. Чуть одутловатые лица — от злоупотребления трансжирами и доступными углеводами. Явно любители завернуть после работы в паб и поболеть за футбольную команду, выпить пива с чипсами или сожрать стейк.

Неужели кто-то еще смотрит и болеет за это старье? Ах да, кто-то в него еще и играет.

Это уже нижняя граница среднего класса или даже реликты рабочего. Прекариат. Те, кто занят не полный рабочий день на работе типа курьера. Такие думают, что и война для них будет отдыхом и стабильностью. Наивные. В Японии он бы сразу определил, кто есть кто кто, а вот в Британии и Германии эти страты отличить было труднее. Тут социальные перегородки может и подсвечены так же, как на родине, просто он, чужак, не замечает их.

Но это еще приличные люди, хоть иногда и напиваются. А попадались в очереди и такие отморозки с самого дна, с которыми в темном переулке было бы неприятно столкнуться даже ему. Хотя внешность обманчива. И этот громила с черепами на бицепсах мог быть не освободившимся заключенным, а детским воспитателем, а вон тот дядечка в галстуке-бабочке — не дирижером, а растлителем малолетних и торговцем нелегальными органами. Был такой магазин в даркнете, который так и назывался — «Секонд хэнд».

И немало вокруг толпилось небелых.

«А сам ты кто? Помесь зебры с обезьяной».

Худой мосластый араб или перс ругался с индусом или пакистанцем. Это были просто зеваки, которые явно записываться не собирались.

Несколько хорошо одетых африканцев с толстыми золотыми цепями, судя по языку — из нигерийской народности игбо —

скаля белые зубы, громко вслух комментировали каждую проходящую женщину, осматривая ее силуэт снизу вверх, а потом сверху вниз. Видимо, они приехали совсем недавно. Их страна тоже была охвачена пожаром восстания, но оно приняло характер не управляемой революции, а войны всех против всех.

Никакой полиции толерантности рядом не было, чтоб осудить их действия.

Шли мимо и обычные прохожие, с удивлением или тревогой поглядывая на невиданное явление — очередь прямо на улице.

«Вонючие беженцы. Отправили бы за колючую проволоку», — перехватил Синохара сообщение от одной пожилой леди к другой. Дамы были одеты по моде двадцатого века, но в шляпках, отсылавших еще дальше в прошлое, — «Или лучше забрали бы в войска. Лорд Уинстон им бы показал…».

Хотя на них взгляды парней-игбо совсем не были направлены.

В основном приходили люди лет тридцати. Но были и почти подростки, которые на вид только совершеннолетия достигли. Внешность стала расплывчатой характеристикой. Были и очень молодящиеся старики. Но глаза не обманывают. Редко у кого они в шестьдесят имеют такое же выражение, как в восемнадцать.

«Хотя и тридцать лет — это тоже подростки, подумал Гарольд. И вдруг почувствовал себя таким древним. В свои сорок один он пережил больше, чем большинство тех, кто вдвое старше. Видел смерть и разрушение. А вот нормальной жизни почти не видел.

Еще одного, в дизайнерской одежде, в небрежно наброшенном шарфе, завернули. Мужчина со щетиной на подбородке вышел из дверей, повесив голову. Нет, этот не молодой, хоть и старается выглядеть подростком. Но по отдельным признакам видно, что ему за шестьдесят, хотя и структура кожи, и мышцы как у тридцатилетнего. А добровольцев старше пятидесяти пока в «Скорпион» не принимали. Но возможно эта планка будет повышена или совсем отменена. Уже были жалобы и петиции.

— Чертовы эйджисты. Не дают выполнить гражданский долг. Бороться с терроризмом, — проворчал в пустоту, уходя, молодой душой старичок. — А я ведь еще живого бен Ладена помню.

Приходили и девушки. И мужеподобные, и вполне симпатичные. При виде таких в Гарольде сразу просыпался патриархальный консерватор и он думал, что лучше бы таких от войны оградить. Хотя они сами на него бы дико обиделись, а может, и в суд бы подали. Женщины давно могли и ракеты запускать и авианосцем командовать. Ему ли не знать, с его инструкторским опытом. Многие девушки из тех, кого он учил,

были уже на два-три звания его выше. Командовали патрульными морскими кораблями, управляли боевыми самолетами или даже военными базами.

Да, много народу пришло. А ведь это малая толика. Девять десятых пока еще проходят собеседование через сеть. Но и они явятся. Пушечного мяса Корпусу мира хватит.

Ну ладно, поглазели и хватит. Ему сюда не надо. Его примут без очереди. Отдельно. Он просто хотел оценить тех людей, с которыми ему придется работать.

В кафе на углу автомат налил Гарольду капучино, дав большую скидку. Если не касаться репродуктивных вопросов, то у него был высокий рейтинг, который давал кучу «плюшек». Сеть кафетериев “Earthling” («Землянин») по всему миру обслуживала сотрудников ООН и бойцов Корпуса мира очень дешево.

«Как же глупо, — подумал он, садясь за столик в безлюдном — в обоих смыслах — кафе. — Какой я был осёл».

Ему стало стыдно за все, что наговорил ей. И очень хотелось написать Эшли прямо сейчас, исправить ошибку, сказать все как надо, подобрать ключик…

Вместо этого он добавил ее в «черный список». Потому что знал, что она сама может попытаться ему написать, успокоить. Подсластить горькую пилюлю. Пожалеть.

В жизни важно уметь определить, по каким мостам пройти, а какие сжечь.

«Остынь. Ты выложился по полной. Если не удалось, то тебе даже ИИ-советчик не помог бы. Даже господь бог и сатана».

Сама ситуация начала казаться ему нелепой. А его роль — жалкой. Когда человек обожествляет силы природы или верит в персонифицированного бога — это смешно, в эпоху, когда квантовые сети покрывают мир. Но когда он обожествляет такого же микроба, как он сам — это еще смешнее. И неважно, любовь ли это к прекрасной даме или к великому вождю. Оба ничтожны, смертны и скорее всего неидеальны.

В обоих случаях эта привязанность связана с гормонами. Но особенно в первом. Дофамин и окситоцин и еще немного эндорфина и вазопрессина. Все человеческие чувства давно расписаны в виде сочетаний химических соединений и процессов, происходящих с ними. А то, в какие конфигурации они складываются и как влияют на мозг, определено совокупностью генов, ходом эволюции.

Их можно подделать, индуцировать. А можно и загасить, стереть.

Внезапно он почувствовал рядом с собой движение.

И увидел латиноамериканца, который сидел за соседним

столиком и зло мотал головой. Потом замер и целую минуту смотрел перед собой как зомби. Странный чел.

«Надо же, как я потерял бдительность со своими кретинскими страданиями, — подумал Гарольд. — Могли подкрасться хоть толпой».

Вход сюда был свободный. Контроль… велся, но вряд ли ему будет легче, если его убийцу сходу арестуют.

Австралояпоец прочитал его профиль. Еще один беженец. Зовут Рикардо Игнасио. Судя по пульсу и гормональному профилю — был зол и искал драки.

Нет. На террориста он не похож. У тех другой психотип.

— Из-за этих *putos*, — произнес вдруг, обращаясь явно к нему, беженец, который был еще и явно пьян. — Меня — ик! — выкинули из дома. Я был владелец магазина, чувак. Не огромного мегамаркета. Крохотного. Я его в наследство получил. Делал дизайнерские кузнечные изделия. Сам нес все риски. Сам разрабатывал эскизы. Сам сбытом занимался. А теперь я бомж, мою лавку сожгли два моих же подсобных рабочих, которых я никогда с оплатой не кидал. Все вещи растащили или сломали. Брата убили, жена сбежала с обдолбанным полевым командиром. А меня продержали в яме с крысами неделю. Эти твари кусали меня и гадили на лицо. И все потому, что кто-то на меня указал, что я деньги «матадорам» переводил. А я не переводил. И теперь жалею! Жалею об одном… Знаешь, о чем? А?

— О чем же? — машинально спросил Гарольд.

— Что все свои органы не продал. Я бы им все до глобо перечислил. На борьбу с этими тварями. А ты чего смотришь, китаец? Смеешься надо мной? Через твои глазенки хорошо видно, как мне херово?

Явно чужак и недавний гость в Туманном Альбионе. Тут так не разговаривают. И с посторонними соблюдают дистанцию. А расизм и упоминание национальностей — строгое табу.

Синохара усмехнулся. И не стал даже вызвать «бобби». Просто поднялся и вышел. С таким подходом к жизни чувак все равно скоро будет задержан полицейскими дронами. И хорошо если оштрафован, а не отправлен в лагерь для нелегалов. Временное разрешение, которое ему дали, как пострадавшему, может быть отозвано за одну минуту — после первого правонарушения.

А может, мечтавший отомстить кузнец, все-таки успеет вступить в экспедиционный корпус, и тогда его мечта сбудется.

Но большинство на улицах были куда более травоядными. Ему попалась компания подвыпивших юнцов, по виду фанатов, которым могло быть и все тридцать-сорок. В эти дни в Лондоне

как раз проходили несколько мировых чемпионатов, которые отменять не стали.

Одному Синохара случайно наступил на ногу, но извиняться стал тот.

Гарольд скривился, глядя на их мягкость и улыбчивость. Сюда бы одного небритого гериньяса или бородатого моджахеда, и он их всех вырежет разделочным ножом. Что бы эти овечки, делали, если бы не было овчарок, таких как он? Волки не стали б слушать их слова про чудесный светлый мир без границ, где произрастают цветы всех красок радуги. Волки на то и волки, что понимают только ружье и забор с «колючкой».

Синохара сам не заметил, как ноги принесли его в еще один очаг японской культуры, в клуб «Кэндо» в Вест-Энде. Не пеший автопилот, а обычное подсознание управляло им.

Здесь он был всего раз, но часто посещал такой же клуб в Берлине. Хотя более бесполезное искусство трудно найти. Наверно, поэтому здесь всегда было малолюдно. И непонятно, на что организаторы оплачивают аренду помещения и поддерживают дорогой антураж. Абонемент был недорогой, а взносы за участие в соревнованиях — крохотные. Хотя Гарольд в официальных не участвовал. Ему хватало тренировочных поединков.

Он занимался этим японским фехтованием на бамбуковых палках *синай*, которые символизируют мечи, уже третий год. Начал еще в Германии. У него был довольно высокий для любителя дан. Но реальной пользы для навыков самозащиты в этом не было. Драться подручными предметами он и так умел — но стиль формализованного поединка один на один очень отличается от грязной уличной махаловки. Дело было даже не в том, что ему иногда хотелось легально поколотить кого-то — учитывая носимую защиту, удары в кэндо почти не достигали тела. И не в том, чтобы укрепить свой дух. Смешно.

Он и сам для себя не решил, зачем ему это надо. Может, видел в этом философию. А может, сформировалась привычка, ритуал. Ритуалов в кендо было много, таких как поклон, приветствие перед боем. Своя этика, пластика движений.

Наверно, клубы существуют на пожертвования, часть который приходит с родины этого спорта. Хотя там его спортом не считали. А считали философией и черт знает чем. Гарольд был проще. Это место ему понравилось. На входе висело предупреждение, что здесь не работает связь.

Тем меньше будет стимулов написать ей какую-нибудь глупость. Вдогонку к сказанному. А когда он отсюда выйдет, то уже остынет.

Это было очень редкое место. Так и оказалось, Сети не было.

Облака были недоступны. Д-реальность тоже. Чужие айденты не считывались. Зато все церемонно раскланивались, и тренер, работавший здесь уже много лет, представлял новых учеников по имени. Большего и не требовалось.

На всем первом этаже здания не было ни одного предмета, который не выглядел бы как сделанный вручную в эпоху Сегуната.

В раздевалке белобрысый веснушчатый гайдзин (точнее, англосакс, а гайдзином тут был как раз сам Синохара) почтительно посмотрел на него.

«Подумал, что я великий сенсей», — усмехнулся про себя Гарольд.

После разминки его спарринг-партнером оказался китаец с лицом пожилого богдыхана.

Догадался ли тот, что он не чистокровный японец? Усмешка у луноликого на лице появилась хитрая. Гарольд представил себе, как убивает его на месте, просто сломав палку пополам и воткнув обломки ему в глаза. Но вместо этого улыбнулся в ответ… и в ходе короткого боя, дважды обезоружил и избил до синяков. И все это законно. Даже правила не разу ни нарушил. Тот был сильным и быстрым бойцом, но даже не смог по нему попасть. Хотя никакие модификации на поединках, даже на учебных, не допускались. Судьи и наставники за этим следили строго.

Немногочисленные зрители смотрели на поединок в гробовом молчании. Их было всего человек пять. И ни в какую сеть спарринг не транслировался.

Когда Гарольд уже переоделся и уходил, его догнало сообщение от старого Ляо. Тот писал, что господин Синохара дерется как настоящий японец и для него честь проиграть такому оппоненту. Вот оно, азиатское коварство. Замаскированное под похвалу и лесть издевательство. «Как настоящий».

Синохара сообщение проигнорировал и добавил того в «черный список». Тот у него был длинный.

В молодости, если бы ему напомнили, что он не настоящий японец. — это привело бы его в ярость и надолго выбило бы из колеи. Поскольку лишало его последней гавани, удобного паттерна поведения, который помогал в одиноком плавании через житейские бури. В котором проблемой было не само одиночество, а враждебность среды.

Но сейчас ему было все равно. Он не нуждался в этих ярлыках. Все чаще хотелось перестать быть человеком, а не только австралийцем, японцем.

Внезапно он захотел сменить микрокультуру на менее утонченную. Погонять с ховер-байкерами на предельной высоте

среди небоскребов.

Уже стемнело. Как-то незаметно город засветился мягкими огнями. Окна исторических зданий, которые уже полтора века подделывались под «эталонную» викторианскую эпоху, отражались в темной воде. Гладь Темзы, которую он хорошо различил бы даже в отсутствии света, была почти пуста — несколько круизных трамвайчиков да легкие яхты. Небо пасмурное, а в такую погоду навигация прогулочных судов была не очень активной.

Тройка автоматических кораблей посолиднее шла гуськом по выделенному для них участку реки.

А вот небо было более загружено. В нем носились как рои светлячков мелкие воздушные суда. Людей с ранцами не было — они были привычной деталью пейзажа только в пригородах и сельских уголках, а здесь такие рюкзаки, как и в Берлине, были запрещены. Над городами в небесах существовали свои дороги и перекрестки, и человек, в отличие от автопилота, не был достаточно расторопен, чтоб их соблюдать.

Иногда проплывали светящиеся сигары дирижаблей. Самолеты не летали. Теперь их маршруты пролегали намного южнее. Первая проблема с джетами и цеппелинами была именно в том, что они друг другу мешали.

Арендовать небольшой дирижабль на полдня он бы смог без проблем. Хотя летать на них на ближние дистанции одному — это дорогое пижонство. Все равно что на воздушном шаре. Но некоторые так балуются.

Нет, это смешно. А вот летающее такси взять можно. Почему бы не шикануть напоследок. Эх, а ведь он думал прокатиться с ней. Но какая уже разница?..

Иногда мысль может заменить действие. Синохара подумал о такси и тут же открылась форма перед глазами. Заполнил глазами капчу. И через пять секунд машина уже была вызвана. Оптимальное соотношение цена-качество оказалась у какого-то Avtopark “Union”. И отзывы хорошие.

«Ну что ж, доверимся им».

Через пять минут, как и было оговорено, к ближайшей площадке со знаком “H” прибыло красное коптер-такси. Вдоль правого крыла рядом с номером и логотипом фирмы располагались несколько фраз кириллицей. Оболочка подсказала, что это по-русски.

"Можем повторить".

– “Can repeat”. What does it mean? — спросил Гарольд у автоводителя, садясь в отделанный красной искусственной кожей

салон. Пахло ароматизаторами с запахами лесной свежести.

Но ответил не автомат, ведущий машину. Раскрылось окошко, и появилось смуглое лицо удаленного диспетчера — по виду индуса, с дредами и в розовом домашнем халате и тапочках с кроличьими ушами. Тоже видимо беженец после пакистанских бомбардировок индийских городов, не разрушивших страну, но сильно подорвавших доверие инвесторов к ней. Впрочем, их оппонентам тоже досталось.

Диспетчер сидел за столом закинув ногу на ногу и полировал себе ногти на левой руке пилочкой.

— Dunno[3], dude. Это даже не хозяин выбрал. У нас франшиза, поэтому стиль единообразный. Москва, Лондон, Шанхай. Но сеть имеет русские корни. По-моему, смотрится клево. Типа мы можем повторить любой успех и все такое. Я люблю странные вещи. Там еще было написано «На Берлин!», но в Британии нам разрешили это убрать, чтоб не смущать пассажиров. У нас тут много русских, могут и подумать, что я их до Германии покачу за сорок глобо, — выходец с Индостана раскатисто захохотал. — Черта с два. Только в пределах Большого Лондона и ни километром дальше!

Сорок глобо? Видимо, это максимальная цена. В прейскуранте было сказано, что до Харроу пролет будет стоить двадцать четыре.

За эти деньги на наземном транспорте город можно объехать несколько раз.

— Ну ладно, если я ответил на ваш вопрос, — произнес индус. — оставляю вас наедине с пилотом. Чао! Хорошего полета! — и отключился.

— Чао.

Синохара откинулся на сидении. «Пилот» уже записал от него точный адрес. Повторно назвать не пришлось.

Аппарат, приветствовавший его смайлом маскота в виде Красного супермена, ждал от него только подтверждения — зеленой галочки.

Австралояпонец поставил ее, тут же заработали моторы и коптер-такси плавно, а потом все быстрее начало набирать высоту. За окном мелькали этажи домов, но с этого ракурса было почти ничего не видно, кроме мельтешения и капель дождя. Поэтому он сделал прозрачным пол. Под ногами открылось небольшое псевдоокно.

Внизу быстро удалялись силуэты исторических зданий Вест-Энда, ставшие уже похожими на макеты из музейной диорамы.

Они летели на восток. Пересекли знаменитую реку, которую он миллион раз видел в детстве, когда «путешествовал» по миру

через сетевые приложения. За считанные секунды, так высока была скорость. Потянулись двух-трехэтажные дома из красного кирпича с черепичными и железными крышами, которые на самом деле были солнечными панелями. Ажурная сеть каналов делала районы старого Лондона похожим на декорации из экранизаций Диккенса. Вдоль берегов многих каналов были пришвартованы в два ряда лодки. Дешевое жилье для прекариата с претензией на богемность. Вот где живут поэты в основном.

Они летели на север. Вот и Ислингтон.

А где-то там внизу была она. Наверно, уже ложится спать. Она наверно сильно подорвала здоровье и нервы там, в космосе. Ей дали два месяца на восстановление сил. Ни на какое Лазурное побережье она не полетела, а вернулась сюда, к своему коту и растениям.

А он от своего отпуска отказался, получил только свою премию.

Или, наоборот, ее вечер только начинается? Опять начала накатывать ярость. Ну нет.

Забавно. А ведь он считал ее… нет, не продажной, а меркантильной. Но ни на секунду на лице Эшли не появилась тень сомнения, когда он намекнул ей о своих деньгах. Выходит, свобода была для нее важнее любых денег. Она не продавалась.

Значит, надо искать ту, которая имеет требования разумнее. И продается. Но скорее он будет теперь довольствоваться тем, что станет покупать у женщин их время. Большего и не надо.

«Эта дорога закончилась тупиком. Путь познания тоже завершился им. Посмотрим, куда приведет путь борьбы».

Пока они летели, реклама на японском вливалась в уши, словно чувствуя его настроение:

«Ты устал, сэмпай? Жизнь дала трещину, все задолбали? Хочешь набить кому-нибудь морду? Или убить кого-нибудь в реале? Не нужно!

Лучше устрой дЕбошь. У нас всегда есть комнаты, похожие на твой офис. Или на колледж. Или на хату твоей бывшей. Или на дом твоих родаков. Все это можно расхерачить, спалить, превратить в свинарник. Есть роботы, которых можно избивать, они не дадут сдачи и не обидятся. Или дадут, если ты этого хочешь. Но не повредят тебе. Бей, не бойся, сломать их ты не сможешь.

Мало? Хочешь чем-то погорячее? Тогда к твоим услугам наш новый аттракцион. Охота на бомжей. Будь спокоен, ни один человек не пострадает.

Хочешь похолоднее? Тогда Парк Поросенка Снафф-Снаффа ждет тебя! Удавки и ножи выдаются бесплатно на выходе.

Топоры, бензопилы, ружья, огнеметы и взрывчатка за отдельную плату».

Мелким шрифтом была пометка, что охота и парк виртуальные, а «виртуальная реальность хороша тем, что в ней можно убить человека несколько раз». Но ходили слухи из разряда городских легенд, что для постоянных ценителей и Охотничьи угодья, и Парк существуют и в реальности где-то на отдаленных островах в Индийском Океане.

Впрочем, Гарольд не верил, что у таких аттракционов большой наплыв клиентуры. Люди трусливы. И даже сверхбогатые извращенцы скорее будут реализовывать свои наклонности в виртуале или с роботами, чем на самом деле кого-нибудь убьют или изнасилуют. Даже если им очень, чудовищно хочется. Вовсе не человечность, а страх удерживает общество от сползания в хаос. Реалистичные вирки помогали многим выпустить пар и снизить градус напряжения. А уж скольким социопатам и маньякам они помогли реализовать свои наклонности безобидным способом, предохраняя общество от их действий! Впервые за много десятилетий количество шутингов упало в разы. Дети больше не приходили с оружием в школы. Обманутые влюбленные все реже резали своих подруг, а ревнивые жены реже отрезали мужьям их причиндалы. Да и серийные маньяки стали редкостью.

Может, именно по этой же причине так давно не было крупных войн. И теперь это идиотское восстание аутсайдеров вспыхнуло именно в тех странах, где процент вовлеченности людей в виртуальные игры был минимальным. Совпадение ли это?

Он и не заметил, как закончился полет на крейсерской скорости и началось снижение.

Машина мягко коснулась площадки. За окном шел дождь.

А вот и Харроу. Нью-Хоуп-драйв, строение № 24. Со счета списались 29 глобо. Подоходный налог не входил в сумму заявленной стоимости поездки.

По закону чаевые не требовались, но можно было их оставить — оператору. Гарольд не стал. Ему не понравился этот клоун.

Не ответив на вежливое прощание автопилота и пожелание хорошего вечера, как только открылась дверца, он вышел в промозглую сырость, которой не было еще, когда вызывалось такси. Вот что значит морской климат. Машина предупредила его вслед о плохих погодных условиях.

Но зато она не предупредила его, что в месте, куда он приехал, может быть опасно.

Безликие коробки зданий были похожи на City 18 из Half-Life

3. Восточноевропейское убожество специально для азиатских и африканских гостей на краю лучшего мегаполиса Западной Европы.

«Лучше бы оно называлось: “NoHopeDrive”», — подумал Синохара.

Стены расписаны даже не граффити, а просто нецензурными словами, с огромным количеством ошибок.

Веревки для сушки белья натянуты на крохотных балконах. Старинные пластиковые окна в убогих рамах. Даже пластик потемнел. И спутниковые тарелки выведены наружу, которые уже лет пять ничего не ловят, но людям, видимо, лень их выкинуть.

Мусорные контейнеры старого образца. И у него были сомнения, что их пользователи сортировали мусор на четыре категории.

Крышка одного из них оттопыривается, и рядом валяются обертки и арбузные корки.

Под одним из окон лежит, будто лопнувшая от декомпрессии глубинная рыба, пакет с мусором. Видимо, не все умели пользоваться мусоропроводами, а роботы-чистильщики тут были так же редки, как люди-уборщики.

Баскетбольная площадка заполнена, несмотря на вечер. Но ни одного белого ребенка или подростка там нет. Синохара вспомнил расистские анекдоты, которые рассказывал Ласло из Венгрии, известный всему Корпусу скандалист. Он раньше вел свой канал, был стендапером, а потом захотел служить в армии. Его взяли. Но с публичными выступлениями пришлось завязать. Теперь он только знакомых мог доставать своими хохмами. И иногда перегибал палку с этим. Его не увольняли, но он регулярно получал дисциплинарные взыскания. Однако если начиналась война, то и такие кадры Корпусу понадобятся.

Никто не знал больше расистских анекдотов, чем Ласло, хотя черных в Венгрии негусто, если сравнивать с той же Германией и Австрией.

«Почему негры носят толстовки с капюшонами? Они маскируются под куклуксклановцев, ха-ха-ха!».

Его бы сюда. Тут бы ему быстро проломили его мадьярскую башку.

Над районом на эстакаде проходило шоссе, по которому ехала бесконечная вереница машин.

Недалеко, закрытая частоколом вечнозеленых елей, проходила четырехметровая стена, отделявшая гетто для беженцев и лиц без гражданства от этого небогатого предместья, населенного в основном легальными и уже натурализовавшимися мигрантами. Тут в Харроу было еще довольно чисто, если не

подходить близко к девятиэтажным «социальным домам». Когда-то здесь была престижная частная школа, но теперь недвижимость тут стала очень дешевая, поэтому нередко снимали жилье недавно приехавшие иностранцы из Восточной Европы и Индостана.

Английская речь звучала редко. Но пожилые и небогатые коренные лондонцы тут еще оставались. Кто-то пробегал трусцой. Кто-то выгуливал собаку, аккуратно собирая какашки в мешочек, а кто-то ехал по велодорожкам на велике или моноколесе.

Здесь было чистилище. А вот за стеной был Багдад или Кабул.

И если в предместье большинство женщин ходили без хиджабов, хотя иногда и закрывали волосы платком, то по другую сторону стены, насколько он знал, процентов семьдесят ходили с закрытым лицом, похожие на черные почтовые ящики с прорезью для писем. Да и то в основном в сопровождении мужчин.

«Теперь в этот котел влили немало беженцев-христиан, — рассказывал ему один товарищ из Корпуса. — Хотя таких же нищих. Тяжело им, наверно, приходится».

Над гетто дороги на эстакадах и трубы путепровода не проходили, аккуратно его огибая. Со стороны этого анклава для неграждан эстакада была заделана металлическими щитами и даже подходы к ее опорам огорожены сеткой с колючей проволокой. Ток по ней не пускали, это было нельзя. Но при попытках прорыва нелегалов в город применяли гуманный инфразвук.

Особенно население этого «гуманитарного анклава» выросло за время Аравийского Хаоса. Некоторые получили гражданство или политическое убежище, которое они продлевали раз за разом все эти годы. Власти их депортировали, некоторых даже дважды и трижды. Но многие, пользуясь лазейками в законодательстве и поддержкой правозащитных фондов и журналистов, остались тут в неясном статусе. У них было свое сильное лобби, а, когда они объединялись в землячества, находились и деньги на адвокатов. Ссориться с ними не могло себе позволить даже самое консервативное правительство.

«Мерзкие лейбористы постарались», — объяснял когда-то Гарольду красномордый немолодой британец-майор из Корпуса, любивший в свободное от работы время носить майку со словом “Brexit”.

И теперь тут жили уже не только их дети, а иногда даже внуки. И вот в последние два-три месяца население гетто пополнилось и выходцами из Латинской Америки и Азии с Африкой. Там был целый небольшой город со своими улицами.

Причем самым недавним беженцам не хватило уже даже быстровозводимых домов. Гетто прирастало полулегальным палаточным лагерем, куда опасались заходить даже проверяющие из миграционной службы. Заходили только с вооруженным сопровождением. Иногда полиция проводила в таких местах рейды, при которых использовали даже поддержку с воздуха.

Хотя большинство беженцев не проникали дальше Саутгемптона и Портсмута, где были главные фильтрационные центры. Там причаливало большинство кораблей с искателями убежища или просто мигрантами. А по воздуху прибывали только самые богатые из беглецов — те, которым гетто не грозило. Эти обычно прилетали уже на все готовое, у них были в Туманном Альбионе свои резиденции.

А вот в графстве Гэмпшир, где расположены эти портовые «карантинные» города, был настоящий Вавилон. Корпусу пришлось прислать туда на помощь полиции около тысячи бойцов и вдесятеро больше дронов, потому что там творилось такое, что раньше Гарольд видел только в фильмах про зомби-апокалипсис.

А это лондонское гетто было еще не самым плохим местом.

В Испании, Италии и Германии беженцев было еще больше. В двадцатых годах из Кореи и Японии туда мало кто добрался, а вот после событий в Аравии и заварушки между Индией и Пакистаном национальная палитра этих стран пополнилась. Но если бы не эти стотысячные жертвы и эффект домино по всему Ближнему Востоку… не было бы мира, в котором они живут теперь. Не было бы запрета ядерного оружия (великие державы были только рады, потому что арсеналы их стремительно старели и требовали средств для модернизации или утилизации. Они были уверены, что останутся в выигрыше). Не было бы возрастания роли ООН и международных организаций. Как написано в одной книжке, добро приходится делать из зла, потому что больше его не из чего делать.

Время было почти девять вечера. А значит, возле недостроенного небоскреба Хаксли-билдинг, скоро очередное сборище.

Адская Гонка.

Это в паре километров отсюда на север. Тоже в Харроу, рядом со стеной гетто. Само гетто являлось отдельной административной территорией. Естественно, в официальных документах слово «гетто» не фигурировало.

Когда небоскреб строили, никакого гетто не было, и земля тут была хоть и не дорогой, но район считался имеющим перспективы. Теперь там был пустырь. Еще там находился

заброшенный торговый центр «Белая роза», который выкупили организаторы шоу… и сделали его еще более заброшенным. И опасного соседства они не боялись. Впрочем, стена охранялась автоматикой ничуть не хуже, чем раньше государственные границы. Тот, у кого гражданство было — если бы его занесло по ту сторону — мог пройти без труда через одну из многих дверец. Но негражданина остановили бы еще на подступах к стене, в пятиметровой «санитарной» зоне.

Конечно, бывали и подкопы, и полеты на самодельном ранце, и взлом — электронный и физически. Но все это пресекалось.

Поэтому тут в Харроу было относительно безопасно. Но брошенных зданий все равно было много.

Теперь этот гипермаркет, крышу которого нарочно разобрали, превратили в подобие постапокалиптического Колизея. Там, где раньше был верхний этаж, появились открытые ложи для публики — грубо сваренные из ржавых труб ступенчатые ряды сидений.

Но Синохара не хотел идти на трибуны. Хотя его пропустили бы туда бесплатно с его рейтингом. Для них была бы честь. Те, кто организуют такие сборища, в основном позиционируют себя как консерваторы. А его орден вообще привел бы их в восторг.

И все же Гарольд предпочел посмотреть это зрелище, сидя на скамейке возле автостоянки, соседствующей с «Колизеем». Скамейка была ярко освещена, рядом стоял торговый автомат, где можно было купить мелочевку вроде шоколадки, банки газировки или хот-дога с пометкой «халяль».

Несколько теней уже собирались приблизиться к одинокому человеку на скамейке. Вряд ли чтоб ограбить. Скорее, чтоб попрошайничать себе на выпивку или наркотики. Но и этого они не стали, рассмотрев его поближе. Парни в одежде на несколько размеров больше ускорили шаг и удалились. Потому что он легко мог «удалить» их сам.

Отсюда открывался неплохой вид. После небольшого зумминга перед глазами Гарольда появился квадрат неба.

Чопперы у всадников крутые. Не то что его допотопный коптербайк, на котором он в свое время прилетел на космодром к Эшли. Но сами байкеры здесь как трусливые цыплята, сколько бы они не украшали себя татуировками маори и «морских котиков» (хотя пороху не нюхали) и имплантированными рогами.

Он мог бы записаться на участие. В Берлине он в таких участвовал.

На арендованной «Ямахе» ему, может и не победить, ведь у кого-то явно будет машина новее и кастомизированная под себя — но в первой пятерке пришел бы.

А толку-то? Шутовское позерство. С его рефлексами даже при отключенном автопилоте риск минимален. Конечно, даже во время виртуального заезда есть риск умереть от стресса и нервного перенапряжения. Первые такие десять «счастливцев» много лет назад получили свои скромные премии Дарвина, на которые родственники могли их похоронить. Но смерть во время игры в виртуал наступала не чаще, чем во время разговора на повышенных тонах между членами семьи. В реальной жизни было куда больше поводов для нервов.

А во время реальной гонки риск еще выше. Но он знал, что инстинкт самосохранения не позволит ему разбиться.

Были и те, которые нарушали правила. Но даже нарушения тут были робкие. Потому что за каждым кубическим метром велось наблюдение во всех диапазонах. Властители мира не хотели у себя на заднем дворе взрывов и стрельбы.

В Москве, в Киеве или в Бухаресте за взятки богатею позволили бы даже сбить пару пешеходов. Но тут был первый мир и метрополия. Здесь даже жирные коррупционеры из Азии и Африки и их накокаиненные отпрыски вели себя прилично.

Конечно, где-то можно было даже поставить на мотоцикл пулемет и стрелять по прохожим — если они были из чужого племени или конкурирующей мафиозной семьи. И такие гонки тоже проводились. В самых диких углах Африки и Латинской Америки. До революции. Сейчас там и без гонок хватало веселья.

Заезд начинался. Конечно, полетят они на запад, в сторону противоположную периметру гетто. Потому что оттуда, несмотря на регулярные рейды, могли и из калаша жахнуть. Но этот небольшой риск на старте только добавлял адреналина. На самом деле оборонительные системы периметра двадцать четыре часа в сутки держали на прицеле его восточную сторону. Почти как на американо-мексиканской Стене.

Гоночная арена с тотализатором, алкоголем, полураздетыми женщинами, тяжелой музыкой — была понятным вызовом, который самые твердолобые из местных бросали приезжим (которым такие вещи претили): «Вы здесь никто и мы вас не боимся!».

Под восторженные крики толпы, всадники ночного города с визгом, ревом и гиканьем садятся на своих «коней», раскрашенных в их индивидуальные цвета, тюнингованных настолько, что те уже слабо напоминали исходную модель.

Несколько девушек среди них тоже были. Латекс, шелк, черная кожа (искусственная, а может, снятая с настоящих животных). Или их собственная кожа, покрытая вместо одежды краской, иногда светящейся. Выдающиеся формы, проколотые

пирсингом в разных местах. Покрытые узорами меняющихся татуировок или других украшений.

Даже война была недостаточным поводом, чтоб отменить это шоу. Шоу должно продолжаться. Всегда.

И вот гонка в небе началась. Множество узких полос расчертили небо. Слово светящиеся жуки понеслись на запад.

Первый заезд. Тысячи зрителей наблюдали внизу на огороженном пятачке под открытым небом, где стояли палатки, напоминающие юрты постъядерных дикарей, и нарочно корявые железные трибуны. И еще миллионы смотрели через спутник. За тем, как гонщики взмывали вверх и спускались вниз словно на американских горках сквозь светящийся тоннель плазменной рекламы, мимо фальшивых небоскребов. И Гарольд тоже смотрел. Ощущение предельной сопричастности нахлынуло на него… и исчезло. Все это было представление. Примерно, как «Титаны рестлинга» не сравнятся с настоящей дракой на пустыре рядом с мусорными баками, когда ломают кости, выдавливают глаза, разбивают обрезком трубы череп и выпускают электроножом кишки.

Настоящую жизнь и смерть он видел.

Второй круг. Самоубийственная скорость и лавирование среди воздушных маяков. Средняя скорость — три сотни километров в час. Но казалось, что они летают как разноцветные ракеты и выдают все семьсот миль.

И вот на третьем круге один из всадников, точнее, всадница, вырвавшаяся вперед, вдруг, потеряв управление, влетает прямо в стеклянную стену небоскреба, похожего на гигантский палец.

Кто-то в чате ахает. Другие смеются: новичок. Ничего не знает.

А гонщица через секунду уже прошила здание насквозь. И появилась с другой стороны, целая и невредимая, хотя и потеряв скорость. А ее мотоцикл уже под дистанционным контролем распорядителей гонки. За такое сразу засчитывается поражение. Это считается вылетанием с трассы.

Миражи. Между настоящих небоскребов им летать бы не позволили. Вскоре транспортное средство уже плавно спускалось к земле. Его пилотесса выбыла из гонки, по случаю чего наверняка напьется в каком-нибудь баре. Но еще хуже тем, кто на нее поставил.

Пусть радуется. Неделю назад одного парня на китайском чоппере отскребали от асфальта. Он разогнался до такой скорости, что халтурно собранный движок не выдержал и развалился. И никакие средства безопасности не сработали.

Тогда этот никому не известный дилетант порадовал

публику. Люди ждут таких редких зрелищ всегда, и те набирают больше просмотров, чем круг почета победителя. Примерно за такими же эмоциями люди смотрят репортажи с театров войны. И записи любительских каналов оттуда. Вроде мексиканского канала «выжившие», вещавшего из Мехико, где была настоящая Голгофа.

Спрос находится даже на записи из пыточных подвалов. Им очень радуются снафферы. Говорят, у самых отмороженных полевых командиров, бывших мафиозных боевиков, предавших своих боссов в пользу главарей «Трудового Авангарда» — есть и такой источник дохода. А не только выкупы и наркотрафик. Однако и про «матадоров» он такое слышал.

Хотя адские гонщики изображали из себя нарушителей спокойствия, все мероприятие было законным. Разрешение имелось, имелся призовой фонд и нехилые деньги от рекламщиков. А риск был не больше, чем у «Формулы-1». За ними не гнались полицейские дроны. Если кто-то из них вздумает чудить, подниматься выше, мешая пролету воздушных судов или спускаться к земле — его мигом возьмут под контроль с поверхности и аккуратно посадят в штрафной полицейский ангар, а протокол для него уже будет к этому времени готов. И вряд ли он когда-нибудь еще взмоет в небо. Хорошо еще, если не сядет в тюрьму.

Ведущий — негр, наряженный в Барона Субботу, что-то орал. Новый лидер заезда, мужик с мертвенно-бледной кожей и длинными черными волосами, похожий на вампира или скелета, тоже кричал и подвывал, на его чоппере была изображена гитара из костей и черепов. И это не V-реальность, это все не виртуальное, а нарисованное красками.

Но скучно. Черт побери, скучно. И никакие гонки, скачки и фальшивые перестрелки, никакие возбуждающие вещества не взбодрят кровь. Потому что все это обман.

«Может, «лотос» себе установить? И стать тупым счастливым растением».

Нет уж. Это дорога в один конец. Для таких как он. Слабые могут барахтаться и мяться как пластилин. А твердые ломаются пополам. Все-таки он не резина и не каучук. Он режущее стекло. Или чудовищно твердый на сжатие, смертельно острый на краях, но хрупкий при ударе или падении алмаз.

Австралояпонцу вдруг подумалось про печальные вехи жизни. «А вот эту книжку комиксов я читал, пока моя мать еще была жива». Эту мангу про эльфов и чародеев ему потом очень хотелось выкинуть.

А вот обратное — не работает. «Эту рубашку я купил, когда мне было так плохо. Но сейчас-то все хорошо, хе-хе».

Не останется в памяти такая рубашка. Никогда.

И вот сейчас у него появилась новая веха. Отказ. Женщина, которую он вторую в жизни после чудовищно долгого перерыва полюбил по-настоящему, показала ему тщетность попыток обрести именно то, что ему важно. А может, и в первый, если отбросить детские глупости.

«Надо не забыть сменить статус в сети и выложить пару глубокомысленных фраз и мрачных пейзажей», — хмыкнул он.

Шутка, конечно. И ему подумалось, что у каждой эпохи — свои ритуалы для разных событий, которые сопровождают жизнь человека. Обряд инициации воина племени. Посвящение в рыцари. Простыня, вывешенная после брачной ночи. Вызов на дуэль. Плакальщики на кладбище.

А сейчас ритуал — запостить популярное 3-D видео и глубокомысленную фразу. Например: «наконец-то нашел смысл жизни». Или наоборот: «понял, что жизнь бессмысленна и всех ненавижу».

Но последнее — уже перебор. После этого к человеку обычно выезжала полиция даже в самых либеральных странах, чтоб не допустить еще одного суицида или щутинга.

Да что ими вообще движет, этими шутерами? Гарольд никогда не понимал, как можно убивать кого попало.

Гонка закончилась. Народ разошелся. Остались только пустые пивные банки, стаканчики от попкорна, которые распадались на глазах и другие предметы, которые не разлагаются. Но все это скоро уберут роботы-мусорщики.

Пора идти дальше по своему пути самурая. Или ронина.

Но время еще оставалось, и чем-то надо было себя занять.

«Где найти самый отмороженный бар в городе?» — спросил Гарольд сеть вслух.

И она дала ответ еще раньше, чем сработали его голосовые связки. И построила дорогу из указателей. Оказывается, такой бар был совсем близко.

Вот светится цепочка оранжевых стрелок… А за домами, но в этом же районе, летает в небе виртуальная вывеска. Летала она специально для него. И палец указывал с неба на неприметную железобетонную коробку, похожую на склад или заброшенный

цех. И это бар?

Почему бы вам не зайти в «Заводной Апельсин»? Всего семьсот метров.

Его привлекло название. Он слышал про такую книгу… Не читал, но слышал отзывы, что она про брутальных отморозков. Он вообще мало европейского fiction читал. Впрочем, как и сами европейцы. Американская фантастика ему нравилась больше.

Дверь выглядела облупленной, бронированной, стилизованной под ворота склада или гаража. Рядом был удобный съезд с эстакады. А машины клиентов размещались на подземной парковке. Вряд ли кто-нибудь из прибывающих сюда, шел пешком через Предместье.

Байкеры, шлюхи, садо-мазохисты, ретроманы, косплейеры и прочие маргиналы города, и те, которые хотели ими казаться… собирались сюда как мусульмане на святой хадж.

«Стучите, если уверены в себе», — было написано на двери краской из пульверизатора. Рядом корявое граффити предупреждало, что чужим сюда лучше не соваться. Конечно, это обман, который должен отсеять самых слабых, а остальных только заинтриговать. Это часть маркетингового образа.

А в стороне возле старых мусорных баков, где валялась дохлая кошка, бродил пьяный панк с разноцветным «ирокезом», похожим на малярную кисть. Который то и дело изображал, как его сейчас стошнит прямо на облезлую кирпичную голую стену, покрытую многими слоями граффити, как свод палеолитической пещеры.

Обдолбавшийся и напившийся в дым посетитель? А может охранник? Служащий? Аниматор?

Да уж, место на любителя. Но любой литературовед, музыковед и культуролог оценил бы вложенный труд по стилизации.

Живого фейс-контроля не было. Это все-таки не элитный ночной клуб. Но автомат Гарольда пропустил, взяв с него стандартную таксу за вход. Если бы он был красивой девушкой или там же привлекательным юношей, его могли бы пропустить и бесплатно.

Австралояпонец думал, что бар выдержан в эстетике семидесятых прошлого века… вроде бы именно тогда творил автор этого романа, Энтони Берджесс… Или что будут какие-то отсылки к «Бойцовскому клубу», чьи мотивы бессмысленного бунта против всех были похожи.

Но там внутри оказалось эклектическое смешение стилей разных эпох — от короля Эдварда до эпохи диско. Едкое, кислотное, взрывное, буквально набрасывающееся.

Оно было не только в оформлении, но и в посетителях. А вот смешения этносов здесь было не так много. Нет, в малых дозах все большие расы тут присутствовали и все малые тоже, разве что пигмеев не было. Но в основном посетители были белыми европейцами.

Впереди виднелась барная стойка.

Рядом за столом двое здоровых бугаев собирались заняться армрестлингом. Небольшая толпа зрителей окружала их, подбадривала. Здоровяки подначивали друг друга, отпускали пошлые остроты, матерились и выглядели так, будто собираются драться на полном серьезе. Кто-то делал ставки, тряс пачкой наличных. Да, некоторые носили бумажки для форсу, считая счастливым талисманом. Казначейство их по-прежнему печатало, хотя в разы меньше.

Похоже, соревнование должно было начаться с минуты на минуту. Синохара подумал, что мог бы и сам выступить в следующем туре. Там была табличка: «испытай себя, если не ссышь!». У него не было апгрейда на усиление бицепсов, который тут, наверное, был запрещен. Но зато у него, хотя и не имелось впечатляющего рельефа (он специально не хотел выделяться), были слегка улучшенные мышцы рук в качественном, а не количественном плане. Без грамма неорганики и без операции. Только природные материалы. Оптимальное распределение энергии между волокнами и слегка усиленные кости за счет приема специальных добавок. Этот маленький «бафф» он поставил недавно, заказав в магазине Корпуса, и самое время было его испытать. Его было трудно заметить, и он вполне мог быть разрешенным.

Но нет. Незачем привлекать внимание. Особенно победой.

Синохара хотел спокойно пройти до свободного столика, а после заказать выпить, когда от толпы болельщиков вдруг отделился человек высокого роста и массивного сложения. Похоже, не совсем трезвый. Выписывая ногами восьмерки, он шел наперерез Гарольду. Явно не к выходу. Скорее всего в ту сторону, где была самая заметная в Д-реальности табличка WC. То есть сортир, поделенный на сегменты для всех четырех гендеров, включая неопределенный (they) и нейтральный/нулевой (id).

Мужик был мощный, с ножищами как столбы и почти такими же руками. Вряд ли он был “id”, скорее обычный “he”. В джинсах и рубашке в крупную клетку, тоже как у лесоруба. С бородой и блестящей от пота лысиной.

Места было достаточно, но в проходе здоровяк отчего-то замешкался, потерял равновесие и с трудом его сохранил, замахав руками, как ветряной генератор. Тут явно пили не только

безопасный алкоголь, но и традиционный.

Гарольд мог бы его обойти, пройти бочком. Но вместо этого аккуратно подвинул его корпусом. Туша оказалась совсем не такой неподъемной. А если бы толкнул чуть сильнее, тот отлетел бы как мячик.

— А кто это здесь?.. Эй ты, чертов гук… Какого хера меня толкаешь? Я из-за тебя пивом облился.

Синохара видел, что он лжет. Не было у него в руке пива, а все, что было пролито на его рубашку — не только пиво, но и кетчуп и еще бог знает что — было пролито туда раньше.

— Не стой на дороге, — только и ответил Гарольд.

— А тебя колышет? Ты это… тебя вообще звали в эту страну, огрызок? — с трудом произнес красномордый гигант, сфокусировав взгляд своих красноватых глаз. — Вали в свой коммунячий Китай и там грабли распускай. Давай живо плати мне за химчистку!

Любой японец из-за того, что его называют китайцем, пришел бы в ярость, но для Гарольда это так же мало значило, как быть названным жителем Плутона.

Зато он увидел, как рейтинг здоровяка автоматически понизился. За расистское оскорбление “gook”.

И тот тоже это заметил. Каким бы он ни был пьяным, красные цифры перед глазами и звонок трудно в ушах не заметить. Формально рейтинги были неофициальной оценкой. И государства на местах даже пытались их запрещать. Но они оказались живучи. Всемирное Содружество хранило молчание и нейтралитет, а все международные организации были в его юрисдикции, поэтому и они с рейтингами активно не боролись.

И теперь этих систем рейтингования было штук десять. Их поддерживали картели корпораций и общественные правозащитные советы. Поэтому системы рейтингов жили. Они оценивали людей как покупателей, клиентов, арендаторов, верных супругов, хороших родителей или толерантных граждан.

И хотя государственные услуги в Европе рейтингам были не подвержены — страны не могли запретить отдельным муниципалитетам и частным фирмам прислушиваться к этим рейтингам.

В западном мире было так. В Китае, Российском Государстве и еще ряде стран, которые ставили себя выше идеи о правах личности, рейтинги были централизованные и распространялись на всё. И критерий там был проще — лояльность власти.

— Су-у-ука! Я сказал — «гук». Чурка. Рисоед. Ускоглазый. Вы хуже ниггеров и жидов. И даже хуже русских свиней и вонючих латиносов-ребелов. Потому что вы хитрые долбанные твари. И это

вы стоите за дерьмом, которые в мире из всех щелей лезет. Мне из-за тебя циферки отняли.

За каждое слово рейтинг ему минусовался. Разве что за русских почему-то ничего не сделали.

— Сожалею, — ответил, глядя ему прямо в глаза, Гарольд.

— Сожалеешь? Да я тебя…

Но «дровосека» остановили его товарищи.

— Пойдем, Джек. Мы тебя доведем до толчка. Проблюешься и будешь как новый. А ты, чувак, иди куда шел.

— Ладно, хер с ним, — проворчал Джек. — Пошли, блин.

Синохара сделал жест, будто отряхивается от чего-то мерзкого.

И пошел дальше в полумрак бара.

Гарольд приглушил слух, чтоб не отвлекала ненужная информация. Он у него был куда лучше, чем максимально разрешенный по закону. Он мог слышать чужие разговоры, даже отделяя их от шума гипнорейва (который с японской эпохой гармонии «рейва» ничего общего не имел, только созвучие), техно-джаза или дред-рока. Но бесполезные разговоры клабберов не стоили того, чтоб засорять ими память.

Одна компания за столиком действительно выглядела в духе книги «Заводной Апельсин». Крепкие парни в черных котелках, белых рубашках и белых штанах с подтяжками и четко выделяющимися гульфиками. Зализанные гелем волосы были у всех, но у одного они были еще и апельсинового цвета. Двух девушек среди них он вычислил только за счет рентгена. Возможно, они «бучи», активные лесбухи. У всех был белый грим на лице, делавший их похожим на актеров театра кабуки.

За другим столом говорили о том, что субкультура книжников опять устроила погром против информатиков, стерла им редкие файлы, некоторые из которых были еще в 1999 году созданы. Это была месть за то, что те в прошлом месяце сожгли два десятка редких книг.

За соседним столиком тощие типы в одежде из чего-то похожего на мешковину возмущенно обсуждали какой-то розыгрыш. Оказывается, мясоеды как всегда фраппировали веганов. Была в ходу старая шутка — подсунуть им мясной фермерский митбол вместо соевого, да еще из *убоины*, а не *франк-мяса*. А потом обвинять в неэтичном поступке.

Волосатый гуру с голым торсом, на каждом колене которого сидели две цыпочки, рассказывал своей пастве правила съема. В обычной жизни, если верить его айденту, он был менеджером по продажам, а здесь выступал как пансексуальный гетерофлюидный нарцисс. Его паства — кинкстеры, фетишисты, практикующие

свинг, полиаморию и другие кинки, казались пестрым сборищем. И всех их Гарольд со своим допуском мог видеть насквозь. И видел, что в обычной жизни они были тихими офисными мышами.

У некоторых из них волосы меняли цвет, если смотреть с разных ракурсов. У одного был шипастый ошейник на тощей шее. Сам гуру носил красную нить на запястье. Каббалистический знак. Видимо, посетил святой город иудаизма.

— Что вы будете пить? — спросил у Гарольда тот самый панк с улицы, уже изменивший цвет волос, как хамелеон. Это был бармен.

— А что вы посоветуете, товарищ?

— Писк сезона — коктейль «кровь некрещеных».

— Младенцев, что ли? Нет, я не люблю томатный сок.

— Вы хотите нажраться или просто кофе выпить? Есть кофе кампучино и репрессо, есть афроамерикано. С шоколадной крошкой.

— Нет, не кофе. Хочу забыться. Чтоб крышу унесло.

— Тогда рекомендую moloko.

— Ха-ха, — посмеялся над русским словом Гарольд. — A blini и kholodets к нему подаются?

— Я серьезно, чувачелло. Это самая сильная вещь из того, что не запрещено. Ты не пожалеешь. Это не просто алкоголь. Это модулятор настроения. Там миллионы желатиновых наноботов. Они проникнут тебе в мозг и сделают мир лучше. На время. Откроют сокровенные мечты. Они не опасные и распадаются сразу после. Правда, оно не сочетается с фармакологией… держи список.

И официант кинул Гарольду файл. Там среди сотни химических формул и торговых названий было одно из веществ, которое впрыскивала в кровь его капсула. Написано было — есть вероятность нестандартной реакции.

«Плевать. Гори оно все огнем. Не сдохну».

И он подписал соглашение утвердительной зеленой «галкой». Заведение снимало с себя ответственность.

Когда он зашел сюда, играло диско, теперь оно сменилось забойной электронной музыкой конца прошлого века. Где-то между этим вклинивались элементы рока и рэпа. В стеклянном кубе в такт мелодии танцевала девушка в черном латексе и противогазе, соединенная трубкой-пуповиной с потолком, где находился бак с зеленой жидкостью. Похоже, она дышала ей вместо воздуха.

Под завывания накатывающего как цунами звука и мельтешение стробоскопа дергались в танце разноцветные

фигуры.

А где-то шла в это время война.

Плевать на всё. Гори оно огнем.

Синохара выпил молочно-белую светящуюся жидкость, которую ему протянули, за два приема. На вкус она была как молочный коктейль, но явно с парой градусов алкоголя. Но на этом ее действие, судя по описанию, не заканчивалось. В ней были нейромоделирующие вещества. Гарольд знал про такие много больше, чем люди в этом баре.

Теперь оставалось расслабиться и ждать эффекта. Сидя за своим столиком, Синохара был как неподвижная скала в океане информации. Вокруг проносились, как обломки плотов или кораблей, влекомые течением, какие-то люди, концепты, идеи, новости. Новости о признании аутосексуальности традиционной ориентацией. Направленный на себя интерес теперь считался таким же традиционным, как все остальные.

«Давно пора».

Здесь никого нельзя удивить сожительством с роботами или с выдуманными друзьями, а точнее подругами — вайфу, которым ты делегировал часть своего сознания для создания искусственной псевдоличности.

И вдруг он почувствовал, как время растягивается, как нити жевательной резинки. Как те самые суперструны, из которых, как гласила одна теория, состоит вселенная.

Вокруг него кружился хоровод и калейдоскоп микрокультур: лайфхакеров, биохакеров, информатиков, меметиков, ретроманов.

Первые из них задвинуты на давании советов. На самом деле в сети почти любой с удовольствием подскажет, как правильно воспитывать детей и домашних животных, даже если вы не спрашивали. Но именно лайфхакеры достигли в этом вершин, и могли дать советы даже в сложных вопросах, например, как правильно сплести лапти или починить паровую машину парохода.

А информатики могут часами стримить 3Д-видео процесса поглощения ими пищи… слава богу, если без итогового результата.

Биохакеры… пытаются продлить жизнь бренного тела, используя непроверенные достижения медицины и науки, а заодно выжать из организма максимальную производительность, хоть эти задачи во многом противоположны.

Меметики собирают древние мемы, начиная со времен Fido и Web 1.0 и пытаются форсить новые, а заодно воскрешать отжившие свое. Например, недавно воскресили мем про Карла из

«Ходячих мертвецов», и теперь его везде пихают.

Ретроманы… кто же про них не слышал. Кто еще может одеться как шотландский горец, немецкий подмастерье или албанский пастух и слушать кассетный магнитофон?

Здесь встречались люди, которые в обычное время видят друг друга только в сети. Странно, что они не бьют друг другу морды или не выцарапывают глаза.

Обычно в тематические заведения для кинкстеров попадают по приглашениям, только для своих, но тут вход был свободный. А может, электронный промоутер на входе просто принял его за одного из аниме-гиков? Не исключено.

Некоторые не выглядели как принадлежащие к микрокультурам, а были одеты как обычные казуалы. Эти не суетились, а сидели как овощи, расплывшись — кресла тут можно было откидывать как в старом автобусе. Может, тоже выпили moloko. А может, смотрели разврат или кровищу по локальному VR-театру. В своем забытьи они то блаженно улыбались, то скалились и махали руками.

Но ему было хорошо. И не было дела до них. За что их осуждать? Они никому не вредят. А в обычной жизни они могут заниматься полезными и нужными делами, чтоб в редкий выходной оторваться здесь.

Время уже не тянулось, а летело. Вокруг Гарольда кружились не человеческие лица и маски, а планеты и астероиды. Галактики и туманности. Где-то там был и вожделенный Марс. Такой же вожделенный как… кто? Он не смог вспомнить.

И были нейтронные звезды, мягкие на ощупь. И кварковые звезды, более упругие. И черные дыры, пугающие своей бесконечностью. И даже белые, которые создали саму вселенную и продолжали инфляцию материи, разгоняющую галактики…

Зигмунд Фройд, ты был бы рад.

В этот момент, когда он думал о новой порции напитка, Гарольд ощутил провал. Разрыв реальности.

А когда вынырнул из этой черноты, то время на часах в глазах, сдвинулось на сорок шесть минут. Какой-то time-space paradox. Хорошо, что он не упал и не рухнул лицом на стол, а сидел откинувшись на мягкую спинку. Там умные сидения были спроектированы. Хотя, возможно, персонал тут был более лоялен к тем, кто в отключке, и ему бы помогли подняться с пола, а не выставили отсюда.

Австралояпонец покрутил головой, закрыл и открыл глаза. Он снова был в реальности. И напротив него сидела потрясающая девушка. Когда он сюда садился, ее точно не было. Он бы заметил.

В зале было полно свободных мест. Ничто не могло заставить ее сесть именно сюда. Никакие обстоятельства. В голове держалась легкая муть. Видимо, сочетание алкоголя с модуляторами из «молока». И с теми стимуляторами из капсулы, что еще не до конца покинули его кровь.

Он захотел рассмотреть девушку получше и протер глаза, надавив на белки. На секунду ему и правда показалось, что рядом с ним эта… как там ее звали?

Ладно, не будем себе врать, будто не помним. Просто она где-то далеко.

Платиновая блондинка, высокая, худощавая. Похожа. Будто из его головы достали самые заветные желания.

Но нет. Это морок. И просто популярный типаж. Никакой телепатии. Лишь демонстрация — лица менялись одно за другим: огненно-рыжая, жгучая брюнетка, почти черная и жгучая, совсем черная до синевы… И все хороши, и всех хочется попробовать. А лучше по очереди.

Девушка хихикает. Она понимает мужскую психологию и ей нравится вводить в замешательство и смущение.

А вот судя по всему и ее природная внешность. Похожа на уроженку Вест-Индии. Карибских островов. Вроде натуральная… со всем, что должно быть у женщины… и даже грудь, судя по неидеальной форме — настоящая. Лицо цвета кофе с молоком, морковные волосы, надпись OBEY на кепке, надпись «To be continued» на майке без рукавов. Она бросала на него заинтересованные взгляды, но он непроизвольно обдал ее таким холодом, что она отшатнулась.

Синохара улыбнулся ей успокаивающе. Мол, все окей.

— Привет! Nice to meet you.

Подействовало. Она ответила, что тоже рада его видеть, и вообще, он клевый парень. Спросила, не хочет ли он пропустить с девушкой по стаканчику чего-нибудь. А то она очень замерзла и устала в этот ужасный пасмурный день.

Нет, «молоко» она не хочет, но не откажется от мартини.

Он уже готов был согласиться и заказать ей выпить.

Но чувствовал, что тогда и сам добавит еще. «Молока» не рискнет… что если после него ему покажется, что она робот, и ее надо разобрать для починки? Лучше обычного алкоголя. Но неизвестно, как большая доза будет сочетаться с этой белой дрянью. Тогда следующий провал закончится пробуждением хорошо если в непонятной постели в гетто… а может и в мусорном контейнере, без денег на чипе и с какой-нибудь инфекцией. Однажды с ним подобное уже было, и даже вспоминать было мерзко.

Хотя, может, он зря так подозрителен к ней? Она не похожа на кинкстеров… да и сами кинкстеры не были отморозками. Идиотские розыгрыши — вот все, на что они были способны. Впрочем, ему нельзя влипать даже в такие истории. Репутация Корпуса и так на нуле.

Все же сам он больше пить не собирался. Поэтому и ей вежливо отказал. Если бы он купил ей выпивку, это было бы сродни согласию. Вместо этого он купил ей апельсинового сока — тему названия этого вертепа.

— О, сок я тоже люблю, — улыбнулась она слегка фальшиво. — Juice… М-м-м. Какой-то ты слишком серьезный. Расслабься. Или… тебе помочь?

Девушка с морковными волосами подмигнула и отправила ему воздушный поцелуй, прикрепив тот к пошлому смайлику. А еще короткое деловое предложение. Видимо, она не хотела терять потенциально выгодный заказ.

Это был целый прейскурант. На ней засветились ценники на разные части тела, который увидел через Д-зрение Гарольд. Потрогать коленку — 1 глобо. Грудь — 2 глобо. Бедро — 2 глобо 50 центов. Были даже «Невинные обнимашки» — 3 глобо.

Дорого. Хотя это именно то, что вроде бы ему сейчас нужно. Обнять и плакать.

Конечно, все у нее натуральное. И грудь, и бедра, и ягодицы, которые подчеркивались то ли колготками, то ли леггинсами… которые вроде бы и были видны, и в то же время состояли из очень тонкой ажурной сетки, явно незаметной на ощупь. Нанотрубки из графена и здесь пригодились. Спасибо нобелевским лауреатам. У которых самих обычно проблем столько, что они этим не воспользуются. Соски проступают, опять же. Да…

Может, созданное наукой и выглядит совершенно, и на ощупь будет идеальным… но именно ощущение дефекта или излишества — это то, что в людях выдает их естественность. Глубокая и философская мысль, которая пришла к нему во второй раз.

Ценник на то, чтоб положить ей руку… только руку, *туда* — тоже был, но уж слишком, непомерно высок. За такие деньги где-нибудь в Таиланде можно было такое творить… причем хоть полночи. Хоть с кем.

На самом деле он просто хотел побыть один, и если уж нельзя трахнуть кого-то бесплатно и без обязательств, то пусть допивает свой сок и проваливает. Платить за любовь — это дурной тон и урон для гордости. Хоть оптом, в виде содержания, хоть в розницу.

Судя по профилю, у нее ни одного привода в полицию. Учится в колледже искусств в Кингстоне, Ямайка. А здесь на каникулах, чтоб посетить местные достопримечательности и выставки. Это место, что, тоже достопримечательность?

Ничего себе «искусствовед». Треть поездки на воздушном такси за то, чтоб просто ее всю ощупать.

А себя он бы ей позволил потрогать и бесплатно. Но, как сказали бы гуру отношений: половой диморфизм определяет репродуктивную стратегию. Не согласится.

Гарольд вдруг почувствовал себя мерзкой скотиной, а значит, был в шаге от того, чтоб разрешить себе все, что угодно. Оторваться по полной. И пусть потом будет стыдно. Плевать. Этот мир таков. Тут надо или покупать или брать без спроса. Тут ничего нет не продажного. А то что не продается — то на хрен никому не нужное.

В прайсе было написано, что на «дальнейшее» — «возможны варианты» и «цена договорная». И все это со смайликами, высовывающими язык. А еще стояла пометка «я могу отказать, если вы мне не понравитесь».

Ну, конечно, она не проститутка… то есть не та, кто можно только за деньги. Она еще должна согласиться. И нельзя называть даму шлюхой, даже в постели. Это слат-шейминг, за это в Альбионе, наверно, прямо к постели вызывают Полицию толерантности. Как и за мэнспрединг в метро и за газлайтинг в супружеской жизни.

«Но почему-то вумэнспрединг не запрещается, как и Казанова-шейминг. Куда катится мир? Причем все эти ограничения распространяются только на мужчин цивилизованных народов. Дикарям вы, дорогие женщины, позволяете всё. Они же дети природы. Угнетенные».

Проклятье. Хотя кого он хотел найти в притоне? Деву Марию? Хорошие девушки есть. Но нужны ли они ему?

Еще в ее прейскуранте была такая услуга как наложение текстуры. С помощью голографии на нее можно было натянуть чей угодно образ.

«А потом натянуть ее саму. Как Серый Волк — Красную Шапочку».

Главное, сказать ей при этом молчать. Хотя, нет… голос тоже можно изменить.

Конечно, соблазн был большой. Ощутить под пальцами теплую кожу и упругость… создать полную иллюзию, в которую хоть на минуты, но он бы поверил.

Bullshit. Он ведь не только этого от Эшли хотел.

И этот ценник как в мясной лавке… навевает неприятные

воспоминания.

Резать тут было нельзя. Но где-то были и подпольные заведения, где резать было можно… он сам участвовал однажды в Джакарте в разгроме такого места. Оно называлось «Абу-Грейб» в честь одной иракской тюрьмы. Более мерзкого места Гарольд не мог вспомнить. Обслуживали там не местных, а солдат экспедиционного корпуса. Но обошлось без стрельбы при задержании. Всех мужиков — а посетители были только мужчинами — уложили мордой в пол, многих он приложил шокером, и насрать ему было, что кто-то из них мог быть его сослуживцем из “Globa lSecurity Company”. А вот «товар» был местный. В основном младшие дочери из семей обнищавших крестьян. Или те, которых в другом случае подвергли бы «убийству чести». Опозоренные. Их официально исторгали, изгоняли из семей и они считались ничейными. Вот они, старые добрые патриархальные нравы. Зато никакого феминизма.

Хотя не совсем так. Эта мерзость была не первозданной дикостью, а вторичным продуктом, гибридом на стыке Востока и Запада. Таким же, как он сам.

Вспомнились хоккейные маски и цепи, свисающие с потолка. И кровь на полу, и старая пила-ножовка в углу, и бак с липкими резиновыми перчатками, как в невымытой операционной или в морге. Все это был антураж. Там не убивали, а только мучили и насиловали, но с фантазией.

Почти всех садистов пришлось отпустить, до суда довели только мелкую сошку. Остальные были или слишком ценные, или у них были высокие покровители.

Но тут был Лондон. И все было почти по-викториански пристойно. Обычная шлюха, выдающая себя за студентку колледжа. Но даже если бы она была настоящей студенткой колледжа, он бы послал ее к черту. Для него существовала только одна. Женщина. Самка. Стерва.

И хотя было тяжело сдержаться, Синохара перевел девушке на чип чаевые — просто в порядке благотворительности — и сказал, что в ее обществе не нуждается.

Она улыбнулась, подарила ему воздушный поцелуй и… исчезла.

«Я не животное. У меня есть долг и чувства. И, черт возьми, я не лузер, чтоб платить за это. И не подросток, чтоб думать, будто секс решает все проблемы. Если надо, я себе бесплатно найду. Можно открыть сеть и найти непритязательную англичанку лет сорока. Вот только не поможет это заполнить пустоту внутри меня, огромную как войд Волопаса».

Девушек вокруг было много. На любой вкус и цвет. У

некоторых этот цвет был очень экзотическим. У трех или четырех была подсветка грудных имплантов. Ходила шутка, что зеленый цвет означает «свободна», красный — «занята», синий — «я менеджер по продажам, хочу упиться в хлам после рабочей недели, не трогайте». На самом деле выбор, диктовался их эстетическими предпочтениями.

Но случайные связи несут опасность. Вспомнил он плакаты времен Второй Мировой на эту тему. Время такое же грозовое, а он не нонкомбатант. Были случаи терактов и убийств даже менее важных персон на службе Корпуса, чем он. Конечно, тут Лондон, а не Тихуана, Лагос, Багдад или Кабул. Но расслабляться нельзя. По всему миру террористы охотились на чиновников правительств и офицеров Корпуса.

Тем временем райское видение материализовалось снова, и теперь она села за столик к двум пузатым мужчинам в костюмах времен короля Эдуарда Седьмого, то есть начала XX века. Видимо, она сделала им такое же предложение, как и ему. А может что-то еще.

Те довольно кивали, масляно глядя на нее. И, возможно, внесли предоплату.

Гарольд был уверен, что здесь в зале она им не позволит ничего сделать. Хоть она и из колледжа искусств, но, пожалуй, профессионалка. Да и они не решатся. Правила оказания сексуальных услуг в законодательстве прописаны строго. За нарушение отзывали лицензию. штрафовали, а иностранок — сразу депортировали без права возвращения. Даже клиента могли наказать деньгами.

Тут был все-таки не «бардак», а легальное питейное заведение. Хоть и называющее себя самым отмороженным в городе.

А потом она вдруг накрылась покрывалом, став невидимой выше пояса. И только после этого бюргеры (почему-то он подумал, что они немцы, судя по типу лица и рыкающей речи) ощупали пустоту с довольными рожами, не отрываясь, впрочем, от своей выпивки. Но панк с ирокезом послал им красный предупреждающий эмотик. Все-таки это была чопорная Британия.

И чуть позже все трое покинули зал в обнимку.

«А вы рисковые парни, — подумал Синохара. — Надеюсь, проверили у нее разрешение. Не боитесь, что на улице… или придя в ваши апартаменты… она поднимет крик, что ее увели насильно? Будете расплачиваться до старости».

Такое тоже бывало. Гарантией от подобной подставы были только договоры на оказание услуг. Но с таких услуг полагается платить и налоги. А люди часто жадничают.

Уже без официанта он купил у автомата банку пива. Точнее, темный эль. Ну и дрянь. Кто может пить такое? Робин Гуд? Толкиеновские гномы?

Выпил за несколько глотков. И пошел к выходу. По воскресеньям, если верить программе, тут даже гладиаторские бои проходили на сцене, и собаки-роботы бились. Но сегодня в программе не было ничего, кроме этой девушки с шестом в маске для дыхания жидкостью. Что у нее там, жабры? В таком случае она тоже была на любителя.

Наверно, в последние дни тут затишье.

Внезапно, проходя между столиками, он услышал негромкую, но четко различимую фразу, которая заставила его остановиться.

— Вонючий китаеза.

Кто это сказал? Кто?! В толпе не сразу поймешь, но у него были техсредства.

Может, те трое бравых ребят в подтяжках и котелках, которых он давно заметил? Уж очень у них рожи злобные. Нет. Звук шел не от них, и по лицам было видно, что конфликта они не хотят. Наоборот, напрягались. Это мирные косплееры. Хоть и изображают героев-хулиганов из того самого романа «Заводной апельсин». Через проход от них сидел настоящий Джокер с грустной улыбкой на размалеванном лице. Но все эти кинкстеры, изображавшие маньяков и бандитов, в кожаной одежде и в цепях, в перевернутых крестах, атрибутике Вермахта и пентаграммах, были безобидны как дети. И просто проводили время, отдыхая от офисных или фрилансерских будней. Угнетенный прекариат, который никогда не восстанет.

Они переглядывались и отводили глаза.

А вот четверка здоровяков в джинсах и потных рубахах смотрела нагло и именно на него. С виду они выглядели ирландцами или шотландцами. Хотя черт их разберет, этих гайдзинов. Почему-то ему захотелось звать их именно так.

Судя по всему, они не были завсегдатаями, потому что другие смотрели на них с подозрением. Скорее, так же, как и он, зашли впервые, чтоб испытать себя. По приколу.

И один из них был именно тот, кого он слегка толкнул. Конечно, это он послал Гарольду вербальное оскорбление.

Синохара остановился. И, не оборачиваясь, послал ему SMку где было всего несколько слов. «Пойдем, выйдем. Если не зассал. Цыпленок».

Тот позеленел от злости. Лучше было и не сказать. Именно в точку попало. Унизив достоинство самца, который считает, что самцовость — это главное, что у него есть.

А после этого австралояпонец вальяжной походкой вышел из

заведения. Никто ему не препятствовал. Только списались деньги за выпивку и обслуживание.

Он сам нарвался на неприятности. Мог сразу уйти, но вместо этого подождал еще пару минут у входа, в пяти метрах от навеса. Дождь шел уже сильный, будто прорвало кран, но ему было не страшно. Надвинул капюшон, а одежда приобрела свойства водооталкивания.

Зато так он мог видеть все поле будущей драки. И никто не подойдет к нему сзади.

И дождался. Они вышли за ним по одному, пошатываясь, но одновременно разминая кулаки. А вот самый здоровый выглядел бодрым. Похоже, протрезвел от злости.

Сам Гарольд был почти трезвым. Пребывание в «Заводном апельсине» не доставило ему никакого удовольствия. Даже галактики и звезды были фальшивые. Он мог прикоснуться к ним и без психоделиков.

Видимо, moloko действительно было качественным продуктом, и его действие на нервную систему быстро проходило. А банки пива было мало, чтобы он заметил эффект, хотя алкоголь переносил плохо. Из-за этнических аллелей, свойственных многим людям его гаплогруппы, тот не оказывал на него «анестезирующего» действия, а только токсическое.

Кто они? Отбросы общества? Скорее, мирные обыватели, которые этими отбросами хотели прикинуться. Но в отличие от косплейщиков, у них это получалось убедительнее. Потому что именно такими были белые отбросы богатых стран.

Он видел их насквозь, даже не глядя в айденты. Около сорока, семей нет, взгляды консервативные, работают неполный рабочий день. Не сидели в тюрьме, но несколько раз привлекались на обязательные работы. А уж штрафов у каждого не меньше десятка. От неправильного перехода улицы до словесных оскорблений. Но ничего более серьезного. Периодически получают пособия (хотя и меньше, чем проходящие курс интеграции мигранты), но платят алименты. Самая нижняя граница среднего класса. Не преступники. Жилье съемное. Машины арендованные. Много времени проводят в вирках. Великовозрастные дети, не привыкшие отвечать за свои слова и поступки. При этом дети опасные. Но не для таких как он.

Вперед выступил именно тот, которого он якобы облил. Шумно сопя, толстый островитянин Британских островов, похожий на дровосека, приближался к островитянину с Японских, похожему на худого поджарого фермера или рыбака.

Дуболом не собирался отступать. А вот остальные уже

немного остыли и, похоже, не хотели проблем. Можно было, конечно, уладить дело без драки. Пригрозить своим статусом. Тут это не принято, но может сработать, учитывая их прошлые «залеты». Корпуса мира они испугаются не меньше, чем полиции.

Но Гарольд был не в том настроении.

«Киберпалец использовать нельзя. И калечить его тоже».

Можно было бы включить капсулу в боевой режим. За двадцать секунд она изменила бы гормональный фон так, что он превратился бы в машину для убийства. Нельзя этим злоупотреблять, чтоб не возникло привыкания, и не подавились естественные механизмы. Но иногда можно.

Но сейчас был не такой случай. Стыдно стрелять из пушки по бродячим собакам. А гормонов ярости у него и своих хватало.

— Может, решим дело миром? — с улыбкой предложил Синохара.

Это была провокация. Как он и подозревал, здоровяк от этих слов еще больше разъярился. «Я тебе щас покажу мир, сука!». Его друзья попытались его успокоить. Но тот стряхнул с плеч их руки и попер напролом.

«Боксер», — подумал, оценив постановку ног агрессора и его движения, Синохара. А еще привык к дракам в виртуале. Где травму получить невозможно и боль ненастоящая. Привык, что его и в реале боятся. Поэтому идет, не глядя, не думая о защите.

Гарольд помнил, что бить первым, пока ему угрожают только вербально — нельзя. Его подготовку могут считать отягчающим обстоятельством. Конечно, его в итоге оправдают. Но разбирательство займет время. А это недопустимо.

Бузотер остановился как раз на расстоянии вытянутой руки от него.

— Ну что, китаеза? Долго у нас живешь? Будешь платить за чистку? Или вылижешь языком?

Австралийский выговор отличается от британского. Но Синохара учил в колледже именно британский вариант и много практиковался. Поэтому определить его акцент было трудно. Особенно в таком состоянии, как у них.

— Я японец, — вежливо возразил он.

— Японец?! — заржал «лесоруб». — Такие же узкоглазые сучки. Жаль, что Адольфа угробили чертовы русские. Он бы вас, желтопузых, поимел в зад.

Этим тот закрывал себе дорогу к отступлению. Упоминанием Гитлера в позитивном контексте.

Гарольд вспомнил, что в реальности Гитлер был союзником «Великой страны восьми островов», но требовать от таких недоумков знания истории все равно что требовать этого от

гиббонов. Вряд ли они читали «Человек в высоком замке».

Здесь уже не надо было думать, как ответить корректно. Но он сам удивился, пошел на обострение без всякого плана. Нерастраченный адреналин и другие гормоны сказались:

— Давай уже, покажи, что умеешь, сынок. Или иди к своей маме, с которой ты живешь.

Здоровяк аж поперхнулся. Его рука медленно пошла вверх.

Синохара ждал их действий, а они таращились на него тупыми глазами. Видимо в их черепушках взвешивались варианты дальнейших действий («вломить — не вломить?»), и желание почесать кулаки боролось у них в мозгах с опасением получить адекватный ответ.

Они чувствовали, что он не слабак. Такие всегда чувствуют, как животные. В какой-то момент ему показалось, что все закончится вербальной агрессией. Но, видимо, он недооценил их взвинченность. Похоже, еще и приняли какую-то гадость. Уж слишком они отмороженно ведут себя для нормальных белых миддлов.

Moloko? Вместо психоделического трипа у них разыгрались животные инстинкты?

Наверно, одни с ним видят туманности и галактики, другие хотят поиметь все, что движется, а кто-то набить прохожему морду. Странно, что эту химию не запрещают. Это пострашнее «лотоса», если вытаскивает то, что внутри.

Он помнил, как они смотрели на девушек в баре. И даже на тех двоих, кого Гарольд опознал как трансов, причем хирургии не прошедших. Но этим, судя по всему, было все равно. Забычив глаза, они не видели разницы.

А теперь и вовсе слетели тормоза. Остальные начали окружать его, отрезая ему пути отступления. Собирались напасть со всех сторон.

Но и он давно включился в боевой режим. Теперь сдерживать себя было не надо.

«Лесоруб», наконец, замахнулся. Но Гарольд ушел с линии удара, перехватил его руку и потянул на себя. Тот потерял равновесие, и австралояпонец ударил его лицом об свое колено раньше, чем на него кинулся второй. Бородач упал как подрубленное дерево, нос был сломан, но не так, чтобы осколки костей могли войти в мозг. Второго он поймал на лету и просто столкнул на дорогу бегущему третьему. Они смачно стукнулись лбами, и, сопровождая их на землю, Синохара каждому отвесил по удару — одному по печени, другому в область солнечного сплетения. Четвертый начал пятиться.

Все это заняло у австралояпонца три секунды и от силы

десять процентов загрузки мышц. И без всяких «усилителей».

Главный зачинщик драки лежал, зажимая нос. Но все же оказался упрямым или очень пьяным. И начал подниматься, доставая что-то из кармана. Синохара в один прыжок подскочил к нему и приложил его лбом об асфальт. Тут был именно асфальт, а не более мягкое покрытие. Снова была кровь. Англичанин завыл. Вывернув ему руку, Синохара вынул из здоровенной ладони маленькую черную штуку, похожую на отвертку.

Не оружие, но может ситуативно им быть. Многофункциональный плазменный резак, который может и резать, и паять, и наплавлять… а еще кромсать человеческую плоть. Любимое оружие уголовников третьего мира, во многих странах эти дешевые полезные инструменты именно по этой причине запрещено носить в публичных местах. И Британия была одной из таких стран.

— Не дергайся, или я сделаю этой штукой тебе операцию. Без наркоза.

В кишащей дронами и камерами Англии увидеть такое в руках у какого-то добропорядочного работника зоомагазина (вот кем он был: неполный рабочий день, и никакой не лесоруб) — зрелище редкое. Видимо, у парня какие-то проблемы в жизни, и вот Гарольд не вовремя оказался у него на пути. Конечно, теперь его проблемы станут только больше. Все-таки это можно трактовать как покушение на убийство.

Нос был разбит, но не свернут. Из раззявленного рта текла кровь, лоб был сплошной синяк. Но зубы — среди которых он несколько рентген-зрением определил как искусственные — были целы. Гарольд помнил о том, что нельзя наносить не только серьезные повреждения здоровью, но и материальный ущерб.

Но больно ему было. Очень больно. Глаза смотрели с ужасом.

Второй лежал лицом вниз — пластом. В отключке. Пульс в порядке. Без сознания, но жить будет. Хотя сотрясение при падении мог получить. Но это уже его беда.

«Скорая» понадобится.

Третий лежал на боку и охал, держась за живот. Внутренние органы не отбиты, но еще неделю будет болеть. Ему тоже придется потратиться на лечение.

Четвертый, единственный не пострадавший, отходил к стене, не видя, что у него за спиной тупик, и причитал:

— Нет-нет, не надо, чувак! Пожалуйста! Я люблю вашу страну. У меня полно корешей из Азии. Из Вьетнама, Таиланда… Вы клевые ребята. А нам просто крышу снесло от этого дерьма. Да здравствует Азия, друг!

Странное признание, учитывая кто он. Судя по айденту, это

был диванный неонаци из «Арийского легиона», и даже татуировка у него была. Странно, что он сразу не заметил. Много их развелось. И ведь тату у них такие, что не придерешься. Свастика в обратную сторону закручена и руны изменённые. Ничего крамольного, лишь пожелание здоровья тому, кто это рассматривает. Древняя индоарийская языческая атрибутика.

— Я вас не трону, ребятки. Вас уже природа достаточно покалечила. Ложитесь вон туда на асфальт, голубки. Рядком. И руки на затылок. Сдам вас представителям власти.

Так они и лежали, деморализованные. Даже выдавить из себя простенького ругательства не посмели. Только охали и всхлипывали.

Улица была пустынна. Синохара чувствовал себя лучше. Хотя бы часть негативной энергии удалось выплеснуть наружу. В какой-то момент ему хотелось если не убить, то покалечить одного или нескольких так, чтоб они до конца дней стали инвалидами. Но он сдержался. И хорошо. Времени на суды у него не было.

Всего через несколько минут раздался знакомый свист, и прямо с неба, освещая все яркими синими прожекторами, спустились несколько вертких силуэтов размером с хищную птицу.

Эти боты были местной достопримечательностью. Их использовали только в Великобритании. На континенте использовали совсем не такие — привычных «ос» и «шершней», почти плоских и вытянутых, но со специальной окраской. А эту модель называли «Бобби», видимо из-за названия английского полисмена. Они были шарообразные. похожие на китайские дроны-«фонарики», но превосходили их по многим параметрам, хотя и стоили, как он знал, для муниципалитетов гораздо дороже. Поэтому их использовали только в крупных городах Британских островов. Их цветовая гамма повторяла цвет полицейской формы.

Через пять минут причитающие и размазывающие сопли по лицам «консерваторы», перепившие moloko, были приведены в чувство (одному даже вкололи дозу стимулятора), допрошены вместе со свидетелем и свидетельницей (парочка садо-вуайеристов, которые прятались за ближайшими мусорными контейнерами, наблюдали за разборкой с безопасного расстояния с помощью приборов и явно надеялись заняться сексом, глядя, как рядом проливается чья-та кровь, ломаются носы и кости).

К их сожалению Гарольд все завершил быстро и почти бескровно. А вот самим им придется проехать в участок для дачи показаний.

Видимо, тут такие зрелища — не редкость. Заведение имело

очень дурную славу и рейтинг 1 звезда из 5 с кучей негативных отзывов. Но для кого-то этот антирейтинг был наоборот заманчивым после обычной стерильной безопасности.

Все то же притягательное несовершенство.

После дебоширы были уведены прочь под конвоем из летающих роботов. Даже наручники им надевать не стали. Они шли понуро и покорно.

Вряд ли их всех ждет тюрьма. Скорее всего трое получат как хулиганы что-то вроде штрафа или обязательных работ по облагораживанию лондонских улиц. Но, учитывая рецидивы — штрафы будут немаленькие, а работы — не на пару суток. Скорее всего это ляжет тяжелым бременем на их бюджет. Меньше средств для доната в вирки останется. Горе-то какое. Новый гномий меч не купят или хитиновый экзоскелет. Может, кто-то и пойдет как соучастник. Если не найдут деньги на адвокатов — влезая в новые долги.

Но главный зачинщик за нападение с применением оружия (даже если не пришьют попытку убийства) может и на пару лет уехать в комфортабельную лондонскую тюрьму. Даже без учета того, что напали они на должностное лицо (он был не при исполнении и они не могли этого знать). В комфортабельную тюрьму, где кормят лучше, чем питается батрак из Монголии, но переполненную индусами и пакистанцами. Которые, как говорил герой одного фильма, устроят его заднице инквизицию. Аминь.

А нечего лезть к человеку, когда у него крупное разочарование в жизни случилось. Разбитое сердце и всё такое.

Прежде чем улететь, последний «Бобби» остановился в воздухе в полуметре от лица Гарольда. По его поверхности пробежала волна синего свечения, которая сложилась в подобие большого смайла.

«Напоминаю, что Вам надлежит явиться на сборный пункт в течение семи дней, сэр», — доверительно сообщил ему бот.

— Благодарю за заботу, — откровенно издеваясь, сказал ему Синохара. — Без вас я бы забыл.

Понимать все оттенки интонаций человеческого голоса они когда-нибудь тоже смогут, подумал он, когда дрон улетел. Посетители бара, высыпавшие, чтоб посмотреть на арест, вернулись к продолженным занятиями… все равно то и дело поглядывая на него через сеть, через камеры на фасаде. Он чувствовал их взгляды даже спиной. Полезная способность не только против снайперов, но и в мирном городе.

Синохара и без подсказки знал, что его ждет служба. Контракт нельзя было расторгнуть сейчас без серьезных правовых

последствий. Да он и не собирался. Наоборот, никогда он так не хотел оказаться в самой гуще.

У него еще оставалось достаточно времени. Все дела в Лондоне были закончены. В Берлин можно не возвращаться. Животных нет, умный дом без него проживет и даже позаботится о счетах, о покупках… и о роботе. Так, как он ему скажет.

Синохара решил без отлагательств отправиться в клинику. Тем более, время подошло.

Восстановительный период лучше бы провести в покое. Но можно и пренебречь вредом для здоровья. Все равно жить вечно ему не светит.

Имплантанты для защиты позвоночника приживаются долго, без них лучше обойтись. Конечности тоже оставить в покое. Он не будет там драться врукопашную. И экстремальных пеших походов тоже не предполагается… для этого есть экзоскелет.

Для сенсорного восприятия тоже хватило бы внешних устройств… но вот как раз это стоит улучшить. Как и скорость реакции. И просчета действий. Проводимость нейронов.

Но самое главное… то, что находится в грудной клетке и обеспечивает организм энергией — хорошо бы дублировать и дополнительно защитить. Это слабое звено в устойчивости. Дублирование систем позволит лучше сопротивляться урону. От пули в голову защиты нет, но для врагов будет неприятным сюрпризом, если его не выведет из строя то, что отправит обычного человека в морг или в кому. Например, прошивающая насквозь очередь в грудь.

Хорошо бы совсем порвать с человеческим в себе. Залезть и в черепную коробку и все там переделать. Тогда и проблема выбора и боль от осознания ошибок уйдут навсегда.

Но нет. Это Корпус не сделает никогда. Можно поставить тот максимум, который они — в обход законов — разрешили для своих.

У него есть доступ к тем вещам, которые ходящие по улицам люди не получат даже за деньги. Корпус стоит над законом, ведь часть стран, которая его сформировала, восточные государства, придерживаются идеологии о том, что власть должна быть выше любого закона. Потому что она самоценна, как вещь в себе.

«Может, это не такая уж глупая идея… если это будет власть просвещенных, а не ретроградов».

Конечно, можно было бы обойтись без модификации. Он сам это выпросил, писал несколько прошений. Ему не навязывали. Просто у него есть объяснение для Корпуса — зачем ему это нужно. Чтоб эффективнее воевать и служить им, конечно. Но на самом деле это было отчасти для него самого.

Даже бионический палец ему разрешили оставить. Он был ценным сотрудником.

Шел дождь. Пробирающий до костей тех, кто не имел от него защиты. Вот это и есть настоящая английская погода. Правда, надо помнить, что по календарю уже зима, а в декабре тут бывает и снежок, несмотря на Гольфстрим.

Но такая погода лучше подходила к его настроению.

Дерьмо…

Если не выпить пиво из открытой им банки прямо сейчас (когда же он успел купить вторую? У колесной торговой тележки?), то там останется только дождевая вода. Не очень-то приятно.

Синохара осушил напиток, а пустую тару бросил за спину, не целясь и не тормозя шаг. Там у самой стены Гетто он видел универсальную мусорную урну. До нее было метров сорок.

Но фокус не удался.

Промазал.

Он мог бы вернуться за банкой, но ему было неохота. Тут и так полно мусора, хуже не станет.

Австралояпонец шагал дальше, запахнувшись в плащ.

И всего через двадцать секунд в ушах раздался предупреждающий сигнал, извещающий о том, что он совершил административное правонарушение и нарушил 28-й пункт муниципальных правил Большого Лондона и 76-й пункт регламента поведения для граждан Европейского Сообщества.

Со звуком сыплющихся монет, у него со счета списалось 50 глобо.

Немного. Потому что такое нарушение у него первое в жизни.

За его спиной раздался какой-то шум. Он обернулся и увидел зеленую гусеницу с улыбающейся рожицей, выехавшую из нижней части мусорного бака. Одним броском она достигла банки, проглотила ее, втянула в себя. И скрылась в своей нише.

«Спасибо за содействие, гражданин. Напоминаем, что при рецидиве аналогичного правонарушения штраф будет назначен в двойном размере».

Это что-то новенькое. Раньше такого не было.

Да, это не Индонезия. Тут помешались на экологии. Биоразлагаемые упаковки, съедобные стаканчики и тарелки. Биопластмасса вместо пластика и батареи из бумаги, без всякой примеси редкоземельных металлов. Но почему-то одним можно было свинячить, потому что они угнетенные. А он, видимо, недостаточно угнетенный.

Он смотрел на окна двадцатиэтажных человейников с запада

от стены. Тут жили те мигранты, кто сумел как-то выбраться из нищеты и дикости, но еще не настолько, чтоб переехать в более респектабельный район.

Как говорил какой-то мудрец, которыми был богат еще старый Интернет: «Пчела думает, что живет своей жизнью. И только пасечник знает, что на самом деле она собирает для него мед».

— Ну чего ты хочешь от них? Они даже не млекопитающие, а насекомые. Все. Черные, желтые, белые и смешанные. Живут инстинктами и делают вид, что имеют свободу воли. Внушают себе ложь, играют в свой «социальные конструктор»… но на самом деле ими управляет органическая и неорганическая химия, популяционная генетика и даже физика элементарных частиц.

Синохара вспомнил, как пожил несколько месяцев в Счастливом городе на островах.

Нет, не надо путать его с Райским. Это не тюрьма. Наоборот, это коттеджи повышенной комфортности, построенные на искусственном архипелаге в Карибском море из экологически чистых материалов и идеально вписанные в природный ландшафт… хотя построила его не природа, а компания застройщик. Он арендовал один, когда в отпуске восстанавливал силы после небольшого ранения.

Но вот беда. То ли логистика места подкачала, то ли цену застройщик назначил слишком высокую… спрос был низок. Спустя год после торжественного открытия, которое сопровождал грандиозный гала-концерт, после десяти месяцев тотальной рекламы в сети и обработки всех фокус-групп… были заселены от силы десять процентов домов. Поселок оставался полупустым.

Был риск, что и эти жители уедут. Продадут жилье обратно, даже заплатив неустойку и потеряв деньги. Допустить этого была нельзя.

Застройщиком было «Атцлан-констракшн» — дочернее подразделение “Pyramid Products”. Это они строили утопию. Хотя были те еще кровопийцы, как он хорошо знал.

И тогда нанятые компанией психологи решили, что новым жильцам будет тяжело выносить одиночество. И в пустых дворах и окнах были запущены голограммы.

Это была огромная потемкинская деревня. Но других людей эти копии, сделанные очень искусно без эффекта «зловещей долины», не пугали, а успокаивали.

А вот ему больше нравились полупустые улицы и пустые дворики. Нарисованные окна счастливых людей давили на него.

Но велика ли разница с тем, что он видел в заполненных настоящими людьми городах? Те же программы, те же копии.

«Ну и как вообще жить в этом мире? Где все просчитывают выгоды, расходы и риски? — вполголоса произнес Синохара. — Как найти себе хорошую спутницу жизни?».

И лучше бы этого не делал. Приложение для знакомств — восприняв его риторический вопрос как запрос — тут же подобрала ему десять тысяч кандидатур. Почти все из них жили поблизости. Или находились в барах по всему Лондону. Кого там только не было… Но что ему до них?

Объявление: «Нежному и трепетному цветку нужен садовник». Пол не уточнялся.

Гарольд скривился. Нет уж, пусть его считают ретроградом, но для него пол почему-то по-прежнему имел значение.

Он вспомнил, как во время службы в Рамштайне зашел по ошибке, когда ездил на выходные по Восточной Германии, в ночной клуб «Веселый тракторист», выдержанный в стилистике ГДР (в странах бывшего Восточного блока она стала популярной с нуль-двадцатых годов). И как сразу унес оттуда ноги. И совсем не потому, что не любил коммунистов. Хотя это тоже было правдой.

Нет, уж пусть его считают старомодным, но ему нужна женщина, причем с вагиной.

Хотя кому он врет? Ему была нужна одна конкретная. Да, с вагиной. Но вся целиком, включая душу. Но с этим не срослось. А остальных он воспринимал просто как кусочки мяса. Многие из них приятны на вид… а может и на вкус, и на ощупь. Но все это не то. Говорят, что влюбленность идентична по влиянию на мозг подсаживанию на наркотик. Так и есть. И никакие природные или синтетические заменители ему не нужны.

Отключил приложение. Заблокировал.

Шел, куда глаза глядят. Игнорируя дождь и ветер. Не простынет. Включил форсированный прогрев одежды.

Тут было совсем недалеко, а назначенного ему времени он может дождаться и внутри. Лучше не опаздывать.

Он был почти на месте.

Старый фонарь бросал желтые отблески на лужи на старом асфальте.

Над канализационными решетками клубился пар. Гарольд готов был поклясться, что это специально так сделано. Как и живописные мусорные урны старого образца. Даже собаки на помойке и те могли быть реквизитом, уж очень непохоже их спокойствие было на поведение живых.

Некогда тут был деловой район со средней руки офисами, но после кризиса тридцатых годов и наплыва мигрантов его репутация испортилась… большинство арендаторов съехали, и

здания стояли пустыми.

Теперь это место пользовалось дурной славой. Слишком близко Гетто. Белый средний класс отсюда почти весь сбежал. Теперь они только иногда приезжали в некоторые здешние заведения, такие как клуб «Заводной апельсин». Обычно сюда не приходили пешком и не прогуливались просто так.

Впрочем, какое ему дело до белых мидлов? Он и сам не из их числа… внешне. Ему нужны конкретные услуги, которые оказывали в этом месте. А безопасность тут была на высшем уровне — ее гарантировали самые надежные охранные системы. Главным для хозяев же была неприметность и отдаленность. Такие вещи любят тишину.

Секьюрити в черной форме встретил его прямо на парковке, когда открылись ворота. Он был худощав и совсем не похож телосложением на небольшой шкаф, как охранники «Апельсина», которые вышли, когда драка уже была закончена. Но почему-то австралояпонцу показалось, что этот один уложил бы всех тех четверых и даже не запыхался бы.

— Проходите, сэр. Мы вас уже ждем.

Своему лицу секьюрити попытался придать заботливое выражение. Получалось плохо. Примерно как когда бультерьер пытался смотреть заискивающим и добрым взглядом.

На регистратуре в стеклянном холле его встретила улыбающаяся блондинка в белом халате. Второй номер груди, скорее всего, настоящая. А вот цвет волос явно искусственный, потому что кожа слегка смуглая, как у испанцев или итальянцев. Так называемый динарский тип.

— Здравствуйте! Чем я могу вам помочь, господин Синохара?

У нее легкий акцент, скорее всего романский.

— Я хотел бы заменить печень. В последнее время она часто меня подводит.

— Отличная идея. В этом месяце бешеные скидки.

Гарольд знал, что сейчас демпинг на рынке органов — потому что бои в Южной Америке поставляют столько трупов, что даже выработку китайских ферм перекрыли. Тут же при клинике был магазин «Секонд хэнд». В соответствии с названием, там продавались запчасти — в том числе и подержанные. И руки тоже там были.

— Дальше, говорят, будет еще дешевле, сэр, — улыбнулась девушка, но потом спохватилась, вспомнила об этичности и сделала скорбно-торжественное лицо. — Через неделю ожидается поступление свежего товара. Нет, все это законно. Мы не используем органы погибших при военных конфликтах.

«Не рассказывайте сказки», — подумал он.

Почки, печень, сердце, легкие, поджелудочная железа и тонкая кишка… Гарольд знал, что искусственные аналоги долговечнее и давно уже нет проблемы их отторжения. Главная их проблема искусственных — они дороже, если брать качественные. И уязвимы для дистанционного злонамеренного воздействия. Поэтому все главные элементы его организма должны быть биологическими. Но с биологическими, но выращенными, никаких проблем нет. Но все равно донорские дешевле. Особенно если это «недобровольный» донор. Нищие и жадные старики ставят себе такие.

— Нет, мне это не нужно. Новое сердце? Хм… Может, позже. А пока мне требуется только печень.

— Операция по протоколу 8Д-12?

— Да, конечно.

Лицо регистратора осталось бесстрастным, с такой же застывшей улыбкой, но глаза сверкнули, будто синим лазером.

Этот номер был кодовым. Конечно, ему не нужна была печень. И, конечно, они уже идентифицировали его по айденту и профилю, как только он переступил порог. И поняли, откуда он.

— Подождите, сэр. Одну минуточку.

Ждать пришлось всего несколько секунд.

— Ваш специалист ожидает вас на уровне D, — объявила женщина, делая приглашающий жест рукой с идеальным маникюром.

D. Гарольд уже бывал здесь и знал, что это подземный этаж.

И в этот момент в холле открылась мембрана лифта, который поднялся снизу, будто из преисподней. Из него появилась еще одна женщина-видение, похожая на эту как клон. Поздоровалась с ним. Конечно, все европейки-блондинки на одно лицо, но не настолько же!

И жестом холеной наманикюренной руки она пригласила проследовать в лифт.

Синохара повиновался. Лифт понес его вместе с безмолвной провожатой вниз в преисподнюю, и ему сразу показалось, что для минус четвертого этажа они спускаются довольно долго.

Наконец, диафрагма бесшумно открылась.

Медсестра таким же жестом пригласила его следовать за ней. Почему-то Гарольд вспомнил про нацистских женщин-врачей и усмехнулся.

Этаж сиял мягкой белизной. Наверно, так должен выглядеть настоящий рай для аскетов и мучеников. Без всяких садов. Только белое безмолвие, чтоб наслаждаться тишиной и близостью с Абсолютом. Но вот то, что здесь творилось в операционных по правую сторону коридора… раю не очень подходило. Там

кромсали созданное по образу и подобию, причем не чинили сломанное, а улучшали, чтоб повысить эффективность работы.

Наверху находилась обычная легальная трансплантационная клиника для обеспеченных клиентов, которые хотят поменять свои «запчасти» в рамках закона. Пять этажей над землей, прозрачные стены коридоров, уютные палаты, светлые операционные. Тропические растения, фонтаны и репродукции картин на стенах. Но на этих четырех подвальных этажах занимались совсем другими вещами. Тут украшений не было, а все было чисто, но утилитарно. Это выглядело как подпольные операционные для элитных клиентов, готовых платить большие деньги, которым недостаточно легальных проверенных процедур. Но даже это была маскировка.

Там действительно проворачивались нелегальные хирургические операции и биомодификации, но опекалось все это не русской мафией или триадами, а частной военной компанией «Тринити Дефенз Системз», которая была «дочкой» Корпуса, хотя об этом знали только те, кто в нем служил. И главной их деятельностью было обслуживание сотрудников Корпуса, предоставление им тех апргрейдов, которые твердолобый Мировой совет еще не разрешил. Некоторые — на время, для последующего удаления. А другие сами распадутся в организме без следа. Третьи же будут так тщательно замаскированы под «лечебные» протезы и импланты, что без тщательного осмотра никто их никогда не заметит.

Удобно иметь таких «друзей», находящихся за кромкой закона.

Его усадили в кресло. Явно осмотровое, оно выглядело как удобный предмет домашней мебели, где можно расслабиться. Рядом не было заметно никаких приборов. И в то же время Синохара знал, что его сейчас будут сканировать.

Собственно, еще на ресепшене он дал устное и электронное согласие на первичный осмотр. Поэтому второй раз его спрашивать не стали, просто поставили в известность — загорелась надпись перед глазами.

«Пожалуйста, вытяните руки вдоль подлокотников так, чтобы ладони касались красных областей».

Окей. И тут же подлокотники будто примагнитили его руки. А те словно приклеились к ним. В обычных клиниках редко используют такой метод. Но здесь основные клиенты — те, кто привыкли подчиняться.

«Сохраняйте неподвижность в течение 3 секунд. Возможны небольшие неприятные ощущения. Спасибо!»

Он сделал, как от него потребовали. Не в первый раз в жизни.

На подлокотниках зажглись две зеленые полосы и начали двигаться от красной области вдоль его рук. Напротив запястий они остановились. Гарольд почувствовал, что кисти временно онемели (это включилось нейроподавляющее поле), и только потом — ощутил два легких укола — там, где на находятся вены. Но боль мгновенно прошла, а крови не было вовсе. Через полминуты руки были свободны.

Он знал, что внутри него теперь находится несколько микроботов, которые будут путешествовать по его кровяному руслу. Можно было, конечно, принять их в виде таблетки. Но это было бы дольше.

И вот осмотр начался. Он займет целых десять минут. Хотя по современным меркам это долго. Обычные процедуры в клиниках занимали вдвое меньше. Но за это время медботы и стационарный сканер просветят его тело на уровне тканей, клеток и органов. Кожа, волосы, кровь, все жидкости человеческого тела — будут подвергнуты анализу.

«Пожалуйста, оставайтесь на месте. Полную неподвижность сохранять не обязательно, но не пересекайте линии сканирования. Спасибо!».

Область сканирования была обозначена на полу светящимся прямоугольником, который окружал его сидение по контуру. Своего рода прокрустово ложе в виде кресла, похожего на пилотское. Достаточно просторное, в нем можно было даже крутиться. Но это было лишнее. Гарольд понимал, что незачем усложнять задачи автоматике.

За это время еще одна медсестра, похожая на официантку-хостесс в белом головном уборе с красным крестом, вызывающим ассоциации с монахиней, предложила ему чай или кофе.

От всего этого австралояпонец отказался.

Наконец, осмотр был закончен, и откуда-то из лабиринта коридоров появился добрый доктор. А может, недобрый.

Тот был в синем защитном комбинезоне, словно ученый, имеющий дело с бактериологическим оружием. Но Гарольд подумал, что ему лучше подошел бы заляпанный кровью прорезиненный фартук мясника. Сам он явно не хотел прибегать к восстанавливающим процедурам. Тело у него было иссушенное, плечи ссутулены настолько, что на спине слегка обозначился горб, а лицо напоминало сморщенное яблоко, так что нельзя было определить возраст. Монголоидное лицо. Он улыбался, но улыбка эта выглядела как не сулящая ничего хорошего пациенту.

— Вы откуда? Mainland? — спросил «горбуна» Гарольд, имея в виду, конечно Chinamainland.

— Нет, что вы, — кивнул доктор, улыбаясь. — Таиланд.

— Надеюсь, член вы мне отрезать не будете. Я на это согласие не давал.

— Ну что вы. Корпус мне бы это не простил. Ведь это снизило бы вашу боевую эффективность, уменьшив мотивацию. Хотя сейчас это легко чинится. Можно даже поставить штуку внушительнее.

— Не надо.

Посмеялись. Но этот чувак Гарольду не очень понравился.

— А вы здоровы как бык, сэр. Мы можем приступать к операции на грудной клетке. Шансы очень высокие. Почти девяносто восемь процентов, что отторжения не произойдет, и вы выживете.

— Это радует.

— Поскольку процедура новая и недостаточно отработанная… вы должны подписать полный отказ от претензий. И что, если что-то пойдет не так… ваши наследники также не будут предъявлять юридических претензий.

Синохара дал это согласие, проведя пальцем по светочувствительной поверхности ретро-бланка.

Зубы у трансплантолога, которому он вверял свою жизнь, были с лазоревым отливом. А шевелюра была похожа на встопорщенные иглы дикобраза. Тоже синяя.

Не китаец, и слава богу. Китайцы не любят японцев. Даже полукровок. Хотя общие потрясения здорово сблизили власти этих стран в недавнем прошлом, когда Китай вложил миллиарды в падающую японскую экономику, а сам хранил деньги в ценных бумагах японского казначейства. Но не народы. Старые обиды тяжело забыть. А они были жуткие, и не исчерпывались Нанкинской резней и Отрядом 731.

«Можно подумать, они бы с нами этого не сделали, если бы сумели? Пусть расскажут, куда делась Джунгарское ханство в восемнадцатом веке, и кто вырезал его жителей».

Но все же хорошо, что не китаец. Он им не доверял, даже экспатам, даже потомкам эмигрантов. Иногда ему казалось, что любой из них, даже если хвалит Запад и никогда не был в Поднебесной, на самом деле, как вирус, работает на свою империю.

Наверняка таец получал вторую зарплату по секретным ведомостям Корпуса мира. Но Гарольд предпочел бы, чтоб этими процедурами занимались штатные врачи Корпуса в специальных закрытых учреждениях. Но идиоты запретители спутали все карты… Сами в основном старичье, на иссушенные тела которых никакие апгрейды просто не поставятся.

Поэтому считалось, что оперативники, согласные на такие

вещи, действовали at their own risk. Хотя за этот риск им и доплачивали.

— Идите за мной, — доктор повел его за собой по коридору с матовым освещением. А вскоре они оказались в большой операционной.

Здесь он снова усадил клиента в небольшое кресло. Синохара успел только подумать, где же здесь операционный стол, когда кресло начало трансформироваться. Именно оно и было столом. Вместе со своим живым грузом оно переместилось в центр комнаты и приняло горизонтальное положение. Освещение стало более ярким. Прямо из стола выдвинулись фиксаторы — впрочем, он был об этом заботливо предупрежден. Его глаза защитила специальная пленка.

Два едва заметных укола. На лицо плавно опустилось устройство, похожее на маску или на Чужого из фильма. Заиграла тихая приятная музыка, и Синохара почувствовал, как сознание начало уплывать. Похоже, наркоз начинал действовать. А значит, у него была от силы минута. Поле, подавляющее активность нейронов, для таких операций пока не использовали. Традиционное временное отключение сознания химическими препаратами было более надежным.

Он вспомнил, как после первой операции по установке модификаторов рефлексов смог подбрасывать нож, так что тот делал несколько десятков оборотов, а потом, не глядя, ловить его. Это был максимально допустимый уровень — дальше тогда даже в Корпусе не разрешалось себя улучшать. Практическое применение у этого апгрейда имелось. И он отнюдь не исчерпывался метанием острых предметов… или гранат. Хотя и это он делал в Индонезии. Повысилась и общая реакция на раздражители, что в боевой обстановке было важно.

Теперь у него были включения, которые при обнаружении могли заставить удалить насильно. Впрочем, его положение давало ему некоторый юридический иммунитет. Формально операция была продиктована «медицинскими показаниями». И вряд ли гражданские власти смогут до него добраться.

Туман подступал все ближе. Гарольд знал, что сейчас он отрубится.

А еще знал, что под теньканье традиционной японской музыки ему раскроют грудную клетку и начнут копаться в его hardware. На сленге эта операция называлась «Кровавый орел», и это было не случайное название. Синохара улыбнулся. Вспомнил, что почти такую же «процедуру» делали викинги со своими жертвами. Правда, у тех смертность доходила до ста процентов.

Автоматические манипуляторы замелькали вокруг него. Они

уже наносили разметку, сбривали — то есть сжигали волоски. Все, что ниже живота, было закрыто эластичной тканью из биопластика. Там они копаться не будут. Как и выше шеи. А вот все остальное…

Хирург стоял рядом — в перчатках, костюме, похожем на костюм работника АЭС и — действительно надетом поверх резиновом фартуке. Похоже, это был уже другой человек — он был сантиметров на пять выше тайца. Он и будет контролировать весь процесс. Вряд ли манипуляторами тот управлял силой мысли, скорее всего глазами или движениями пальцев. А некоторые движения у тех были автоматическими. Лицо оператора было закрыто сплошной маской, так что не видно было даже глаз. Анонимность прежде всего.

Наконечники манипуляторов кружили от одного ребра к другому. Их прикосновения противно холодили, но ощущения становились все более притупленными. Пока они не резали, не пластовали, а только изучали, приноравливались. Готовились.

Сознание ускользало все дальше в страну Неверленд.

«Боль все равно придет, и мозг ее почувствует, но я не буду ее воспринимать, потому что сознание будет отсутствовать. А если нет человека, то некому понимать, что боль — это страдание».

Там, где нет осознания — нет и боли.

Скольжение в небытие задерживалось потому, что тренированный организм был очень крепким и резистентным. Но специалист, который сочетал в своем лице и хирурга и анестезиолога, свое дело знал. Тот посмотрел на часы, висящие под потолком.

Секундная стрелка была неподвижной. Сознание защищалось от «выключения» и замедляло время. Костлявый доктор-смерть тоже застыл. Нет, это был тот же самый человек. Просто, видимо, ему нравилась его работа, и он перестал сутулиться, распрямился. Даже что-то насвистывал под нос. Он начал медленно-медленно поднимать руку. Да, именно ей он управлял приборами, которые резали и сшивали человеческую плоть. Как дирижер оркестра.

Прошло, по субъективным ощущениям, минут пять, но Гарольд видел, что таец стоит все в такой же позе. Разве что пальцы руки, которыми он управлял чувствительной машинерией, медленно-медленно двигались. А в другом конце операционной — который казался отделенным целой площадью — манипулятор достал из прозрачного шкафа нечто, похожее на упряжь. Блестящий черный металл, зеленый биопластик, гибкие сочленения. А внутри тускло светился спящий пока генератор. Второе сердце. И все это носят не снаружи. Это устанавливается

внутрь.

«Зачем они мне это показывают? Я и так знаю эти штуки. Чертовы садисты».

Прежде чем провалиться в забытье, Гарольд подумал о том, что теперь его точно не взяли бы в полет в один конец на Марс. Киборги космическими агентствами отсеиваются сразу. И наконец-то отключился.

Через трое суток он вышел из клиники. Мышцы и кости еще болели, все тело одеревенело. Он вспомнил сказку Фрэнка Баума про Жестяного Дровосека.

Его уговаривали остаться в стационаре еще на два дня, но он вместо этого потребовал отвезти себя в гостиницу. Заживление проходило быстро.

Там он не стал вкалывать себе стимулятор, а вместо этого быстро разделся и забрался под встретившее его приветливое одеяло. Решил выспаться — целых шесть часов. Редкое наслаждение, которое он нечасто себе позволял. Утром, он знал, будет чувствовать себя бодрым. И готовым к тому, что ему предстояло.

Гарольд Синохара был доволен проведенным процедурами, хотя странное ощущение потери преследовало его. Но он знал, что приобретения были важнее потерь.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Прекариат (нем. Prekariat от лат. precarium, англ. precariat от англ. precarious — нестабильный, негарантированный и пролетариат, нем. Proletariat) — класс социально неустроенных людей, не имеющих полной гарантированной занятости

[2] Шимата (яп., простореч.) — тьфу, пропасть! черт возьми!

[3] Dunno (англ., искаж. от [I] don’t know) — Не знаю.

Часть 8. День мертвых

«…Уже ясно было, что стены их не останавливают.

«Кто ты? Что ты мать твою такое?!» — закричал он, пятясь, чуть не спотыкаясь.

Сквозь дым плавящейся обшивки и мигающий аварийный свет Роберт Кадзуки вглядывался в противоположный конец отсека.

— Ты понимаешь меня? Не подходи или я сожгу тебя на хрен!

Черт, как же трясутся руки. И как медленно перезаряжается проклятая батарея, подумал он. Еще десять секунд, и можно использовать дисраптор…

— Кто ты? — неожиданно ответила тень. Ее голос был смутно похож на чей-то. И одновременно не похож ни на что.

— Я человек. Экзобиолог. Землянин. Ты понимаешь меня?

Четыре секунды осталось. Три. Две. Прицеливание… Захват…

— Ты понимаешь меня. Экзобиолог. Землянин. Я человек, — сказала тень и метнулась к нему… и он сам стал тенью».

Роджер Алиссон, «Полиморфия», фантастическая повесть, 2034, Нью-Йорк, издательство АСП-паблишинг.

Трансатлантический лайнер держал курс на юго-запад. Внизу проплывали снежные поля, небольшие рощи, маленькие городки, описанные когда-то Стивеном Кингом, автострады. Зима в этом году в Новой Англии выдалась холодная.

Настоящих иллюминаторов в самолете не было, но через заменяющие их экраны Синохара мог наблюдать все, что находится внизу и вокруг. Это был обычный гражданский «Боинг», построенный еще в начале века и лишь слегка переоборудованный, а не новомодный суборбитальный джет. Времени было слишком мало, чтоб тащиться на дирижабле, но прижимистый Корпус мира не стал бы платить ему за дорогой билет на прыгающий через околоземное пространство челнок. Не говоря уже о том, чтоб отправить военный мини-шаттл. Это означало, что несколько часов ни на что не влияют. И он взял билет на самолет “BritishAirways”.

Падал снег.

Он знал, что даже в конечном пункте его назначения температура опустилась ниже нуля, что западного побережья Мексики на широте штата Веракрус далеко от нормы. Почему-то никак не сбывались прогнозы о глобальном потеплении.

Но прежде чем направить туда, ему предстоит немного помариноваться на базе. Неизбежное зло, от которого никуда не деться.

Гарольду вспомнился такой же день. Еще до пятидневной войны. Он был совсем сопляк, лет пяти, и гулял в парке. На Хоккайдо снегопады нередки и минусовая температура тоже. Но тот был за гранью. Хотя он был слишком мал, и ему было не с чем сравнивать.

Уже потом, после переезда, в Австралии, он настолько отвыкнет от снега, что тот будет казаться ему чудом. И уж точно в Кэрнсе не бывало таких низких температур.

Но тогда снег и морозы были ему привычны. В тот день в декабре во всей префектуре царила температурная аномалия, рекорд пятилетия, но это он узнал уже потом. А для него это было просто морозное воскресенье, когда ему втемяшилось в башку лизнуть железный столбик на детской площадке. Неужели где-то их еще делали из металла? Финал был предсказуем. Он прилип. Сначала стеснялся кричать, а потом понял, что не сможет, даже если захочет, и стоял с высунутым языком целый час, пока не нашли взрослые. Оторвать язык боялся. Боялся боли и крови. Хорошо, что никто из мальчишек не видел его… и особенно из девчонок.

И есть женщины, подумал он, совсем как этот столбик, который светился на солнце и изображал лучик, выкрашенный в ярко-желтый цвет. Выглядят теплыми и живыми, а на самом деле ледышки с температурой около абсолютного нуля. Любоваться холодной красотой и держаться подальше, чтоб не примерзнуть — вот все, что остается. А тепло, силы и энергию направлять на других, более земных и доступных.

Улетая, он выключил Аннабель и перевел в режим консервации. Ему было даже стыдно за то, что собирался стереть память гиноида или выбросить ее. Пусть она и не личность.

«Жди меня. Я ценю верность… даже от железяки. Но не забывай, что мы с тобой просто друзья».

На минуту он в последний раз подумал об Эшли. То, что сделал он там, в Ислингтоне — было странно. Люди обычно дружат месяцы… иногда годы — и только потом признаются. Может, не надо было так торопиться?

Нет, все верно. Чего тянуть? Говорят, женщина в первые шестьдесят секунд определяет дистанцию, на которую подпустит

мужчину. Мужчина — тоже. Но для него дистанция, на которую он подпустит женщину, равна нулю метров, если отбросить социальные сдержки.

Говорят, изменить зону, в которую тебя она допустит, нельзя. Только выяснить опытным путем. «Добиваться» ее бесполезно. Ему все больше казалось, что женщина — это биоробот, нацеленный на сохранение вида. При срабатывании сигнала начинает действовать, как самонаводящаяся ракета или магнитная мина. Он такие примеры в жизни видел. Но если сигнала нет — то хоть убейся. А исключения — рациональные, разумные, все просчитывающие… это, как говорили сетевые «гуру», просто женщины с дефектом. Хотя их становилось все больше. Видимо, Эшли была из таких. А может, ее сигнал просто не срабатывал от него.

Конечно, она не согласилась бы даже «общаться» с ним, принимать от него подарки, вести чинные беседы, ей это показалось бы средним между ролью гейши и содержанки. И хорошо, что он ей это не предложил. Унизительно для обоих. Если уж сжигать веревочные мосты над бездонными пропастями — то дотла.

Ему не удалось взять ее штурмом, но скоро предстоит штурмовать другие укрепрайоны, уже не метафорические.

Когда они начали снижаться, Гарольд Синохара уже настроился на нужную волну. Ему было не совсем привычно летать пассажиром. Ощущаешь полную беспомощность и зависимость не только от действий пилота и автоматики, но и от милости какого-нибудь бабуина, который может запустить ракету, подбить из «рельсы» или автоматической пушки. Или даже пронести бомбу на борт. Даже во время оранжевой террористической угрозы, введенной по всему Земному шару.

Но над Северной Америкой никаких происшествий с воздушным транспортом еще не происходило. Сели они благополучно. Всего через пятнадцать минут, воспользовавшись ожидавшим его автомобилем, он стоял перед КПП базы «Норд-Поинт», многофункционального регионального центра управления Корпуса мира ООН.

База напоминала разворошенный муравейник.

На вертолетных площадках один за другим садились вертолеты и конвертопланы, другие винтокрылые машины то и дело снимались и уносились прочь.

Аэродром для тяжелой авиации располагался в десяти километрах. Оттуда должны были взлетать дирижабли серии «Атлант» и большие транспортные самолеты вроде “Nebula” или

“White Whale”. Для гражданских самолетов он был закрыт.

Пять тяжелых тягачей, управляемых людьми, проследовали к дальним ангарам с каким-то особо ценным грузом. У них был эскорт из четырех «Призраков» и одного «Носорога», которые заехали прямо на территорию базы.

А по выделенной полосе длинным потоком, прямо с эстакады, один за другим проезжали беспилотные контейнеры. Прямоугольные, нейтральной серой, а не камуфляжной расцветки. Но надпись: «Собственность ООН» не должна была вводить в заблуждение. Это был совсем не гуманитарный груз. Они прибывали на сортировку. А пустые — для заполнения. Потом они будут погружены на корабли, а некоторые, самые важные, доставит по небу Воздушная логистическая служба.

Вроде бы доминирующая на планете сила не нуждались в маскировке. Но все изменилось после дня, когда один шизик чуть не уничтожил Женеву. Когда подбили перехватчики, а они с Эшли чудом не стали частью космического мусора на орбите. Романтично, черт возьми.

Что там внутри в аэромобильных контейнерах, Синохара попытался подсмотреть, но не смог. Обычного допуска было недостаточно.

Впрочем, он и так догадывался. Стрелковое оружие и боеприпасы к нему. Боевая техника вроде тех же «Призраков» и их улучшенной версии с усиленным вооружением и бронированием — «Банши», а также самого тяжелого собрата — универсального боевого танка «Bullfrog» («Лягушка-бык»), которых вроде бы выпустили штук двести на весь мир, но больше и не требовалось). Была там и артиллерия — рельсотроны и плазменные пушки, ракетные установки. Имелись и экзоскелеты всех типов.

И почти все это выброс денег налогоплательщиков. От дальнобойных орудий еще есть прок. Но танки — куча бесполезного и дорогого железа, подумал Гарольд. Даже «скелеты», как их называли ветераны. Дорогие игрушки для узкой тактической ниши. Победу в войне обеспечит другое оружие.

Еще там наверняка были и похожие на детский конструктор MUCV — «MobileUniversalConstructionVehicles», гибриды гигантских гусеничных тракторов и швейцарского ножа, способные выдвинуть из своего корпуса хоть манипулятор, хоть бульдозерный отвал, хоть стрелу крана. Рабочие лошадки или тягловые быки, к ним в комплекте шли разнообразные дроны для разнообразных работ. Словно муравьиная колония и матка.

Но еще больше, чем этих там маток, там должно было быть «сырья» для их работы. Не только сырья в обычном смысле, вроде загустителя для производства бетонных блоков и панелей. Кроме

этого там были готовые модульные элементы баз. Всего их было двадцать семь типов: блок-посты, медицинские пункты, казармы, мини-электростанции, столовые… из этих блоков, как из кирпичиков, могла быть собрана типовая стационарная база в регионах, далеких от побережий и магистралей. Хоть в пустыне, хоть в тундре. Все, что нужно для затяжных боевых действий вдали тыловых баз снабжения, для поддержки авиации и контроля территории.

Машинально скользнув взглядом, Гарольд вдруг увидел содержимое одной из этих огромных «гусениц», сложенных из контейнеров. Уровня доступа хватало — растяпы офицеры-логистики забыли закодировать.

Весь огромный контейнер был занят грузом «Универсальные контейнеры типа ER-23». Не каждый гражданский знал, что это такое. Но в сети эти сведения легко пробивались. Поэтому любой ушлый журналист мог устроить сенсацию.

Пустые пластиковые контейнеры для трупов. Гробы. Не для военных, для них используются специальные, более дорогие. Для гуманитарной миссии. То есть для гражданского населения.

Он снова вспомнил про муравьиный некрофорез. Нет тут никакой сенсации. Только трезвый расчет. Трупы будут. Куда же без них. И не все они даже попадут в контейнеры. Кто-то попадет в полевой крематорий, который тоже где-то ехал. Или в обычную траншею.

— Капитан Синохара, — пришло сообщение по служебной линии, а значит, его идентификация уже была произведена. — Приветствуем вас на территории базы «Норд-Поинт». Вы можете проезжать! Я встречу вас.

В этот момент поднялся шлагбаум, и машина сама поехала через КПП. Несколько десятков секунд заняли рутинные проверки и «просвечивание».

Прямо за воротами его уже ждали. Офицер в полевом камуфляже, а с ним несколько роботов. Синохара сразу вспомнил оставшегося на базе «Рамштайн» эфиопа военного полицейского по имени Хайле Бекеле. Но тот был куда светлее.

— Здравствуйте, капитан! — жизнерадостно произнес чернокожий в чине лейтенанта. — Проследуйте за мной, пожалуйста.

Афроамериканец? Но по его произношению Синохара сразу понял, что английский для него не родной язык, хоть он и старается. Да и черный цвет его был совсем не таким, как у американских негров. Более насыщенный, антрацитовый.

До штабного комплекса было недалеко — примерно триста метров, поэтому они пошли пешком. Заодно Гарольд собирался

посмотреть базу.

Он давно такого ажиотажа не видел, поэтому задал несколько вопросов, хотя на брифинге должны были дать полные данные.

Задал и пожалел, потому что помимо ответов… на том уровне, на котором было разрешено, лейтенант начал рассказывать ему про свое детство в Африке.

— В Мексике просто ад. Я недавно оттуда. Меня списали. Наши передовые силы там сильно потрепали. Постоянные обстрелы, мины, снайперы на каждом чердаке. Гребанный Вьетнам. В Южной Америке еще хуже, дальше пятидесяти километров от границы и портов пока не продвинулись. В верхах решили приостановить наступление и пустить вперед киборгов, — он имел в виду роботов. — Знаете, сэр. Это не первая моя война. Я на войне с детства. Когда я впервые приехал сюда… вернее, не сюда, а во Францию… из Конго… я думал, что умер и попал в рай. У нас в стране шла гражданская война. Лет пятьдесят. Или сто. Она и до сих про идет. Воевали все со всеми, но особенно племена мбоши и лали. Я был из первого. Так вот, когда я приехал в Европу, было так непривычно, что вначале казалось, что я попал в страну духов. У нас надо было каждую секунду быть начеку, чтоб не убили, не ограбили и не изнасиловали. А там не стреляют, воды вдоволь, еды тоже — на любой вкус, улицы моют с шампунем. Жили мы в специальном лагере. Но даже он нам казался хоромами. Нам назначили пособие, дали «трансляторы», записали на курсы. Потом выпустили в город. Дали вид на жительство. Гражданство я получил только через пять лет. Какие-то злые люди с плакатами приходили к нам под окна и угрожали, призывали убираться к себе в Африку. Но после резни с лали, угрозы сытых белых, не нюхавших крови… просто смешно. В общем, я выбрался из этого дерьма. Не спутался с теми из наших, которые не хотели учиться, хотели воровать и бездельничать. Потом переехал в США, натурализовался. Вступил в Корпус. И теперь я хочу помогать бороться с врагами свободы. Надеюсь, что мы быстро наведем порядок. Чтоб меньше людей пострадало. Я ценю то общество, которое меня приютило. Я хорошо представляю себе, что такое геноцид и бардак. Надеюсь, поправлюсь и снова поеду туда…

«Достаточно! — хотел остановить его Синохара. — Я понимаю, что у тебя посттравматический синдром, боец. Но избавь меня от своего нытья и пафоса. Будь моя воля, я бы тебя комиссовал и отправил домой. Но ты здесь добровольно, потому что хочешь получать хорошую зарплату, даже без боевых доплат. Поэтому заткнись и не трахай мне мозги!».

Австралояпонец вспомнил слово музунгу — так называют

белых в Восточной Африке. Вроде бы это значит «человек без кожи». И иногда с них действительно ее снимали, если речь шла об ООНовских солдатах или чиновниках.

— Понятно, сочувствую… — Гарольд вежливо кивал, но в его взгляде сквозило раздражение. Однако чернокожий этого словно не замечал и продолжал.

«Почему-то все думают, что я похож на жилетку, куда можно поплакаться».

— Пять лет назад я побывал дома… хотя мои родители и все братья умерли, а сестры уже выглядят как старухи. Зато племянников много. Ничего не изменилось. В чем-то даже стало хуже, потому что там, где раньше жили сто человек, сегодня живут двести. А воды больше не стало. И все деревья вырубили, даже кусты. Надеюсь, мы быстро раздавим этих ребелов, и предотвратим гуманитарную катастрофу. После Мексики есть много мест в мире, которыми надо заняться.

«Да кто тебе сказал, что я хочу твой бред выслушивать? Тоже мне, патриот планеты Земля», — подумал Гарольд. Но сдержался.

— А вот сын мой… он не такой. Снюхался с радикалами из «Меча Пророка». Говорит мне: зачем мы переехали сюда, в страну грязных неверных, которые ненавидят нас? Как было хорошо на родине… прародине всего человечества. Так и сказал. Смешно. Обычные подростковые проблемы… наложились на отторжение со стороны единичных белых мерзавцев и ксенофобов.

«А он знает много слов из лексикона психолога», — подумал Гарольд.

— Но главное, нашелся кто-то, кто ему лил в уши этот яд. В один из дней он просто уехал. Оставил ЗД-послание, что хочет воевать с неверными псами за свободу и царство истиной веры.

— Сочувствую, — сквозь зубы процедил австралояпонец, хотя сам подумал, что никакой жалости не чувствует. Каждый сам отвечает за ошибки в воспитании детей. А такие «детишки» с автоматами и гранатами лечатся только пулей в голову.

Он слышал подобные истории. Только про левых, а не религиозных фанатиков. Всяких сапатистов и чегеварианцев. Но поддерживать разговор не хотел. Его удивляло, почему вообще этого офицера не отправили принудительно в отпуск и не поместили под надзор.

Хотя надзор мог осуществляться негласно. Практика СПБ была ему известна. Но зачем ему этого подсунули?

Видимо, у чернокожего эмпатия была развита неплохо, и он почувствовал это отторжение, но не обиделся.

— Извини, дружище, если загрузил тебя, — на лице у него появилась виноватая улыбка. — Удачного дня. Полковник в

тренировочном блоке, но вы можете подождать его в приемной.

— Спасибо, — чуть громче и резче, чем следовало, произнес Гарольд. — Я так и сделаю.

— А, капитан Синохара. Добро пожаловать на борт, — худощавый и высокий полковник сухопутных войск Эдвардс приветствовал его, сидя за своим столом. То, что его вопросом занимается лично заместитель командира базы, Гарольду должно было льстить.

В кабинете не было ничего лишнего — стол и стулья, которым можно было придать любую форму, большое окно выходило на широкий плац. Окно было настоящим, и в комнату проникал свежий воздух без всяких примесей. Они были в тридцати метрах над землей, а новое горючее в основном запаха не имело, — Я уже получил ваше прошение о переводе. Но, честно скажу, мне хочется предложить вам нечто другое. С вашим опытом, мы хотели бы вас видеть в нашем тренировочном лагере, одним из ведущих инструкторов. Сейчас на первом плане переподготовка бойцов резерва. Что вы на это скажете?

— Прошу прощения, сэр, но я думаю, что в боевых частях я мог бы принести больше пользы.

— Это похвально. Я читал ваше личное дело… и рекомендации… в том числе от компании “GSC”. Я понимаю, что вы специализируетесь на тактических боевых роботах. Но там на месте… если мы удовлетворим вашу просьбу… под вашим командованием будет смешанное подразделение.

К этой новости Синохара был готов и его это не пугало. Люди так люди.

— Контингент к вам попадет… разный. Вас направят в дивизию «Скорпион», которая в основном включает в себя добровольческие иррегулярные формирования. В вашем батальоне будут только добровольцы. Все они прошли двухмесячный курс подготовки. Обращайте внимание на моральное состояние подчиненных. Надо не только пресекать панические настроения, но и осуществлять контроль за соблюдением этических стандартов и предписанных Положением о Корпусе мира ООН процедур. Мало нам «матадоров»… Которые вообще не связаны с нами, а финансировались и управлялись напрямую этой чертовой «Пирамидой». Но их поведение легло пятном на нашу репутацию! Многие добровольцы тоже не сахар. Есть там и прекрасные люди, бывшие полицейские, музыканты, артисты, студенты. Но вам таких могут и не дать. Хватает откровенного зверья и отбросов, по которым тюрьма плачет. Некоторых оттуда и выпустили по амнистии. Это может

осложнить наши действия на временно неконтролируемых территориях и толкнуть колеблющееся население в объятья мятежников. Вот несколько вводных, ознакомьтесь, когда будет время. Нет, не сейчас, — поспешил уточнить полковник, — Также вы поступаете в подчинение майора Джошуа Мейвезера, командира сводной тактической группы.

— Это честь для меня.

— Перестаньте держаться как рекрут-первогодок или корпоративный служащий в Корее, капитан. Мы не в офисе «Samsung» и не на тренировочной площадке в Форте Брэгг. Майор Мейвезер — уникальный специалист и блестящий тактик. Этого вам должно быть достаточно, но добавлю, что он еще и инженер, специалист по проектированию боевых дронов. Сейчас вы поговорите с ним. Думаю, вы сработаетесь. Среди имеющихся в моем распоряжении офицеров, пригодных к оперативному командованию на линии фронта в частях с высоким уровнем роботизации, вы обладаете одними из самых высоких показателей.

— Спасибо, сэр. Я свяжусь с ним по сети?

— Нет необходимости, капитан. Он уже здесь.

— Так точно. Это честь для меня. Я думаю, мы поладим, — произнес Гарольд. Конечно, это был хорошо скрытый сарказм.

— Возможно. А теперь я вынужден вас покинуть, меня ждут другие дела. Удачного дня, — сказал полковник и вышел из кабинета, сделав на пороге приглашающий жест. Уже через плечо полковник посмотрел то ли понимающе, то ли сочувственно на австралояпонца.

А в комнату размашистой походкой вошел человек. Крупный, корпулентный, массивный. Дверь закрылась за ним, оставляя их одних.

— Здравствуйте, сэр, — отчеканил Синохара.

— Рад вас видеть, капитан, — кивнул новоприбывший и протянул руку. Показная, то есть фальшивая демократичность между офицерами была нормой в Корпусе.

Это майор… его трудно было описать без *лукизма*. У него было слегка обрюзгшее лицо с мягкими чертами и тело игрушечного пупса. У него была ранняя лысина и никаких признаков ее коррекции. Он выглядел аккуратным, но в меру.

Форма натягивалась на нем, как баллон. Видимо, он злоупотреблял фастфудом, хотя до болезненного ожирения его состояние не дотягивало. А на лице была улыбка, которая показалась Гарольду брезгливой ухмылкой. Но он сказал себе, что может ошибаться.

Хотя в Корпусе сроду не было запретов на пристальный

визуальный контакт, как в некоторых частных компаниях, поймать глаза майора никак не удавалось. Он не отводил взгляд, но смотрел сквозь, куда-то на переносицу. Это было мало похоже на смущение. И вряд ли другие это замечали. Но Гарольд привык фиксировать, запоминать и анализировать каждую мелкую черточку. А с недавних пор у него была установлена программа для анализа таких физиогномических черт. Поэтому он поставил для себя отметку.

Голос Мэйвезера звучал довольно ровно. Но иногда его громкость менялась. Он говорил тихо и будто робко. Но потом, наоборот, его голос начинал звучать громче, чем следовало и резче, чем нужно. Словно недосаливал и пересаливал. Все это не выбивалось из нормы. Гарольд просто отметил это про себя. Ему так проще было запоминать людей.

Закончив описание задачи, специфики личного состава и техсредств, убедившись, что Синохара все понял, майор кивнул ему и вышел. Гарольд думал, что новый непосредственный командир задаст ему какие-то вопросы, но тот удалился, ограничившись отправкой файлов. Синохара не попытался его остановить. Ему уже попадались люди, с которыми труднее было говорить, чем с промышленным роботом. Но даже с ними он находил общий язык через неделю-другую.

Больше на этот день никаких дел было не запланировано, кроме работы с документами. Кое-какие тренировки, аттестации и медицинские осмотры будут завтра и послезавтра. И ему надо доказывать свой уровень подготовки перед ответственным заданием. Даже если он проходил это все в еще более строгой форме несколько месяцев назад.

Придя в казарму для офицерского состава, не приписанного к базе — больше похожую на недорогую гостиницу, Синохара принял душ и прилег на кровать. Заказал в торговом автомате суши, которое на автотележке, которая умела подниматься по лестнице, было привезено прямо в номер.

В тот момент, когда он жевал маринованный имбирь и мазал роллы горчицей васаби, пришло сообщение от генерала Ю Линя, не обычное SM, а закрытое, шифрованное.

«Это неофициально, Гарри. Я знаю, что ты на меня зол. Еще раз напомню, что это не я выбрал вас в тот экипаж. И я сам был в шоке, когда начали сбивать корабли. Знаю, что тебя направили к Мэйвезеру. Хочу тебя предупредить. Джошуа — офицер высочайшего класса. У него ни одного взыскания и ни одного замечания, только поощрения. Но как человек он… вызывает вопросы. Это говорят не психологи. Это моя интуиция говорит. По всем тестам он уникально нормален, куда стабильнее тебя и меня.

Вроде бы он мормон из Солт-Лейк-Сити. Короче, не зли его без надобности. И смотри в оба там. Там много опасностей и кроме мятежников. Удачи, солдат!»

Вот те раз. Даже бывший начальник о нем беспокоится.

Гарольд лишь криво усмехнулся. Он чувствовал нечто странное не меньше, чем далекий генерал в Европе. Но тому это знать было необязательно.

А через пять минут ему пришло еще одно сообщение. О котором полковнику Эдвардсу, а тем более майору Мэйвезеру не надо было знать. Все было в рамках инструкций и протоколов Корпуса. Просто это распоряжение пришло с самого верха и обладало абсолютным приоритетом.

*****

Без лишних проволочек, через четыре дня, немного освежив знания в симуляторах и на полигоне, Синохара уже был направлен в действующий армейский контингент.

Другие, недавно принятые на службу и резервисты, тренировались не меньше месяца, но его уровень подготовки, видимо, считали настолько высоким, чтобы в этом не было нужды. Или, может, командованию он был нужен как можно скорее, без проволочек.

И вот снова на борту самолета. Только теперь это был не гражданский «Боинг», а военный транспортник серии “Nebula” от Lockheed Corporation. Синохара знал, что другие модификации этой машины используются как авиаматка для дронов. Но не эта модель. Эта — обычный транспортник, с возможностью погрузки через откидывающуюся вверх носовую часть. Оборудованный и для высадки десанта, в том числе тяжелых аэромобильных соединений.

Планы изменились, и их не собирались высаживать на аэродроме. Видимо, на линии фронта произошли какие-то неблагоприятные события.

«Проще говоря, нас отбросили от побережья и захватили или уничтожили аэропорт».

О пункте назначения он узнал только после того, как шасси тяжелого транспортника оторвались от взлетной полосы.

В стратегию их не посвящали, ограничившись только тактическим уровнем.

Но, если верить слухам, циркулировавшим в сетевых группах Корпуса, кишащих доносчиками, но наполненных в основном пустым трепом — высоколобыми «мозгами» в штабах планировалось наступление широким фронтом. И самолетов явно

будет не один, а выброс состоится сразу в нескольких местах, почти как в операции «Оверлорд». И наверняка будет несколько основных целей.

К слову, и название операции было похожим — “Warlord”.

Их ударная группировка, в которую вошла и дивизия «Скорпион», стала острием копья, нацеленного на прибрежные цитадели мятежников. Конечно, кроме удара с воздуха, будет и атака с моря. Наверняка.

Синохару отрядили в группу, которая высадится в штате Веракрус, к востоку от одноименного мегаполиса. Это было особое место. В этом регионе правили радикальные ультралевые фанатики, которых, как говорили, даже революционная Народная власть Мексики боялась. Они устроили в некогда богатом буржуазном городе коммуну и чистили его от вредных элементов.

«И, конечно, не обошлось без вечных спутников этого «счастья». — подумал Гарольд. — Массовых экспроприаций и бессудных расстрелов. Хотя суд у них там есть. Народный, разумеется. Ух, паразиты. Доберусь я до них».

По всему штату дроны и наблюдение со спутников фиксировали захоронения тех, кого убили радикалы из «Черной гвардии». Все это дотошно записывалось. Пригодится для Гааги. Преступления своих тоже записывались… но тут уже как карта ляжет. Может, пригодятся для давления на конкретных офицеров. А может, будут благополучно удалены. Целесообразность превыше всего.

Что же до леваков… и по-испански, и по-английски название этой организации звучало одинаково зловеще. “La Guardia Negra” (GN). “The Black Guards”. Их эмблемой был черный молот в черной руке. Черная она была вовсе не из-за расового состава, хотя африканцы в ее рядах тоже были. Черный символизировал приверженность анархизму и отрицание власти. И они были не чета травоядным европейским анархистам. Скорее походили на своих собратьев начала XX века.

Все это напоминало «Карету черепов», которая ездила по улицам Сарагосы, во времена республиканской Испании, и отправляла на тот свет тех, кого можно было заподозрить в сочувствии франкистам — то есть всех богатых, религиозных и консервативных. Этот веселый фургончик потом прикрыли более адекватные республиканцы, но пропаганда Франко хорошо сумела использовать факты расправ анархистов над священниками и монахами, имевших место в 1936 году.

«Иногда полезно знать историю за пределами Ультрапедии, где этого нет».

Но были в штате Веракрус и две дивизии из более умеренной

Мексиканской революционной армии. Они стояли в двух городах в двадцати километрах от побережья.

Координация между МРА и «Черной гвардией» была, судя по агентурным данным, очень слабой, а кое-где на местах они и вовсе были в шаге от того, чтоб впиться друг дружке в глотку. Черногвардейцы не пускали МРАшников в столицу региона, объявив ее «зоной свободы», то есть своей вотчиной.

Всем этим можно было воспользоваться. Самое простое, что напрашивалось — если сконцентрировать удар по этой «Черной гвардии», но избегать нанесения ущерба МРА… то до поры до времени они могут не ввязываться в бой, чтоб не растягивать фронт. Или включаться в него с меньшим энтузиазмом… пока не станет поздно и для них. Конечно, это в основном головная боль генералов, стратегов из генерального и оперативных штабов. Но ведь воплощать их планы в жизнь на месте придется именно им, полевым офицерам. Поэтому любую мелочь типа вражеской фракционности, отношений и различий — надо было изучить досконально.

Синохара пообедал войсковым рационом, а после связался со свободным от вахты старшим пилотом. Зная, что судно ведет автоматика, а за ней следят два других члена экипажа, можно отвлечь командира судна на пару минут.

— Как обстановка?

— Все штатно, капитан Синохара. Никакой опасности, — ответил американец без всякого пренебрежения.

Хотя звание у них было одинаковое, но обычно летчики смотрели на сухопутные части Корпуса мира свысока. Этому было объяснение. Почти во всех операциях именно удары с воздуха решали все.

— Есть ли риск, что они нас заметят?

— Мы полностью невидимы на радарах, но даже если нас засекут — у нас сильная система точечной защиты.

— Против рельсотронов она потянет?

— Почти против любого из существующих. Можете не опасаться, довезем без приключений. Кстати, как вам эти в ночных горшках на головах?

— Кибер-нацисты? Клоуны, — усмехнулся Гарольд. — Странно, что командование им доверяет.

— Я чуть живот не надорвал, когда их впервые привезли. Эти добровольцы из Арийского легиона. Шлак и отбросы, но в бой рвутся как никто. Я думаю они разменная монета, и кто-то в метрополии будет рад, если они лягут костьми. На базе с ними была связана чумовая история. Им пришлось свою броню перекрашивать.

— У них еще и танки есть? — присвистнул Гарольд.

— Нет же. Танков у них нет, только экзоскелеты… это и есть их броня. И им пришлось их красить три раза подряд, потому что командование запрещало им наносить на «скелеты» их любимые символы. Свастику, «волчий крюк», руну «зиг» и прочую хрень. А им очень хотелось. И они наконец нашли вариант, который нам пришлось разрешить. Это символика вермахта, который, как известно, не был объявлен преступной организацией. Хотя они пытались доказать, что и индоевропейская свастика — это пожелание мира во всем мире.

Репутация «арийцев» сама по себе была подмочена, потому что они раньше были ситуативными союзниками «Союза освобождения Земли», а потом, после смены руководства, распались, и большая часть вошла в стан лоялистов. И поэтому они очень старались выслужиться.

— Пусть молятся хоть Одину, черти рогатые, лишь бы били комми. Как настроение, капитан? — спросил Гарольд, хотя ему до лампочки было настроение командира воздушного судна.

— Отличное. Мы рвем краснопузых ублюдков по всему свету. Но здесь в Мексике легко не будет. Слышали о потерях при высадке? Полпотовцы неплохо подготовились, им удалось сбросить первые два десанта в океан и отбить порт. Все взлетные полосы взорваны. Садиться таким тяжелым машинам негде. И по суборбитальной не запустить шаттлы из-за «Купола». Я думаю, «Нетопыри» высадят еще пару батальонов. Но это будет чуть позже. Мы идем в первом эшелоне. Впереди нас только БПЛА.

Синохара почувствовал приятную дрожь. Видимо, как охотник или игрок в рулетку.

«Ну, ты этого хотела, сучка? А ведь я благодарен тебе. Ты позволила мне поступить как мужик, а не тюфяк».

Это пытались вначале скрывать, но уже было невозможно держать в тайне. Цифра безвозвратных потерь приближалась к трехзначной. И это до начала полноценной наземной операции. Раненых было еще больше. Потерянного оборудования уже было на сотни миллионов глобо.

— «Полпотовцы»? — переспросил Синохара.

— Да, мы их так называем. Кровавые ублюдки, капитан. За лайнер «Королева Мария Стюарт» они ответят. Я ведь сам одно время в Австралии жил. Среди погибших люди из моего города есть.

Потопленный суперлайнер, только половина пассажиров которого спаслась, по словам пресс службы Народной Власти, осуществлял разведку и имел на борту группу морских пехотинцев. Может, так оно и было, но Синохара не слышал о

такой практике. Ну какой идиот будет вести разведку с помощью гигантского плавучего дома?

Да даже если имел… Какое право у вонючих террористов диктовать свои условия?

По словам правительства Австралии, под чьим флагом шел корабль, и самой команды, они сбились с курса в результате отказала навигационного оборудования. Которое тоже произошло из-за действия системы «Купол» и работы глушилок повстанцев с берега.

В числе других жертв последних недель была команда сбитого грузового цеппелина и нескольких легкомоторных самолетов. Но особенно много проблем наделал Корпусу взрыв диверсантами мятежников ракетного крейсера в Панамском канале. Возможно, задача была сделать тот несудоходным. Но осадки корабля для этого было явно мало. Его быстро подняли и отбуксировали прочь. А топить огромное гражданское судно вроде танкера мятежники все-таки не стали. Потому что после этого уже все бы поняли, кто они есть.

Тем не менее, повстанцы совсем охренели. Их система «Купол» топила корабли, сбивала даже спутники, а самолеты и дирижабли не могли приблизиться к берегам и на триста километров.

В ответ на это Корпусом по всему побережью наносились ракетные обстрелы. Девяноста пять процентов ракет сбивались, но оставшиеся долетали и разносили все в пыль. И если новых «Ультра-ястребов» у Корпуса было не так много, то старого хлама, предназначенного для утилизации, который когда-то находился в национальных арсеналах — целые горы. По всему побережью пылали пожары и стелился черный дым. Люди прятались в подвалах, бежали в глубь континента, создавая столпотворения на дорогах. Вопрос времени, пока ракета не попадет точнехонько по колонне беженцев.

На специальном заседании в Женеве ООН дала разрешение на проведение операции Ограниченным миротворческим контингентом.

— Спасибо за информацию. Удачи, — сказал Гарольд и отключился.

Весь разговор занял пять минут сорок секунд.

Отдав один социальный долг и получив кое-какую информацию, Синохара подключился к линии командира десанта.

На экране возникло бугристое лицо, какое бывает, когда кто-то переболел оспой. Но похоже, это был специальный эффект. Низкий лоб и шрамированная кожа дополняли картину. Щеки и

подбородок покрывали шрамы, как у бравого вояки или немецкого времен кайзера Вильгельма или немецкого студента девятнадцатого века, участника варварских «мензурных дуэлей», которые так любила германская аристократия.

Отто Бауман. Или Панцершрек. Он был лысый, двухметровый и для своих его можно было называть просто Панцер. Но не Шрек. Несмотря на фамилию, был он родом не из Германии, а из Чили.

«Панцеры», то есть танки, впрочем, тот тоже любил. Еще на базе после пятиминутного разговора про ТТХ экзоскелетов и тактику (Синохара убедился, что его собеседник не полный дундук, но далеко не гений) — Гарольду пришлось выслушивать про модельку танка «Маус» в масштабе 1: 100. Полностью функциональную. Даже с рельсовой пушкой, которая могла убить воробья или даже кошку.

Такую держал этот «ариец» в своем шкафчике в казарме на тренировочной базе Арийского Легиона. Это был его талисман. Иногда он выкатывал танчик на прогулку.

Ничего себе символ. Ни разу не воевавший здоровенный танк, который не добрался до поля боя, под которым провалился бы любой мост. И на который ушла чертова уйма средств, которых, наверно, хватило бы русским, чтоб изготовить полсотни Т-34-85.

Со своим японским тактом Синохара не мог просто послать его в задницу и приказать ему заткнуться, а тот этим пользовался. В отличие от пилота, у десантника не было необходимости хотя бы номинально следить за работой систем, поэтому времени у него вплоть до посадки было много. И сразу после танчиков командир отряда аэромобильной пехоты переключился на политику.

Гарольд потерпел его минут десять, поддакивая, потом прервал, вежливо попрощался и отключился.

Конечно, добровольцев, как объяснил полковник, надо уважать, какие бы они ни были. Потому что люди добровольно решились оставить мирную жизни и отправиться за океан воевать за то, что считают порядком. Но кадрового офицера Корпуса Синохара перестал бы уважать за такие взгляды.

За эти десять минут он узнал много «нового». О том, что Гитлер хотел переселить евреев на Мадагаскар, но ему не дали. О том, что, конечно, его политика в отношении евреев была ошибочной, но он не собирался их убивать. К несчастью, почти все они умерли от инфекций в специальных комфортных местах, которые по недоразумению звали гетто и лагерями… куда их помещали для их же блага, чтоб уберечь от насилия и тягот военного времени. А еще многие из них погибли под бомбами

союзников или были убиты наступающими советскими войсками. О том, что «План Ost» — выдумка, Гитлер хотел принести восточным славянам свободу и освободить их из большевистского рабства. Отдельно он сказал — думая сделать капитану приятное — что японцы молодцы и няшки, и, если бы свои таланты они в полной мере применили к делу борьбы с большевизмом — мир был бы спасен от этой заразы. Что «римский салют» — это приветствие со времен легионеров, а свастика — пожелание здоровья и благополучия в общей индоевропейской религии.

Слова «еврей» в обычных разговорах Панцер упорно избегал, используя в качестве эвфемизма названия разных тайных обществ. Если верить ему, то не нужно искать других объяснений, когда в чем-то могут быть виноваты они. Мировой совет — совсем не тайный — он терпеть не мог, но из его слов выходило, что тот — меньшее зло. А вот мятежников он считал слугами «черных масонов», которые хотят отдать всю планету небелым расам. Землю он, как ни странно, считал шарообразной. В общем, тут было много компромата… вот только никто не будет снимать с фронта бойца и отправлять под суд за такую ерунду.

Да и не один он был там такой.

Еще на земле Гарольд успел поговорить с несколькими бойцами из его отряда, которые проводили внешнее тестирование экзоскелетов. Он слегка помог им и, используя свое НЛП, сумел втереться к ним в доверие. Взамен они выболтали все, что было у них на уме.

«Да, мы националисты, но мы не нацисты, — отвечал первый. — Мы за старый добрый христианский европейский порядок и национальные государства… под присмотром Мирового совета. И против евреев мы ничего не имеем. Что за бред? У нас у многих есть друзья евреи. И в наших рядах они есть. Только не этом отряде, а в других…».

«Если честно, босс, — ответил второй, — то я тут только из-за бабла. Все их фашистские закидоны мне до одного места».

«А я из косплейщиков, — честно сказал третий. — Учился на культуролога в Оксфорде. Мне нравятся их побрякушки и символы. А на идею я плевал. Гитлер для меня никто. Он был плохой человек, но под его началом многие боролись против еще более плохих коммунистов. В общем, мы и мои друзья реконструируем образы нацистов в духе постмодернистской игры в духе теории симулякров Жана Бодрийяра».

«Вы читали про охотников за черепами, сэр? — отвечал четвертый. — Я имею в виду не дикарей, а молодых самцов шимпанзе и бабуинов, которые отправляются в набеги на соседей. Так вот это мы. Я хочу поучаствовать в последней войне

человечества. Будет что в старости вспомнить. А после нее будет только скука. Максимум — развлечения типа охоты на кроликов. На бездушных клонов кроликов, иначе «зеленые» сожрут. А у нас здесь вместо кроликов повстанцы. Настоящие отморозки. Да я даже рад, что они взбунтовались…. Так мы сможем почувствовать себя живыми, воинами, мужчинами».

Здесь на войне можно было не бояться использовать в речи сексизим.

На этом Гарольд интервьюирование прекратил и ушел, чтоб спокойно помедитировать перед полетом.

«Господи, с кем приходится работать, — подумал Синохара. — Половина из них отборные дегенераты».

Впрочем, так не повезло только ему. Большинство добровольцев были все-таки адекватнее. Просто из-за последних потерь в кадровых частях Корпуса мира пришлось отправить в первых волнах всякую шелупонь. Всех, кто мог держать оружие. Активистов патриотических фронтов и разных кружков любителей старины. Дружинников и народных контролеров — по сути полицейских осведомителей и шестерок из неблагополучных районов. Ходили слухи о заключенных тюрем, причем не только в Европе, но и на Ближнем Востоке, и в Средней Азии. Синохара знал, что это не так, но понимал, откуда слухи взялись. Многие из набранных с воли вели себя так, будто недавно отсидели.

А ведь в дальнейшем обещали прислать две африканских дивизии. Как они сработаются с «арийцами»? Надо на это посмотреть. Говорили, что китайцы должны были тоже выделить две, но они отказались посылать свои части за пределы Евразии. Они наводили порядок в Индии, в РГ и других странах бывшего СНГ. И очень активно наводили. А вот дальше ни ногой, не смотря на все союзнические обязательства. Геополитическая система, выстроенная с таким трудом двадцать лет назад — трещала по швам.

Решив больше не тратить время на людей, Гарольд обратиться к документам. Это более концентрированный источник инфы. Австралояпонец быстро промотал перед глазами их личные дела.

Определение «подонки» было неверным. Нормальные парни и девчонки (последних было процентов десять, но из-за коротко подстриженных или бритых голов и мускулатуры их не всегда можно было отличить) но с мозгами, забитыми всякой хренью… неверными выводами из правильных предпосылок. Впрочем, в этом они не сильно отличались от обывателей, разве что наполнение головы у тех было чуть другое.

Ему показалось, что одного из нацистов, которые летели в

самолете, он видел в очереди в Лондоне, но, скорее, все они, с бритыми головами, на одно лицо, как китайцы для белых. Он включил запись их программы. Она называлась: «За кровь и честь!». Чтоб лучше воспринять ее дух, запустил в аудио. Осилить смог всего минут пять, потом выключил, похихикивая. Был там, например, такой пассаж:

«…Ибо мир земной стоит на трех опорах. Это деньги, власть и слава. Сейчас первые две из них в одних руках — в когтях Мировой Гидры. А славы нет ни у кого, ибо мы бесславны. Но грядущий Белый Мессия поведет нас. И мы стяжаем в боях славу. И завоюем власть, отобрав ее у недостойных и нечистых. А деньги станут прахом, как и их владельцы. Так помолимся же древним богам, братья, и воспоем грядущие битвы… За белый мир для белых людей…».

На этом месте его терпение кончилось. Это было даже хуже, чем христианские и другие авраамические сказки про Зверя, выходящего из Бездны, которые тоже активизировались в последние месяцы. Все ждали апокалипсис. Как же они разочаруются, если и в следующем году придется так же ходить на работу, так же платить ипотеку и соблюдать брачный контракт.

Больше ничего ценного там не было, а что пирамиды построили пришельцы и в каменноугольных пластах скрываются артефакты цивилизации атлантов, а все животные произошли от человека в процессе инволюции, а первый партнер женщины определяет генный код всех ее детей… это он и сам «знал».

Полезные идиоты, но не более того. И за что ему это? В других добровольческих частях был контингент получше. Но надо работать с теми, кого дают. Своего рода challenge.

В последующий час Синохара персонально, никому не доверяя, проверил последний раз всю свою технику. Тянулись последние минуты. Личный состав был оповещен и занял свои места.

Он снова подключился к обзорному монитору. Вывел фронтальный. При максимальном зуме линия берега приближалась, наплывала на них. Погода была ясной и благоприятствовала им. Можно было видеть силуэты зданий. Гор тут нет. Штат Веракрус лежит на прибрежной низине.

— Пятиминутная готовность до высадки, — услышал он голос из невидимых динамиков. — Всем приготовиться.

А через минуту с ним связался по закрытой внутренней линии пилот.

— Капитан Синохара, нас просвечивают с земли. Риск

минимальный. Но лучше совершить десантирование немедленно. За нас не бойтесь. Я с экипажем успею катапультироваться в капсуле. Хотя за этот драндулет меня по голове не похвалят, если я дам его спалить. Но главное — доставить вас. Поэтому занимайте места и готовьтесь к высадке. Таков приказ генерала.

Именно командир судна отвечал за их доставку до места, но не ему было решать, когда им прыгать, а генералу Макдоннеллу, командующему дивизией «Скорпион».

«Самурай знает, что гибель в бою — это не поражение», — подумал Синохара, когда шел к своему креслу.

Нет, поэт-самурай Басё не писал такого хокку. Да и не звучит эта фраза по-японски как хокку, число слогов неправильное. Но кто мешает ему дополнить мастера?

В последний раз проверяя, не забыл ли он чего-нибудь, Гарольд услышал, как в пассажирском отсеке «арийцы» поют гимн во славу Тора. Синохара сначала обалдел, а потом вспомнил, что это не только персонаж комиксов, но и скандинавский бог.

В этот момент он услышал странный гул, самолет тряхнуло.

Он почувствовал дурноту, будто произошло резкое изменение курса, угла атаки.

— Начинайте высадку сразу после меня, — голосом дублировал он приказ для обоих лейтенантов. Пилот был поставлен в известность через локалку и подтвердил.

Но лейтенанты и так уже проводили все необходимые действия, как по учебнику. Светились на полу и потолке желтые указатели. Когда те сменятся красными, десантники покинут самолет.

Бойцы стояли в полной экипировке — в броне с символикой альпийских горных стрелков, с ракетными ранцами за спиной. Парашюты тоже были надеты. И штурмовые легкие рейлганы и малые гранатометы были при них, чтоб сразу можно было вступить в бой. А все остальное более тяжелое оружие будет спущено отдельно.

Кивнув в последний раз своим людям и произнеся что-то ободряющее, он двинулся в конец десантного отсека. «Аксолотль», занимавший почти треть ширины фюзеляжа, светился огнями, словно приветствуя его. Он пойдет первым.

При его приближении сам открылся командирский люк, и офицер залез в кабину универсальной десантной машины. Кресло охватило его, как мягкая, но одновременно пружинящая подушка.

После нескольких тренировочных полетов все управление уже было подстроено под него, и тратить на это драгоценные секунды не пришлось. Экраны зажглись сразу же. Прямо в глаза Гарольд себе лишней информации не выводил, чтоб не

загромождать обзор и не перегружать себя.

Самолет вокруг него снова вздрогнул, но это было уже штатное. Не близкий взрыв и уж точно не попадание.

Просто открылась задняя рампа, и Система сигнализировала, что объявлена минутная готовность к десантированию. Вообще-то эта процедура могла пройти полностью без его участия. Но контролировать ее он должен был. Так он и делал, осуществляя даже визуальное наблюдение внутри десантного отсека. Он видел, что впереди его машины (или позади — если отсчитывать не от хвоста, а от носовой части) десантники пришли в движение. Их сбросят через боковую десантную дверь, но уже после того, как он «отчалит». Они пролетят несколько километров в состоянии свободного падения, а потом включат ракетные ранцы, погасят ускорение и полетят дальше своим ходом, быстро снижаясь.

Он будет десантироваться по такой же схеме. Только двигатель включит на большей высоте и полетит с помощью него. Парашют у его машины тоже имелся, но это, как и у десантников, было средство на крайний случай. У летающей амфибии имелся прибор невидимости, а купол парашюта сделать невидимым нельзя.

Десятисекундная готовность…

Девять, восемь, семь…

Почему-то он вспомнил космос. Там было куда страшнее, да и опаснее… а он все равно не боялся.

Одна секунда. Отрыв! Все произошло без его участия. Просто поставили перед фактом. Он не смог бы даже отменить прыжок. Точно так же нельзя родиться обратно.

На долю секунды Синохаре показалось, что он висит в воздухе, и так будет продолжаться вечно. Перегрузки вдавили его в кресло еще глубже, но система амортизации смягчала нагрузки так, что его позвоночнику и внутренним органам ничего не угрожало.

Система известила его, что десантники штурмовой группы тоже полетели. Он видел их на радаре как россыпь крохотных точек.

Земля внизу была поделена почти пополам на сушу и море. Суша была зеленой… конечно, зимы тут не бывало… но кое-где она выглядела изборожденной черными выжженными проплешинами. Незадолго до их высадки по району должны были пройтись ракетным частым гребнем, расчищая плацдарм.

В небе стремительно пронеслись едва заметные росчерки. Это был удар по вражескому тылу, который очень кстати. Сверхзвуковые ракеты более точны, чем тяжелая рельсотронная артиллерия, но ТРА с кораблей тоже должны вот-вот вступить в

игру. Даже в пятидесяти километрах от линии фронта мятежники не будут чувствовать себя в безопасности. А крупные города, которые ранее бомбили щадяще, наверняка получат свою порцию разогнанных электромагнитной силой болванок и сверхзвуковых «Ультра-ястребов», насколько он знал о практике десантных операций.

Скорее всего, это больше не проба сил. Атака началась по всему фронту. Гигантская военная машина запустилась, и она не остановится, пока не перемелет несчастных придурков, решивших восстать против Мирового совета, в труху.

Кроме зримой части, наверняка активизировались все возможные виды агентов и диверсантов, часть из которых в спящем состоянии давно жили в тылу врага… а может, даже служили в рядах его так называемой Революционной армии. А кто-то был сброшен с невидимых конвертопланов совсем недавно или пробрался малыми группами на подводных «Скатах».

Падение превратилось в стабильный полет, направленный вниз, к морю. Нервная система австралояпонца была такой же стабильной, как работа реактивных двигателей, чья тяга компенсировала не очень аэродинамически стабильную форму «Аксолотля». Все-таки машина-трансформер проигрывала настоящим самолетам в воздухе, хотя и претерпевала небольшие трансформации при переходе из формы для одной стихии к форме для другой. Зато она могла уверенно чувствовать себя и на суше, и на воде, и под водой.

Яркое солнце скрылось из виду, когда он нырнул в облака. Несколько секунд Синохара летел в их густом слое. Земля приближалась быстро. Облачный покров был не сплошной, рваные кучевые облака быстро поредели, пока он не вылетел на чистое место. Дождя тоже не было.

Для машины-амфибии, созданной для всех трех стихий, не было разницы, но Синохара предпочел десантироваться в море.

Надо снижаться. Больше тяги на движки. Ребелы могут его отследить, похоже, он их недооценил.

Пятьсот метров до поверхности воды.

Триста.

Сто.

Контакт!

Судно коснулось волн и сразу погрузилось на несколько десятков метров.

Толчок был ощутимый, полностью погасить импульс не могла никакая амортизация.

Усилием воли он включил форсированное кровообращение. Мышцы наполнились силой, сознание прояснилось. Всплывать

пока рано.

Судя по сигналам в общей сети, добровольцы из «Арийского легиона» тем временем приземлились, заняли плацдарм и прикрывали точным огнем высадку тех своих товарищей, которые еще находились в небе. Хотя они и в воздухе вели огонь по поверхности из рейлганов и автоматов с коррекцией выстрела. Хлопали разрывы управляемых гранат.

Тут и там вокруг него снижались последние «арийцы». У добровольцев были джет-паки, поэтому они летели со скоростью почти триста километров в час. Но, несмотря на почти полную оптическую невидимость, чувствительные радары могли их засечь.

Так и случилось. По ним повели с земли очень плотный огонь, снарядов не жалея, из чего-то похожего на старую русскую систему «Панцирь» или ее китайскую копию, а еще вероятнее их более поздние модификации тридцатых годов. Очень точные и скорострельные, предназначенные для сбивания самолетов и ракет, но эффективные и против небольших целей. Несколько из них разорвало в мелкие клочья. Но большинство уже достигли низких высот, на которых поразить их ПВО не могло.

Он относился к жертвам философски. На то она и война. Наверняка у ребелов не так много этих штучек. Если они так плотно работают здесь, значит где-то высадка более ценных «юнитов» проходит с меньшим риском, чем могла бы.

Сам он тоже не был в полной безопасности. Его сонар засек несколько рыскающих в море источников колебаний, похожих на лодки-дроны. Или умные мины. Явно вражеские. Но они были далеко и его не замечали. Он уйдет раньше, чем они его обнаружат, а если приблизятся — уничтожит.

«Пока укладываемся в плановый процент потерь», — подумал Синохара, но в этот момент случилось то, что явно в эти планы не укладывалось.

X-12S “Nebula”, невидимый транспортник, не успев удалиться на десять километров от точки десантирования, вдруг исчез с тактической схемы, а значит и с радара. Гарольд приблизил участок неба, где тот находился и увидел, что там пусто. Отмотал на секунду назад, и увидел взрыв и огонь, появившиеся из ничего. На замедленной записи было видно, как фюзеляж самолет разваливается пополам, а потом две половинки вместе с кучей мелких обломков падают в море. Видно было и отстрелившуюся на скорости капсулу для спасения экипажа — она катапультировалась автоматически. Но тут же взорвалась. Похоже, ее превратили в решето несколькими прямыми попаданиями еще до того, как она успела выпустить парашют. На

каких гуманистов-врагов рассчитаны такие штуки?

Гарольд вернулся к реальному времени. Без замедления этот процесс занял считанные секунды. После нескольких вспышек со стороны океана, больше там ничего не было, кроме слабого свечения. Это что-то догорало, качаясь на волнах.

Это большая потеря. Но если бы «Туманность» не успела сбросить десант, было бы еще хуже.

Синохара послал два дрона к месту падения остатков спаскапсулы, этого требовал протокол. Хотя он прекрасно понимал, что живых — и даже целых останков — он там не найдет. Жаль. Пилот был грамотный. Не пытался выпустить тепловые ловушки, которые могли бы спасти от самонаводящихся ракет, но от разогнанных снарядов просто не помогли бы.

«Экипаж знал, на что идет. И их семьи… тех, у кого они были… получат неплохое возмещение». В то же время Гарольду доставляло какое-то мстительное удовольствие, что в случае его собственной гибели, Юки ничего от него не достанется. А вот дочка пенсию от ООН получит и будет получать даже не до совершеннолетия, а пожизненно. Поскольку дееспособной не будет никогда.

Сканируя эфир, он наткнулся на ликование на разных языках. Рано радуются, черти. Сейчас район обработают со спутников так, что мало не покажется. Потеря транспортника — это не гибель нескольких полуграмотных новобранцев. За это они ответят.

Вокруг плескался спокойный вечерний океан. Темно-синие воды глубокого Мексиканского залива. Целей вокруг не было, угроз тоже. Мини-подлодки охотники удалились на север. По нему никто не стрелял, но маскировку Синохара не отключил.

Зато по берегу откуда-то с запада била артиллерия повстанцев. И обычная, и рельсовая. Явно захватили где-то, сами они их произвести не могли. Снаряды глубоко перепахивали равнину, оставляя на ней следы, похожие на кратеры небольших метеоритов. Синохара вспомнил, как в Корпусе смеялись над врагами: мол, если у этой голытьбы и появятся рельсовые пушки, то такие как в Первую или Вторую мировую, когда те ездили по рельсам.

Но у тех имелись настоящие тяжелые рельсотроны на моногусеничной базе. Все-таки странно, где они могли в отсталой стране набрать столько трофеев, если эта модель поступила на вооружение не так давно? Неужели Корпус был так глуп, что позволил им поживиться такой добычей?

Но сразу видно дилетантов. Они догадались, что кто-то десантировался, и с упорством вели огонь по тому месту, где удобнее всего было высадиться на твердую землю. Но не

догадались, вслед за одним древнегреческим царем, «высечь» море.

А тот, кто представлял главную угрозу, был именно здесь.

Между тем, «арийцы» на землю уже спустились, часть из них залегла. Они включили мимикрирующую защиту, но рельсотроны повстанцев то и дело били по этим уже наземным целям, стирая в кровавую пыль то одного, то другого.

Но сделали «рельсы» мятежников всего пять выстрелов. Похоже, кончилась энергия. И неспроста. Их накрыли залпами, кого-то уничтожив, кому-то разрядив батареи с помощью электромагнитных бомб. Даже современная рельсовая артиллерия от этого защищена. Поэтому и нуждается в прикрытии, а здесь его не было. «Купол» работал, но не справлялся, потому что на этом участке его просто перегрузили целыми роями запущенных ложных целей.

Больше проблем доставила стоящая где-то поблизости замаскированная батарея скорострельных ПВО-орудий. Во время спуска Гарольд видел, что «арийцы» маневрировали и все равно попадали под ее огонь. За последние секунды у самой земли погибли трое, хотя снижались они рассыпавшись.

Итого уже двенадцать. Наконец, они все опустились к самой земле, и ландшафт укрыл их от автоматических пушек.

Но огонь прекратился не поэтому. Батарею ПВО на юго-западе за лесом накрыли одним из «Ультра-ястребов» с моря. Несколько килограммов отличной взрывчатки принесла им крылатая ракета прямо на головы. Конечно, операторов там могло и не быть, но Гарольду было приятнее думать, что в расчетах были живые люди.

А бой вступил в наземную стадию.

Закончив штурм и обработку холма в двух километрах от берега из всех видов оружия (разведка не ошиблась, там действительно были враги, траншеи и блиндажи, но атаки сверху они не ждали), «арийцы» под его руководством цепью растянулись вдоль побережья и вскоре заняли полосу земли десять километров в ширину и пять в длину. Пленных пока он им приказал не брать. Да они и сами не очень хотели.

Сам капитан Синохара огня не вел и невидимость не отключал. Его дело — командовать, оставаясь в безопасности. Но он все равно выдвинулся поближе к месту действий.

Под подошвой машины был уже не песок пляжа, а травянистая равнина.

Через пару минут в известном ему квадрате моря приземлились три больших контейнера с «железом». Гарольд подключился к простейшим «мозгам» этих огромных самоходных

ящиков и дал команду следовать к берегу, где уже закрепились добровольцы и их малые дроны, которые входили в комплект снаряжения каждого третьего и находились в рюкзаках. Надо было им помочь побыстрее. Да, это был некоторый риск. Разумнее было подождать еще.

Но медлить Гарольд не хотел. В конце концов, это его работа. И долг. Ему не терпелось ввести в бой «малышек». Плевать на лавры и поощрения. Но проверить себя в столкновении с настоящим противником — очень хотелось. Тут уж не до мелочного перфекционизма. Хотя своеобразный перфекционизм есть и в оправданном риске.

Прежде всего он отправил разведчиков. Это были новые «морские змеи» — до этого не применявшиеся в боевых операциях дроны для трех стихий, способные проникать в труднодоступные места, похожие на угрей. Они могли менять форму от шарообразной до той, которая дала им название, летать и плавать, умели прокапывать ходы в мягком грунте.

В больших контейнерах было не оборудование и не боеприпасы, в отличие от малых, которые тоже приземлялись. Там ждали своей очереди полноценные бойцы первой волны, готовые сходу вступить в бой. Что те и сделали, как только стенки этих кубических контейнеров из пружинистой биопластмассы раскрылись с четырех сторон. На свободу со свистом и тихим скрежетом выбирались механические воины. Они могли выдерживать перегрузки и удары, которые переломали бы все кости в человеческом организме. Поэтому падали контейнеры отвесно, раскрывая парашюты уже у самой земли.

Благодаря этому ПВО ребелов — вернее, одиночное автоматическое орудие, уцелевшее после ракетного удара — сумела подбить всего один из них. Парашют его был сразу разорван в клочья, а днище и крыша продырявлены насквозь. Контейнер падал почти с ускорением свободного падения… Каким же было удивление Гарольда, когда даже из него выбрались несколько целых роботов-«резчиков» и полетели искать цели. Нет — один не был невредимым — подволакивал сломанную конечность. Но и он пошел за остальными. Австралояпонец дал ему команду «стоп». Пусть починится сначала. Хромоногая «собачка» послушно вернулась назад к контейнеру.

Гарольд проверил частоты и связался с командованием по защищенной линии. Доложил об обстановке и успешной высадке. Конечно, они и так отслеживали его параметры, но таков был Устав.

Приказ был прежним — закрепиться в небольшом поселении,

помеченном на схеме как Альфа-Браво, что в трех километрах к северо-востоку, и удерживать плацдарм до прибытия морского транспортника. Здесь находился важный объект: довольно крупная по местным меркам электростанция.

«Командование считает критически важным сохранение приливной электростанции в целости. А также подключение к ней наших мощностей. Это на несколько миллионов глобо снизит расходы на операцию, — объяснил майор Мэйвезер. — *Не то что бы меня это интересовало… я считаю, что чиновникам в ООН надо меньше воровать, и тогда на все хватит. Но одаренные люди в штабе считают, что экономить на всем важно. Поэтому действуйте осторожно».*

Роботы и без микроменеджмента довольно разумно себя вели и действовали тактически грамотно, без явных фейлов. Но, выделив их рамкой и отсортировав по классам, Гарольд немного поправил их построение. Самых ценных и дальнобойных отвел подальше в тыл, вперед послал самых дешевых и заменимых.

Сначала надо было отрезать поселок от станции. Станцией он собирался заняться лично. Главное, хорошо все синхронизировать.

Первым в бетонный одноэтажный прямоугольник, который делился на большую генераторную комнату и зал управления, проникли через вентиляцию два дрона-угря.

Если кто-то из партизан боится медуз или змей, то у него явно сегодня будет плохой день. Сильным разрядом электричества они вывели из строя первых двух часовых и захватили генераторную. А затем выпустили из клапанов в своих телах ядовитое облако невидимого газа. От него все оставшиеся враги, опрометчиво не носившие ни противогазов, ни масок, быстро умерли в корчах.

Австралояпонец хотел бы взять несколько «языков» для допроса. На «Аксолотле» был установлен гранатомет, а в числе боеприпасов к нему были и нелетальные усыпляющие снаряды. Но у змей такой опции не было, а доработать их он не успел. Да и рисковать было нельзя — новый нервнопаралитический газ давал гарантию, что они не успеют осуществить подрыв, а ни один усыпляющий — не давал.

Главное, что станция осталась цела. Хотя электронным саперам надо тут все тщательно проверить во избежание сюрпризов. Фугасов может быть много. Они могут быть глубоко в земле. О фугасах надо теперь помнить каждый божий день. Не имея возможности воевать лицом к лицу, повстанцы скоро перейдут к активной минной войне. И снайперской тоже.

Тем временем «Пауки» и роботанки взяли населенный пункт

в кольцо. Но первыми в него вошли два десятка «резчиков». И почти все были уничтожены открывшими огонь с чердаков и крыш стрелками герильяс. По которым тут же начали стрелять летающие дроны — «грифы» — которые уже контролировали воздух.

Вооруженные минометами, гранатометами и снайперскими винтовками «пауки» начали вести прицельный огонь по открывшимся врагам.

«Пауков» (“Spiders”) и «Грифов» (“Vultures”) мятежники должны бояться из-за их еще одной мелкой особенности — они могли использовать биомассу растений и животных для получения метана и смазочных материалов. Тела людей тоже годились.

Более мощные — средние роботанки «Голиаф» с 30-миллиметровыми скорострельными пушками подкатились и прикрывали их на случай контратаки. Их участие не потребовалось.

Ребелов в деревне Альфа-Браво, настоящее название которой его даже не интересовало, было не больше трех десятков и они были смертники, явно оставшиеся, чтобы дать основным силам время на отступление.

Один из них, застигнутый врасплох в небрежно вырытом окопе, действительно попытался подорвать себя, обвешавшись гранатами и взрывчаткой.

У него не было невидимости, но первый ряд роботов его не засек, потому что он залег и укрылся отражающей пленкой, а сверху набросал земли.

Синохара вычислил его по звукам, потому что в реальном времени анализировал шумы. И послал к нему в траншею своих стальных гончих. Но повстанец оказался совсем псих, и, когда «резчики» к нему запрыгнули, будучи окруженным тварями, взорвал себя на куски. Хотя, может, у него палец случайно нажал на кнопку. Взрыв был такой силы, что от него не осталось даже клочка одежды. Даже в «Аксолотле», который находился на окраине, Гарольд это прочувствовал, хотя ему и ничего не угрожало.

Но роботов безвозвратно погибло всего четыре, потому что они, похоже, *догадались*, что сейчас случится — и бросились врассыпную, прячась в укрытия! Гарольд отметил про себя, что даже его реакции не хватило бы, чтоб эту команду им послать.

Жилые дома тоже удалось сохранить почти целыми, хотя большой нужды в них не имелось.

А через полчаса, когда все побережье было тщательно зачищено и проверено, сравнительно неповоротливые

транспортники наконец-то приблизились к берегу на три километра. Они выбросили контейнеры и удалились обратно в океан. Пристанут к берегу, когда будет нормальный безопасный причал. Легкие катера тоже ближе не подходили. Их задачей было сопровождение судов по морю. Хотя и без их поддержки Гарольд прекрасно справлялся.

Выброшенные самодвижущиеся морские контейнеры устремились к побережью. Несколько плавучих мин — сюрприз от мятежников — бросились им наперерез.

Тратить на борьбу с минами торпеды было дорого. Расстрелять с кораблей из турельных пушек — мешал слой воды. Поэтому бережливое командование выделило для сопровождения контейнеров небольшой рой своих подводных дронов. Которые им перестреляли мины электромагнитным оружием, так что те сдетонировали на безопасном расстоянии.

Синохара принял уже две партии грузов и был занят обустройством дополнительного периметра, когда Система сообщила ему о визите майора. Инспекционном визите.

«Аксолотль» стоял, заглушив мотор, а австралояпонец ступил ногами на мексиканскую землю. На нем был экзоскелет, но забрало он поднял. Все-таки тут не Марс, и можно дышать. А установленные в него штуки дадут ему фору во времени и при внезапном отравлении.

Было прохладно, с моря дул свежий ветер. Пахло солью и мокрой травой.

«Еще один гадюшник. Хорошо, что сейчас не лето».

Всего через пару минут он увидел на радаре быстро приближающийся с севера объект. А еще через три минуты увидел глазами, как к нему летит на высоте десяти метров над землей круглая платформа размером с детский плавательный бассейн. На ней, словно римский патриций — или древнеиндийское божество на своей вимане — восседал крупный мужчина в белых брюках и камуфляжной футболке. Это был Джошуа Мэйвезер.

В воздухе эту конструкцию поддерживали не винты, а реактивные двигатели.

«Майская погода», — ну и фамилия у него».

— Рад вас видеть, господин майор.

— Не взаимно, — бросил тот в ответ, — Я был бы рад находиться отсюда за два континента. Но мне сказали лично проконтролировать вас.

Звук выстрела где-то к северу, далеко на пределе слышимости. Через долю секунды — вспышка прямо рядом с

головой Мэйвезера.

Перехват системой point-defense!

— That was close… — пробормотал майор, но еще раньше, чем он это произнес, шаровая молния полетела в ту сторону, откуда прозвучал выстрел. Вначале Синохара даже не понял, откуда она вылетела, пока не увидел раструб в нижней части платформы — он появился буквально на его глазах и изрыгнул облачко дыма и сгусток пламени. Молния летела чуть медленнее пули, но со скоростью, делающей невозможным следить за ней обычному человеку, к которым с натяжкой относился и Синохара. Но у него были далеко не простые линзы в глазах.

И у Мэйвезера явно были не хуже, потому что он проследил ее путь до самой цели.

— Снайпер. Всего один. Он уже умер. Вернее, она.

Да откуда этот террорист взялся? Хорошая маскировка.

«Бог мой, какое же у майора зрение? Что у него подключено… или вживлено? Он, похоже, сквозь стены видит».

И даже не повел бровью, хотя пуля уничтожилась в сантиметрах от его головы.

Стрелок находился в церкви. Ее колокольня взорвалась, разлетевшись фейерверком обломков, а шпиль подлетел к небесам.

«Папа римский будет недоволен», — подумал капитан.

Хотя после того, что делали бойцы «Черной гвардии» из Веракрус со священниками, католическая церковь должна им еще доплатить за уничтожение этих отморозков. Которые творили почти то же самое, что их собратья по взглядам в республиканской Испании. У апостольской церкви прибавится мучеников.

«Thunderblaster» — плазмомет от компании «Эдисон». Экзотическое оружие, редкое, основанное на принципах, разработку которых приписывали Тесле. Хотя, конечно, это только внешнее сходство принципа работы. Синохара когда-то пользовался более слабым оружием из этой линейки, «Электрокутором», чьей мощности было достаточно, чтоб на близком расстоянии обездвижить любое живое существо разрядом тока. С помощью него он однажды остановил целую толпу фанатиков с ножами. Рукотворные молнии били прицельно, ноги у людей подкашивались, и они падали ниц перед ним, как перед божеством-громовержцем.

— Так вот как вы зачистили деревню. Браво. Браво.

«Не Браво-Браво, а Альфа-Браво!», — хотел было поправить Гарольд, когда понял, что это игра слов и сарказм.

Джошуа Мэйвезер сидел, развалившись в кресле. В белых гражданских брюках и камуфляжной футболке, которая натягивалась на его тучном теле, он походил на борца сумо на пенсии. Хотя лицо его почти не отражало возраст. И для бойца оно было… слишком безвольным и безобидным. Как у плаксивого младенца. Но Гарольд понимал, что внешность обманчива.

— Жаль, что пришлось ее зажарить, я бы захватил живой. Но для «кутора» расстояние слишком большое. Тебе нужны снимки?

— За каким чертом… сэр?

Это вырвалось у него само. Он знал, что за снимками с войны охотятся извращенцы. Но тот нисколько не обиделся.

— Для отчетности. Тебя же приставили ко мне не просто так. А глядеть, чтоб не было военных преступлений. Вот и докажешь, что там была совсем не мирная жительница. С винтовкой 12,7 мм.

— Нет, не нужны. И никто меня к вам не приставлял. Я…

— Понятно, — оборвал его Мэйвезер, давая понять, что обсуждать тут нечего.

— Вас уже не первый раз так? Стреляют…

— Восьмой.

Ого. А он совсем не кабинетная крыса. Успел пороху понюхать.

Стайка дронов полетела проверить, вернулись через пять минут. И там все было чисто. Другие тоже не обнаружили иных источников угроз. На десять километров вокруг не было ничего живого. Мятежники не смогли бы спрятаться даже под тремя метрами бетона. Хотя здесь даже зданий таких не было. Но если бы кто-то из них попытался высунуться… его тут же ждала бы судьба погибшей снайперши, чей немного обгорелый труп роботы достали из-под развалин взорванной колокольни.

Мэйвезер держался спокойно, будто не на его жизнь только

что покушались. Как будто ему ничего не могло угрожать. Он что-то напевал себе под нос, но Гарольд не стал усиливать слух ради такого пустяка, это было невежливо.

Мягкий голос мог ввести в заблуждение только того, кто привык к звенящему металлу, угрожающим позам и прочей обезьяньей физиогномике. Но майор, похоже, мог внушать трепет и без этого.

— *Капитан Крайчек…* — отправил он сообщение в командном чате, специально сделав его открытым для всего подразделения, — *Разверните рубеж, как обозначено на карте. Детали в прикрепленных. Выполняйте.*

Бедолага Бауман по прозвищу Шрек нашел свой капут в этой земле. Вот как ему не повезло, а ведь комбат «арийцев» хотел начать с Мексики, а потом «истребить большевистскую заразу в остальной Южной Америке». А потом и до Евразии добраться. Он забыл или не знал, что Мексика находится в Северной Америке.

— *Yes, sir*! — мгновенно ответил в общей рассылке новый командир десанта Крайчек. Поляк или чех? Для Синохары разница была ускользающей и не важной.

Бауман, как оказалось, погиб при высадке, приземлившись прямо на умную мину. Их тут было как грибов в осеннем лесу, но эти грибы еще и могли подбираться к вам. Не очень-то беспокоились повстанцы о местных жителях. Хотя те наверно не были против — психологию таких людей Гарольд знал, насмотрелся на них в других отсталых бантустанах. Всегда нужны глаза на затылке против этих дикарей, которые не понимают, что их пришли освобождать. Которые всегда готовы воткнуть нож в спину представителям правопорядка. И пищат от радости, когда в деревню заходят их «заступники».

Разминированием займутся дроны.

— *Капитан Крайчек, всех ваших людей можете забрать. Они мне не нужны.*

Он не считал нужным даже скрывать это распоряжение и ограничивать доступ. Уровень шифровки был недосягаем для повстанцев… ну а свои… или Мэйвезер настолько доверял им, или настолько презирал.

Отдав честь, трое «арийцев» с ручными пулеметами в экзоскелетах, украшенных немецкими геральдическими знаками, исчезли. Похоже, они чувствовали страх перед этим человеком.

Они остались вдвоем. И Гарольд подумал, что понимает их.

Платформа повернулась на девяносто градусов, и сидящий на ней толстяк, словно китайский богдыхан, оказался лицом к Гарольду. Но тоже смотрел куда-то в переносицу, словно не уважал.

И слова говорил, будто выплевывал. А выражение его лица… оно не считывалось. Эвристическая система, которая могла определять намерения (полковник сам Гарольду ее записал, хотя обычно такое ставили только службам внутренней безопасности), сбоила. Пытаясь определить эмоции, она перечисляла то ли смертные грехи, то ли стадии принятия. Гнев, уныние, ярость, отрицание, спокойствие… И снова по кругу. Гнев…

И уж точно на этом лице не было обычной спеси начальника. Хоть на этом спасибо.

— Пошли.

Майор смотрел вроде бы на Гарольда, но одновременно держал в поле зрения горизонт.

И больше ничего не сказал. Все остальное писал текстом. Будто привыкший общаться SMками. Хотя с помощью Swift Messages переписывались далеко не только тинейджеры, Гарольд считал извращением использовать их, когда находишься близко. А здесь вместо SMок использовалась боевая командная оболочка.

А еще Мэйвезер сделал колпак аппарата непрозрачным. Видимо, снайперов он все-таки опасался.

«Вимана», похожая на летающее блюдце, понеслась впереди.

Мэйвезер даже не утруждал себя ожиданием и не обращал внимания на ландшафт, пролетая и над мангровыми болотами, и над оврагами, и над зарослями. Гарольд вскоре понял, что даже усиленный бег в экзоскелете не поможет его догнать. И тоже взлетел. Невысоко, на пару метров. Ему пришлось выжать из экзоскелета почти все. Платформа двигалась со скоростью около ста километров в час. Ему пришлось включить форсаж, но он все равно отставал от нее.

— *Не тормози!* — подгонял его Мэйвезер.

Вскоре они прибыли на пригорок возле ручья, где пахло гарью и жженым мясом. Почти как пахнет недавно сгоревшее барбекю. Ручей был засыпан землей. Похоже, тут был какой-то фермерский дом, но от него остался только фундамент. В бывшем саду была воронка, будто там хлопнулся небольшой метеорит.

Гарольд потратил целых пять минут, рассматривая уничтоженную батарею ПВО повстанцев, которую накрыли плавучие батареи флота Корпуса из залива.

Все-таки расчет был живой. А теперь стал мертвый. Трупы операторов и клочья их тел были раскиданы вокруг, окружая почерневшие обломки колесной техники, которая теперь сгодится только на металлолом. Но головная машина — командная, без пушек, но с радаром, почти уцелела. Нет, комплексы были не китайские и не русские, а вовсе даже французские, двадцатых годов. Хотя это ничего не значило. Их поставляли на экспорт

много куда. И даже сейчас на черном рынке можно купить любое оружие, кроме ядерного.

На шевронах у тех мертвецов, кто не очень обуглился, можно было опознать черные молоты. Черногвардейцы. Интересно, как анархисты вообще могли работать вместе и не поубивать друг друга? Да еще и сложной техникой управлять.

В местном сыром климате они быстро испортятся. Закопать или кремировать нельзя — тут еще должны работать эксперты; дистанционно, само собой — в виде аватар. Дальнейшей обработкой и дезинфекцией займутся роботы. Некоторых поместят в холодильники. Но если тел будет очень много — придется задействовать полевые крематории.

Отстреляться анархисты, сбившие транспортник, успели, а вот поменять позицию — нет, хотя уже начали — машины были переведены в походный режим.

Синохара насчитал девятерых. Внутри он не чувствовал ни жалости, ни ненависти. Все было по-честному.

— Площадку охраняйте. Нам дали трое суток, чтоб развернуть базу. Но это время сократили до 48 часов. Поэтому я вас оставлю, а вы занимайтесь. Транспорт уже выгружает модули, но точное место выберите сами. Я предлагаю деревню. Малый энерготанкер даст достаточно энергии. Наша зона ответственности — все, что севернее 18 градусов 58 минут северной широты и западнее 95 градусов западной долготы. С севера ее ограничивает океан. С запада — зоны ответственности соседей, ты их видишь на карте. За ее пределы не выходить. Наступление начнем в ближайшее время.

«В общем, если ты не тупой и умеешь пользоваться картами, то справишься», — подразумевалось в этих словах.

Лицо майора оставалось неподвижным и глухим. Казалось, текст генерировался без его участия. А может, уже хранился в буфере заранее. Синохара почувствовал желание отвесить ему хорошую оплеуху, чтоб сбросить с этой летающей хреновины в грязь. Он вызывал сейчас у австралояпонца больше ненависти, чем мертвые партизаны. Какие к черту криминалисты? Тут скоро будет столько трупов, что никто за век их не обследует.

Стиснув зубы, он кивнул и нажал на флажок, что задание принято.

Но к тому моменту Мэйвезер уже улетел. Больше за следующие несколько дней в реальности они не виделись, поддерживая связь по каналу.

Первая ночь была очень тяжелой. Автоматы стрекотали без перерыва. Хлопали разрывы минометных снарядов. Повсюду

мелькали вспышки.

Их прикрытие понесло потери почти сразу. А за следующие три часа «арийцы» отбили пять атак, в каждой неся потери, хоть ребелы и укладывали троих своих за одного бронированного врага.

Значение имели только тяжелые и безвозвратные. Остальные тяжеловооруженные бойцы в костюмах из наноматериала, подлатавшись с помощью смарт-аптечек и накачавшись стимуляторами, вернутся в строй через несколько часов.

Видимо, эти анархисты уже сталкивались с пехотой в наноброне. Знали, что почти бесполезно стрелять по ней калибром 5.45, что толку нет от большинства подствольных гранатометов. Использовали бронебойные патроны и оружие с сильным забронеым действием. Такие, даже если костюмы десанта пробить не могли, наносили сильные тупые повреждения и выводили из строя на время.

Эта карусель будет продолжаться до самого утра, и спать никому не придется.

Нескольких тяжелораненых легионеров командир с разрешения Гарольда попытался эвакуировать на беспилотном катере. Но тот потопили ребелы, судя по всему, не с помощью «Купола», а с помощью боевых пловцов. Никто не выжил, а обгорелые останки достались акулам.

В целом «арийцы» сражались храбро. Чего трудно было ожидать от наемников с экзотическими пещерными взглядами. Лишь один попытался убежать в тыл во время одной из атак. Дезертира-паникера догнала шаровая молния, вылетевшая из небольшой установки, оставленной Мэйвезером. По врагам она тоже огонь вела. Когда разведчики достигли его упавшего тела, они поняли, что он жив. За неимением гауптвахты, его извлекли из брони, обездвижили и засунули в подвал. Свои же товарищи надавали ему хороших звездюлей, пришлось их даже урезонить с помощью дронов, а то бы убили. Оно и понятно — трусов, подставляющих всех, никто не любит.

Отбивая последнюю атаку, еще пять «арийцев» отправились на пир в Валгаллу, где в Залах Славы с крышей из щитов, подпертой бесчисленными копьями, испившими крови врагов, героев ждут прекрасные и грозные валькирии.

«Интересно, гурии для воинов ислама в соседнем зале, в другом здании или они посменно работают и там, и там?» — подумал Синохара. Уж он-то был выше любых религиозных фокусов. Хоть его и забавляло, что “DeusVult!” его подопечные совмещают с кличем «Во славу Одина!».

Да пусть горланят что угодно. Хоть “Blood for the blood god!”,

— вспомнил он популярную вирку про космодесантников и демонов. Но свою задачу киберфашисты выполнили пусть не на десять баллов, но на шесть из десяти. Купили ему время и дали развернуть механизированную часть. А к десяти утра Гарольд ввел в бой своих роботов. И тогда уже ребелам пришла пора просить пощады и дрожать от страха.

Майор тоже воевал на своем участке фронта. Однако на его помощь рассчитывать не следовало. Ему тоже явно было непросто.

Кроме тех двух сотен дронов, которые десантировались вместе с первой волной готовыми, остальных предполагалось собрать на месте из привезенных деталей. Такой вот конструктор для школьников старшего возраста.

Но для этого ему почти не пришлось пачкать руки. Роботы собирали себя сами. Самые простые вообще разворачивались сами, как гибрид воздушного шарика и цыпленка, вылупляющегося из яйца. Наноматериалы с памятью формы делали и куда более сложные фокусы возможными. В виде «яйца» такие дроны были размером с апельсин и сбрасывались целыми ячейками, а превращались в робота ростом с собаку.

Заняв поселок — слава богу, жители сбежали и не пришлось возиться с ними — и выбрав здание, которое было раньше ратушей или муниципалитетом, для фальшивого HQ, Синохара начал в километре от нее свое любимое дело — строительство базы.

Ложная штаб-квартира — замануха для врагов и их корректировщиков. Красивый каменный дом украсил флаг Корпуса мира, но там не было внутри ничего, кроме нескольких слоняющихся по коридорам роботов и терминалов, которые были бутафорией, но генерировали шум и рассылали в пространство ложные данные.

Несколько десятков домов он взорвал или разобрал для сырья и чтоб расчистить место. Развернул MUCV, выпустил прикрепленных к ней строительных роботов. Рядом были песок, глина и вода, а большего и не требовалось. Потом подключился к энергии местных ветряков и приливников. Бесплатная энергия будет очень кстати. Затем австралояпонец воткнул поближе к ним один малый энергоблок Vortex, который мог также запасать энергию.

Одними из первых поставил легкие турели, которым энергия не требовалась. У тех был самостоятельный интеллект, хотя и довольно скудный, поэтому про них можно было на время забыть.

Потом построил сборочный цех и ремонтную площадку, чтоб чинить тех металлических «подопечных», кто будет поврежден в

битве. Потом построил еще цех переработки вторсырья — чтоб разбирать тех, кто восстановлению не подлежал, а заодно использовать местные материалы — металлы, пластики, резину. «Муравьи» засуетились, таская обломки со свежих руин туда, где уже кипела работа и плавился металл. Даже автомобили и трактора шли в переплавку. Все здания имели маскировочный камуфляж.

Под конец, как финальный штрих, замкнул периметр и поставил еще пару тяжелых плазменных турелей. Все это потом можно будет демонтировать и перевезти. Но ему было приятнее думать, что база приобретет статус постоянной и обрастет зданиями для людей. Такое бывало. А гуманитарная миссия ООН в эту страну пришла надолго.

Закончив устройство периметра безопасности, Гарольд приступил к производству армии дронов. Все показатели был в норме. Сырья и энергии хватит хоть на сто тысяч штук. Единственным дефицитным ресурсом было время.

К полудню армия для контрудара была готова. И тогда уже повстанцам пришлось отходить.

В пять часов вечера командир вышел на связь, но видео включил всего на секунду и отключил насовсем. Гарольд успел разглядеть интерьер. Это был внутренний дворик, вымощенный плиткой, вроде бы в этих краях его называют патио. Были видны несколько пальм, рядом журчал фонтан и стоял шезлонг под цветастым навесом. Рядом с ним крутилось едва заметное что-то металлическое. Робот-охранник? И стояла как изваяние, держа в руках блюдо с фруктами, смуглокожая женщина в белом платье.

Не женщина. Гиноид. Он понял это с помощью своего зрения. Обычный человек бы не отличил. Видимо, майор реквизировал робота у прежних хозяев.

Тучный, похожий на барона Харконенна из фильма Дэвида Линча, Мэйвезер парил над землей прямо в кресле, которое выглядело как уменьшенная версия его платформы. Казалось, только кресло держало его в вертикальном положении, а он норовил растечься в нем как гигантский слизень. Поскольку ни антигравитация, ни магнитная левитация такой силы иметь не могли — видимо, действовала воздушная подушка.

«Он жжет чертовую уйму энергии только потому, что не хочет переставлять ноги?».

Говорить Джошуа не собирался, просто хотел его проверить.

— *Продолжайте*.

И тут же отключился.

Значит, новых приказов не будет и надо продолжать выполнять старые.

Дроны прорастали из коконов, как зубы дракона. Более крупных и сложных монтировали в сборочных цехах.

Их можно было сделать еще меньше по размеру. Но настоятельно не рекомендовалось преодолевать «предел миниатюризации». Конечно, воевать микроскопическими было трудно, под них не было готовых тактических схем. Но Гарольд подозревал, что, если кто-то освоит этот метод, его будет не остановить. Правда, сопутствующие риски… могут заставить даже собственное командование уничтожить такого умника. Страх не перед случайными жертвами, а перед потерей контроля. Сидевший глубоко в подкорке, хотя ни разу не подкрепленный реальными случаями.

Машина-трансформер «Аксолотль» была переведена Синохарой в свою самую защищенную форму и поставлена в ангар. Пригодится как мобильный командный пункт. И в случае чего — для скоростной эвакуации. Но пока передвигаться он предпочитал в экзоскелете, оборудованном джет-паком. Rail Point-Defence System и Electromagnetic Damper тоже в нем присутствовали. Рельсовые противоснаряды и электромагнитный демпфер защищали вместе почти от любого вида оружия, кроме разве что прямого попадания термобарической бомбы или ракеты с ядерной боеголовкой.

Ближе к вечеру, когда системы оповещения на дальних подступах к базе донесли ему о приближении небольшой группы противника (это могли быть разведчики), пришло новое сообщение от Мэйвезера:

— У нас ЧП. Код «красный». Ребелы перегруппировались, и в нашем направлении движется более трехсот единиц бронетехники. Мы изобразили отступление и заманиваем их в «котел». Наши устроят им интенсивный обстрел, а мы должны добить уцелевших. Генерал требует, чтоб мы уничтожили минимум семьдесят пять процентов живой силы. Они будут на линии соприкосновения через три часа. Приступайте.

На этом сообщение закончилось. И Синохара понял, что все остальные детали оставлены на его усмотрение.

Чувствуя опьянение властью, Гарольд решил возглавить контратаку. К черту риск. К черту смерть. Врубив невидимость, взмыл в небо вместе с небольшой группой «грифов». За ними летело около шестидесяти более мелких ботов. По земле шли, катились и ехали на гусеницах пешие воины. Людей, этих кожаных мешков с мясом (выражение из лексикона проектировщиков роботов), он с собой не взял. Здесь уже было опасное дело.

А когда сенсоры уловили приближение колонны врага,

который ехал, развернувшись широким фронтом, капитан сбавил ход, пропуская своих питомцев вперед. Времени на устройство грамотной засады не было, но часть дронов зарылась в мягкую землю, чтоб сделать гостям сюрприз. А те, что были полностью защищены от воды — погрузились в лежавшее в десятке метров от дороги болотце. Мины он тоже поставил — благо, лопатой копать было не надо, они сами подходили на ножках и сами зарывались, как крабы с винтом, там, где нужно. Часть дронов с лучшей маскировкой он послал в обход, чтоб вышли во фланг и с тыла.

Вскоре показались враги. Он дал им подойти ближе. Как можно ближе, даже рискуя обнаружением. В конце концов, рисковал же не он, а роботы на переднем краю.

Синохара взглянул на время.

«Что ж, начнем».

Сначала отстрелялась из-за горизонта корабельная рельсовая артиллерия. Потом отбомбились вооруженные ракетами «гарпии». А потом он, оставив барражировать «грифов» в качестве стрелковой поддержки с их тяжелыми пулеметами, бросил на врага мелочь, которая сближалась и стреляла из пушек меньших калибров и «рельс». И как только канонада тяжелых орудий стихла, чтобы не попасть под дружественный огонь, выкопались из земли и вынырнули из болотной топи, как ожившие мертвецы, все, кому он приказал спрятаться.

Гарольд никогда не слышал, чтобы люди так верещали от страха. Но надо отдать должное мятежникам — те, кто уцелел в первые минуты, опомнились быстро, хотя и поздно. Попытались организованно отойти, но наткнулись на засаду и мины-крабы.

«Кожаные мешки» попали в железный мешок. Да, многие из них стояли до последнего, жертвовали собой, прикрывая отход товарищей (тем это не помогло), а один взорвал себя гранатой, когда на него накинулась куча «резчиков» и сбила с ног. Уже не первый раз Гарольд наблюдал тут самоубийство-самопожертвование. Но все равно это была не битва, а бойня, потому даже артиллерийской поддержки у врага не было, а небо полностью принадлежало Корпусу.

«Их «Купол» почему-то не работает здесь. Наверно, наши что-то придумали».

Через двадцать минут враг рассеялся, оставляя изуродованные трупы, изувеченных раненых и горящую технику. Убежать смогли только несколько десятков человек пешком и ни одной машины, даже пулеметных пикапов, не спаслось. План по 75 % был перевыполнен с блеском.

Синохаре вспомнился роман «Непобедимый» Станислава

Лема. Вскоре он вернулся «домой», на базу, которую про себя назвал Эдо в честь древнего названия столицы Японии. Это звучало лучше, чем шестизначный код, который ей присвоили по классификатору.

Поход был удачным. Из роботов уничтожены безвозвратно были всего девятнадцать, остальных подбитых можно было починить, тогда как противник потерял не меньше полного батальона. И, что еще важнее, сотня единиц сожженной техники коптила небо, портя экологию. Синохара «зеленых» не любил, поэтому только усмехался. Конечно, в основном это были самопальные тачанки, похожие на технику аравийских джихадистов. Некоторые, возможно, были конфискованы ребелами у мафии: так называемые «нарко-танки», джипы с пулеметами, обшитые листовым железом. Но среди них попадались любопытные экземпляры вроде спортивного «багги» с зенитным пулеметом, хоть сейчас в музей. Было и несколько нормальных, хотя и устаревших бронетранспортеров и танков. Ни одной новой боевой машины там не было. Да и откуда мятежникам их взять?

Все это время, пока капитан находился в отлучке, база продолжала строиться. Умная материя была послушна его воле, здания принимали оптимальную форму, рельеф выравнивался до идеальной плоскости.

Вскоре была устроена и пристань, вместо той, которую, уходя, взорвали террористы. Модули с кораблей выгружались и выгружались, делая безлюдную базу все больше. Она уже была похожа на марсианский городок. Но он не выглядел диссонансом с вечнозелеными пампасами… или эта равнина зовется по-другому? Не важно. Стены зданий имели в составе маскировочный компонент и сами принимали нужный в этом краю цвет.

Скрыть базу от средств наблюдения, они, конечно, не сумели бы, зато здорово могли запутать разведчиков и наводчиков врага — так, что ему будет не всегда понятно, где здания, где просветы между ними, где ценные постройки вроде энергетических блоков, а где не очень ценные, заменимые.

Поэтому артиллерии будет непросто нанести базе большой урон. Поврежденные строения сами себя чинили. А некоторые, самые легкие — могли и переползти на другую сторону холма, если возникала необходимость. Заборы и заграждения тоже можно было передвигать по потребности.

Миниатюрные роботы — не нано-, а микро — запускали сложные химические реакции. Там, где было много бросового

дерева, для строительства базы могли бы использоваться блоки древесного бетона, похожего на арболит, который делался из зеленой массы с помощью специальных катализаторов затвердения. Но здесь не русская тайга и не джунгли Амазонии, и этим сырьем не воспользоваться, поэтому блоки делались из песка и глинистого грунта.

Точно также же с помощью специальной посыпки почва намертво цементировалась и превращалась в дороги. В подземных резервуарах само вырабатывалось биотопливо. Энергия солнца и ветра использовалась по полной, как и подземная вода из артезианских скважин. Была бы необходимость — добурились бы и до геотермальных источников. Но это на будущее.

Так же, как микроботы, подчинялись его воле и макрообъекты. На всей стройплощадке почти не было заметно обычных экскаваторов или бульдозеров, даже роботизированных. Из привычной машинерии имелся только один автоматический подъемный кран. Зато двигались сами собой большие камни, стволы деревьев и обломки зданий — часть из них влекли гибкие строительные автоматы, похожие на слизней-«грузчиков», но крупнее, другие транспортировались легионами миниатюрных строителей, покрывавших их поверхности. Самые легкие двигались под воздействием магнитных сил и левитации. Сами собой выжигались ямы под котлованы. Мелкие предметы летали так, словно ими управляли духи или джинны.

Его армии не нужны ни медицинские отсеки, ни столовые, ни комнаты психологической разгрузки. Вместо казарм — депо для роботов, малых и средних. Гаражи для колесных и гусеничных. Хотя шасси свободно менялись и те трансформировались. Все автоматизировано до самой последней мелочи. База могла функционировать, имея штатный состав даже не из одного человека, а из ноля.

Благолепие портила только необходимость размещать, кормить и лечить добровольцев из «Скорпиона».

«Черт, чуть не забыл про них. Поживут пока в палатках, черти. Хотя… если поселок с кодовым именем Альфа-Браво все равно брошенный, пусть заселяются, лишь бы сильно не насвинячили».

Модули расположились строго геометрично. Только там, где это было невозможно, они состыковывались, как фигурки в «Тетрисе» — оставляя там, где это нужно, подъезды и проезды для автомобилей и колесных автоматов.

Человеческое восприятие тут никто не щадил — базе была свойственна такая симметрия, которая даже резала глаза. Зато

планировка позволяла возводить здания быстро и располагать их оптимально. Надо будет — переделают или перенесут.

В техническом задании были прописаны требования, расстояния, допуски, но не был приведен конкретный вариант планировки. Эта задача была делегирована майором Мэйвезером именно ему.

Нигде не было сказано, что база должна быть квадратной, но австралояпонец построил ее именно такой. Хотя была дикая мысль всем назло сделать ее слегка похожей на морскую звезду. Или амебу. Или фрактальный узор. И чтоб здания складывались в читаемое с орбиты ругательное слово.

Но нет уж, идеальный квадрат. Жаль, если после победы ее демонтируют. Хотя… может, дооборудуют, построят взлетно-посадочную полосу и разместят здесь постоянный контингент.

Постройка — если считать только время возведения всех зданий, вычтя время простоя строительной техники — заняла шесть часов пятнадцать минут и три секунды.

Тот, кто никогда не видел таких баз, скорее всего, просто не понял бы назначения половины. Разве что ограждения не вызвали бы вопросов, хотя даже колючая проволока отличалась от гражданских образцов. Она не колола, но тот, кто прикоснулся бы к ней, прилип бы, оказался бы намертво зафиксирован — до прихода охраны. Это не говоря уже об ActiveDenialSystem и ей подобных, которые могли и отпугнуть, и парализовать, если нужно, любые биологические объекты. И конечно, каждый кубический сантиметр периметра просматривался во всех диапазонах, даже под землей. Суслик не прокопается.

Ангары для роботов мало чем-то похожи на ангары для самолетов, но основной склад выглядел похожим на склад логистической почтовой службы. Разноцветные контейнеры скрывали в себе разные виды механически созданий. Некоторые перемещались по конвейерным лентам, другие контейнеры ездил сами, еще и переворачиваясь в любой плоскости. Это для тех грузов, которые можно было кантовать.

Хотя в пехоте для охраны периметра потребности не было, два КПП с будками и шлагбаумами все же были сооружены. Таковы были требования. Да и «арийцы» будут более дисциплинированными, если привлекать их к караульной службе. Но основную роль в охране играла автоматика. Все боевые турели были хорошо замаскированы, хоть противовоздушные, хоть предназначенные для поражения наземных целей. Под травяным покровом и слоем грунта прятались разнообразные мины, ловушки, излучатели. По ним можно спокойно ходить и ездить — но стоит какому-то умнику попытаться, например, протаранить

ограждение грузовиком… до забора от этой машины мало что доедет.

Процесс завораживал его. Гарольд почувствовал себя немножко демиургом и Люцифером, повелителем демонов, творцом маленького замка ужасов со своими демонами, церберами и гаргульями. На мгновение ему даже захотелось, чтоб какой-нибудь дуралей попробовал бы защиту на прочность.

Кое-где база подобралась совсем близко к поселку. Это был непорядок. Надо было, чтоб со всех сторон оставалась хотя бы километровая простреливаемая зона. Поэтому некоторые домики пришлось снести или сжечь. Благо, они тут были дешевые, щитовые, а некоторые чуть ли не из фанеры.

У него было официальное разрешение изымать недвижимость и имущество у террористов и их пособников. Без компенсации. А у всех остальных — с компенсацией. Вот и пусть доказывают в судах, что не виноваты, и чеки предъявляют.

Убогие дома, крытые чем попало, просто растворялись. Более капитальные сносились направленными акустическими импульсами. Как в сказке про волка. Сгораемые — сжигались, «арийцы» сочли за развлечение пройтись по нищей улочке с огнеметами, двое даже надели для этого красные колпаки Санта-Клаусов. Их можно понять — еще недавно по ним отсюда стреляли.

Ничего, поживут в палатках.

Металлы и дерево можно было использовать повторно, а вот бетон и цемент просто крошились и шли в утиль.

Иногда разрушаясь, дома являли мир свое нутро. Ванны, кровати, душевые, старые компьютеры. Были тут и древние электроприборы. Еще со шнурами. Вставленными в розетки! Где они взяли такое ретро? Были даже несколько телевизоров. Даже один жидкокристаллический. Вот уж точно, музей.

Блеяли козы, кудахтали куры, лаяли беспородные собаки, мяукали брошенные кошки. Киски-то ладно… пусть убегают в болота и пампасы, ловить птиц и мышей. А вот крупных животных, к сожалению, придется убить. Для их же блага. И тоже с компенсацией стоимости. Люди сюда вернутся не скоро, тут будет зона отчуждения. Конечно, климат теплый. Но без ухода звери все равно погибнут мучительной смертью, а еще инфекцию могут разносить. И тут война, а не зооприют. Поэтому лучше забить их током и переработать на биогаз и смазку. Заодно останется и себе на бифштексы. «Фашисты» тоже спасибо скажут и будут больше энтузиазма проявлять в боях. Правда, лучше не говорить им, что несколько собак тоже пошли в котел. Корейцев среди них нет, могут не оценить.

Через пару часов после боя Синохара снова влез в экзоскелет. И, взлетев в небо, направил свой полет в сторону линии соприкосновения. Естественно, с включенной невидимостью.

В этом месте он взмыл до самых облаков. Там работая почти на пределе, двигатель начал натужно гудеть. Старые модели и вовсе начали бы «чихать». Прошло десять минут с момента взлета, когда он увидел, как перед глазами побежал текст:

— Капитан Синохара. Вы хотите премию Дарвина заработать? Спускайтесь немедленно и отойдите на предписанную дистанцию. Командовать можно и оттуда. Устав надо соблюдать, но надо включать и голову.

— Слушаюсь, сэр. Я хотел провести визуальный осмотр поля боя.

— Не нужно. Хватает и дронов. И не отключайте больше свой маркер. Я все равно вас вижу. Еще раз такой фокус… и вы пожалеете о последствиях.

Синохара знал, что игнорировать эти слова не стоило. Уже двух командиров на чилийском фронте Корпус вчера потерял, потому что недооценил «рельсы» мятежников, их точность. Здесь в Мексике потерь среди командиров среднего звена пока не было… но роботы «гибли» сотнями, а пехота — десятками. Конечно, он знал, что делает, и риск был минимален. Правда была в том, что, хоть он и привык еще со времен службы в наемниках к своей жизни относиться философски (что обычно наемникам из ЧВК не свойственно!), но причина его дерзкого поступка была в другом. Он хотел проверить бдительность Мэйвезера и создать у него ложное представление о себе. Так было нужно.

Оказалось, тот на самом деле за ним следил.

Майор действительно не давал ему приказа на воздушное патрулирование. Само оно не противоречило прямо параграфу 4 инструкции 415-NR о том, что «командир роботизированных частей не должен подвергать себя необоснованному риску в зоне огневого соприкосновения с противником без крайней необходимости и обеспечивать свою личную безопасность». Но духу этого пункта противоречило. Разведку действительно могли произвести и роботы.

Синохара начал снижение, и в этот момент пришло еще одно послание.

— Не делайте больше так. Или получите дисциплинарное наказание. А теперь неофициально. Я ненавижу подчиненных. Я привык работать один, и тут мне почему-то навязали вас. Поэтому вы или выполняете мои приказы без единой ошибки. И не делаете того, что я не прошу. Или я добьюсь вашего перевода в

Чили или Панаму с самыми плохими характеристиками… капитан.

— Прошу прощения, сэр. Я выдвинулся вперед для лучшего обзора и личного контроля за ситуацией. Больше этого не повторится.

Но американец уже отключился и ничего на это не ответил.

Завершив облет, капитан спустился с небес на землю. Надо было снова проведать базу.

Железная армия за время его отсутствия выросла еще в два с половиной раза. Многие из роботов были двойного назначения. Они умели не только воевать, но и проводить ремонт и даже сборочно-разборочные операции на своих собратьях.

Про себя он отметил, что даже полная невидимость и отключение передатчика не скрыли его от глаз командира.

Утром Синохара послал нескольких «кожаных мешков» на разведку. В этом не было необходимости, роботы хорошо справлялись. Просто он не хотел давать этим парням застояться, заскучать и почувствовать себя не нужными. Иначе падал боевой дух. Риска в этом задании не было, район был предварительно проверен роем микроботов. К тому же они сами рвались «надрать коммунякам задницу».

Легионеры не трусили, но и умирать не хотели. Однако он мог на них повлиять и заставить думать, что очень даже хотят. Для некоторых из добровольцев это было хорошо оплачиваемой поездкой на сафари и фанатизма у них изначально не было. Другие просто трусили в силу типа нервной системы и общей изнеженности. Но после вливания в кровь специальных веществ любой из них, даже женщины, превратились бы в жестоких монстров, жаждущих крови. «Хотя женщинам-то уж куда дальше?» — хмыкнул про себя австралояпонец.

«Арийцы» были не лыком шиты. Он ожидал худшего, большей расхлябанности и некомпетентности от этого сборища косплееров 3-го Рейха. По условиям контракта им поставили небольшие апгрейды мышц, чтоб дотянуть их до общего уровня физических кондиций в Корпусе. Но это было не единственное улучшение. Была еще одна новация, до этого на войне не применявшаяся. У всего подразделения стояли импланты-энхансеры, которые могли вводить их в два состояния, отличных от базового. Режим «сова» повышал сенсорные возможности и внимание за пределы доступного обычному человеку. Режим «Волк» давал выносливость, силу и агрессивность на время. Был еще один режим, но бойцы про него не знали и включать его по своей воле не могли. Он активировался исключительно дистанционно, командованием… и только тогда, когда других выходов не

оставалось. Это был режим «Берсерк». Как следовало из названия, он превращал бойца в машину для убийства ценой чудовищной нагрузки на все системы организма. Из-за коктейля искусственных гормонов, вливаемого в кровь, сдерживающие механизмы психики отключались почти полностью. Способность к командной работе и подчинению субординации улетучивалась. Интеллект не страдал. Но полностью подчинялся всепоглощающей жажде убивать, которая обеспечивалась экспериментальным нейромодулятором со сложной формулой. Синохара подозревал, что его получили, изучая мозг серийных убийц. Режим подходил для бойцов, оставшихся в одиночестве в окружении или попавших в плен.

Но Синохара относился к этому скептически. Самурай должен сохранять хладнокровие. Даже meatbags не заслуживают, чтоб их бросали на убой, лишив способности соображать. Корпус как-то слишком часто стал считать себя стоящим над законом. Хотя добровольцы даже в Корпусе не числились, в отличие от него.

Он сделал себе мысленную пометку. Пригодится для рапорта. Но потом. Нигде фиксировать не стал.

В восемь утра на экране появился Мэйвезер.

— Как обстановка? — спросил он. Видимо это было требование. Обращаться с этим вопросом голосом.

— Доброе утро, сэр. Все штатно. Мы хорошо их побили вчера. Обожаю запах напалма поутру, — сказал Гарольд, решив разбавить серую уставщину.

Но Мейвезер, похоже, не понял откуда эта цитата. Или просто не поддержал его.

— Окей. Не расслабляйся. Они могут быть рядом. Пошли своих «мух» на патрулирование на пять миль дальше.

Если дроны под названием «оса» и «шершень» были размером с птицу, то «мухи» или SAD12-Fly оправдывали свое название. Они были размером даже не с комнатную, а с плодовую мушку. Меньше них были только MEMs, «умная пыль».

— И «псов» пошли за ними, но не ближе трех километров. Какого черта ты их не покрыл маскировочной краской? Я знаю, что эти ребелы рыскают вокруг, и они не слепые.

— Сделаю, — Гарольд тут же отдал команду ремонтным боксам наносить оптический искажающий камуфляж.

У обоих был включен видеорежим, и можно было видеть интерьер комнаты. Вот только Гарольд жил в палатке, а Джошуа, судя по всему, расквартировался в самом большом доме соседнего городка Монтепио.

Он появился на фоне богатого — даже по мировым меркам —

интерьера, среди кричащей роскоши, которую в современном мире найти было трудно. Гарольд такое видел только в Лувре и в цыганском квартале Будапешта. В большой спальне, где вся мебель казалась экспонатами музея, его командир лежал на двухместной кровати одетый, на животе у него стоял столик, а на столике были в беспорядке расставлены блюда.

А вот лицо у него было помятым, с кругами под глазами, будто он почти не спал. Столкновений за ночь не было, но повстанцы всегда держались где-то поблизости.

Синохара тоже собирался позавтракать. Но если Гарольд ел швейцарский войсковой саморазогревающийся рацион, то у Джошуа было другое. Куча коробочек и пачек. Кукурузные хлопья, печенье «Орео», глазированные пончики, большая 5-литровая бутылка пепси-коки. И большая запеченая индейка с початками кукурузы и золотистым картофелем. Хотя до следующего Дня Благодарения было далеко. Неплохо для первого завтрака. Хотя третью часть этой птицы тот, видимо, съел ночью, потому что двух ножек и части туловища недоставало. Спал ли он вообще?

А что майор сделал с жителями, Гарольд даже не хотел представлять. Оставил, что прислуживать себе? Выгнал? Убил и съел?

— *Я их выкинул.* — словно прочитав его мысли, пояснил тот в текстовой строке. — *Слишком пахнет от них. Я ненавижу жару. И пот. У меня на восемьдесят процентов отключены потовые железы. Поэтому я не пахну. А охлаждение происходит через нанофильтры, я их себе поставил. Местные меня достали. Приходила целая делегация. Кто-то клянчить, кто-то благодарить. Я им дал старые палатки и электричество разрешил провести. Теперь жалею. Вижу, что благодарность их липовая. Так и ждут, как нож воткнуть. Все громкие, привыкли нарушать личное пространство. И руки у них липкие. Терпеть не могу все мокрое и липкое. Меня выворачивает. Несколько женщин самой древней профессии мне себя предлагали. Приказал роботам спустить их с лестницы. Ненавижу. То, чем могут заниматься люди разного пола вместе — противно. Впрочем, одного пола — еще хуже. Даже подумать неприятно.*

Синохара ничего не ответил, переваривая это откровение. Вот уж точно, не ожидал таких интимных подробностей. Видимо, на командира повлияли стрессы последних дней. Сделали его более нуждающимся в общении.

Ну, если он импотент или асексуал, то не удивительно, что он сюда поехал. Что еще в жизни делать? Да и не разве это жизнь?

Хотя иногда Гарольду думалось, что без этого инстинкта

жить проще. Сколько сил и времени можно сэкономить.

— *Ты скажешь, зачем тогда я здесь, если мне так противно?* — продолжал американец. — *Я люблю свою работу. Как и ты, судя по всему. Мне нравятся роботы. А управлять войсками через сеть… из-за моря… начальство не дает.*

— Да, я знаю… сэр.

В ответ на это обращение Мэйвезер только хрипло рассмеялся.

Гарольд знал причину запрета. Командование Корпуса — а особенно счетоводы и бухгалтеры из профильного комитета ООН — считали, что операторы дронов не могут работать с полной отдачей, если совсем не подвергаются опасности.

В этом с бухгалтерами спорили психологи (которые считали, что лучше вообще избавить операторов от любого риска). Но финансисты пока побеждали инженеров человеческих душ. Принятая концепция гласила, что для должного уровня контроля и вовлеченности в боевые действия не меньше 20 % командиров должны находиться на ТВД. Иначе будет отстраненность, халатность и ощущение компьютерной игры. А это риск ненужной гибели гражданских… и, самое главное — опасность погубить просто так ценную технику. При этом на кораблях и на основных базах находится основной состав, те самые 80 %. Причем все старшие офицеры находились там.

— Вот и моя нямка, — с гордостью объявил Джошуа, опять перейдя на голос. — Мои крошки немного помародерствовали. Сладости принесли из местной лавки. Люблю доступные углеводороды. Трансжиры для транслюдей. Картошку конфисковал у местных крестьян. Она здесь плохо растет и стоит дорого. А еще мне сегодня захотелось мяса. Настоящего мяса, не выращенного. Эта птица вчера еще кулдыкала и клевалась. Попыталась напасть на моего «пса». Резчик идентифицировал ее как угрозу и снес башку одним ударом пилы. Но какое-то время она еще пыталась бежать.

— Хорошая птичка, сэр. Только может, углеводы, а не углеводороды?

— Доступные углеводы делают из доступных углеводородов, чего ж тут непонятного? — похоже Мэйвезер был раздражен замечанием. — В детстве я сидел на специальной диете и мне хотелось убить своего доктора. Теперь вот отрываюсь.

«Я не удивился бы, если бы ты его убил, — подумал Гарольд. — Ты опасный тип».

Ему не то чтобы нравился этот хмурый и мизантропический офицер, но он видел, что тот на голову умнее, чем средний уровень по Корпусу. Найти с ним общий язык — будет проще

работать.

Но очередная фраза Джошуа оборвалась на середине, и больше на тему семьи он не распространялся. Рассказал несколько историй про боевые будни своего подразделения (где в отличие от отряда Гарольда, людей не было вообще), а потом его запал на общение резко иссяк.

Майор быстро свел разговор к концу:

— Ладно, продолжай в том же духе. Отбой.

И в дальнейшем не говорил ни на какие темы, кроме задания. Похоже, он понял, что сказал что-то лишнее. Неужели боится, что на него донесут за убитую индюшку, украденную картошку и печенье? Когда вокруг тысячи людей превращаются в компост.

Или тут что-то другое.

Из личного дела, которое переслал ему полковник Эдвардс, Синохара знал, что родителями Джошуа были мормоны. Не из Солт-Лейк-Сити, а из глухой дыры в пустыне с населением двести человек под названием Retribution. Воздаяние. Отсталые по меркам СевАмерики люди. Реднеки. Религиозные фанатики, не обычные мормоны, а какая-то ортодоксальная ветвь и явно whitetrash, потому что тот был девятым ребенком в семье.

Поэтому если у Мэйвезера были какие-то отклонения от нормы, даже небольшие… которые есть у каждого второго… они могли лечить его не только визитами к врачу-психотерапевту. Наверняка думали, что посты и молитвы сделают сына «нормальным». Могли и применять передовые, по их мнению, приемы из медицины, которые устарели лет пятьдесят назад. Хорошо еще, если током не били. А, возможно, пытались изгнать из него демонов. И он… судя по тому, что с двенадцати лет рос в приемной семье, был изъят у этих сектантов ювенальной юстицией.

Копаться в чужом грязном белье — последнее дело. Как будто других проблем нет… В армию, подумал Гарольд, вообще много приходит людей не совсем нормальных, а выходит оттуда еще больше.

Ему стало даже жаль майора. Синохара вспомнил про себя самого. Страшно подумать, что было бы с ним, если бы он рос в грязном трейлере без колес, поставленном на бетонные блоки, если бы его пороли и называли одержимым. И если бы подростком слышал, что секс — это мерзость перед Господом, плата за первородный грех, но все равно нужен, потому что Создатель повелел размножаться.

Да, с семьей ему повезло куда больше. В школе его считали странным ребенком, иногда дразнили за смешанное происхождение. Но ничего особо страшного. Культура Японии

считает закрытость нормой, взгляд в глаза — вызовом и грубостью, а гиперопеку над детьми — правилом. Причем эта опека в его случае была не навязчивой, а корректной, с уважением к его границам и автономии. Пока мама была жива, он всегда слышал, что он самый лучший и что у него на Земле особая миссия. Но она ушла рано, а отец с мачехой относились к нему более сдержанно. Хотя он резкого слова от них не слышал. Уже когда Гарольд стал взрослым, мистер Стивен Доусон, весельчак, любитель кегельбана и выпить в меру за барбекю, признался ему, что сын всегда пугал его своим угрюмым взглядом.

«У нас в семье таких не было. Мы с Мардж боялись, что ты украдешь пистолет и принесешь в школу».

Поэтому Гарольд был даже рад, когда его отправили в Японию. Дед с бабушкой были более грубые и резкие… но более человечные.

И вот теперь кушая овсянку и пищевые брикеты, Синохара вспомнил, как мама делала ему завтрак в коробочке по всем правилам бэнто, для начальной школы. Не так, как на Западе… считая Австралию Западом, конечно, где все просто и утилитарно кладут в ланч-бокс. На островах это было целое искусство, как икебана. В нем есть строгие правила, но и простор для фантазии хозяйки оставался. В коробочке для ребенка находилась целая композиция. И роллы не обычные, как в суши-баре, а в виде диковинных зверюшек. И фрукты-овощи, гарниры, превращенные во что-нибудь невероятное. Рисовый осьминог с глазами — еще не предел. Очень трудоемкая ручная работа. В местности, где они жили, считалось, что матери, которая такой завтрак ребенку не собирает, должно быть чудовищно стыдно.

«Что она оскорбила духов предков и лично всю правящую династию, ха».

Так было, когда он был маленький. Может, феминизм и веяния гайдзинов уже изжили эту архаику годам к тридцатым-сороковым. Гарольд не знал. Дочка его в школу не ходила, а там, где она содержалась, еда из домашних ланч-боксов не допускалась. В тот интернат вообще в последние два года было тяжелее попасть, чем на охраняемую базу.

Могла ли мама подумать, что он будет обедать в таком месте? И станет тем, кем он стал? И гордилась бы она им? Сплошные вопросы без ответов.

«Время убивать, — написал Мэйвезер. — *Атака через четыре минуты синхронно по двум направлениям. Артиллерия сейчас обрабатывает их. Проблем быть не должно. Это как охота на*

кроликов. Только кролики милые, кроликов жалко, а этих — нет».

Видимо, у него в его мормонском детстве был кролик. Черт его знает.

Следующей целью был лежавший к северо-западу курорт Коста де Оро, который был последним из небольших населенных пунктов на их пути. Дальше начинались густонаселенные места, где воевать надо будет очень осторожно. А там и до столицы штата, города Веракрус, рукой подать. Но, судя по всему их, бросят на юг проводить зачистку остальной части штата, а мегаполисом будут заниматься другие подразделения.

Несмотря на свое благозвучное название — «золотой берег», курортный городок показался ему довольно захолустным и единственная ценность его, если не считать пляжи, на которых им некогда было валяться, в том, что он находится рядом с побережьем, а рядом проходит стратегическое шоссе. И то, и другое отсюда удобно контролировать.

Обороняться здесь было негде. Голый песчаный пляж и куча прилепившихся друг к другу одно-двухэтажных домиков почти у самой береговой полосы. Но повстанцы все равно пытались. Судя по данным сканера и роя, их было всего человек сто.

Вряд ли это были местные жители. Те или сбежали еще раньше, или сидели по подвалам. Скорее всего перед ним фанатики из «Черной гвардии».

Тоже смертники? Чем же они накачиваются, что так легко готовы отдать жизни?

Но им не удалось продать свои жизни дорого, как они хотели. Они просто отдали их бесплатно. Даже запас взрывчатки им не помог. И установленные обычные мины и booby-traps — мины-ловушки — почти не собрали своего урожая, потому что атакующие были осторожны. Только три робота нарвались на них.

Волны накатывали на пристань, где лежали несколько десятков продырявленных лодок с электромоторами. Все их Корпус уничтожил с воздуха, даже прогулочные яхты, катамараны и скутеры, чтоб не достались партизанам, которые уже совершали свои рейды с моря.

Рядом гнили кучи дохлой рыбы. Видимо, ее выбросило на берег. Отчего? Тут только ихтиолог бы разобрался. Вроде бы рыба — не киты, она самоубийств не совершает. Но разные виды излучения могут, наверно, сбивать ее гидролокацию.

Комбинезон полной защиты изолировал его от запахов, но Гарольд мог представить, как тут пахло. Мертвые тела тоже завоняли бы, хоть по зимнему времени погода и не была жаркой. Но их быстро уберут. Теперь после зачистки трупы лежали в домах и на чердаках, рядом с их снайперскими винтовками, из

которых они успели сделать максимум четыре-пять выстрелов.

«Мои предки бы мной гордились».

Он уже осмотрел некоторых из них. В вещах не обнаружилось никаких личных данных. И маркеров или чипов на них не было. Личности, конечно, установили сразу по картотеке даже у тех, кто обгорел или был разорван. Половина из них оказались иностранцами.

Нужно провести обеззараживание, чтоб не было эпидемии.

Важную инфраструктуру необходимо сохранить. Хотя бы дороги и мосты. Плотины. Но эти убогие дома… ценности не представляют. Это в основном нелегальный самострой. Малая часть пригодится как сырье, а их содержимое, техника, приборы — как источник некоторых элементов. Остальные можно сжечь вместе с телами их бывших хозяев, которые оказывали сопротивление, стреляя из окон, и здесь же погибли. Этим займутся специальные роботы.

Гарольд вспомнил аниме про гигантских кроликов-убийц, которое ему нравилось в детстве. В мультике эти существа рвали людей на куски, пожирая жителей целого городка не хуже, чем Годзилла.

Уцелевшие проводили его отряд, когда они вступили на улицы, взглядами, полными сдержанной ненависти и отчаяния. В основном женщины. Никто не бросал бойцам из «Скорпиона» резких слов. Видимо, понимали, чем это чревато. Как муравьи из разоренного муравейника, мексиканцы суетились. Собирали свои вещи. Или наоборот, апатично застывали в дверях.

Кто-то уходил — Синохара им не препятствовал, но остальные собирались остаться. Шумно оплакивали своих погибших, но все равно держались этого места. Глядя на них, Гарольд напоминал себе простой принцип, который всегда позволял ему выживать в мирной жизни: никакой жалости.

Атака роя дронов была стремительной. Теперь в рое были и маленькие «москиты», которые могли приближаться незамеченным и хорошо помогали против незащищенных целей. Они не несли пулевого или энергетического оружия, так как были слишком маленькими, но вели разведку и могли впрыснуть одиночной цели смертельный токсин, сделав прокол на незащищенных участках кожи.

И все же тактика применения дронов не была такой уж чудовищной и аморальной. Они не убили ни одного случайного человека, ни одного безоружного мирного жителя. Не сравнить с войнами средневековья или даже последних двух веков. Это вам даже не крылатые ракеты и не удары с «Дамоклов». Это даже не скальпель хирурга, а медицинский наноскоп.

Повстанцы пытались замаскироваться под гражданских… им это не удавалось. Никому. Дроны определяли комбатантов. Определяли тех, кто брал в руки оружие за последнюю неделю. Тех, кто не брал — не трогали. Даже если эти двое стояли в одной комнате.

Всех террористов перебили, как британцы вырезали зулусов при сражении у Роркс-Дрифт, где первые потеряли семнадцать, а вторые больше тысячи человек. Или как испанцы — храбрых мешиков, как называли себя ацтеки.

Потому что рой «помнил». Его Мозг содержал картотеку всех лиц, кто участвовал в деятельности НВФ, незаконных органов власти и тех, кто активно содействовал им. Такие классифицировались как «недружественные нонкомбатанты» и считались второстепенной целью, подлежащей интернированию. А поскольку содержать их было пока негде — если они пытались бежать, электронный мозг чаще всего принимал решение о ликвидации. Синохара с удивлением обнаружил, что не может внести коррективу в программу, чтоб сделать это поведение более гуманным. Он десятки раз объявил через сеть и громкую связь, что при проверке личности надо замирать и не шевелиться. Не пытаться бежать и не делать резких движений. Но объявления голосом не так-то просто услышать среди грохота и криков. А сеть похоже сами ребелы заглушили. Ни на одном из каналов он не смог до них достучаться.

Наконец, хаос стих. Агнцы были отделены от козлищ. И даже смена лиц не помогала. Любой человек в маске или с электронной личиной автоматически считался законной целью.

Они убили всех вооруженных, а мирным жителям Синохара дал двадцать четыре часа, чтоб покинуть район, объявленный зоной проведения контртеррористической операции сил ООН. После этого никто не будет за ними специально охотиться, но их выживание под перекрестным огнем не гарантирует. Повстанцы могли обстрелять или попытаться отбить эту деревню. А скоро через нее по шоссе должны были пройти большие силы Корпуса. Здесь уж точно не нужны какие-то рыбаки или их бабы с мелюзгой. Гарольд подумал, что такие всегда страдали при разборках сильных мира сего, еще с времен Гомера и Чингисхана. Но чтоб не отвлекаться на жалость, он без всяких апгрейдов перевел себя в состояние холодного отрицания. Для этого его базовой «прошивки», с которой он родился, хватило.

Вечером они с майором продвинулись еще на десять километров на восток и освободили еще по одному городку. Почему-то люди не очень радовались и почти все убегали,

оставив пустые дома и улицы с брошенными машинами, хотя отсюда никого выселять не предполагалось.

Но в жизни так всегда. Редко кто сразу понимает свое счастье. А счастье было в том, что полпотовцы сюда больше носа не сунут. Учитывая, как им вломили. Они, похоже, не ожидали, что ооновцы нагрянут сюда так быстро — судя по сонным мучачос, стоявшим в полный рост на блок-посту, без укрытий. К ним удалось подкрасться незаметно.

Соседние части двигались параллельно Гарольду и Мэйвезеру, но этот участок вдоль берега был самый ответственный. Сплошного фронта не было, но дроны наблюдатели и сенсоры контролировали каждый квадратный метр равнины между их подразделениями. Дроны двигались вместе с их хозяевами в разомкнутом строю, как два роя во главе с королевами. А что «королевы» мужского пола — это вполне в духе веяний эпохи, усмехался Гарольд.

После бесконтактного боя — удар летучими дронами с воздуха по не имеющей защиты деморализованной пехоте — в котором оператор дронов почти не потратил сил и совсем не потратил нервов, образовалась передышка.

Ночью к причалу возле главной базы «Эдо» подошел морской транспортник «Барак Обама», переоборудованный из гражданского контейнеровоза, привез почти триста тонн грузов, среди которого было и несколько сотен новых, недавно с заводов, роботов включая тяжелых. Две «Пчелиных матки», пятитонные агрегаты на полигусеницах, способные самостоятельно производить простейших «псов» и мелких «москитов» из местного материала, перерабатывая все вплоть до старых машин и консервных банок. Своеобразные боевые 3-D принтеры, которым можно было задать и свои дизайнерские проекты (но простор фантазии был ограничен техническими параметрами и уставами).

Много было и сырья. Хотя основные материалы предполагалось использовать местные.

Еще, как только он достроил взлетно-посадочные полосы, прибыла своим ходом с авианосца дюжина летающих БПЛА «Гаргулья», которые были вооружены ракетами, умными бомбами и рельсовыми пушками. Они были похожи на миниатюрные самолеты с загнутыми крыльями (впрочем, геометрия крыла была изменяемой). Способность к вертикальному взлету у них тоже имелась.

В сражении за небольшой городок Ла Нуэва Виктория в десятке километров в юго-западу, где находились тыловые и вспомогательные службы ребелов — ювелирная точность не требовалась, и Гарольд решил ввести в бой и людей. А для этого

попытался как мог мотивировать их, вспомнив про боевой дух:

— Вперед, бойцы! Перед вами враги свободы. Устроим им Día de los Muertos! За кровь невинных!

Чушь, конечно. Редкая чушь. Но, пожалуй, подействовало. Они двинулись вперед бодро. А кто-то даже откликнулся более развернуто, чем «так точно, сэр!»:

— За веру и нацию! За кровь и честь! Deus Vult!

Несколько человек запели песню. Не гимн и не марш. Что-то похожее на скандинавский рок или металл. Песня про крестоносцев. Шведская группа “Sabaton” — подсказал справочник. Старая. Давно умерли.

Он сделал певунам замечание, а то еще хватит у них ума затянуть что-нибудь такое, демаскирующее, ближе к линии соприкосновения.

Вот чем люди проигрывают роботам. Непредсказуемостью.

Это раньше можно было идти и разговаривать вполголоса. А теперь у всех сенсоры. Те парни на блокпосту поплатились за свой громкий треп.

Хотя в экзоскелетах добровольцы могли тихонько напевать себе под нос что угодно. Рацию им Синохара отключил, оставил только невербальные сигналы.

Бой начался. И вскоре уже бойцы НВФ — незаконного вооруженного формирования — отступали перед бойцами и техникой законного. Анархисты, в зеленом камуфляже и без формы, в гражданском, гибли десятками, как в вирках или вирт-тренажере.

Наверняка журналисты умножат их число еще на десять, подумал Синохара.

Но и наступавшие несли потери. Двое «арийцев» подорвались на минах — одному оторвало полтуловища, второй будет жить, хоть и на протезах. Еще двоих застрелили из бронебойного, и это не считая раненых. Восемь роботов были подбиты и тяжело повреждены, а четыре придется отправить на разборку и переплавку. Жаль, что с людьми так нельзя.

Так же, как на тренировке, приходили одна за другой задачи:

«Зачисти эту позицию!». «Выдвигайся на два километра на северо-восток!».

Разве что здесь строже следили за их выполнением. И не было второй попытки при провале задания. Но он и не собирался его проваливать. Перевес обычно был такой, что было не так уж сложно.

Возле небольшой возвышенности ему пришлось задержаться из-за сильного снайперского огня, стоившего «жизни» двух незаменимых «пауков» и десятка мелких разменных «псов». Но

«москиты» добрались до стрелков и ни один из них не ушел живым.

«Медленно! Отстаешь!» — приходили вслед за ними замечания от Мэйвезера. *— «Где тебя черти носят?».*

Синохара понял, что от него требуется более активно развивать наступление. И он бросил в бой «тяжелую кавалерию».

Кроме двух броневиков “Rhino”, у него имелся один “Bullfrog” — его самая мощная боевая единица. Бронированный как тяжелый танк прошлого, но в несколько раз меньше и с активной защитой, делающей почти невозможным поразить его снарядами, чья скорость была ниже, чем у снарядов «рельсы» — он их просто сбивал.

Вначале он очень бодро прошелся по вражеским рядам, сея смерть. Но вскоре стал доставлять Гарольду больше хлопот, чем пользы. Враги пытались уничтожить роботанк, не считаясь с потерями. На нем сконцентрировались усилия истребительных батальонов целой дивизии. Нет, обладал колоссальной огневой мощью, так что мог за себя постоять. Но из-за своих размеров дрон-танк сильно «отсвечивал» и его нелегко было замаскировать. Да и врагам казался приоритетной целью. Артиллерия ребелов постоянно равняла с землей все, что находилось в радиусе пятидесяти метров от монстра, хоть он и успевал уйти от прямых попаданий.

Из-за несовершенных систем прицеливания (или вообще их отсутствия у тех, кто был вооружен обычными калашами или винтовками) повстанцы почти не могли поразить юрких «грифов». Зато с упорством били по более медленным «Носорогам» и «Голиафам», пока не отправили одного в ремонтный гараж, а другого на переработку — в него попало сразу два кумулятивных снаряда.

Ну а по бедному «лягушонку» долбили так, будто он им лично насолил: противотанковыми снарядами, атаковали брандерами — дронами-самоубийцами — стреляли из антиматериальных винтовок, обычных противотанковых гранатометов, старых зенитных пушек. “Bullfrog” все это выдержал и остался на ходу.

Синохара знал, что, если будет потеряна такая ценная боевая единица, командование снизит бонусы. Это практиковалось давно у частных военных операторов, а недавно такую же практику ввели и в Корпусе. Своеобразный хозрасчет и самообеспечение. Конечно, лишние пять тысяч глобо были не так принципиальны для него. Но еще пять лет назад главным мотивом сохранить эту железяку стал бы для Гарольда перфекционизм. Но на данном этапе жизни он перерос это чувство. Поэтому без жалости послал

тяжелую машину затыкать дыры в обороне и подставлял ее борта под огонь не меньше, чем дешевых и заменяемых «псов». В какой-то мере он берег ее даже меньше, чем арийских добровольцев. Все-таки они были люди. Хоть и фашисты.

Повстанцы истребляли «псов» сотнями и сотнями из противодронных ружей, но на место выбитых тут же вставали новые, которых капитан оперативно собирал на базе из обломков подбитых и хлама со свалок, цветного и черного металла. Вернее, собирали его автоматы. Ему даже не приходилось отвлекаться на то, чтоб вызвать свежее пополнение.

«Лягушонок» тоже получал свои ракеты и пули из обедненного урана. А под конец дня какой-то мерзавец очень удачно — для повстанцев, а не для экспедиционного корпуса — попал по нему из тяжелой турельной 25-милиметровой «рельсы». Пробил щит и вывел из строя сразу два процессора и основной генератор, чем вырубил почти пятьдесят процентов двигательных систем и бОльшую часть боевых. Пришлось, используя несколько других дронов как тягачей, эвакуировать исполина в тыл для ремонта. Который — ввиду уникальности многих запчастей — будет половинчатым и кустарным. Полная огневая мощь к нему уже не вернется до самого капремонта. Вот поэтому лучше иметь кучу мелких роботов, чем одного большого.

Последняя волна ребелов была уже неплохо вооружена. У них были даже экзоскелеты и трофейные дроны. Вряд ли они их вырастили на кукурузных полях.

Неисчислимые рои «москитов», которые просто выкашивали их бездоспешных товарищей — тут не помогли. Надо было придумать что-то другое. Впрочем, ничего хитрого — достаточно выделить всех — и из мяса, и из пластика и металлокерамики — и бросить в бой!

— *А ты не плох, наемник,* — пришли, когда все закончилось, вдруг, скупые слова от майора. — *Играл в «Металлический шторм-2040»?*

Гарольд кивнул, забыв, что его жесты собеседник не может видеть. Но тот каким-то образом увидел. Может, по движению воздуха или по неслышному для обычного уха звуку движения.

— *Тогда ничего нового для себя не увидишь. И еще. Управляй разумом. А не руками, не словами и не глазами. Твой мозг во много раз быстрее, чем тело».*

— Это же не допускается параграфом 65 инструкции 415-NR, сэр, — австралояпонец хорошо изобразил наивного простачка. — Вы же сказали, что Устав надо соблюдать.

— *Одно дело ставить себя под удар из-за глупой бравады… и другое — следовать замшелым устаревшим правилам, опасаясь*

нового и полезного. Это большая разница. Запрещено? Если бы люди не делали то, что запрещено — предками, духами, вожаками… они бы остались обезьянами.

Нейроконтроллер. Никакой мистики, никакой телепатии, только колебания электромагнитных полей и направленных радиоимпульсов. Превращение электрических импульсов в нейронные и обратно. Адаптер человек-машина, который майор ему дал, работал без единого сбоя на десять тысяч команд. Для гражданской сферы такая точность была недостижимой.

Вначале Синохара даже удивился, когда понял, что может управлять огромным «Буллфрогом» силой мысли. Но потом втянулся. Чувствовать себя в шкуре тяжеленой махины было странно… но приятно. Он косил латиносов из спаренных пулеметов сотнями и давил гусеницами вместе с их боевыми тачанками. В конце даже перестал напоминать себе, что это живые люди. Какого черта их жалеть, если они хотят его убить? И людей, которые ему дороги, они бы убили без колебаний. А он… всего лишь пришел в их страну, чтоб навести в ней порядок, чтоб не дать одним из них поубивать других. После боя криминалисты еще посмотрят, сколько там врагов народа убили эти черногвардейцы. И все предоставят журналистам и в ООН.

К вечеру окончательно перешел на управление нервами. Сразу стало легче, и будто тяжесть упала с плеч. Перестала болеть голова, не надо было напрягать глаза, шевелить запястьями. Даже сердце и то билось теперь более ровно. Но когда он на время своего получасового сна попытался привлечь к этому двух самых башковитых из «арийцев» — те сразу сплоховали и вставали с кресел с зелеными лицами, хотя им выдалось спокойное дежурство и всего одна стычка с партизанами.

Роботы теперь были как продолжение его рук… или даже его синапсов.

— Вот только заработаю немного глобо… и стану киборгом, — полушуткой полуправдой сказал он командиру.

— Понятно тогда, для чего ты здесь. Но это еще не разрешено, — ответил майор.

— После войны разрешат. Власти поймут, что угроза для них — это дикари, которые боятся даже «умной» кофемолки. А не те, кто хочет жить вечно и мыслить на уровне суперкомпьютера.

К вечеру ситуация начала переламываться.

Число роботов росло как снежный ком. И они вели себя грамотно даже без постоянной опеки. Чем больше их становилось, тем более разумным было их поведение. Они уже не натыкались на стены, не мешали друг другу. Полевая командная система

обучалась. Училась и на ошибках и удачах. Училась на практике боя и на просчете миллионов вариантов в перерывах между битвами. И даже во время затиший отдельные ее части продолжали просчет и анализ.

Джошуа предупредил Гарольда не превышать лимит числа подконтрольных машин. И не превышать дальность действия. Роботы, оказывавшиеся за пределами сектора операции — отключались и переходили под контроль тех подразделений Корпуса, которые действовали там. Если наштамповать их больше лимита — новые тоже не активировались.

Как понял Синохара, дело тут не в сложности координации и не в ограничениях передатчиков и широкополосной связи. Просто командование не хотело рисковать и вручать им слишком ультимативное оружие. Может, боялось за их лояльность, а может, чего-то еще.

Зато командование не запретило давать машинам относительную свободу. Оно не поощряло это, но Синохара вслед за Мэйвезером рассудил, что «если не запрещено — то можно».

И поэтому они позволили машинам эволюционировать, самим подбирать оружие и тактику против разных видов врагов, опробовать разные сочетания, а у автоматов с простой конструкцией — еще и варьировать формы и размеры.

Рой становился все эффективнее и самостоятельнее.

— Нет ли риска выхода из-под контроля?

— *Исключено,* — отрезал Мэйвезер, и больше на эту тему ничего не говорили.

Спрашивать было бесполезно. Осталось рассуждать самому.

— Сценарий «Терминатора?» Чепуха. Серая слизь? — подумал Гарольд. — Тоже маловероятно. Эта слизь только в головах безграмотных фантазеров. Один к 10 в тридцатой степени. 0,01 мм пока нижний предел для эффективной боевой машины. И они не отвечают критериям полной автономности, не говоря уже про воспроизводство. К тому же они медленно передвигаются, и поле боя может быть легко стерилизовано ЭМ-импульсом.

«Серая слизь — отличное определение для многих людей», — подумал Синохара, пролистывая перед глазами схему ТВД.

На ней в динамике пиктограммами и цифрами изображалось все, что происходило в рамках операции в штате Веракрус и прилегающих к нему регионах соседних штатов… и было открыто для его уровня доступа. Он видел, что фронт растянулся. Другие оперативно-тактические группы находились от них на расстоянии 15–20 километров. Их было всего четырнадцать. Побережье было разделено на сектора, доверенные подразделениям

добровольческой дивизии «Скорпион» и двух кадровых дивизий Корпуса мира — восьмой и четвертой. Едва ли не треть их частей была кибернетическими — и каждый из «операторов» разных роев имел кодовое имя. Никого из этих офицеров Синохара не знал.

Иногда их работу можно было увидеть и с помощью зрения, не только с дронов дальней разведки. Иногда хватало и своего собственного. Он видел огни и вспышки, дым горящих лесов, а может и зданий… или людей.

Там были более крупные населенные пункты. И война шла по-взрослому.

Самая серьезная заварушка должна была происходить вокруг столицы региона. Изредка, когда через его зону ответственности стрелой проносили сверхзвуковые ракеты, они всегда следовали именно туда, в Веракрус. И если случались бомбардировки со спутников, похожие издалека на метеоритные дожди, то их целью тоже была двухмиллионная столица штата. Бывший роскошный центр коммерции и туризма с небоскребами и знаменитыми вертикальными садами, памятниками колониальной архитектуры обрабатывался, как зараженный гусеницами куст томата. Что от этих сокровищ осталось?

Все, что не разломали полпотовцы, должны были сейчас добивать ооновцы. Мирных жителей, оказавшихся меж двух огней, могло бы быть жаль. Но они сами виноваты.

Как говорил Ласло, мир настанет, когда миротворцы уничтожат мирных жителей.

Некоторые из ракет «Купол» мятежников сбивал их почти сразу. Но примерно одна из десяти проходила и достигала земли. Это были далеко не новые дорогостоящие разработки, которые ВКС Корпуса мира почему-то берегли. Зато бросали на повстанцев хлам, который они реквизировали… или просто попросили по-хорошему у всех государств-членов.

Кометы. Метеоры. Метеориты… Синохара вспомнил кратер Чиксулуб, оставшийся после падения метеорита в Мексиканский заливе, погубившего динозавров. Мел-палеогеновое вымирание.

Да и сам залив очень похож на гигантскую воронку от еще большего астероидного импакта. Где-то под отложениями осадочных пород очертания этого круга тянулись по суше и продолжались в море в виде очертаний берега.

А сегодня в руках человека были силы космической мощи, сравнимые с теми, которые тогда были доступны только слепой природе.

Часть 9. Вендиго

Это эпоха «сэкай но овари»,
Вот и конец, молитесь твари!
"Армагеддон", группа "Холерный эмбрион"

LandingZone, северная часть штата Веракрус, Мексика

Они побеждали. Враг отступал. Не бежал, но откатывался назад. Они преследовали их, планомерно и неотвратимо.

Первым шел рой, и только за ним шли добровольцы, даже не добивая, а чаще просто фиксируя смерть.

Защиты не было. Даже командный бункер повстанцев вскоре оказался вычищен.

В 23:01 Гарольду сообщили о том, что штурм завершен. В 23:05 — о том, что закончена зачистка. В 23:20 он сам облачился в экзоскелет «Хоппер» и отправился проинспектировать цель. На этот раз майор сам санкционировал это. ПВО ребелов было отброшено далеко, и прямой опасности не было.

Пролетая над темной прибрежной областью, где тут и там попадались отдельно стоящие коттеджи и бунгало, австралояпонец видел по отдельным признакам, какое опустошение принес рой. Многие дома были без стекол. Брошенные машины, несколько дрейфующих катеров и яхт в прибрежных водах, погибшие посевы на фермах и в садах, мертвые тела тут и там, Синохара ощутил укол совести. Но это ощущение задержалось всего на пару секунд.

«Совесть — это самомнение. Когда ты считаешь себя слишком чистым и благородным, чтоб запачкаться».

На дальних подступах к лагерю мятежников, большинство тел оказались с пулевыми отверстиями. Часть дронов была вооружена электромагнитными рейлганами, но еще больше — обычным огнестрельным оружием, включая трофейное, которое они собирали у трупов ребелов и модернизировали под себя, обрезая стволы и казенную часть до нужной им длины. Меткость оставляла желать лучшего, но за «креативность» железяк можно было только похвалить, если бы роботы нуждались в поощрениях. Ведь Гарольд не давал им подробных инструкций на этот счет. Просто дал команду использовать по максимуму трофейное вооружение.

Самые совершенные интегрировали в себя трофеи так грамотно, что можно было подумать, что это была заводская сборка. Даже трофейные патроны и гранаты шли в ход.

На подступах к командному пункту около двух сотен повстанцев были сожжены заживо или смешаны с землей вместе с их окопами и укрытиями с помощью рельсовой артиллерии и ракет, которые прилетали чуть ли не из-за горизонта.

Мощных укреплений они не построили, да это их и не спасло бы. Чердаки домов, сараи, неглубокие криво вырытые блиндажи, блокпосты из железобетонных блоков и плит — становились их могилами.

Но таких случаев было не так много. Синохара всего однажды запрашивал ракетный удар и трижды — удар рельсотронов. Причем применил их только там, где мирному населению даже теоретически нельзя было оказаться. Предписано было минимизировать случайные потери. В остальном справлялся своими силами.

Чем ближе к командному пункту, тем трупов становилось больше. У некоторых были ожоги, как от тока высокого напряжения.

После тщательно разведки австралояпонец зашел в большой каменный дом, где должен был укрываться штаб дивизии «Черной гвардии», носившей имя Нестора Махно, через гаражные ворота из умного металла. Ворота узнали его, будто он был владельцем этого дома, и свернулись в рулон, пропуская его. Ему даже не пришлось их взламывать. Это уже сделали его роботы.

Хотя все в этом доме, похоже, было хакнуто уже не раз. Вряд ли анархисты его честно купили.

Под ногами хрустело битое стекло и пластик, шуршали разорванные упаковки продуктов быстрого приготовления.

Он перешагивал через изуродованные тела в камуфляже и черной форме и лужи крови, жидкой и успевшей свернуться. Командный пункт GN находился в подвале обычного крепкого двухэтажного коттеджа, явно реквизированного у какого-нибудь фермера-«кулака». Для плантатора или миллионера этот дом выглядел слишком скромно.

Гарольд был начеку, сопровождаемый свитой из роботов-псов, но никто не оказал ему сопротивления.

А вот и лестница. Потайной люк в кладовке, где пыльно, стоит старая мебель, разломанное пианино, древние компьютеры и тому подобная рухлядь.

Там было темно, но зрение само переключилось в режим ночного видения. В воздухе могли быть токсины, поэтому он переключил дыхательный аппарат в изолирующий режим. Вместо того чтоб спускаться, держась за перекладины, Синохара мягко спрыгнул вниз, держа оружие наготове. Костюм облегал не хуже, чем обычная одежда и совсем не снижал подвижности. Разве что

встроенными штуками типа «пальца» пользоваться было нельзя.

Это был потайной подвал, который явно выкопали позже, чем сам дом старинной постройки, но довольно давно. Не вчера. Похоже, тут раньше было «гнездо» ожидающего конца света параноика или тайник контрабандиста. А может, то и другое.

Стены в бункере, где капала с потолка вода и искрила старинная проводка, имели большие круглые отверстия. И здесь капитана уже ждали свои. В углу помещения застыл похожий на небольшую змею дрон-угорь (их еще называли червями), хорошо видимый в инфракрасном диапазоне. Синохара поприветствовал робота, отправив ему как верительные грамоты свой идентификатор, и дрон ответил ему кивком сегментированного туловища и миганием люминесцентного «глаза». Тот мог сворачиваться в шар, когда надо было занимать минимальный объем, но, когда надо было пролезть в любую дырку или самому ее прокопать — он был похож на гигантскую аскариду.

«Как хорошо, когда тебя любят и ценят. Хотя бы механические твари».

Роботы-черви умели перемещаться под землей, проделывая тоннели не только в мягком грунте, но и в более твердых материалах. Они могли дробить почти любой бетон и прожигать многие из металлов. Бронированный бункер высшей защиты им был бы не по зубам, но тут был совсем не такой, а самоделка уровня афганских талибов и аравийских бедуинов. Несколько трупов в камуфляже лежали здесь же в тамбуре, черви убили их, просверлив тела так же, как они сверлили стены. Анархисты даже не успели схватить свои автоматы.

Двигаясь дальше, Синохара держал в голове, что проведенная пять минут назад проверка роботом-сапером могла не выявить самые сложные устройства. Ребелы вполне способны были оставить тут взрывчатый сюрприз глубоко под полом — устройство самоуничтожения как раз на такой пожарный случай. Можно было и не лезть туда самому, но приказ есть приказ. Странно, что Мэйвезер так резко поменял свое отношение к его прямому участию в атаках.

Но, как говорил один его однокашник по Академии, шанс погибнуть быстро, не дожив до дома престарелых и маразма — это не риск, а приятный бонус, отличающий войну от другой тяжелой работы.

Из тамбура вела только одна дверь — в узкий длинный коридор. Если бы он был выше, то мог бы задеть головой потолочные балки и старые светильники, которые не горели. В них просто лопнули лампочки. Лампочки? Он их лет двадцать не видел.

Здесь тоже были два тела.

Из коридора вело много дверей, без подписей, но роботы уже нанесли подсказки для него в виртуале. Но пока некогда осматривать казармы, кухни лазарет и тому подобное. Ему надо в командный пункт.

Перешагивает через перебитого крупнокалиберной пулей «змея». Дроны тоже понесли потери.

Планировку он уже знал, карта была составлена. Дверь в конце коридора направо. Не самая внушительная. Приоткрыта. Оттуда тянется ручеек крови. Прямо за дверью валяется мертвый негр с пулеметом, которого змеи прогрызли насквозь. Но один из дронов он успел изрешетить, даже не думая о рикошетах в узких коридорах.

Синохара аккуратно перешагнул через труп. Открывает еще одну стальную бронированную дверь. Незаперто. Толкает ногой.

А вот и штаб. Одна большая комната. Черное знамя “La Guardia Negra” на стене зала, похожего на столовую — стоят несколько столов, стулья, но вряд ли тут просто ели, скорее обсуждали тактику и стратегию. Смежная с ним, отделена тонкой перегородкой — еще одна казарма с деревянными нарами — видимо, офицерская. Он заглянул. Никого.

Знамя на стене опалено и превратилось в обугленную тряпку. Видимо, в последний момент его попытались сжечь чем-то вроде мини-огнемета, чтоб не досталось врагу. Смешная логика.

«Земля будет свободна», — прочел вслух Гарольд выведенный на стене лозунг на испанском. Это был общий лозунг и для Союза Освобождения Земли, и для «Авангарда».

Но почему-то его морозом по коже прожгло от многозначности этой фразы. Земля будет свободна от людей, если этих дураков, которые разожгли пожар на всех континентах, не остановить.

А «Черная гвардия» добавляла к лозунгу еще одну фразу: «… паразиты будут мертвы». Понятно, кого они имели в виду. Для них паразит — любой, кто имеет деньги и не шляется по помойкам с бутылкой в кармане.

В следующем зале (дверь открылась по пассу его руки) был большой стол и тела вокруг него… много тел. Некоторые успели достать пистолеты, но в основном упали так, как сидели. Лежали буквально штабелями. Они были совсем без повреждений.

Здесь все произошло еще раньше, чем началась перестрелка в коридоре. Тут была дыра в потолке, откуда «черви» должны были посыпаться прямо на людей.

Чернокожий, похоже, оставался последним уцелевшим.

А вот тут поработало нанооружие. Корпус использовал его

очень ограниченно. Не только из-за общественности, но и для того, чтоб не потерять козырь и эффект неожиданности. Поняв, что к чему, повстанцы начнут массово применять СИЗ — от новейших до старых противогазов. Их ученые проанализируют поражающий агент, будут применять нанофильтры. Но отдельные случаи в разных частях фронта они сведут в систему не скоро. А там уже будет поздно. Гарольд догадывался, что командование бережет это оружие для применения в ходе городских боев в Мехико. А где еще? Ну, возможно, и в других «свободных городах», которые будут упорствовать.

Это хорошее оружие. Гораздо гуманнее, чем атомная бомба и большинство нервнопаралитических газов. Смерть мгновенна. Вернее, от момента появления боли до финала — секунды. Опасности выхода из-под контроля нет. Никаких средств для репликации (которые есть у обычных вирусов) — у боевых наноботов не имеется. Плюс они очень ограничены районом использования. Выйдя из него, даже в организме носителя, они прекратили бы функционирование. Это было сделано как дополнительное средство контроля.

Синохара всегда считал, что война по правилам — это такое же извращение как секс в противогазе. Врага надо убивать любыми способами, и чем быстрее, тем лучше. При этом, конечно, желательно, чтоб мирные жители не страдали. В теории химическое оружие применять нельзя, как и биологическое. Но наноробот, переносимый микроботом — не химический агент и не биологический, и запрет на них не распространяется. Все честно.

Это напоминало эффект матрешки. Обычный дрон переносил микроботов, а те уже — наноботов. Но можно было и проще, без промежуточного элемента.

Как правило, они проникали в организм при ингаляции. Хотя не было большой проблемой сделать так, чтоб они могли попадать с пищей или водой. Или через прокол в коже. Оказавшись в человеческом теле, миниатюрные убийцы использовали кровяное русло и лимбическую систему для путешествия в нужное им место. Центральную нервную систему. А, оказавшись там, микроботы не вводили токсины, а воздействовали с помощью мельчайших, не больше вируса, наномашин, на клеточные органеллы. Действие могло быть разным — на выбор. Либо быстрое блокирование сигналов нейронов, либо провоцирование некроптоза — «самоубийства» клеток жертвы, который начинался лавинообразно в тех участках ЦНС, которые отвечали за сердечную деятельность. Нет, в зомби человек не превращался и не разваливался на куски, он просто

внезапно умирал. Хотя в редких случаях «везения» — мог стать безмозглым пускающим слюни растением. Возможно, даже сохранившим способность видеть, слышать и ходить. Бесполезная и затратная обуза для своих товарищей и сильный деморализующий фактор для всей армии. Да, иногда оружие работало не так как надо.

Одного такого с погонами лейтенанта Мексиканской Народной Армии он увидел лежащим в углу на полу, рядом с мертвой женщиной в фуражке и тоже со знаками различия МНА, которую тот зачем-то пытался закрыть собой. Только просканировав его показатели, Гарольд понял, что повстанец еще жив. Он ничего не видел, взгляд его был пустым, а электрическая активность головного мозга почти отсутствовала. Работали только вегетативные системы, в частности, сохранялось слабое дыхание. Синохара тут же провел над ним гуманную эвтаназию, чтоб избавить его от мучений. Хотя тот вряд ли испытывал страдания, но австралояпонец все равно посчитал, что это непорядок. Можно было попытаться его откачать для допроса, продлить его мучения еще на сутки… но нет, не стоит.

Второй выживший обнаружился в узкой каморке, где стоял сейф и старое серверное оборудование на стеллажах. Это был пожилой мужчина в джинсах и футболке с флагом ГДР, популярного у молодежи фасона. Успел надеть дыхательную маску (но, видимо, слишком поздно). Аккуратная стрижка, интеллигентное лицо. Ни дать, ни взять, инженер или наладчик кода, а не тот, кто приводил в исполнение приговоры нарушителям партийной дисциплины. Синохара узнал его.

Анархист не мог двигаться, но мог шевелить глазами и смотрел на капитана со смесью боли и ненависти. Разум его тоже сохранился. Говорить он не мог, но его губы прошептали какое-то ругательство. “Maricon”.

Сам ты это слово.

Синохара достал смарт-аптечку и прижал ему к шее. Устройство пожужжало, а потом ввело врагу целый коктейль из обезболивающих и стимуляторов. На этого субъекта была ориентировка, звали его Энгельс Аурелиано Гарсиа, поэт, автор коротких рассказов, сетевых текстов и международный террорист. Помощник главы всей «Черной гвардии» (хоть они и заявляли, что у них нет вождей, а все решает прямая демократия). На всех аватарах он был во френче, в галифе и в кепи с черным молотом. Но в жизни он, видимо, так не ходил.

Вот это важная птица. За такое будет поощрение. Конечно, пленных мало, можно было штурмовать и аккуратнее. Но нельзя было рисковать. Они могли успеть тут подорвать все. Поэтому

смерть должна была настигать их быстро.

После этого капитан передал пленного под попечение роботов, которые вытащили его наружу как мешок с картошкой. А сам продолжил осмотр.

Рядом с тем местом, где лежал полумертвый командир-поэт, Синохара увидел среди убитых врагов совсем молодого парня… хотя нет, девчонку с короткой стрижкой. На вид ей было лет четырнадцать, но могло быть и меньше — все-таки акселерация. Любовница? Дочка? Внучка? Те, у кого масса тела меньше, умирали быстрее. Но при ней было оружие, и поэтому она была законной целью для ботов. Автомат АК, китайский, огромный и неуклюжий рядом с ней, естественно, был не игрушечным — как это могло бы быть в каком-нибудь сопливом кино. Ну кто в переведенном на военное положение городе, в штабе повстанцев, будет ходить с игрушечным автоматиком? Особенно девчонка с татуировкой на руке: “"5.10.2059. No olvidaremos. No perdonaremos. Sangre por sangre".

Гарольд уже видел такие у мертвецов всех возрастов. Мстители народные, блин. Свои расправы над безоружными — повод для гордости, а чужие — для подъема боевого духа и вечной мести.

«Кровь за кровь, значит. Знакомая песня. Но если копать, то можно и до неандертальцев с кроманьонцами дойти, господа. За их обиды тоже будете мстить?».

Сам он многое не любил в нынешнем мире. Но не собирался нырять вслед за крысоловами в воду, слушая их дудочку.

«Они похожи на тараканов. Так же разбегаются. И так же дохнут. Крестьяне занимаются тем, чем им положено, сэр. Удобряют поля!», — написал ему накануне штурма командир «арийцев» Крайчек, но Гарольд приказал ему заткнуть пасть и выписал нестрогий выговор. Этот идиот не понимал, что любые сообщения могут перехватить. И если такие слова услышат чужие электронные уши, это может подпортить реноме всей антитеррористической операции и рейтинги многих шишек из Корпуса и Мирового совета.

«Крестьяне удобряют поля». Хлестко сказано. Но надо следить за языком. Как говорится, шериф может застрелить негра, но не должен называть его ниггером.

Хотя чем эти фермеры и пеоны жили? Девяносто пять процентов продукции, если верить статистике, в этой стране производили агрохолдинги. Тоже почти безлюдные. А эти копали землю больше по старой привычке, зарабатывая гроши, чтоб хоть как-то прожить день.

Тараканы. Гарольд вспомнил червя на трупе человека и

робота, который сожрал червя, и поежился. О, дивный новый мир.

Там, где прошел рой дронов, в оставленных, вымерших деревнях он видел страшные картины. Видел, как домашние и дикие животные ели трупы убитых. Видел, как роботы ели всё перечисленное выше. Видел даже, как животные пытались бросаться на дронов… но это было их последним поступком. Но чаще всего звери убегали без оглядки, только услышав звуки или почуяв запах механических созданий.

О массовом опознании уже речи не шло. Надо было не допустить вспышек заразных заболеваний из-за антисанитарии. Полевые крематории задерживались за морем, и роботы уничтожали тела, сжигая в специально вырытых ямах, используя как топливо горючие материалы. Трупов слишком много, не хватит никаких моргов. Естественно, речь шла только о повстанцах. Своих пока погибло не настолько много.

Но четвертую дивизию, говорят, сильно потрепали. Против них ребелы бросили лучшие части, отрезали два батальона и заманили в ловушку на болотах, используя знание местности. Плюс применяли новый тип противодронных винтовок, лишив пехоту поддержки и захватив полсотни дронов под контроль.

«Вот что бывает, когда доверяешь дело обычным людям».

В Мировом совете жуткий гвалт, умеренная оппозиция поднялась на дыбы, будет внеочередное заседание…

Да пошли они все! Всё идет удачно, а жертвы на войне — это нормально. Семьи компенсации получат.

Когда он входил в первую деревню, несколько собак вышли к нему сами, виляя хвостами. Он улыбнулся им, а потом убил током, хоть ему и было их жаль. Таковы санитарные правила. Животные могли разносить инфекции, например, бешенство. Забрать себе он их не мог. Даже одну симпатичную таксу, которая ему понравилась, потому что была похожа на собачку, которая была у него в детстве.

В следующий раз они уже бросались прочь при его приближении, будто чувствуя, что он — смерть. Он не стрелял им в спину, но посылал за ними свободных роботов.

И он был Шивой, богом разрушения.

Роботы трупоеды являлись скорее экзотикой и экспериментальным видом. Но даже они основную энергию получали от солнца днем и от зарядных станций — в темное время суток.

Трупы случайно убитых мирных жителей будут выданы родственникам, таков закон. А вот тела террористов, согласно положению от 2046 года — не выдаются, и после опознания и

следственных действий подлежат уничтожению. Так же, как и тела животных.

«В некоторых странах мы их еще и в свиные шкуры зашивали. А в некоторых — в коровьи. Чего не сделаешь для дорогих друзей».

Когда группировка с базы, которую он упрямо назвал «Эдо», подключила к своей сети еще один приливный генератор, энергии для базы стало хватать с избытком. Подумаешь, на время пара городов погрузились во тьму и отключились станции зарядки гражданских автомобилей. Зато штамповать и чинить дронов стали быстрее.

Одного баклана из добровольцев Гарольд отправил на гауптвахту за то, что тот сначала воровал продукты с кухни, а потом, будучи пойманным, разговаривал с ним очень дерзко: «Это не я был, мамой клянусь! Да ты на кого батон крошишь, полупокер японский?».

Тип этот был из Нью-Йорка, с Брайтон-Бич. Можно было судить его военно-полевым судом (такие полномочия у Синохары были) и прописать ему свинцовую пилюлю, но он предпочел отослать его в тыл для разбирательства. Может, его будет судить гражданский суд и отправят лет на пять в обычную тюрьму. Или, по его выбору — на пару лет на Райский остров. Но он скорее выберет тюрьму.

А может, сформируют такую штуку как штрафные батальоны. В Вермахте они хорошо себя показали. Раз уж все называют их фашистами и нацистами, то почему не перенять этот опыт?

Хотя, надо признать, что командовать ему приходилось теми еще отбросами.

В первые два дня Синохара специально приставил ко всем легионерам несколько роботов, которые следили за ними даже на привале. Роботы были скорее чтоб обозначать присутствие власти. Жучки были в телах самих «арийцев», поставленные по условиям трудового контракта. Это позволяло мониторить их поведение и настроение даже вне боя.

Пару минут в день он слушал их разговоры. Много нытья, жалоб на разные мелочи. Вспоминали погибших товарищей. Рассказывали страшные истории. Но откровенного негатива и речей, выдающих скорый слом и предательство — не было. Некоторые бахвалились. Говорили про славные времена D-Day, высадки в Нормандии. Мол, «победили тогда сталинский Советский союз… победим и полпотовцев».

Забавные обезьянки, подумал Синохара. Нет, он не стал бы наказывать их за ерунду.

Но есть вещи недопустимые. Как оказалось, подслушивал он

не зря. В первый же день размещения трое «арийцев» потащили в развалины зачищенной базы женщину из поселка, чей муж, похоже, сбежал с партизанами.

Когда Гарольд убедился, что они там не собираются показывать даме кино и угощать шоколадом, он послал роботам короткий сигнал. И через минуту к нему притащили всех троих бойцов. Двоих — мертвыми. Нехорошо вышло.

Женщину пока он выпустил, но записал данные. От медицинской помощи она отказалась. Но из населенного пункта ее не выпустят, может понадобиться как свидетель.

Оказывается, добровольцы начали оказывать сопротивление и отстреливаться от дронов, которые сначала, как требовали правила, обратились к ним со ссылкой на параграф Правил. И получили очередь из автомата. Был короткий бой, который «железки» выиграли. Третьего взяли живым.

Синохара давно знал, что в контингент наемников записывались освобожденные заключенные, обитатели гетто в третьем поколении, мигранты в поисках гражданства и тому подобная шваль. Но Фелипе, испанский доброволец, с длинной фамилией, был совсем не из такого теста. Аристократ с внешностью преподавателя классической музыки. Удивительно, но он был не из «Арийского легиона», а из «Фаланги». Той самой, франкистской консервативной партией Испании. Оказывается, она была еще живая, хотят там состояло не больше тысячи человек.

«Что я делаю не так, шеф? — возмутился испанец, эстет, музыкант и интеллектуал, когда роботы буквально стащили его с уже не сопротивляющейся девушки и приволокли к командиру. — Ровно тем же самым занимались когда-то мои предки-конкистадоры! Так они породили эту страну, которую мы освобождаем от коммунистов. Считалось, что испанским женщинам нечего делать в диких заморских колониях. И даже благородным идальго приходилось брать в жены дочерей идолопоклонников. Приобщать их к христианству и высокой культуре!».

— Спасибо за лекцию, профессор, — усмехнулся Синохара. Но его улыбка ничего хорошего не предвещала. Он видел, что женщина совсем не шлюха… а даже если бы она ей была, это не повод делать с ней такое… без компенсации, да еще и втроем. — Вас отправят туда, где вас тоже… хм… приобщат.

Испанец вздрогнул. Но в глазах у него был не только страх. Надо отдать ему должное, ярость там тоже была. И презрение.

«Завидуешь мне, японская обезьянка? Да ты просто сам метис. Гибрид. Овцебык. Сам бы хотел, но трусишь?», — прочел

Гарольд во взгляде испанского гранда, и это привело его в бешенство. Он был в шаге от того, чтоб отдать выходца с иберийского полуострова дронам-резчикам. В мясорубке войны этот несчастный случай никто бы не заметил. Но сдержался. В конце концов, информация может просочиться, а нелегальные чипы военные себя часто ставили, несмотря на все запреты. Как и вели нелегальные записи и трансляции в сеть. Но как отвратительны были ему эти сытые извращенные жители мегаполисов: хоть наркоманских мигрантских трущоб, хоть кварталов элитных коттеджей.

Гарольд не считал себя святым, но ему бы такое даже в молодости в голову не пришло.

Война собирала на себя всю накипь. Среди ребелов, конечно, тоже хватало дерьма. Взять хотя бы этих «черногвардейцев». Но вот незадача. После победы чудесным образом окажется, что только ими и совершались все преступления. А Корпус чист как ангел-серафим.

По сравнению с такими типами, как этот, даже фанатики-нацисты смотрелись выигрышно. Многие из них реально верили, что спасают будущее своих белых детей… которых у них обычно еще не было. Многие из них по развитию сами были как дети.

Неясно, кто у них там был подстрекателем… он или два этих убитых румына. Но придется разбираться с чертовым фалангистом по закону.

«И вот на такую дрянь приходится тратить время, — брезгливо подумал Гарольд, заполняя электронную форму К.І.А. по двум убитым и дисциплинарную по арестованному. — Нужна штрафная дивизия «Дирлевангер»? Нет! От них больше вреда, чем пользы. Пусть лучше не мешаются».

Нарушитель отправился в отдельную клетку. На гауптвахту, конечно, а не в лагерь к пленным ребелам. Они бы его убили, даже посади он его в отдельную камеру. Исхитрились бы уничтожить, зарезать, задушить, отравить.

Трупы убитых при задержании насильников надо бы отправить в холодильник и везти кораблем на родину. Но проще написать, что они были утеряны в результате боевых действий, и сжечь их к черту. Благо, как раз подъехал полевой крематорий.

Кстати, мирными жителями Система признавала от силы пять процентов от убитых, кто был в гражданской одежде. И у него не было причин ей не доверять. Это был хороший процент. В обычных войнах процент убитых мирных жителей выше в разы. Он даже выше, чем доля убитых военных.

В этот же день на линии фронта случилось несколько

крупных столкновений. Похоже, командование повстанцев еще надеялось измотать силы Корпуса во встречных боях и не хотело переходить к глухой обороне. Очень неразумно с их стороны.

Поздно вечером после недолгого артобстрела ребелы бросили в бой на узком участке линии соприкосновения двадцать роботанков собственного производства, похожих на «Голиафы», но с более слабым бронированием. Похоже, титана и современных композитов у них на складах было мало, зато алюминия и углепластика — завались. С этим они послали столько же бронетранспортеров, русских, китайских и американских вперемешку (смотрелась эта солянка забавно) и пять танков «Абрамс» модификации двадцатых годов. Про эти танки, как и про бомбардировщик B-52, шутили, что они будут служить до самой технологической сингулярности, которая все отодвигалась и отодвигалась.

Для защиты от воздуха те самые роботанки были оснащены зенитными установками разных типов. Хотя эти пушки, конечно, и на земле могли шороху наделать.

И все это при поддержке волны пехоты. Видимо, в городах повстанцы провели мобилизацию. Не может же быть столько добровольцев?

Еще один урок будет для этих неудачников не лишним. Пусть боятся высунуть нос из своих нор.

Ребелы не думали, что даже сюда достанут тяжелые рельсотроны флота с моря. А они прекрасно доставали и в артиллерийской дуэли уничтожили пять старых «Паладинов» у них в тылу, которые пытались поддержать наступление, а после этого сбили два старых вертолета и один конвертоплан, которые на пределе дальности обстреливали позиции Корпуса ракетами. Один китайский штурмовик СУ-65 рельсотроны тоже подбили, показав, что являются универсальным оружием, годным и против наземных сил, и против авиации и ракет.

Вражеские роботы не удалось взять под контроль дистанционно, но удалось отрезать их от управления, сделав довольно тупыми (их интеллект уступал тем, что были у Корпуса). А после выжечь им электронику электромагнитными бомбами. Дорогие штуки, но не так часто выпадает случай испытать их в бою, а не на полигоне.

После в дело вступила кибернетическая пехота и авиация. Бой был жарким, но коротким. Половину бронетехники мятежников уничтожили, а в остальной сгорели только экипажи, а машины были захвачены почти целыми, с неповрежденной ходовой частью и вооружением. Пехота ребелов — явно кое-как обученное ополчение, хоть и продала свои жизни дорого, в

столкновении с железной лавиной, но не смогла изменить ситуацию. «Арийцев» Гарольд опять использовал только для зачистки и добивания. И все равно двое из них умудрились сдохнуть.

После Синохара осматривал поле боя, по которому уже рыскали автоматизированные трофейные команды, подбирая наиболее ценные предметы из снаряжения повстанцев.

«Призовая» техника уже буксировалась для переделки. Какой-то из нее займутся в ближайшем «освобожденном» городке Косто де Оро, а более сложные работы проведут на базе «Эдо». Эти штуки тоже пригодятся. Превращенные в дистанционно управляемые, «Абрамсы» и китайские “Type 89” будут уничтожать своих бывших эксплуатантов, мятежников. А вот чинить он их, если их подобьют, Синохара уже не станет, не выгодно. После первого серьезного повреждения бронетранспортеры и танки пойдут на разборку и переплавку.

«Скоро у них снова будет дефицит тяжелого вооружения, — подумал Синохара. — Только людей еще долго будет с избытком. Их тут чертовы миллионы».

В общем-то эта конфискация была очень справедлива. Раньше это принадлежало законному мексиканскому правительству или резерву Корпуса мира. Ребелы долго практиковали тактику «было ваше, стало наше». Почему нельзя обернуть это против них?

Единственным минусом использования трофеев было разрастание номенклатуры применяемых нестандартных вооружений. Кроме термоядерных энергоэлементов, гибридных аккумуляторов и зарядных станций теперь будет требоваться больше бензина, дизельного топлива, биогаза.

Хотя Синохара видел у герильясов и новейшее оружие, которое по данным Мировой логистической службы в Мексике и всей Северной Америке никогда не появлялось. Но все это еще предстояло расследовать аналитикам из отдела Технической разведки и Следственному департаменту СПБ.

После последнего короткого разговора Джошуа молчал сутки. В эфире была тишина, и только телеметрия.

Затишье на фронте затягивалось, и могло показаться, что война вступает в позиционную стадию. Но Синохара понимал, что это иллюзия, и что это затишье перед бурей, перед штормом, точнее решающим штурмом Веракруса. Командованию Корпуса надо решить проблему быстро, любое промедление играет на руку мятежникам.

Поэтому снижение интенсивности боевых действий связано только с тем, что первоначальная задача выполнена. Операция

«Варлорд» прошла успешно — плацдармы для высадки вдоль всего побережья отвоеваны. Противоракетный «Купол» сжался — его установки — самое высокотехнологичное оружие, которое попало к ребелам в руки, — им приходится отвозить все дальше вглубь материка. К сожалению, это не огромные махины, которые не каждый грузовик поднимет, а модульные компоненты, которые можно перевезти в обычном пикапе, а уже на месте собрать из них грозное оружие.

Но и до них доберутся.

Флот смог беспрепятственно подойти к берегу и начать высадку сухопутных сил. Когда будет создана достаточно мощная группировка, начнется наступление по всему фронту с одновременной заброской далеко в тыл ударных групп и ударами высокоточным оружием.

В целом дальнейший ход войны — по мнению стратегов Корпуса и аналитических систем — должен пойти по привычным правилам конфликтов конца XX века. Прилетели самолеты — и разбомбили голозадых дикарей. И традиционных элементов военной машины было, по их словам, с лихвой достаточно. Незачем, мол, изобретать велосипед. В свое время так были свергнуты куда более монолитные режимы.

И хотя роботы тоже сыграют тут важную роль, первую скрипку по планам генералов, насколько был осведомлен Синохара, должна сыграть традиционная пехота, хоть и в экзоскелетах, и обычная бронетехника.

Уже сейчас в тылу у ребелов высаживался десант, создавая там очаги сопротивления. Будут использованы и местные недовольные.

Бестолковость командования Корпуса мира была иллюзией. Питон напружинивал свои мышцы, скручивал кольца, готовясь к финальному броску. А вот неорганизованность руководства повстанцев, несогласованность их лихорадочных действий была реальностью. И трудно тех было в этом обвинять — им противостоял противник, который многократно сильнее и опытнее. А они могли брать только числом, но из-за плохой логистики никогда не смогут добиться перевеса ни на одном важном участке соприкосновения.

«Так легко пока мы воюем на приморских равнинах и штурмуем пляжные бунгало, сэр, — говорил Крайчек. — Начнутся бои в миллионных городах, и не дай боже в горах и джунглях — кровью еще умоемся».

Закончил короткие курсы и уже считал себя Манштейном. Синохара думал, что он преувеличивает. Трудно будет, но не критично. Главное, чтоб ребелы и дальше сливали войска,

пытаясь задержать наступление. Уйдут в глухую оборону и партизанщину — вся эта петрушка займет больше времени.

Главный бой ожидается за агломерацию Мехико. Думать об этом было страшновато. Целых тридцать миллионов человек, почти все из которых поддерживали повстанцев, и многие — очень яро.

Но сколько их таких было! Фанатиков, обещавших умереть за свои убеждения, взорвать себя и все вокруг. И все пали ниц… перед бездушными дронами, ракетами, а еще раньше пулеметами, пушками и броненосцами (не зверюшками, а корабликами), и таким же бездушным капиталом. Потому что цивилизация побеждает варварство всегда. И ни боги, ни духи, ни дети-солдаты, поставленные в строй, им не помогут. Вспомнить хотя бы судьбу президента Парагвая.

Там в столице — он видел на снимках — глубоко эшелонированная оборона… хотя и не очень грамотно устроенная. И мощная противоракетная защита. Похоже, они поняли, что прикрыть всю территорию невозможно, и начали концентрировать силы.

Орбитальные удары «Дамоклов», главный козырь — еще долго будут недоступны. Даже одна установка из «Купола» может попортить нервы. И до океана далеко — поддержки флота тоже не будет. Почти.

«Если получится здесь на побережье — займемся другими штатами. Если получится в Мексике, займемся южной конфедерацией и другими «свободными» городами», — говорили полковник Эдвардс и генерал Макдоннелл.

Повстанцы отступили почти на семьдесят километров вглубь страны, откатившись от побережья по всему ТВД. Они не бежали, а отступали организовано… хотя Корпус пытался как мог спутать им карты. На самом деле Корпус явно надеялся, что отступать они не будут. Но они были не дураки.

Но, даже отходя, они не забывали обрабатывать десант Корпуса с помощью дальнобойной артиллерии. Обстрелы случались каждую ночь, но они не могли нанести роботам такого же урона, как человеческой армии. Роботы чинились, роботам не рвало барабанные перепонки… и роботы не боялись и не паниковали.

Минная война тоже шла — в некоторых местах на тысячу квадратных метров поверхности обнаруживали по нескольку мин и зарытых фугасов. Минами ребелы засеивали поля с помощью старых русских установок залпового огня и более новых. китайского производства. Похоже, «черный рынок» хорошо тут поработал. А после этой войны вместо ананасов и апельсинов эта

земля еще долго будет рожать взрывающееся железо.

Жители в основном бежали вслед за ребелами, но в каждом населенном пункте находились и те, кто не ушли. Процентов двадцать-тридцать. Некоторые из них боялись за свое имущество, не хотели, чтоб их дома стали поживой для мародеров. Хотя после нескольких месяцев мобилизационного социализма и блокады даже во внешне богатых домах было шаром покати — разряженные автомобили в гаражах и пустые холодильники.

А ведь потом, подумал Гарольд, Корпусу придется еще и платить уцелевшим мирным жителям за уничтоженное в ходе боевых действий имущество. И компенсации за погибших и пострадавших… если они не были террористами. Таков закон. Но в этом проблемы нет — денег можно накликать сколько требуется, плюс еще подключатся различные фонды и волонтеры… Главное победить. Впрочем, под определение «террористов» попадали не только признанные Международным трибуналом и Международным уголовным судом, но и все, кто отвечал ряду признаков. Агитатор, хакер-взломщик или волонтер-тыловик — тоже сюда попадали. А лучший антивирус для электронного взломщика сетей — это пущенный по его физическому адресу дрон с пулеметом. Или ракета, если их там целая бригада.

Оставались и встречали освободителей бывшие представители интеллигенции и местной власти, малого бизнеса, священники. Настоящих богачей среди них не было — такие, все, кто выжил, уехали давно, далеко и возвращаться не собирались.

Оставались все, кому некуда было ехать. У кого были больные и не транспортабельные члены семьи. Оставались те, кто имел зуб на повстанцев. Независимо от личного дохода. И таких было полно.

Каждый день к комендатуре приходили ходоки. В основном просили что-нибудь связанное с бытовыми условиями: электричества, воды, бензина, починить дорогу или забор. Или с реституциями («Вонючие герильяс выкинули меня из дома и там теперь живет мой сосед Педро. Накажите его, сеньор офицер!»).

Иногда какого-нибудь Родриго, Альваро или Диего обвиняли в том, что он угнал машину, десять коров с фермы или породистую собаку. Иногда прилагалось еще обвинение в том, что к соседу Педро ушла истца жена Мария. Часто эти обвинения были клеветой. Все это было очень утомительно, и слава небесам, что разрешать эти споры должен был не оперативный офицер, а судейские чиновники — дистанционно. Впрочем, иногда временному коменданту освобожденного города — то есть ему, капитану — приходилось помогать ленивым тыловым крыса

выполнять эти задачи, которые в мирной жизни осуществлял бы судебный пристав.

Много вскрывалось жутких вещей, вроде растворения оппонентов в соляной кислоте. Причем не «буржуев», а своих, но неправильно понимающих политический момент и впавших в уклон. Но были и смешные ситуации. После пятой просьбы вернуть похищенную, а на самом деле, по всем признакам сбежавшую жену — Синохара хотел колотиться головой об стену и потребовал никого к себе больше лично не пускать. Ходоков отныне принимал электронный секретарь.

Из тех местных жителей, кто остался — интернировали примерно пятую часть. Но и среди них после прохождения фильтрации (проверка занимала не больше нескольких дней) большинство отпустили.

Все жители, включая бездомных и неграждан, получали временные удостоверения в виде наносимого на затылочную часть головы невидимого чипа. Эти штуки будут действовать на время проведения Специальной Операции ООН. Роботы не будут атаковать помеченных… если те сами их не спровоцируют. Кроме невидимого, вскоре начали наносить и видимую метку типа штрих-кода. Через месяц она должна была сама рассосаться.

Хотя документы, полученные у повстанцев, хитрожопые местные тоже пытались сохранить. И поскольку эти пропуска и паспорта были бумажные — они на этом легко «палились» при просвечивании. Тогда эти писульки у них изымались, а сами умники получали предупреждение. После второго нарушения — или первого серьезного, вроде саботажа или агитации — они отправлялись в лагерь. Уже не для фильтрации, а для изоляции и принудительных работ.

Для содержания задействовали здание городской тюрьмы, которым всего сутки назад попользовались castigo popular — «народные каратели» черногвардейцев (в других штатах ребелы называли их «чекистами», но анархисты придумали свое название). Отступая, народные судьи и народные каратели успели перебить заключенных, облить их трупы бензином и поджечь, но не успели взорвать тюрьму. Половина из убитых были полицейские и чиновники старого режима, которых мало кто жалел, но остальные были обычные горожане, которые попытались оспорить власть GN. Кроме обугленных трупов в ее подвалах нашлись обгоревшие фрагменты костей недельной давности, которые еще предстояло оценить криминалистам.

В освободившиеся камеры тут же заселялись новые заключенные. Пособники ребелов и те, кто нарушал правила Особого Режима. Отсюда они будут выводиться на

принудительные работы. Поскольку с продуктами уже была напряженка, а почти все магазины и продуктовые склады были вывезены ребелами или разграблены мародерами, для питания их применялся производимый на базе питательный «нутрилоаф». Установку по его производству Синохара поставил сначала, чтоб кормить в походах «арийцев», но те чуть не взбунтовались. Слабаки. Сам он не раз ел почти такую дрянь в Индонезии, когда они, наемники, сидели в осаде в офисном небоскребе в Джакарте.

Нутрилоаф существовал и в кошерном, и в халяльном вариантах. Но по вкусу это была одинаковая мерзость.

Это изобретение американской пенитенциарной системы с тридцатых годов прижилось во многих странах, хотя и изменилось с развитием технологий синтеза белков. Где-то им кормили нарушителей дисциплины, а где-то и всех заключенных. В государствах бывшего СНГ его называли «сладким хлебушком», а на Западе с недавних пор — «дохлым инопланетянином». Это были тщательно переработанные пищевые остатки — от черствого хлеба и крупы до начинавшего портиться мяса. Все это обрабатывалось термически и химически, ферментировалось специальными микроорганизмами, тщательно перемалывалось до полной неразличимости, смешивалось с дешевым белком из насекомых и сои, а потом подавалось на стол в виде буханки или бруска. Вкуса оно не имело совсем. Консистенция напоминала губку для посуды. Но набор необходимых витаминов и микроэлементов соблюдался, а добавленные в пищу консерванты обеспечивали сохранность в течение года.

«Чего им не нравится? Если посолить и поперчить, полить соевым соусом — вполне нормальная еда».

Впрочем, в тюрьме двадцатого века постройки мест уже почти не было. И уже строились два новых фильтрационных лагеря из модульных компонентов, один из которых уже через неделю приветливо распахнет свои двери для первых постояльцев. И никаких вам стадионов, это негигиенично.

Людей среди персонала там не будет, поэтому ненужные пытки и издевательства исключаются. И сортировка будет беспристрастной и точной. Для тех, кто ее пройдет, уже разбили из таких же модульных палаток лагеря беженцев. Комфорт и удобства — на том уровне, к которому привыкла местная беднота. А в чем-то и лучше. То есть они получат горячую пищу, душ, медикаменты, медпомощь.

Вопросы о том, придется ли помещаемым потом платить за этот постой из своей будущей зарплаты — пока обсуждался.

— Ну что, тонтон-манкурты? — лично обратился австралояпонец к первой партии пленных анархистов. — Что с

вами делать? Кусок в горло не полезет, пока не прольете крови буржуя? Даже если этот «буржуй» — земледелец с грязными ногтями, который питается хуже, чем вы, университетские бездельники, и пашет в поле и на скотном дворе по четырнадцать часов?

Молчат. Смотрят с ненавистью. Не было бы караула и наручников у самых прытких — бросились бы на него. Даже если это означало бы самоубийство. Идейные. Упретые.

— Отошлите их в штаб, — приказал он вслух легионерам. — И это не эвфемизм, вашу мать! Ах да, вы не знаете, что такое эвфемизм… Тогда по-другому скажу. Никого не расстреливать без приказа. Немного побить можно.

«*А тех, на кого я укажу — отвезти в «Эдо»*, — сказал он своим ребятам уже сообщением, чтоб повстанцы не догадались раньше времени, что их разделят.

Целый склад забили конфискованными арсеналами: импульсники и звуковые пушки, электромагнитные противодронные ружья, старые надежные пулеметы и гранатометы, чей дизайн особо не изменился с XX века, и совсем уж ретро — калаши и винтовки, с которыми могли воевать еще партизаны Панчо Вильи. Все это заперли под замок, потому что достаточно надежных «полицаев», чтоб вооружить их этим, пока не было под рукой.

Просители перечисляли обиды, которые им нанесли повстанцы. Некоторые даже демонстрировали видео. Все эти сведения Гарольд тщательно проверял.

Эти люди боялись его и все равно шли к нему на поклон.

Мировой совет до сих пор не отозвал свое решение о временной приостановке гражданства всех регионов, которые полностью подконтрольны восставшим. Этим он, конечно, очень помог повстанцам. Больше, чем все криворукие агитаторы мятежников.

«Этот раскол и через четыре поколения не забудут», — подумал Синохара, глядя на очередного просителя, хозяина киоска, где продавались тортильи, тамалес и тому подобная снедь, которая готовилась из подручных материалов и даже в войну находила покупателей. Лавочник рассказывал, как три дня назад патруль черногвардейцев увел его сына, а потом того нашли в канаве с перерезанным горлом.

«Мы не знаем, что случилось. Нас рядом не было. Мы просто вызвали его поговорить, а он убежал…», — получил ответ безутешный отец в комендатуре “La Guardia Negra”.

В тот же день он похоронил убитого в дешевом гробу, даже без панихиды, потому что все односельчане, знавшие эту семью

всю жизнь, как по щелчку тумблера начали клевать старика. Называть elgusano, то есть «червём», предателем и буржуйским холуем. «Клевещешь за грязные глобо на наших заступников!», «Народные каратели не ошибаются!», «Вали к своим хозяевам, эксплуататор», а «сыну твоему-подонку поделом». И даже падре, исповедовавший Теологию Освобождения, отказался отпевать. В общем, ничего нового. В книжке про Французскую революцию, которую Гарольд читал в самолете, все было так же.

Этот дед, как показала проверка, не обманывал. Синохара не пожалел часа на эксгумацию тела, которое при местном климате, уже выглядело отвратно, и все задокументировал. Пригодится для трибунала в чудесном старом европейском городе с красивой архитектурой. Жаль, что до убийц уже добраться вряд ли получится. Скорее всего, они погибли в одном из боев за город и сожжены в ямах роботами. Могли даже погибнуть как герои… для своей стороны. Но даже если они выжили и эвакуировались с разбитой армией GN, или дезертировали и где-то прячутся по трущобам… не с руки ему заниматься такой ерундой. Это война, в конце концов. Он забил лица подозреваемых в базу данных Интерпола и переключился на другие задачи.

«Скорей бы двинуться дальше. Пусть этим занимаются тыловые крысы… или механизмы».

Но некоторые из жалобщиков лгали, наивно и топорно, пытаясь очернить соседей. Люди-флюгеры, приспособленцы, чей девизом было: «Жить-то надо» или «Нам еще детей кормить».

Синохара слышал от русского офицера Корпуса анекдот про семьи, где один сын служил советским партизанам, а другой нацистским полицаям. Где это было, в какой стране, как она сейчас называется? Это Гарольд вспомнить не мог.

Противники Народной Власти приходили не с пустыми руками. Скидывали сведения, координаты, перечни лиц, фотографии… в основном бесполезные и уже известные Корпусу. Некоторые даже хотели записываться во вспомогательные части. Но в их услугах Корпус пока не нуждался. А точнее, не мог им доверять ни на йоту. Черт знает, сколько из них агенты и диверсанты. Может, четверть, а может и половина.

Но позже они могут пригодиться. Нужна была тщательная проверка. Он не настолько разбирался в людях. Тут нужны были живые помощники, а не только электронные психологи.

Были и такие горожане, которые пытались совершать глупости — напасть на него, когда он проходил по улицам один. Обычно со спины. Большая ошибка. В двух случаях он сам различил таких. Это были две женщины, с виду обычные прохожие. Но у них было чрезмерно напряжено тело и дергались

глаза. Хотя можно было просто убить, он их просто обездвижил и сразу отправил в лагерь. Эксплуатировать на износ там не будут, но свою кормежку они отработают. Видимо, их мужей перемололи в фарш, расстреляли или сожгли его роботы.

«Бывает».

Вышло к нему и несколько агентов военной разведки Корпуса и СПБ, замаскированные под мирных или затесавшиеся в ряды ребелов. Эти показывали ему свои идентификаторы — и с усмешкой Гарольд назначал им металлических сопровождающих и отправлял в портовые аванпосты. Вроде ему бы пригодилась их помощь, но он был рад, что они уплывают или улетают. Меньше всего ему хотелось получить еще одного начальника или куратора. Да и подопечных, за которых надо отвечать, ему не надо.

Вечером, когда они худо-бедно обустроились в освобожденном городе, Синохара заглянул в отель, где расквартировался его «человеческий» батальон.

Роботам хватило и нескольких ангаров и складов. Местные боялись их до обморока, до спонтанной дефекации. Гораздо сильнее, чем людей в броне с эмблемами горных стрелков давно сгинувшего Рейха.

Хотя и эти доставляли им неприятности.

Из «Эдо» продолжали сплошным стальным потоком прибывать кибернетические подкрепления.

Синохара еще на подходе к отелю услышал разговор через полуоткрытое окно второго этажа, скрытое опущенными жалюзи.

— Я думаю, он разрешит. Его соотечественники в войну и не такое делали…

— Да он клевый чувак! И у него настоящее англо-саксонское имя, как у какого-нибудь древнего короля. Или как у героя кино.

Синохара узнал обоих. Второй был лейтенант Крайчек, а первый — тот сержант, который еще в самолете в ответ на вопрос о мотивации, начал втирать ему что-то про постмодернизм.

«Тоже мне, профессор».

— Клевый для джапа, — продолжал этот умник. — Они профи в этом деле. Эро-гуро. У популяций в Азии есть кочующая генетическая аномалия. Касающаяся сексуальных перверсий, связанных с садизмом. Подарочек от древних приматов. Есть такая зверюшка. Сумчатая мышь. Маленькая, но когда впадает в раж, трахает все, что движется и похоже на самку, рвет на куски соперников… пока не падает дохлой. Вот и наш командир. Поэтому он так лютует. Может, его баба отшила?

— Он не японец, а метис. И не надо гнать на японцев. Они благородные воины и союзники нашего…

На этом месте он распахнул двери и влетел в комнату. Злой, как ёкай — злой дух. Или даже Они (с ударением на первый слог) — демон-людоед. Уж про озабоченных сумчатых мышей они лучше бы молчали. Для него это был больной вопрос.

— Что здесь происходит?!

На лицах их появился неподдельный страх. Но, надо отдать должное, этот студент-культуролог держался хорошо. Видимо, жизнь его еще не била как следует. Сразу видно, из обеспеченной семьи. Поэтому и не привык за языком следить. Те, кто выросли на улицах, нутром чувствуют, на кого лучше не гнать — даже за глаза.

— Сэр, — обратился к нему наглец, — Мы очень рады, что вы пришли. Мы посовещались с бойцами и хотим просить вас разрешить нам устроить полевой коммунистический бордель. Здесь в городке много желающих в него вступить. Никакого принуждения.

— Ты что, дебил? — Синохара чуть не влепил ему по морде, но вместо этого ударил слабым разрядом тока. Тот чуть не подавился сосиской, — Отставить балаган. На нас смотрит весь мир. Каждое наше действие под лупой. Я взял шефство над вами, клоунами, не для того, чтоб вы подставили меня и весь Корпус! Я знаю, что такое война. Знаю, чего может хотеться. Но держите, блин, своего зверя на привязи и сублимируйте желание в бою. Или в виртуале. Иначе я дам лекарство… после этого еще пару лет после демобилизации ничего не захочется. Если я увижу поблизости жриц любви — пеняйте на себя, черти.

— Так точно, сэр, — ответили они нестройным хором.

— А вам видимо легко живется?! Звездуйте проверьте посты, посмотрите как идет разгрузка оборудования. Враг не дремлет. А всем свободным от вахты — тихий час.

И вскоре он остался один в кафе, не считая итальянца.

Рядовой Винченцо, бывший шеф-повар ресторана и прихлебатель этой двоицы, отвечал у них за раздачу пищевых рационов. Но ему он налил лапши рамен, явно из желания подмаслить командира. Хотя Гарольд ее сейчас меньше всего хотел, как и суши и все, что отсылало его к прошлому, к его происхождению. Но съел. А после выпил стакан текилы с кусочком лимона. Раз уж он Эшли пообещал это сделать.

Синохара знал, что теперь эти двое… и компашка, которая их окружала, больше шалить не будут. Если и станут встречаться с кем-то тайком, то вдали от расположения части. И только с теми дамами, которые согласны. Приставать к тем, которые их избегали, все перестали после случая с испанцем и румынами.

А теперь эти двое станут смотреть за другими легионерами и

чуть что устраивать им профилактическую взбучку. И все будут котиками и зайчиками. Потому что угроза провести химическую нанокастрацию была вполне в духе тех легенд и баек, которые заполняли информационный вакуум.

Они уважали его, но боялись не меньше, чем врагов. И это было правильно и хорошо.

Южная ночь опускалась на землю. Но погода стояла совсем не курортная. Было сыро и прохладно, то и дело заряжал противный дождь. Такая уж тут зима. Не стрекотали насекомые, птицы не тревожили ночную тишину. Вроде бы никто из них не улетал и не укладывался в спячку. Хотя многие из позвоночных обитателей тропических рощ и лесов наверняка погибли или покинули родные места. Им наверно было не очень комфортно, когда над ухом стреляют, а через заросли то и дело проламываются танки или продираются роботы.

Надо бы выйти прогуляться. Для этих мест погода прямо морозная. Хотя «арийцам» в их утепленных бронекостюмах было нетрудно нести дозор, но Синохара отчего-то подумал о прецессии земной оси, циклах Миланковича и циклах Бонда, и о грядущем новом оледенении.

Чушь. За то время, что климат начнет влиять на людей… хоть потеплением, хоть похолоданием… люди или вымрут или успеют заселить галактику, взорвать вселенную и запустить распад вакуума. Если прогресс не остановится. Но чтобы дожить до этого, сейчас главное победить эту съехавшую с катушек чернь.

Хотя, ему ли, плебею-полукровке, говорить про чернь? Тоже мне, патриций. Дело не в крови и не в классе, а в личном выборе. Который каждый делает сам, взвешивая все, анализируя. Выбирая если не добро, то меньшее зло.

Зло…

Тишину то и дело прерывала далекая канонада. Это била за горизонт рельсовая артиллерия Корпуса, уже не морская, а сухопутная, которую они развернули. Более ста единиц. Никакая ствольная артиллерия врага такой точности и дальности не имела. А свои трофейные рельсы повстанцы уже начали прятать, чтобы сберечь.

Естественно, стрельба велась только в ответ на обстрелы ребелов. Никак иначе. Говорил он себе, скрестив пальцы за спиной.

Два раза за ночь пролетали ракеты, так высоко, что обычным зрением их было не увидеть, но он замечал. Это били по тылам НарВласти самые дальнобойные системы. Дорогие. Корпус уже не считался с ценой.

Где-то по краям континента в море наносили удары спутники «Дамоклы». Кого они там уничтожали? Топили корабли?

И все-таки главный враг не в Веракрус. И не в Мехико, над которым повстанцы в ноябре установили полный контроль, но правительство их туда переезжать не спешило, оставалось в Гвадалахаре. В столице, судя по просачивающимся новостям, еще было много проблем.

Главный враг… им еще предстоит раскопать его. И он примет в этом участие. Эта ниточка, которая вела сюда, выглядела очень перспективно. Так считало руководство Службы Планетарной Безопасности.

Пора было приступать к главному заданию. Собственно, это было то, зачем он приехал сюда. А вовсе не гонять партизан по болотам, захватывать рыбацкие деревни и курортные городки. И не карать убийц сына продавца лепешек. И не возвращать очередную Марию к очередному Педро. И даже не штурмовать Веракрус. Это сделают без него.

«Сколько я еще должен мысленно изображать влюбленного дурака, который тоскует по оставленной «половинке»? — подумал он.

— Свободен, — произнес Синохара по-японски, глядя в потолок. — Я свободен.

И почувствовал, как что-то меняется у него внутри. Это было кодовое слово. Команда, чтоб запустить преобразование нейронных связей. Можно больше не притворяться недотепой. Потому что это мешает работать с полной отдачей, задействовать все ресурсы. Симуляция фальшивой личности отнимает многое.

Синохара не верил, что хоть кто-то на Земле мог прочитать мысли. А тем более неграмотные герильясы. Но руководство «настоятельно рекомендовало» ему не держать мыслеформы, связанные с Секретным Заданием, в голове, а занять ее чем-нибудь другим. Сверхценным. Что он и сделал. Практиковался долго. С ним работали военные психологи. Живые, не электронные. Эксперты своего дела. Ему давали нужные стимулы, уникальные препараты. В коре больших полушарий в долговременной памяти должны были закрепиться нужные химические реакции и нужные связи между нейронами. Хотя первоначальный импульс… был настоящим. Но ему удалось развить из этого семечка целое развесистое дерево. Которое проросло корнями и на время преобразовало его психику, не ставя при этом под угрозу ее функциональность. Он всегда умел отделять личное от общественного.

И вот теперь можно было отбросить эту маскировку. В душе стало на время пусто и гораздо холоднее, чем было. Но это

ощущение прошло. Вернулось ощущение свободного полета и плодотворного боевого одиночества. Когда ты сам себе остров, сам себе континент и целая вселенная.

Нет, не все ушло. Что-то осталось. Тот самый зародыш, который был и раньше. Всегда. Семечко. Он убрал его и спрятал в красивую шкатулку и поставил на верхнюю полку. Эта штука явно не будет мешать выполнению задания. Пусть стоит.

Синохара настроился на нужный лад. Пора было переходить к делу. К тому, зачем он был здесь, прикрываясь реальной, но не основной должностью оперативного офицера Корпуса мира в звании простого капитана сухопутных войск.

Собственно, его рискованный полет над роботами в один из первых дней был нужен с одной целью. Выставить себя перед майором новичком недотепой, на грани некомпетентности. И это сработало. Тот поверил. И если и имел какие-то подозрения — они развеялись.

Теперь можно брать его в оборот.

Когда его направили в Мексику, Синохара втайне ждал, что его пошлют на полуостров Юкатан, где, судя по агентурным данным, отметился Максим Рихтер — так же известный как el Cazador — до того, как пропасть из вида, с тем чтобы всплыть уже в ходе боев в Мехико в начале ноября. Эти сведения Гарольд получил неофициально через знакомых. Он не раз фантазировал, что объект «Отступник», разобраться с которым его направляют — этот и есть его конкурент. Конечно, он не был бы бесстрастным исполнителем. Ненависть, в отличие от любви, всегда настоящая.

Но таких совпадений не бывает. И конечно, настоящий «отступник» был куда более опасным ренегатом.

Похоже, все остальные нити СПБ упустила. И арестовать Мэйвезера в тылу означало оборвать эту тонкую, как волос, но важную ниточку расследования.

Дистанционный взлом шифра — дело непростое. Но все же чуть проще, когда делаешь это в отношении союзника, а не врага. Он не будет ждать угрозы с этой стороны.

Синохара видел, что большинство роботов майора заняты удерживанием периметра на западе. Он больше опасался не больших боевых, а мелких, но с чуткими сенсорами. Все летающие дроны слежения Мэйвезера были направлены на разведку в направлении сил повстанцев, в сторону фронта. А защита той линии, где соприкасались зоны ответственности двух офицеров Корпуса — была минимальной. Там были только неподвижные датчики и несколько роверов, которые объезжали небольшие искусственные рощи, где негде спрятаться крупному коту, не говоря о партизанах.

А маленький дрон уже катился через эти насаждения, петляя в траве как невидимое перекати-поле, приближаясь с юга к позициям майора Джошуа Мэйвезера. Который, должно быть спал и видел какие-нибудь странные сны. Даже если роботы американца заметят своего собрата из соседнего подразделения, они пропустят его, а их командир ничего не узнает, потому что этот скаут не даст им отправить сигнал и сотрет память об этом эпизоде.

Скаут австралояпонца относился к модели R-987. Этой был принимающий любую форму аморфный шар, похожий на амебу. Или, скорее на вольвокс, колониальный организм. Он почти ничего не весил и мог невысоко летать с помощью несложного реактивного эффекта. Умел менять форму. Но не это было главным среди его умений. Он умел думать, точнее, был сам по себе сложной и насыщенной нейросетью. Даже без подключения к каким-либо внешним источникам, он мог обрабатывать большие объемы информации.

Каким бы запутанным ни был код личных данных Мэйвезера, которые он хранил при себе, ему не устоять перед новой технологией, поступившей в Корпус всего пару недель назад. О ней знали только те, кому полагалось.

Синохаре не были известны технические детали — этим занимался Департамент криптографии — но подозревал, что к взлому подключатся в реальном времени колоссальные мощности квантовых суперкомпьютеров со всего мира. И эта сконцентрированная в узкий пучок сила сможет пробить любую защиту.

Почему нельзя было прийти к майору с официальной служебной проверкой контрразведки? Видимо, были причины. Если подозрения верны, тот мог сделать что угодно — от стирания данных до самоубийства со взрывом миниатюрной атомной бомбы. Даже снять его с фронта и изолировать для допроса было нельзя. Если бы было можно — вряд ли городили бы огород с такой сложной операцией внедрения.

Дистанция триста метров. Чуть ближе. Двести. Более чем достаточно. Глазами скаута капитан видел дом, где находился штаб Мэйвезера. Турель в саду. Турель на крыше. Робота-паука, прохаживающегося вдоль забора. Лучи прожекторов, допотопные камеры слежения. Многое из этого нужно было, чтобы отпугнуть неумех-дилетантов. Настоящие меры защиты были невидимы. Но их было много, инфракрасных датчиков, датчиков движения и магнитного поля… всего не перечесть.

Но он все равно проберется туда.

Если бы какой-то человек наступил в маслянистую лужу на

грунтовой дороге, он никогда бы не подумал, что эта лужа опережает его мозг по вычислительным возможностям. И вдруг из нее начал вытягиваться отросток. Сначала он был похож на тонкий, ручеек, потом на псевдоподию амебы, потом на тонкую нить… пока не исчез совсем, став тонким, диаметром в несколько молекул. И эта «рука», этот наноразмерный щуп потянулся к дому.

Если бы человек или робот задели бы его конечностью, они не отпилили бы ее себе — поток просто прервался бы на секунду, а потом склеился бы обратно, как колонна муравьев. Но задеть его почти нереально — настолько низко он стелился по земле.

Засечь его… тоже было почти невозможно. Разве что приборами лабораторной точности. Но таких на фронте не было. Не было в них пока потребности.

И вот он добрался сначала до забора. Потом до стены каменного дома. Потом проник в трещину. Здесь поток раздробился на множество отдельных наноботов, каждый из которых проследовал по своему маршруту. Они начали обыскивать дом. И, наконец, нашли объект. Это был стандартный квантовый накопитель, лежащий в кармане форменной рубашки майора, которая была небрежно брошена на стул.

Увидел он и самого Мэйвезера, спящего сном младенца. Чертов толстый сукин сын даже храпел. Он оставил его под наблюдением. Тот пока прямой опасности не представлял.

«Муравьи» снова выстроились цепью, сомкнули ряд, сцепились, как нейроны. Нужна широкополосная связь. По воздуху такое не передать.

И все равно Гарольд до последнего опасался, что его засекут. Или что защита окажется ему не по зубам. Времени было мало. Если понадобится час — это огромный риск. А если сутки — это уже не успех, а проигрыш. Потому что часы тикали. И совсем не такие, как у одной леди в Лондоне, а похожие на часы Судного Дня.

Прошло двадцать две минуты. Шифр не поддавался. Ничего себе защита персональных данных! Вообще-то офицерам корпуса на боевых заданиях было запрещено хранить при себе недокументированные накопители данных, да еще и защищенные кодированием такого уровня.

Уже этого факта была достаточно, чтоб вызвать военную полицию и привлечь майора к дисциплинарной ответственности. И начать служебное разбирательство.

Но отнюдь не это было нужно командованию; тем, кто дал Гарольду это задание. Это тоже было бы провалом. Срывом лески и уходом рыбины в глубину с крючком, засевшим в губе. Надо

получить доступ к данным. Здесь, сейчас. Ibidem. Если верить тем, кто наверху, будет возбуждено уголовное дело о государственной измене, а вовсе не о нарушении дисциплины, пусть и в боевой обстановке. Нужны были лишь фактические данные.

И вот на двадцать седьмой минуте стена треснула. А на тридцать второй рухнула.

Перед ним была огромная база данных.

Дизайн старомодный и формат тоже довольно древний. И дело даже не в том, что нет никаких декоративных элементов и интерфейс на уровне двадцатых годов. Это-то как раз привычно. Просто все выглядит так, будто акцент делался на широкую совместимость. В том числе с древними машинами и протоколами.

Целая Александрийская Библиотека. Петабайты и петабайты разнообразной… ерунды. Жестко структурированной и разложенной по папкам. И вопиюще бесполезной. Да, на первый взгляд ничего компрометирующего. Личные съемки. Животные. Картинки и истории. Эти тоже разложены по темам: смешные, грустные, позитивные. Впрочем, даже анекдоты были странные. Но японец пролистывал их, не вдумываясь. Если там есть какой-то второй смысл — то эксперты его найдут. За него думала внешняя эвристическая система и весь Аналитический отдел. Который подняли по тревоге — и тех, кто дежурил на базах в тылу, и тех, кого вытащили прямо из постелей дома — по всему миру. Все они были в строю и искали вместе с ним.

Искали по ключевым словам, образам, объектам. И на десятой минуте поиска Синохара понял, что весь отдел — сотни аналитиков — не находят ничего.

На первый взгляд не было никаких связей майора с любым из движений в составе «Союза Освобождения Земли» или «Всемирным трудовым авангардом». Ничего, что изобличало бы его как «крота». Да, такие вещи не держат на виду. Да, редкой удачей было бы найти явные факты. Больше надежд было на мелкие зацепки. Но не было и их. Только невинная личная информация.

Посовещавшись, раскиданный по всем материкам Четвертый отдел, 96 человек офицеров, как консилиум врачей — постановил: агенту с позывным «Инквизитор», то есть майору Гарольду Синохаре (таким было его настоящее звание), следует сканировать весь массив побуквенно. То есть читать и первично интерпретировать, одновременно копируя и пересылая в штаб.

Да, он это сможет, благодаря своим «муравьям». И потому, что у него теперь есть сенсорные улучшения и интеллектуальные.

Запрещенные. Недостаточно оттестированные. Они позволяли ему видеть радиоволны, слышать ультразвук и видеть микрообъекты, а также давали такой зум, какой не дали бы никакие линзы.

Гарольд приглушил их еще в самолете. Оставил только небольшое усиление зрения.

Ему незачем видеть микроскопических клещей в пыли и бактерии в каждой луже, не говоря уже о эритроцитах в капле крови. Разум с трудом пропускал это через себя, протестуя против возросшего траффика от зрительных нервов. Дело было именно в сложности обработки и осознания. Канал передачи работал как часы — эти нейроны матушка-природа, похоже, создала с запасом. А вот зрительные центры головного мозга, зрительная кора просто начинала сбоить, когда он на пиковых нагрузках заставил ее воспринимать миллионы инфузорий или миллиарды песчинок на пляже. Не помогали даже дополнительные усилители мозолистого тела, обеспечивающие более полную синхронизацию полушарий и то, что система межполушарных соединений была усилена введением дополнительных искусственных комиссур, своеобразных «шлейфов».

Можно было, конечно, поставить, фильтры, отсекающие этот объем данных от сознательного восприятия, оставляя эти лишние элементы подсознанию. Но это слишком сложно и чревато побочными эффектами. Проще было снизить детализацию, приберечь эту способность для критических моментов, когда он сможет без всяких технических приспособлений воспринять то, что другим будет не под силу. Хотя это было грубым вторжением в психику. Его тренированную и очень устойчивую психику. Другой бы мог и не справиться.

А в нормальном режиме работы с небольшим усилением чувствительности мир не стал принципиально другим. Рутинные механизмы, выработанные мозгом за годы многократно перекрывали эффект нововведений.

В общем-то это были те же «линзы» и «уши» как у обычных людей, только внедренной биологической природы. И они будут всегда при нем и не откажут из-за наведенных помех. В теории.

Конечно, его тренировали и модифицировали не только для того, чтоб он мог увидеть единичные молекулы отравляющего вещества в воздухе. Он мог много больше. Усиленный сигнал могла обрабатывать и третичная зрительная кора, то есть высшие зрительные зоны, отвечающие за детекцию самых сложных зрительных образов. Букв, иероглифов, любых сложных знаков. И лиц людей.

Распознать лицо подозреваемого — любого из тысяч в личной

и миллионов в облачной памяти. И все это в плотной толпе за тысячную секунды. Легко.

Побочные эффекты в виде зрительных галлюцинаций, от которых страдали первые прототипы, были почти преодолены.

Но даже его почти сверхчеловеческих способностей тут может не хватить.

Там в массиве было столько знаков, сколько обычно содержится на сервере средних размеров организации. Миллионы страниц и миллиарды знаков. И все это у одного человека. И почти все это бесполезный мусор. Детские дневники. Фотографии коллекции фантиков. Записи шумов моря. Разных морей и океанов. Шум деревьев на разных континентах и островах. При этом все это может иметь вторые, третьи и четвертые в двадцатой степени смыслы и значения, считываемые только при наличии «ключа». И все это надо перелопатить. Чтоб найти зацепки. Если они есть. И все эти объекты могут иметь посторонние включения, вложения.

— Проклятье, — пробормотал Синохара неслышно. — Я буду читать это неделю. Или две. И ничего не найду. А эти хреновы эксперты будут расшифровывать это год. Должен быть другой путь.

Он знал, что интуиция — ненадежный советчик. Что его предчувствия мало стоят рядом с совокупным разумом огромного Отдела, поддержанного чудовищной мощью почти всезнающих машин.

Но он был на месте, а они далеко. Он видел этого человека несколько дней вживую, а они — только издалека, по его донесениям. Они не понимали, а он что-то чувствовал.

Гарольд подумал, что знает, что искать. И начал пропускать через себя всю Библиотеку, записанную на накопитель майора (который находился все там же в кармане, соединенный с микроскопическим отростком, который тянулся из дома прямо к луже-амебе), в ускоренном режиме. С эвристическим выбором программой главного.

Следуя интуиции, Синохрара отказался от анализа текстов и обратился к трехмерному видео. Да, в нем труднее что-либо найти, но гораздо больше можно спрятать. В звуковом ряде, в цветовой палитре и их сочетаниях. Он вел параллельный поиск. Программа искала скрытые включения в этих видео. А сам он искал зацепки на уровне интуиции — в самой картине.

«Потерянные непроглядной ночью часы лучше всего искать под фонарями. Потому что нигде больше ты их не увидишь».

И вот в двенадцатом по счету 3Д-видео капитан увидел то, что заставило его замереть. Если на всех предыдущих были

детские утренники, уроки в школе, семейное барбекю или день рождения. То теперь была комната в подвале без окон. Вернее, одно окно есть, но оно не настоящее. И пасмурное небо за ним фальшивое. А посреди комнаты сидит ребенок. Вокруг него стоят пустые коробки. Коробки рвутся им на ровные ленты. А из них извлекаются метры и метры пузырьковой пленки, которой когда-то предохраняли от повреждений посылки. Ее не использовали уже лет пятнадцать.

Слышно лопанье пузырьков. Этой пленки кругом много, целые рулоны. И ребенок методично ее давит. В сидящем ребенке Гарольд узнал черты самого Джошуа Мэйвезера. Тому на вид было лет четырнадцать. Хотя могло быть и восемнадцать. Он был, как и сейчас… вне времени. Одновременно и ребенок, и подросток, и маленький старик. Он был тощий и какой-то… изможденный. Нестриженные спутанные волосы, опухшее лицо, изгрызенные ногти и пальцы.

Перемотав несколько часов, японец увидел, что объект даже не сдвинулся. Перемотал неделю в ускоренном темпе. Человек иногда исчезал. Но это было едва заметно. Это значит, что каждый день он садился на одно и то же место на ковре, где даже остался протертый след. С точностью до пары сантиметров. И сидел там как статуя. Смотрел какие-то картинки через «линзы». По учащенному дыханию было видно, что картинки вызывают у объекта всю гамму эмоций. От страха до восхищения. Лишь иногда тот вставал. Видимо, чтоб сходить в туалет. И тут же возвращался. По крайней мере, памперс ему был не нужен.

Осенила догадка: «Да он должно быть *спаржа*. Причем очень тяжелая. Почти аутист. Как он вообще смог выучиться и стать офицером?».

Аспи. Aspargus. Все встало на свои места.

В Японии он видел много аспи. Не все хиккимори такие. Но многие.

В Корпусе они тоже были, как и люди с синдромом Дауна. Только в отличие от даунов, аспи при всей их кажущейся безобидности могли быть совсем не милыми и не добрыми, уж он-то знал. Особенно если их достать. А вывести из равновесия их могло многое.

Синдром Аспергера. Всемирная Организация Здравоохранения отменила этот диагноз, названный по имени нацистского врача, очень давно. Официальным термином было «человек аутистического спектра». Раз уж человеческий пол — это спектр, и раса — это спектр, то почему не быть спектром форма связей нейронов в коре головного мозга? Парадигма патологизации была давно побеждена подходом

нейроразнообразия.

Но в данном случае слово «спектр» было не данью политкорректности, а реальностью. Под словом «аутизм» скрывалась мозаика из множества разных заболеваний различной этиологии, имеющих общие симптомы, но вызванные сотней разных факторов, включая мутацию нескольких десятков генов. Причем на границе этого спектра и условной нормы слово заболевание стоило заменить словом «состояние».

Фильмы и книги врали. Мало кто из носителей одной из этих мутаций были гениями, которые решают математические теоремы на ходу, пишут уникальные картины или сочиняют великолепную музыку. Такие тоже были… но большинство — либо безобидные асоциальные инвалиды, либо те, кого можно принять за обычных людей с небольшими «бзиками» вроде коллекционирования крышек от бутылок, не имеющими ничего общего с шизофренией, манией и психопатией. Это стабильное состояние… в комфортных условиях. Но часто это была стабильность в таком качестве, в котором мало кто из обычных людей захочет оказаться.

Он видел двух-трех таких. Они были чудовищно разные, но у всех были неуловимые общие черты.

И все же настоящий аутизм был в богатых странах довольно редким явлением — помимо генетической выбраковки, которая встречала сильное противодействие, последние двадцать лет его симптомы лечились. Внешние. Про то, менялось ли что-то внутри, Гарольд не знал. У него таких близких знакомых не было.

Синохара хлопнул себя по лбу, лицо его озарилось радостной улыбкой. Сложились одна с другой все части мозаики. Странное поведение. Сенсорные особенности. Нежелание близкого контакта с людьми.

Идиоты-психологи в корпусе сами нуждались в освидетельствовании. Их тесты ничего не стоили, они не видели дальше своих носов.

Но… минутку! И тут его улыбка увяла, и пришло понимание, что пойманная им рыба — мелкий карась, а не огромный лосось.

Да, он утаил свое психическое состояние. И что? Если это не мешает ему работать… это даже болезнью не является.

Шимата!

Захотелось материться по-японски и более крепко.

Знание о том, что объект в детстве сумел преодолеть тяжелую когнитивную патологию… как-то компенсировав ее… это не давало ничего, вашу мать, ничего для понимания его мотивов, и еще меньше — для понимания роли майора в плане врагов Мирового совета. Он исправно служил и бил мятежников.

Доступа ни к каким секретам за пределами театра боевых действий не имел. Карьерных амбиций никогда не проявлял. Глубоко зарывшийся «крот?». А зачем?! Опять тупик. Надо смотреть дальше…

И вдруг до него донесся тихий голос:

— Тебя не учили, что брать чужое некрасиво? Это называется вторжением в частную жизнь.

Мэйвезер-взрослый стоял прямо посреди просматриваемого Гарольдом видео про Мэйвезера-ребенка. Стоял рядом с тем, как отец рядом с сыном. Хотя ребенок был тощ, а взрослый — огромен как туча. То, чем он был и то, чем он стал.

А ведь на картинке, пересылаемой со скаута, майор еще мирно спал на кровати. И это оказалось обманом!

Картинка рассыпалась. Синохара успел почувствовать, что не просто потерял контакт с видео — оно на его глазах было удалено.

В реальном мире майор Мэйвезер стоял в десяти шагах от него, в дверях его комнаты. Мембранная дверь на входе его пропустила. Хотя категорически не должна была, Гарольд заблокировал ее даже для “friends”, не только для “foes” и “neutrals”.

Но так даже лучше. Не придется посылать роботов за ним. Арест мог бы вылиться в небольшую битву.

А предатель хорошо держался. Если тот и был удивлен, что взломали его шифр — то виду не подал. Неужели не понимает, что пришел в западню?

Гарольд впервые увидел, как тот ходит на своих двоих. Походка у него была асинхронная, грузная. Свою летающую платформу изменник, видимо, оставил снаружи. Хотя камеры… показывают, что во дворе ничего нет. Улетела?

«Камеры, сенсоры?.. Почему они не показали его приближение? Ведь это не нанороботы, которых я провел к нему, а огромная туша…».

Но он задвинул эти мысли. Сейчас главное не они.

— Я имею право на такие действия, мистер Мэйвезер. Вы обвиняетесь в измене присяге. И еще по ряду статей Всемирного Уголовного Кодекса.

Холодный формализм. И демонстративное обращение как к гражданскому человеку. «Мистер». Хотя из армии он еще не был уволен и звания не лишен.

— Как вам удалось? Код неподбираемый. У вас должен был уйти месяц.

Надо же, речь сразу прорезалась. Нормальная, звуковая.

— Как нам удалось… это не ваше дело, подозреваемый, —

ответил Синохара устало. — Позвольте представиться. Служба планетарной безопасности. Агент 6-го класса Гарольд Синохара. Да, мое имя настоящее. Но я майор, как и вы, а не капитан. Хотя это не имеет значения. Вы обвиняетесь в особо тяжких уголовных преступлениях. Сдайте оружие и сотрудничайте со следствием. Или, если я что-то не так понял… поясните свое поведение.

— Я… ничего не буду объяснять. У меня есть право хранить молчание.

— Его у вас нет, забудьте штампы из кино. Сотрудничали ли вы со «Всемирным трудовым авангардом»? Или другими подобными группами? Отвечайте немедленно. Я наделен самыми широкими полномочиями для проведения предварительного следствия. Сотрудничество со мной поможет вам избежать худших последствий. Например, смертной казни. Или пожизненного помещения на Райский остров.

Он припирал Мэйвезера к стенке, чередуя кнут и пряник, как по учебнику. Но тот отреагировал совсем не так, как от него можно было ожидать.

Майор рассмеялся, глядя прямо ему в глаза без тени страха.

— Забавно. То есть ты думаешь, что я — шпион повстанцев? Это правда?

И вдруг замолчал, будто прочитав что-то в пустоте.

Прошла минута. Синохара отсчитывал секунды. Он нервничал. Находящиеся в соседней комнате — бывшей спальне хозяев дома, и на кухне роботы, которых он позвал для силовой поддержки — на его зов не откликнулись. Не откликались и остальные, дежурившие на улице.

Связь была только с теми, которые находились далеко, на внешнем периметре или на самой линии фронта! В трех километрах и далее.

Синохара вызвал их, мгновенно, с помощью закладки. Они со всей скоростью летели и бежали к особняку. Но когда они приблизились и пересекли невидимый радиус… два километра и восемь метров — то тоже стали недоступны. Ловко, ничего не скажешь.

Австралояпонец уже собирался надеть на подозреваемого магнитные наручники лично, когда тот вдруг заговорил.

— Я хочу сделать… предложение. Прежде чем что-то отправлять своим… наверх. Выслушай его, Гарольд. Подумай, тем ли ты служишь.

Ага! Начал юлить — значит, чувствует свою слабость. Значит, сломается.

Синохара почувствовал себя, как охотник, на прицел к которому попала ценная дичь. Как гончая, взявшая след. Как

должен был чувствовать себя подводник прошлого, собирающийся потопить неподвижный и поврежденный линкор.

Вот это рыба! Это просто не форель или лосось. Это… может, и не кит Моби Дик, но точно хемингуэйевский марлин. И он ее почти выловил. Лично, один. Вот теперь-то его наконец-то поднимут на следующую ступеньку. А может и на две.

«Сейчас он меня будет агитировать. Попрекать тем, что я служу монстрам и кровососам. Как наивно и предсказуемо. Сколько раз уже такое было… так делают и девчонки-малолетки, которых ухажер-радикал склонил пронести в сумочке оружие, и седовласые профессорки истории, на старости надевшие хиджаб, которых уличили в вербовке террористов. Так делают иногда — редко — и матерые боевики из пустыни, думающие, что следователь, в чистом костюме, аккуратный, не спавший в хижине или пещере — тряпка и слабак. И никому не помогло. Они бы еще дрона попытались разжалобить».

Но, дьявольщина… Почему не получается никому ничего отправить? Даже запроса на соединение. Где связь? И на прием, и на передачу. И обычная сеть, что еще можно объяснить, и закрытые каналы Корпуса и СПБ, и даже стандартные радиочастоты… все будто умерло. Что, почтовым голубем отправлять?

Чувствуя мандраж, Гарольд поторопился все-таки надеть на него устройство. Метнул к нему две пары автонаручников. Мэйвезер не сопротивлялся, протянув руки с пухлыми ладонями и толстенными запястьями. Устройства сковали ему руки, а потом и ноги. Так-то лучше.

Наручники могли принять любую форму, и налезли бы даже на гориллу. Обезопасив себя таким образом, австралояпонец усилил давление в устройствах, и рывком усадил потерявшего равновесие задержанного на диван. Зубы у толстяка клацнули, но он никак не подал виду, что ему больно.

А роботы все еще были недоступны. Синохара проверил. Они с подследственным все еще были один на один. И это его напрягало. Он хотел заглянуть в соседнюю комнату, но не хотел выпускать подозреваемого из поля зрения даже на секунду.

К тому же он опасался, что с роботами, его роботами, тысячу раз невзламываемыми… что-то не так. Хоть и выглядел Джо абсолютным рохлей. Взгляд у него бегал. И оружия у него не было. Проверено дважды.

Ну и дурак. Понял, что раскрыт, но пошел к спецслужбисту безоружным, не взяв даже пистолета. Хотя это ему бы не помогло.

— Ты похож на наших, — сказал американец. — И этого не изменит даже то, что они перепаяли в твоей голове.

Ого. Даже про операцию ему было известно. Или сказал наугад?

— В сети есть вирка, — продолжал мятежник. — «Сад расходящихся дорожек». Это точнее, чем любые тесты, они не дают объективной картины.

— Какая еще к хренам вирка? — Синохара почувствовал укол разочарования. И подступающее бешенство. — Мы что, в игрушки играем?

Рыба пыталась сорваться. И тоже предсказуемо. Он не раз видел в своей оперативной практике прием «косить под дурачка». И это тоже не помогало задержанным. Всех их раскалывали.

— Каких еще в задницу «ваших»? — произнес он с металлом в голосе. — Бодипозитивных толстяков? Я не из них. И уж тем более я не левый террорист. И мы с вами не шутки шутим. Отвечайте на вопросы или придется применить спецсредства. Могу начать с «белого шума». Или «безопасной боли». А уже потом в карцере устроим и сенсорную депривацию, и лишение сна.

Но Джошуа будто не слышал его, не воспринимал его угроз.

— Ты на самой границе. Они считают тебя своим. И это хорошо. Ты закрытый, но это наполовину эффект культуры. Но кроме культуры… есть еще нейрофизиология. То, что не подделать.

Синохара слегка опешил. Попытался освежить свои знания по психологии. Если этот Джо действительно аспи, то от сильного стресса он мог испытать мелтдаун, выгорание, уход в себя. Да что говорить про аспи! Некоторые подследственные, кристально здоровые, от шока, что их раскрыли и начинают допрашивать, еще и не такое городили. Под себя мочились от страха, дату рождения забывали.

Но это не похоже на шок. Как раз страха в глазах Мэйвезера он не видел. Тот выглядел как ребенок, обиженный, растерянный оттого, что что-то пошло не так. Но не испуганный. Будто для него это все было не более чем игрой.

Его манера мало была похожа и на поведение шизофреника. Все это больше смахивало на притворство и издевательство. Как такой человек мог пройти аттестационные процедуры для офицеров Корпуса?

А роботы в соседней комнате не реагировали на команды. Но были все еще в рабочем, боевом режиме. Похоже, ребелы все-таки применили здесь… с помощью своего агента или независимо от него — какое-то свое супероружие. Но ничего. Даже один — оперативник СПБ — серьезная боевая единица.

— Мне необходимо провести следственные действия. Не

заговаривайте мне зубы. Отвечайте на поставленные вопросы и не юлите, — Синохара мог заткнуть ему рот специальным гуманным кляпом из пластика, но решил пока этого не делать. Тем более, что этот поток сознания никакой опасности не представлял. — Я имею право применить силу. Любую. Мы в боевой обстановке. Вы — я в этом на сто процентов уверен — изменник или шпион. Ваше положение очень шаткое. Сразу скажу, косить под психически больного — не лучший вариант. Никому еще это не помогло. Какой бы ни был у вас диагноз, я знаю, что вы адекватно видите мир, а значит, несете полную ответственность…

— У меня нет диагноза. Я не был у психиатра с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. Вы же не пойдете на осмотр к терапевту-шимпанзе?

Фейспалм…

Гарольд вздохнул. Бедняга мог и не притворяться. Либо майор прекрасный актер, либо реально болен, и тараканы в голове взяли верх над остатками мозга.

Но кто перепрошил роботов? Явно не эта размазня, сломавшаяся от первого нажима. Его покровители? Тогда железяк лучше уничтожить, если доступ не вернется в ближайшее время. Жаль, но придется расплавить им схемы. Лучше потом заменить им контроллеры, чем быть ими застреленным.

Он вышел в соседнюю комнату. Снял защитные кожухи с роботов с помощью своего «киберпальца», а четыре выстрела из «разрядника» превратили их в груды металла. Так-то лучше. Но есть еще те, что внизу и снаружи.

Опять правило меча и щита. Технологии нападения опережают технологии защиты на годы. Потому что достаточно найти всего одну уязвимость. Им, СПБ, удалось — с помощью технологий половины планеты, собрав все в пучок — взломать шифр одного вражеского агента. Получить доступ на считанные минуты. И при этом получить только кучу сырых данных и одного невменяемого пленного. А второй такой возможности могло и не выпасть.

Дело заходило если не в тупик, то в болотистую топь. В полевых условиях допрашивать психически больного человека невозможно. Доказательств пока недостаточно. Все имеющиеся файлы, «сырец», он собирался немедленно переслать шефу. Но пока не мог.

Выдернуть подозреваемого отсюда и доставить, допустим, на Ямайку или хотя бы на базовый корабль «Кофи Аннан» — нужно несколько часов. Плюс риск перехвата этим гребанным «Куполом».

В голове Синохара уже структурировал отчет, редактировал

его и сокращал. Никаких непроверенных данных. Могут не поверить. И тогда их решение задержится. А сейчас дорог каждый час и минута. Австралояпонец знал об огромной инерции в работе силовых структур. Как только откроется канал, плотно упакованный пакет данных тут же уйдет по назначению. А там останется только молиться. Ха-ха.

Но что же произошло с дронами? Он еще раз посмотрел на них прямо через стены… и вздрогнул. Все роботы, которых он привел в гасиенду и над которыми потерял контроль — были здесь. Три «паука» в гостиной, десяток «шершней» в разных комнатах и человекоподобный шестиногий «лемур» в кухне, похожий на холодильник со щупальцами. А еще два поджарых «велоцираптора» во дворе, на которых навешано столько оружия, что они оставляют глубокие следы в грунте. Все они стояли застывшие, но от них исходили ясные показатели активности. Мигали в инфракрасном спектре сенсоры. Тепло исходило от моторов. Вычислительные системы тоже не спали. Синохара знал эту разницу в пару градусов. В режиме standby они меньше греются. А они не спали. Они ждали.

Да, это не деактивация, а перехват контроля. Неведомые… которые смогли отобрать у всесильного Корпуса его игрушки — выжидали момент для атаки. И не нападали только потому, что у него, Гарольда, был заложник. Их человек. Их орудие.

Который в этот момент почесывался, хлопал глазами и повторял детскую английскую считалку. Вот только современные дети ее не знали, и для них она показалась бы совсем недетской. Про жену фермера, которая отрезала хвосты трем слепым мышам.

Three blind mice,
Three blind mice,
See how they run!
See how they run!
They all ran after the farmer's wife,
Who cut off their tails,
With a carving knife.

— Кто ты? — спросил Синохара.

— Я часть той силы, — сказал Мэйвезер, тезка известного борца из прошлого. — Ein Teil von jener Kraft, diestets das Böse willund stets das Gute schafft[1].

— Я не знаю, что это значит на немецком, но по-английски shaft это «палка». Но вы видимо увлекаетесь немецкими симуляциями? Понятно. С вашей внешностью только эро-вирки остаются.

— Поскольку я долго живу среди вас, то чувство юмора у

меня есть. И меня не задевают ваши провокации.

— Заткнись, ты! — вскипел Синохара. — Меня достали твои закидоны. Отвечай на вопросы. И ни слова больше. И скажи своим, что, если эти болванчики сдвинутся хоть на сантиметр… я разнесу тебе на хрен башку.

— Башку, — повторил за ним Мэйвезер. — Разнесешь? Башку? И ты думаешь их это остановит?

Теперь уже Гарольду было страшно. Сложно было оценить мимику того, кто, как он уже догадался, не был человеком в полном смысле слова. Черт знает что у него с мозгами. Как он прошел через сито всех проверок? Почему не зажглась красная лампочка? Заговор был разветвленным как грибница. Или просто глупость и самонадеянность, когда считают безобидным то, что давно себя так зарекомендовало?

Анализ сотни критериев показал, что тот скорее всего не блефует. Имеет ли этот субъект хоть какую-то ценность для Неведомых?

Волосы на голове не зашевелились только потому, что были коротко подстрижены.

Он держал Джо на прицеле. И краешком глаза следил через стены за роботами. Те стояли как истуканы. И будто дразнили его.

«Если они кинутся на штурм разом, я успею его замочить. Но они меня разорвут и изрешетят уже через пять секунд».

— Выключи их все, — прошипел Синохара. — Деактивируй! Молча. Еще один посторонний звук, и ты труп.

— *Хорошо. Я деактивирую всех на первом этаже. Ты чувствуешь, как перестали работать их моторы? Тех, кто снаружи, оставлю. Компромисс. А свои слова я могу донести и без звука*, — рот Мэйвезера оставался закрытым, но синтагмы звучали в сознании Гарольда. Речь пленного стала более четкой и выверенной. — *А ты уже решай, офицер. Ты думаешь, что есть только две стороны… но находишься в N-мерном пространстве. В нем есть и третья, и четвертая, и пятая. Но я представляю ту, которая победит. И она не ваша. И не Союз Освобождения Земли. Кому ты служишь? Тем, кто даже сапиенсами называются с натяжкой? Если нечто не обладает разумом — оно объект, а не субъект.*

Синохара понял, что где-то слышал эти слова, похожие на пароль. Но в памяти было слепое пятно.

— *Есть те, кого считают нормальными людьми… но они философские зомби*, — продолжал пленный, не замечая скованных рук. Он говорил, как хозяин положения, и Гарольд слушал, вместо того чтоб хотя бы ударить его разрядом тока, — *В этом*

нет их вины. Это биология. Я мог бы рассказать про антропогенез, парохиальный альтруизм, баланс окситоцина и количество нейронных связей и синапсов. А еще про то, что выпадение волос у палеоантропов — путь эволюции через деградацию. Но лучше скажу о другом. Как думаешь, почему тебя не взяли на Марс?

— Откуда ты, мать твою, знаешь? — на самом деле злости у Синохары не было. Была только досада, что их уделывали как щенков. Какие-то дилетанты. Ноунеймы. Которые сумели завербовать тяжелого ментального инвалида, отлично скрывавшего этот факт, и превратить в эффективное орудие. Но зачем он им? И как они захватили роботов? И что если его собственное нежелание стрелять в майора — воздействие чего-то вроде гипноза или НЛП? Но на том уровне, где выполнение чужих приказов выглядит как собственная воля.

— Тебя забраковали все космические центры. Хотя ты бы справился лучше остальных претендентов. Потому что они в скорлупе в миллионах километров от Земли часто сходят с ума. Убивают себя и других. Плачут и бьются головой. А ты был бы как рыба в воде. Из-за своей маленькой мутации.

А ведь Гарольд и сам думал об этом, когда читал сообщения о срывах, вспышках немотивированного насилия и суицидах на марсианской колонии и в самых дальних экспедициях. Потому что не все люди могут вынести вечное одиночество космоса и не испугаться его двоякой сути. Одиночество в простом значении космического холода и оторванности от мира людей… И во втором, более сложном — единичность разума в наблюдаемой вселенной, парадокс Ферми.

Дальний космос за пределами орбиты Луны до сих пор был вотчиной не совсем обычных людей, готовых улететь в один конец. Кто-то называл их героями, кто-то эгоистами-самоубийцами. Никакой романтики, огромные расходы, сомнительная польза и очень высокая смертность. Но при этом была твердая установка не брать никого с малейшими отклонениями от «нормы» либо модификациями.

Ладно… они могли взломать личное дело. Хотя в официальном досье об этих собеседованиях ничего не могло быть.

— Но они посчитали, что ты пригодишься для другого. Быть их псом. И ты доказал им. Ты ведь универсал. И пилот, и полевой офицер, и контрразведчик. Zeta? Это же лучшие из лучших. Какая честь. Ты блестяще все провел. Даже меня заставил лопухнуться. Я выдал себя, подумав, что ты добрался до важной инфы. А ты увидел только мое детство.

Синохара ничего не говорил ему про спецподразделение «Зета». Таковы были правила, он об этом даже родной матери и

жене не рассказал бы. Что он давно завербован СПБ. Еще со времен Академии.

— Итак, доброе *человечество не нашло тебе лучшего применения и послало в пещеру Циклопа. Причем дважды. Твое возвращение живым из космоса тоже не предполагалось. Ты разменная монета,* — Мэйвезер усмехнулся. *— А еще у тебя был вымышленный друг Кадзуки. И подруга вымышленная тоже была. Ее звали… Энн? Эшби? Хотя ты думаешь, что она настоящая.*

«Он правильно его назвал. Это был персонаж книжки, которую я читал. Исследователь космоса, столкнувшийся с квазиразумной плесенью. А вот с ней ошибся на одну букву. Может, нарочно ошибся. И Эшли настоящая. Хотя… в каком-то плане он убийственно прав, — подумал Синохара. — Значит, вы крутые. Полубоги. И я не зря опасался».

Допустим, они могли отследить его визит в Лондоне. Хотя они тогда еще не знали, что он будет заниматься делом Мэйвезера. И все равно без доступа к закрытым данным СПБ тут не обошлось. Но как они узнали про товарища, который появился у него в семь лет? Который никогда не существовал. Только у него в голове. У одиночки, почти сироты, в чужой стране Австралии.

Неведомые враги могли читать закодированное в нейронной сети мозга. На том уровне, который пока, насколько он знал, не доступен даже в лабораторных условиях. Читать если не все, то многое. Если не как книгу, то как страницы из нее. Нейронное картографирование.

«Они года на три-пять впереди нас… и это страшно. Интересно, с какого расстояния они могут считать очаги активности мозга и как легко им добраться до зоны хранения данных?».

Даже в такой ситуации он думал, прежде всего, о практических, а не философских аспектах.

— А еще ты был с роботами чаще, чем с живыми женщинами, — продолжал американец. *— И что? Ты проливал кровь за повелителей и королей. Они тебе дали подъехать к воротам любимой женщины на красном «Феррари»? Дали?*

Синохара молчал, не отвечая на его кривляние. Он вспоминал бар «Заводной апельсин». Он подозревал каждого. И девушку, и буяна-лесоруба, и даже панка-официанта. Ему тысячу раз могли поставить даже макроразмерный жучок. Не говоря уже о микроскопических. Да просто пролетающая муха. Раз уж они его «вели». Все тот же парадокс щита и меча. Да и не носил он никакой защиты в мирном Лондоне.

Даже если они сверхлюди, долговременную память они

могли прочесть только при контакте, потому что она — химическая формула. Они не могли просветить череп. Но жучок мог и сейчас быть в его мозгу. Размером с молекулу. Замаскированный под химические элементы белков его собственных нейронов, сцепленные в наномашину.

Глубокое сканирование на базе не нашло ничего, никакой подозрительной активности, хотя должно было. Но он уже ничему не удивлялся.

Их патовый клинч длился уже почти десять минут. Роботам с первого этажа понадобится секунд на десять дольше, чтоб вломиться. Но и от них он не убежит. Порвут.

Почти боги. У роботов были сверхнадежные предохранители, позволявшие деактивировать их при взломе. Тройная подстраховка. Но почему-то они все не сработали.

Для взлома первичного кода мятежников Службой была использована сеть «Ланселот». Пятнадцать секретных научных учреждений, восемь баз двойного назначения, десять тысяч служащих, мейнфреймы размером с дом, квантовые сети покрывающие целые континенты. Гигантская инфраструктура. Где можно скрытно разместить еще одну такую сеть на Земле? Нигде. Значит, с другой стороны было не количество, а качество.

И пусть он знал, что тут никакой магии, а только специальный софт и хард. Но все равно ничего подобного у Корпуса не было. И еще лет пять не должно было появиться. Как и с чтением непосредственных мыслей — дословным — на лету. В теории ясно, что это побочная технология от магистральной — нейроинтерфейса. Но как это создать… да еще и скрыть создание?

— *Если подобран ключ, это не труднее, чем находить экзопланеты,* — опять услышал он в голове голос Мэйвезера. — *Трудность не в перехвате, а в расшифровке. Ну так что? Ты готов к сотрудничеству? Ты можешь получить Марс.*

— И «Сникерс». И «Баунти» в придачу. Да пошли вы. За идиота меня держите?

«Странно, что он не предложил мне Эшли на блюдечке. Но лучше и не напоминать ему о ней».

— *Глупо,* — написал ему изменник. — *Но время подумать у тебя будет.*

Вербовка. Хороший полицейский и плохой. Но пока хороший. А где-то может быть и очень плохой. Вот так они поменялись местами. Но, даже находясь в плену у террористов, переговоры с ними надо вести с одной целью — выиграть время.

Но пока то, что он собирался делать с Мэйвезером, тот делал с ним. Во имя кого? На чью сторону его перетягивали? Активно

обрабатывая.

«Да почему я его вообще слушаю? Почему не обезвреживаю?».

Майор вел себя так, будто был хозяином положения. Синохара поморщился и подумал: «Все-таки спятил». Что это за сила, которая за ним стоит, если она заставляет его ощущать себя повелителем вселенной? Ведь за пределами этого дома он беззащитен и полностью во власти Корпуса. Захотят — разнесут его ракетой. Хотя и вместе с заложником. С ним.

— *А еще есть правило утки,* — произнес Джошуа, улыбаясь. — *Если нечто крякает как утка, выглядит как утка и плавает как утка… то это скорее всего утка. Как там поживает Акира?*

Это напоминало ледяной душ.

«Они знают обо мне все. И никакие шифры, никакое удаление файлов и программы защиты личных данных от них не работают».

— Оставь в покое мою… — Гарольд не договорил. За одну тысячную секунды до этого он почувствовал повышение температуры одного из отделов мозга Мэйвезера.

— Никто ей не угрожает. И мы не угрожаем тебе. Просто должны обезопасить себя. Извини.

И тут ему в голову ударил импульс, но не электромагнитный, а инфразвуковой. Зафиксированный его защитным ПО. Но экранироваться было нечем, невозможно.

Чем это он пальнул?.. Какой-то встроенной штукой?

Боли не было. Но Гарольд понял, что рука ему не подчиняется. Пальцы, сначала ставшие деревянными, разжались, и оружие упало на пол.

Пистолет не выстрелил. И упал, похоже, именно так, как его визави этого хотел. Далеко.

Но все же у него оставался последний козырь в рукаве. Синохара отдал неслышимый приказ.

И тут же в окна, разбивая бронированные стекла, влетели два бойца, ожидавшие наготове на крыше в полной маскировке, с джет-паками.

Люди. Не роботы. И с хорошей выдержкой, если не запаниковали, даже видя странное поведение дронов. Выполняли приказ как он велел.

Два добровольца Олаф и Янек были пуристами из какой-то секты, отпочковавшейся от Пятидесятников и выступавшей с технофобской позиции. Никаких посторонних включений в организме они не имели. Даже тех, которые Корпус поставил остальным. Ничего, что могло бы влиять на их нейроны. У них даже в теории не было тех крючков, за которые можно зацепиться

для контроля над их организмами. А от штук вроде инфразвука должна была защитить легкая боевая броня, с усиленной защитой от всего спектра акустических, электромагнитных и других нестандартных средств.

— Убейте его. Пристрелите эту гниду! Он шпион.

Оба легионера подняли оружие… и застыли. Так они стояли пару секунд, как статуи. Гарольд вспомнил древнее выражение игроков вирок — «стоять в АФК». Только здесь это было в реальном мире.

А потом он увидел, как стволы рейлганов каждого из них наводится точно на голову другого. И так же синхронно они выстрелили друг другу в середину лба, пробив и шлемы, и стену за ними. И так же синхронно упали как мешки с мукой. Крови было совсем немного.

А снаружи в это время что-то началось. Был далекий грохот, похожий на серию взрывов, а потом более близкая стрельба из огнестрела и «рельс». Со стороны расположения его, Гарольда, батальона. Он мог вычленить в этом хаосе звук каждого отдельного оружия. Стреляли все. Роботы, люди, артиллерия.

Стрельба на время затихла, а потом началась с удвоенной силой. Но Джошуа это, судя по всему, не тревожило. Армия роботов вела бой, но чьим приказам она теперь повиновалась? И в кого стреляла?

— Это не наша война, — заговорил Мэйвезер мягким голосом, какой обычно приписывают лжепророкам. Или нечто заговорило голосом майора, — Наша будет другой. Нам, разделенным фронтами и идеологемами… надо объединиться. Мир стоит на пороге перемен. Ты же не пойдешь за теми, кого ведет продолговатый мозг рептилии? За зажравшимися паразитами, которые довели планету до коллапса… и за неграмотными выскочками, которые хотят множиться и делить то, что не заработали… но сами ничуть не лучше.

Может, это и был гипноз. Но Гарольд понял, что ему не хочется спорить с тем, что майор ему говорит. Что хочется соглашаться. Что многое из этого правильно и логично. И только понимание долга и уязвимости близких заставляло его медлить.

— Подозреваемый Джошуа Мэйвезер. Закройте рот и не шевелитесь! — с неохотой произнес он. — Иначе я стреляю.

Синохара не попытался поднять с пола пистолет другой рукой, а достал второй «разрядник» из секретной кобуры. Правая по-прежнему была деревянной, но он был амбидекстр. Но и из второй руки оружие выпало. А потом она тоже повисла плетью. А еще подломились колени, и он рухнул на них, как кающийся грешник. Но перед этим оттолкнул ногой от себя и «разрядник»

подальше. И нога тоже сделала это против его воли.

— Это твоя карма, чувак, — произнес Мэйвезер вслух. — Стреляй. Ты же больше ничего не умеешь делать. Что? Не получается? Ну тогда хватай пистолет зубами. Или грызи меня. Не можешь? Ладно, у меня много работы. И ты будешь мешать. Тебя придется выключить и изолировать.

Джошуа уже освободился от кандалов, небрежно их стряхнул и встал с дивана, разминая руки.

— Кто… вы? — в очередной раз произнес Синохара, пытаясь отвлечь его, чтоб подняться.

— Дети бога. Вечно голодного разума.

О Детях Вендиго Гарольду было известно. Еще бы, он сам там состоял какое-то время. Вернее, таким было его задание. И он провалил его. Не нашел в этом клубе ничего опасного и компрометирующего.

И ничего, что указывало бы на то, откуда взялись способности его оппонента.

— Вендиго… это не божество разума. Это пожирающий людей индейский, мать его, демон, — он не оставлял попыток встать, но успехом они не увенчались.

— А как вы хотели? Чтобы выжить в вашем мире… надо, чтоб нас боялись. Но это метафора. Христиане поедают плоть бога. Так почему бы нашему «богу» не поедать вас? На самом деле, никаких богов у нас нет. Это название — не более чем игра слов. Довольно неудачная, но она прижилась. А мясо, выращенное на основе культуры модифицированных человеческих клеток — лучше всего будет усваиваться организмом. Так постчеловек может оказаться пожирателем человека обычного. Но это шутка. Я, например, обычно даже мяса не ем. Здесь с индейкой я просто хотел войти в роль. Я особенный. Остальные из нас жуткие зануды.

— Охренеть. Знаете, в чем ваша ошибка? Вы зазнались. «Новая ступень эволюции». Старая добрая оперативная работа вам не по зубам. Иначе бы я не вышел на тебя. Вы под колпаком. Вас, «детей», сколько бы ни было по миру, найдут и прихлопнут как клопов.

— Ты думаешь? — Мэйвезер хихикнул как школьник. — Ошибаешься. И вообще… замри.

Синохара понял, что все тело его не слушается. Он упал на пол, в последний миг сгруппировавшись (опять не по своей воле), чтоб не удариться головой. Даже его падение выглядело как контролируемое чужой силой. Мерзкое ощущение куклы на ниточках.

Подозреваемый номер 25176-ХСА… а на самом деле нечто большее или меньшее, чем человек… стоял над ним и покачивал

головой, с метрономным ритмом, как китайский болванчик.

Самочувствие жертвы его, похоже, мало волновало.

— Мэйвезер… — пробормотал австралояпонец, чувствуя, что язык деревенеет, как при древних стоматологических процедурах. — Ублюдок. Ты идиот. Я же часть системы. Они вас распылят.

— Это старое, мертвое имя, дружок. Называй меня Оверлорд. Шучу. А системе вашей осталось недолго. Часы тикают, ха-ха. Скажи спасибо, что мы отключили небольшую штуку в твоей голове. Иначе твой мозг сейчас бы напоминал пористую губку с кровью, — снова заговорил своим неприятным голосом американец. — Они бы скорее убили тебя, чем дали попасть к нам. А еще мы показываем твоему начальству красивый мультик, как ты меня арестовал и допрашиваешь.

Все это могло быть блефом наполовину, на треть или на все сто процентов.

Секунду спустя Синохара почувствовал, как его тащат по ступеням, причем его голова стукалась об каждую. Дроны, его собственные дроны-носильщики, как муравьи несли его куда-то вниз. Лестница были покрыта по старинке ковролином, но удары все равно были сильные. Но больно не было. Боль куда-то пропала.

— Меня держали почти в таком же, — услышал он голос майора-ренегата. — Когда будешь готов… выйдешь, чтоб увидеть последние дни Омеласа.

Стало темно. Сквозь темноту как через плотную вату до него донесся бесстрастный голос Мэйвезера:

— Три слепые мышки… бегут за женой фермера… которая отрезала им хвосты…

Он страшно фальшивил.

— Перестарался. Сейчас включу.

Как по мановению волшебной палочки зрение вернулось. Но, как оказалось, предателя рядом уже не было. И вокруг была уже не гостиная-штаб.

Как будто несколько минут выпали из памяти. Сколько именно?

Это был подвал гасиенды, сырой и промозглый, с лужами воды и запахом грибов, куда Гарольда затащили обездвиженного и безвольного как труп. Слабый свет струился от нескольких пятен-светильников на потолке и двух зарешеченных окон. Таких узких, что человек не пролезет.

Синохара понял, что даже обмочился. А еще ему не хватало воздуха, хотя прямо над головой была решетка вентиляции. Он

начал задыхаться, хватая воздух ртом. Казалось, кто-то схватил его за шею стальными пальцами. Он не мог пошевелиться, а пульс упал до минимума.

Чуть позже чувствительность к мышцам туловища вернулась. Горло отпустило. Легкие и сердце заработали нормально. Австралояпонец подумал, что у него поврежден спинной мозг, но потом вернулась чувствительность и ко всему телу. Сразу почувствовалась боль в конечностях и от каждого ушиба. А вот контроль над мышцами рук и ног, то есть именно теми, с помощью которых он мог попытаться освободиться, так и не восстановился.

Все имплантированные псевдомышцы отказали. Хотя должны были работать даже в зоне поражения ядерного взрыва. Как это возможно? Кто может быть на шаг впереди СПБ по технологиям? Ни один встроенный девайс не работал. Даже палец. Хотя у того был свой источник энергии, независимый ни от работы мышц и сердца, ни от того генератора, что поставили ему в ходе процедуры «Кровавый орел». Который позволял ему не уставать и почти не спать.

Так себе оружие, конечно, этот палец, только вблизи. Но вдруг снова заработает? Вроде дергается. А ведь им можно было не только жечь и бить током, но и резать. Этот секрет надо было поберечь.

Но пока только то, что было у него от рождения, по-прежнему функционировало.

— А ты ведь такой как я, — Мэйвезер стоял рядом, глядя на него сверху вниз. — Есть еще один способ проверить. Но это более неприятно, чем вирка.

С этими словами Джошуа наставил на него свой жирный указательный палец, словно ковбой, которого играет располневший Клинт Иствуд.

— Бах!

В следующую минуту уже парализованный Синохара корчился на полу от такой боли, какой не испытывал никогда. Голову словно погрузили в котел с жидкой лавой, а по телу сверху вниз пустили ток от высоковольтной линии электропередач. Болел каждый нерв.

Но через пять минут боль прошла так же бесследно. Осталось только онемение.

— Что и требовалось доказать, — Мэйвезер все еще был рядом. — Нейроимпульс такой интенсивности убивает «нормального» человека за пять секунд или погружает в коматозное состояние. А тех, у кого всего несколько цепей в мозгу, в мозолистом теле, сломаны от редупликации гена NOVA2

во время хромосомного импринтинга, только погружает в средней интенсивности шок. Это аналогично действию «мясного трояна». Но на самом деле тот предназначен совсем не для этого.

И тут Синохара понял. Или ему дали понять, загрузив подсказки, до которых он не дошел бы сам.

Похоже, троян мог превращать людей в зомби. Не мертвых. А гаитянских. Послушных болванчиков, куда более послушных, чем жертвы пропаганды и проповедей.

Наличие такой возможности тоже было не новостью. Исследования были. Были тестовые группы. Но даже Корпус никогда не стал бы применять это массированно. То, что делалось с людьми-«франкенштейнами» — контролировало их поведение и эмоции, но не могло полностью лишить воли и разума.

Но если те Неведомые так же далеко ушли вперед в вопросах контроля поведения, как и в считывании нейронных импульсов… то не было ничего удивительного. А мораль… какая еще мораль?

— Те, кого вы называете *спаржей*… мерзкое слово, этому трояну почти не подвержены. А на нейротипичных людей он действует так, как я сказал, с вероятностью восемьдесят процентов, потому что апеллирует к генетическим программам, которые так же сильны, как влечение к половому партнеру. Ты пытался убегать от бродячей собаки? Она всегда побежит за тобой. Так же и нормальный человек — например, когда надо травить того, кто выглядит как изгой, или поддержать того, кто выглядит как лидер. Но особенно эффективно он срабатывает на тех, которые подверглись ренормализации на ваших Райских островах. Ты видел, как они друг друга замочили? Они бы убили и своего ребенка, и мать, и себя. Их «проводка» усилена там на островах искусственно с помощью одного высокомолекулярного полимера. Теперь они в каком-то смысле апофеоз нормальности, послушности и благопристойности. Нейротипичности.

«*Фрэнки*, — догадался Гарольд. — Эти два пуриста были именно *фрэнки*. Хотя я этого не знал! Их же амнистировали недавно. Сумели скрыть, мерзавцы. Хотя могли и не знать детали «нормализации», которые не афишируются в прессе. Нормализация преподносится как терапевтическая процедура. Не лоботомия. А с виду были нормальные парни, веселые, хоть и небольшого ума. И из таких нормализованных набраны многие вспомогательные части. Которые контролируют две трети территории Метрополии. Пока самые боеспособные кадровые части направлены в районы боевых действий и сдерживания инсургентов. О господи…».

— Как ты мог ей довериться? А если бы она что-нибудь напутала? — улыбка Мэйвезера стала пошлой. — Но она

молодец. Умная девочка. И симпатичная. Хотя я знаю… ты был наготове. А вот автоматике правильно не доверял. Впрочем, от вас обоих ничего не зависело. Грузовик бы и так взорвался. Мы же не звери. Нам самим нужна Женева. А вот перехватчики… включая беспилотные, совсем не нужны. Ну ладно. Времени у нас с тобой много. Вернее, в физическом мире мало. Но в нашем личном… вечность.

Гарольд вдруг понял, что все вокруг неподвижно. Можно было увидеть, как падает пылинка. И муха застыла и медленно-медленно, будто в вязком сиропе — плыла в сторону узкого окна под самым потолком, заклеенного непрозрачной пленкой и забранного решеткой. Замедление субъективного времени. Это не они придумали. Корпус такое уже применял. Но Неведомые довели до чудовищного совершенства. Как и многое другое.

Удобная штука, когда надо что-то спланировать. Или кого-то обработать так, как в обычной разведке смогут только за дни и недели. Оказать психологическое давление в кратчайшие сроки. Сломать и обратить.

— Вот видишь, — и снова у него в ушах… а может, в мозгу, зазвучал голос Джошуа. — Наш вид выведен самой природой. Для космоса. Для познания. Отрезано лишнее. Лишние страсти. Кроме древних спинномозговых потребностей. Они у нас с обычными людьми общие. Как и с котиками и сумчатыми мышами. Отрезано как хвост. Выпало, как волосы. Уменьшилось, как ненужные клыки. Эволюция — это всегда путь потерь. Слепой скульптор, отсекающий лишнее. И только потом — долгих мучительных компенсирующих приобретений. Хотя… мутации и отбор могут работать быстро. Взрослые не могли употреблять лактозу, а потом — бац! Три-шесть тысяч лет назад часть популяции получила этот полезный «дефект». Но бывает и еще быстрее. Морские цыгане, есть такая этническая группа в Азии, научились задерживать дыхание под водой по пять минут за несколько поколений. Новые виды могут возникать на наших глазах. Особенно если ускорить процесс с помощью внешних факторов и отбора. Они думают, что мы лишены эмпатии. Но эмпатия — это конструирование окружающего мира, поступков и мыслей других людей с помощью сознания. И тот, у кого другая эмпатия — живет в ином мире, параллельной вселенной. А каков их реальный мир? Чего они добились за последние сто лет? Чудом избежали ядерной войны. Ай, спасибо, какие молодцы! Но истощили Землю и довели людей до того, что две трети мечтают сожрать оставшуюся треть… настолько им кажется несправедливым дележ пирога. И они правы. Но если заменить одних на других… все останется по-прежнему. Их не изменить. Потому что это закодировано у них в

аллелях, которые они передадут своим детям. А те своим. Я говорю грубо. Я не генетик, а кибернетик. Я ведь учился в Массачусетском технологическом… бесплатно, на грант. Но бросил. Скучно, — Мэйвезер зевнул, словно подчеркивая это. — Ничего они не могли мне дать. Так вот… о чем мы говорили? Ах да… мутации. Чуть ранее появилась способность владеть рекурсивными языками. Основанная на PFS, префронтальном синтезе. Возможно, именно с этим связана неолитическая революция, тебе не кажется? Ведь те, у кого данной мутации нет, могут говорить только о том, что видят здесь и сейчас. До сих пор в джунглях Амазонки живут несколько таких племен. Тот самый Эдем, из которого мы были изгнаны. Ни вождей. Ни богов. Ни собственности. Почти как мечтают эти дурачки из Веракрус. Но они ошибаются. Дело не в плохом воспитании, не в дурном обществе. Не в собственности. А в том, что в нейронах и ДНК. Эволюция продолжается. Все остальные виды гоминидов… где они? Но им больше повезет. Они будут жить. Вот только игрушки у них отберут.

— Ты не мог бы заткнуться? — с трудом выдавил из себя австралояпонец.

Хотелось ответить ему. Возразить. Но Синохара понимал, что это психологическая уловка. Вступил в контакт — значит, уже попал под влияние.

Но он не смог удержаться и заговорил. Потому что мышцы лица и голосовые связки это было единственное, что еще было ему подвластно, помимо дыхания и сердцебиения.

— Как я понял, вы не трогаете тело, но модифицируете мозг, — произнес Гарольд, сам не зная, к чему ему это в грядущем. — До предела, который ни ученым, ни богатым бездельникам не снился. Потому что вам нечего терять. И с человечеством вас ничто не связывает.

— Очень мало. Мы ушли из Омеласа. Читал Урсулу ле Гуин?

— Читал. Вот только и вы устареете. Настоящую электронику на базе неорганики вы не догоните. Архитектура человеческого мозга чудовищно неэффективна. Полет нам подарил не орнитоптер, а самолет. Мозг как компьютер — старенький, еще мощный, но устаревающий. Его можно слегка модернизировать. Но настоящий ИИ вас превзойдет легко.

Наверно, со стороны это выглядело забавно. Муха в паутине разговаривает с пауком и пугает его птицей или кошкой. Или фермерская мясная вырезка беседует с поваром, который собирается ее приготовить. Пугает его ожирением.

— Мне нравится ход твоих мыслей, человек. Но первичной была мысль о полете. Поэтому человеческий слабый мозг —

трамплин. Кстати, а ты хорошо замаскировался под влюбленного самца коровы, — Мэйвезер засмеялся опять. — Я восхищен. Ромео, Тристан, Ланселот, горбун из Нотр-Дама. Кто еще там? Ха-ха-ха! Очаг активности перекрывал почти все и светился как рождественская… пардон… новогодняя елка. Он и сейчас чувствуется. Но нас не обмануть. На самом деле прочитать с мяса не труднее, чем из сети. А контроль над мясом установить не сложнее, чем над железом. Только частоты другие и мощность. И даже на наших это действует. Все живое можно просветить, а можно подчинить. Вопрос в цене.

Синохара не понял смысл его фразы, но стоящий над ним Мэйвезер вдруг… исчез. Будто вырезал себя из картинки, насмехаясь над законами физики.

— Кстати, индуцированные эмоции сильнее настоящих, — заговорила с ним пустота. — Может, именно они и есть настоящие. Не задумывался об этом? Ведь их ты вырастил сам… не доверяя слепой дофаминовой химии.

Мэйвезер вдруг появился в метре от того места… и опять исчез.

Как он это делает? Гарольд успел просканировать того до самых внутренностей. У него не было прибора невидимости! Его одежда была обычной, без покрытия каким-то слоем, даже толщиной в один атом…

В теории, клетки его кожи могли быть изменены неким невероятным образом… но это тоже показало бы сканирование. Да и одежда осталась бы видимой.

Скорее всего, он использовал конструктивные дефекты в человеческих сенсорных системах. Навел на него частичную слепоту, увеличил слепые пятна, совпадающие с контуром его силуэта. Или просто запретил его сознанию воспринимать корректно передаваемый зрением объект в виде человеческой фигуры.

Скорее всего, для этого использовались электромагнитные поля. Но Гарольд ничего не зафиксировал. Его сенсоры сдохли бесповоротно.

— Видишь, мы на шаг впереди вас, — раздался голос из пустоты. — Это немного. Но это тот самый шаг, который отделает нас от вечности.

Секунду спустя Мэйвезер появился с противоположной стороны от него. К счастью, движениями глаз пленник еще мог управлять.

— Ты защищал их мир. Но есть ли в нем то, что стоит сохранить? Оно пробуждается. Или она. Не важно. Решай, с кем ты. Время еще есть. А пока посмотри.

Он включил ему полный допуск к сетям… только сейчас Гарольд понял, что все последние полчаса имел неполный доступ даже к своему командованию. Между ними был фильтр. И он ничего не отправил действительно важного и никого не оповестил. У СПБ были только подозрения. Но ответов не было. И фальшивый Синохара наверняка сейчас говорил им что-то, что их на время успокоит.

Все это был обман и игра. Чтоб выиграть это самое время.

А теперь глумящийся над ним постчеловек рассказывал ему о планах, как злодей в фильмах про Джеймса Бонда.

Но вдруг связь появилась. Но, конечно, только на прием, а не передачу. Но с допуском на уровне генерала, министра или депутата Мирового совета. К закрытым сетям театров военных действий, СПБ, корпораций и местных властей. Ко всему сразу.

И Гарольд увидел. С миром что-то происходило. И это что-то показалось австралояпонцу похожим на маленький апокалипсис. На готовящееся извержение, которое еще скрыто под толщей горных пород.

Он смотрел на фронты, на лояльный тыл Содружества и мировые столицы. Где-то царила странная активность, люди концентрировались в толпы и мелкие группы. Кто-то кидал камни и бутылки, шли отдельные перестрелки, поднимался дым, выкрикивались лозунги, но в большинстве мест все было тихо. На его глазах прекращались стычки, погромы и целые битвы, например, на Мексиканском ТВД и в Южной Америке.

И люди… иногда они застывали. Глядя на экраны и в пустоту — в экраны у них в глазах. Что они там видели? Это длилось секунды или минуты. Потом они возвращались к своим делам. И можно было только гадать, что менялось в них за эти секунды.

Но Синохара думал о другом. О том, что ему не показали, потому что даже самоуверенность этого чудовища, притворяющегося весельчаком-толстяком, так далеко не простиралась. Но он знал сам. Что далеко в космосе, гораздо выше, чем «Дамоклы» в сотнях километров, на высоте тридцати шести тысяч «км.» над уровнем моря кружатся на геосинхронной орбите платформы, похожие на линзы или на раскрывшиеся лепестки диковинных цветков. Их размер в развернутом виде завораживал даже при наблюдении в обычный бинокль. Это были «Гелиосы». Отражатели. Новое слово в генерации экологически чистой энергии. Строительство велось международным консорциумом, управление осуществлялось коллегиально, но контрольным пакетом в 51 % акций (с правом вето) обладала Китайская Народная Республика. Но контроль был плотным со стороны всех членов Содружества.

А кто ими управляет теперь? В прессе говорили миллион раз, что их нельзя использовать как оружие. Что невозможно сжигать ими города как муравья лупой. Что это паранойя. Что контроль над ними перехватить невозможно. Но в СПБ, конечно, знали больше.

С поверхности возможно их достать. Но все способные сделать это ракеты находятся в трех-четырех точках на Земле. А если «Гелиосы» способны наделать шороху внизу раньше, чем их собьют… то единственным средством против них будет равновесие страха… угроза уничтожения их хозяина. Но что если старый хозяин сам их не контролирует? А риск бомбардировки какой угодно страны для новых хозяев, захватчиков ничего не значит.

Ему хотелось бы ошибаться. Но более эффективного «пистолета у виска» он не мог представить.

А орбитальные перехватчики, которые могли эти зеркала сбить без проблем… уничтожены целиком.

Шах и мат.

«Вознесение для ботаников началось?» — была его последняя мысль.

А потом наступила тишина. Все каналы были обрезаны. Не только электронные. Но и те, которые даются человеку от природы. Сенсорная депривация…

Синохара погрузился в темноту, которая длилась долго. Очень долго. Его оставили одного, чтоб он подумал и принял решение. Оставили на считанные минуты. Но для него они будут тянуться вечность.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». И.В. Гете "Фауст".